СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXIX-XXX

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXIX-XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор
Б. А. Рыбаков

Заместитель ответственного редактора
А. Я. Брюсов

Ответственный секретарь
И. Т. Кругликова

Члены редколлегии:
Б. Б. Пиотровский, А. Л. Монгайт, Д. Б. Шелов

СТАТЬИ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ОЧЕРКИ ПО ПАЛЕОЛИТУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. II[1]

3. ПРОБЛЕМА СТРАТИГРАФИЧЕСКИ УСТАНОВЛЕННОГО ДОСОЛЮТРЕЙСКОГО ОРИНЬЯКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

В странах Центральной Европы позднепалеолитические культурные слои, не содержащие солютрейской отжимной ретуши и солютрейских кремневых наконечников и перекрытые позднепалеолитическими слоями, в которых встречаются орудия, обработанные солютрейской отжимной ретушью, и солютрейские кремневые наконечники,— т. е. ориньякские культурные слои, перекрытые солютрейскими,— почти не известны. Единственным поселением такого типа является румынский грот Стынка Рипичень, расположенный на правом берегу Прута[2]. Два его нижних культурных слоя относятся к досолютрейскому ориньяку[3].

Необходимо подчеркнуть, что комплексы кремневых орудий каждого из четырех сменяющих друг друга культурных слоев Стынка Рипичень имеют ближайшие аналогии в комплексах кремневых орудий, найденных в однослойных и многослойных позднепалеолитических стоянках Поднестровья, отделенных несколькими десятками километров от Стынка Рипичень. Среди этих стоянок Поднестровья можно выделить аналогичные и, вероятно, одновременные каждому из слоев Стынка Рипичень.

Другие поселения, в которых зафиксированы позднепалеолитические культурные слои, перекрытые солютрейскими культурными слоями, известны уже за пределами стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Подобными поселениями, ближе всего расположенными к территории, нас интересующей, являются пещеры Зиргенштейн и Большой и Малый Офнет в юго-западной Германии[4].

Пещера Зиргенштейн раскапывалась в 1906 г. Р. Шмидт констатировал здесь раннеориньякский слой, залегавший над мустьерским и содержав-

---

[1] Окончание. См. СА, XXVII, стр. 29—70.

[2] N. Moroşan. La station paléolithique de grotte de Stânca Ripiceni. «Dacia», V—VI, Bucureşti, 1938; его же. Le pléistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. «Anuarul Institutului Geologic al României», XIX, Bucureşti, 1938; П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 102—105.

[3] Употребляя термин «ориньяк», я не хочу ставить знак равенства между этими нижними слоями Стынка Рипичень и ориньякскими культурными слоями территории Франции. Я лишь констатирую, что здесь, на берегу Прута, как и к западу от Рейна, развитие позднепалеолитической техники и культуры начинается с культурных комплексов, еще не содержащих высокосовершенной солютрейской отжимной ретуши и высокосовершенных солютрейских кремневых наконечников.

[4] R. Schmidt. Die diluviale Vorzeit Deutschlands. Stuttgart, 1912.

ший ряд мустьерских орудий, концевые скребки, большей частью короткие и массивные, небольшое количество резцов и маленьких изогнутых острий, приближающихся к типу абри Оди, а также немного костяных орудий. В вышележащем слое, относимом Р. Шмидтом к развитому ориньяку, обнаружены многочисленные ладьевидные скребки, кругом обработанные ретушью, отретушированные пластины с выемками, некоторое количество резцов и пластинки с подтеской с брюшка. Среди костяных орудий представлены лощила, наконечники и шилья.

Над этим слоем залегал позднеориньякский слой, для которого характерны орудия несколько меньших размеров, значительное количество резцов разных типов, в том числе — скошенных, и острия типа Граветт. В этом слое также имеются мустьерские формы.

Этот слой был перекрыт раннесолютрейским слоем. Кремневый инвентарь последнего состоял из острий типа Граветт, наконечников с выемкой, листовидных наконечников, обработанных со спинки, а иногда и с брюшка солютрейской отжимной ретушью. Резцы, главным образом боковые,— небольших размеров; скребки — двойные и обыкновенные, тоже небольших размеров.

Выше залегали два мадленских культурных слоя. В кремневом инвентаре этих слоев обильно представлены маленькие пластинки с затупленным краем и небольшие круглые скребки. Фауна этих слоев характеризуется арктическими грызунами.

В обеих пещерах — Большой и Малый Офнет,— раскапывавшихся главным образом Р. Шмидтом (в пещере Большой Офнет еще до Шмидта производил раскопки Фраас), обнаружено по нескольку ориньякских культурных слоев, содержавших, в частности, острия типа Шатель-Перрон и скошенные резцы. Эти слои были перекрыты культурными слоями с типичными солютрейскими листовидными кремневыми наконечниками.

Еще выше в обеих пещерах залегали мадленские культурные слои с многочисленными резцами и миниатюрными пластинками и остриями с затупленным краем. В пещере Большой Офнет над мадленским слоем было обнаружено известное раннемезолитическое погребение человеческих черепов.

Следует критически отнестись к описываемым Р. Шмидтом стратиграфическим колонкам гротов Зиргенштейн, Большой и Малый Офнет. Заслуживает внимания, что раскопки Р. Шмидта в гроте Зиргенштейн, давшие такую наглядную стратиграфическую колонку, в которой представлены почти все эпохи палеолита, производились в 1906 г. Это был год, пожалуй, наибольшего распространения «ориньякского увлечения» среди западноевропейских археологов, когда последователи А. Брейля и Г. Обермайера, пытаясь опровергнуть утверждения еще не до конца разбитых последователей Г. Мортилье, стремились везде и всюду увидеть или даже попросту сконструировать досолютрейский ориньяк, в том числе и в тех случаях, когда, несомненно, был налицо гораздо более поздний культурный комплекс[5].

Значительный интерес представляют критические замечания по поводу описаний и конструкций Р. Шмидта, содержащиеся в книге Л. Цотца[6].

[5] В 1906 г. в Монако состоялась XIII сессия Международного конгресса антропологии и доисторической археологии. На этой сессии разгорелась наиболее ожесточенная борьба между последователями Г. Мортилье и А. Брейлем и его последователями.

[6] L. F. Zotz. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas. Stuttgart, 1951, стр. 81—86, см. также Gisela Freund. Die Blattspitzen des Paläolithikums in Europa. Bonn, 1952.

Как указывает Л. Цотц, данное Р. Шмидтом для Зиргенштейна определение девяти перекрывающих друг друга культурных слоев с разновременными культурными остатками, охватывающими эпохи от мустьерской до мадленской, было расценено как сомнительное еще А. Пенком. Л. Цотц также считает приводимый Шмидтом для Зиргенштейна разрез сомнительным. Получается слишком уж быстрое и наглядное развитие палеолитической культуры! Между тем в однородном по окраске и содержимому слое невозможно выделить горизонты по 10—15 см толщиной каждый, четко различающиеся между собой. К тому же эти горизонты, в отличие от культурных слоев Стынка Рипичень, не разделены прослойками, не содержащими культурных остатков. Далеко не во всех горизонтах Зиргенштейна представлены фаунистические остатки.

Л. Цотц отрицает наличие в Зиргенштейне типичного, хорошо выраженного солютрейского культурного слоя, залегающего между ориньякским и мадленским культурными слоями. В то же время Цотц признает наличие в Зиргенштейне отдельных листовидных протосолютрейских кремневых наконечников, залегающих над ориньякским культурным слоем.

Такие же замечания можно сделать и относительно раскапывавшейся Фраасом, а позднее Р. Шмидтом, пещеры Большой Офнет[7]. Стратиграфические различия между отдельными культурными слоями здесь не прослеживаются. В связи с этим нужно осторожно отнестись к констатации Р. Шмидтом залегания солютрейских кремневых наконечников между ориньякским и мадленским культурными слоями.

В пещере Малый Офнет, по Р. Шмидту, раннесолютрейский культурный слой залегал между позднеориньякским и позднемадленским культурными слоями; последовательность культурных слоев была почти совершенно такая же, как в Большом Офнете. Но воспроизведенные Шмидтом в его книге листовидные наконечники из Малого Офнета происходят из старых раскопок этой пещеры; они, как и сопровождавший их инвентарь, не могут считаться стратиграфически определенными. Этот инвентарь Р. Шмидт лишь условно, на основании характера обработки краев и степени патинизации, отнес к солютрейской эпохе. Сам же Р. Шмидт во время своих раскопок в Малом Офнете нашел в так называемом солютрейском слое лишь одно кремневое острие, несколько пластинок и осколков кремня, а также обгорелые косточки.

Л. Цотц считает сомнительным, что в Малом Офнете в пласте общей толщиной всего лишь 70 см можно было бы выделить три ориньякских культурных слоя, один солютрейский и один мадленский.

Интересные результаты дали новые раскопки в Малом Офнете, проведенные с 1933 по 1936 гг.: открыты верхний, мезолитический культурный слой, а в самом основании пещеры — мустьерские культурные остатки. В одном из разрезов солютрейский культурный слой не был обнаружен, но в «ориньякском» культурном слое найден солютрейский лавролистный наконечник.

В другом разрезе (раскопки 1936 г.) между ориньякским и мадленским культурными слоями залегала культурная прослойка (толщиной 5 см) с «солютрейским влиянием»[8].

Таким образом, наглядные и четкие схемы и констатации Р. Шмидта, относящиеся к пещерам Зиргенштейн, Большой и Малый Офнет, при ближайшем рассмотрении оказываются подогнанными в угоду хронологической схеме Брейля.

---

[7] L. F. Zotz. Ук. соч., стр. 160 и сл.
[8] L. F. Zotz. Ук. соч., стр. 161.

Но даже критическое, придирчивое рассмотрение схем Р. Шмидта заставляет признать, что во всех трех пещерах юго-западной Германии — Зиргенштейне, Большом и Малом Офнете — солютрейская отжимная ретушь, солютрейские высокосовершенные кремневые наконечники не появляются в самом начале позднего палеолита и не вырастают непосредственно из мустьерской кремневой техники, представленной в самых нижних культурных слоях этих пещер. Отсутствуют солютрейские отжимная ретушь и кремневые наконечники также в самых верхних, мадленских слоях указанных пещер. Материалы этих трех пещер юго-западной Германии, как и материалы грота Стынка Рипичень, несмотря на все натяжки, преувеличения и сомнительные констатации Р. Шмидта, подтверждают факт появления солютрейской техники в середине позднего палеолита, между ориньяком и мадленом — тот факт, что развитие позднепалеолитической техники и культуры на достаточно обширных пространствах европейской приледниковой области начинается с комплексов более древних, чем солютрейские, т. е. с ориньякских.

Одновременно следует учесть, что Зиргенштейн, Большой и Малый Офнет находятся не очень далеко от западной границы Германии и, таким образом, территориально тяготеют к группе французских позднепалеолитических поселений с их бесспорно установленным досолютрейским ориньяком. Встает вопрос — есть ли какие-либо поселения со стратиграфически установленным досолютрейским ориньяком собственно на территории Центральной Европы, на пространстве между гротом Зиргенштейн и Стынка Рипичень?

Таким поселением является известный Виллендорф в Австрии, плохо опубликованный и мало (за исключением знаменитой женской статуэтки) известный.

На левом берегу Дуная, в 20 км выше Кремса, близ Виллендорфа палеолитические культурные остатки найдены в 7 местах[9]. Важнейшее из этих местонахождений — Виллендорф II. Оно раскапывалось И. Байером в 1908—1909, 1913 и 1926—1928 гг. (в раскопках 1908—1909 гг., кроме И. Байера, принимали участие Г. Обермайер и И. Шомбати). Следует отметить характерную для И. Байера тщательность методики раскопок, — более совершенной, чем методика, применявшаяся большинством современных ему исследователей палеолита. Это позволило И. Байеру еще в 1919—1920 гг. раскрыть на сравнительно широкой площади позднепалеолитическое жилье в другом австрийском поселении — Ланг-Маннерсдорфе[10]. Факты, установленные И. Байером во время раскопок в Виллендорфе II, заслуживают пристального внимания.

В Виллендорфе II было обнаружено в лёссе 9 позднепалеолитических культурных слоев, перекрывавших друг друга; толщина каждого слоя —

[9] Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, стр. 335—337; J. Szombathy. Die diluvialen Kulturschichten von Willendorf. «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd. XXX, Sitzungsberichte der anthropologischen Gesellschaft in Wien, Jahrgang 1909—1910, стр. 4—9, Wien, 1910; J. Bayer. Die Venus II von Willendorf. «Eiszeit und Urgeschichte», VII, Wien, 1930; K. Kromer. J. Bayers «Willendorf II». Grabung im Jahre 1913. «Archaeologia Austriaca», H. 5, Wien, 1950; F. Eppel. Die Herkunft der Venus I von Willendorf. «Archaeologia Austriaca», H. 5, Wien, 1950; R. Pittioni. Urgeschichte des österreichischen Raumes, Wien, 1954, стр. 57 и сл.

[10] J. Bayer. Der Mammutjägerhalt der Aurignaczeit bei Lang-Mannersdorf a. d. Perschling (Nieder-Österreich). «Mannus», 13. Leipzig, 1922; W. Angeli. Der Mammutjägerhalt von Lang-Mannersdorf a. d. Perschling. «Mitteilungen der Prähistorischen Kommission der Österreichischer Academie der Wissenschaften», Bd. VI, Wien, 1952—1953. Ср. П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху. Л., 1931, стр. 53, 54.

от 10 до 30—40 см (в местах утолщений — линз). Культурные слои были разделены прослойками лёсса, почти не содержавшими культурных остатков.

В самом нижнем I слое найдены, кроме костей и угольков, только атипичные обломки камня. В вышележащем II слое встречено небольшое количество кремневых орудий, по мнению И. Шомбаты, нижнеориньякских типов: прямые и изогнутые острия, ладьевидные и нуклевидные скребки, скребки на концах удлиненных пластинок.

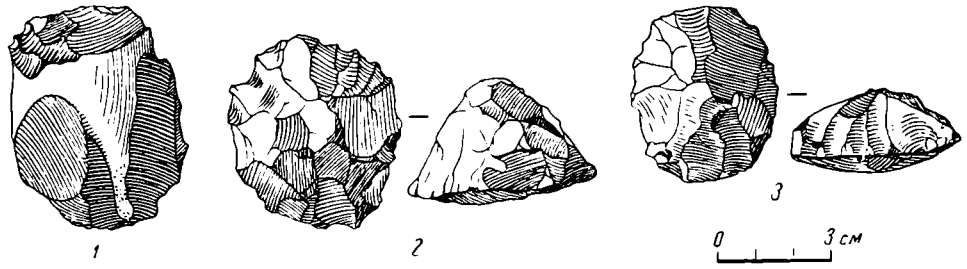

Рис. 1. Виллендорф II. Кремневые изделия из IV культурного слоя. (По К. Кромеру).

1 — нуклеус; *2*, *3* — ладьевидные скребки.

Кремневые орудия, обнаруженные в III слое, очень сходны с найденными во II слое. В IV слое преобладали маленькие ладьевидные скребки (рис. 1). Встречены также круглые нуклевидные скребки, вырезанная из оленьего рога рукоятка кремневого орудия и костяные острия. В V слое характер кремневых орудий несколько меняется. Здесь найдены резцы, миниатюрные острия с затупленным краем, концевые скребки и симметричные острия (рис. 2), но еще без солютрейской отжимной ретуши; обнаружено также молоткообразное орудие из оленьего рога, напоминающее экземпляры из Мезина и Чулатова I.

Следующие слои — VI, VII и VIII — были разделены тонкими прослойками и во многих местах соприкасались. В них представлены те же кремневые орудия, что и в нижних слоях, а также небольшое количество острий солютрейского характера, частично обработанных отжимной ретушью с брюшка. В VII слое найдены обломок костяного наконечника и ряд костяных острий, в VIII слое — рукоятки для кремневых орудий, сделанные из отрезков рога северного оленя.

Самый верхний IX слой содержал многочисленные узкие кремневые пластинки с затупленным краем, резцы, скребки, а также наконечники с выемкой, обработанные по краям мелкой затупляющей ретушью, и в небольшом количестве — острия, частично обработанные отжимной ретушью с брюшка (рис. 3). Из других находок, сделанных в этом слое, следует отметить 2 удлиненных голыша, возможно, служивших для растирания корней и минералов.

С IX слоем поселения Виллендорф II связаны находки обеих женских статуэток, обнаруженных в 1909 и 1926 гг. Большой интерес представляют условия залегания второй статуэтки [11]. Люди, оставившие верхний, IX культурный слой, выкопали яму с отвесными стенками, глубиной 1 м, прорезав при этом нижележащие слои. Сверху ширина ямы была свыше 1 м. На этой глубине яма образовывала выступ, на котором лежали статуэтка и нижняя челюсть мамонта. В суживавшейся нижней части ямы

[11] J. B a y e r. Die Venus II von Willendorf.

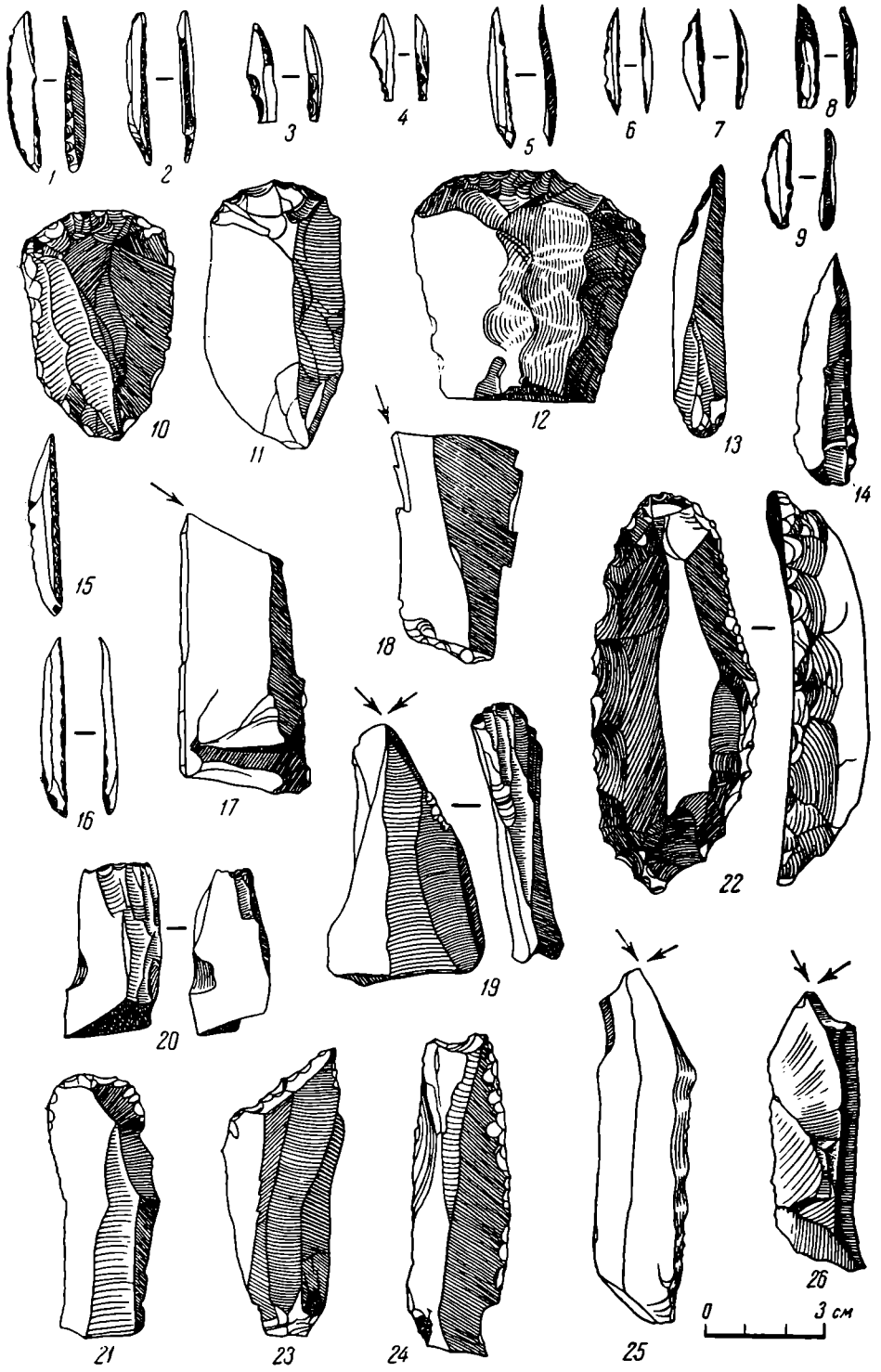

Рис. 2. Виллендорф II. Кремневые изделия из V культурного слоя. (По К. Кромеру).

1—9, 15, 16 — миниатюрные пластинки и острия с затупленным краем; *10—12, 21, 22* — концевые скребки; *13, 14*— острия; *17—20, 25, 26* — резцы, симметричные острия; *23, 24* — пластины с регушью.

обнаружены вторая нижняя челюсть и лопатка мамонта, находившиеся на большой плите песчаника. Внизу лежала крупная кремневая пластина.

Эта картина близко напоминает ямы, обнаруженные в Костенках I и других позднепалеолитических поселениях на территории СССР и представляющие собой один из составных элементов позднепалеолитического

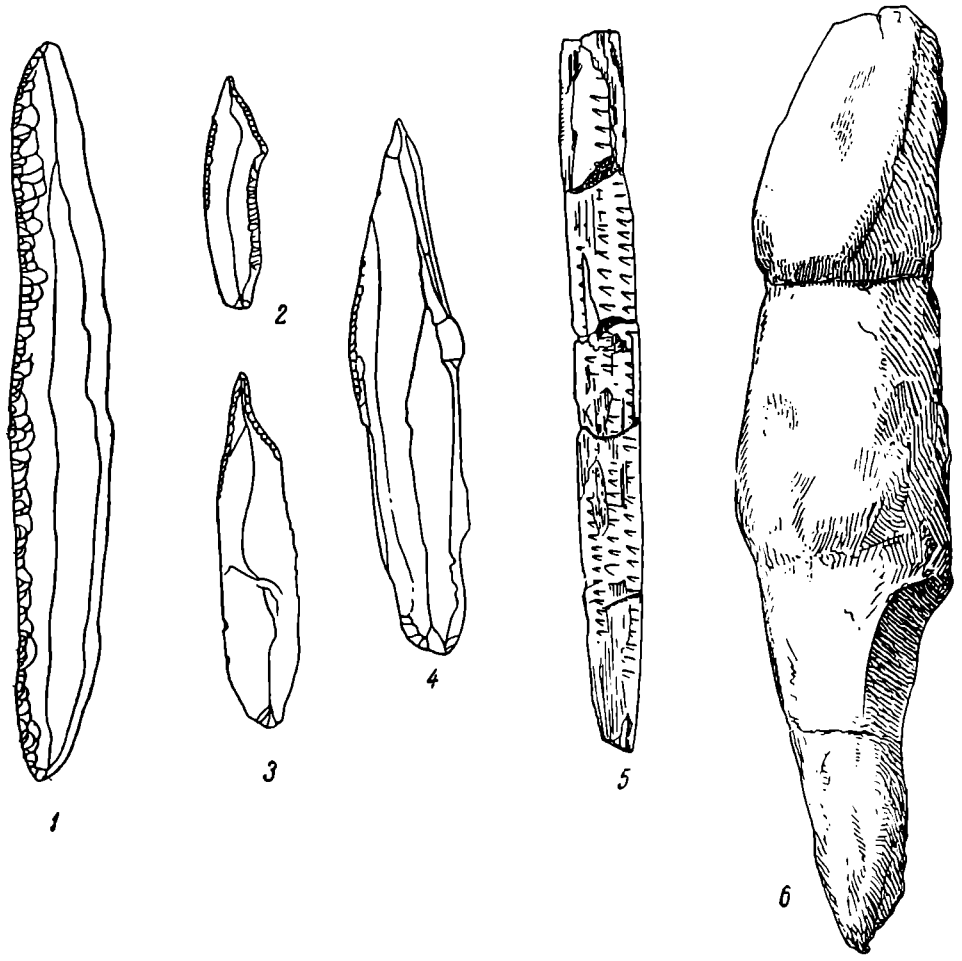

Рис. 3. Виллендорф II. Находки из IX культурного слоя. (По Ф. Эппелю).

1 — кремневая пластина с ретушью; *2* — кремневый наконечник с выемкой; *3* — кремневая проколка; *4* — кремневый резец; *5* — кость с нарезками; *6* — вторая женская статуэтка. $^2/_3$ нат. вел.

жилища. Едва ли можно согласиться с И. Байером, рассматривающим виллендорфскую яму и ее содержимое как охотничью жертву.

На раскопанном И. Байером поселении Виллендорф I обнаружены кремневые орудия, совершенно аналогичные кремневым орудиям из верхних культурных слоев поселения Виллендорф II. Среди кремневых наконечников с выемкой встречены экземпляры, частично обработанные отжимной ретушью с брюшка, напоминающие наконечники из Костенок [12]. Заслуживает особого внимания находка в культурном слое Виллендорфа I

[12] Ср. С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарина. Палеолит СССР. ИГАИМК, вып. 118, 1935, стр. 53, рис. 16.

нескольких плоских галек, подшлифованных по краям; одна из них просверлена. Эта находка близко напоминает Костенки IV и Буреть.

Сопоставление культурных остатков, происходящих из культурных слоев поселения Виллендорф II, показывает большую близость и тесную связь всех 9 культурных слоев. От самого нижнего к самому верхнему слою техника обработки камня развивалась постепенно, через ряд промежуточных ступеней. Можно предполагать, что если не все 9 слоев, то значительная их часть была оставлена одним и тем же населением на разных этапах его развития.

Тесную связь всех 9 слоев, отсутствие между ними разрывов, следует сопоставить с наличием в верхних слоях небольшого количества кремневых орудий солютрейского типа, с частичной солютрейской ретушью (листовидные орудия, наконечники с выемкой). Можно сделать вывод, что нижние слои Виллендорфа II относятся к досолютрейскому ориньяку и оставлены предками людей, населявших эти же места; потом у них начали постепенно вырабатываться солютрейская отжимная ретушь и солютрейские кремневые наконечники.

Материалы Виллендорфа являются ценным дополнением и подкреплением материалов Стынка Рипичень, Зиргенштейна, Большого и Малого Офнета. Ориньякские и солютрейские культурные слои Стынка Рипичень довольно сильно различаются между собой характером происходящих из них культурных остатков. Мы не можем с уверенностью сказать, что они принадлежали одному и тому же роду, только находившемуся на разных ступенях развития техники и культуры. В отличие от этого о значительной части культурных слоев Виллендорфа II, как и о двух культурных слоях Кирилловского позднепалеолитического поселения и многочисленных культурных слоях позднепалеолитических стоянок порожистой части Днепра,— такое предположение высказать можно.

Чертами тесной генетической связи между собой культурные слои Виллендорфа II отличаются не только от Стынка Рипичень, но и от таких многослойных поселений, как, скажем, Костенки I, культурные слои которых, вероятно, принадлежали различным, сменявшим друг друга в этих местах родовым группам, находившимся на разных ступенях развития техники и культуры.

Наши замечания, посвященные интерпретации культурных слоев Виллендорфа II, носят по необходимости предварительный характер, так как материалы этого интереснейшего поселения опубликованы очень неполно и отрывочно.

Нередко в литературе упоминаются ориньякские находки, сделанные в двух широко известных гротах Чехословакии — в Дзеравой скале и Пекарне, расположенных в 100—150 км к востоку и северо-востоку от Виллендорфа.

Грот Дзеравая скала (венгерское его название — Палфи) находится недалеко от Братиславы. Старыми раскопками И. Гиллебранда, производившимися еще в 1912—1913 гг., под слоем с протосолютрейскими листовидными кремневыми наконечниками, в самом нижнем культурном слое грота были обнаружены несколько кремневых пластин и костяной наконечник с рассеченным основанием[13].

---

[13] J. Hillebrand. Die ältere Steinzeit Ungarns. «Archaeologia Hungarica», XVII, Budapest, 1935; J. Skutil. Paleolitikum Slovenska a Podkarpatskej Rusi. Turčiansky Svätý Martin, 1938, стр. 67—73; M. Mottl. Faunen, Flora und Kultur des ungarischen Solutréen. Quartär, I, 1938; H. Breuil. Notes de voyage paléolithique en Europe Centrale. «L'Anthropologie», XXXIII, Paris, 1923.

Однако раскопки, произведенные в Дзеравой скале в 1950 г. под руководством Фр. Прошека[14], заставили исправить некоторые выводы И. Гиллебранда. Как указывает Прошек, под залегавшим в гумусе неолитическим культурным слоем (№ 1) находились 3 маловыразительных слоя, из которых нижний носил следы глациодислокации. Еще ниже залегал культурный слой (№ 5), датируемый Ф. Прошеком позднеориньякским временем. На наш взгляд, опубликованные Фр. Прошеком рисунки кремневых орудий, происходящих из этого слоя, производят впечатление не позднеориньякских, а позднемадленских; они напоминают орудия, происходящие из верхнего культурного слоя Стынка Рипичень. Здесь найдены короткие двойные скребки (некоторые из них переходят в округлые), миниатюрные острия в форме клинка перочинного ножа и даже настоящая трапеция. Этот слой подстилался самым нижним культурным слоем Дзеравой скалы, в котором найдены несколько довольно грубых, обработанных с двух поверхностей, солютрейских кремневых наконечников, проколка, резец, острия с затупленным краем и около 20 костяных наконечников младечского типа, овальных в сечении, с рассеченным основанием, подобных экземпляру, найденному И. Гиллебрандом.

Таким образом, раскопки 1950 г. не обнаружили в Дзеравой скале позднепалеолитического культурного слоя, который залегал бы под солютрейским, а, напротив, показали, что здесь типичные солютрейские кремневые наконечники сочетаются с костяными наконечниками с рассеченным основанием, которые в Западной Европе считаются специфической принадлежностью ориньяка.

В гроте Пекарне, иначе именуемом Костелик, раскопками Абсолона и Чижека в 1926 и 1927 гг. было обнаружено несколько ориньякских слоев, перекрытых генетически тесно связанными с ними мадленскими[15]. О мадленских слоях Пекарны с их замечательными костяными орудиями и произведениями искусства нам еще придется говорить в дальнейшем. Сейчас же заслуживает внимания упоминание Л. Цотца о том, что отдельные кремневые орудия с солютрейской ретушью найдены в Пекарне в позднеориньякском слое, т. е. выше ориньякских и ниже мадленских орудий[16]. Отдельные листовидные кремневые наконечники в Пекарне находили и раньше, но в перемешанных слоях, т. е. без точной документации.

Таким образом, отмечаемые в Чехословакии следы досолютрейского позднепалеолитического ориньяка недостаточно твердо документированы. В Венгрии позднепалеолитические культурные слои, залегавшие под солютрейскими, нигде не обнаружены[17]; не отмечены они и в Польше.

Между тем на интересующих нас территориях Центральной и Юго-Восточной Европы количество многослойных позднепалеолитических поселений исчисляется многими десятками. Некоторые из них содержат культурные слои ориньякского времени, перекрытые культурными слоями, относимыми к мадленскому времени. Но почему-то солютрейские слои

---

[14] Fr. P r o š e k. Výzkum jeskyně Dzeravé skaly v Malých Karpatech. «Archeologické rozhledy», ročn. III, s. 4, Praha, 1951.

[15] J. S k u t i l. Übersicht der mährischen paläolithischen Funde. «Swiatowit», t. XVI, 1934/1935, Warszawa, 1936; C. A b s o l o n. L'aurignacien très ancien ou pseudomoustérien en Moravie. «Comptes-rendus de l'Ass. Française pour l'avancement des sciences». Congrès de Constantine, 1927.

[16] L. F. Ž o t z. Ук. соч.

[17] M. M o t t l. Das Aurignacien Ungarns. Quartär, IV, 1942; рецензия: R. V. (a u f r e y) — «L'Anthropologie», LI, 1947, стр. 286—288; М. Г а б о р и. Солютрейская культура Венгрии. «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. III, Budapest, 1953.

между ними не вклиниваются. На всех этих территориях, особенно в Венгрии, солютрейская техника и культура представлены очень богато и многообразно.

В связи с этим возникает вопрос о критериях, позволяющих относить к ориньякскому времени позднепалеолитические культурные слои, не перекрытые солютрейскими, о критериях, позволяющих отделять эти слои от мадленских, также не содержащих солютрейских отжимной ретуши и кремневых наконечников, наконец, о правильности отнесения к ориньякскому времени всех тех находок, которые обычно в Центральной Европе датируются ориньяком.

Хронологизировать мадленские культурные остатки позволяют сопровождающие их остатки фауны, наличие развитых форм костяных изделий,— таких, как гарпуны и иглы с ушком,— распространение кремневых орудий, изготовленных из коротких сечений пластинок и приобретающих геометризированные очертания: маленьких двойных скребков, округлых скребков, небольших боковых резцов, острий в форме клинка перочинного ножа. Но приходится признать, что критерии отнесения к ориньякскому времени позднепалеолитических культурных слоев, не перекрытых солютрейскими, являются очень неопределенными и шаткими.

Многие кремневые орудия (например пластинки с подтеской с брюшка), объявленные для территории Франции показателями ориньякского возраста местонахождения, на самом деле даже для территории той же Франции такими показателями не являются и встречаются в значительном числе в поздних, мадленских стоянках[18]. Тем более нельзя считать показателем ориньякского возраста того или иного местонахождения Центральной Европы наличие в нем отдельных форм кремневых орудий, встречающихся в ориньякских культурных слоях Франции (острия с затупленным краем, нуклевидные скребки и т. д.).

Вспомним, что значительная часть позднепалеолитических поселений Европейской части СССР, относимых большинством зарубежных археологов к ориньякскому времени, в результате исследований советских археологов,— в первую очередь П. П. Ефименко и С. Н. Замятнина,— передатирована; сопоставление этих поселений с другими позднепалеолитическими поселениями, расположенными в соседних местах, выявило их мадленский возраст. Попутно было показано, что на позднепалеолитических стоянках Европейской части СССР нуклевидные орудия, так же как небольшие острия с затупленным краем, напоминающие тип Граветт, распространились именно в мадленское время.

Таким образом, критерии определения ориньякского возраста того или иного изолированного палеолитического поселения Центральной Европы являются по преимуществу негативными: отсутствие в культурном слое солютрейской отжимной ретуши, солютрейских кремневых наконечников, отсутствие характерных только для мадленской эпохи костяных изделий, типичных кремневых проколок, значительных серий маленьких скребков и резцов, изготовленных из коротких сечений пластинок с правильным параллельным огранением, при наличии в то же время позднепалеолитической кремневой техники и позднепалеолитических кремневых орудий.

Материалы позднепалеолитических поселений Европейской части СССР показывают, что даже такие, казалось бы, датирующие формы, как кремневые наконечники с выемкой, могут встречаться не только на позднеориньякских стоянках, но и на стоянках, открывающих собой мад-

[18] П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья. Вестник ЛГУ, 1948, № 2.

ленское время (Боршево I, Погон) и обнаруживающих в своем кремневом инвентаре ряд признаков тесной связи со стоянками позднемадленскими.

Ориньякский возраст многих позднепалеолитических поселений Центральной Европы следует считать недоказанным. Это относится прежде всего к ряду пещер Чехословакии (Бычи скала, Кульна и др.) и Польши (Мамонтова пещера), в которых обнаружены ориньякские слои, перекрытые непосредственно мадленскими [19]. Культурные остатки, найденные в тех и других слоях, очень сходны между собой; эти пещеры со всеми их слоями можно относить к поздним ступеням развития позднепалеолитической культуры, когда возросла плотность населения и шире распространились стоянки с рядом перекрывающих друг друга, близких по времени культурных слоев.

Следует также передатировать и ряд стоянок, расположенных на открытом воздухе. Например, по нашему мнению, у Б. Дубского [20] не было достаточно оснований отнести к развитому ориньяку открытую им в 1936 г. стоянку Ражице у г. Писек, в которой найдены короткие обыкновенные и двойные скребочки, проколки и резцы, главным образом бокового типа.

В свое время, при рассмотрении позднепалеолитических стоянок Поднестровья, пришлось многие из них, которые ранее датировались ориньяком, как например Лисичники, отнести к мадлену и даже не к самому его началу. Сходной операции должны, видимо, подвергнуться многие позднепалеолитические стоянки Центральной Европы, также датируемые ориньяком.

Основной путь выделения поселений, относящихся к самому раннему, досолютрейскому времени позднего палеолита, намечен работами советских исследователей палеолита на Дону, Десне, Днестре, Енисее, в Грузии и ряде других мест; этот путь сводится к установлению на более или менее ограниченной территории нескольких разновременных культурных комплексов, выяснению их соотношения во времени и созданию, таким образом, шкалы, пригодной для сопоставления с позднепалеолитическими памятниками более отдаленных районов. Говоря об этом пути, я исхожу из представлений о закономерном и последовательном, проходившем через ряд ступеней, развитии позднепалеолитической техники, начиная с времени, непосредственно сменяющего мустьерское, и кончая переходом к мезолиту. Последовательность и закономерность развития позднепалеолитической техники нельзя противопоставить тому, также бесспорно установленному факту, что имела место значительная неравномерность развития отдельных позднепалеолитических родовых общин, изолированных, разделенных большими не заселенными пространствами. Одни родовые общины могли несколько отстать на пути развития техники, другие — несколько уйти вперед.

Признанию последовательности и закономерности развития позднепалеолитической техники не противоречит существование в позднем палеолите локальных различий в развитии культуры, пока еще, правда, незначительных и охватывавших весьма обширные территории.

Хотелось бы подчеркнуть, что неправильно рассматривать существенные различия в кремневой и костяной технике, в устройстве жилищ отдельных, недалеко расположенных друг от друга позднепалеолитических

---

[19] J. S k u t i l. Übersicht der mährischen paläolithischen Funde; Albin J u r a. Das Aurignacien in Polen. Quartär, I, 1938; L. K o z l o w s k i. Die ältere Steinzeit in Polen. Die Eiszeit, Bd. II, H. II, 1925.

[20] B. D u b s k ý. Paleolitická stanice u Rašic na Písecku. «Památky Archaeologické», nové řady, ročnik VI—VIII (dil. 41), Praha, 1939.

поселений как этнический показатель; неправильно считать определенные формы кремневой техники и орудий позднего палеолита специфическими, присущими только определенным этническим группам, у которых они существовали, мало изменяясь на протяжении всего позднего палеолита, в то время как у других групп, живших по соседству, тоже на протяжении всего позднего палеолита, были совсем другая техника, другие орудия, другое устройство жилищ.

В своей монографии М. Е. Фосс [21] справедливо указывает, что производственный инвентарь представляется мало надежной основой для суждения об этнических образованиях. У разноплеменного населения, существующего в одинаковых географических условиях, материальная культура приобретает сходные черты. И наоборот, родственные племена, удаленные друг от друга, в соответствии с местным своеобразием природы и различными условиями жизни имеют свои особенности в материальной культуре. Племена, родственные по языку, оказываются стоящими на различных ступенях развития культуры.

Наблюдения, произведенные этнографами над материальной культурой, меняющейся под воздействием различных природных явлений, не могут быть не приняты во внимание археологами. В противном случае общность материальной культуры, сложившаяся в связи с одинаковыми географическими условиями существования населения, может быть ошибочно истолкована как этническая общность, как выражение родственности племен. Одинаковая экономическая база родового общества, существование которого протекало в сходных природных условиях, определяла возникновение сходного производственного инвентаря.

Эти выводы М. Е. Фосс подкрепляет анализом границ распространения различных неолитических культур на севере Европейской части СССР и приходит к заключению, что показателем территориальных границ древних этнических образований являются не орудия, не жилища, а орнамент, которым покрывались керамика и культовые предметы. Орнамент того или иного типа так же, как татуировка, наносившаяся на теле, являлся этническим признаком.

Утверждения М. Е. Фосс мне представляются вполне справедливыми и хорошо подкрепленными археологическим и этнографическим материалом. Думаю, что они в еще большей степени, чем к неолиту, относятся к палеолиту, когда однородность относительно весьма примитивных орудий и жилищ была выражена на широких пространствах у отдаленных друг от друга, ничем между собой не связанных, но живших в сходных условиях и ведших сходное хозяйство родовых общин.

Те или иные детали, особенности в устройстве жилища, в обработке орудий, в их форме могут рассматриваться как этнический показатель. Можно считать этническим показателем наличие или отсутствие в археологическом комплексе тех или иных второстепенных орудий или их разновидностей [22]. Но ошибочно считать этническим показателем, скажем, солют-

[21] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 64—77.

[2] Детальное изучение техники австралийцев (автор имел возможность опубликовать лишь незначительную часть своих исследований, посвященных этому вопросу,— см. П. И. Борисковский. Начатки текстильной техники у австралийцев. СГАИМК, 1931, № 8) показывает, что основные типы орудий и охотничьего оружия (топор, тесло, копьеметалка, бумеранг и т. д.) распространены у всех австралийских племен. Но отдельные племена различаются наличием или отсутствием у них тесла, насаженного на конец копьеметалки; копьеметалки, изготовленной из палки, из дощечки или из дощечки с куском смолы, облегчающим ее захват; каменного топора с рукояткой, сделанной из одного прута или из нескольких прутьев, скрепленных с рукояткой при помощи смолы или воска, и т. д.

рейскую отжимную ретушь или солютрейские кремневые наконечники и мадленские гарпуны — основное охотничье оружие определенной эпохи. Предполагать, что одна родовая община изготовляла солютрейские кремневые наконечники, а другая, жившая по соседству и ведшая такой же образ жизни, такое же хозяйство, до этого важного и высокого технического достижения никогда не дошла,— будет ошибочным.

Однако отсутствие в палеолите керамики, большая фрагментарность дошедших до нас палеолитических материалов очень затрудняют выделение в позднем палеолите дробных локальных групп. Думаю, что их поиски должны идти в первую очередь в направлении изучения особенностей орнамента, особенностей произведений искусства, характерных для отдельных групп позднепалеолитических поселений.

Типичные для юга Франции и для Пиренейского полуострова своеобразные изображения на потолках и стенах пещер, вероятно, являются признаками такого локального своеобразия, как и глиняные скульптуры людей и животных, характерные для позднепалеолитических поселений Чехословакии. По-видимому, в дальнейшем углубленное изучение орнаментальных мотивов, представленных в отдельных позднепалеолитических поселениях, позволит сделать многое для выявления подобных локальных групп.

Возвращаясь к вопросу о выделении на территории Центральной Европы не перекрытых солютрейскими позднепалеолитических культурных комплексов, которые можно было бы отнести к самой начальной, ориньякской ступени развития позднепалеолитической техники,— следует вспомнить описанную в предыдущем очерке группу моравanских стоянок в Словакии.

Как мы уже выяснили, сопоставление моравanских стоянок с костенковскими многослойными поселениями позволяет предполагать, что группа моравanских стоянок с солютрейскими наконечниками являлась более древней, чем группа стоянок с наконечниками, имеющими выемку. Последняя группа заключает собой солютрейскую эпоху и непосредственно примыкает во времени к таким раннемадленским поселениям, как Долни Вестонице и некоторые стоянки с мадленскими орудиями окрестностей Мораван.

Такой вывод подкрепляют наблюдения чехословацких исследователей, приводящие к заключению о геологически более древнем возрасте моравanских стоянок с листовидными солютрейскими наконечниками.

Приходится с сожалением констатировать, что группа моравanских стоянок является на территории Центральной Европы единственной в своем роде. Мы не имеем возможности провести сопоставление в пределах других компактных групп разновременных позднепалеолитических поселений, которые, как Моравaны, напоминали бы стоянки окрестностей Воронежа, Новгорода-Северского, Каменец-Подольска.

На материалах Мораван устанавливается, что в эпоху позднего палеолита в Центральной Европе, как и на территории Русской равнины, из солютрейской техники, отличавшейся высокосовершенными листовидными наконечниками, обработанными отжимной ретушью, развилась техника, для которой были характерны отсутствие таких наконечников и распространение изготовленных с большим совершенством наконечников с выемкой. При обработке последних лишь частично применялась отжимная ретушь. А позднее исчезли и наконечники с выемкой и распространилась мадленская техника изготовления костяного охотничьего оружия.

Материалы Мораван вместе с тем заставляют поставить вопрос о возможности перехода на определенных территориях, у определенных

общин непосредственно от мустьерской техники к солютрейской, минуя ориньякскую ступень.

Приведенные в начале этого очерка материалы, относящиеся к стратиграфии Зиргенштейна, Офнета, Виллендорфа, Стынка Рипичень и некоторых других местонахождений, исключают возможность предполагать, что на всей территории Центральной Европы солютрейская техника непосредственно выросла из мустьерской. Широкое распространение в Центральной Европе солютрейских культурных слоев, перекрытых типичными позднепалеолитическими культурными слоями, не содержащими солютрейской ретуши и солютрейских наконечников, и распространение (правда, значительно менее широкое) там же солютрейских слоев, подстилаемых ориньякскими, делают невозможным предположение о сосуществовании в Центральной Европе на протяжении всего позднего палеолита родовых общин с различными разновидностями ориньякской, солютрейской и тому подобной техники.

Но не могла ли солютрейская кремневая техника вырасти непосредственно из мустьерской у отдельных родовых общин?

Как известно, на некоторых типичных мустьерских стоянках отмечено появление отдельных наконечников, напоминающих солютрейские. Это зафиксировано, в частности, в пещерах Мауерн на Дунае на юге Германии [23], на некоторых стоянках Чехословакии и Венгрии (например — Тате). С другой стороны, на ряде солютрейских стоянок Франции (Верхнее Ложери), Венгрии (Селета), Русской равнины (Тельманская стоянка) описаны мустьерские орудия. Материалы таких многослойных стоянок, как Верхнее Ложери и Тельманская, и ряд других фактов приводят к заключению, что наличие мустьерских форм в позднепалеолитических комплексах не является во всех случаях доказательством большой древности последних и непосредственной связи их с мустьерской эпохой. Отщепы, скребла и остроконечники мустьерского облика вообще распространены в разновременных позднепалеолитических стоянках Европы.

Иначе обстоит дело с элементами солютрейской техники в мустьерских стоянках. Последние известны в Центральной Европе в большом количестве, но наличие в них таких вызревающих солютрейских элементов отмечается довольно редко. Вызревание этих элементов в мустьерских слоях, перекрытых ориньякскими слоями, не содержащими солютрейских элементов, нигде в Европе не зафиксировано. Зато в Плакар мустьерский слой был перекрыт солютрейским культурным слоем, кремневая техника которого представляла прямое и непосредственное развитие кремневой техники нижележащего мустьерского слоя.

Едва ли на широких пространствах Центральной Европы, как и Русской равнины, непосредственно из примитивной мустьерской техники неандертальцев могли развиться высокосовершенные солютрейские кремневые наконечники, которые близко напоминают экземпляры, характерные для неолита и эпохи бронзы, какие встречены в Мораванах-Длха и нижнем культурном слое Костенок I. Солютрейская кремневая техника — явление высокосовершенное и сравнительно позднее. Ее должна была закономерно подготовить ориньякская ступень развития позднепалеолитической кремневой техники.

Но у отдельных родовых общин, которые обитали в разных местах, не образуя культурной или этнической общности, возможно, несколько отстали в своем развитии и дожили с мустьерской техникой и культурой

[23] L. F. Zotz. Ук. соч., стр. 140 и сл.; A. Böhmers. Die Höhlen von Mauern. «Palaeohistoria», vol. I. Groningen, 1951.

до времени, когда у других родовых общин уже совершался переход от ориньякской техники к солютрейской,— мог произойти под влиянием этих соседей прямой и непосредственный переход от мустьерской техники к солютрейской. Бесспорно, что развитие техники и культуры у разобщенных родовых общин позднего палеолита не протекало автоматически одновременно. Могли иметь место отставание отдельных родовых общин, а затем, под влиянием ушедших вперед и в то или иное время вступивших в соприкосновение с данной общиной соседей,— более быстрое прохождение определенного этапа развития техники и культуры.

В этой связи целесообразно вспомнить раннемадленское, непосредственно примыкающее к солютрейскому время на территории Русской равнины. Для него также характерно наличие поселений с весьма разнообразной техникой, таких, как Мезин, Погон, Кирилловская, Елисеевичи. Эти поселения не образовали сколько-нибудь выраженных локальных групп и впоследствии сменились позднемадленскими стоянками, весьма сходными между собой. Таким образом, здесь были не отдельные локальные группы со своей культурой и особым путем технического развития, а имел место многообразный переход к новым техническим приемам. Возможно, что элементы такого перехода существовали кое-где и на рубеже мустьерской эпохи и позднего палеолита.

4. РАЗНОВИДНОСТИ СОЛЮТРЕЙСКОЙ ТЕХНИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Солютрейская техника обработки кремня и солютрейские наконечники представлены значительными сериями более или менее выразительных экземпляров на юге Польши, в Чехословакии и Венгрии [24]. В Румынии солютрейские памятники отмечены только на Пруте (грот Стынка Рипичень), да в Трансильвании, непосредственно примыкающей к территории Венгрии, известны отдельные находки кремневых листовидных наконечников. В Югославии, Болгарии и на юге Румынии (Нижне-Дунайская низменность)[25] солютрейские памятники почти не известны. Можно предполагать, что именно здесь, в районе 46-й параллели, частично несколько южнее ее, частично — несколько севернее, проходила от Черного моря к Адриатическому граница между родовыми общинами, относившимися к европейской приледниковой области развития позднепалеолитической культуры, и родовыми общинами, относившимися к средиземноморско-африканской области.

В различных солютрейских комплексах кремневых орудий пропорция листовидных солютрейских наконечников по отношению к другим формам сильно варьирует. В таких стоянках, как Нетопежова (Ежмановская) на юге Польши [26], Мораваны-Длха в Чехословакии, солютрейские наконечники преобладают над всеми остальными орудиями. В Пржедмости солютрейских наконечников всего лишь 0,62% по отношению к остальным кремневым изделиям. В большинстве пещер Венгрии солютрейские наконечники представлены значительным количеством экземпляров;

[24] Значительная часть чехословацких и венгерских археологов обозначает солютрейскую культуру этих территорий именем «селета», или «селетьена» (от венгерской пещеры Селета); см., например, у Франтишека Прошека — «Селет в Словакии» («Slovenská Archeologia», Bratislava, 1953).

[25] К сожалению, я не смог учесть в настоящей работе интереснейшие исследования палеолитических памятников Румынии, проведенные за самые последние годы Николаеску Плопшором и его сотрудниками.

[26] L. Sawicki. La grotte Nietoperzowa à Jerzmanovice près Ojcow. «Przegląd Archeologiczny», III, Poznań, 1926 (отд. оттиск).

но здесь много также и кремневых орудий, при обработке которых не применялась солютрейская ретушь [27].

Такие различия, вероятно, связаны с характером того или иного поселения, занятиями его жителей, обстоятельствами, при которых оно было покинуто людьми. В одних поселениях могли изготовлять солютрейские наконечники, в другие же приносили наконечники, сделанные где-то в другом месте. У обитателей некоторых поселений наконечники могли применяться только для оснащения охотничьего оружия, а в других поселениях ими пользовались так же как режущими и колющими орудиями разного рода. Нельзя думать, что для одних территорий Центральной Европы характерны стоянки с преобладанием солютрейских наконечников над всеми остальными видами кремневых орудий, в то время как на других территориях Центральной Европы солютрейские наконечники представлены в равной пропорции с прочими видами орудий. В Польше, Чехословакии и Венгрии немало стоянок того и другого типа.

Солютрейские наконечники сопровождаются в позднепалеолитических стоянках Центральной Европы обычными позднепалеолитическими костяными и кремневыми орудиями. Вместе с наконечниками найдены кремневые удлиненные пластинки, концевые скребки, острия с затупленным краем, в небольшом количестве — резцы, а также костяные шилья, острия, изредка — костяные наконечники. Нередко вместе с солютрейскими наконечниками залегают мустьерские скребла и остроконечники.

Неверно считать такое сочетание специфической особенностью венгерского солютре. Так, например, в известной венгерской пещере Селета вместе с большим числом солютрейских наконечников найдено много узких и широких, отретушированных и неотретушированных кремневых пластинок, острия с затупленным краем, скребки высокой формы, проколки, а также скребла и остроконечники мустьерского облика [28]. Позднепалеолитические кремневые орудия найдены вместе с солютрейскими наконечниками и орудиями мустьерского облика также в других пещерах Венгрии. С другой стороны, и за пределами Венгрии на солютрейских стоянках — будь то Верхнее Ложери или Тельманская — нередко встречаются в некотором количестве мустьерские скребла и остроконечники.

Мустьерские массивные орудия выполняли определенные функции в позднепалеолитическом производстве, во многом напоминающие функции нуклевидных орудий. Этим и объясняется, что те и другие формы часто существуют попеременно в позднепалеолитических культурных слоях.

Из приведенных материалов и соображений не следует, что солютрейская техника и культура на всем пространстве Центральной Европы имели совершенно однородный характер. Я уже указывал на почти полное отсутствие этой техники и культуры примерно к югу от 46-й параллели. Или возьмем территорию Австрии. По профилю Виллендорфа там очень четко прослеживается постепенное возникновение листовидных наконечников и наконечников с выемкой, близких к солютрейским. Но собственно солютрейских стоянок в Австрии очень немного, и они содержали мало солютрейских наконечников. С Австрией граничат Югославия и Швейцария, на территории которых солютрейская техника и культура вовсе отсутство-

[27] М. Габори. Ук. соч.; M. Mottl. Faunen, Flora und Kultur des ungarischen Solutréen; её же. Zum gegenwärtigen Stand der Quartärforschung in Ungarn. Quartär, II, 1939; Sáad Andores Gaal István. A Diósgyöri barlang felsö — diluvialis Köeszközei es faunaja. «Dolgozatok», XI, Szeged, 1935.

[28] М. Габори. Ук. соч.; M. Mottl. Faunen, Flora und Kultur des ungarischen Solutréen.

вали. Возможно, что Австрия являлась как бы промежуточным звеном между этими территориями и Чехословакией и Венгрией с их развитой солютрейской техникой и культурой. Здесь в процессе усовершенствования каменных орудий могли возникнуть формы, близкие к солютрейским, но сами солютрейские формы широкого развития не получили, а спорадически проникали сюда из европейской приледниковой области.

Напротив, расположенные на севере Венгрии Бюккские горы, как и находящиеся к северо-западу от них бассейны рр. Ваг и Морава, были довольно густо заселены общинами людей, широко применявших солютрейскую технику обработки камня. Солютрейская техника и культура были здесь выражены лучше не только, чем в Австрии, но и, судя по имеющимся в нашем распоряжении сведениям,чем в бассейне Прута и Днестра.

Во многих солютрейских культурных слоях венгерских пещер обращает на себя внимание то, что обработка кости была хорошо развита, лучше, чем это наблюдается в солютрейских культурных слоях других территорий [29]. Это свидетельствует также о большом развитии позднепалеолитической культуры в Венгрии именно в солютрейское время.

С другой стороны, комплексы позднепалеолитических кремневых орудий, характеризующиеся наконечниками с выемкой и крупными листовидными остриями, не обработанными или почти не обработанными солютрейской ретушью, известны в Австрии, в ряде мест Чехословакии (в частности, в Петржковице на Одере), но вовсе не известны в венгерском солютре. Можно предполагать, что листовидные солютрейские наконечники как важнейшее охотничье оружие у позднепалеолитических обитателей Венгрии возникли раньше и существовали дольше, чем на территории Чехословакии.

Такое выделение различных групп позднепалеолитического населения Центральной Европы в солютрейское время возможно лишь в самой общей форме, так как очень многие и, вероятно, характерные позднепалеолитические памятники Центральной Европы еще ждут своего исследователя. Вспомним, что группа стоянок у Мораван, имеющая первостепенное значение для понимания позднего палеолита Центральной Европы, стала сколько-нибудь известной лишь около 20 лет назад. Обнаружение новых позднепалеолитических памятников, вероятно, продемонстрирует новые черты локального своеобразия определенных районов и в то же время покажет, что некоторые устанавливаемые теперь черты локального своеобразия объясняются недостаточной исследованностью палеолита тех или иных территорий.

5. СООТНОШЕНИЕ СОЛЮТРЕЙСКИХ И МАДЛЕНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЗДЕСЬ МАДЛЕНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Послесолютрейские, мадленские поселения, возраст которых является неоспоримым, выражены в Центральной Европе лучше, чем досолютрейские, и отмечены в большем числе мест. Правда, и критерии выделения мадленских памятников (в тех случаях, когда мы имеем дело с памятником однослойным или когда мадленский культурный слой не подстилается солютрейским) гораздо более определенны, чем по преимуществу отрицательные критерии выделения ориньякских памятников. Показателями мадленского возраста позднепалеолитического культурного слоя являются, помимо отсутствия в нем солютрейских ретуши и кремневых

[29] M. G á b o r i. A paleolitikum csontipara Magyarországon. «Archaeologiai Értesítö», 78, 1, Budapest, 1951.

наконечников, наличие костяных гарпунов и близких к ним форм костяных наконечников, признаки как бы стандартизации кремневой техники, геометризации и микролитизации кремневого инвентаря, развития вкладышевой техники, выражающиеся в обилии коротких — обыкновенных и двойных — скребочков, изготовленных из сечений пластинок, круглых скребков, острий в форме клинка перочинного ножа, боковых резцов. Наконец, исчезновение фаунистических остатков, принадлежащих сибирскому носорогу, мамонту, а затем и северному оленю,— тоже один из показателей мадленского возраста поселений.

Рис. 4. Пекарна. Гравированное изображение дерущихся бизонов.

Этими критериями можно пользоваться лишь с большой осторожностью, учитывая, что некоторые формы кремневых орудий, считающиеся характерными для мадленской эпохи (например, миниатюрные острия с затупленным краем), встречаются в ориньякских комплексах. Отсутствие в фауне мамонта или сибирского носорога в отдельных случаях может быть связано с особенностями окружавшего древнее поселение ландшафта, со степенью удачливости обитателей поселения на охоте и не являться хронологическим показателем.

Поселения мадленского времени представлены на юге Польши[30]. На Нетопежовой стоянке слой с солютрейскими кремневыми орудиями перекрыт мадленским слоем, в котором отсутствует солютрейская отжимная ретушь и найден ряд костяных изделий, в том числе иглы с ушком. То же самое обнаружено в Козярне, где в мадленском слое, перекрывающем солютрейский, обнаружены костяная игла и 3 костяных наконечника копий.

Следует, правда, учитывать, что материалы Нетопежовой и Козярны происходят из старых, недостаточно документированных раскопок. Поэтому стратиграфическое положение этих материалов не может считаться вполне выясненным.

Машицкая пещера — однослойное поселение, но мадленские признаки там выражены очень хорошо. В Машицкой пещере найдены 20 орнаментированных костяных наконечников копий, орнаментированный «жезл начальника» и около 30 других костяных орудий.

Ряд мадленских поселений известен в Чехословакии. Сюда относится прежде всего пещера Пекарна (Костелик), где над бедными и мало выразительными солютрейскими находками (см. выше) залегает хорошо выраженный мадленский слой. Кремневые орудия, происходящие из Пекарны, близко напоминают кремневые орудия из нижнего, ориньякского культурного слоя этой же пещеры, а также кремневые орудия из Долни Вестонице. Здесь найдены скребки и резцы разных типов, проколки, тонкие, тщательно отретушированные пластинки с затупленным краем и «пилки». Очень многочисленны и выразительны костяные орудия, происходящие из мадленского слоя Пекарны. К ним относятся уникальный гарпун дли-

[30] L. Kozlowski. Ук. соч.; L. F. Zotz. Ук. соч.

ной 16,5 см, с 3 рядами бородок, большое количество орнаментированных наконечников копий, средняя или нижняя часть составного наконечника копья, многочисленные иглы с ушком, шилья, орнаментирован-

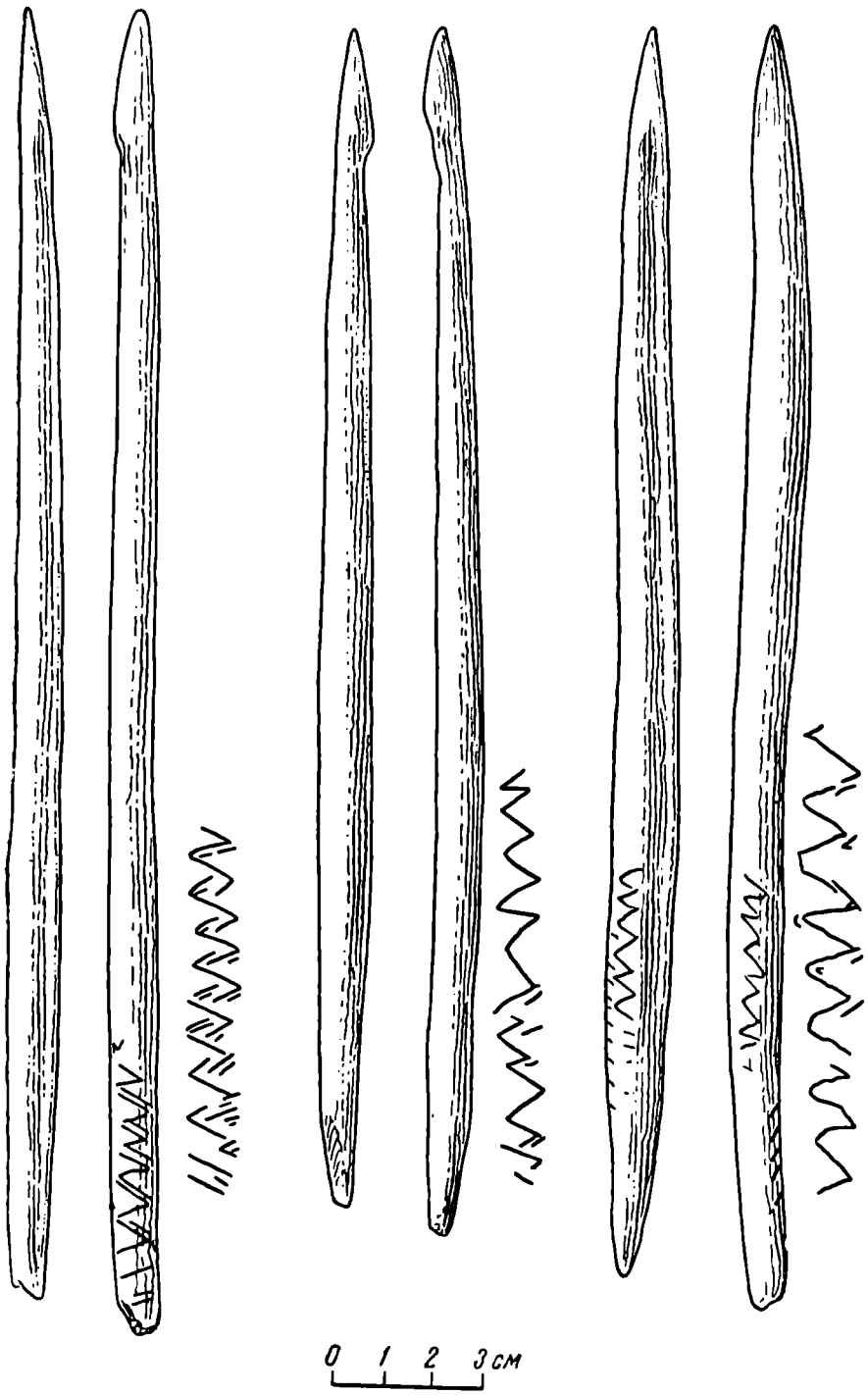

Рис. 5. Нова Дратеничка. Костяные наконечники. (По Б. Климе).

ные «жезлы начальников», киркообразные орудия из оленьего рога. О мадленском возрасте этих слоев Пекарны свидетельствуют и найденные там произведения искусства: сильно стилизованная женская фигурка,

напоминающая фигурки из Петерсфельса, и реалистическое гравированное изображение дерущихся бизонов[31] (рис. 4).

Находки в Пекарне показывают, что расцвет обработки кости на поздней ступени развития позднепалеолитической техники и культуры не был специфическим явлением, характерным только для территории Франции. Но не повсюду условия складывались благоприятно для сохранения среди остатков брошенного людьми поселка всех этих замечательных костяных изделий.

Впрочем, и в Чехословакии Пекарна не стоит одиноко. Превосходные мадленские костяные орудия происходят из грота Нова Дратеничка (рис. 5).

Из других мадленских стоянок Чехословакии можно назвать пещеру Крыжа и относящиеся к самому концу позднего палеолита и началу мезолита стоянки Ражице у г. Писек и Кобылянка у Границе. Краткая характеристика этих местонахождений была дана во втором очерке (СА, XXVII).

В Венгрии отсутствуют поселения, в которых мадленская техника и культура были бы выражены так хорошо, как в Пекарне. Но зато в Венгрии лучше, чем где-либо, выявлено послесолютрейское стратиграфическое положение мадленской техники и культуры. В ряде венгерских пещер солютрейские культурные слои перекрыты мадленскими. Это в известной мере связано с тем, что венгерские палеолитические поселения в большинстве являются пещерными, а в пещерах чаще всего встречается несколько перекрывающих друг друга разновременных культурных слоев. Основная же причина заключается, по моему мнению, в том, что в Венгрии, относительно более плотно заселенной в солютрейское время, у большего числа родовых общин совершился переход к мадленской технике.

Мадленские культурные слои, перекрывающие солютрейские, найдены в Венгрии в пещерах Янкович, Селим, Диосгиор, Кискевелы[32]. Особый интерес представляют находки в пещере Селим (Szelim) примитивных гарпунов с одним зубцом, а также наконечники с просверленным основанием[33], найденные в Кискевелах.

Не вполне ясен возраст однослойной лёссовой стоянки Сагвар (Шагвар) в юго-западной части Венгрии[34]. Венгерские исследователи датируют ее мадленским временем. Среди фаунистических остатков, найденных при раскопках этой стоянки, 99% принадлежат северному оленю. Из кремневых изделий преобладают неотретушированные удлиненные пластины, различные типы резцов, концевые и круглые скребки. Большой интерес представляют найденные рог северного оленя, тщательно обрезанный и отшлифованный у основания, образующий, таким образом, своего рода втулку (рис. 6), и обломки другого, подобным же образом обработанного рога. Венгерские исследователи полагают, что эти рога надевались на голову и образовывали часть маски, употреблявшейся при тотемических церемониях (ср. изображение «колдуна» из пещеры Трех Братьев). Северный олень был основным объектом охоты у обитателей стоянки.

---

[31] L. F. Zotz. Ук. соч.; J. Skutil. Ук. соч.; H. Breuil. Notes de voyage paléolithique en Europe Centrale. III — Les cavernes de Moravie. «L'Anthropologie», XXXV, Paris, 1925.

[32] J. Hillebrand. Der Stand der Erforschung der älteren Steinzeit in Ungarn. 24/25 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Berlin, 1937; M. Mottl. Ук. соч.

[33] M. Gabori. Ук. соч.

[34] J. Hillebrand, D. Laszko, I. Gaal, F. Hollendonner. A ságvári diluvialis lösztelep. «Archaeologiai Értesítö», 44, Budapest, 1930; Csalogovits, Gaal, Hollendonner, Hillebrand. Az 1931 evi ságvári ásatások eredménye. «Archaeologiai Értesítö», 45, Budapest, 1931.

В Румынии с культурными остатками мадленского времени обстоит дело так же, как с культурными остатками солютрейского времени,— они были отмечены до недавнего времени только на северо-востоке Румынии, в гроте Стынка Рипичень. На всей остальной территории Румынии, а также в Болгарии и Югославии мадленские комплексы почти не известны. Это, вероятно, связано с тем, что данные территории принадлежат к средиземноморско-африканской области развития позднепалеолитической культуры.

На территории Австрии мадленская техника и культура представлены только в однослойной пещере Гуденус, недалеко от Кремса. Здесь найдены многочисленные костяные изделия — наконечники копий, иглы с ушком, шилья, «жезл начальника» и т. д.

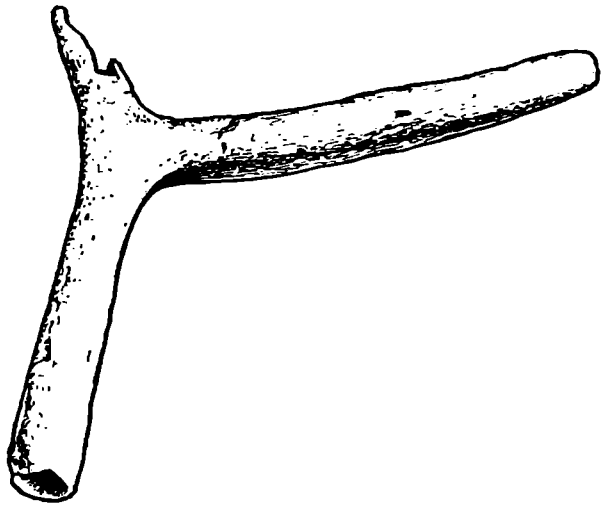

Рис. 6. Сагвар (Шагвар). Отрезок оленьего рога (вероятно, принадлежность маски). Сильно уменьшено. (По И. Гиллебранду).

Мы видим, таким образом, что на всем пространстве Центральной Европы, где была распространена солютрейская техника обработки кремня (т. е. примерно к северу от 46° северной широты), она в определенную эпоху сменилась мадленской техникой. Полностью исчезли солютрейская отжимная ретушь, солютрейские кремневые наконечники разных типов. Гораздо более высокого развития достигла обработка кости. Распространились разнообразные костяные наконечники, в том числе и составные, гарпуны, а также иглы с ушком и другие костяные изделия. Мадленская ступень развития позднепалеолитической техники выражалась не столько в расцвете обработки кости вообще, сколько в замене кремневого охотничьего оружия костяным.

Можно констатировать, что в Центральной Европе, в Пекарне и других пещерах представлены костяные орудия (гарпуны и др.), считающиеся специфической особенностью мадленских стоянок Западной Европы.

При рассмотрении солютрейских памятников Центральной Европы мы остановились на проблеме локальных групп, отметили особенности в развитии техники в ту эпоху у обитателей различных частей Центральной Европы. Говорить в таком плане о мадленских поселениях гораздо труднее.

Наиболее выразительным показателем мадленского возраста поселения являются находимые при его раскопках костяные орудия, в частности орудия некоторых специфических типов. Но костяные орудия, в отличие от кремневых и в известной степени подобно бронзовым орудиям, не бросали после поломки, а сплошь и рядом уносили с собой на новое место поселения, чтобы там их переделать. Наличие или отсутствие на позднепалеолитическом поселении тех или иных костяных орудий в гораздо большей степени объясняется случайными причинами, чем наличие или отсутствие здесь определенных кремневых орудий. Поэтому

черты локального своеобразия, прослеживаемые по находкам, сделанным на мадленских поселениях, могут при ближайшем рассмотрении оказаться имеющими случайный характер.

Переход от солютрейской техники к мадленской был прогрессом в процессе общественного труда, знаменовал собой совершенствование орудий труда и техники их изготовления. Это совершенствование орудий и техники прошло через ряд этапов, протекало неравномерно (сначала — расцвет, затем полное исчезновение солютрейской отжимной ретуши).

Переход от солютрейской к мадленской технике имел у отдельных родовых общин очерченной нами территории несколько отличающиеся друг от друга отправные пункты, а в связи с этим и различные формы.

В предыдущем очерке указывалось, что на территории Австрии солютрейские листовидные, сплошь обработанные отжимной ретушью кремневые наконечники найдены в ничтожном количестве, а солютрейская техника представлена комплексами кремневых орудий, близко напоминающих Мораваны-Подковицы, Пушкари I, Гагарино и включающих наконечники с выемкой и симметричные острия, почти не обработанные солютрейской отжимной ретушью. Видимо, непосредственно от этой техники и от этих комплексов произошел здесь переход к мадленской технике, как она представлена хотя бы в пещере Гуденус.

На севере Венгрии, в Бюккских горах переход к мадленской технике совершился непосредственно от техники, в которой преобладали листовидные, обработанные сплошь солютрейской отжимной ретушью, кремневые наконечники.

Наконец, у обитателей бассейна р. Ваг в Чехословакии и, возможно, верховьев Одера появлению мадленской техники предшествовало несколько этапов развития солютрейской техники, выразившихся в распространении как листовидных, сплошь обработанных солютрейской ретушью наконечников (Мораваны-Длха), так и комплексов, напоминающих Виллендорф, Пушкари I, Гагарино (Мораваны-Подковица).

Но если переход к мадленской технике совершился от несколько различающихся между собой комплексов кремневых орудий, то в самих проявлениях мадленской техники на интересующей нас территории сколько-нибудь оформленных локальных групп проследить не удается. Можно лишь констатировать, что все признаки развитой мадленской техники (гарпуны, костяные наконечники копий, жезлы и т. д.) хорошо выражены в пещерах и в Южной Польше, и в Чехословакии, и в Венгрии, и в Австрии. В лёссовых стоянках (например, Сагвар в Венгрии) эти признаки выражены несравненно слабее. Вспомним в связи с этим, что во Франции и Южной Германии те же самые признаки развитой мадленской техники отмечены тоже лишь в пещерах. Вспомним также, что на территории Русской равнины, где мадленская костяная техника представлена слабее, чем в Западной Европе (некоторые вовсе отрицают ее существование для Русской равнины, так как здесь не найдены гарпуны и копьеметалки [35]), совершенно не известны позднепалеолитические пещеры, а открыты и раскопаны лишь стоянки на открытом воздухе.

[35] Трудно сказать, чем объясняется то, что во всей европейской приледниковой области развития позднепалеолитической культуры характерные мадленские костяные изделия (гарпуны и др.) находят только в пещерах. Известную роль могли играть лучшие условия сохранности костяных изделий в пещерах; но ведь на таких поселениях на открытом воздухе, как Долни Вестонице, Мезин, Костенки I, найдено множество превосходных позднепалеолитических костяных изделий. Не имея возможности разрешить этот вопрос, я считаю необходимым все же привлечь к нему внимание.

6. ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В РАЗВИТИИ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Трактовку этого вопроса начнем с рассмотрения поселений Болгарии и Югославии — территорий, входящих, судя по характеру известных археологических материалов, в средиземноморско-африканскую область развития позднепалеолитической культуры.

В Болгарии позднепалеолитические поселения известны пока только на севере и северо-западе страны, на Балканах. Это пещеры Темната Дупка (рис. 7) [36], Мирizливка [37], Малката, или иначе Бачо-Киро (рис. 8—13)[38], и Моровица [39], а также стоянка на открытом воздухе Декилитаж близ Варны [40]. Заслуживает внимания находка в палеолитических культурных слоях болгарских пещер, среди фаунистических остатков, костей мамонта и сибирского носорога.

Пещера Малката является памятником многослойным, причем два ее нижних слоя датируются мустьерским временем; остальные пещеры содержат по одному культурному слою.

Все пещеры (за исключением двух нижних слоев Малкаты) очень близки между собой по характеру представленных в них кремневых орудий и кремневой техники. Во всех пещерах среди типичных позднепалеолитических кремневых пластин и орудий, а также отдельных костяных изделий встречаются мустьерские остроконечники и скребла. Что же касается позднепалеолитических форм кремневых орудий, то они мало выразительны для датировки. Среди них найдены призматические нуклеусы, узкие удлиненные пластинки с тщательной ретушью по краям, ладьевидные скребки, концевые скребки, небольшое количество резцов, маленькие симметричные острия с тонкой ретушью по краям, пластинки с затупленным краем, маленькие острия с затупленным краем и изредка пилки.

Точно таков же кремневый инвентарь стоянки Декилитаж (рис. 14 и 15), не содержавшей фаунистических остатков. Здесь, кроме того, обращают на себя внимание 12 коротких двойных концевых скребков. Костяных изделий в болгарских позднепалеолитических поселениях найдено очень мало: несколько шильев, острий и отжимников и один наконечник с рассеченным основанием (последний найден в пещере Моровице).

Позднепалеолитические культурные остатки, обнаруженные в Болгарии, напоминают позднепалеолитические культурные остатки, найденные в Сюрени I (Крым) и в пещерах Закавказья. Как и там, здесь во всех позднепалеолитических комплексах продолжают бытовать мустьерские скребла и остроконечники, мало развита обработка кости. В развитии позднепалеолитической техники не прослеживается резких перемен;

---

[36] Р. Попов. Пещерата Темната Дупка ново находище отъ палеолита въ България. София, 1931.

[37] Р. Попов. Пещерата Мирizливка. София, 1933.

[38] Р. Попов. Голѣмата и Малката пещери при Дрѣновския монастир. «Известия на Бѣлгарския археологически институтъ», т. XII, св. 1. София, 1938; D. Garrod. Excavations in the cave of Bacho Kiro, North-East Bulgaria. American School of prehistoric research. Bulletin, 15. Old Lyme Conn, 1939. В кн. M. Sauter. Préhistoire de la Méditerrannée. Paris, 1948, также дана краткая характеристика палеолита Болгарии.

[39] D. Garrod. Ук. соч.

[40] J. Petrbok, J. Skutil. Otevřěne sídliště aurignacké na «Pobitých kamenech» u Varny v Bulharsku. «Sbornik Národního musea v Praze», т. IV a, историческая серия, № 1, Praha, 1950; J. Petrbok und J. Skutil. Belevo-Gebedź, ein neuer paläolithischer Fundplatz in Bulgarien. Quartär, III, 1941; J. Skutil. Balkánské Paleolitikum. «Obzor Prehistorický», ročnik XIV, 2, Praha, 1950.

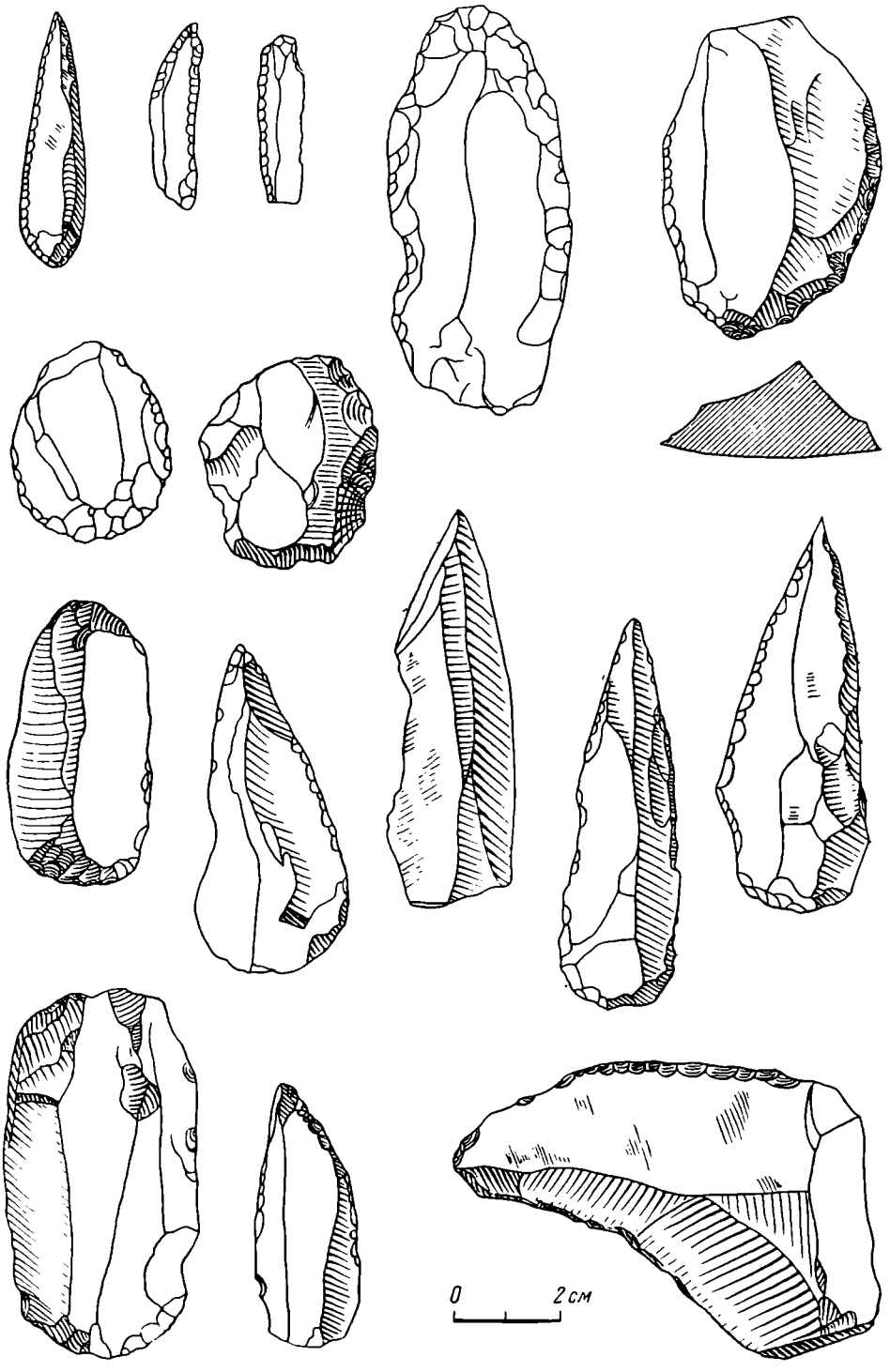

Рис. 7. Темната Дупка. Позднепалеолитические кремневые орудия. (По Р. Попову).

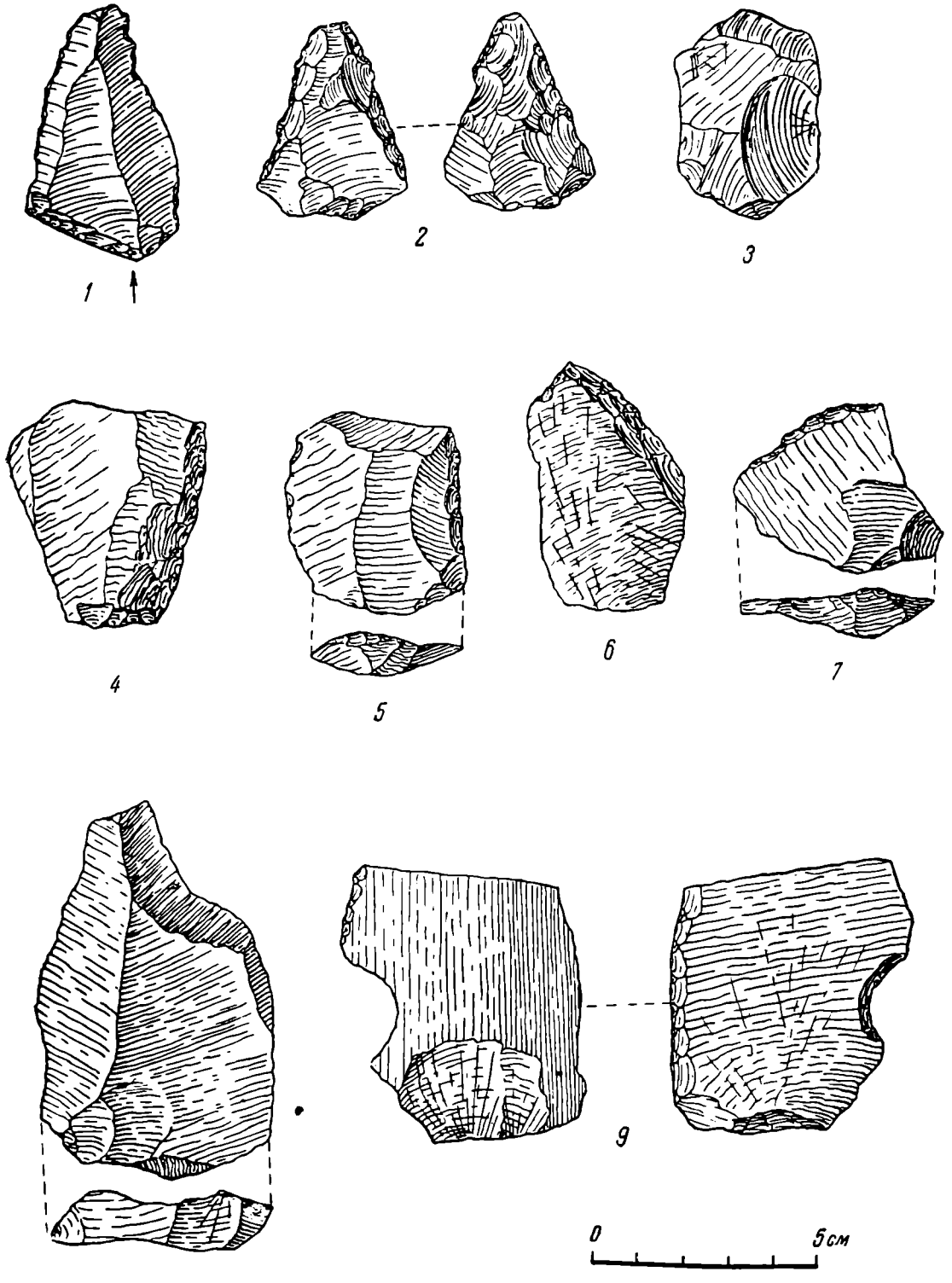

Рис. 8. Малката. Кремневые орудия *(1—9)* из нижнего мустьерского культурного слоя L. (По Д. Гаррод).

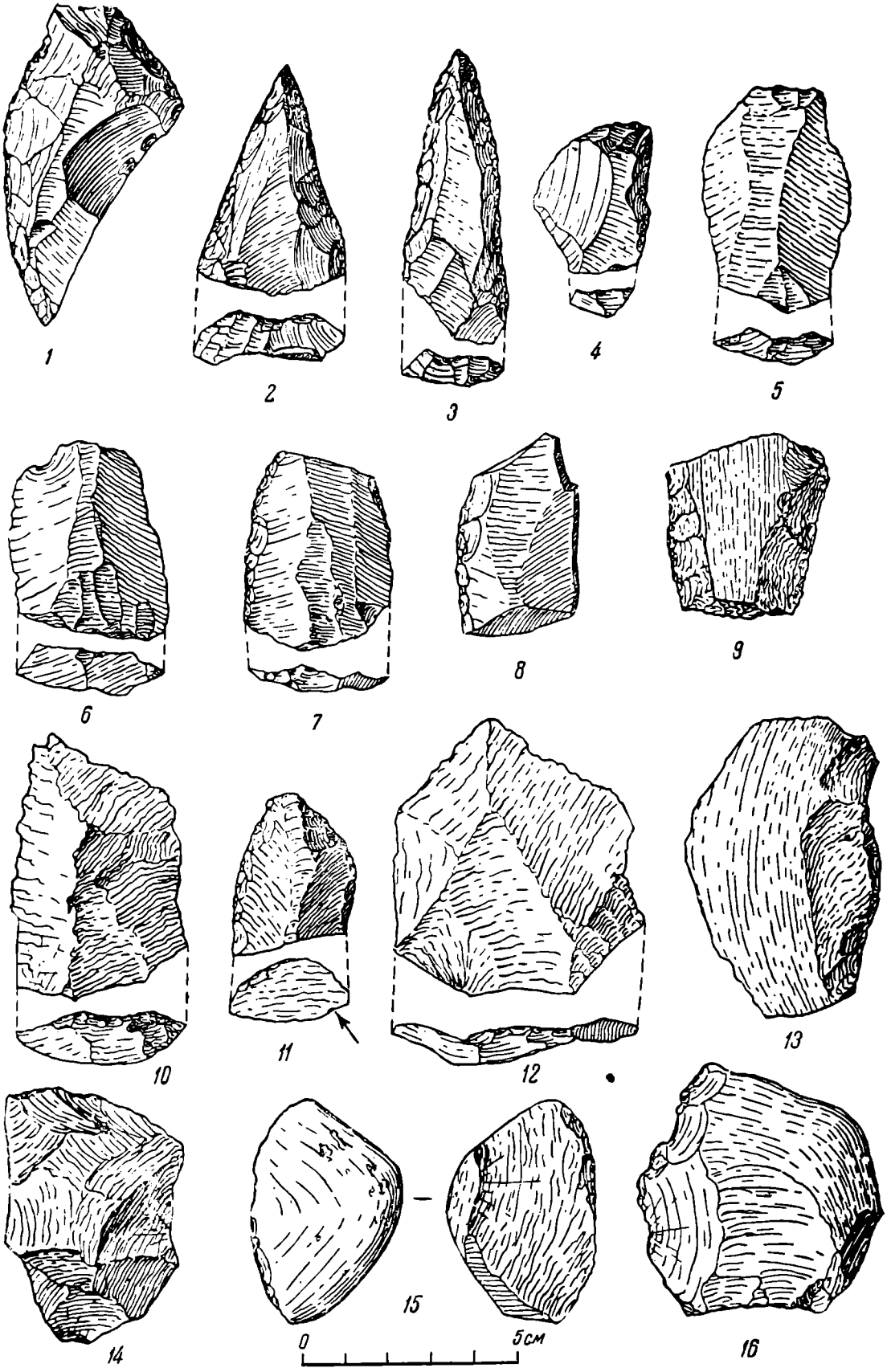

Рис. 9. Малката. Кремневые орудия (1—16) из второго мустьерского культурного слоя К. (По Д. Гаррод).

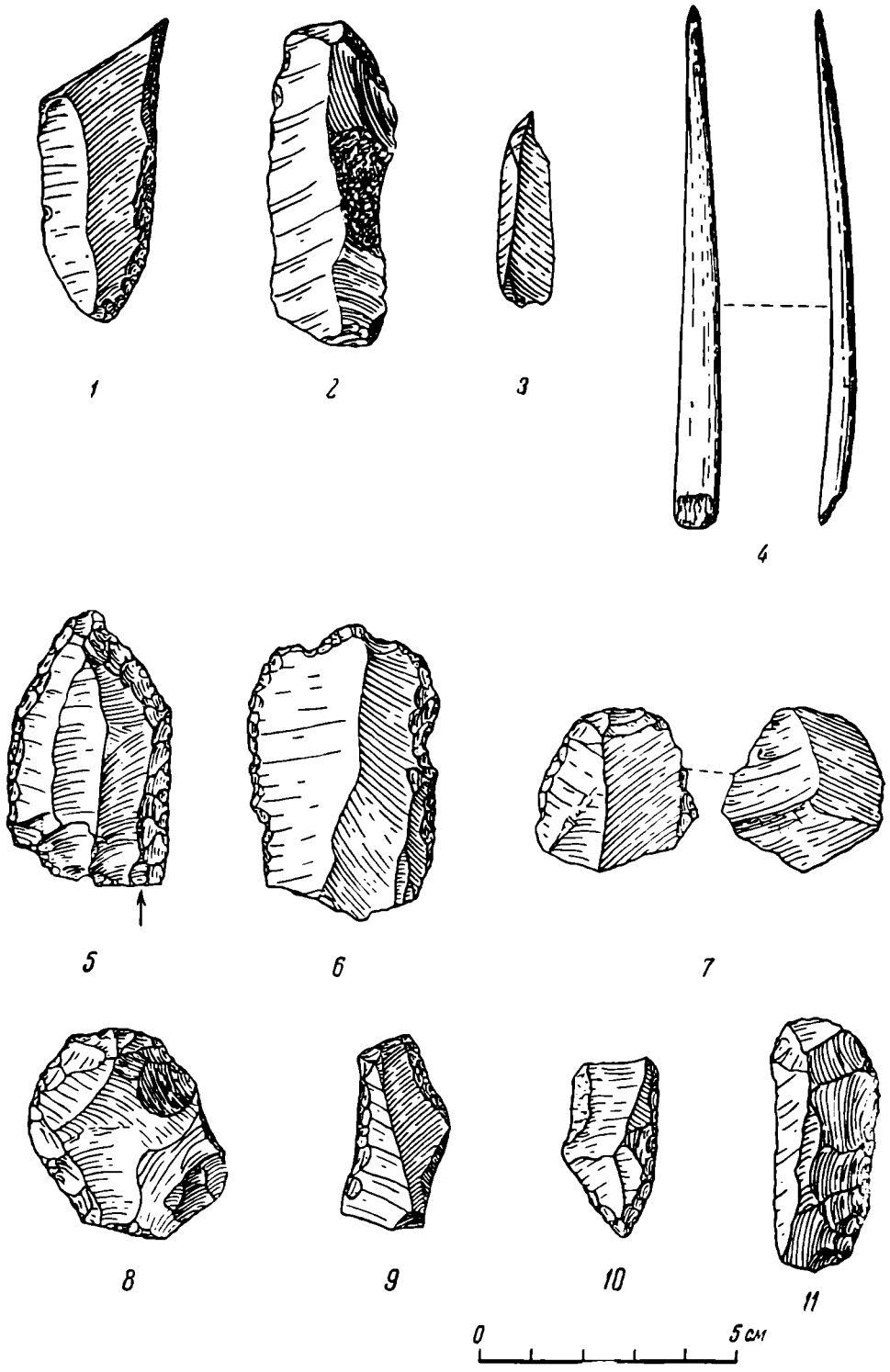

Рис. 10. Малката. Орудия из позднепалеолитических культурных слоев F (*1—4*) и J (*5—11*). (По Д. Гаррод).

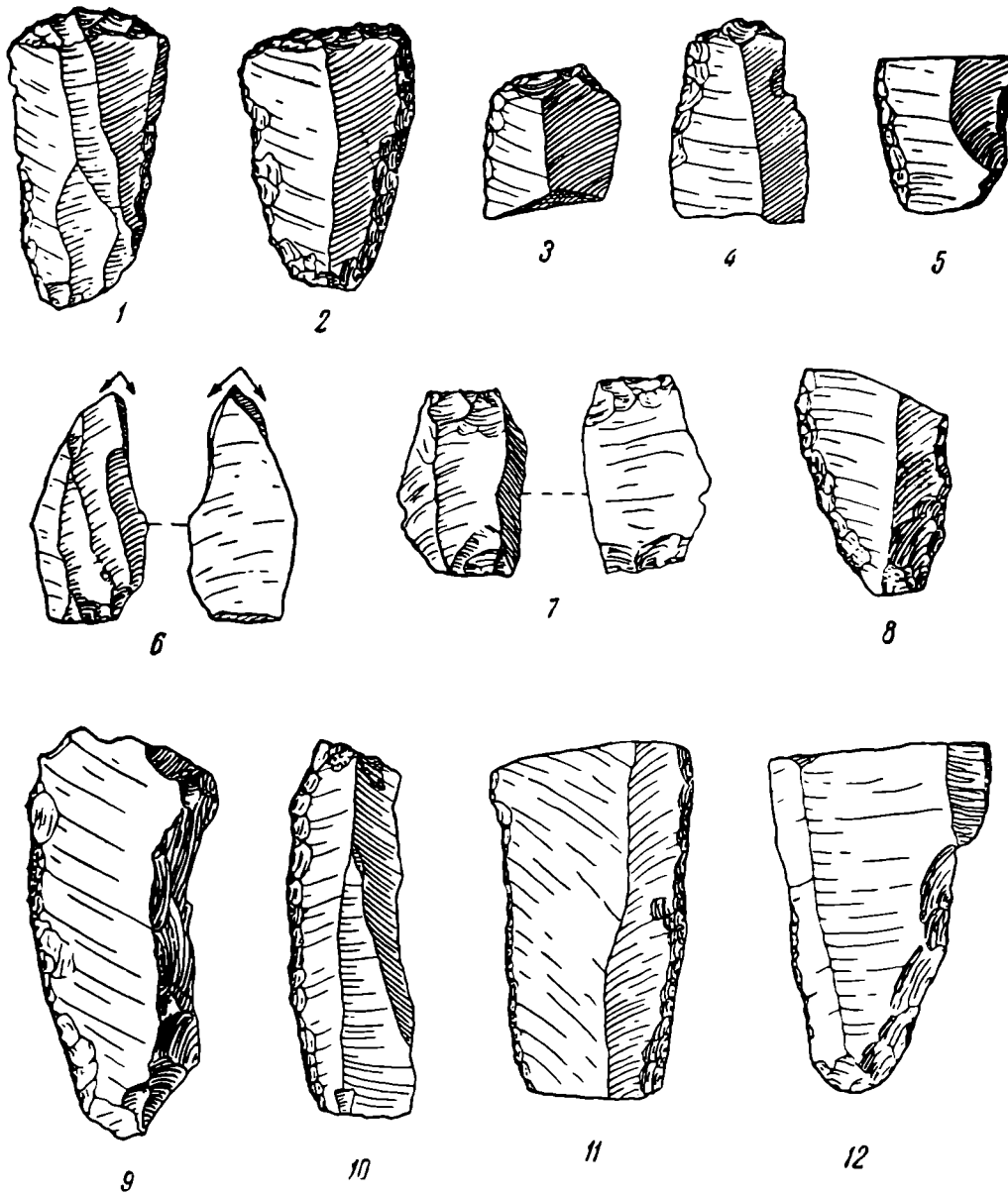

Рис. 11. Малката. Орудия *(1—12)* из позднепалеолитического культурного слоя Е. (По Д. Гаррод).

развитие носит несколько однообразный характер и выражается в постепенном распространении геометрических микролитов-вкладышей. Заслуживает внимания наличие в культурном слое Темната Дупка гравированных изображений на гальке и на кости в виде перекрещивающихся нарезок, представляющих аналогии изображениям из гротов Мгвимеви в Грузии [41].

[41] Новейшие открытия Н. Джамбазова в пещере Самуилица свидетельствуют о наличии в позднем палеолите Болгарии отдельных кремневых орудий солютрейского облика. Это заставляет поставить по-новому многие вопросы развития палеолита Болгарии. См. Николай Джамбазов. Пещерите в Балгарии. София, 1958, стр. 95. См. также Н. Джамбазов. Пещерита Пещ до Старо село, Враченско. Известия на Археологическия Институт, XXI, София, 1957.

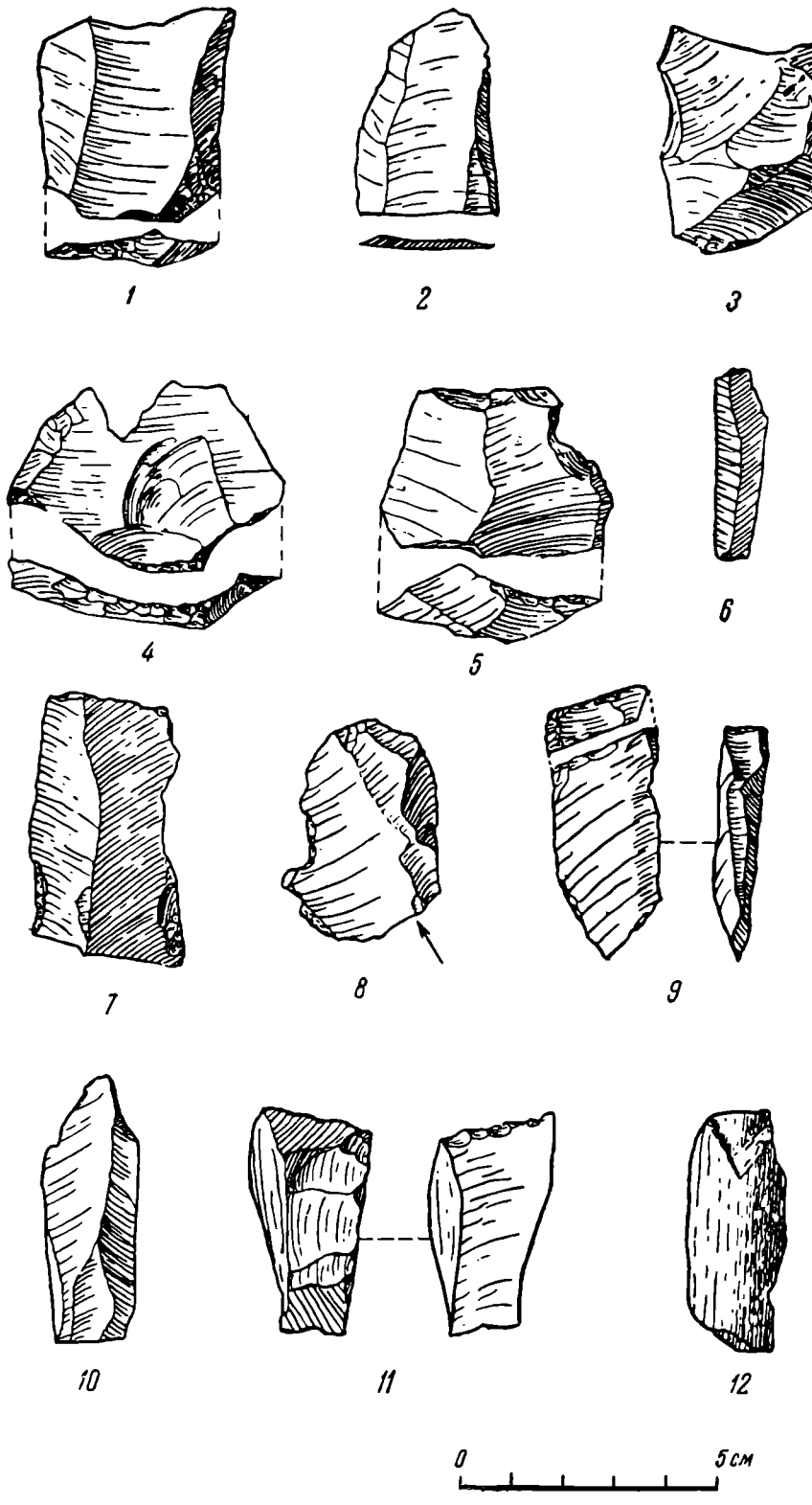

Рис. 12. Малката. Кремневые орудия из верхних позднепалеолитических культурных слоев C (*1—3*) и *D* (*4—12*). (По Д. Гаррод).

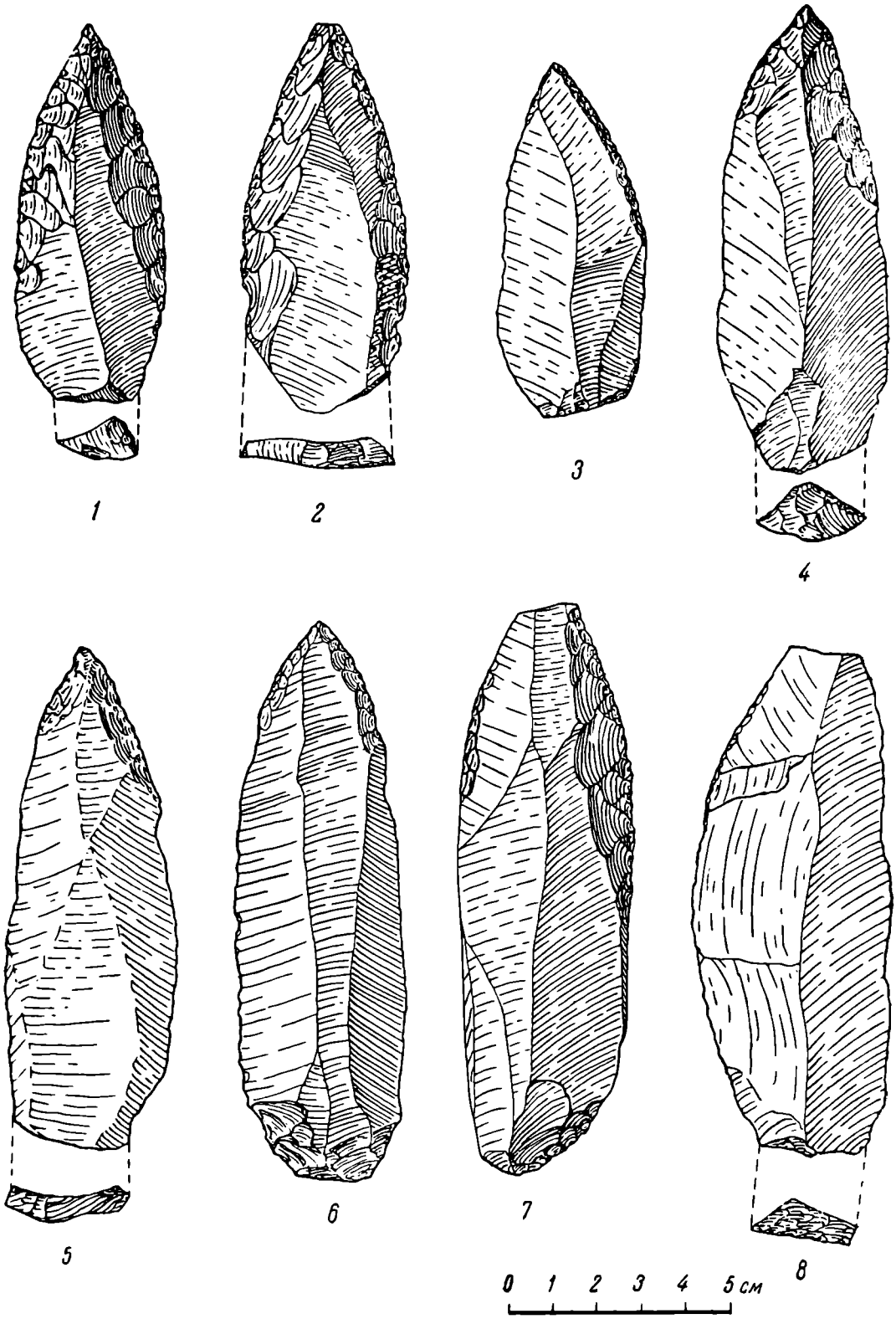

Рис. 13. Малката. Кремневые орудия из шурфов III (*5*) и IV (*1—4, 6—8*). (По Д. Гаррод).

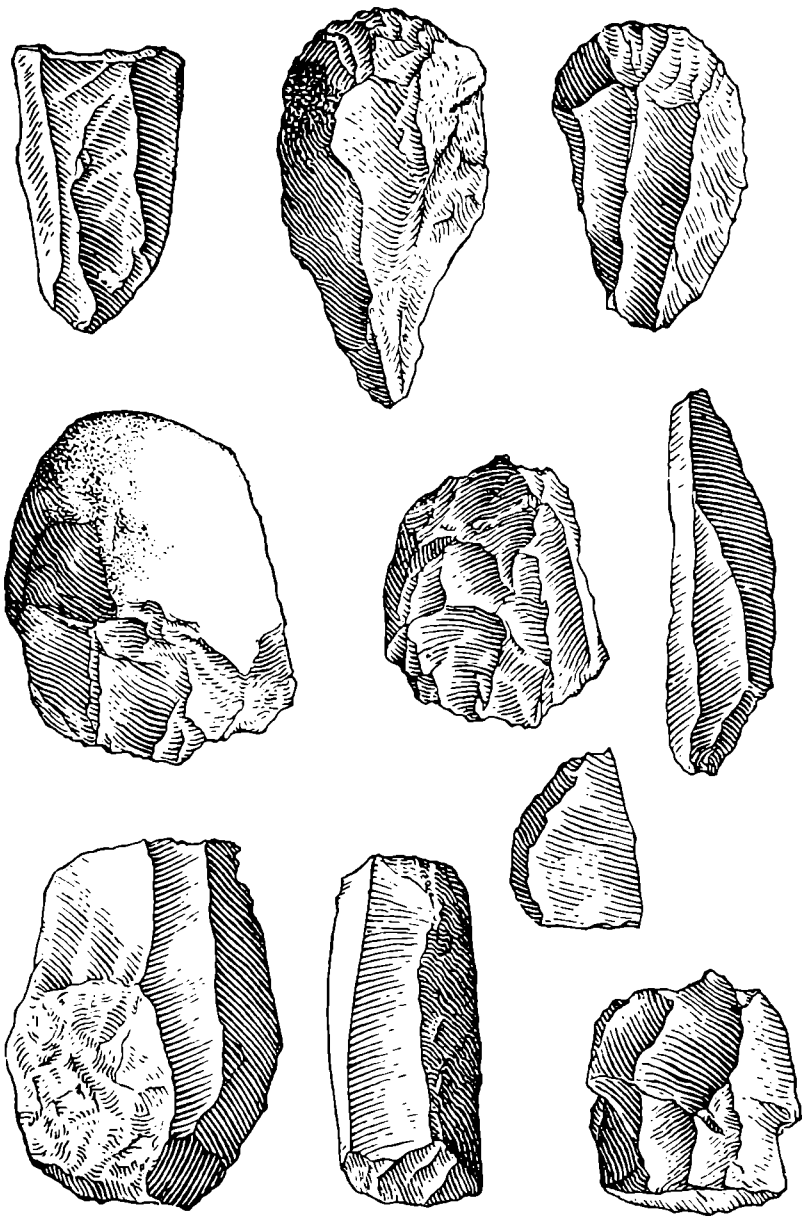

Рис. 14. Декилитаж (Побиты Камень). Каменные орудия. (По И. Скутилу).

Материал по позднему палеолиту Болгарии достаточен для того, чтобы попытаться классифицировать его, подобно тому как С. Н. Замятнин [42] разработал хронологическую классификацию позднепалеолитических пещер Грузии. Но это невозможно сделать без ознакомления с самими коллекциями. В публикациях рисунки каменных орудий мало выразительны, а определения последних не всегда бесспорны. Можно лишь высказать предположение о более позднем, по сравнению с другими поселениями, возрасте стоянки Декилитаж с ее короткими концевыми скребками и миниатюрными пластинками с затупленным краем. И. Скутил обращает внимание на сходство кремневых орудий Декилитаж с кремне-

[42] С. Н. Замятнин. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ 1935, № 2.

выми орудиями стоянки Кишлы Неджимовой (Оселовки) на правом берегу Днестра [43]; последняя же датируется второй половиной мадленского времени.

Позднепалеолитические поселения Югославии сосредоточены главным образом на северо-западе страны, в Словении и Хорватии [44]. Они довольно сильно отличаются от позднепалеолитических поселений Болгарии, напоминая в некоторых отношениях позднепалеолитические поселения Швейцарии.

К юго-востоку от территории Словении и Хорватии, в Сербии пока известно мало палеолитических местонахождений [45].

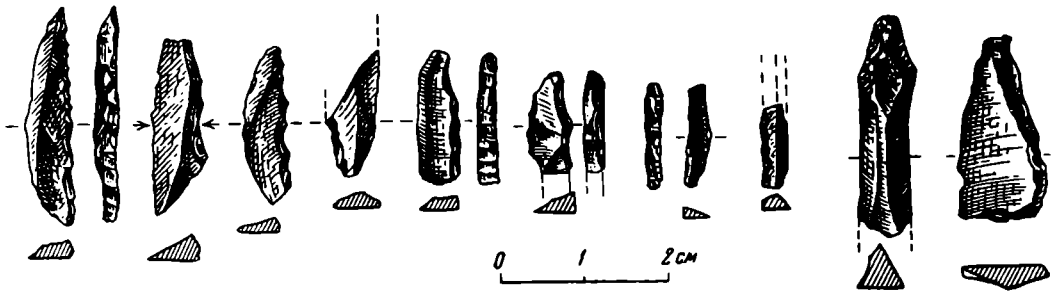

Рис. 15. Декилитаж. Кремневые орудия.
(По И. Скутилу).

Поздний палеолит Югославии представлен почти исключительно пещерными поселениями, расположенными в горах. Стоянки на открытом воздухе известны только две: Невле в районе Люблян и Костаневица в районе Загреба. Охота на пещерного медведя играла в хозяйстве позднепалеолитических обитателей Югославии несравненно бо́льшую роль, чем в хозяйстве позднепалеолитических обитателей пещер Болгарии. В этом отношении пещеры Югославии близко напоминают памятники так называемого альпийского палеолита и Ахштырскую пещеру на Кавказе. С другой стороны, в некоторых позднепалеолитических пещерах Югославии больше, чем в Болгарии, была развита обработка кости.

Показательна для характеристики позднего палеолита Югославии пещера Поточка Зиялка, или Ольшева (рис. 16 и 17), расположенная недалеко от австрийской границы, высоко в горах, на высоте 1700 м над уровнем моря. Раскопками в пещере было вскрыто около 700 кв. м.

Более 99% костей, найденных при раскопках, принадлежат пещерному медведю. Раскопками было обнаружено 81 костяное орудие: шилья,

---

[43] J. Petrbok und J. Skutil. Belevo-Gebedze...

[44] S. Brodar. Das Paläolithikum in Jugoslawien. Quartär, I, 1938; R. L. (antier). L'Aurignacien de Slovenie. «Revue archéologique», 6-ème série, t. XVI, 1940, стр. 167, 168; J. A. Mauduit. Recherches paléolithiques en Jugoslavie depuis la guerre. «Bulletin de la Societé préhistorique de France», vol. 47, № 9-10, Paris, 1950; J. Skutil. Balkánské Paleolitikum; Jože Kastelic. Die archäologische Forschung in Jugoslawien von 1945 bis 1950. «Actes de la III-e session du Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques». Zürich, 1953.

[45] S. Brodar. Hìstorìčen in kritičen pregled domnevnih paleolitskih najdišč na Yugu Yugoslavije. Slovenska Akademijà Znanosti in umetnosti, razred Za prirodoslovne vede. Razprave, II. Ljubljana, 1954; его же. K odkritju kamenih industrij ob Usori. «Glásnik Zemeljskog muzeja u Sarajevu», 1953; Duro Basler. Paleolitski nalaz na Usori. «Glásnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu», 1953; Археолошки сломениць и налазишта у Србији. II. Централна Србија. Уредник Ч. Ботковић. Београд, 1956 (раздел о палеолитических местонахождениях Центральной Сербии написан М. Гарашаниным).

острия, иглы и наконечники копий, овальные в сечении, несколько расширяющиеся посередине и в нижней трети, имеющие длину 4—20 см. Вместе с этими костяными орудиями найдено много осколков со следами заглажи-

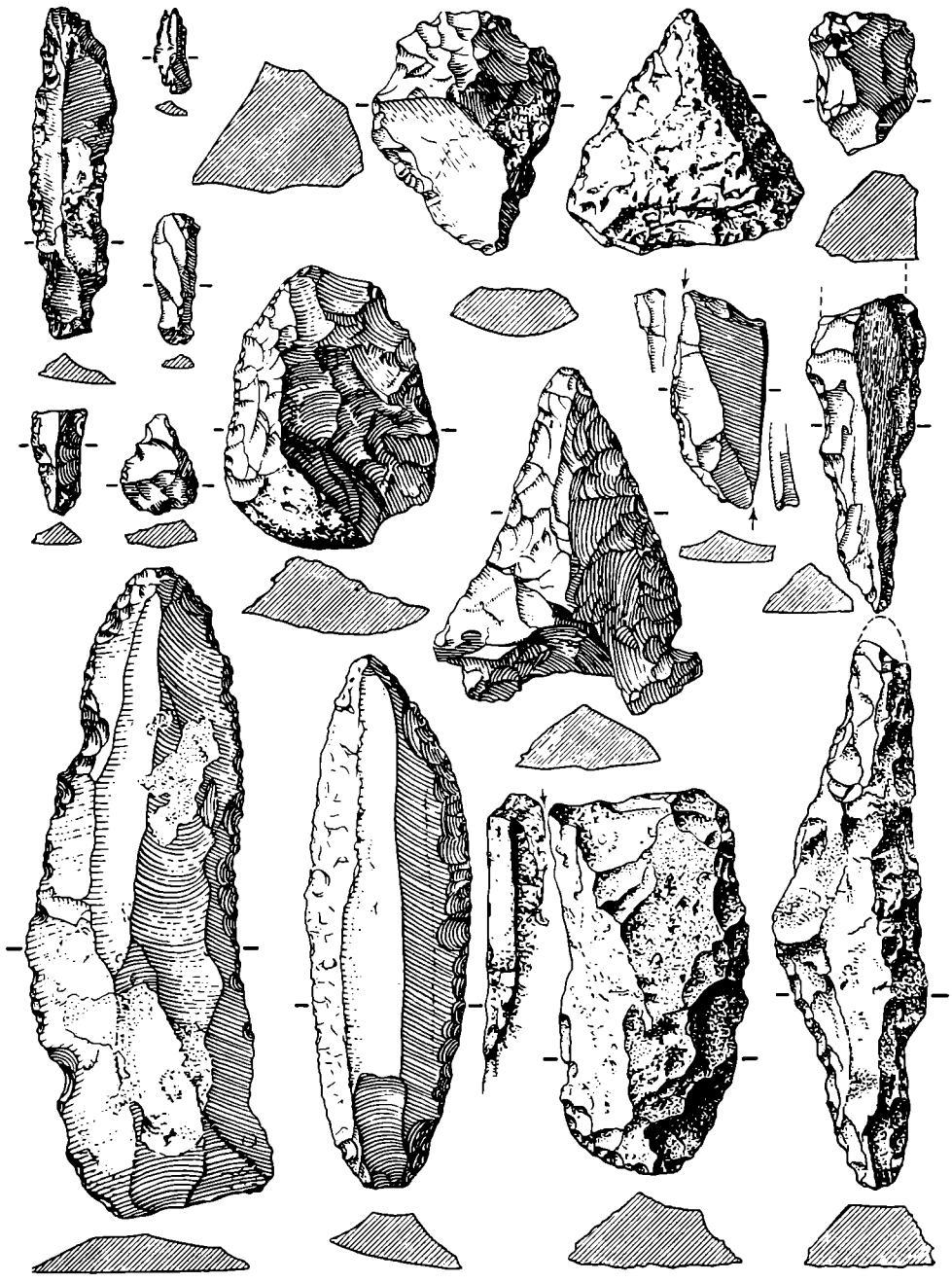

Рис. 16. Поточка Зиялка. Каменные орудия. (По С. Бродару).

вания и использования в качестве орудий, а также нижняя челюсть пещерного медведя с тремя отверстиями; возможно, что это прототип флейты — она издает три различных звука.

Каменных орудий в Поточке найдено только 150 экземпляров; они сосредоточены вокруг очагов. Среди них представлены небольшие отщепы

с ретушью и следами употребления, узкие миниатюрные пластинки, такие же пластинки с затупляющей ретушью и с выемками по краям, концевые скребки, ладьевидные скребки, резцы, проколки, а также скребла, часто сделанные из трудно поддающегося обработке кварца. Заслуживает внимания находка симметричного остроконечника, частично обработанного плоской ретушью, и листовидных наконечников, изготовленных на пластинках. На некоторых орудиях плоская ретушь напоминает солютрейскую. Находки в других пещерах Югославии (Локве, Виндия, Морнова, Шпеховка, Беталов Сподмол) близко напоминают Поточку; они демонстрируют те же сочетания типичных позднепалеолитических орудий с мустьерскими скреблами и остроконечниками, то же отсутствие резких перемен в кремневой технике, — перемен, которые можно наблюдать хотя бы на территории Венгрии и Польши, — ту же довольно развитую обработку кости. В трех культурных слоях Шпеховки можно проследить появление на смену довольно грубым позднепалеолитическим орудиям из кварца микролитических пластинок с затупленным краем, а еще позднее (в верхнем слое) — появление мезолитических гарпунов. Аналогичные факты можно проследить и в Беталовом Сподмоле. Позднепалеолитические кремни с явными признаками микролитизации обнаружены в верхнем слое стоянки Невле.

Развитие позднепалеолитической техники и культуры на территории Югославии многим напоминает развитие позднепалеолитической техники и культуры в пределах средиземноморско-африканской области, в частности на территории Болгарии. Бросаются в глаза постоянное переживание мустьерских орудий, некоторое однообразие развития техники, без резких перемен в пределах позднего палеолита.

Но есть и существенные отличия. В той же пещере Поточка встречены отдельные кремневые острия, напоминающие солютрейские, отдельные кремневые орудия, обработанные ретушью, близкой к солютрейской, отжимной. Особенно же существенно гораздо более высокое, чем в позднепалеолитических поселениях средиземноморско-африканской области, развитие обработки кости, в частности, развитие костяных наконечников охотничьего оружия [46].

Все эти своеобразные черты не позволяют ставить технику и культуру позднепалеолитических обитателей Югославии за одни скобки ни с техникой и культурой позднепалеолитических обитателей Болгарии, ни с техникой и культурой позднепалеолитического населения соседних Венгрии и Австрии. Видимо, соседство с родовыми общинами, чье техническое и культурное развитие относится к европейской приледниковой области, у которых последовательно вырабатывалась и применялась солютрейская и мадленская техника в ее различных разновидностях, и близкие сношения с этими родовыми общинами наложили свой отпечаток на развитие

---

[46] Н. Байер (J Bayer. Die Olschewakultur. «Eiszeit und Urgeschichte», VI, Leipzig, 1929) отмечает сходство культурных остатков (в частности, костяных наконечников), происходящих из югославских пещер Поточка Зиялка и Локве, с культурными остатками из позднепалеолитических пещер Младеч (Лауч) в Северной Моравии и Мамонтовой пещеры в Польше. Это дает И Байеру, а также К. Happy (K. J. Narr. Karten zur älteren Steinzeit Mitteleuropas. «Archaeologia Geographica», Jahrgang 2, H. 3/4, Hamburg, 1951) основание объединить все названные поселения под именем позднепалеолитической ольшевской культуры. Чехословацкие исследователи палеолита, как мне представляется, справедливо критикуют эти схемы, указывая, что «ольшевьен», вероятно, не представляет собой самостоятельной культуры (см. Fr. Prošek, V. Ložek. Stratigrafické otázky československého paleolitu. «Památky archaeologické», XLV, Praha, 1954).

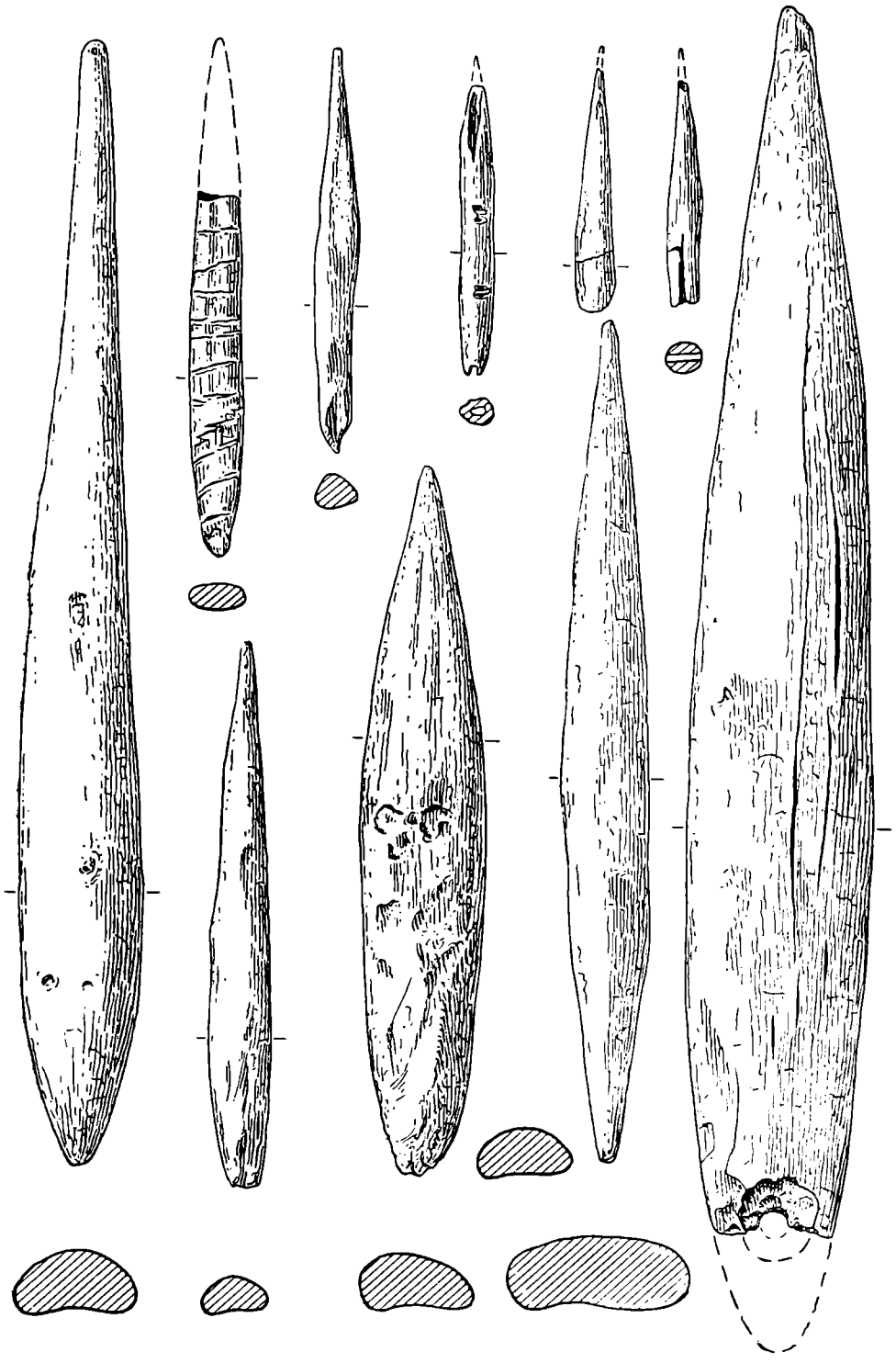

Рис. 17. Поточка Зиялка. Костяные орудия. (По С. Бродару).

техники и культуры у родовых общин, живших в эпоху позднего палеолита на северо-западе Югославии. В то же время материалы по позднему палеолиту Югославии позволяют констатировать, что граница между европейской приледниковой и средиземноморско-африканской областями развития позднепалеолитической культуры проходила по территории Центральной и Юго-Восточной Европы не очень четко и определенно. Ряд родовых общин, относясь в основном к той или иной области, занимал в то же время как бы промежуточное положение между ними, испытывал влияние со стороны родовых общин, живших по соседству и принадлежавших уже к другой области развития позднепалеолитической культуры.

Мы остановились более подробно на своеобразных чертах в развитии техники и культуры у позднепалеолитических обитателей территории Болгарии и Югославии. О Румынии, в дополнение к тому, что говорилось выше, в связи с распространением на ее территории солютрейских находок, ничего определенного сказать нельзя. За исключением верхнего культурного слоя грота Стынка Рипичень, в Румынии не известно ни одного сколько-нибудь выраженного многослойного или однослойного мадленского поселения.

Возможно, что, кроме северо-востока, вся остальная территория Румынии (к слову сказать, очень плохо исследованная в отношении палеолитических памятников), подобно территории Болгарии, принадлежала к средиземноморско-африканской области развития позднепалеолитической культуры.

Еще меньше можно сказать о палеолите Албании и Греции. В Албании известно только одно позднепалеолитическое местонахождение близ Тираны, у подножья горы Мали Дажти [47]. Оно представлено несколькими осколками костей и обработанными кремнями, в том числе двумя обломками пластинок с ретушью. В Греции, помимо единичных, плохо документированных и не вполне достоверных находок каменных изделий, известно только одно позднепалеолитическое поселение. Это небольшой грот Сеиди на Копаидском озере в Беотии, где в 1941 г. раскопками был обнаружен культурный слой с довольно многочисленными позднепалеолитическими изделиями из радиоларита, кремня и кварцита. Инвентарь Сеиди включает призматические нуклеусы, удлиненные пластинки, острия с затупленным краем, как более крупные, так и совсем миниатюрные, ладьевидные скребки, маленькие круглые скребки, 2 серединных резца, несколько довольно грубых наконечников с выемкой и пилку. В отличие от позднепалеолитических пещер Болгарии, обращает на себя внимание отсутствие орудий мустьерского облика, а также очень малое количество резцов [48].

В предыдущих очерках, рассматривая солютрейские и мадленские поселения Венгрии, Чехословакии, Польши и Австрии, мы останавливались на вопросе о локальном своеобразии позднепалеолитических культур некоторых из этих территорий. Подытоживая, можно заметить,— говоря не только о территории Центральной Европы, но и о смежной территории Русской равнины,— что прослеживаемые своеобразные черты, локальные различия в технике и культуре не образуют, как в эпоху неолита, замкнутых территорий с путями развития техники и культуры, несколько

[47] См. Quartär, II, 1939.

[48] V. G. C(h i l d e). Palaeolithic man in Greece. «Antiquity», vol. XXII, № 88, 1948.

отличающимися от путей развития техники и культуры на соседних территориях. Налицо появление и исчезновение черт локального своеобразия, как бы схождение и расхождение.

Так, например, мадленские пещеры Венгрии и Чехословакии обнаруживают гораздо бóльшую близость между собой, чем ориньякско-солютрейские поселения той и другой территории. Группа Моравансних стоянок наиболее близка не к другим позднепалеолитическим поселениям Чехословакии, а к группе позднепалеолитических поселений Костенковско-Боршевского района на Дону. Пещера Поточка в Югославии обнаруживает близкие аналогии с Мамонтовой пещерой в Польше. Количество таких примеров можно увеличить. Они свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что в позднем палеолите только начинался процесс выделения племен и племенных групп со своей культурой, несколько отличавшейся от культуры их соседей.

Памяти Василия Васильевича Латышева

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О БОСПОРСКОМ РЕМЕСЛЕ IV—I вв. до н. э.

Уточнение наших представлений о хозяйстве Боспора и других северопонтийских государств весьма важно для истории Северного Причерноморья. Между тем вопросы экономики северопонтийских стран во многом остаются малоизученными, что отчасти связано с недостатком письменных источников и по большей части односторонним исследованием вещественных материалов. Для того чтобы сдвинуть эти вопросы с мертвой точки, необходимо выдвигать новые гипотезы, применяя активные методы исследования вещественных материалов и постоянно обращаясь к косвенным данным.

В настоящем очерке мы будем неоднократно прибегать к статистическим расчетам. Мы хорошо знаем, что эти расчеты могут вызвать сомнения в их правильности. Но мы не настаиваем на их абсолютной точности, которая в существующих условиях и не может быть достигнута. Однако эти расчеты дают некоторую общую картину, позволяющую иной раз внести существенное исправление в то или иное положение.

Приведем пример. Нередко при рассмотрении торговли Боспора с Афинами в IV в. до н. э. придается большое значение вывозу в это время из Аттики художественно исполненной глиняной посуды [1]. Не подлежит сомнению, что аттические расписные вазы занимали видное место среди художественных керамических изделий на Боспоре в IV в. до н. э. Однако если мы обратимся к установлению роли расписной керамики в торговом балансе Афин и Боспора, то эта роль может быть выяснена посредством довольно простых расчетов.

Количество хлеба, ежегодно поступавшего из Боспора в Аттику в середине IV в. до н. э., нам известно по свидетельству Демосфена [2]. Это 400 000 медимнов, цена которых составляла от 333 до 400 талантов (5—6 драхм за медимн). Мы располагаем также сведениями о примерной стоимости ваз в близкое время. Так, кратер стоил 4 обола; меньшие по размерам сосуды ценились около одного, половины, трети и даже седьмой доли обола [3]. При таких ценах в обмен на боспорский хлеб можно было бы приобретать в год несколько миллионов ваз, что составило бы несколько сот ваз на одну семью [4].

[1] С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Сб. «Северное Причерноморье», М.— Л., 1953, стр. 139.

[2] Demosth. adv. Lept., 32.

[3] R. Hackl. Merkantile Inschriften auf attischen Vasen. Münchener archäologische Studien, dem Andenken A. Furtwängler gewidmet. München, 1909, стр. 98.

[4] Население Боспорского государства составляло примерно 150 000—200 000 человек (В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 178).

Совершенно очевидно, что в действительности ввоз был во много, вероятно, в десятки раз меньше. Таким образом, художественная глиняная посуда, шедшая из Аттики, не могла играть существенной роли в торговом балансе. Афиняне, нужно думать, расплачивались за хлеб прежде всего драгоценными металлами, которые и обеспечили боспорским правителям возможность чеканить монету и содержать наемную армию [5].

Приведенный пример, как нам кажется, наглядно показывает, что соответствующие расчеты, несмотря на их относительную достоверность, могут полностью опрокинуть некоторые довольно распространенные мнения.

В настоящем очерке мы попытаемся рассмотреть вопрос о роли ремесла в хозяйстве боспорских городов, главным образом в IV—I вв. до н. э.

Преимущественно земледельческий характер экономики Боспорского и Херсонесского государств вряд ли может вызвать сомнения. Однако большинство городского и некоторая часть сельского населения этих государств занимались промыслами и ремеслом, отдельные отрасли которого временами достигали большого развития. В силу этого представляется весьма существенным уточнить, каково было значение земледелия и ремесла на Северном Понте.

Роль ремесла в экономике Боспора определяется соотношением его с сельским хозяйством. Мерилом этого соотношения в известной степени могут служить масштабы производства, показателем которых является стоимость полученных продуктов, а равно количество рабочих рук, занятых в различных отраслях хозяйства.

Некоторый свет на этот вопрос может пролить свидетельство Страбона [6] о размерах дани, собиравшейся Митридатом Евпатором с обитателей Херсонеса (т. е. Крымского полуострова) и азиатских территорий около Синдики,— другими словами, с Боспорского и Херсонесского государств и, возможно, также с крымских скифов. Эта дань состояла из 180 000 медимнов хлеба и 200 талантов серебра.

Можно думать, что с земледельческого населения хоры дань взималась натурой, а жители городов платили ее деньгами.

Цена хлеба [7] во времена Митридата Евпатора примерно нам известна:

---

[5] С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 137.

[6] Strab., VII, 4, 6.

[7] Мы не располагаем определенными данными о цене хлеба в рассматриваемое время на Северном Понте. Нужно думать, что во времена Митридата Евпатора она примерно равнялась тем ценам, которые были и в Средиземноморье. Как об этом свидетельствует Полибий (Polyb., IV, 38, 5), Понт уже в середине II в. до н. э. не был постоянным поставщиком хлеба на средиземноморские рынки, и обмен хлебом между Причерноморьем и Средиземноморьем определялся потребностями в той или иной стране. Поэтому можно полагать, что в рассматриваемое время пшеница стоила около 6 драхм за медимн, ибо примерно такая цена была и в Средиземноморье. Так, на Делосе около 100 г. до н. э. медимн пшеницы, вероятно, стоил около 6 драхм (см. W. W. Tarn. Hellenistic civilisation. London, 1952, стр. 116. Отметим кстати, что в недавно вышедшем переводе в эту часть текста вкралась значительная погрешность: вместо подразумеваемого медимна назван модий — см. В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. стр. 121). В 90 и 60-х годах I в. до н. э. пшеница в Египте стоила 5—5$^1/_3$ серебряной драхмы за медимн (Fr. Heichelheim. Wirtschaftliche Schwankungen der Zeit von Alexander bis Augustus. Jena, 1930, стр. 122).

В Сицилии в 73 г. до н. э., судя по свидетельству Цицерона (Cic. in Verrem, III, 74, 75, 81, 84 и 85; Lydia Spaventa-de Novellis. Il prezzi in Grecia a Roma nell Antichita. Roma, 1934, стр. 101), цена модия хлеба колебалась от 2 сестерциев до 1 денария; таким образом, медимн стоил от 3 до 6 денариев. Следовательно, и в Сицилии цена медимна хлеба достигала суммы, равной 6 драхмам (ср. Fr. Heichelheim. Ук. соч., стр. 35). Наконец, в Риме в том же 73 г. до н. э. цена медимна хлеба была равна 21 сестерцию, однако в том же году хлеб продавался по цене 3 денария за мо-

180 000 медимнов пшеницы (при цене до 6 драхм), вероятно, стоили около 180 талантов. Однако нужно учесть, что сельское хозяйство Боспора и Херсонеса не ограничивалось хлебопашеством. Ведь в I в. до н. э. там видное место занимали виноградарство, садоводство и особенно разведение скота [8]. Поэтому и доходы от сельского хозяйства в целом должны были быть значительно больше упомянутых 180 талантов.

С другой стороны, налог в 200 талантов, видимо, выплачивался не только владельцами ремесленных мастерских, но и другими обитателями городов, а именно купцами, а также собственниками промысловых заведений. Напомним, что в это время,— во всяком случае, в некоторых северопонтийских городах,— винодельни и рыбозасолочные предприятия уже играли известную роль и притом, возможно, даже бóльшую, чем ремесленные мастерские. Какая доля названного обложения в 200 талантов приходилась на хозяев эргастериев, мы не знаем, но при всяких обстоятельствах она, очевидно, была значительно меньше названной суммы.

Сказанное приводит нас к заключению, что в I в. до н. э. сельское хозяйство, составлявшее основную статью в экономике Боспора и Херсонеса, явно превосходило доходностью ремесло; в каких размерах,— точно сказать мы не можем, но, возможно, в 2—3 раза. Этот вывод представляется вполне естественным: ведь в Боспорском государстве примерно три четверти производителей материальных благ находились в хоре [9].

Не подлежит сомнению, что хозяйство античных государств Северного Причерноморья не было чем-то незыблемым. Оно испытывало подчас значительные изменения, что в равной мере относится и к ремеслу.

К сожалению, рассмотренное свидетельство Страбона является единичным. Однако и при отсутствии прямых указаний мы можем с достаточной уверенностью говорить, что хлебопашество на Боспоре в IV в. до н. э. играло еще бóльшую роль, чем в I в. до н. э. В пользу этого свидетельствуют доступные нам данные о количестве хлеба, экспортировавшегося в метрополию. Ведь вывоз хлеба в одну Аттику в IV в. до н. э. более чем вдвое превосходил размер всей дани, собиравшейся Митридатом Евпатором. Свидетельство Полибия [10] о торговле метрополии с Понтом позволяет заключить, что в середине II в. до н. э. хлебный вывоз из припонтийских стран уменьшился, а взамен сократившегося земледелия получило развитие скотоводство.

Напротив, ремесло на протяжении времени с IV в. до н. э. до II—I вв. до н. э. вряд ли падало. Ведь во времена ранних Спартокидов в Боспорском государстве возникли новые города (Киммерик — на азиатском берегу [11], Горгиппия [12], вероятно, Танаис [13]), подобно тому, как это имело место в период эллинизма в Средиземноморье. Помимо этого, в IV—II вв. до н. э. заметно увеличилась площадь некоторых городов (Пантикапей, Херсонес), что, несомненно, было связано с ростом населения и, нужно думать, дальнейшим развитием ремесла. Это развитие ремесла наблюдается на археологическом материале в некоторых, хотя бы второстепен-

дий, т. е. 18 денариев за медимн (Cic. in Verrem, III, 179 и 180. Lydia Spaventa de Novellis. Ук. соч., стр. 101). Таким образом, стоимость медимна хлеба в Риме колебалась в пределах суммы, соответствовавшей $5^1/_4$ — 18 драхмам.

[8] Напомню, что Полибий (Polyb., IV, 38, 4), говоря о товарах, доставляемых из припонтийских стран в Средиземноморье, на первом месте упоминает скот.

[9] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 178.

[10] Polyb., IV, 38, 4.

[11] Ps. Scymn., 896.

[12] B. Latyschev. Historia regni Bosporani, IOSPE, II, стр. XX.

[13] Strab., XI, 2, 3.

ных отраслях производства: столовой посуде, расписной и рельефной керамике, косторезном деле.

Таким образом, для экономики Боспора IV в. до н. э. мы можем предполагать относительно еще бо́льшую роль сельского хозяйства по сравнению с ремеслом, а, возможно, и промыслами, чем это было во времена Митридата Евпатора.

Очень значительные изменения в хозяйстве боспорского общества произошли в позднеантичное время — в III—IV вв. н. э. Это был период рустификации городов и перехода к натуральному хозяйству. В это время сильно ослабели внешние торговые связи. Городское население в значительной мере занималось сельским хозяйством [14], почти прекратился привоз ремесленных изделий извне, и местные ремесленники обслуживали сильно упростившиеся потребности горожан.

Перейдем теперь к вопросу об основных ремеслах в боспорских городах. Преимущественно мы будем говорить о Пантикапее, лучше нам известном, чем другие города, и вместе с тем заключавшем значительную часть населения всех боспорских городов.

Судя по доступным нам данным, обработка дерева занимала едва ли не первое место среди ремесел Боспора. Страбон [15] в своем замечательном описании Пантикапея говорит о наличии в восточной части города гавани и доков [16] примерно на 30 кораблей. Для обслуживания таких доков нужно было по меньшей мере несколько сот кораблестроителей. С приведенным свидетельством Страбона перекликается одна из немногочисленных [17] боспорских надгробных надписей, заключающих указание на профессию покойника; это надгробие корабельного мастера Сиса [18], судя по отсутствию отчества, вероятно, вольноотпущенника, относится к I—II вв.н. э. (Σίσα ναυπηγέ, χαῖρε).

Далее, немалое число плотников и столяров должно было быть занято строительством (сооружением перекрытий и дверей), изготовлением различных машин, в том числе военных [19], мебели, орудий труда, утвари, оружия и пр. Боспор, видимо, не испытывал недостатка в необходимом материале. Судя по свидетельству Феофраста [20], из Пантикапея даже вывозили лес, правда, сильно уступавший по качеству синопскому. Сказанное побуждает нас видеть в плотниках и столярах самую значительную часть пантикапейских ремесленников.

Ввиду обилия находок обломков глиняных изделий, которые встречаются при раскопках античных поселений, керамическому ремеслу обычно придают слишком большое значение. В связи с этим представлением об исключительной роли керамики в древности К. Бюхер даже называл античную эпоху «глиняным веком».

Однако вряд ли можно сомневаться в том, что здесь мы имеем дело с большим преувеличением. Находки в городских напластованиях нового

[14] Ammian. Marc., XXII, 8, 32.

[15] Strab., VII, 4, 4.

[16] Помимо Страбона, о пантикапейских верфях сообщает еще безыменный автор перипла V в. н. э. (Anon. peripl. Pont. Eux., 76).

[17] Таковы два надгробия, найденные в Мирмикии, одно — флейтистки IV в. до н. э. (В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, вып. 23, стр. 44 и сл., № 29) и винодела конца IV—III вв. до н. э. (В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 году. ИАК, вып. 3, стр. 36 и сл., № 4). Относительно последней надписи отметим, что приведенное истолкование ее впервые было высказано В. Ф. Гайдукевичем.

[18] В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи. ИАК, вып. 63, стр. 115 и сл., № 7.

[19] App. Mithr., 107.

[20] Theophr. De plant., IV, 5, 3.

времени, заключающие обломки стекла, фаянсовых тарелок и фарфоровых чашек, при подобном подходе также привели бы к совершенно неправильным выводам о характере материальной культуры последних веков. К тому же следует помнить, что большинство обломков керамики с античных городищ составляют черепки остродонных амфор, которые не имели самостоятельного значения, а служили тарой для перевозки вина или масла.

Обращаясь к античным городам Северного Причерноморья, прежде всего нужно отметить, что значительная часть находимой там керамики привезена из-за моря. Что же касается производства керамических изделий в северопонтийских городах, то оно вовсе не было столь обширным и, во всяком случае, не занимало столь видного места среди других ремесел, как это на первый взгляд может показаться.

Остановимся сначала на производстве черепицы. Эта группа керамических изделий интересна в том отношении, что при применении активных методов исследования археологических материалов здесь возможны некоторые расчеты, позволяющие хотя бы очень приблизительно установить объем производства.

Нам известно, что площадь, занятая Пантикапеем в III в. до н. э., равнялась примерно 100 га. При обычной для античного мира городской застройке площадь, сплошь покрытая черепицей, составляла около $^3/_5$ общей площади города. Тогда в Пантикапее она примерно была 60 га.

Учитывая обычные размеры пантикапейских черепиц и наклон крыш, нужно полагать, что на 1 кв. м должны были приходиться 4 солена и 4 калиптера, т. е. всего 8 штук черепицы. Таким образом, общее число черепиц крыш Пантикапея должно было равняться 4 800 000 или, с округлением, 5 000 000 штук.

Привозная черепица [21] составляла в Пантикапее около 20% находок, а черепица местного производства — примерно 80%. Следовательно, число черепиц боспорской работы, устилавших крыши Пантикапея, должно было быть около 4 000 000 штук.

Как известно, античная черепица, особенно доримского времени, очень прочна, и срок службы ее был весьма продолжительным. Пожары в античных городах, где преобладали одноэтажные и отчасти двухэтажные дома, сооруженные из камня или сырца, не могли быть очень губительными. Во всяком случае, раскопки Пантикапея не дают оснований полагать, что этот город мог сильно страдать от пожаров. Поэтому в Пантикапее вряд ли могла возникнуть надобность часто обновлять черепичные кровли; можно думать, что в течение двух столетий особенно интенсивной городской жизни — IV и III вв. до н. э. — едва ли это произошло более 2—3 раз.

К указанному расходу пантикапейских черепиц нужно добавить еще значительное потребление ее другими боспорскими городами, общая площадь которых была сравнительно ненамного больше площади Пантикапея; наконец, пантикапейская черепица вывозилась, по-видимому, в небольшом количестве в поселения боспорской хоры. Учитывая эти статьи потребления боспорской черепицы, приходим к выводу, что в IV—III вв. до н. э. должно было быть изготовлено примерно 20 000 000—25 000 000 черепиц.

Располагая этим числом, мы можем установить приблизительно количество рабочих дней, потребных для изготовления черепиц. Принимая во внимание стоимость черепицы в близкое время — $1^1/_2$ обола за штуку [22]

[21] И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 109.

[22] Herond. Mimiambi, III, 44 и сл.

и доход от раба-ремесленника до 4 оболов в день [23], можно считать, что производительность труда раба-керамиста равнялась 3 черепицам в день. Учитывая применение почти только одного человеческого труда (при отсутствии рабочего скота), копку и подноску глины в эргастерий, доставку воды, размешивание глины, все работы, связанные с изготовлением и ремонтом форм для черепицы, формовку черепицы, клеймение, сушку, нанесение различных обмазок или облицовок, заготовку и доставку дров, загрузку и топку печи, разгрузку и перемещение готовой продукции, не говоря о всех работах, связанных с сооружением и ремонтом печей для обжига, и, наконец, принимая во внимание невысокую производительность рабского труда,— мы не имеем основания считать приведенную цифру заниженной. Попутно напомним, что вес солена достигает 30 кг. При подобной продуктивности один раб мог изготовить в год около 1100 черепиц, а потребные 20 000 000 — 25 000 000 черепиц могли быть выполнены в течение двух веков постоянным трудом примерно 100 рабов.

С самого начала отметим, что здесь речь может идти только о некоторой общей средней цифре, ибо, судя по всем данным, мы не можем говорить о равномерном производстве черепицы в течение IV и III вв. до н. э. Напротив, выпуск черепицы, по-видимому, временами, в годы интенсивного строительства, сильно расширялся с тем, чтобы в дальнейшем заметно угаснуть.

Как известно, до нас дошло весьма значительное количество пантикапейских черепичных клейм. Около $^1/_5$ клейм со словами ΒΑΣΙΛΙΚΗ или ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ представляют штемпеля боспорских царских мастерских [24], а остальные носят имена боспорских правителей, их родичей или других лиц. Судя по этим штемпелям [25], в Пантикапее в IV—III вв. до н. э. существовало несколько десятков эргастериев. Установить продолжительность деятельности этих эргастериев, конечно, невозможно. Однако коль скоро клеймение производилось именем владельца мастерской, можно полагать, что деятельность эргастерия обычно не превышала 30 лет. Сказанное подводит к выводу, что пантикапейские эргастерии, изготовлявшие черепицу, не были большими и в них, вероятно, работало лишь по нескольку человек (примерно с десяток).

Большими размерами должны были отличаться только царские мастерские III—II вв. до н. э., выпускавшие черепицу с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ; но и там число рабов, вероятно, исчислялось десятками, а возможно, превосходило сотню.

О небольших размерах боспорских частных эргастериев свидетельствует и сравнительно незначительное количество дошедших до нас клейм с именами их владельцев. Обычно таких штемпелей — не более десятка. Для сравнения отметим, что, согласно любезному сообщению Б. Н. Гракова, в Северном Причерноморье найдено 137 амфорных клейм родосской мастерской Демократа (с изображением розы).

Если картина черепичного производства Пантикапея для нас более или менее ясна, то сложнее обстоит дело с другими городами Боспорского государства. Несомненно, что, во всяком случае, в некоторых из них (Фанагория, Горгиппия) было свое производство черепицы[26], размеры которого

[23] В III в. до н. э. на Делосе квалифицированный рабочий мог заработать в лучшем случае 4 обола в день (В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, стр. 129).

[24] Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 207.

[25] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 300 и сл.

[26] В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 246 и сл.; Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, стр. 152 и сл.

в настоящее время установить трудно. Несомненно, что эти центры уступали по масштабам черепичного производства Пантикапею. Показательно, что пантикапейская черепица нередко встречается в городах не только европейской, но и азиатской части Боспорского государства.

Помимо черепицы, в керамических мастерских Пантикапея изготовлялось, разумеется, значительное количество других изделий: остродонных амфор, кухонной, простой, столовой и художественно украшенной посуды, терракотовых фигурок, светильников, грузил, пряслиц и других предметов [27]. Учесть количество этой продукции и особенно объем труда, необходимого для ее изготовления, много труднее, чем исследовать примерные масштабы черепичного производства.

Однако мы можем отметить, что среди перечисленных категорий керамических изделий, найденных на Боспоре, очень большое место занимают предметы, привезенные из Средиземноморья и с других берегов Понта. Кроме того, подобные изделия производились не только в Пантикапее, но и в Фанагории [28], Горгиппии, малых городах [29] Европейского Боспора и даже в сельских местностях Синдики [30], а также в европейской части боспорской хоры [31]. Все сказанное позволяет думать, что число рабочих рук, занятых в Пантикапее изготовлением этих видов керамических изделий, вряд ли могло быть много больше количества гончаров, изготовлявших черепицу.

Таким образом, можно говорить о заметном развитии черепичного дела, которое, однако, за исключением Пантикапея, видимо, не имело особого распространения в других городах Боспора. Производство посуды, а также прочих мелких глиняных изделий, напротив, получило повсеместное распространение. Вполне вероятно, что количество глиняной посуды, изготовлявшейся в Пантикапее, уступало тому, которое выпускали остальные боспорские города в целом.

К сожалению, в настоящее время мы еще не можем установить, какие отрасли ремесла были наиболее характерны для того или иного боспорского города. Но не исключена возможность, что в некоторых городах (может быть, в Нимфее, Горгиппии) производство мелких керамических изделий занимало относительно большее место, чем в Пантикапее.

Гончарные печи неоднократно встречались при раскопках античных городов и даже сельскохозяйственных поселений Северного Причерноморья; нередко при этом были обнаружены различные орудия труда гончаров и образцы производственного брака, позволяющие установить местное производство тех или иных групп керамических изделий. Но вопрос о керамическом эргастерии как производственной организации до сего времени еще не ставился с надлежащей широтой.

Можно отметить, что известные нам керамические мастерские Ольвии, Херсонеса, Фанагории и особенно мастерская пантикапейского коропласта, открытая в 1949 г., не производят впечатления больших эргастериев.

[27] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 144 и сл.; И. Б. Зеест. Керамическая тара Елисаветовского городища и его курганного некрополя. МИА. № 19, 1951, стр. 123.

[28] М. М. Кобылина. Фанагорийская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 47 и сл.; В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. МИА, № 19, стр. 214 и сл., 218 и сл.

[29] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмикия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 192.

[30] Д. Б. Шелов. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 162 и сл.

[31] В. Д. Блаватский и Д. Б. Шелов. Разведки на Керченском полуострове. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 106 и сл.

Достаточно сказать, что площадь загрузочной части печи последнего эргастерия — всего около $^2/_5$ кв. м [32]; это не позволяло одновременно обжигать больше 2—3 сотен даже маленьких терракотовых фигурок.

Видимо, несколько больший по размерам херсонесский эргастерий, открытый в 1900 г.[33], весьма примечателен в другом отношении, а именно — эта мастерская выпускала очень разнообразную керамическую продукцию. Там изготовлялись остродонные амфоры с клеймом Ἱστρώνος τοῦ Ἀπολλωνίδα ἀστυνομοῦντος, чернолаковая посуда и терракотовые фигурки.

Судя по доступным нам материалам, керамические эргастерии Пантикапея обычно были более специализированными. Это можно сказать об упомянутой мастерской коропласта 1949 г. и с несколько меньшей уверенностью — об эргастерии коропласта 1878 г. и расположенной поблизости гончарной печи 1929 г.[34], вероятно, служившей для обжига остродонных амфор.

Наблюдения над пантикапейской керамической эпиграфикой позволяют наметить следующие выводы. Нам известны клейма с именами примерно семи десятков владельцев эргастериев, выпускавших черепицу. Совпадение этих клейм со штемпелями на ручках боспорских остродонных амфор [35] показывает, что значительная часть (примерно треть) черепичных эргастериев Пантикапея выпускала также и керамическую тару. Таким образом, можно предположить, что в боспорской столице, помимо узко специализированных мастерских, производивших только статуэтки или черепицу, были еще и эргастерии, в которых изготовлялись обе разновидности крупных керамических изделий, т. е. и черепица, и остродонные амфоры.

В отличие от нередко клеймившихся черепиц и остродонных амфор, другие виды боспорских керамических изделий обычно не снабжались штемпелями [36], что затрудняет определение организации производства. Скорее всего эргастерии, выпускавшие посуду и прочие виды керамических изделий, принадлежали многочисленным мелким рабовладельцам. В числе их, по-видимому, был Ксенофант, который имел в Пантикапее в IV в. до н. э. эргастерий, изготовлявший роскошные вазы, украшенные рельефами и росписью.

Итак, и при всех сделанных оговорках намечается несколько бóльшая специализация керамических мастерских Пантикапея по сравнению с Херсонесом. Пантикапей, как известно, превосходил размерами Херсонес примерно втрое и, кроме того, располагал значительно более обширным рынком сбыта. Здесь интересно вспомнить свидетельство Ксенофонта [37], отмечающего, что большей величине города отвечает более развитая специализация ремесленного производства.

Более видное место, чем черепичное производство, занимало каменотесно-строительное дело с сопряженными работами. Сюда относятся ломка камня в каменоломнях, отеска его в блоки (квадровые или иных форм,

[32] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1949 г.). КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 213, рис. 70, стр. 223.

[33] ОАК за 1900 г., стр. 21. Близкая картина наблюдалась и при последующих раскопках гончарных печей в Херсонесе. См. В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, № 4, стр. 152.

[34] В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. План города. МИА, № 19, 1951, стр. 41, № 60. В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 49.

[35] ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 319 и сл.

[36] Исключение составляет только сравнительно малочисленная группа мерных кувшинов — ойнохой, которые снабжались штемпелями, видимо, гарантировавшими надлежащую емкость сосуда.

[37] Xenoph. Inst. Cyr., VIII, 2, 5.

в частности изготовление каменной черепицы и различных архитектурных деталей), доставка строительных материалов на место, постройка домов (включая отделочные работы). Далее следует назвать, вероятно, не менее трудоемкие градостроительные работы. Напомню, что террасная планировка [38] Пантикапея требовала постройки подпорных стен и больших земляных работ для сооружения насыпей. Эти террасы и платформы неоднократно перестраивались. Твердыни акрополя Пантикапея частично были воздвигнуты на специально подтесанных выходах материковой скалы. Высота таких подтесок достигала $3^1/_2$ м при длине, превосходившей 20 м. Затем следует назвать постройку оборонительных стен города, сооружение общественных зданий, мостовых, водостоков, удаление строительного мусора на свалки за пределами города. Наконец, немало рабочих рук было нужно для сооружения курганов с каменными склепами и различного вида надгробных памятников.

Все эти работы были во много раз более трудоемкими, чем снабжение города черепицей. Таким образом, мы приходим к выводу об очень большой роли каменотесно-строительного дела в Пантикапее.

В других боспорских городах строительное дело также требовало немало труда, но все же относительно меньше, чем в Пантикапее. Говоря это, мы имеем в виду не только меньшие размеры малых боспорских городов, что само собой разумеется, но прежде всего — гораздо более высокий уровень градостроительства столицы с террасной планировкой, богатыми общественными зданиями и более совершенную строительную технику.

Вместе с тем можно отметить преобладание той или иной отрасли строительного дела в различных городах. Так, в Пантикапее и ряде городов европейской части Боспора большую роль играло каменотесное дело. В Фанагории и других центрах бедного камнем Таманского полуострова получило широкое распространение применение сырцового кирпича.

В отличие от Ольвии, где издавна было сильно развито бронзолитейное дело, в боспорских городах металлургия, вероятно, не имела такого значения. Сравнительно редкие находки железного и бронзового шлака, обломков тиглей и сопел при раскопках боспорских городов весьма показательны, контрастируя с более обильными остатками металлургических эргастериев, обнаруженных особенно в конце 20-х годов текущего столетия в Ольвии. Однако это, разумеется, не означает, что боспорские города могли обходиться без бронзолитейщиков и кузнецов; последние, кстати сказать, были нужны для изготовления железных скреп, необходимых в корабельном, строительном и плотницком деле. К тому же следует добавить, что раскопками последних лет установлено наличие небольшого количества деревенских кузниц в Синдике.

Одной из отраслей металлургического дела в древности было производство оружия. На Боспоре в спартокидское время, когда вооруженные силы по преимуществу состояли из наемников, приходивших со своим оружием, оружейное дело не могло получить особого развития. Совершенно иные условия создались в период сарматизации, когда боспорское войско комплектовалось из местного населения и вместе с тем возникла необходимость снабжать его вооружением сарматского типа, что должно было способствовать оживлению кузнечного дела.

Значительное расширение оружейного дела, видимо, имело место на Боспоре в последние годы правления Митридата Евпатора. По свидетельству Аппиана [39], тогда там в большом количестве делали оборонительное

[38] В. Д. Блаватский. Новые данные о строительстве Пантикапея. СА, XVII, стр. 165 и сл.

[39] App. Mithr., 107.

вооружение (ὅπλα), метательные орудия (βέλη) и военные машины (μηχαναί), для чего не щадили ни лесного материала, ни рабочих быков для изготовления тетив.

Большое значение на Боспоре, особенно в Пантикапее, видимо, имела торевтика. Ювелирное дело и чеканка монеты в Пантикапее засвидетельствованы с VI в. до н.э.; вполне вероятно, что в то же время они существовали в некоторых городах азиатского Боспора [40]. Вместе с тем чеканка монет, хотя и с перерывами, наблюдалась и в последующее время в Аполлонии-Нимфее, Фанагории, Горгиппии, Феодосии. Ювелирное дело засвидетельствовано в Дие-Тиритаке [41] находкой штампа для оттискивания бляшек.

Точно установить размеры ювелирного производства на Боспоре мы не можем; несомненно, что довольно еще ограниченное в VI—V вв. до н. э., оно значительно расширилось в IV в. до н. э., обслуживая, вероятно, не столько боспорскую аристократию, сколько местную племенную знать. Примечательно, что среди найденных на Боспоре орудий труда металлургов формы для отливки различных мелких ювелирных поделок и штампы для оттискивания рельефных украшений на бляшках занимают видное место.

Все сказанное позволяет предполагать, что Пантикапей был одним из крупных центров древней торевтики. Однако это еще не дает основания заключить, что мастера-торевты Пантикапея были многочисленны.

О пантикапейских ювелирных мастерских, к сожалению, не упоминает ни один древний автор. Несомненно, что эргастерии, где изготовлялись вещи, подобные кульобской электровой вазе, золотому гребню из кургана Солохи или чертомлыцкой серебряной амфоре, должны были принадлежать очень богатым людям. Кто были владельцы этих эргастериев, мы не знаем и можем высказывать только догадки. Драгоценные металлы, вероятно, в основном поступали на Боспор из Средиземноморья в обмен на хлеб; в IV в. до н. э. они сосредоточивались в руках Спартокидов. Эти металлы отчасти обеспечивали монетную чеканку, отчасти могли получать и другое применение. Возможно, что самые богатые рабовладельцы Боспора — Спартокиды были хозяевами ювелирных мастерских. Большой размах деятельности этих эргастериев, выпускавших значительное количество однотипной продукции — бесчисленных оттиснутых одинаковыми штампами бляшек, которые встречались в могильниках Пантикапея, Нимфея, азиатского Боспора и скифских курганах Приднепровья [42], подтверждает это предположение.

Вполне согласуется со сказанным и стилистическая близость рельефов на золотых бляшках [43], а равно и сцен из скифской жизни на изделиях

---

[40] И. Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 162 и сл. О монетной чеканке Фанагории см. E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, табл. IX, *11*. Относящееся примерно к середине VI в. до н. э. келермесское зеркало, по-видимому, было исполнено на Боспоре; об этом свидетельствует наличие там мотивов как античных (преимущественно малоазийских), так и местных — прикубанских (В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 30). Было бы, конечно, очень заманчиво усмотреть в этом зеркале работу мастера-эолянина (как это делает М. И. Максимова в статье «Серебряное зеркало из Келермеса» — СА, XXI, стр. 304 и сл.), что подтвердило бы гермонасское (а отнюдь не урартийское) его происхождение. Однако приводимые в пользу Эолии аргументы нельзя признать достаточными.

[41] В. Ф. Гайдукевич. Античный бронзовый штамп, найденный в Тиритаке. СА, VI, стр. 298 и сл.

[42] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 362, 383 и сл.

[43] Там же, стр. 444.

боспорской торевтики, с одной стороны, и изображений головы божества, так называемого Пана, на пантикапейских золотых статерах,— с другой. Во всяком случае, весьма примечательно, что с прекращением золотой чеканки Пантикапея примерно совпадает исчезновение массовых выпусков золотых бляшек боспорских мастерских [44].

Помимо изготовления золотых и серебряных изделий, в мастерских Боспора еще в VI в. до н. э. применялось золочение. В качестве примера такого изделия можно назвать келермесское зеркало. Золочение получило распространение и, возможно, стало особой отраслью ювелирного дела при поздних Спартокидах и в период сарматизации. Это могло быть связано с некоторым сокращением производства золотых и серебряных изделий. В то время боспорскими мастерскими в значительном числе выпускались железные вещи, обтянутые художественно украшенными золотыми и серебряными бляхами [45].

Возвращаясь к пантикапейским ювелирным мастерским VI в. до н. э., отметим весьма интересные надписи [46] на золотых изделиях из Кульобского кургана: ΠΟΡΝΑΧΟ и ΠΑΙ (может быть, παι(δίσκο), означающие, по всей вероятности, имена исполнивших их мастеров.

Особого внимания заслуживает надпись [47] на ручке медного ковша или кастрюли, найденной в 1927 г. в кургане около станицы Мелиховской. Здесь мы не будем подробно останавливаться на этом весьма любопытном памятнике, которому предполагаем посвятить особый очерк. Отметим только, что в этой надписи говорится о посвящении за молодых позолотчиков при экономе (т. е. управляющем хозяйством или мастерской) Феофиле. Упоминание его имени в качестве своего рода эпонима побуждает видеть в нем не простого раба или отпущенника, ведавшего частным эргастерием. Этот Феофил, вероятно, был небольшим магистратом (примерно таким же, как астиномы или агорономы), управляющим мастерской золотильщиков, а может быть, вместе с тем и ювелиром или даже надзирателем других мастерских в хозяйстве боспорских правителей.

Если наши предположения о существовании в Пантикапее царских ювелирных мастерских правильны, то некоторой отдаленной параллелью им могут быть появившиеся позднее царские эргастерии Пергама, изготовлявшие златотканные материи (парчу Атталидов).

Расцвет государственных монополий в Средиземноморье приходится на эллинистический период. Как ни скудны наши сведения о хозяйстве Боспора, однако мы все же можем предполагать, что и там царские монополии были характерной особенностью хозяйства времени Спартокидов, а в период сарматизации произошло некоторое перемещение богатств, ранее в большей мере сконцентрированных в руках правившей династии [48].

[44] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 446.

[45] Там же, стр. 578.

[46] E. Minns. Ук. соч., стр. 203, рис. 98; М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 383.

[47] А. Ф. Семенов. По поводу греческой надписи на ручке ковша, найденного при раскопках Мелиховского кургана. Зап. Северокавказск. краев. об-ва археологии, истории и этнографии, кн. I (III), вып. 5-6, Ростов-на-Дону, 1929—1930, стр. 47; A. Semenov. Eine parodische (?) griechische Inschrift aus Südrussland. Philologische Wochenschrift, 1930, № 32-33.

[48] Вероятно, в одной из таких частных боспорских мастерских был исполнен золотой сосуд с зооморфной ручкой, обнаруженный в станице Мигулинской на среднем Дону (Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. X, № 27) и, возможно, близкий по времени Новочеркасскому кладу (И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III. СПб., 1890, стр. 138). Исполненная явно одной рукой, но, по-видимому, в два приема, надпись на мигулинском сосуде, скорее всего, может быть прочтена: Ξηβανόχου Ταρούλας ἐποίε(ι) χρ(υσοῦ) μή.

О ткачестве на Боспоре в сущности мы знаем еще меньше, чем об обработке металлов. Как известно, в древней Греции ткачество обычно было женским домашним производством, которым занимались как свободные женщины, так и рабыни. Демосфен [49], перечисляя типичные занятия рабынь, называет шерстепрядильниц. Этот характер домашнего и к тому же в значительной мере рабского производства обусловил довольно низкий уровень техники греческого ткачества, сильно отставшего от современного ему египетского [50]. У греков применялся примитивный вертикальный станок, в то время как египтяне пользовались значительно более усовершенствованным — горизонтальным.

По-видимому, ткачество было значительно распространено в городах и селах Боспорского государства; об этом говорит обилие пряслиц, находимых при раскопках поселений и могильников. Труднее решить вопрос о назначении [51] глиняных пирамидальных грузил, возможно, в большей части применявшихся для сетей рыболовов. Но все же некоторая часть этих грузил, в том числе сравнительно немногочисленные плохо обожженные грузила [52], использовалась в ткацком деле. При обилии мелкого рогатого скота [53] на Боспоре не могло быть недостатка в шерсти, служившей основным сырьем для тканей. Находка обрывков ткани в одной из фанагорийских могил при раскопках М. М. Кобылиной в 1950 г. показывает, что в ткачестве применялась и конопля [54].

Как было организовано ткацкое дело на Боспоре, мы не знаем. Вероятно, оно в основном не выходило за рамки обычного домашнего женского производства, не перерастая в ремесло, рассчитанное на продажу изделий.

Весьма показательны в этом отношении обрывки тканей, обнаруженных в 70-х годах прошлого столетия при раскопках богатых погребений Пантикапея и азиатского Боспора. Значительная часть этих тканей — шерстяные, исполненные посредством самых простых технических приемов на примитивных ткацких станках [55]. Такая техника мало вероятна в ремесленных мастерских, но она вполне возможна для домашнего женского рукоделия.

С ткацким делом на Боспоре, видимо, была связана еще одна отрасль производства — художественная раскраска тканей. Такие ткани нам

(М. И. Ростовцев. Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской. ИАК, вып. 63, стр. 107). Термин ἐποίει позволяет видеть в этой надписи сигнатуру не мастера, исполнившего сосуд, а владельца ювелирной мастерской. Оба имени рассматриваемой надписи явно не эллинские (скорее всего,— фракийские). Это побуждает думать, что автором надписи был эллинизованный обитатель Боспора. Некоторое затруднение вызывает истолкование первого слова; остальная часть надписи, несомненно, гласит: «Тарулас сделал меня (сосуд) из золота». Что же касается первого имени — Ксебанока, то оно могло принадлежать заказчику, который потребовал от ювелира увековечить свое имя. Однако при этом непонятно, почему оно как бы приписано к сигнатуре мастерской, не указано отчество владельца и вообще требование покупателя выполнено так небрежно. Нам представляется более вероятным считать Ксебанока отцом владельца, мастерской, а тогда в его сыне Таруласе должно видеть довольно видного представителя боспорского общества.

[49] Demosth. Or., XLVII, 72.

[50] М. Хвостов. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. Казань, 1914, стр. 18 и сл.

[51] См. недавно вышедшую статью В. Ф. Гайдукевича («К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях». МИА, № 25, 1952, стр. 397 и сл.), который считает эти грузила ткацкими. Иная точка зрения, см: Н. А. Онайко («О фанагорийских грузилах». МИА, № 57, 1956, стр. 154 и сл.).

[52] Отметим, что такие грузила характерны для сравнительно отдаленного от моря Раевского городища.

[53] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 98 и сл.

[54] Там же, стр. 82, прим. 3.

[55] М. Хвостов. Ук. соч., стр. 25 и сл.

известны по находкам в Павловском и Семибратних курганах [56]. Рисунки на этих тканях довольно близки по стилю изображениям на пантикапейских расписных надгробиях, особенно найденному на горе Митридата в 1951 г. [57]. Однако это вовсе не означает, что среди найденных на Боспоре тканей нет привозных материй, как это, кстати сказать, засвидетельствовано Страбоном [58] для района Танаиса. Далее, одной из важных отраслей античного производства было мукомольное дело, которое при невысокой технике перемалывания зерна было весьма трудоемким процессом.

В архаическую эпоху мукомольное дело в городах Боспора, видимо, обслуживало только домашние потребности, о чем свидетельствует находка примитивной ладьевидной зернотерки в одном из пантикапейских домов («доме Коя») конца VI в. до н. э.[59]

В I—III вв. н. э., как это можно заключить по мукомольне, обнаруженной И. Б. Зеест [60] в Киммерике, в боспорских городах имелись хотя бы небольшие производства, вероятно, рассчитанные на продажу изделий [61]. Когда впервые появились такие производства в Северном Причерноморье, — мы не знаем. Однако наличие аналогичных мельниц с жерновом-толкачом в синдских поселениях в III—II вв. до н. э.[62] допускает предположение о производстве в боспорских городах муки на продажу еще в спартокидское время. Вполне возможно также, что на Боспоре, особенно в больших городах, так же как и в Ольвии [63], в первых веках нашей эры были и хлебопекарни.

Еще менее ясны для нас кожевенное и скорняжное производства, весьма важные в древности, ибо с ними было связано изготовление вооружения, упряжи, обуви и прочих предметов. Дубление кож в Боспорском государстве должно было занимать известное место, ведь δέρματα (т. е. кожи или шкуры), по свидетельству Страбона [64], вывозились с Танаиса; вряд ли этот товар целиком заготовлялся одними кочевниками. С дальнейшей обработкой кожи связано сапожное дело, о котором свидетельствуют находки кожаной обуви [65] и остатков ее, встречающиеся в боспорских могилах. Попутно отметим, что в Пантикапее в первых веках нашей эры применялись и деревянные сандалии [66].

В сущности мы ничего не знаем об изготовлении канатов и парусов, а потребность в них, при больших пантикапейских доках, была весьма значительной. Вряд ли их доставляли из греческой метрополии. Во всяком случае, Аттика во времена ранних Спартокидов, т. е. в период наи-

[56] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. I. СПб., 1889, стр. 65 и сл.; ОАК за 1878—1879 гг., стр. 112 и сл., 120 и сл., 131 и сл., 138 и сл., табл. III, *1—3*, *7*, IV, V, VI, *1—4*.

[57] Л. И. Чуистова. Фонды Керченского музея. Сб. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 250, рис. 6.

[58] Strab., XI, 2, 3.

[59] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1952 г. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 78 и сл.

[60] И. Б. Зеест. Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 97 и сл.

[61] В киммерикской мукомольне 1948 г. находились 2 каменные ступки и ручная мельница с жерновом-толкачом. Подобные мельницы с жерновами-толкачами мы видим на «мегарской чаше» из Беотии с изображением мукомольни (F. Courby. Les vases grecs à reliefs. Paris, 1922, стр. 300 и сл.).

[62] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 138 и сл.

[63] Л. М. Славин. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 61 и сл.

[64] Strab., XI, 2, 3.

[65] См. хорошо сохранившуюся, по-видимому, женскую кожаную сандалию из могилы около начала I в. н. э. — ОАК за 1878—1879 гг., стр. 142 и сл., табл. VI. *5*, *6*.

[66] ОАК за 1878—1879 гг., стр. 143 и сл.

более оживленных торговых связей с Боспором, сама получала паруса и канаты из Египта [67]. Между тем хорошим сырьем для производства канатов и парусов могла служить конопля, наличие которой в Северном Причерноморье засвидетельствовано как письменными источниками [68], так и уже упоминавшейся нами фанагорийской находкой.

Помимо перечисленных крупных ремесленных производств, на Боспоре существовал целый ряд более мелких: косторезное производство, о котором свидетельствуют многочисленные находки в Пантикапее надпиленных кусков костей и рогов; стеклодувное, о котором можно заключить по находкам отходов в Фанагории; плетение корзин, красильное дело, изготовление гипсовых украшений, починка битой посуды и пр.

Техника производства в сущности еще мало изучена. Можно, однако, сказать, что в основном она была, видимо, довольно близка средиземноморской. Боспорская черепица и керамическая тара отличались высоким качеством; чернолаковая и, особенно, расписная посуда Боспора сильно уступала аналогичным изделиям метрополии. Исключительно высоким техническим и художественным уровнем выделялись торевтика и монетная чеканка Пантикапея IV в. до н. э. Ряд данных свидетельствует о постоянном обмене опытом Причерноморья со Средиземноморьем. Это сказывается в градостроительстве (принципы планировки), строительных приемах (техника каменной кладки), отделочных работах и употреблении специальных облицовочных растворов, применении форм при изготовлении рельефных сосудов (типа «мегарских чаш») [69], а также лака в архаической боспорской или эллинистической херсонесской керамике.

Ремесленники составляли значительную часть, но, разумеется, отнюдь не все население боспорских городов. Помимо них, там было немало народа, связанного с торговлей (купцы, их рабы, в том числе грузчики) и с мореходством. По всей вероятности, гавани играли неодинаковую роль в хозяйственной жизни различных боспорских городов. Так, в сравнительно небольшой по площади Феодосии, в которой, вероятно, было лишь несколько тысяч жителей, гавань, по словам Страбона, вмещала до 100 кораблей [70]. Вместе с тем, по свидетельству Демосфена [71], можно заключить, что вывоз хлеба из Феодосии, после оборудования там порта Левконом, мало чем уступал Пантикапею. В таком городе морская торговля должна была занимать весьма значительное место. Менее ясно обстоит дело с Нимфеем, о котором Страбон [72] говорит как о городе с хорошей гаванью (πόλιν εὐλίμενον).

Еще труднее судить о роли торговли в других городах Боспорского государства, но, по всей видимости, кроме Фанагории [73], Танаиса [74] и, нужно думать, Горгиппии [75], она не была особенно значительной.

---

[67] По свидетельству аттической комедии, паруса доставлялись из Египта в Афины еще в последних десятилетиях V в. до н. э. (М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, стр. 82, прим. 3). Одна из аттических надписей конца IV в. до н. э. указывает на употребление в Афинах канатов и парусов египетского производства (М. Хвостов. Текстильная промышленность в греко-римском Египте, Казань, 1914, стр. 49, прим. 2).

[68] Herod., IV, 74.

[69] Отметим, что это относится не только к столице — Пантикапею, но и к малому городу — Мирмикию (В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмикия. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 113).

[70] Strab., VII, 4, 4.

[71] Demosth. adv. Lept., 33.

[72] Strab., VII, 4, 4.

[73] Strab., XI, 2, 10.

[74] Strab., XI, 2, 3.

[75] Об этом свидетельствует хотя бы надпись фиаса горгиппийских навклеров, из

Далее нужно отметить, что часть городского населения занималась рыбной ловлей и связанными с последней плетением и ремонтом сетей (вероятно, производившимися самими рыбаками), а также лучше нам известным [76] рыбозасолочным делом [77]. Наконец, к занятиям городского населения относились виноградарство и виноделие, а также — особенно в позднеантичное время — хлебопашество и скотоводство.

Судя по величине дошедших до нас виноделен [78] и большинства рыбозасолочных цистерн [79], эти промысловые хозяйства, подобно ремесленным эргастериям, обычно были небольших размеров, т. е. обслуживались трудом немногочисленных работников.

Сопоставляя доступные данные о Пантикапее и других населенных пунктах Боспора, можно заключить, что весьма значительная часть боспорского ремесла и торговли была сосредоточена в боспорской столице. Ведь Пантикапей немногим уступал по площади, а следовательно, и по населению, всем малым городам Боспора. В малых городах, возможно, более значительное место занимали не ремесло и торговля, а промыслы и земледелие. Недаром Страбон [80] именует комами, т. е. селами, бо́льшую часть тех населенных пунктов, которые у нас принято называть малыми боспорскими городами.

данная В. В. Латышевым («Неизданные горгиппийские подписи». ИАК, вып. 37, стр. 38 и сл., № 2). Большое число имен судохозяев указывает на значительную роль морской торговли в Горгиппии.

[76] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 352 и сл.

[77] В Херсонесе особой отраслью производства было изготовление специальных рыбных соусов; во II в. н. э. там даже был ὀψόπωλις — специальный рыбный рынок (С. Семенов-Зусер. Рыбный рынок в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 2, стр. 244 и сл.). Возможно, аналогичное производство существовало и на Боспоре.

[78] Как нам представляется, число рабов в боспорской винодельне было примерно 10—15. Это число может быть определено из следующего расчета. Размеры точила, сооруженного для празднества, устроенного в Александрии Птоломеем II Филадельфом, были 20 локтей в длину и 15 локтей в ширину; это означает, что площадь его составляла около 63 $^1/_2$ кв. м. Виноград в точиле утаптывали 60 виноделов (Athen. Deipn., V, 28—199). Таким образом, на каждого из них требовалась рабочая площадь немногим более 1 кв. м.

Не подлежит сомнению, что основная и самая трудоемкая работа в боспорских винодельнях осуществлялась работниками, давившими виноград ногами. Число остальных — подсобных — работников вряд ли могло быть сколько-нибудь значительным. Между тем общие площади цементированных давильных площадок боспорских виноделен колеблются примерно в пределах 10—14 кв. м. Так, давильная площадка винодельни III—II вв. до н. э., раскопанной в 1946 г. в Дие-Тиритаке, имела площадь около 13 кв. м. (В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 103 и сл., рис. 11). Основная давильная площадка у выделяющейся своим сложным устройством мирмикийской винодельни, обнаруженной в 1934 г., имела размеры примерно 9 кв. м (В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной части Мирмикия в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 115 и сл., табл. 1). У пантикапейской винодельни II в. н. э., раскопанной в 1947 г., были 2 цементированные площадки, общая площадь которых составляла немногим менее 12 кв. м [В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1947 г.). КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 32, рис. 13, стр. 34]. Наконец, у винодельни III в. н. э., раскопанной нами в 1953 г. на одном из синдских поселений, общие размеры 2 цементированных площадок были около 14 кв. м. (КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 126 и сл.). Отметим, что в полном соответствии с нашими предположениями находится и свидетельство Катона о числе работников, потребных в винодельческом хозяйстве (Cato, 11).

[79] Несомненно, самым крупным из этих предприятий был комплекс рыбозасолочных цистерн, обнаруженный Ю. Ю. Марти в Дие-Тиритаке (Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн. МИА, № 4, 1941, стр. 20 и сл.). Однако по расчету специалиста по рыбному делу, В. Ю. Марти (Рыбозасолочные ванны Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 94), для обслуживания этого предприятия нужен был персонал не менее 12—15 человек. Если мы даже допустим, что при расчетах не была учтена невысокая производительность рабского труда, то и это — самое большое — хозяйство не было очень значительным.

[80] Strab., VII, 4, 5; XI, 2, 4—6.

Итак, в экономике Боспора ремесла всегда заметно уступали сельскому хозяйству.

Среди ремесел преобладающее значение имели деревообрабатывающее и каменотесно-строительное, за ними следовали керамическое, металлургическое и ткацкое производства. Эти производства засвидетельствованы не только в городах, но и в синдских деревнях. Менее ясными для нас остаются кожевенное и канатное дело, а также различные ремесла второстепенного значения.

Роль различных ремесел, надо думать, заметно изменялась с течением времени. Так, кораблестроение, возможно, существовавшее на Боспоре со времени возникновения античных городов, вероятно, продолжало развиваться в IV в. до н. э., когда ощущалась необходимость нанимать афинских матросов для боспорского флота. Позднее, во времена Страбона, оно процветало и, очевидно, пришло в упадок с середины III в. н. э.

Каменотесно-строительное дело, естественно, возникшее одновременно с появлением поселений, успешно развивалось с IV в. до н. э. до II в. н. э.; позднее, в III—IV вв. н. э. оно стало постепенно хиреть. Керамическое производство, также появившееся в VI в. до н. э. и расцветшее с IV в. до н. э., не испытало заметного упадка в позднеантичное время.

Торевтика, возникшая в VI в. до н. э., достигла большого подъема в IV в. до н. э.; дальнейшее развитие ее менее прослеживается, однако оживленная работа пантикапейских ювелиров в период сарматизации вряд ли может вызвать сомнение.

Мы не располагаем данными, указывающими на то, что оружейное дело, связанное преимущественно с обработкой металла и кожи, получило значительное распространение во времена Спартокидов. Напротив, в период сарматизации оно заметно оживилось, что по условиям оружейного производства того времени прежде всего означало усиление кузнечного дела.

Относительно организации ремесленного производства можно сказать, что в VI—V вв. до н. э., когда на Боспоре большую роль играли мелкие потребители, в производстве,— вероятно, как в хлебопашестве, так и в ремесле,— большее значение имели мелкие хозяйства, а свободный труд, можно думать, еще далеко не был вытеснен рабским.

С IV в. до н. э. засвидетельствованы многочисленные небольшие, располагавшие несколькими рабами эргастерии, принадлежавшие отчасти родичам боспорских правителей и особенно — рядовым рабовладельцам. В III—II вв. до н. э. существовал крупный эргастерий, выпускавший черепицу, что, видимо, стало тогда царской монополией. В этом эргастерии работало несколько десятков, а может быть, и более сотни рабов.

В I—II вв. н. э., когда на Боспоре отпуск рабов на волю стал, очевидно, частым явлением, как можно судить по манумиссиям, нам известен,— правда, единичный,— случай занятия вольноотпущенника ремеслом.

В заключение отметим, что с VI в. до н. э. до II в. н. э. на Боспоре, наряду с ремесленным производством, наблюдался значительный привоз различных изделий из метрополии и с других берегов Понта. Ввозившиеся на Боспор изделия по большей части,— хотя и не все,— были довольно высокого качества. Высоким уровнем отличался также ряд изделий боспорского ремесла в IV—III вв. до н. э.

В III—IV вв. н. э. наметилась натурализация хозяйства Боспора, падали вывоз и ввоз. Потребности боспорского общества значительно упростились. Теперь оно обходилось продуктами своего ремесленного производства, что совмещалось с рустификацией городов.

И. И. ЛЯПУШКИН

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ ВОЛЫНЦЕВСКОГО ТИПА[1]

В конце XIX в. крестьяне с. Малые Будки бывшей Полтавской губернии, Роменского уезда, выпахали на поле несколько глиняных горшков различной формы и величины со жжеными костями. Горшки залегали на глубине 0,2—0,25 м от поверхности. Большая часть выпаханных сосудов погибла и лишь один из них попал к любителю старины В. Ф. Беспальчеву.

В 1906 г. место, где обнаружены сосуды, было подвергнуто обследованию Н. Е. Макаренко. На поле было заложено 17 траншей и найден еще ряд сосудов, также заполненных золой и жжеными костями. Один сосуд был обнаружен на глубине около 0,2 м от поверхности. Никаких следов могильного сооружения не было замечено, только «вокруг горшка, как бы огибая его, шел ряд толстых кольев, воткнутых перпендикулярно в землю...»[2]. В горшке вместе со жжеными костями оказалось несколько стеклянных бус-пронизок и обломков железной пряжки. Горшок имел высокий вертикальный венчик, переходящий в слегка расширяющиеся бока. Цвет сосуда темный, поверхность гладкая и даже как будто слегка лощеная. Вокруг тулова сосуда прочерчено несколько углубленных линий.

В одной из траншей были найдены 3 сосуда на глубине около 0,5 м от поверхности. Один из них по форме был одинаков с первым сосудом, но только имел более широкое дно; тулово его орнаментировано прямыми, перекрещивающимися линиями, образующими сетку; нижняя часть покрыта лощеными вертикальными полосками. Сосуд был изготовлен на круге. Как и в первом сосуде, в нем оказались жженые кости, остатки железной пряжки, несколько кусков сплавленного стекла и железная пластинка. Два других сосуда были лепные, из глины с примесью шамота. Венчик одного из них был вертикальный, другого — слегка отогнутый, со «щипками» по краю. Сосуды были заполнены землей, золой и жжеными костями.

Кроме этих сосудов в одной из траншей найдены еще 3 сосуда, но в разбитом виде. Один из них был с высоким вертикальным венчиком, второй — грубый, лепной из сильно шамотированной глины и третий — сделанный на гончарном круге, с очень тонкими стенками, покрытыми

[1] Основные положения этой работы были доложены на пленуме ИИМК 1954 г., посвященном полевым изысканиям 1953 г.

[2] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, стр. 50.

сверху красными, побуревшими от времени полосками [3]. При исследовании поверхности, на которой были найдены остатки 3 последних горшков, было выяснено, что горшки находились «на небольшой площадке

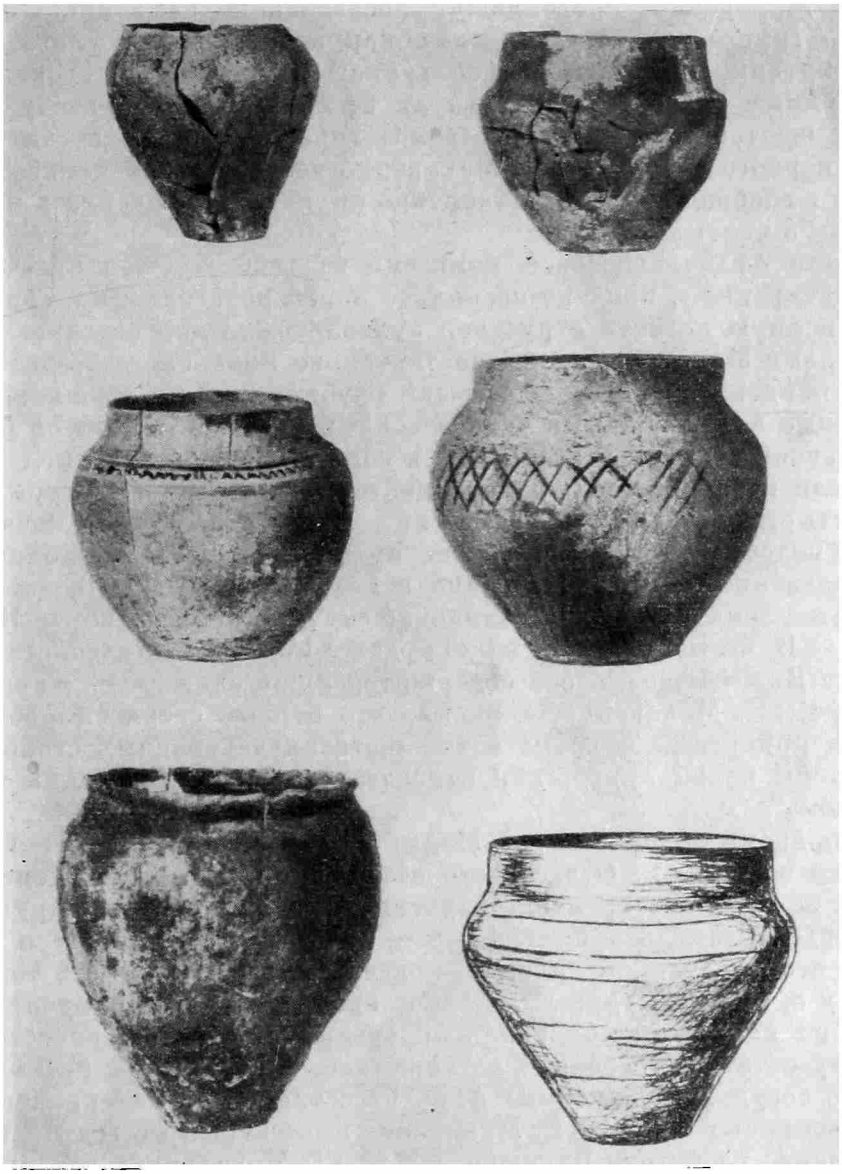

Рис. 1. Могильник у с. Малые Будки. Керамика.
(По Н. Е. Макаренко).

неправильной формы, около 6 аршин в диаметре. Площадка эта состояла из обожженной глины, смешанной с землей...» [4]. Около раздробленных сосудов найдены куски угля и жженые кости.

[3] Последний сосуд не имеет никакого отношения к данному комплексу: это обломки сосуда XIX—XXвв., случайно попавшие на то место, где находилось разрушенное захоронение в урнах (Коллекции Гос. Эрмитажа, отдел доклассового общества).

[4] Н. Е. Макаренко. Ук. соч., стр. 54.

Небольшой горшок с высоким вертикальным венчиком, орнаментированный по корпусу волнистой линией, был передан Н. Е. Макаренко местным пастухом, уверявшим, что сосуд был выпахан на месте производившихся раскопок (рис. 1) [5].

Н. Е. Макаренко, проводивший исследование памятника, отмечает, что первая группа из 3 сосудов была обнаружена «под едва уловимым желтоватым пятном, заметным на вспаханной поверхности», вторая — «под едва уловимым возвышением, едва ли не случайного характера, с чуть заметным желтоватым тоном земли». О характере поверхности на месте находки первого сосуда Н. Е. Макаренко не делает замечаний [6]. Не содержится в сообщении Н. Е. Макаренко никаких заключений и по поводу памятника в целом.

В отчете Археологической комиссии за 1906 г. было отмечено, что «Н. Е. Макаренко... найдено несколько полей погребальных урн, составляющих полную новость в русской археологии. Одно из таких полей... между селами Малые Будки и Константиново Роменского уезда. При раскопке... найдены были на небольшой глубине группы горшков, отчасти наполненные пережженными человеческими костями... Горшки большие, разнообразной техники и формы, но в общем хорошей работы... Находки вещей были незначительны и не характерны, так что культура пока не может быть определена хронологически... По-видимому,—заключает автор отчета,— подобных полей урн в крае имеется значительное количество»[7].

Под названием «поле погребений в Роменском уезде, Полтавской губернии» этот памятник был опубликован соучастником раскопок Н. Е. Макаренко — В. Ф. Беспальчевым в «Трудах XIV Археологического съезда». В заметке В. Ф. Беспальчева содержится лишь одно дополнение к сообщенному Н. Е. Макаренко, а именно что первый сосуд был обнаружен под «едва приметным бугром» и что «остатки деревянных столбов были расположены не по кругу, как отмечает Н. Е. Макаренко, а четырехугольником»[8].

Долгое время могильник у с. Малые Будки в археологической литературе стоял особняком. Отчасти это объясняется тем, что материалы могильника не были своевременно изучены. Они, как и многие другие, найденные археологами в конце XIX в.— начале XX в., вошли в научный обиход в необработанном виде. Не менее существенно было и то, что могильник у с. Малые Будки длительное время оставался памятником единичным, не имеющим себе аналогий среди известных древностей, хотя по составу остатков, особенно по керамике, в нем ничего необычного не было, ибо сосуды тех же самых форм известны среди материалов поселений, раскопанных тоже Н. Е. Макаренко в тот же самый год (Монастырище, поселение на хуторе Вашкевича и др.) [9]. Могильника касались лишь от случая к случаю, в связи с обозрениями всего того, что сделано или предстоит сделать в археологии [10].

Лишь в последние годы, в связи с изысканиями по вопросу древнейшей

---

[5] Н. Е. Макаренко. Ук. соч.

[6] Там же, стр. 50—54.

[7] ОАК за 1906 г., стр. 112.

[8] В. Беспальчев. Поля погребений в Роменском уезде Полтавской губернии. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 214, 215.

[9] Н. Е. Макаренко. Ук. соч., стр. 70—72, рис. 41, 43.

[10] А. А. Спицын. Археология в темах начальной русской истории. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пб., 1922, стр. 10; М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 269.

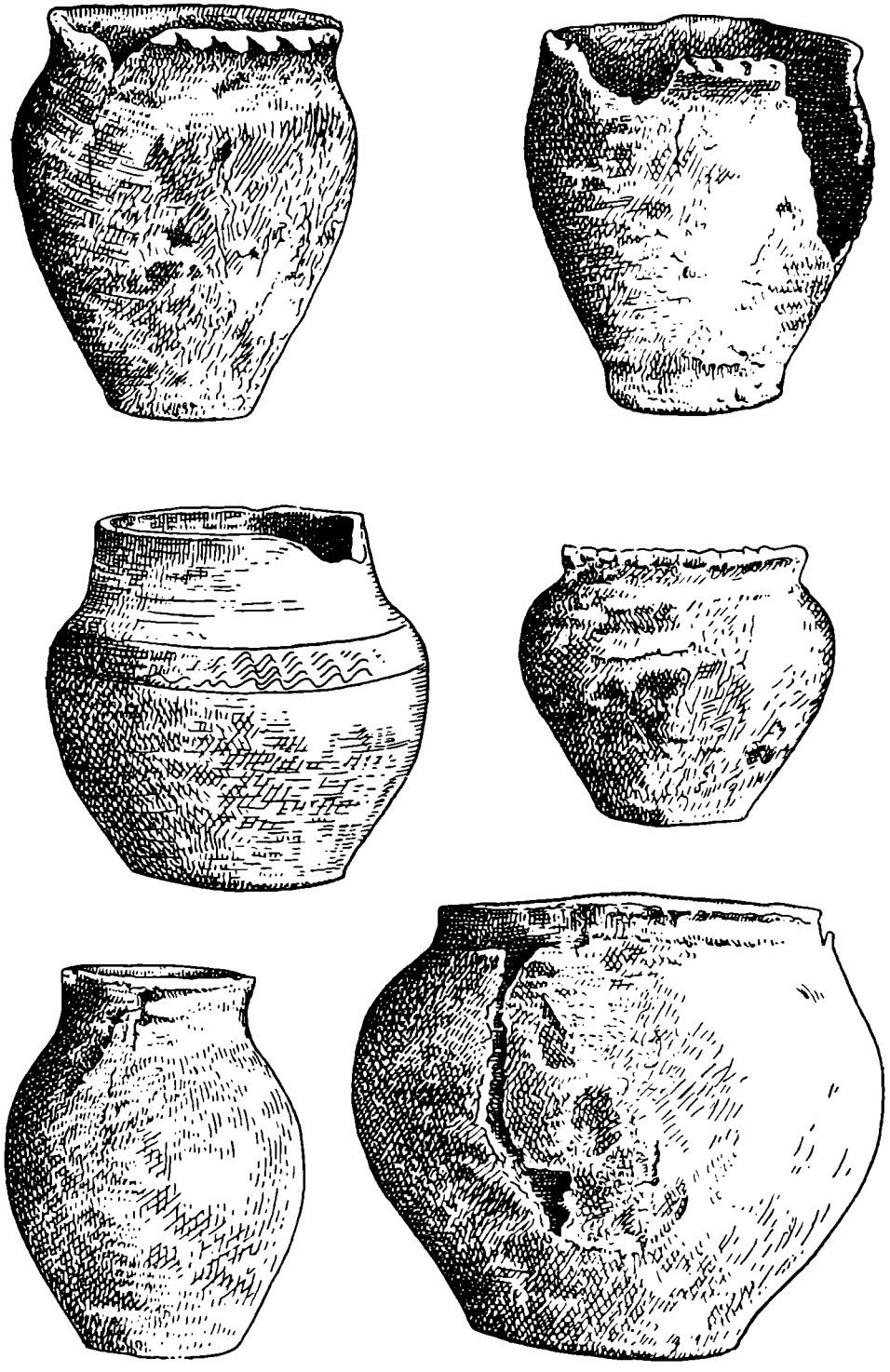

Рис. 2. Могильник у г. Сосница. Керамика (По Ю. С. Виноградскому).

истории восточных славян, рядом исследователей были сделаны попытки использовать материалы этого могильника в качестве источника для обоснования тех или иных выводов. Однако, как будет показано ниже, памятник этот пока что не нашел своего места среди древностей Левобережья.

В последнее время в области Левобережья обнаружены еще 2 могильника того же типа. Один из них, близ г. Сосница, открыт в 1941 г. случайно при прокладке дороги из Чернигова в Новгород-Северский. В Сосницком музее хранятся 3 урны со жженными костями из этого могильника. Как и в могильнике у с. Малые Будки, сосуды эти двух типов: один сосуд с высоким вертикальным венчиком сделан на гончарном круге, тулово орнаментировано многорядной волной, цвет сосуда темный; два других — горшкообразные, лепные, сделанные из глины с примесью шамота; венчики их покрыты щипковым орнаментом.

В 1948 г. недалеко от Сосницы, в обрезе той же дороги Чернигов — Новгород-Северский, научный сотрудник Сосницкого музея Ю. С. Виноградский нашел еще 3 погребальные урны с остатками жженых костей. Все 3 сосуда лепные; поверхность одного — шершавая, других — заглаженная. Цвет сосудов темно-желтый. По своим формам сосуды несколько отличаются от трех найденных ранее (рис. 2). Ю. С. Виноградский предполагает, что обнаруженные им погребальные урны, возможно, относятся к могильнику, разрушенному в 1941 г. при прокладке дороги.

Недалеко от могильника, в урочище Лан, Ю. С. Виноградский обнаружил остатки неукрепленного поселения с керамикой, напоминающей роменско-боршевскую, а также более позднюю — X—XI вв. «Возможно,— заключает Ю. С. Виноградский,— что обнаруженные нами погребения следует связывать с поселениями в урочище Лан или с одним из поселений в Сосница». Автор датирует могильник VI—VII вв., «учитывая, что керамика из погребений у Сосницы имела более архаический вид, нежели встречающаяся на городищах роменского типа...»[11]. К этой датировке присоединилась и редакция «Кратких сообщений Института археологии» (П. П. Ефименко, Л. М. Славин и М. Я. Рудинский), сделав к статье примечание, что «раскопки памятников, которые были открыты Ю. С. Виноградским, проведенные Институтом археологии в 1949 г., подтвердили правильность высказываемого автором предположения, что обнаруженный им могильник и поселение в урочище Лан относятся ко времени VI—VIII вв. и находят полную аналогию в поселении и могильнике у с. Волынцево Путивльского района Сумской области»[12].

Волынцевский могильник, на материалы которого опирается редакция «Кратких сообщений Института археологии» при датировке Сосницкого могильника, был открыт в 1948 г. сотрудником Института археологии Академии наук УССР Д. Т. Березовцем.

Материалы этого памятника еще до опубликования были использованы в археологической литературе в качестве опорных точек при исследовании ряда узловых вопросов исторического прошлого нашей Родины, с одной стороны, как датирующие, с другой,— как освещающие материальную культуру того этапа, о котором археологи знают очень мало, а именно VII—VIII вв. н. э.[13]

[11] Ю. С. Виноградский. Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосница. КСИА, I, 1952, стр. 50—52.

[12] КСИА, I, 1952, примечание к указанной статье Ю. С. Виноградского, стр. 52.

[13] М. Ю. Брайчевський. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. ст. «Археологія», IV, 1950, стр. 42, 53; В. П. Довженок. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР. Сб. I, М., 1952, стр. 137 и сл.

Опубликованные в 1952 г. материалы Волынцевского поселения и могильника позволяют заключить, что как по общему облику вещевого материала, так и по обряду захоронения могильник аналогичен могильнику у с. Малые Будки, раскопанному Н. Е. Макаренко. Так его оценивает и сам исследователь. Наибольшую близость этим двум могильникам, помимо обряда захоронения, придает, несомненно, керамика, представленная и в могильнике у с. Малые Будки, и в Волынцевском двумя основными типами сосудов: 1) темными (черными или темно-коричневыми) сосудами с высоким вертикальным венчиком, сделанными часто на круге

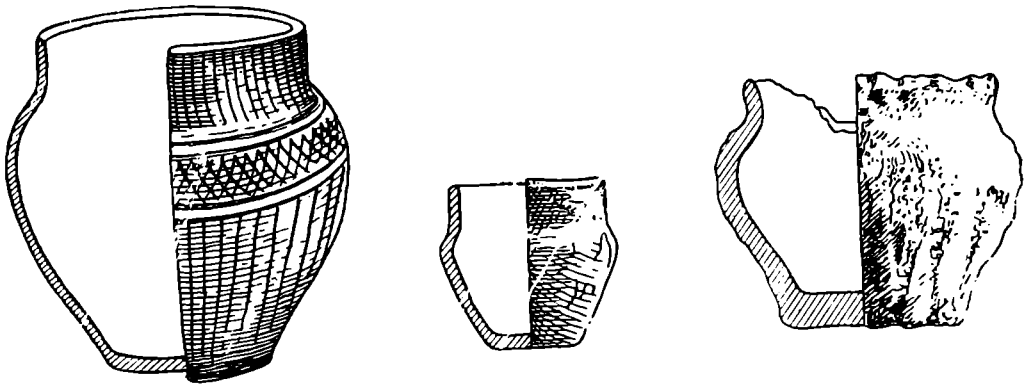

Рис. 3. Могильник у с. Волынцево. Керамика. (По Д. Т. Березовцу).

они орнаментированы прочерченными или лощеными линиями по корпусу, причем первые, как правило, располагаются вокруг сосуда ближе к плечикам, вторые — в виде вертикальных или пересекающихся линий; 2) горшкообразными сосудами, сделанными из глины со значительной примесью шамота, орнаментированными по краю венчика «щипками» (рис. 3).

Другие материалы, найденные в Волынцевском могильнике, как и в могильнике у с. Малые Будки, немногочисленны и нехарактерны. Среди них имеются 2 бронзовых браслета с расширенными концами, бытовавших в Восточной Европе длительное время; железный перстень со щитком, на котором встречен знак, близкий знакам Рюриковичей; стеклянные бусы зеленого, желтого, синего и белого цвета, сильно попорченные огнем; кусочки кольчужной ткани и несколько обломков неопределенных железных вещей.

Рядом с могильником были обнаружены остатки неукрепленного [14] поселения, в отложениях которого найдена керамика того же типа, что и в могильнике. Наряду с горшкообразными сосудами здесь встречены также обломки глиняных сковородок и амфоры. При раскопках открыты остатки 5 полуземляночных жилищ в виде прямоугольных в плане ям, размером в среднем около 5,5 × 4,5 м, с глинобитными печами кубовидной формы в одном из углов. В некоторых полуземлянках имелись хозяйственные ямы, а также ямки от столбов. В заключение краткой характеристики исследованного памятника автор пишет: «Подводя итоги раскопок, можно считать, что поселение и могильник являются памятниками наименее известного археологам предкиеворусского времени. Эти памятники оставлены северянскими племенами, которые жили тут в VII—VIII вв.

[14] Мы думаем, что заключение Д. Т. Березовца неверно; по всем данным — это типичное болотное городище.

От более позднего времени то же население оставило памятники, которые в археологии называются «роменскими»[15].

Почему эти памятники должны быть датированы временем VII—VIII вв., а не позже и не ранее? Автор не приводит никаких данных, как будто это настолько очевидно, что не требует никаких доказательств. В действительности это оказывается далеко не так, что видно хотя бы из того, что памятник сразу же дал пищу для самых противоречивых суждений. Если автор исследования без какого-либо обоснования поставил могильник и поселение в генетическую связь с памятниками роменско-боршевского типа, то совершенно с такой же легкостью П. Н. Третьяков и некоторые другие исследователи отнесли волынцевский комплекс к позднему этапу памятников культуры «полей погребений» черняховского типа[16].

В том же 1948 г. остатки аналогичной культуры были обнаружены на поселении (городище) у с. Битицы Сумской области на правом берегу р. Псел[17]. В обрезах разрушающегося южного конца мыса, на котором расположено поселение, и траншей был собран керамический материал, часть которого оказалась совершенно одинаковой с керамикой из могильников Малые Будки и Сосница. Но в составе подъемного материала встречены обломки сосудов других типов, не входящих в этот комплекс. Судя по ряду образцов, можно было предполагать, что они относятся к другому, более раннему периоду[18]. Последующие изыскания (раскопки 1953 г.) подтвердили это предположение. Наряду со средневековым слоем на поселении оказался слой скифо-сарматского времени (позднего).

По общему облику памятники этого типа, получившие в последнее время название волынцевских, во многом напоминают роменско-боршевские, но в них есть и свои специфические черты, в частности — в керамике. Здесь, наряду с лепными сосудами, встречаются изготовленные на гончарном круге. Цвет многих сосудов черный или темно-серый; некоторые сосуды лощеные. Иное соотношение и отдельных типов сосудов, хотя формы их те же самые. Своеобразие керамического комплекса в сочетании с определенным обрядом захоронения, присущим данной группе памятников, а также некоторые другие черты и привлекли внимание исследователей. Были сделаны попытки найти место этих памятников среди древностей Левобережья, однако единства по этому вопросу пока не достигнуто. Каждый из исследователей стремится видеть в этих памятниках то звено в историческом процессе, которого недостает в концепции исследователя[19].

Широкие возможности для таких построений создаются в силу отсутствия первичного источниковедческого анализа добытых при раскопках материалов. Не говоря уже о том, что по-прежнему остаются неизученными материалы из раскопок у сёл Малые Будки и Константиново, полученные Н. Е. Макаренко, не проанализированы и материалы вновь открытых памятников — могильника и поселения у с. Волынцево в урочище Стан и могильника и поселения у г. Сосница в урочище Лан. Именно эта не-

[15] Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району Сумської області. АП, т. III, 1952, стр. 242—250.

[16] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 151, 152; Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, 1952, стр. 231 и сл.

[17] І. І. Ляпушкін. Дослідження Дніпровської Лівобережної експедиції 1947—1948 рр. АП, т. III, 1952, стр. 304, 305.

[18] Там же, стр. 305.

[19] Д. Т. Березовець. Ук. соч., стр. 242—250; П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 151—152; Е. В. Махно. Ук. соч., стр. 231—240.

изученность и является причиной прямо противоположных предположений и догадок. А между тем при всей малочисленности материалов имеются такие данные, которые после тщательного анализа могут внести ясность в этот вопрос. В частности, такие данные содержат и материалы из раскопок 1953 г. Битицкого городища, к рассмотрению которых мы сейчас перейдем.

2

Битицкое городище находится в 15 км от г. Сумы, вверх по течению р. Псел, на одном из мысов его правого коренного берега, в 2 км от с. Битицы. С востока и запада мыс обрамляют глубокие балки, с юга — долина реки. С плато мыс соединяется длинным (около 80 м) узким (около 25 м) перешейком. Мыс имеет вытянутую по оси с севера на юг, не совсем правильную овальную форму. Длина его — около 500 м, наибольшая ширина — около 150 м. Южный конец мыса сильно разрушается. В начале XX в. здесь производилась разработка меловых отложений, залегающих в основании мыса. Восточный и западный склоны довольно крутые; они хорошо задернованы и поросли лесом. В верхней части крутизна склона усилена путем подчистки почти до отвесного положения на высоту 4—5 м. Срытая при зачистке земля, сброшенная вниз, образовала на нижней границе зачистки своеобразный вал, обрамляющий мыс с восточной и западной сторон несколько ниже горизонта площадки. С северной стороны мыс огражден от плато двумя валами и рвами, сооруженными на линии перехода расширенной части площадки мыса в перешеек, соединяющий мыс с плато. Почти вся площадка мыса поросла лесом (дуб, орешник, клен и т.-п.). На большей части лес (дубовый) посажен примерно 25 лет назад. Лишь в южном конце мыса имеется небольшая площадка размером 15 × 20—25 м, свободная от леса. Вторая такая же небольшая площадка, расположенная в нескольких метрах от первой, занята могилами воинов, погибших во время Великой Отечественной войны.

Поверхность мыса сравнительно ровная, с незначительным уклоном с севера на юг. На поверхности в ряде мест, особенно в северной части, встречаются округлые в плане западинки диаметром до 3 м и более при глубине около 0,5 м. Вдоль южного края мыса проложена военная траншея, пересекающая мыс по линии восток — запад; такая же траншея тянется по западному краю мыса. В южном обрезе мыса, а также в стенках траншей отчетливо выступают отложения культурного слоя. Как правило, мощность их не превышает 0,5 м, и только в отдельных точках (местах ям и других углублениях) культурный слой залегает на глубину до 1,5—2 м.

Раскоп был заложен на южном конце мыса, на участке, свободном от леса. Это была сравнительно ровная площадка с незначительным уклоном к востоку, западу и югу. С севера, востока и запада участок ограничивался лесом, а с юга прилегал к траншеям, проложенным почти по самой оконечности мыса. Всего исследовано около 130 кв. м (рис. 4). Культурные отложения вскрыты на всей площади до материка, представляющего собой песок. Они имели характер темного гумусированного песчанистого слоя мощностью около 0,4 м, включавшего обломки глиняной посуды, кости животных и другие бытовые отбросы.

На большей части вскрытой площади насыщенность культурными остатками была слабая, и лишь на участках близ построек количество их несколько увеличивалось. Основную часть культурных остатков составляли обломки глиняной посуды, представленной двумя хроноло-

гическими комплексами — скифо-сарматского времени и средневековым. В культурных отложениях эти два комплекса стратиграфически не нашли отражения; о них мы заключаем, исходя из материалов. На раннем, скифо-сарматском комплексе, состоящем преимущественно из керамики в виде обломков горшкообразных лепных сосудов, орнаментированных ниже края венчика сквозными отверстиями, и некоторых других форм, останавливаться здесь не будем — в этом нет необходимости. Керамический комплекс второго, средневекового периода значительно богаче;

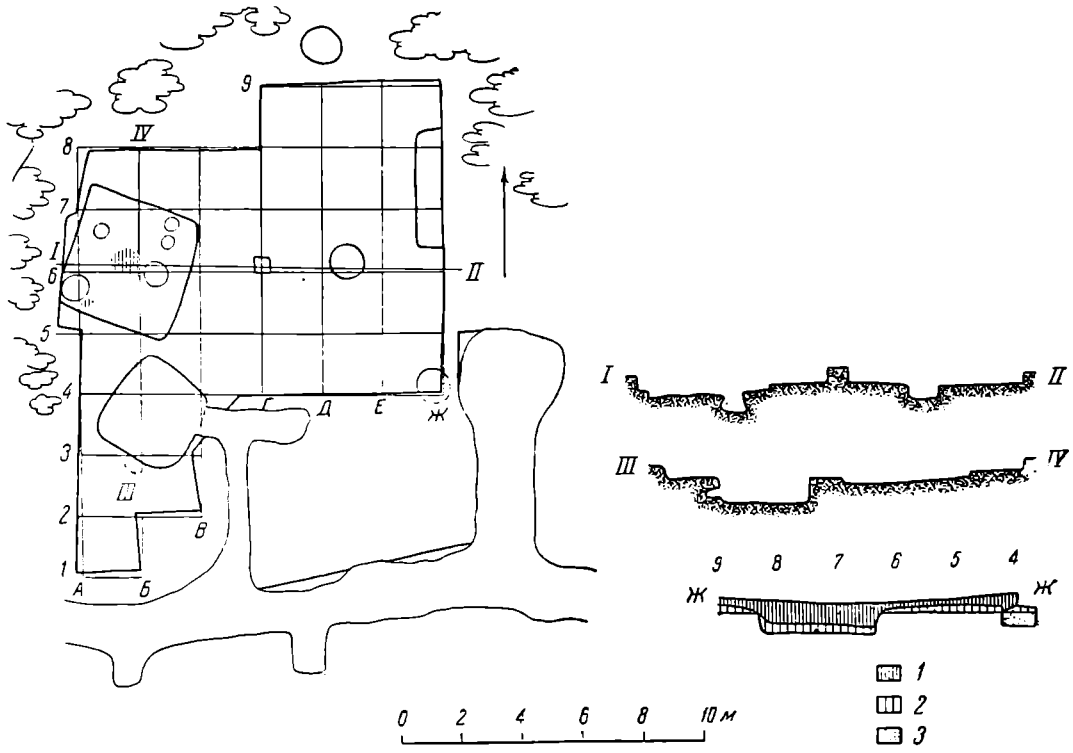

Рис. 4. Поселение у с. Битицы. План раскопа и разрезы к нему.
1 — гумусный слой; *2* — супесчаный слой; *3* — материк (песок).

в его составе — обломки и лепных, и гончарных сосудов. К первым относятся горшкообразные сосуды двух типов: один из них имеет высокий вертикальный венчик, венчики других слегка отогнуты и покрыты щипковым орнаментом. Горшки с вертикальным венчиком делались из глины лишь с незначительной примесью. В глине горшков второго типа содержится довольно большая примесь крупнозернистого шамота.

Гончарные сосуды представлены рядом форм. Наибольшее число остатков этой группы принадлежит горшкообразным сосудам с высоким вертикальным венчиком, таким же, как у сделанных лепным способом. Это тот тип сосудов, который является основным среди погребальных урн в могильниках у сёл Малые Будки, Волынцево и у г. Сосница. Цвет сосудов — от черного до оранжево-красного. Изготовлялись они из сравнительно чистой глины, без заметной примеси дресвы или шамота. Значительная часть их орнаментировалась по плечикам (или несколько ниже) поясом из 2 горизонтальных полос, отстоящих одна от другой на расстоянии 3—5 см; середина заполнена волнистой линией, зубчатыми отпечатками, лощеной сеткой или каким-либо другим орнаментом. Очень

часто нижняя часть этих сосудов покрывалась лощением в виде вертикальных полос; иногда весь корпус сосуда был сплошь лощеным.

Вторую группу остатков гончарной посуды составляют обломки кувшинообразных сосудов с одной или двумя ручками, имеющих сравнительно невысокую шейку и горшкообразную форму тулова. Поверхность их, как правило, темно-серая, почти всегда покрытая лощеными вертикальными или пересекающимися полосами. В изломе тесто сосудов более темное. Это так называемые салтово-маяцкие кувшины.

Рис. 5. Поселение у с. Битицы. Вещи, найденные в культурном слое.

В слое найдены также обломки яйцевидных амфор — двуручных сосудов с округлым дном, невысоким горлом, к которому прикреплены отходящие от него под прямым углом и опускающиеся на плечи ручки. Тесто сосудов оранжево-красное или палевое.

Из единичных вещей, обнаруженных при вскрытии культурного слоя на глубину двух штыков, следует отметить: долото железное с желобчатым лезвием и трубчатой втулкой, кресало железное в виде калачика, несколько точильных камней (брусков), глиняное пряслице, а также несколько обломков неопределенных железных и бронзовых вещей (рис. 5).

Раскопками вскрыты остатки 3 построек (двух — полностью и одной — частично; последняя уходит под слой, поросший лесом) и 2 ям — погре-

бов. Все они относятся к позднему средневековому этапу жизни поселения. Две постройки — полуземляночного типа и одна — наземного, лишь слегка углубленная (на 0,2—0,25 м; рис. 6).

Полуземлянки углублены в землю на 0,75—0,85 м (рис. 7). Следов столбовых ямок не обнаружено. Возможно, это объясняется тем, что почва песчаная. Об устройстве печей можно судить по данным лишь одной, полностью вскрытой полуземлянки (№ 1). Печь в этом жилище представляла подбой в стене, сделанный почти на уровне пола. Ширина устья — около 0,6 м, высота — около 0,35 м, глубина топки — около 0,55 м. У печи — хорошо сохранившийся глиняный, обожженный до-

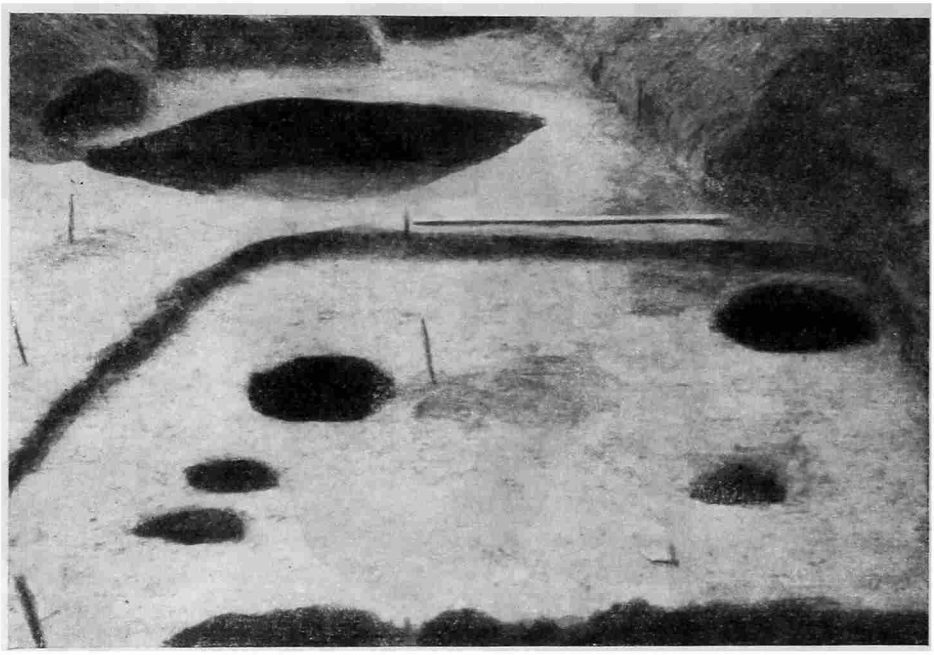

Рис. 6. Поселение у с. Битицы. Общий вид остатков построек № 1 и 2.

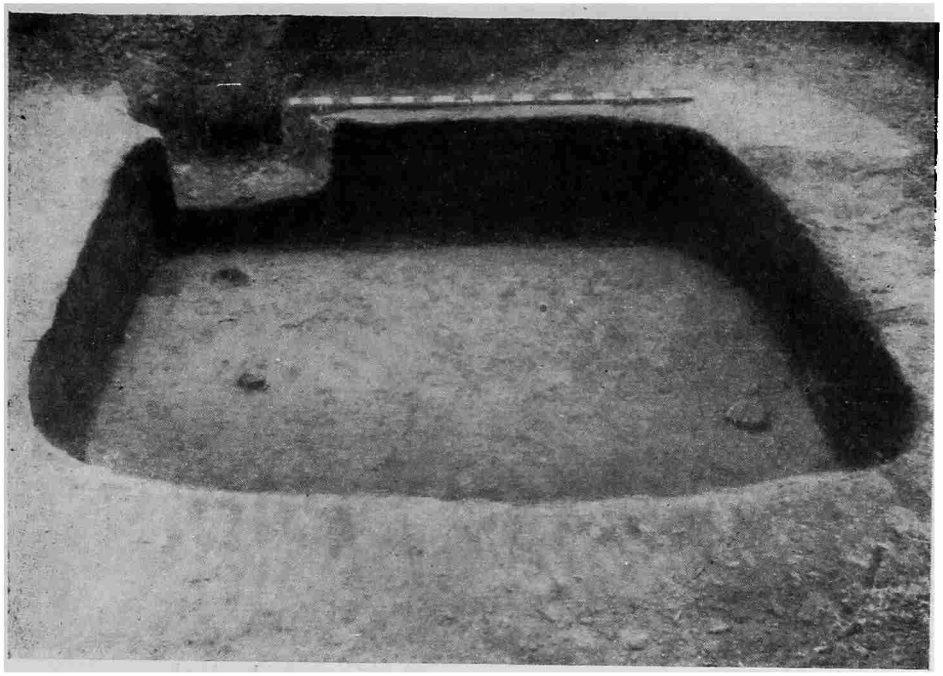
красна под. Сохранность свода хуже; передняя часть его (устье печи) и задняя стенка разрушены. Куски обвалившегося свода лежали в топке на слое золы и углей; мощность последнего — 4—6 см. На поду найден обломок глиняного гончарного сосуда (придонная часть). Печи аналогичного типа в настоящее время хорошо известны. Мы их знаем в жилищах полуземляночного типа славянских поселений, начиная с VIII в. и кончая XIII в. [поселение у Ближней Мельницы на р. Чир, правом притоке Дона[20], Новотроицкое поселение на р. Псел[21], Райковецкое поселение (посад) на р. Гнилопять, Житомирской области[22]].

Вещевые остатки в полуземлянках немногочисленны. На полу полуземлянки № 1 найдено несколько обломков глиняных сосудов, а также 2 точильных камня: один — в виде широкого бруска с бороздкой на рабочей плоскости, второй — половинка круглого точильного камня с прямоугольным отверстием в центре для закрепления оси (рис. 8). В ряде

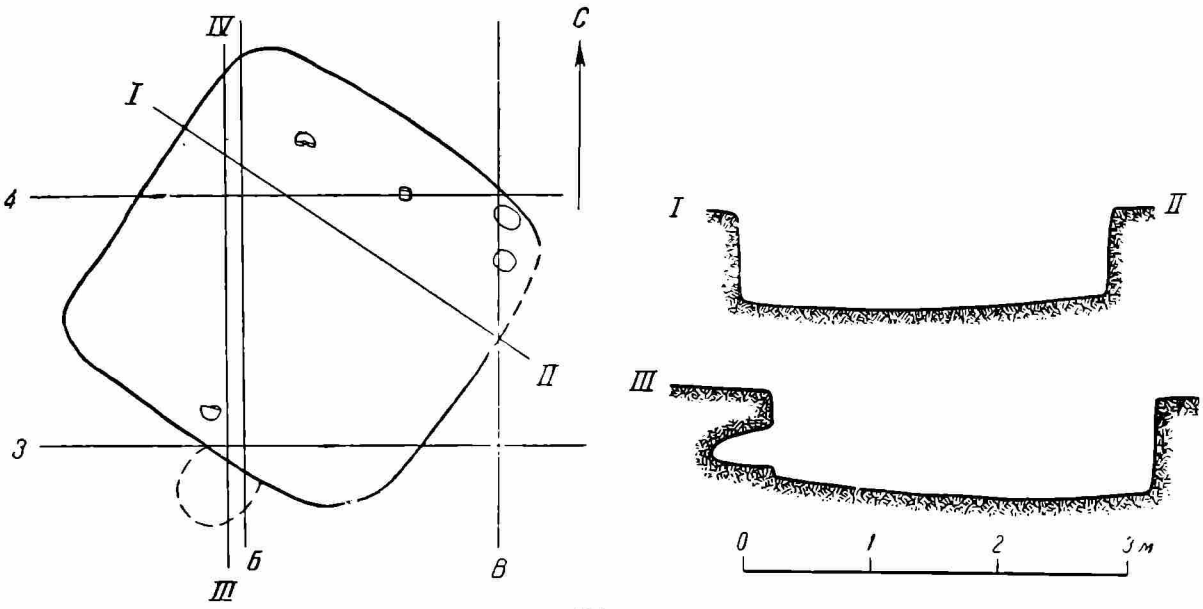
[20] И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. МИА, № 62, 1958, стр. 337—347.

[21] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 55, 64, 115.

[22] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 49—57.

(1)

(2)

Рис. 7. Поселение у с. Битицы. Общий вид (*1*), план и разрезы к нему (*2*) постройки № 1.

мест пола (особенно вдоль стен) прослежены остатки сгоревшего дерева в виде золисто-углистых линз. Углистые линзы встречались и выше пола в заполнении углубленной части жилища.

В верхней части заполнение ямы полуземлянки состояло из черного гумусированного слоя с включением обломков глиняной лепной и гончарной посуды, в том числе — обломков амфоры яйцевидной формы и сосуда, сделанного на гончарном круге и покрытого в нижней части вертикальными лощеными полосами; на дне его — клеймо в виде

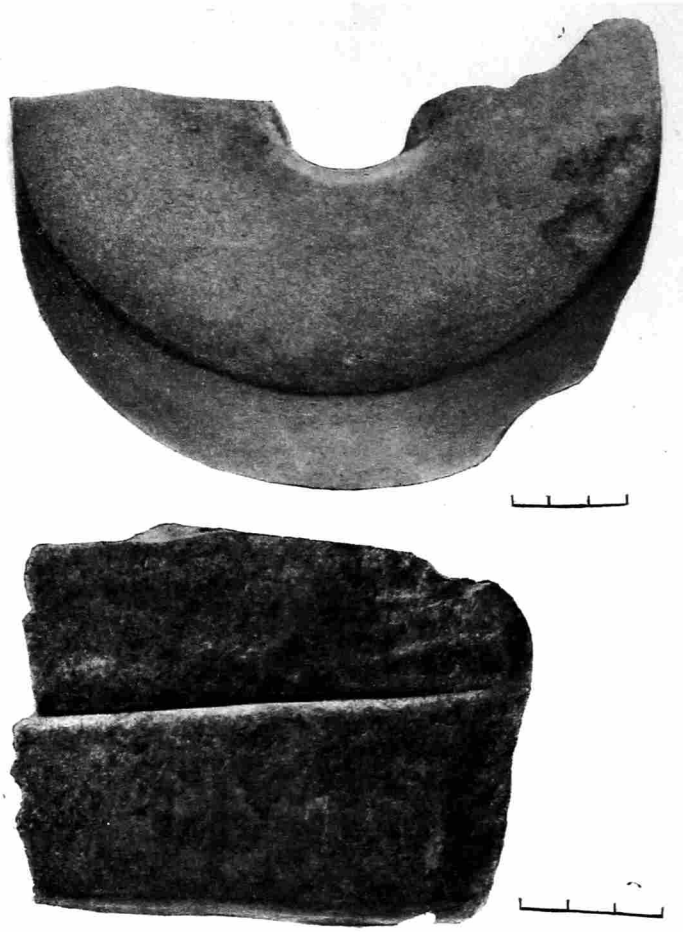
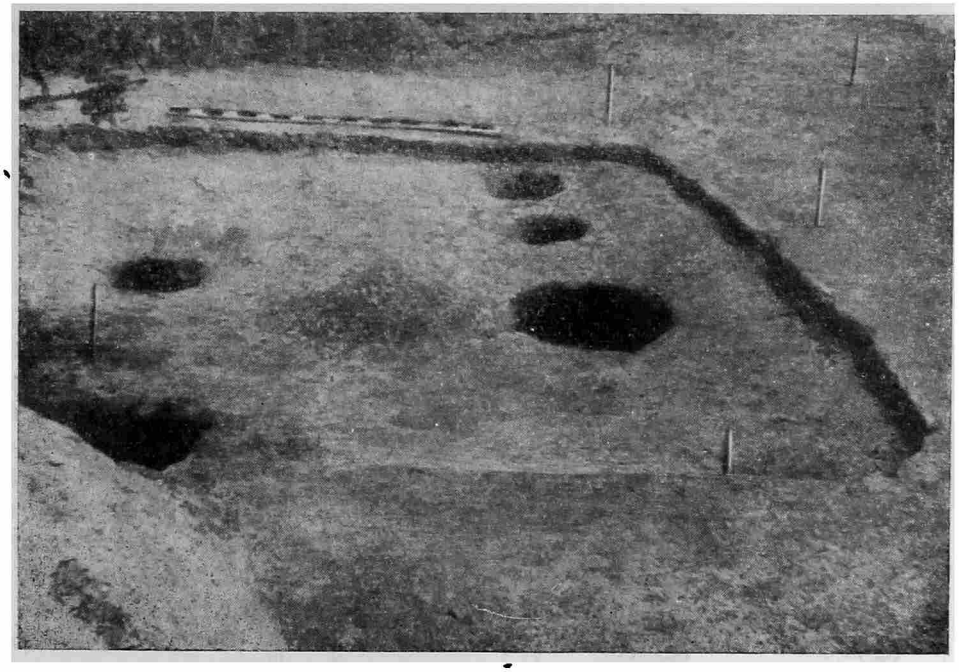

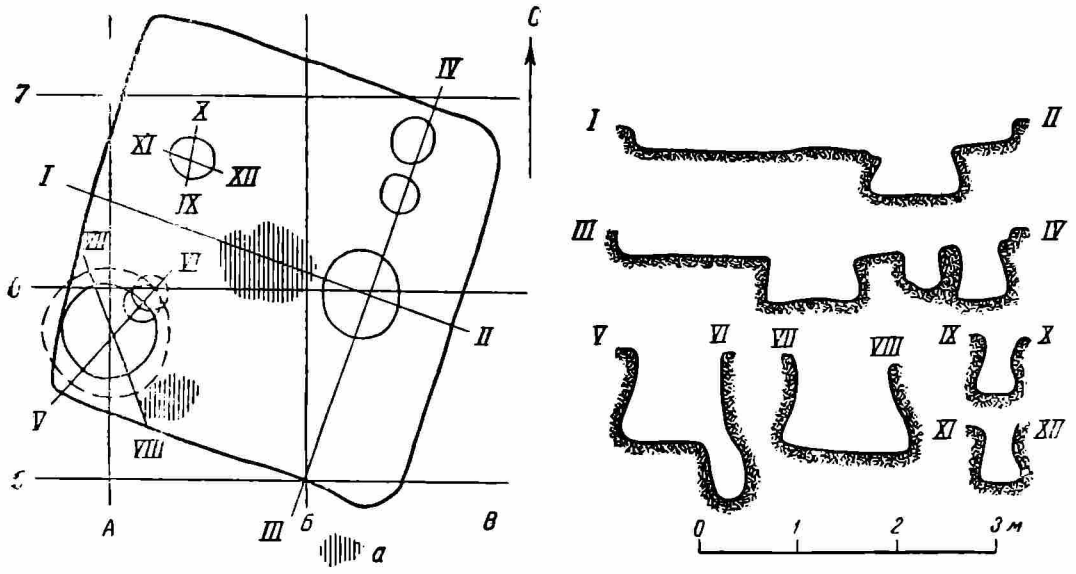
Рис. 8. Вещи из постройки № 1.

двузубца (см. рис. 8). Отдельные обломки этого сосуда найдены около жилища. Он восстановлен — это горшкообразный сосуд с высоким вертикальным венчиком. Тулово его орнаментировано поясом, состоящим из 2 прямых линий, прочерченных вокруг корпуса; промежуток между ними заполнен отпечатками зубчатого чекана, нанесенными в виде углов. Низ ямы в юго-западной и северо-западной частях ее, начиная с третьего штыка (т. е. с глубины 0,4 м), был заполнен глинисто-песчанистым слоем, а в центре почти до самого пола шел темный гумусированный слой. На глубине около 0,5 м от древней поверхности, к юго-востоку от печи, около стены найдены железный нож и биконическое глиняное пряслице.

Вторая полуземлянка, вскрытая в ширину всего на 0,8—0,9 м, не содержала данных для суждения ни о характере печи, ни о других конструктивных деталях. Полуземлянка была заполнена в верхней части гумусированным слоем с включением немногочисленных обломков гли-

(1)

(2)

Рис. 9. Поселение у с. Битицы. Общий вид (*1*), план и разрезы к нему (*2*) постройки № 2.

а — обожженная глина (очаг).

няной посуды и угольков. Ниже залегал более плотный песчанистый суглинок со значительным количеством мелких угольков. В слое найден обломок ручного жернова. Пол жилища материковый.

Остатки постройки № 2, вскрытой полностью, сохранились в виде незначительного углубления (не более 0,25 м), прямоугольного в плане, размером около 4×2 м, заполненного темным гумусированным слоем со значительным содержанием углей, небольших углистых линз, кусков обожженной глины и других культурных остатков. Пол материковый, супесчанистый. Печь — открытый очаг в виде глиняного, обожженного докрасна пятна, округлого в плане (диаметр — около 1 м) и слегка выпуклого в центре (рис. 9). На полу жилища и в заполнении углубления найдено значительное количество керамических обломков, бóльшая часть которых принадлежит нескольким разбитым сосудам. В северо-западной части обнаружены железный нож и серебряное литое височное кольцо типа Фативижского клада (рис. 10). В полу жилища оказалось 5 ям самой различной величины — от 0,35 до 1 м в диаметре и от 0,4 до 1 м глубиной. Ямы были заполнены вверху гумусированным слоем, внизу — золисто-углистым. В нижней части ям найдены различные бытовые и хозяйственные вещи.

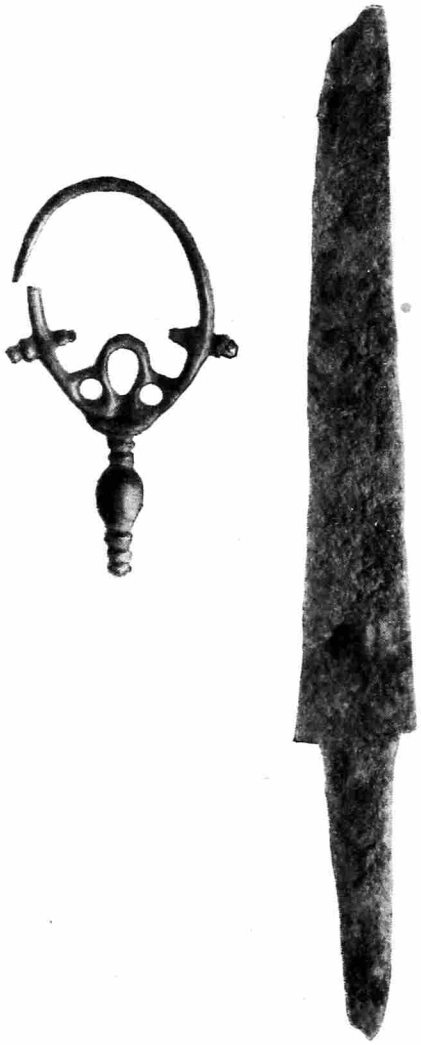

Рис. 10. Вещи, найденные на полу постройки № 2.

В яме № 2 на полу, у северо-восточной стены лежал железный сошник симметричной формы. Длина сошника — 12,5 см; длина трубки — 5 см, ширина ее — 7 см; длина рабочей части — 14,5 см, ширина ее (наибольшая) — 12 см. Середина рабочей части слегка выпуклая, конец (острие) опущен книзу. Рядом с сошником найдены: биконическое глиняное пряслице; железный колокольчик (ботало) в виде усеченной четырехгранной пирамиды, сильно окислившийся; железная пряжка дугообразной формы, плоская в сечении, без язычка (вторая подобная пряжка, но только с язычком, обнаружена несколько выше дна ямы, в золистом заполнении); железный плоский в сечении стержень со следами дерева на одном конце; значительное количество обломков большого глиняного лепного сосуда с примесью крупнозернистого шамота в глине (рис. 11) [23].

В яме № 3, в золистом слое ближе ко дну найдены 4 глиняных биконических пряслица (три целых и одна половинка), шило железное со следами деревянной рукояти, зубило (?), копьевидный втульчатый наконечник со следами дерева во втулке, черешок железного ножа и несколько обломков глиняных сосудов (рис. 12).

[23] Отдельные обломки этого сосуда найдены на полу жилища (см. рис. 15).

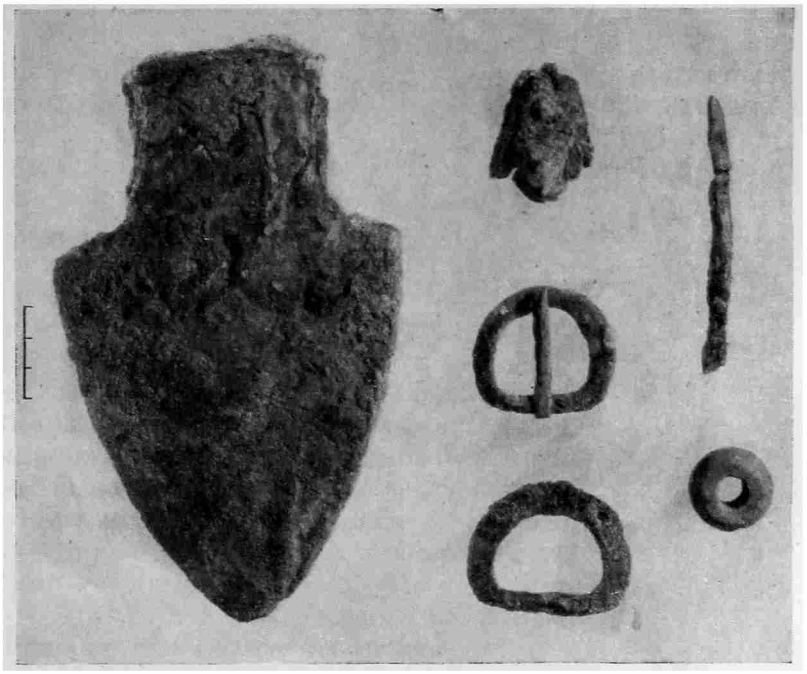

Рис. 11. Постройка № 2. Вещи из ямы №

Рис. 12. Постройка № 2. Вещи из ямы № 3

В яме № 4 обнаружен обломок железного серпа (черешок и прилегающая к нему часть; рис. 13).

Найденные в заполнении и на полу постройки № 2 обломки глиняной посуды позволили восстановить 6 сосудов и два реконструировать. Три из них оказались горшками с высоким вертикальным венчиком (два гончарных и один лепной). Тулово одного горшка орнаментировано поясом из 2 параллельных линий, отстоящих одна от другой на расстоянии 4,5 см; промежуток между ними заполнен волнообразной линией. Нижняя часть сосуда покрыта вертикальными лощеными линиями. Орнаментация второго горшка состоит из такого же пояса, образуемого двумя прочерченными линиями, промежуток между которыми заполнен встречными многорядными дуговыми линиями, обращенными концами кверху и соединенными между собой в один орнаментальный пояс. Оба сосуда сделаны на гончарном круге (рис. 14, *1*, *2*). Третий горшок этой группы — лепной, темно-серого цвета. Поверхность его покрыта сплошным лощением (рис. 14, *3*).

Рис. 13. Постройка № 2. Обломок железного серпа из ямы № 4.

Два сосуда из числа восстановленных представляют собой невысокие горшки с довольно широкой горловиной и слегка отогнутым венчиком, овальным в сечении. По плечикам их проходят врезные круговые линии. Горшки сделаны на гончарном круге. По общему облику они напоминают горшки так называемого курганного типа территории водораздела Днепра и Волги из раскопок Н. И. Булычева (рис. 14, *4*, *5*).

Шестой восстановленный сосуд — круглодонная амфора (рис. 14, *6*).

Реконструированные сосуды принадлежат к группе лепных горшков со слегка отогнутыми венчиками, орнаментированными по краю «щипками». Сделаны они из глины с примесью крупнозернистого шамота, причем в одном сосуде шамот — красноватого цвета (рис. 15).

Кроме остатков трех описанных выше жилищ, на поселении обнаружены две хозяйственные ямы (погреба), расположенные обособленно от жилых построек [квадраты $Д_{5-6}$ (яма № 1) и $Е_{3-4}$, $Ж_{3-4}$ (яма № 2)].

Яма № 1 — в плане округлая, диаметром около 1,1 м, глубиной около 0,4 м. Форма ямы почти цилиндрическая, с чашеобразным дном. Яма была заполнена темным гумусированным слоем с незначительным содержанием маловыразительных обломков глиняной посуды. Яма № 2 — в плане тоже округлая, диаметром около 1,15 м, глубиной около 0,5 м. Форма этой ямы такая же, как у первой. Заполнение состояло из темного гумусированного слоя с включением значительного количества углей, кусков обожженной глины и обломков глиняной, преимущественно лепной керамики. Из единичных находок в яме следует отметить: железный пробойник, дужку от ведра (фрагментирована, 3 куска), железный сильно окислившийся плоский диск (диаметр — 15—17 см, толщина — не более 2,5—4мм) с рядом заклепок по краю. Диск имеет железную заплатку, посаженную на заклепки (рис. 16).

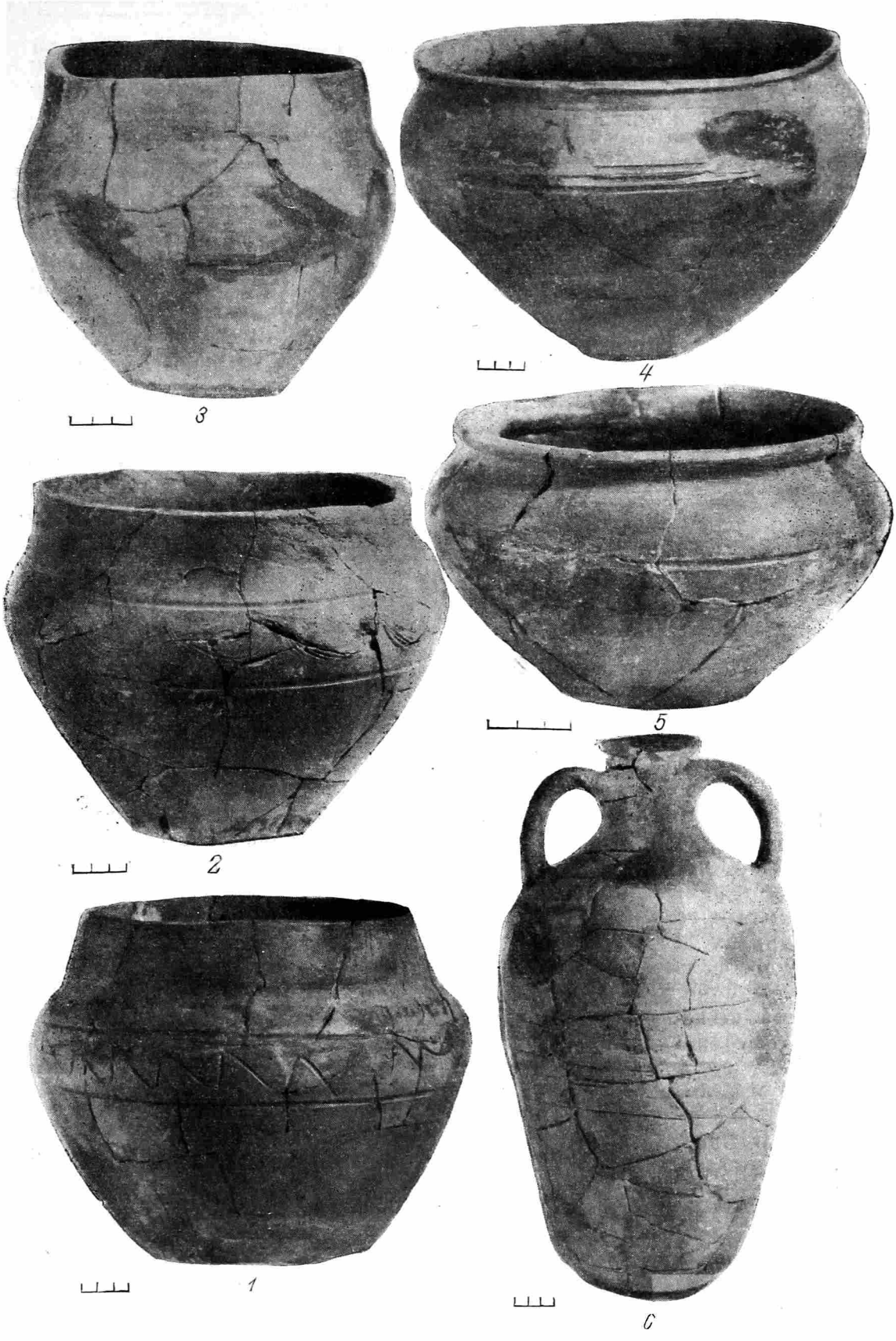

Рис. 14. Постройка № 2. Сосуды, найденные на полу (реставрация).

Материалы позднего (средневекового) этапа жизни Битицкого поселения немногочисленны, но все же, как нам кажется, позволяют сделать заключение об его облике. Наиболее трудным вопросом является, несомненно, датировка памятника, ибо непосредственно датирующих данных среди материалов раскопок нет. Тем не менее можно с полной достоверностью утверждать, что перед нами памятник второй половины I тысячелетия н. э., точнее — конца VIII — X в. Основанием для такого заключения является массовый материал — керамика, в частности хорошо датированные яйцевидные амфоры так называемого салтовского типа. Последние, по нашему мнению, позволяют наметить даже более узкие хронологические рамки, а именно IX в.[24] Останавливаться на обосновании этого положения нет необходимости; достаточно сослаться на недавно

Рис. 15. Постройка № 2. Сосуды, найденные на полу (реконструкция).

опубликованную статью А. Л. Якобсона «Средневековые амфоры», где сведен хотя и не исчерпывающий, но довольно большой материал, относящийся к данному вопросу. Такая датировка находит подтверждение и в других керамических группах — в горшкообразных сосудах с высоким вертикальным венчиком, в кувшинах с одной и двумя ручками и некоторых других вещах.

Горшкообразные сосуды с высоким вертикальным венчиком до сих пор не были предметом исследования, поэтому ни территории распространения, ни времени бытования их мы пока отчетливо не представляем. Судя по опубликованным материалам, эти сосуды широко распространены на территории Восточной Европы. Они известны среди материалов славянских курганов Северо-Западного края — могильники в Черневичах (VIII—XII вв.)[25], Гнездовский могильник[26], в славянских курганах бассейна р. Оки — у дер. Лебедки Орловской области, урочище Игрище[27],

[24] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 68—79; А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, стр. 325—344.

[25] Е. Голубович и В. Голубович. Славянские поселения Правобережной Десны в Вилейском округе БССР. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 126—137, рис. 56.

[26] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, стр. 1—70, рис. 133.

[27] Архив ИИМК, ф. № 2, 1925 г., № 144, л. 67; 1928 г., № 157, лл. 6, 7; 1929 г., № 192, лл. 2, 3.

на Дону — в Боршевском курганном могильнике [28]. Один сосуд подобного типа был обнаружен на правобережном Цимлянском городище [29]; встречены они и среди древностей Волыни, Подолии [30] и в ряде других мест.

Однако наибольшее число таких сосудов известно в настоящее время из области Левобережья, в составе памятников VIII—X вв., особенно из могильников и поселений рассматриваемой нами группы. Больше

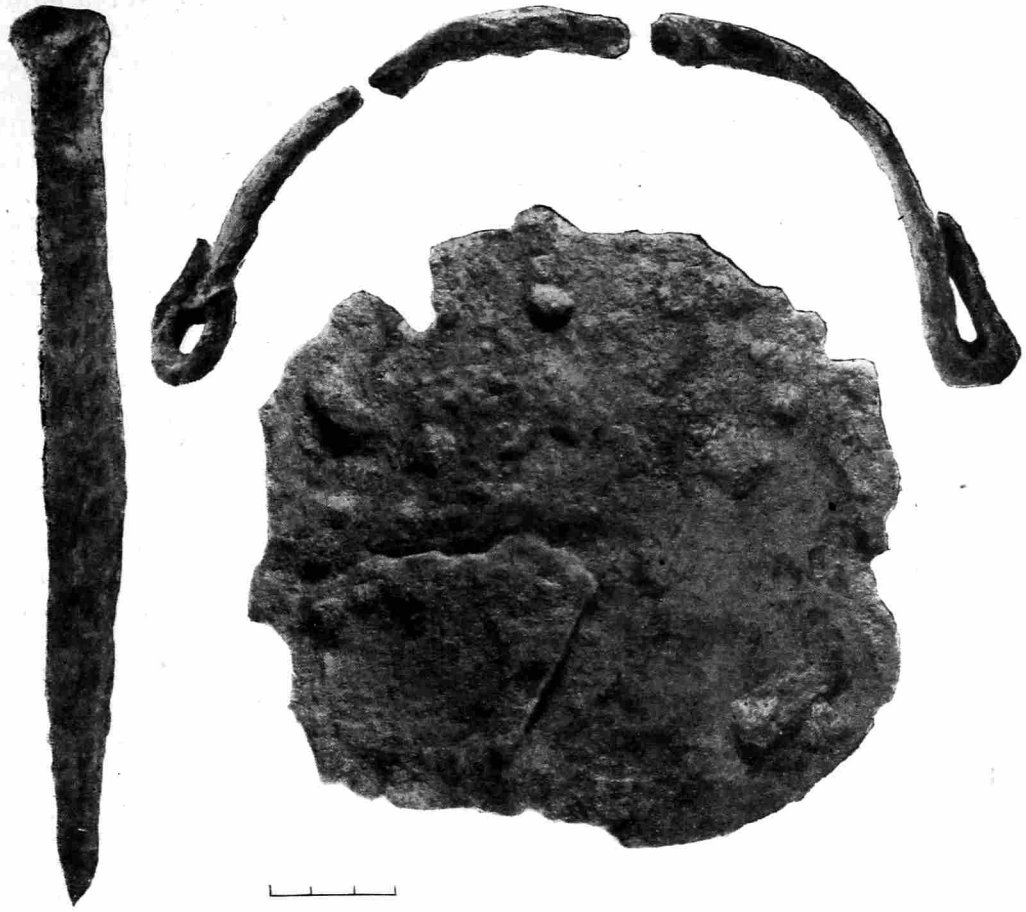

Рис. 16. Вещи из ямы № 2.

того, именно эта керамика и придает этой группе памятников некоторую обособленность среди средневековых памятников Левобережья. Хотя сосуды эти более или менее однообразны по форме, они изготовлялись различными способами. Наряду с гончарными среди них было много и лепных, причем сделанные на гончарном круге и лепные, как правило, сосуществовали (Волынцево, Новотроицкое, Битицы). Сосуды делались из сравнительно чистой глины независимо от того, были ли они лепными или изготовленными на гончарном круге. Цвет их — от оранжево-красного до черного. Разнообразна была и орнаментация их. Иногда поверхность покрывалась лощением — сплошным и полосатым (вертикальным или в клетку). Чаще всего полосатое вертикальное лощение сочеталось с врезным орнаментом, наносившимся по плечикам и верхней части тулова

[28] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 82 и сл.; табл. XIII, рис. 3—5.

[29] Фонды ЛОИИМК.

[30] L. Niederle. Slovanské Starožitnosti. Život starych slovanů. Dilu III, svazek I. Praha, 1921, рис. 96, *8*.

в виде одной или двух линий. Промежутки между линиями заполнялись волнистыми линиями, отпечатками зубчатого чекана и другими орнаментальными мотивами.

Ряд перечисленных нами памятников, содержащих рассматриваемую керамику, датирован монетными находками. Правда, последние определяют лишь нижнюю границу, ранее которой памятник не мог прекратить свое существование, но для нас сейчас эта сторона и является наиболее существенной. К таким памятникам относится прежде всего Боршевское городище, где найдены монеты второй половины IX в. и первой половины X в. Монетами этого же времени датируется и правобережное Цимлянское городище. Концом IX в. следует датировать Новотроицкое поселение (самая поздняя монета — 833 г.). Из этих трех хорошо датированных памятников рассматриваемая группа горшкообразных сосудов, наиболее близкая битицкому комплексу, представлена на Новотроицком поселении. Здесь есть сосуды, сделанные на гончарном круге и лепные. Разнообразны они и по цвету, и по орнаментации; в частности имеются сосуды, покрытые лощением. В качестве датирующего материала в какой-то мере могут быть использованы также кувшины с одной и двумя ручками, чаще всего темно-серого цвета, покрытые вертикальным лощением. Остатки их на поселении немногочисленны, и они, несомненно, не являются составной частью керамического комплекса рассматриваемой нами группы памятников. Эти сосуды — привозные с юго-востока, где они хорошо представлены в памятниках салтово-маяцкого круга, датируемых VIII—X вв. Лучше всего мы знаем такие сосуды по исследованным памятникам — правобережному и левобережному Цимлянским городищам, Карнаухову, но они встречаются и на поселениях, известных только по подъемному материалу,— таких, как у хуторов Крутого, Подгорного и др. Таким образом, на основании керамических данных Битицкое поселение может быть датировано в широких рамках VIII—X вв.; более точная дата, судя по типу амфоры, а также комплексу горшкообразных сосудов,— по-видимому, IX в.

Исходя из изложенного, следует полагать, что и остальные памятники, содержащие рассматриваемый нами керамический комплекс, а именно могильники у с. Малые Будки, у г. Сосница и у с. Волынцево, относятся к тому же времени (VIII—X вв.— в широком плане), а не к VII—VIII вв. и не к такому раннему времени, как предполагает в последней своей работе П. Н. Третьяков, рассматривая их как памятники культуры «полей погребений» черняховского типа — после IV—V вв.[31] Кстати заметим, что еще не так давно П. Н. Третьяков первоначально один[32], а позже в соавторстве с П. П. Ефименко[33] датировал могильник у с. Малые Будки, относящийся к этой группе, VIII—X вв. А. А. Спицын датировал указанный могильник VIII—IX вв., к сожалению, не приведя никаких данных в обоснование этого взгляда[34].

Датируя этими широкими рамками (VIII—X вв.) памятники волынцевского типа, не следует, однако, полагать, что все они существовали одновременно и на протяжении всего периода. Несомненно, одни из них возникли ранее, другие — позднее; возможно, что они прекратили свое существование также в разное время.

---

[31] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 151, 152.

[32] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 32, 33.

[33] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 82.

[34] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 7—11.

3

Датировка памятников волынцевского типа VIII—X вв. ставит их в один хронологический ряд с широко распространенными в области Левобережья роменско-боршевскими памятниками, имеющими с ними очень много общих черт и в приемах домостроительства, и в бытовом и хозяйственном инвентаре, и, по-видимому, в некоторых деталях обряда захоронения (трупосожжение)[35].

Однако при наличии многих черт, общих с роменскими, волынцевским памятникам присущи и некоторые особенности, выделяющие их. Одно из их основных отличий, — несомненно, керамический комплекс, в составе которого около 50%, — а иногда и более, — принадлежат своеобразным горшкообразным сосудам с высоким вертикальным венчиком, подробно охарактеризованным нами выше и придающим керамике волынцевских памятников особый колорит. Хотя сосуды этого типа имеются в составе керамики роменских памятников, но там они не являются ведущими, так же, как мало в составе волынцевской керамики сосудов, орнаментированных зубчатым чеканом, т. е. в собственном смысле слова роменских. В этом отношении рассматриваемая керамика напоминает керамику правобережных славянских памятников VIII—X вв., где сосуды, орнаментированные зубчатым чеканом, также единичны, но это ни в какой мере не дает основания отождествлять ее с комплексом правобережных памятников, ибо в последних ведущие формы также отличаются и от волынцевских, и от роменских, хотя сосуды с высоким вертикальным венчиком есть и там[36].

Относя волынцевские памятники к VIII—X вв. — к тому же времени, которым датируются и памятники роменско-боршевского типа, мы тем самым исключаем возможность причислить их к памятникам, которые предшествуют роменско-боршевским[37], как это делает ряд исследователей. А если это так, то, естественно, встает вопрос — в каком же соотношении находятся эти две группы синхронных славянских памятников, встречающихся на одной и той же территории?

Еще Д. Я. Самоквасов, исследуя курганные древности Левобережья (Северянщины), отмечал, что, наряду с вполне однородными по устройству и содержанию языческими курганными кладбищами с северянским погребальным обрядом (кострища, погребальные урны со жженными костями, могильные ямы с костяками), в этой области встречаются обширные курганные могильники времени существования Северянского племенного княжения, но не северянского погребального обряда. К числу последних Д. Я. Самоквасов отнес Глинский могильник, Белогорский, Миропольский и некоторые другие с костяками под курганными насыпями, без могильных ям (на горизонте дневной поверхности). Исходя из этого, Д. Я. Самоквасов полагал, что население Левобережья было смешанным; наряду со славянами (северянами) здесь обитали и неславянские племена.

---

[35] Д. Т. Березовец. Археологические памятники летописных северян. Тезисы доклада. КСИА, 2, 1953, стр. 25, 26.

[36] L. Niederle. Ук. соч., рис. 96.

[37] Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району..., стр. 244; Д. Т Березовец. Археологические памятники летописных северян, стр. 26; Н. Ю. Брайчевский. Основные вопросы археологического изучения антов (культура полей погребений). Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 18.

Мы не будем касаться вопроса, кому принадлежали те или иные могильные памятники. Для нас важен установленный Д. Я. Самоквасовым факт наличия в области Левобережья одновременно разнообразных могильных памятников (по монетным данным, —как северянские, так и «несеверянские»,— памятники относятся к IX—X вв.) [38]. Мысль Д. Я. Самоквасова о разноплеменном составе населения Днепровского Левобережья, отразившемся в археологических памятниках, нашла место и в работе А. А. Спицына [39]. Позже вопрос этот неоднократно затрагивался Б. А. Рыбаковым. Наиболее полно свои взгляды относительно населения Левобережья в рассматриваемый период Б. А. Рыбаков изложил в работе «Поляне и северяне» [40].

То, что левобережное население довеликокняжеского периода не представляло единого племени, отмечалось и рядом историков, исследовавших письменные источники; однако общепризнанного решения по данному вопросу пока не достигнуто [41]. Письменные источники ясных указаний в этом отношении не дают, а систематическое и целеустремленное изучение вещественных памятников лишь только начинается.

Мы полагаем, что выявленные в последние годы в области Левобережья археологические памятники так называемого волынцевского типа, выделяющиеся благодаря некоторым устойчивым чертам из круга широко распространенных, но пока также еще слабо изученных памятников роменско-боршевского типа,— являются новым аргументом в пользу идеи о разноплеменности населения Левобережья. В этом аспекте, как нам кажется, и следует подходить к оценке памятников волынцевского типа, определяя их принадлежность одной из славянских племенных групп Левобережья.

Конечно, сейчас было бы преждевременно заключать, являлось ли население, оставившее рассматриваемые нами древности, северянами, как это утверждает, например, Д. Т. Березовец, или это была какая-то другая, не известная нам по письменным источникам, по-видимому, немногочисленная группа славян, входивших в северянский племенной союз. Последнее, пожалуй, наиболее вероятно. Уж слишком малочисленна эта группа памятников среди других, синхронных им, чтобы признать в ней древности основной, известной нам в этой области по письменным источникам, группы славян — северян. Мы никак не можем согласиться с утверждением Д. Т. Березовца, «что район распространения поселений и могильников волынцевского типа совпадет с районом распространения роменских городищ» [42]. Хорошо известно, что памятники роменского типа на севере достигают верховьев Десны, на юге — нижнего течения Ворсклы, на востоке — верховьев Донца и левых притоков Днепра, а на западе

[38] Д. Я. Самоквасов. Северянские курганы и их значение для истории. Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр. 185—224; его же. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, стр. 25—27, 42, 68, 69 и др.

[39] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, т. VIII.

[40] Б. А. Рыбаков. Радзімічи. Минск, 1932, стр. 139 и сл.; его же. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1; его же. Поляне и северяне. СЭ, VI-VII, 1947, стр. 81—105.

[41] Сводку мнений см. В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 54 и сл.

[42] Д. Т. Березовец. Археологические памятники летописных северян, стр. 25, 26. В другой работе «Допитання про літописних сіверян» («Археологія», VIII, 1953) Д. Т. Березовец иначе характеризует соотношение территории распространения этих памятников: «Сравнивая широко известные памятники роменского типа с мало еще известными памятниками волынцевского типа, которые находятся на той же самой территории,...» (стр. 37).

доходят до нижнего течения левых притоков Днепра и насчитываются сотнями, памятники же волынцевского типа исчисляются единицами (ясно выраженных мы знаем всего лишь четыре), и все они расположены в границах довольно небольшой территории — в треугольнике Сосница — Сумы — Ромны (рис. 17, пунктиром обозначены приблизительные границы памятников Роменско-боршевского типа).

Нам кажется, что еще не настало время для сближения какой-либо группы археологических памятников, и в том числе рассматриваемых,

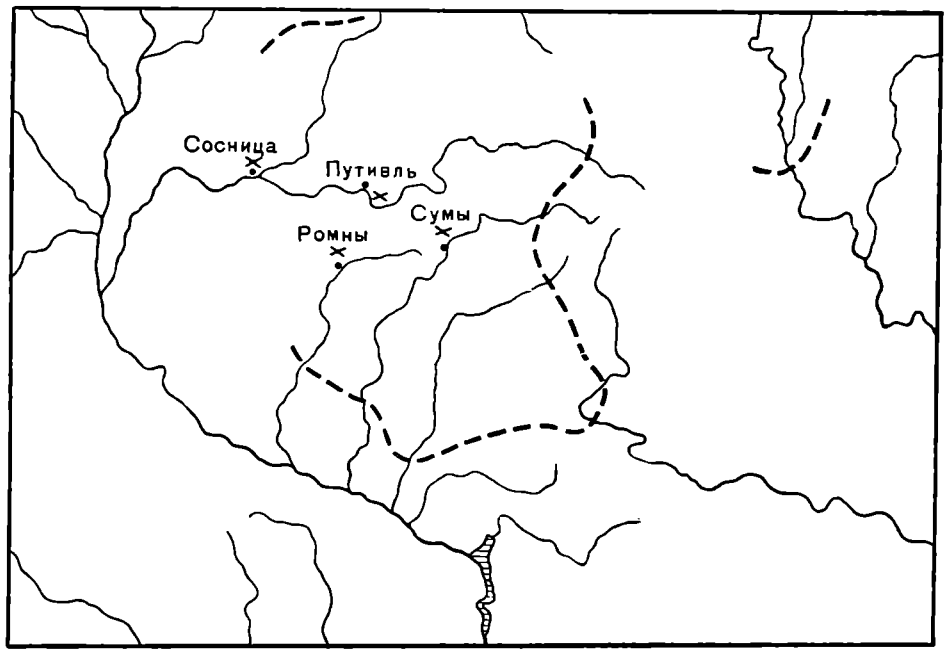

Рис. 17. Карта памятников волынцевского типа.

с летописными северянами. Не случайно, что исследователи так расходятся в суждениях. Древности, которые Д. Я. Самоквасов не считал северянскими [43], А. А. Спицын и другие исследователи приводят как наиболее характерные для северян [44]. Мы имеем в виду погребения на горизонте, с височными спиральными кольцами. Попытка Б. А. Рыбакова путем сопоставления территории летописных северян с территорией распространения спиральных колец показать совпадение этих территорий и на этой основе закрепить за северянами спиралевидные височные кольца как характерные признаки, по нашему мнению, не удалась. Это сличение дает обратное: спиральные кольца распространены там, где летопись северян не указывает (Псел и южнее), и их нет на территории, где летописец помещает северян (Десна, Сейм).

В последнее время летописных северян все чаще и чаще пытаются связать с поселениями роменского типа в широком понимании этого слова. Поступая так, исследователи забывают один весьма существенный факт, отмеченный для Левобережья давно,— о котором мы только что говорили,— наличие в границе территории, занятой этой группой, поселений и могильников с различным обрядом захоронения, т. е. той категории памятников, которая для других районов территории Восточной

[43] Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам, стр. 26, 27, 41, 42 и др.

[44] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным, стр. 331 и сл.; Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, стр. 86—95.

Европы считается определяющей при выявлении племенных различий [45]. Уже в силу одного этого обстоятельства предлагаемое решение требует серьезной проверки.

Вместе с тем при современном уровне наших знаний едва ли кто станет отрицать, что те поселения, которые мы объединяем под названием «роменские», в действительности по ряду признаков являются далеко не единообразными. Ведь о большинстве поселений мы знаем только по подъемному керамическому материалу, лишь в какой-то мере позволяющему выделить их из состава разновременных памятников в единую средневековую славянскую группу, но не дающему никакого представления ни о характере устройства жилищ, ни об обряде захоронения. А особенности в устройстве жилищ, по-видимому, существовали. Так, в некоторых поселениях, наряду с господствующим типом полуземлянок, имеющих так называемые глинобитные печи кубовидной формы, есть полуземлянки с печами в виде подбоев в стенах. Возможно, что тип этот, будучи случайным в данном поселении, окажется основным в другом, как это имеет место, например, с горшкообразными сосудами с высоким вертикальным венчиком. Дальнейшие раскопки, возможно, выявят, что разнообразным типам захоронений на Левобережье соответствуют и различные в деталях типы жилищ.

В изучении племенного состава славян Левобережья первоочередная задача состоит в выяснении того, с каким типом известных в области Левобережья захоронений связаны исследованные типы поселений VIII—X вв. В этом направлении еще почти ничего не сделано.

Наконец, в связи с затронутым вопросом следует остановиться на высказанном в литературе мнении, согласно которому волынцевская группа не ставится в связь с памятниками роменско-боршевского типа. Наиболее отчетливо это мнение сформулировано П. Н. Третьяковым, хотя подобные предположения высказывались в печати и ранее [46]. Суть этой точки зрения в изложении П. Н. Третьякова сводится к следующему: «В археологии одно время господствовало представление, что «поля погребений» в области Среднего Поднепровья вовсе не содержат захоронений позднее начала V в. и что в это же время прекратили существование соответствующие им поселения... Последующие исследования внесли в такие предположения значительные коррективы. Оказалось, что многие «поля погребений» Среднего Поднепровья продолжали служить кладбищами в конце V, в VI, а иногда и в VII—VIII вв. Таковыми являлись исследованные за последние годы «поля погребений» около Волынцева в районе Путивля, в местности Лан у г. Сосницы в устье Сейма, известное уже давно «поле» около с. Малые Будки вблизи Ромен, а также ряд пунктов в Поднестровье»[47]. Конечно, если в дальнейшем будет установлено, что могильники волынцевского типа были бескурганными, то формально их можно будет называть «полями погребений», и с этой стороны П. Н. Третьяков, безусловно, прав. Но дело здесь не в этом случайном сходстве, а в том, что памятники волынцевского типа ставятся в генетическую (историко-культурную) связь с культурой «полей погребений» черняховского типа, с которой, как показывают имеющиеся в нашем распоряжении материалы, они не имеют ничего общего. Единственно, что их связывает,— это название «поля погребений», да и оно еще требует дополнительной провер-

[45] П. Н. Третьяков. Археологические памятники древнерусских племен. Ученые записки ЛГУ, №85, серия историч. наук, вып. 13 — «Археология», 1949, стр. 283—285; его же. Северные восточнославянские племена, стр. 53; его же. Восточнославянские племена, стр. 242 и сл.; Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, стр. 86—95.

[46] Е. В. Махно. Ук. соч., стр. 240, 241.

[47] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 151, 152.

ки, ибо не исключено, что захоронения могли быть и подкурганными. Наиболее полные доводы в защиту последнего положения (что захоронения были подкурганными), а также развернутая характеристика памятников этой группы в свое время были приведены П. Н. Третьяковым в его работе «Северные восточнославянские племена», где, доказывая продвижение «роменцев» в область Среднего Поднепровья (Левобережья) с севера, он писал: «Следы столь же характерных погребальных сооружений северного типа встречены около Малые Будки в окрестностях Ромен. Судя по сообщению В. Ф. Беспальчева и Н. Е. Макаренко, под остатками распаханных курганов (подчеркнуто нами.— *И. Л.*) здесь были найдены сосуды с жженными костями, бусами и другими мелкими украшениями VIII—X вв. Вокруг сосудов обнаружены остатки деревянных столбов, расположенных, по сообщению Н. Е. Макаренко, по полукругу, а по мнению В. Ф. Беспальчева,— по четырехугольнику. Очевидно, эти столбы представляют собой деревянную ограду, известную по курганам верховьев Оки и Дона. Кроме грубой лепной посуды северного типа, при раскопках было найдено несколько сосудов хорошей выделки с орнаментом из прочерченных линий, в том числе волнистой полосы и полос, нанесенных краской. Такая посуда пока что на славянских городищах не встречалась. Ее происхождение остается неясным»[48]. Та же мысль, что захоронения у сел Малые Будки и Константиново были подкурганными, проводилась П. Н. Третьяковым в соавторстве с П. П. Ефименко совсем недавно, в работе, посвященной боршевским памятникам, где при характеристике керамики из Боршевского могильника авторы утверждали, что найденные в курганах сосуды «похожи на посуду из разрушенных курганов (подчеркнуто нами. — *И. Л.*) у сс. Малые Будки и Константиново..., которые можно считать очень близкими Боршевским курганам. Там также были найдены остатки круглой деревянной ограды из вертикально стоявших столбов»[49].

Со времени выхода в свет работ, где были изложены приведенные взгляды, наши знания в отношении рассматриваемых погребальных сооружений с фактической стороны не претерпели изменений. Погребальные сооружения Волынцевского могильника и могильника у г. Сосница по опубликованным данным рисуются еще менее отчетливо, чем у с. Малые Будки. Перемена произошла лишь в одном — изменился угол зрения, под которым рассматриваются эти памятники. Если в одном случае на материалах могильника у с. Малые Будки доказывалось передвижение роменцев, имевших курганный обряд захоронения, с севера в лесостепную зону, то в другом речь шла о доказательстве наличия в этом районе в VI—VII вв. населения, оставившего культуру «полей погребений». Только этим и можно объяснить появление этой второй точки зрения на памятники волынцевского типа.

Итак, материалы раскопок позволяют утверждать, что Битицкое городище прекратило свое существование не ранее конца IX в., т. е. оно сосуществовало с поселениями роменско-боршевского типа. Основываясь на этом, невозможно согласиться с положением, что волынцевские памятники являются ранним этапом развития культуры роменско-боршевского типа. Следует полагать, что волынцевские памятники так же, как и памятники роменско-боршевского типа, оставлены одним из левобережных славянских племен VIII—X вв., входивших в летописный северянский племенной союз.

[48] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 33.
[49] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 82.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ОБ ЕДИНСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Доклад, прочитанный на секторе ИИМК с 1956 году)

До недавнего времени положение о единстве памятников черняховской культуры на всей территории ее распространения не вызывало сомнений. Эта точка зрения была высказана и подтверждена в работах В. В. Хвойко, А. А. Спицына, Б. А. Рыбакова и др.[1]

В последние годы все чаще высказываются мнения о неоднородности памятников черняховской культуры. Локальные или временные отличия, естественные для памятников, разбросанных на больших пространствах и долгое время существовавших, трактуются некоторыми исследователями как признаки этнической неоднородности населения, создавшего эти памятники. Например, М. И. Артамонов, сообщая о раскопках в Подолии, высказал мысль о том, что поселения и могильники черняховской культуры Подолии оставлены потомками местного населения тиригетов[2]. И. И. Ляпушкин предположил, что кантемировская (сарматская) группа культуры «полей погребений» явилась «одним из слагаемых в формировании оседлого населения салтово-маяцкой культуры»[3], и т. п.

Сами по себе основанные на анализе конкретного археологического материала попытки выделить локальные варианты вполне закономерны. Несомненно, плодотворна дискуссия В. В. Кропоткина с А. П. Смирновым о крымских памятниках, об их славянской принадлежности, о возможности отнесения их к черняховской культуре[4]. Насколько эти вопросы актуальны, показали выступления на конференции ИИМК в 1956 г., посвященной истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.

В диссертационной работе Ю. В. Кухаренко показан неоднородный характер особенностей погребального обряда и культурных остатков в могильнике у с. Николаевка-Козацкое на Нижнем Днепре[5]. Изыскания

---

[1] В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Поднепровье. Записки РАО, XII, 1901, стр. 189, 190; А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, стр. 69; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 70.

[2] М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 117.

[3] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, стр. 28.

[4] А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ, 1953, № 3, стр. 40; В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 160 и сл.

[5] Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен. Автореферат диссертации. М., 1951, стр. 11.

И. И. Ляпушкина на Левобережье, в тех разделах, где он, анализируя специфику обряда подкурганных кантемировских захоронений, раскопанных М. Я. Рудинским, выделяет их в особую группу памятников, также являются шагом вперед [6]. Остаются в силе и мои высказывания о локальных вариантах черняховской культуры, связанных с бассейнами рек Днестра и Южного Буга [7].

Выявление местных особенностей поможет в дальнейшем четче разделить и сгруппировать многочисленные племена, жившие на обширных пространствах, и проследить их взаимообщение или смешение с соседними племенами другого этнического происхождения.

Между тем нередко исследователи, убежденные в однородном характере памятников черняховской культуры, впадают в крайность. Не анализируя реальный археологический материал во всех подробностях, они утверждают только на основании отдельных сходных элементов славянскую принадлежность многих памятников, которые еще требуют по меньшей мере дополнительного исследования. Обычно основанием для сближения является сходство гончарной посуды, покрытой лощением.

В этой связи обратим внимание на статьи и доклады Л. М. Славина о памятниках первых веков нашей эры ольвийской периферии и бассейна Ингульца [8] или на нечеткие представления о специфике черняховской культуры К. А. Раевского, когда он говорит о причерноморских памятниках, в частности о своих интереснейших раскопках в Киселове [9] Нет надобности останавливаться на истории исследований черняховских памятников, открытых В. В. Хвойко. Отметим только территориальное расширение границ этой культуры прежде всего в результате усилий советских ученых. Памятники черняховского типа в настоящее время известны от Северного Донца до Малопольши включительно, и от Черниговщины, где они слабее изучены, до района Каховки на Днепре, до Вознесенска на Южном Буге и до Олонешт — Тудорова на Днестре (рис. 1, *I*). При этом не исключается и более южное распространение черняховских памятников по направлению к черноморскому побережью.

Классическая датировка В. В. Хвойко памятников черняховской культуры II—V вв. н. э. пока остается в силе, хотя в последние годы некоторые исследователи пытаются оспаривать верхнюю границу существования памятников. Одни из них отвергают существование памятников черняховской культуры в V в. н. э., с нашей точки зрения, без достаточных на то оснований; другие склонны доказывать существование этих памятников и в VI в., и в VII в. Последнее направление исследований нам представляется более закономерным. Однако вопрос о позднечерняховских памятниках должен быть решен не передатировкой типичных материалов черняховского времени — II—V вв., а путем поисков и раскопок сменяющих их памятников так называемого переходного типа.

---

[6] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» Левобережья Днепра. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 35, 36; его же. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного Левобережья, стр. 22.

[7] Э. А. Симонович. Про культуру полів поховань на Поділлі. «Археологія», V, 1951, стр. 113.

[8] Л. М. Славин. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце. КСИА, 3, 1954, стр. 58, 59.

[9] К. А. Раевский. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра — Днестра в I тысячелетии н. э. СА, XXIII, стр. 269 и сл.

В настоящее время, несмотря на положительные результаты работ археологов, становится совершенно очевидным, что предмет исследования следует определить яснее, т. е. четко установить понятие черняховской культуры и найти критерии, которые позволили бы решать вопрос о принадлежности к ней тех или других памятников.

Культура «полей погребений» черняховского типа, как уже следует из ее названия, прежде всего отличается своим обрядом погребения. Несмотря на то, что число открытых в настоящее время поселений этой культуры очень велико и измеряется сотнями, количество раскопанных жилищ (подчеркиваю — не поселений, а отдельных жилищ) настолько мало, что трудно в настоящее время говорить о локальных особенностях домостроительства и планировки поселений как об одном из важных признаков данной культуры. Попутно заметим, что поселения южнорусских степей и Причерноморья, где обнаружено каменное домостроительство, нельзя до открытия типичных могильников считать черняховскими.

Если же рассмотреть эволюцию жилищ черняховской культуры первых веков нашей эры, то как будто намечается следующая линия. По-видимому, на ранних этапах существования черняховской культуры можно говорить о полуземлянках (II—III вв. н. э.), иногда с двумя помещениями (Никольское, Привольное, Грушевка, Ломоватое 1). Позже их сменяют наземные постройки столбовой конструкции с плетеными из прутьев стенами, обмазанными глиной (III—IV вв. н. э.). Еще позже, в конце IV—V вв. н. э., их начинают,— возможно, не повсеместно,— сменять углубленные в землю жилища (Дидовщина, Данилова Балка, Лука-Врублевецкая).

Мы не будем в дальнейшем касаться поселений при рассмотрении вопроса о единстве и различиях памятников черняховского типа. Следует обратить внимание на то, что могильники расположены, как правило, неподалеку от поселений, на расстоянии 200—500 м. Для могил обычно выбирали сухой, возвышенный участок на берегу той же водной артерии, на которой помещалось поселение.

Чем же характеризуются основные особенности обряда погребения и вещевого инвентаря могильников черняховской культуры?

Давно уже отмечено, что на могильниках этого типа, лишенных крупных земляных насыпей или каких-либо сооружений, встречаются погребения с трупосожжениями и трупоположениями, причем вторые захоронены глубже. В настоящее время установлены специфические варианты среди захоронений обеих групп.

Известны 4 разновидности погребений с трупосожжениями:

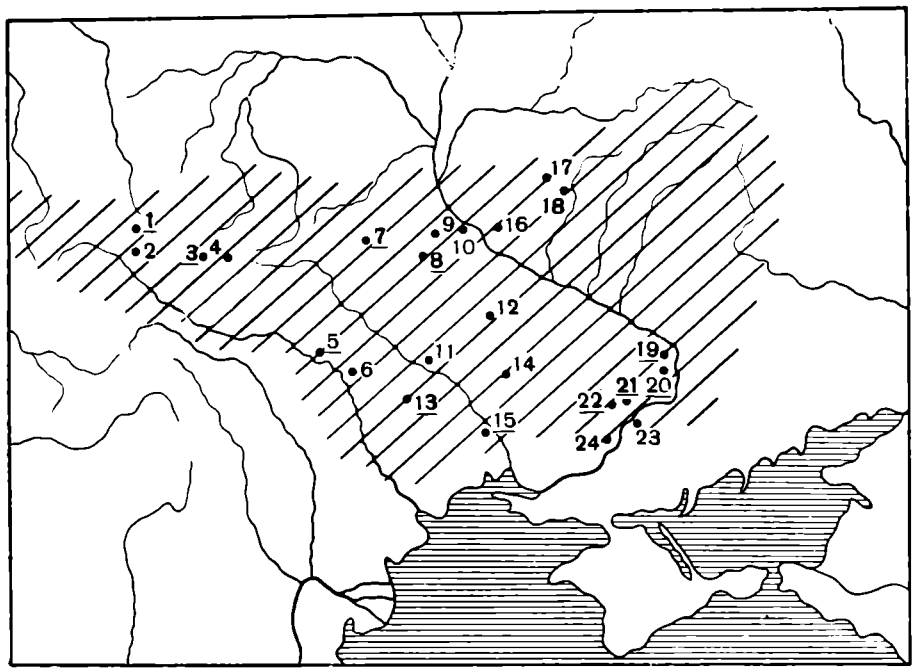
1. Погребения кальцинированных костей в урне или в 2 урнах, накрытых сосудами или обломками сосудов. Иногда в могильную яму бросали остатки вещей и посуды, побывавшей в огне погребального костра.

2. Погребения костей в ямке, накрытые горшком, или миской, или фрагментами сосудов, также иногда обсыпанные вещами, побывавшими в огне.

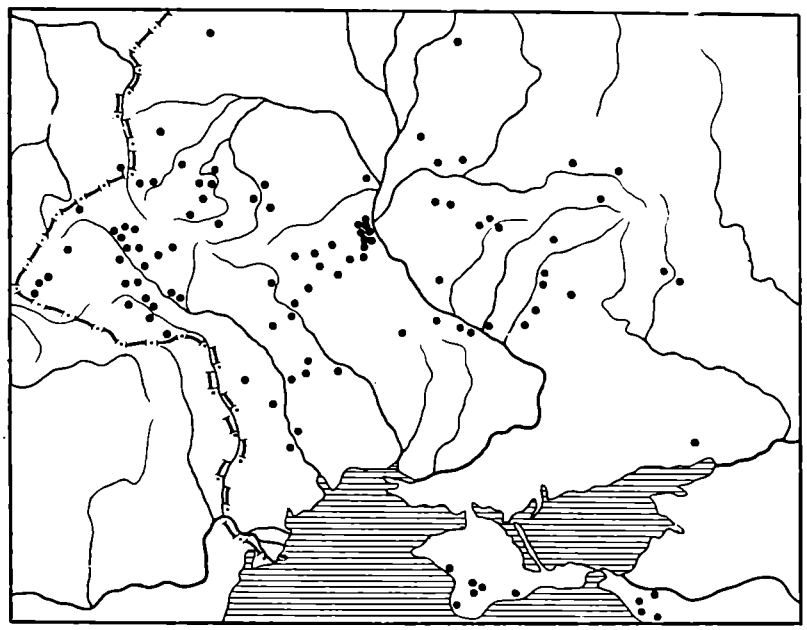
3. Кальцинированные кости, ссыпанные в ямку с отдельными вещами или мелкими обломками посуды.

4. Кальцинированные кости, брошенные в ямку и обставленные вокруг сосудами.

Первые 2 подгруппы погребений более древние,— по-видимому, II—III вв. н. э., а третья группа появляется в более позднее время (III—IV вв. н. э.). Датировки эти основываются на сопоставлении материалов могильников в Каменке и у овчарни совхоза «Приднепровского» на

I

II

Рис. 1. *I* — распространение памятников черняховского типа на территории СССР (по карте Ю. В. Кухаренко и А. Л. Монгайта; точками и цифрами обозначены пункты, упоминаемые в статье; подчеркнуты места поселений); *II* — топография римских и ранневизантийских кладов (обозначены точками) на территории СССР (по В. В. Кропоткину).

1 — Неслухов; *2* — Псары; *3* — Викнины-Великие; *4* — Терпиловка; *5* — Лука-Врублевецкая; *6* — Вила-Яругская; *7* — Пражев; *8* — Ягнятин; *9* — Дидовщина; *10* — Черняхово; *11* — Данилова Балка; *12* — Маслова; *13* — Крпинчки; *14* — Коротяк; *15* — Вознесенск; *16* — Переяслав-Хмельницкий; *17* — Гурбинцы; *18* — Лохвицы; *19* — Никольское; *20* — Привольное; *21* — Грушевка; *22* — Кут; *23* — Каменка; *24* — овчарня совхоза «Приднепровского».

Нижнем Днепре[10] (рис. 2). Последняя, четвертая разновидность обряда известна в Черняхове по описанию В. В. Хвойко[11] и в Гурбинцах на Прилуччине[12]. Видимо, обычай обставлять кальцинированные кости сосудами существовал на более северных территориях распространения черняховских памятников и, быть может, генетически восходит к могильникам чаплинского типа в Южной Белоруссии[13].

Погребения с трупоположениями подразделяются на следующие 2 основные подгруппы:

1. Грунтовые могилы с северной ориентировкой покойников, причем богатые погребения захоронены глубже, иногда — в ямах с заплечиками, в редких случаях — в камерах, обложенных деревом. Обычно костяк лежит на спине, в вытянутой позе, хотя известны случаи, когда нога или обе ноги чуть согнуты, а руки (или рука) иногда согнуты в локте и положены на живот или вытянуты и откинуты. Погребения этой подгруппы обычно сопровождают более или менее богатый инвентарь и мясная пища в виде лежащих непосредственно на дне могильной ямы остатков костей домашних животных и птиц. Сосуды и вещи располагаются не на определенных местах, но чаще всего концентрируются группами, преимущественно возле головы или верхней части туловища. В могилах, кроме сосудов, так же, как и в погребениях с сожжением, обычным инвентарем являются: в мужских погребениях — железные ножи, овальные кресала с кремешком, поясные пряжки, реже — пряжки от обуви, бронзовые арбалетные фибулы подвязного типа с железной осью пружины, костяные многочастные гребни; в женских погребениях также находят железные ножички, бронзовые фибулы и костяные гребни, но, кроме того, там встречаются глиняные пряслица, иглы для шитья, бусы и украшения в виде костяных пирамидальных подвесок и подвесок из морских раковин[14]. Погребения эти известны на могильниках черняховской культуры, не существовавших позже III—IV вв. н. э.

2. Погребения с трупоположениями второй подгруппы отличают прежде всего западная или юго-западная ориентировка, в среднем бо́льшая глубина захоронений, часто в ямах с узким углублением на дне для тела покойника, в редких случаях обложенных и перекрытых деревом. Костяк лежит на спине в вытянутой позе. Сопровождающего инвентаря почти нет. Погребения второй подгруппы появились и существовали несколько позже погребений первой подгруппы (IV—V вв. н. э.). Мы не считаем предельной последнюю дату (рис. 3). Основания для отнесения этой подгруппы погребений к более позднему времени следующие:

1) в Даниловой Балке одна из могил этого типа срезала угол могильной ямы погребения с северной ориентировкой;

2) там же найдено погребение с бусами, в числе которых была медная монета — подвеска Констанция II (337—361 гг. н. э.);

3) в другом погребении указанного могильника обнаружен тонкостенный конический стеклянный кубок удлиненных пропорций, дата которого — конец IV в. — V в. н. э.;

4) ни одно из погребений у овчарни совхоза «Приднепровского» с западной ориентировкой не потревожено, в то время как среди погребений, ориентированных головой на север, есть разрушенные;

[10] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, стр. 306.

[11] В. В. Хвойко. Ук. соч., стр. 172.

[12] М. Макаренко. Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині. Коротке звідомлення, Київ, 1927, стр. 112.

[13] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 123, 124.

[14] В. В. Хвойко. Ук. соч., табл. XIX.

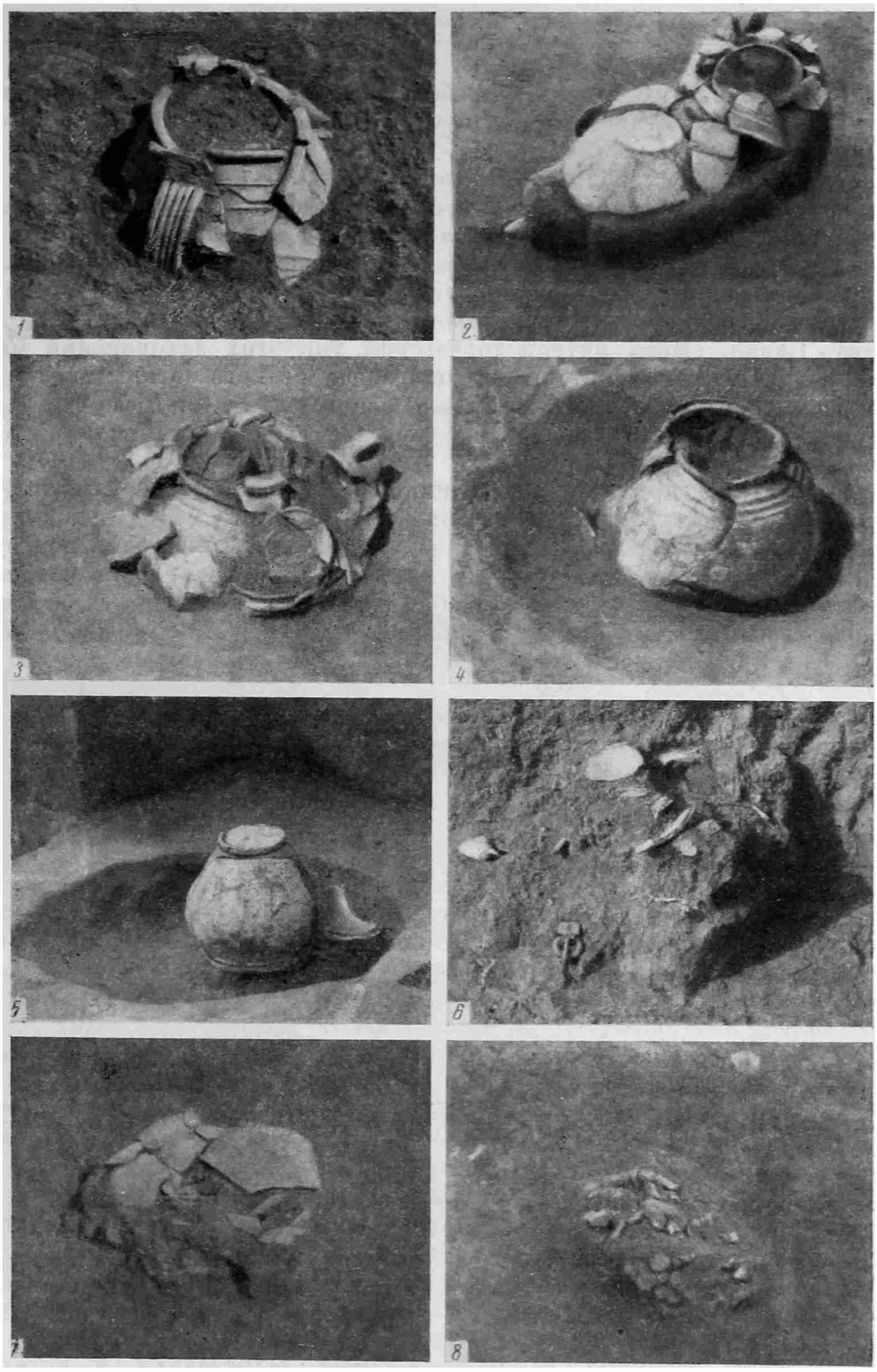

Рис. 2. Погребения с трупосожжениями (по материалам южно-днепровских могильников).

Погребения, характерные для II—III вв. н. э. *1, 2* — погребения в урне или двух урнах, накрытых сосудами или обломками сосудов (*1* — овчарня совхоза «Приднепровского», № 7; *2* — Каменка, № 49); *3, 4* — погребение в урне, обсыпанной обломками сосудов, побывавших в огне (Каменка, № 39), до и после их выборки; *5* — погребение костей под урной (Каменка, № 81); *7* — погребение костей, накрытых обломками сосудов (овчарня совхоза «Приднепровского», № 8). Погребения, характерные для III—V вв. н. э.: *6* — погребение костей, ссыпанных в ямку с обломками сосудов и другими вещами, побывавшими в огне; *8* — погребение, лишенное инвентаря (*6* — овчарня совхоза «Приднепровского», № 39; *8* — там же, № 13).

5) бусы в одном из детских погребений этого могильника, положенных головой на запад, отличаются от бус из более ранних погребений того же могильника.

Погребения обеих подгрупп не отделены друг от друга сколько-нибудь значительным промежутком времени и, вероятно, какой-то период сосуществовали вместе. Это доказывает находка стеклянного конического кубка в погребении № 35, ориентированном головой на север, в могильнике у овчарни совхоза «Приднепровского»: кубок совершенно аналогичен кубку из погребения, ориентированного головой на запад, в с. Данилова Балка. Пока антропологический тип этих захоронений мало изучен. Тем не менее материалы нижнеднепровского могильника у овчарни совхоза «Приднепровского» дали основания Г. Ф. Дебецу и Т. С. Кондукторовой для заключения о сходстве этнического типа захоронений обеих подгрупп.

Разнообразие вариантов погребений в могильниках одной культуры заставляет обсудить вопрос,— не хоронило ли на них своих покойников разноплеменное население. Однако, во-первых, учтем, что одни подгруппы погребений более типичны для раннего, а другие — для позднего времени; одни — характернее для более южных, другие — для более северных памятников; во-вторых, несмотря на то, что одни погребения — с сожжениями, а другие — нет, они, как оказывается, имеют ряд общих, сближающих их особенностей.

Полное совпадение прослеживается в составе инвентаря погребений с трупосожжениями и трупоположениями. Например, если сопоставить погребения обеих групп, содержащие много вещей и посуды, то мы увидим среди них сосуды, одинаковые по назначению и близкие по типу. Среди них находятся, как правило, лепной или гончарный горшок для варки пищи, столовая посуда в виде тарелкообразной и биконической миски, а также большая миска, часто снабженная 3 ручками, кубок для питья, нередко положенный в большую миску, сосуд для хранения жидкости — кувшин или амфора, как в 3 погребениях Каменского могильника. В этих погребениях никогда не встречаются сосуды для долгосрочного хранения запасов, цедилки для приготовления творога или сковородки, какие иногда обнаруживают на поселениях. В погребениях обеих групп одинаково велик, по сравнению с поселениями, процент лощеной посуды.

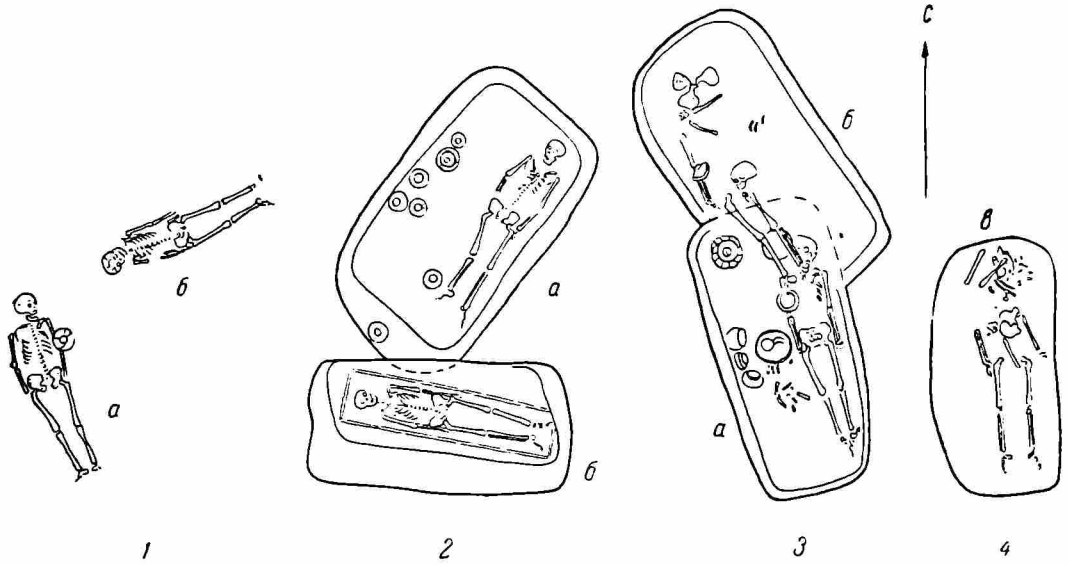
В особенности сближает все погребения обычай бросать в могильную яму с несожженным покойником горсть углей. Например в могильнике у овчарни совхоза «Приднепровского» угольки найдены как в погребениях с трупоположениями, ориентированных головой на север, так и в обращенных головой на запад. При этом угольки часто находятся в нижних пластах могильной ямы, а иногда ими обсыпано тело покойника. Указанные наблюдения не позволяют считать углистые остатки остатками тризны.

Таким образом, факты говорят о значении огня в погребальном обряде также и для захоронений без кремации.

Среди обеих основных групп погребений встречаются и богатые и бедные захоронения, причем имущественная разница в тех и других очень ощутима.

Эти черты сходства не позволяют противопоставлять одну группу погребений другой как захоронения двух враждебных народов, один из которых являлся господствующим.

Сравнивая захоронения в удаленных на значительные расстояния могильниках, мы также увидим особенности, говорящие о ярко выраженной культурной общности. Не вызывает сомнений принадлежность к

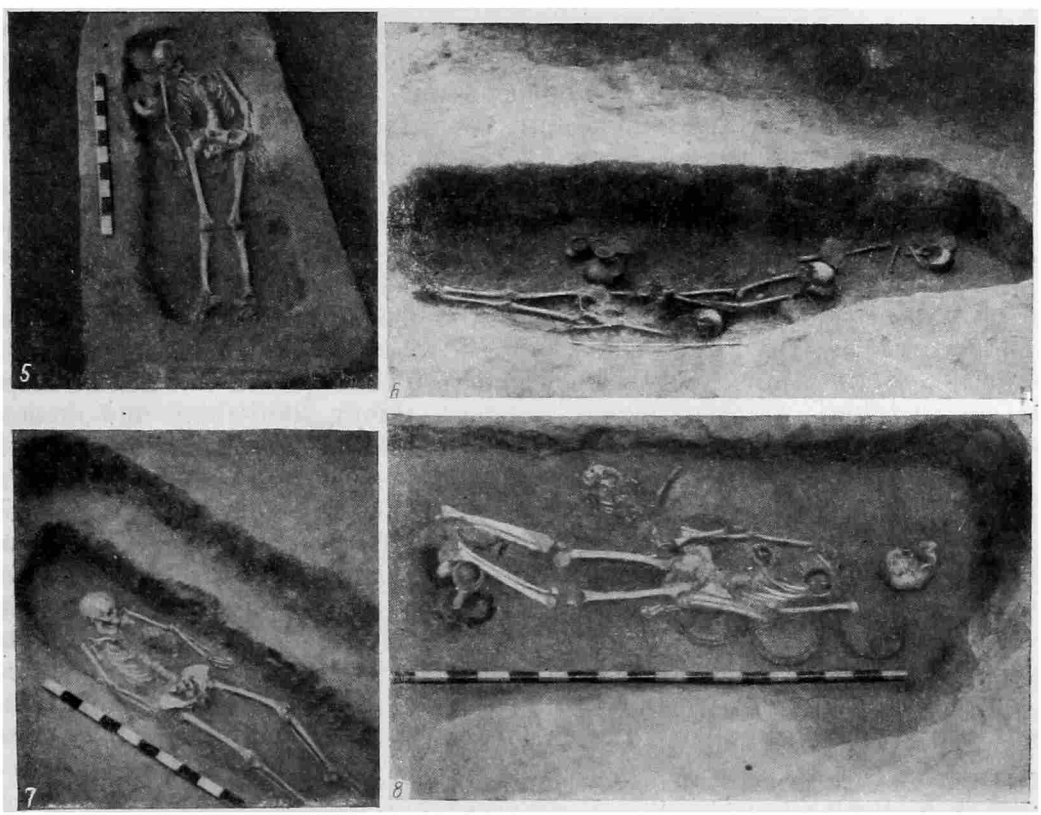

Рис. 3. Планы соседних погребений с трупоположениями, с северной и западной ориентировкой.

1 — могильник у овчарни совхоза «Приднепровского» (*а* — погребение № 47; *б* — погребение № 49); *2* — могильник в с. Даниилова Балка (*а* — погребение № 5; *б* — погребение № 4); *3, 4* — планы погребений, ориентированных головой на север,— неповрежденного и разрушенных с магическими целями (*а* — погребение № 68; *б* — погребение № 70; *в* — погребение № 44); погребения с трупоположениями по раскопкам могильника у овчарни совхоза «Приднепровского»: *5* — рядовое погребение № 26, с северной ориентировкой; *6* — погребения № 68 и 70, с северной ориентировкой, одно из которых разрушено с магическими целями; *7*— погребение № 23, с западной ориентировкой; *8* — богатое погребение в деревянной камере (№ 5) с северной ориентировкой, уложенное на сосудах.

черняховской культуре памятников, вскрытых в последние годы на Нижнем Днепре, вследствие их близости во многих деталях памятникам лесостепной полосы. В черняховских могильниках известны погребения с трупоположениями с северной и западной ориентировкой. Такие могильники встречаются и на Левобережье. Например при раскопках Лохвицкого могильника, кроме 11 погребений, ориентированных головой на север, одно погребение было ориентировано головой на запад[15].

Обнаруженные в поднепровской лесостепи и степи могильники находят прямые аналогии на Южном Буге и в Поднестровье. Например на притоке Южного Буга в с. Данилова Балка зафиксированы такие же, как в Черняхове или у овчарни совхоза «Приднепровского», погребения, ориентированные головой на север и на запад, с теми же особенностями[16]. По данным С. С. Гамченко известно, что в Даниловой Балке были также обнаружены погребения с трупосожжениями. Погребения, ориентированные головой на север, известны и южнее — на Ингульце. В 20-х годах, например, у с. Коротяк-Перепелицыно было раскопано погребение, содержавшее 8 сосудов (1 лепной, 7 гончарных), фибулу и бусы[17]

Раскопки черняховских памятников в настоящее время ведутся на Южном Днестре. Упомянем, например, результаты раскопок у с. Вила-Яругская, где, наряду с ранее известными там погребениями с урновыми трупосожжениями[18], теперь раскопками Южно-Подольской экспедиции вскрыты типично черняховские погребения с северной ориентировкой[19] Памятники первых веков нашей эры, исследуемые сотрудниками Славяно-Днестровской экспедиции, еще ждут подробного опубликования.

Нас интересует, как далеко на запад распространяются указанные особенности обряда погребения. В с. Терпиловка на территории Западной Украины было исследовано интересное погребение. Раскопками вскрыт костяк человека, повернутый головой на север с отклонением к востоку. Погребенный лежал на спине в вытянутой позе, с немного раскинутыми в стороны руками. Его сопровождало 6 сосудов, стоявших группами возле головы, сбоку и у ног. Сосуды представляли собой, если так можно выразиться, кухонно-столовый набор: горшок, миски маленькие и большая, кувшин и кубок, по типу в общем совпадающие с черняховской посудой[20].

На примыкающей к Кракову территории известны также погребения другого варианта. Т. Рейман в своей сводке, посвященной находкам серой керамики в Польше, упоминает, что в Даловицах, на поле, где выпахивали много обломков сероглиняных сосудов, возможно, происходящих из разрушенных погребений с трупосожжениями, были произведены пробные раскопки. В результате вскрыты 3 костяка, обращенных головами на запад, лежавших в вытянутой позе на спине и похороненных без инвентаря[21]. Вероятнее всего, это были захоронения, родственные нашим находкам второй группы в могильниках черняховской культуры.

---

[15] Д. Г. Березовец. Лохвицкий могильник. Доклад 22 мая 1956 г. на VIII археологической конференции Института археологии Академии наук УССР

[16] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья, стр. 309; его же. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 65, 66.

[17] П. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, ч. II. Рукопись. Институт археологии Академии наук УССР.

[18] Д. Щербаківський. Знахідки біля Могилева Подільского. Коротке звідомлення, Київ, 1927, стр. 168.

[19] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 117.

[20] «Богословія», XV, Львів, 1937, стр. 102—105.

[21] T. Reiman. Problem ceramiki siwej na kole toczonej na tle odkryć w górnym dorzeczu. Wisly. «Wiadomości archeologiczne», XIV, 1936, стр. 156.

И. К. Свешников при раскопках у сёл Звенигород и Болотное вскрыл погребения с сожжением и трупоположением: одни костяки были ориентированы головой на север, другие — на запад. В погребениях с сожжениями кальцинированные кости были заключены в урне, накрытой обломками жернова или частью сосуда. Интересно сочетание элементов липицкой и пшеворской культур; в частности для последней характерны некоторые сосуды, погнутое оружие под одной из урн и др. Погребения с северной ориентировкой содержали украшения, ножи, пряслица и одиночные сосуды. Погребения, ориентированные на запад, были почти совершенно лишены вещей. И те и другие достаточно точно датируются фибулами: в первом случае — I—II вв. н. э., во втором — III в. н. э.[22]

Вывод И. К. Свешникова о том, что изменения в обряде погребения у населения, оставившего памятники липицкого типа, произошли в связи с изменениями в этническом составе, может быть, позволяет предположить, что проникновение венедов (пшеворская культура) к племенам, оставившим памятники липицкой культуры, обусловило появление новых разновидностей в обряде погребения и в дальнейшем привело часть этих племен к такой же эволюции обряда погребения, какая прослеживается от Днепра до Малопольши. Эту эволюцию надо, по-видимому, связывать с какими-то определенными сдвигами в идеологических представлениях на базе общего уровня развития экономики и производительных сил племен, стоявших на грани классового общества. Представляется возможным отметить, что предполагаемый процесс эволюции и появление почти безынвентарных погребений, ориентированных головой на запад, в областях Верхнего Поднестровья начались ранее, чем в центральных районах Украины.

Следует обратить особое внимание на черняховские могильники, где в изобилии встречаются погребения с западной ориентировкой. С этой точки зрения чрезвычайно интересно просмотреть по комплексам материалы черняховских могильников. На преобладание погребений с западной ориентировкой и на скудость содержащегося в них инвентаря было, например, обращено внимание при раскопках могильника в с. Дидовщина[23].

В западных областях Украины могильник в Псарах содержал только погребения с трупоположениями, ориентированными на запад, небогатые инвентарем. Однако, судя по описанию К. Гадачека, там были найдены сожженные косточки, что позволяет предполагать наличие ямных захоронений с трупосожжениями[24].

Намеченный процесс эволюции подтверждают и более западные материалы. В Чехословакии в настоящее время известен уже ряд могильников, датируемых V—VI вв. н. э., которые содержат погребения с трупоположениями с западной ориентировкой, как, например, в Шаратицах[25]. Конечно, это обстоятельство, взятое изолированно, не может указывать само по себе на этническую или культурную принадлежность захоронений; в данном случае оно важно как явление, типичное для могильников середины I тысячелетия н. э.

[22] И. К. Свешников. Могильники липецкой культуры в Львовской области. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 63—74.

[23] В. Козловська. Новіші археологічні досліди на терені Білоцерківщини. Хроніка археології та мистецтва, ч. II, Київ, 1930, стр. 47

[24] K. Hadaczek. Kultura dorzecza Dniestru w epoce cezarstwa rzymskiego. Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. XII, 1912, стр. 28—29.

[25] Č. Staňa. Nové nálezy na pohřebišti z doby stěhování národů v Šaraticich na Moravě. «Archeologické rozhledy», R-VIII, 1956, Sešit I, стр. 26—32 (русск. резюме, стр. 135).

Многие черняховские могильники, наряду с обрядом сожжения, содержат только погребения с трупоположениями, ориентированными головой на север. В могильниках Вила-Яругская, Маслово, Привольное, Переяслав-Хмельницкий обнаружены только этого рода захоронения с трупоположениями. В таких могильниках не содержится вещей, которые могли бы датироваться более поздним временем, чем IV в. н. э. Я имею в виду полусферический стеклянный кубок из погребения в Переяславе-Хмельницком[26], типы фибул из погребений в Привольном, где ни в одном случае не встречены фибулы со щитком. Особенность обряда погребения в могилах с сожжением в Привольном также говорит о сравнительно раннем характере этого черняховского памятника. В частности, там преобладают погребения, в которых кальцинированные кости или сложены в урну, или накрыты ею (15 погребений из 18), и почти отсутствуют погребения с костями, брошенными в ямку; все это погребения совсем без вещей или с отдельными фрагментами вещей и посуды[27].

Для сравнительно ранних памятников черняховской культуры характерен больший процент трупосожжений и естественно, что их встречается больше в тех могильниках, где преобладают погребения с северной ориентировкой. Стеклянный кубок из новых раскопок могильника у с. Вила-Яругская также не позволяет относить погребения могильника к более позднему времени, чем IV в. н. э.

Таким образом, первым доводом в пользу существования культурного единства памятников черняховской культуры являются общность погребальных обрядов на больших территориях и единое направление их эволюции.

Вторым доводом, доказывающим цельность культурного массива черняховских памятников, следует считать сходство инвентаря. Не полагаясь при доказательстве близости на сходство мелких вещей и украшений, которые в эту эпоху развитых торговых сношений легко доставлялись куда угодно, остановимся только на сходстве посуды. Как оказывается, удаленные друг от друга на значительные расстояния могилы содержат одинаковые по назначению и близкие по типу сосуды. Выразительные примеры подобного сходства дают керамические комплексы могил Терниловки, Даниловой Балки, Привольного, Переяслава-Хмельницкого, у овчарни совхоза «Приднепровского» (рис. 4). Состав прочего погребального инвентаря подтверждает сходство могил далеких областей, хотя и с неизбежными и естественными локальными особенностями в керамике и других предметах.

Особенно важно сходство мало изученной лепной посуды памятников черняховской культуры. В результате работы над материалами из раскопок и сборов экспедиций, руководимых С. Н. Бибиковым и М. И. Артамоновым, мне удалось выделить характерные формы лепной посуды черняховских памятников[28]. Прежде всего это горшки с расширенным туловом в верхней трети высоты сосуда, с чуть выделенным путем отгиба краем. Разновидности этого типа отличают более вытянутые и более приземистые пропорции (рис. 5, *1*, *2*). Другой довольно распространенный тип горшков — с округлыми плечиками и загнутым внутрь, прямо срезанным краем. Эти горшки бывают украшены сплошь покрывающими поверхность ямками и беспорядочно нанесенными вертикальными врезами. Параллели этим

[26] В. К. Гончаров. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого. КСИА, 4, 1955, стр. 38, рис. *a*, *b*.

[27] Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. СА, XXII, стр. 138 и сл.

[28] Э. А. Сымонович. Про культуру полів поховань на Поділлі, стр. 109.

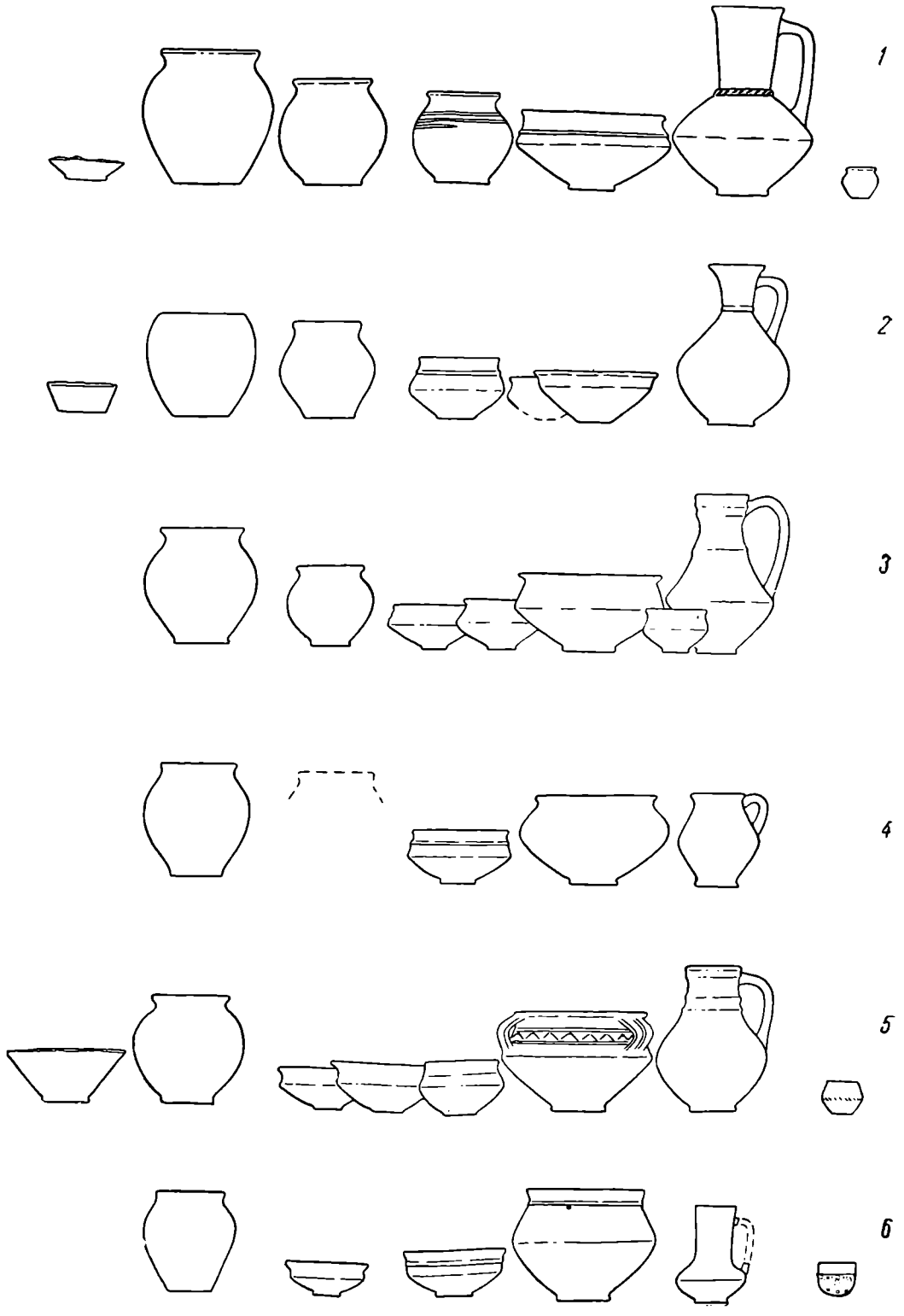

Рис. 4. Комплексы сосудов из погребений с трупоположениями с северной ориентировкой.

1, 2 — овчарня совхоза «Приднепровского» (погребения № 14 и 68); *3* — Переяслав-Хмельницкий (по В. К. Гончарову); *4* — Привольное (по Ю.В. Кухаренко); *5* — Даниилова Балка; *6*— Терпиловка.

сосудам известны в памятниках шеворской культуры (рис. 5, *5,6*). Раскопки на Днепре подтвердили, что на всех памятниках черняховской культуры, а не только в областях Подолии, преобладают именно такие формы сосудов.

Менее распространены горшки биконической формы с краем в виде раструба (рис. 5, *7*). Нам они известны только в Каменке-Днепровской и

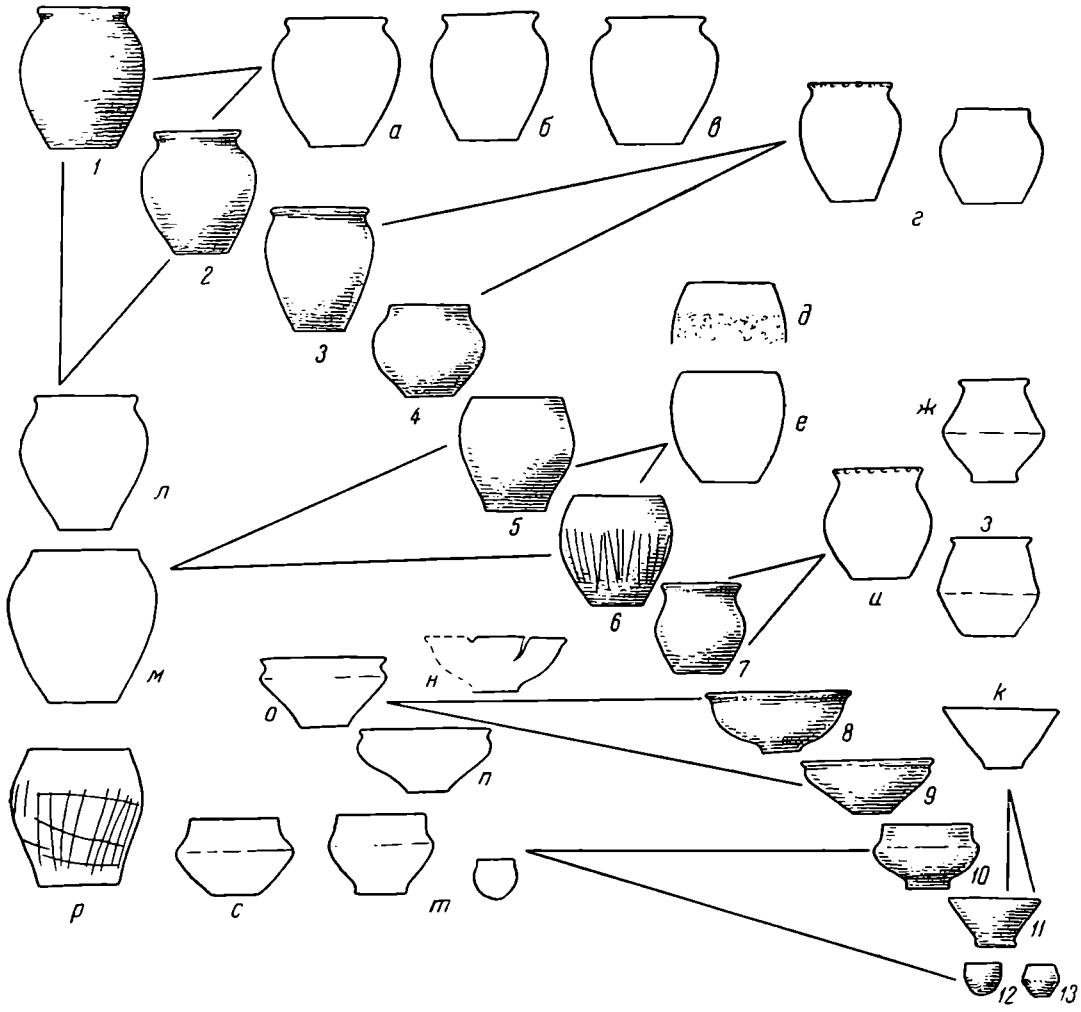

Рис. 5. Формы лепных сосудов черняховской культуры (заштрихованы) и некоторые аналогии к ним.

а — Тропищов, Польша, IV в.; *б* — Киев (жилище VIII), XI—XII вв.; *в* — Шестовицы (курган IX), IX—X вв.; *г* — Сосница, VIII—IX вв.; *д* — Пражев; *е* — Викнины-Великие; *ж* — Липица; *з* — Вила-Яругская; *и* — Тамань, II—III вв.; *к* — Залесцы; *л* — Чажень, Польша (район Лодзи); *м* — Заспы, Польша (район Лодзи); *н* — Соболев, Польша (район Гарволынски); *о*, *п* — Вымыслово, Польша (район Гостынски); *р* — Гр. Стрелиц, Польша, III в.; *с* — Соболев, Польша (район Гарволынски), III в.; *т* — Пуршков, Польша (район Глогува), II в.

Луке-Врублевецкой. В какой-то мере они близки горшкам липицкой культуры, но еще больше напоминают позднеримские горшки античных городов Северного Причерноморья. Кроме того, удалось выявить еще ряд форм сосудов разного бытового назначения.

Заметим, что по техническим причинам восстановление лепных сосудов черняховской культуры даже в лабораторных условиях нередко за-

труднительно или просто невозможно. Эти сосуды были изготовлены из слабопромешанной глины с примесью песка, а иногда шамота, и обожжены, видимо, в домашних условиях. Такие сосуды часто буквально рассыпаются в руках и не удивительно, что старые исследователи, не вооруженные современными средствами консервации, нередко ими пренебрегали. Сошлюсь хотя бы на описание инвентаря из погребений в Привольном; в этом описании часто встречаются слова: «Сосуд не сохранился».

Как выяснилось главным образом по материалам нижнеднепровских могильников, нет ни одной формы гончарных сосудов, которая не была бы представлена также и лепным сосудом. Имеются лепные горшки, миски двух основных типов, так называемые открытые и закрытые (рис. 5, *8—11*), кувшины и кубки (рис. 5, *12*, *13*). Возможно, что некоторые формы гончарной посуды сделаны по образцам лепной керамики; например об этом, как нам кажется, говорит сходство лепных и гончарных горшков. Зато некоторые лепные сосуды сделаны в подражание гончарной биконической миске или черному лощеному кубку полусферической формы. Такое взаимовлияние и взаимопроникновение, выражающееся в подражании гончарной посуды лепной и лепной — гончарной, конечно, явление естественное.

Как уже было отмечено, это была эпоха оживленных торговых сношений, когда гончарная посуда быстро и широко распространялась. Она, по-видимому, стала сравнительно доступной для разных слоев населения. В районах, расположенных вблизи гончарных ремесленных центров типа Неслухова, Иголомии пр., посуда, изготовленная на круге, на время почти вытеснила из употребления лепную посуду домашнего производства.

Некоторые сосуды, вылепленные от руки,— например горшки с резким перегибом тулова и длинной нижней частью и горшки с цилиндрическим краем и крутыми плечиками,— очень напоминают сосуды волынцевского типа (рис. 5, *3*, *4*). В дальнейшем массовый материал поможет лучше выявить черты сходства и различия лепной посуды черняховских и волынцевских памятников, с одной стороны, и черняховских, шеворских и зарубинецких,— с другой.

Следовательно, не только близость типов гончарной посуды, стиль ее орнаментации и прочий вещевой инвентарь объединяют удаленные друг от друга памятники черняховской культуры, но, что особенно важно, существование этой общности подтверждается сходством основных форм лепной посуды.

Я не буду останавливаться на общих чертах хозяйства населения, оставившего памятники черняховской культуры. У земледельцев и скотоводов первых веков нашей эры в стаде не последнее место занимала свинья как признак давней оседлости населения, а также было развито птицеводство, судя по находкам куриных костей и скорлупы яиц в погребениях и на поселениях черняховской культуры.

Общими для огромной территории были становление и развитие определенных видов ремесленного производства. Как показали работы М. Ю. и А. Т. Брайчевских, некоторые виды ремесла, как, например, гончарное со стандартной продукцией, выпускавшейся целыми сериями (Иголомя, Неслухов и другие центры), с гончарными печами единого типа от Малопольши до Днепра, а также железообрабатывающее и ювелирное — к III—IV вв. н. э. обособились в самостоятельные отрасли производства [29].

[29] А. Т. Брайчевская. Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе. Автореферат диссертации. Киев, 1952, стр. 7—9; М. Ю. Брайчевский. О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, 1954, № 1, стр. 127, 128.

Не касаясь полемики В. В. Кропоткина и М. Ю. Брайчевского о степени отделения ремесла от земледелия, мы используем этот материал в данном случае как показатель общности культурно-экономического развития племен, оставивших памятники черняховской культуры.

Доводы в пользу единства племен черняховской культуры дополняются общим для них направлением культурных и торговых связей. Не случайно была сделана попытка назвать эту культуру культурой «римских влияний». Бросающееся в глаза сходство отдельных элементов посуды с провинциально-римской и наличие импортных вещей на поселениях и в могильниках не может характеризовать культуру в целом. Тем не менее распространение римских монет на юге СССР, судя по карте, составленной по новейшим данным В. В. Кропоткиным, охватывает в основном область распространения памятников этого типа [30] (рис. 1, *II*). Следует отвергнуть традиционный взгляд, согласно которому это распространение шло прежде всего из областей Северного Причерноморья. В эпоху расцвета черняховской культуры в III—IV вв. н. э. города Северного Причерноморья частью были разрушены, частью находились в состоянии глубокого упадка. Следовательно, импорт через Северное Причерноморье мог происходить только во времена существования более ранних памятников черняховской культуры. Пример тому — обломки амфор в погребениях Каменского могильника II—III вв. н. э.

Новые находки стекла из наших раскопок на Нижнем Днепре и нижнеднестровские стеклянные изделия, с которыми нас ознакомил Г. Б. Федоров, доказывают существование другого пути для провинциально-римского импорта. Встречены 2 типа стеклянных изделий позднего времени (IV—V вв. н. э.): толстостенные конические кубки, украшенные шлифованным орнаментом [31], и гладкие тонкостенные конические кубки удлиненных пропорций с чуть выделенным путем отгиба краем. Последние пока известны только по раскопкам могильников у с. Данилова Балка и у овчарни совхоза «Приднепровского» [32].

Ряд исследователей пытался объяснить распространение кубков первого типа в областях Силезии, Великопольши, Прибалтики и Скандинавии причерноморским импортом (см. пояснительный текст и карту Г. Эггерса). Однако крупнейшие собрания стекла из городов Северного Причерноморья (Государственный Эрмитаж, Государственный музей изобразительных искусств) не содержат подобных находок [33]. Нет упоминаний о находках такого стекла и в дореволюционных публикациях. Оба типа сосудов неизвестны нашим антиковедам. В то же время не исключается, что оба типа кубков возникли на Востоке, в мастерских Сирии и Египта. Определенно установлено, что затем их стали изготовлять в галльских и прирейнских провинциально-римских мастерских [34]. Первоначально из этих мастерских широко распространились шлифованные полусферические стеклянные кубки (II—III вв. н. э.), а затем толстостенные сосуды конической формы (III—IV вв. н. э.). Как уже говорилось, наиболее поздняя группа — удли-

[30] В. В. Кропоткин. Ук. соч., карта.

[31] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья, стр. 296, 303, рис. 11, *5*.

[32] Э. А. Сымонович. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка, стр. 68, рис. 20, *1*. Еще один такой же кубок обнаружен Г. Б. Федоровым при раскопках в Молдавии в 1955 г.

[33] А. Т. Брайчевська я-Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. «Археологія», VI, 1952, стр. 61—64 (см. также диссертационную работу).

[34] D. B. Harden. Roman glass from Karanis. University of Michigan Press, 1936, стр. 41—44.

ненные тонкостенные конические кубки, которые появились не ранее конца IV в. н. э.[35]. Из галло-рейнских провинциально-римских мастерских эти сосуды попали на наши земли, и не кружным путем по морю, по Висле, Западному Бугу и затем по Днестру, как думает А. Т. Брайчевская[36], а, вероятнее всего, сухопутным путем — тем же, каким проникали к нам античные монеты. Находки аналогичных конических кубков в Силезии (Луги)[37], в Паннонии (Дунапентеле)[38] и Богемии (Винаритц)[39] подтверждают обоснованность этого заключения.

Другим примером, доказывающим культурно-экономические связи с западными и юго-западными провинциально-римскими центрами, являются редчайшие находки статуэток лошадей из с. Кринички на притоке Южного Буга (сборы С. С. Гамченко 1909 г.) и терракоты с поселения в устье р. Б. Корабельна при впадении ее в Южный Буг (наши сборы 1950 г.). Особенно выразительна бронзовая статуэтка скакового коня-призера, поставившего ногу на финишный столб, обнаруженная в с. Кринички[40]. Датировка этой вещи основана на сопоставлении ее с балканскими монетами Александра Севера из областей Македонии и Болгарии, где встретились совпадающие в деталях изображения подобного коня[41]: та же сухая трактовка, почти не моделированные ноги с большими копытами, хвост в виде буквы S и пр. Таким образом, удалось установить не только время изготовления этой вещи, но и определить область ее происхождения.

Число примеров, доказывающих юго-западный путь торговых связей черняховского населения, можно было бы увеличить. Однако ограничимся этим, оговорив, что все сказанное выше отнюдь не позволяет отвергнуть существование северного торгового пути из областей черняховской культуры к берегам Балтийского моря. Сношения с Прибалтикой подтверждаются хотя бы находками янтарных бус, которые встречаются, как правило, в небольшом количестве в погребениях черняховского типа[42].

Итак, одинаковые направления культурных и торговых связей носителей черняховской культуры дополняют представление о единых путях развития племен, оставивших описываемые памятники.

Отметим, что более восточные сарматские племена были крепче связаны с северопричерноморскими городами, хотя, казалось бы, кочевой образ жизни и проникновение их по южным степям далеко на запад предоставили им там широкие возможности для развития торгового взаимообщения. То же самое относится и к позднескифскому населению городищ Нижнего

---

[35] Jean Morin. La verrerie en Gaule sous l'Empire Romain. Paris, 1902—1905, стр. 141.

[36] А. Т. Брайчевська я-Смиленко. Ук. соч., стр. 70; А. Т. Брайчевская. Автореферат диссертации, стр. 14.

[37] K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949, стр. 92, табл. XI, *10*; E. Petersen. Schlesien von der Eiszeit bis ins Mittelalter. Berlin — Leipzig, 1935, стр. 196, рис. 380, *16*.

[38] I. Paulovics. A Dunapentelei római telep (Intercisa). «Archaeologia Hungarica», II, 1927, стр. 62, рис. 53.

[39] H. Preidel. Die germanische Kulturen in Böhmen und ihre Träger. Kassel — Wilhelmshöhe, 1930, стр. 196, рис. 212.

[40] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 213, 214, рис. 243.

[41] Х. Х. Гиль. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. СПб., 1896, табл. XVIII, *13*; Н. А. Мушмов. Античнитъ монети на Балканския полуостров и монетите на българскитѣ царе. София, 1912, табл. IV, *12*; B. Pick. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands (Dacien und Moesien), Bd. I. Berlin, 1899, табл. III, *9*; H. Gaebler. Die antiken Münzen von Makedonia und Pannonia. Berlin, 1906, табл. V, *5*.

[42] В этой связи следует уточнить, откуда в область, занятую памятниками черняховской культуры, проникали очень характерные морские раковины двух типов

Днепра. Впрочем, может быть, южные торговые связи указанных племен обусловлены в значительной мере более ранним характером памятников, чем поселения и могильники черняховского типа.

Кто же были жители юга нашей Родины, оставившие столь многочисленные, долгое время существовавшие, единообразные памятники черняховской культуры?

Кроме славян, которые издревле, по замечанию античных авторов, были сильны своею численностью, известны в этот период только 3 большие группы племен: на юге и на востоке — позднескифские и сарматские племена иранского происхождения, на юго-западе — дако-гетские племена и на северо-западе — восточные германцы — готы и родственные им гепиды.

Для того чтобы установить, не является ли черняховская культура порождением одной из групп скифо-сарматских или германских племен, рассмотрим кратко каждую из них, сравнивая типичные памятники,— прежде всего погребения,— оставленные сарматами и скифами, а также германцами или теми, кого считают a priori некоторые западные ученые за германцев, с памятниками черняховской культуры.

На первый взгляд, очень веско заключение И. И. Ляпушкина об участии черняховского населения в формировании памятников салтово-маяцкой культуры.

Т.Н. Книпович, раскапывая поздние слои Ольвии, нашла керамику, перекликающуюся с посудой черняховского типа.

В самом деле, не сарматы ли это?

Однако предложенные нами критерии не позволяют отнести сарматские памятники к черняховской культуре. Остановимся прежде всего на Кантемировском могильнике, на материалах которого строит свои доказательства И. И. Ляпушкин. Там Е. В. Махно были раскопаны многочисленные, типично черняховские погребения (четыре—с трупосожжениями и шесть — с трупоположениями). Таким образом, оказалось, что подкурганные погребения в подбоях с конской упряжью, ранее исследованные там М. Я. Рудинским, являются частным случаем [43] (рис. 6, *2*).

На нижнеднепровских могильниках также были найдены необычные захоронения. Одно погребение могильника у овчарни совхоза «Приднепровского» резко отличалось от всех вскрытых 84 погребений. Это было захоронение младенца в подбое, заложенном камнями, ориентированное головой на север. Наряду с типичным инвентарем (фибулы, ножи, гончарные сосуды и пр.) в нем оказалось 3 лепных сосуда, отличающихся по типу от посуды черняховской культуры (горшок с пологими плечиками и широким краем, напоминающий позднескифскую посуду, чарка в виде расширяющегося книзу горшочка и кувшин с цилиндрическим горлом, округлым туловом и небольшой, равномерно изогнутой ручкой (рис. 6, *1*).

Также и в Каменке, в единственном там погребении с трупоположением, в яме с неглубоким подбоем был обнаружен скелет ребенка, ориентированный головой на север. Лепные сосуды, найденные в погребении, выпадают из типологических рядов черняховской посуды (горшок с пологими плечиками, сдвоенная чарка). Эти сосуды, скорее всего, восходят по своим формам к сарматской или позднескифской керамике [44] (рис. 6, *3*).

---

[43] Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, 1952, стр. 231—244; М. Я. Рудинський. Кантемирівські могили римської доби.. Записки ВУАК, I, 1931, стр. 127—158.

[44] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья, стр. 289, 292, рис. 8, *1*, *4*.

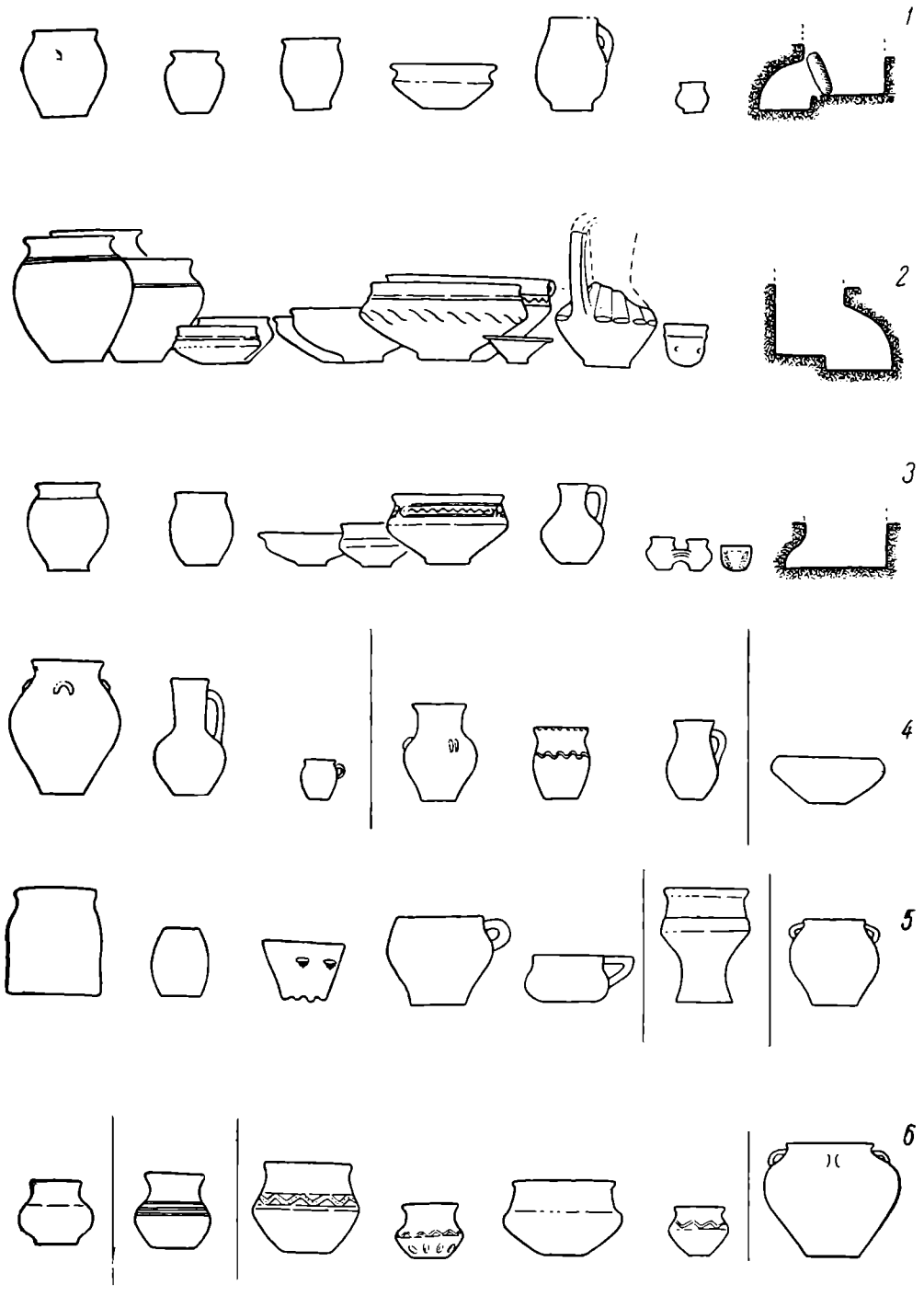

Рис. 6. Комплексы сосудов и разрезы могильных ям погребений с подбоями на могильниках черняховской и других культур

1 — овчарня совхоза «Приднепровского», погребение № 45; *2* — Кантемировка, погребение № 1 (по М. Я. Рудинскому); *3* — Каменка, погребение № 6; *4* — сосуды из позднесарматских погребений Приднепровья (Аккермень, по М. И. Вязьмитиной); *5*, *6* — комплексы керамики из погребений с трупоположениями из Приморья и Великопольши (по Ю. Костржевскому и Р. Шиндлеру).

Следовательно, такого рода погребения со смешанными элементами обряда и материальной культуры в могильниках черняховского типа являются исключением; они свидетельствуют о процессе ассимиляции и о существовании смешанных браков. Характерно, что погребения со скифо-сарматскими элементами обряда и материальной культуры связаны с бассейном Днепра, на берегах которого весьма многочисленны памятники этих групп племен [45]. В целом керамический комплекс сарматских погребений II—III вв. н. э. в Приднепровье резко отличается от посуды черняховской культуры (Ново-Филипповка, Аккермень; рис. 6, *4*).

Отдельные подкурганные захоронения Киевщины и Полтавщины этого же времени тоже чужды по ведущим особенностям обряда черняховскому населению [46]. Для заключений об этнически близком родстве на основании повсеместно распространенных гончарных лощеных мисок и фибул подвязного типа с подогнутой ножкой — нет никаких оснований. Для характеристики взаимоотношений носителей черняховской культуры с позднескифскими племенами показателем является соотношение культуры городищ Нижнего Днепра и памятников черняховской культуры. Пришедшее с севера на Нижний Днепр черняховское население некоторое время жило бок о бок с обитателями городищ. Однако культурных заимствований друг от друга почти не наблюдается. Вероятнее всего, отношения были даже враждебными или напряженными, что заставляло позднескифское население жить на укрепленных городищах. Если же считать доказанным, что погребения у Золотой Балки оставлены позднескифским населением, жившим здесь же под кручей, то станет совершенно ясным, насколько обе группы населения отличаются и по обряду погребения. В этом отношении также показательны погребения в Николаевке — Козацком [47].

Указанные отличительные особенности не позволяют говорить об этническом родстве населения, создавшего памятники черняховской культуры, с сарматскими или позднескифскими племенами. В то же время допустимо, что некоторые проявления сарматской или позднескифской культуры могли сохраняться долгое время даже в этнически чуждой им среде. Достаточно напомнить работу В. А. Городцова о дако-сарматских элементах в русском народном творчестве [48] и поиски Л. А. Динцеса таких же черт в этнографических русских материалах [49].

Совершенно то же следует сказать и о юго-западных соседях населения, оставившего памятники черняховской культуры. Сосуществование бок о бок на одной территории близких по времени пшеворских, липицких, черняховских поселений и могильников, а также памятников культуры подкарпатских курганов убедительно показано М. Ю. Смишко. Это отчетливо видно на рис. 7а, где объединены данные двух опубликованных им

[45] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», 1954, карта.

[46] М. І. Вязьмітіна. Вивчення сарматів на території Української РСР. «Археологія», VIII, 1953, стр. 63; М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», 1954, стр. 242. Следует заметить, что северная ориентировка, известная по сарматским и черняховским захоронениям, была широко распространена также у кельтов в Средней Германии в римское время. Взятая изолированно от других признаков, она не позволяет сближать разноэтнические комплексы.

[47] M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, V, 1913, стр. 87—89; его же. Südrussland im Altertume. Bonn — Leipzig, 1921, стр. 362, 363.

[48] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, вып. I, М., 1926, стр. 20 и сл.

[49] Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. М.— Л., 1936, стр. 40 и сл.

карт. При описываемом положении невозможно, чтобы у представителей разных культурных групп не было никаких заимствований. Материалы раскопок черняховских памятников Поднестровья подтверждают существование связей с дако-гетскими областями и районами, занятыми памятниками пшеворской культуры. Примеры этому дают материалы Вилы-Яругской, Луки-Врублевецкой и пр. В то же время культурное взаимообщение ничуть не делает менее самобытными памятники черняховской культуры.

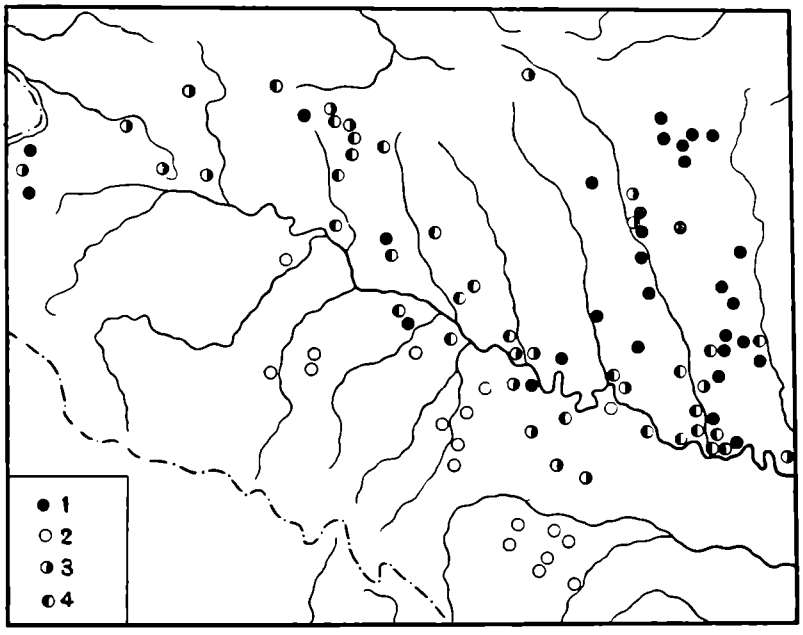

Рис. 7а. Распространение памятников липицкого, пшеворского и черняховского типов и культуры подкарпатских курганов на Западной Украине (По М. Ю. Смишко).

1 — памятники черняховского типа; *2* — памятники культуры подкарпатских курганов; *3* — памятники пшеворского типа; *4* — памятники липицкого типа.

Перейдем к вопросу о восточных германцах.

Сведения античных авторов и в особенности Иордана (VI в. н. э.) из написанной им в панегирических тонах истории готов — «De origine actibusque Getarum» многие немецкие историки и археологи использовали недостаточно критически. С давних времен немецкие националисты пытались в истории найти обоснование своим империалистическим притязаниям. Те же цели преследуют некоторые западногерманские авторы в книгах, вышедших сравнительно недавно. Так, например, Э. Шварц пишет о всепокоряющих завоеваниях готов [50]; Г. Эггерс свободную Германию понимает в границах от полярного круга до Карпат и от Рейна до Польши включительно [51]. Масса печатных изданий выходила в Германии до первой и второй мировых войн: местные и центральные периодические издания, публикации и обобщающие работы обычно носили политически заостренный характер. Здесь не место останавливаться на построениях,

[50] E. Schwarz. Die Urheimat der Goten und ihre Wanderungen ins Weichselraum und nach Südrussland. «Saeculum», Bd. 4, H. 1, München, 1953.

[51] H. J. Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. I, Hamburg, 1951; см. также рецензию J. Wiełowiejski—«Archeologia», V, Wrocław, 1955, стр. 244—253.

по которым лужицкие, шшеворские, зарубинецкие, а также черняховские памятники объявлялись принадлежащими германским племенам [52].

О принадлежности памятников черняховской культуры германцам первое слово сказал П. Рейнеке. Затем это мнение подхватили все последователи школы Г. Коссинна. Однако фактического, археологического материала для подобных построений, оказывается, было немного. В польской науке, активно боровшейся со многими предвзятыми построениями, в вопросе о готах сложилось общее, можно сказать, признанное всеми польскими учеными мнение. С готами принято связывать погребения с трупоположениями, а иногда и встречающиеся с ними в одних могильниках трупосожжения, какие появились в начале нашей эры в Прибалтике, первоначально в районах Нижнего Повисленья. Достаточно только назвать некоторые имена сторонников этой теории: В. Антоневич, Ю. Костржевский, Т. Левицкий, Г. Лабуда, Ю. Чекановский, К. Яждевский, Р. Ямка и др. Попытки признавать готскими только погребения с трупоположениями оказались несостоятельными. Слишком близки по инвентарю погребения обеих групп, и, кроме того, на Готланде и в Скандинавии, откуда принято выводить племя готов, в предшествующий их появлению в Прибалтике период господствовали погребения с трупосожжениями [53].

Вслед за готами появились родственные им гепиды и заняли области восточнее устья Вислы.

Распространение могильников, где сочетаются погребения с трупосожжениями и трупоположениями, связывается с расселением готов. Путь их следования, как обычно считали, шел вверх по Висле, хотя не так давно К. Тыменецким была высказана интересная гипотеза, что готы, минуя территорию Польши, вышли на Дунай и спустились по его течению [54]. Далее черняховские памятники Волыни, Подолии и Малопольши признавались германскими, несмотря на отдельные возражавшие голоса (Т. Рейман) [55]. Наконец, готы в середине III в. н. э. пришли в Причерноморье. Излюбленным примером их появления в наших степях служил могильник в Николаевке — Козацком. Вслед за готами на юг, на Днестр, а затем в Причерноморье переселились гепиды [56].

В. Антоневич посвятил готской проблеме в Польше две работы (1934 и 1951 гг.). Автор на составленной им карте изобразил одинаковыми условными обозначениями памятники Прибалтики и Украины. Впоследствии эта карта была опубликована в тематическом сборнике Западного института (1951 г.), посвященном готской проблеме [57] (рис. 7б). Археологических материалов для таких заключений и на территории Польши явно недостаточно. Большинство польских авторов ссылается или на немецкие работы, или друг на друга, или на исторические сведения о готах. В не-

[52] Историографический обзор немецких исследований о готах в Прибалтике с исчерпывающей полнотой дан в книге R. Schindler. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im Unteren Weichselraum. Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte, Bd. 6, Leipzig, 1940; см. также E. Oxensteirna. Die Urheimat der Goten. Leipzig — Stockholm, 1948.

[53] E. Oxensteirna. Ук. соч., стр. 11 и сл.

[54] K. Tymieniecki. Droga Gotów na poludnie. «Archeologia», III, 1952, стр. 118.

[55] T. Reiman. Ук. соч., стр. 172.

[56] J Kostrzewski. Ślady archeologiczne pobytu drużyn germańskich w Polsce w pierwszej polowie I stulecia naszaj ery. «Przegląd zachodni», № 5/6, 1951, стр. 103.

[57] W. Antoniewicz. Ślady kultury gockiej na ziemiach słowiańskich do najazdu Hunnów. Słownik starozytności słowiańskich. Zeszyt próbny. Warszawa, 1934, стр. 19—40; его же. Zagadnienie Gotów i Gepidów na ziemiach Polski w okresie rzymskim. «Przegląd zachodni», № 5/6, 1951, карта 6.

мецких же работах (даже обобщающих, как, например, Э. Блюме) о германских племенах, живших восточнее Одера, культура этих племен характеризуется главным образом на основании украшений и оружия [58].

Попытка Р. Шиндлера дополнить эти материалы керамикой показывает только близость ее пшеворской культуре. В погребениях в Прибалтике встречается, как правило, лепная посуда; число сосудов в могиле обычно

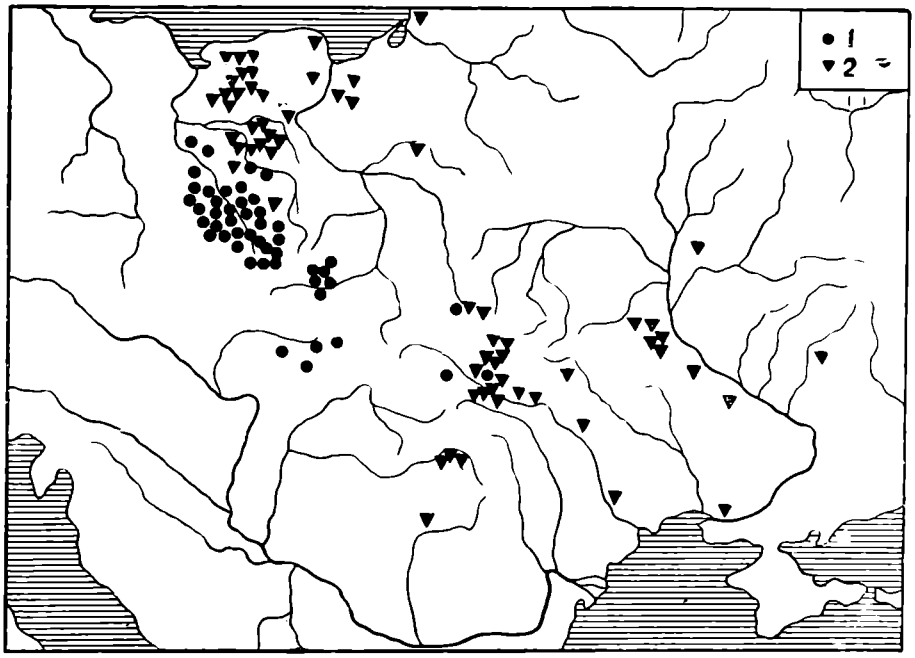

Рис. 7б. Распространение погребений с трупоположениями и поселений с так называемой серой керамикой в III—IV вв. н. э. (По В. Антоневичу).

1— погребения с трупоположениями; *2* — поселения с так называемой серой керамикой.

невелико (рис. 6, *5,6*). Погребения, где найдены подобные сосуды,— если это не обыкновенные погребения с трупосожжениями пшеворского типа,— содержат костяк, ориентированный, судя по находке в Щытно, головой на юг; скелет лежит на левом боку с подогнутыми ногами [59]. В яму иногда брошено несколько камней. Кроме сосудов, в сопровождающем инвентаре имеются фибулы с подогнутой ножкой, повсеместно распространенные, и своеобразные фибулы с массивной спинкой и выступами по бокам, S-образные застежки, браслеты с полулунными расширениями на концах, бусы янтарные или стеклянные, нередко 14-гранной формы или в виде грибка-подвески; встречаются подвески в виде ведерочек, пряжки, обкладки и наконечники ремней, пряслица, костяные гребни с полукруглой спинкой и пр. [60]

Уже по одному перечню вещей видно, что ряд характерных для погребений Прибалтики вещей не типичен для погребений черняховской культуры.

---

[58] E. B l u m e. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Mannus-Bibliothek, № 8, Würzburg, 1912, стр. 123—137.

[59] K. J a ż d ż e w s k i. Gotski grób z polowy II wieku i grób popelnicowy z IV wieku po. Chr. w Szczytnie w pow. Włocławski. «Z otchłani wieków», 1938, R. XIII, № 7-8, стр. 84.

[60] R. S c h i n d l e r. Ук. соч. (см. комплексы вещей из погребений).

Для последних, например, не характерны браслеты, наконечники и бляшки для обкладки поясов, S-образные застежки, гребни описанной формы и пр.; в то же время часть вещей из прибалтийских погребений является общей и для пшеворских погребений, где известны, например, такие же формы пряжек, фибулы, подвески в виде грибков и ведерок и пр.

Анализ указанных материалов привел Ю. Костржевского в последнем издании его работы «Великопольша в древности» к заключению о трудности отчленить по археологическим и антропологическим материалам местные племена от пришельцев, подчинившихся после миграции чужой культуре [61].

Не вдаваясь в вопрос, оставлены ли готами и гепидами описанные памятники Прибалтики, мы можем смело констатировать, что ни по обряду погребения, ни по специфике керамики и вещевого инвентаря нет оснований для сближения обеих культурных групп — прибалтийской (условно — готской) и черняховской. То, что есть у них общего, имеет в обоих случаях параллели в материалах пшеворской — венедской культуры.

В заключение мне хотелось бы обратить внимание на ранее уже высказывавшееся мнение о близости памятников черняховской и пшеворской культур. Их сближает не только отмеченное сходство некоторых украшений (ведеркообразные подвески и подвески в виде грибка), но и более существенные черты: сходство основных типов обряда погребения — ямные и урновые сожжения, а на более поздних памятниках — и погребения с трупоположениями; сходство в керамике — совпадают формы лепных горшков с загнутым внутрь краем, причем бока этих сосудов орнаментированы беспорядочно нанесенными врезами или сплошь покрывающими поверхность тулова ямками; известны в пшеворской культуре столь характерные для черняховских памятников трехручные миски; известны и там, и здесь открытые и закрытые миски других типов. Параллели прослеживаются и в орнаментации посуды. Отмечается также сходство обеих культур по некоторым вещам (однотипные железные ключи, шпоры и пр.) [62].

В то же время бесспорно доказано продвижение пшеворской культуры на юг и восток. Об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся погребения у сёл Звенигородка и Болотное и на левом берегу Днестра — погребение у с. Великая Тернава [63].

Очень интересны поселения, где сочетаются черняховские и пшеворские элементы. Пример тому — раскопки Пражева на Житомирщине [64] и Викнин-Великих на Тернопольщине [65]. На обоих поселениях много черной лощеной посуды типичных форм, есть горшки с загнутыми внутрь краями. Стенки таких сосудов покрыты врезами либо ямками или обвалены в песке, что часто встречается на пшеворских памятниках.

В свою очередь, как уже отмечалось, типичные памятники черняховской культуры связаны с Западом. Это обстоятельство в значительной мере способствовало созданию легенды о готской принадлежности этих памятников. Сейчас еще рано решать вопрос о том, чья роль была больше

---

[61] J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław 1955, стр. 237.

[62] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 135.

[63] А. А. Спицын. Памятники латенской культуры в России. ПАК, вып. 12, стр. 83, 84.

[64] Е. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західньому Правобережжі. АП, т. I, 1949, стр. 169—173. Как показали работы И. С. Винокура на Житомирщине, памятники этого типа широко распространены. Доклад на пленуме ИИМК 5 апреля 1956 г. в г. Ленинграде.

[65] М. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнинах-Великих. «Археологія», I, 1947, стр. 111—121.

при формировании памятников черняховского типа — зарубинецкой или пшеворской культуры. Во всяком случае, область контакта памятников пшеворской и черняховской культур должна быть особенно тщательно исследована[66].

Итак, исторически сложившуюся общность памятников черняховского типа доказывают:

1. Единство обряда погребения и его эволюция на удаленных территориях.

2. Единство вещевого инвентаря и прежде всего трудно транспортируемого на большие расстояния товара — гончарной и, несомненно, не ввозившейся лепной посуды.

3. Общность хозяйственной базы (земледелие и скотоводство) и одинаковый уровень развития производительных сил с повсеместным преимущественным развитием одних и тех же отраслей ремесленного производства.

4. Единое направление культурных и торговых связей.

Перечисленные черты сходства охватывают духовный и материальный мир древнего населения юга нашей Родины, что приводит к заключению об этническом родстве людей, оставивших столь характерные черняховские памятники. С другой стороны, близость этой культуры к пшеворской и зарубинецкой позволяет предполагать славянскую принадлежность культуры «полей погребений» черняховского типа[67].

---

[66] Небезынтересно, что могильники типичным прибалтийским инвентарем, одновременные черняховским памятникам, но резко отличные от них, обнаружены в западных областях Украины. В особенности выразительные комплексы с инвентарем прибалтийского облика дали раскопки И. К. Сальникова и В. В. Аулиха в с. Детиничи в Ровенской обл.

[67] После прочтения изложенного выше доклада в 1956 г. вышли из печати работы, отчасти полемизирующие с его положениями (М. А. Тиханова, СА, 1957, № 4; В. К. Гончаров и Е. В. Махно. «Археологія», XI, Київ, 1957; Э. А. Рикман, СА, 1958, № 1; Г. Б. Федоров, СА, 1958, № 3 и др.).

Одни из перечисленных авторов, доказывая разнородность черняховской культуры, делают для разных областей упор, в одних случаях, на особенности поселений, в других, на обряд погребения или керамические комплексы, что методически неверно (М. А. Тиханова). Также невозможно доказывать единство черняховских памятников, как делают В. К. Гончаров и Е. В.Махно, выдвигая тезис о том, что для черняховской культурыа типична по сути дела атипичность обряда погребения. Рискованна попытка Э. А. Рикмана обосновать отсутствие единства черняховских памятников, основанная на классификации обряда погребения по несущественным особенностям его. Тем самым автор выделяет очень большое число разных типов захоронений. Г Б. Федоров, рассматривая узколокально памятники Молдавии, отмечает, что погребения с кремацией в черняховской культуре созданы гето-дакийскими племенами, а захоронения с трупоположениями принесены сарматами. Автор при этом забывает, что биритуализм становится характерным в римское время не только для областей сарматского юга, а также для областей, стоявших вне влияния сарматской и фракийской культур.

В то же время характерно, что мнение А. А. Спицына о связях черняховских памятников с западными областями пшеворской культуры в последнее время находит признание в археологической литературе. Об этом направлении связей говорит Ю. В. Кухаренко в своей публикации Привольного. М. А. Тиханова присоединяется к мнению о существовании связей нижнеднепровского населения с Верхним Поднестровьем и Повисленьем. Пшеворские элементы прослежены в черняховских слоях западно-украинских памятников (Черепин, Незвиска).

А. Л. ЯКОБСОН

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА ФУЛЛЫ

Напечатанная в предыдущем томе «Советской археологии» статья В. В. Кропоткина посвящена теме, которая может показаться частной и малозначительной; на самом деле та или иная локализация Фулл имеет существенное значение для правильного представления об истории средневековой Таврики.

О местоположении Фулл было высказано, как известно, много различных суждений, но большей частью мимоходом. Большинство их сводится к двум точкам зрения. Согласно одной из них, Фуллы находились в восточной части Таврики (полнее всего это выражено Ю. Кулаковским, помещавшим Фуллы в нынешнем городе Старый Крым)[1], согласно другой — в западной ее части. Последнее предположение наиболее подробно аргументировано А. Л. Бертье-Делагардом, который локализовал Фуллы в нынешнем городище Чуфут-кале близ Бахчисарая [2]; это вполне подтверждалось значением юго-западного нагорья как экономически наиболее развитого земледельческого района Таврики, передового и в культурном отношении — как в раннее средневековье (V—VI вв.), так и в X в. Наоборот, если согласиться с тем, что Фуллы находились в восточной части Крыма, надо будет признать, что этот район полуострова в X—XII вв. отнюдь не переживал разорение и упадок, как это рисуется по археологическим данным, и, больше того, являлся в тот период центром,— по крайней мере, культурным,— большой округи, входившей в обширную Фуллъскую епархию.

В. В. Кропоткин возвращается к старому мнению Ю. Кулаковского, стараясь показать, что Фуллы находились именно в восточной части полуострова. Подыскивая соответствующее место, он останавливается на городище, занимающем небольшую возвышенность Тепсень в сел. Планерском (бывш. Коктебель, в 25 км западнее Феодосии).

Присмотримся к аргументации В. В. Кропоткина. В первую очередь он привлекает те немногие письменные источники, в которых упомянуты Фуллы: сообщение Менандра (VI в.), Житие Иоанна Готского (VIII в.) и Паннонское житие Кирилла Философа (X в.). Но содержащиеся в них

[1] Ю. Кулаковский. Где находились Фуллы? ЖМНП, 1898, № 2, стр. 194 и сл.

[2] А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК, 57, 1920, стр. 166 и сл. (в дальнейшем — сокращенно: А. Б-Д).

сведения об этом городе совершенно недостаточны для решения вопроса. Поэтому не удивительно, что одни и те же источники — для доказательства своей правоты — привлекает и та, и другая из спорящих сторон. Но надо признать, что наиболее убедительно это сделал А. Л. Бертье-Делагард.

Не будем касаться сообщения Менандра, так как оно самое неопределенное, к тому же сильнее испорченное [3]. Значительно важнее Житие Иоанна Готского, где упоминается, что Иоанн был заточен в Фуллах, откуда (по смыслу текста) он и бежал в Амастриду [4]. Веские соображения о том, что Фуллы, согласно этому сообщению, находились именно на юго-западном нагорье, привел А. Л. Бертье-Делагард [5]. Подчеркнем лишь самое существенное: восстание против хозар и связанные с ним события, о которых рассказывает Житие, происходили в районе Дороса, т. е. в юго-западной части полуострова. Фуллы же по ходу событий были тесно связаны именно с Доросом. Из этого следует, что нет никаких оснований отодвигать Фуллы далеко на восток и, кроме того, помещать на морском берегу; относительно этого источник не содержит ни малейших намеков.

В. В. Кропоткин утверждает, что «Фуллы находились не в пределах Готии, а в области, которая была в более прочной зависимости от хозар, вдали от центра восстания, в восточной части Крымского полуострова» [6], но два последних тезиса ничем не обоснованы; контекст же Жития, повторяю, говорит именно о связанности и близости Фулл и Дороса. Еще меньше данных о приморском положении Фулл дает Паннонское житие Кирилла Философа, который ездил в Хозарию морским путем (при этом вовсе не мимо Фулл — об этом ничего нет в источнике), а возвращался сухим путем и только после возвращения из Хозарии отправился «во фульсте языци», причем по смыслу текста это второе путешествие было небольшим, коротким; в Паннонском житии также нет намеков на то, что оно было морским [7]. Все это очень наглядно показал А. Л. Бертье-Делагард [8]. В. В. Кропоткин же просто устраняет все то, что можно извлечь из Паннонского жития: неважно, мол, в какой последовательности излагаются выезды Кирилла Философа из Херсона, а сам текст, по мнению автора, в этом отношении ненадежен, что также ничем не подтверждено.

Остается еще одна серия разновременных источников — различные росписи епархий Константинопольского патриархата, в которых упоминается и Фуллъская епархия. Все необходимое о ней собрано и комментировано в той же работе А. Л. Бертье-Делагарда [9]. Напомним, что епархия эта впервые упоминается при императоре Льве VI, в конце IX в. и названа вслед за Сугдейской, а та — за Готской. Около 1156 г. Фуллъская епархия была соединена с Сугдейской, т. е. соседней [10], а затем возведена в митрополию.

Однако это объединение никаких положительных указаний на местоположение Фулл в восточной части Крыма не содержит. Скорее, оно косвенно говорит о том, что Фуллы не находились между Сугдеей и

[3] См. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V, 1925, стр. 184.
[4] См. В. Васильевский. Труды, т. II, вып. 2, стр. 398, 399, 416—419.
[5] А. Б-Д, стр. 70, 71.
[6] СА, XXVIII.
[7] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 24, 25, 58.
[8] А. Б-Д, стр. 72, 73.
[9] Там же, стр. 50—54, 75, 78.
[10] Там же, карта епархий.

Кафой, так как в противном случае Фуллъская епархия, после образования Кафской, оказалась бы буквально зажатой между ею и Сугдейской. Все три епархии выглядели бы в таком случае непомерно мелкими в сравнении с весьма обширными Готской и Херсонской. Такие географические представления были бы совершенно произвольными и ничем не оправданными.

В конце XV в. Фуллъская епархия была присоединена к Кафской. Однако и это объединение никаких географических указаний относительно Фулл не таит, как не содержит таких указаний и присоединение в XVII в. Кафо-Фуллъской митрополии к Амасии, т. е. к митрополии, расположенной вообще за пределами Крыма — в Малой Азии [11].

Таким образом, письменные источники, как видим, не могут служить опорой для предположения, выдвинутого В. В. Кропоткиным.

Остаются вещественные источники, показания которых имеют решающее значение. На них мы остановимся подробнее.

Сначала несколько слов относительно Чуфут-кале. Время возникновения поселения на этом плато неизвестно, но в VI в. здесь уже наверняка существовало сравнительно большое поселение, которому принадлежал могильник того же времени [12]. На значение Чуфут-кале как важного стратегического пункта указывает строительство здесь в VI в. крепостных стен, остатки которых сохранились в нижнем ярусе Средней стены Чуфут-кале [13]. Город существовал вплоть до конца XVIII в. [14]; жизнь здесь, по-видимому, не прерывалась на протяжении многих веков с обычной в таких условиях частой перестройкой жилых домов. При этой перестройке от старых сооружений остается очень мало или почти ничего, особенно если дома возводятся, как в Чуфут-кале, непосредственно на скале. Кроме того, следует отметить, что культурный слой на Чуфут-кале большей частью незначителен. Это можно объяснить именно непрерывностью жизни города, когда мусорной засыпи не давали скапливаться (культурный слой, содержащий продукт разрушения, обязательно скапливался бы даже при небольшом перерыве в жизни поселения, пример чему дает соседний Херсонес). При таких условиях не удивительно, что строительные остатки предшествующих (до XVIII в.) периодов до сих пор не вскрыты, за исключением нескольких сохранившихся построек XV—XVI вв. О том, что поселение существовало и до того, может свидетельствовать верхний ярус упомянутой крепостной стены, облицовка которого из некрупных штучных плит очень напоминает облицовку культовых зданий XII—XIII вв., например церкви в неподалеку расположенном селении Лака [15].

Правда, представленные соображения носят негативный характер, но все же с ними нельзя не считаться: отрицать существование в Чуфут-кале поселения времени VIII—X вв. было бы неправильно.

Теперь обратимся к городищу на горе Тепсень в сел. Планерском. Здесь несколько лет подряд в недавние годы велись раскопки [16], свиде-

[11] А. Б-Д, стр. 56.

[12] О могильнике см. указанную выше статью В. В. Кропоткина — СА, XXVIII, стр. 198—218.

[13] В статье 1949 г. (А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа. КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 63) мы говорили об этом предположительно. Теперь, после повторного осмотра стены можем сказать увереннее: мы имеем в виду северную половину так называемой Средней стены, особенно хорошо сохранившуюся с западной стороны, где квадровая кладка состоит из крупных блоков, таких же, как в раннесредневековой крепостной стене Мангупа (на участке близ ворот). Остальные части Средней стены, включая ворота, вероятно более поздние.

[14] А. Б-Д, стр. 122.

[15] См. МИА, № 17, 1950, стр. 248 и сл., рис. 159, 160.

[16] См. В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения

телем которых в течение некоторого времени был автор этих строк. Поселение здесь существовало, возможно, на месте античного, откуда происходят гигантские блоки с вырубами для скрепления («ласточкиными хвостами»), использованные в кладке фундамента большой базилики. Однако наличие мощного культурного слоя указывает на большой перерыв в жизни поселения, которое возродилось, по-видимому, только в VIII в. — не раньше. На хронологические пределы жизни поселения ясно указывает массовый археологический материал, прежде всего керамика, состав которой (из раскопок 1929—1931 и 1949—1953 гг.) достаточно однороден, чтобы не считать его случайным. Частично об этом материале шла речь в цитированной статье В. П. Бабенчикова. Чаще всего здесь встречались шаровидные горшки с серым черепком; поверхность их покрыта сплошным рифлением, а кроме того, часто — волной в верхней части. Венчик нередко украшен защипами, что обычно на такого рода сосудах в восточной части Крыма (см., например, керамику из средневековых слоев Тиритаки около Керчи) [17] Встречаются и хорошо известные варианты таких горшков, достигающих иногда крупных размеров [18]. Все это типичные формы керамики, обычно условно называемой салтово-маяцкой, очень широко распространенной в лесостепной полосе нашего Юга и охватывающей также Северное Причерноморье — Приазовье и Таврику, но главным образом—восточные районы последней. Как известно, территория распространения салтово-маяцкой керамики тянется и на запад — в Болгарию. Дата этой керамики — VIII—IX вв., и лишь в глуши она доживала до конца X в. (так было в Саркеле, где она сочеталась с керамикой, характерной для этого времени).

Однако в Планерском эту керамику вряд ли можно датировать временем позднее IX в. — начала X в., прежде всего потому, что никаких других форм керамики, типичных для X в., здесь совершенно не встречено, хотя они были хорошо известны и широко бытовали в тех поселениях восточной Таврики и прилегающих районов, где жизнь продолжалась и после IX в. Такова Тмутаракань, где керамический комплекс X в. очень четко выражен. В него обязательно входят столь обычные формы, как кувшины с плоскими ручками и небольшие амфоры с темно-красным черепком, бороздчатым, слегка грушевидным корпусом и массивными ручками [19]. Даже часто встречаемая в Крыму фаянсовая поливная посуда, несомненно, привозная (из Византии), датируемая второй половиной IX в. и X в., представлена на Тепсене ничтожным количеством обломков [20].

Другие виды керамики, происходящие из Тепсеньского городища, подтверждают указанную дату: мы имеем в виду яйцевидные амфоры причерноморского типа [21]. Такие амфоры производились в восточной Таврике, в частности гончарными мастерскими близ сел. Морского в районе Судака, и датируются временем не позднее IX в. [22]. Ту же дату

на холме Тепсень. В сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 88—146.

[17] См. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, рис. 124, 125 (стр. 103, 104).

[18] В. П. Бабенчиков. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, рис. 39, *1*.

[19] См. СА, XV, стр. 333, рис. 6, *25—27* и стр. 339, рис. 10, *29—32*.

[20] Во время раскопок 1929—1931 гг. ее вообще не встречали. См. Н. С. Барсамов. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929—1931 гг. Феодосия, 1932, стр. 7.

[21] См. СА, XV, стр. 331, рис. 4, *20*; Н. В. Анфимов. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 151 и сл.

[22] См. А. Л. Якобсон. Средневековые гончарные печи в районе Судака. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 108.

подтверждают и кувшины из погребений в базилике и некрополе [23]. Сосуды слабо сужаются книзу, имеют энохоевидное горло и приближаются по форме к сосудам из раннесредневековых погребений Суук-су и Борисовского могильника [24]. Эта преемственная связь не позволяет тепсеньские кувшины хронологически сильно удалять от их аналогов. Действительно, погребения в могильнике и базилике ясно датируются византийскими монетами VIII в. [25]. Что касается более поздней поливной керамики, найденной на Тепсене, то она, во-первых, очень слабо представлена на городище, а во-вторых, относится к XIV в. или, вернее, к XV в. Она совершенно тождественна с поливной посудой этого времени, в массе производившейся в Кафе (Феодосии) и г. Солхате (ныне Старый Крым), где, кстати сказать, в 1939 г. была открыта (на Красноармейской улице) и гончарная мастерская по производству такой посуды. Геометрический орнамент очень типичен именно для этой керамики. Добавим, что такая же полива XIV—XV вв. появляется и в других местах Южного Крыма (имеем в виду Горзувиты), что связано, очевидно, с возникновением в то время поселков на месте развалин старых больших селений.

Остается сказать об архитектурных памятниках, открытых на горе Тепсень. Речь идет о нескольких храмах. Один из них представляет собой огромную трехнефную базилику с выступающими тремя апсидами, построенную на месте меньшей базилики, от которой сохранились лишь 2 полукруглые апсиды. Описание памятников опускаем, так как они опубликованы [26]. Отметим только, что нефы основной базилики (наибольшей) разделялись не колоннами, а массивными прямоугольными в сечении столбами, что роднит тепсеньский храм с базиликой, открытой Н. И. Репниковым в Партените [27], которая была построена епископом Иоанном Готским (согласно его Житию), т. е. во второй половине VIII в. [28] Мы вправе отнести эту дату и к тепсеньской базилике — в соответствии не только с формами здания, но и с массовым керамическим материалом из культурного слоя городища. Наконец, такая датировка подтверждается монетами VIII в. из упомянутых погребений в базилике, открытых в 1952 г.

Другой тепсеньский храм, раскопанный Н. С. Барсамовым, является, по-видимому, не базиликой, а крестовокупольным [29]. Он воспроизводит композицию, державшуюся в средневековой архитектуре очень долго; поэтому сама по себе плановая композиция такого рода никаких определенных хронологических указаний дать не может. К сожалению, опубликованное описание открытых Н. С. Барсамовым храмов совершенно неудовлетворительно, как и воспроизведенный план здания; вследствие этого извлечь что-либо из данных раскопок также невозможно. Поэтому мы вынуждены ограничиться ссылкой на довольно близкий по композиции памятник — херсонесский храм, часть которого сохранилась (храм

---

[23] Раскопки 1952 г., по полевой описи № 277, 284, 288 (из могильника), Г-276 (из базилики, могила № 16). Не изданы.

[24] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, рис. 74 (стр. 73) и табл. IV; В. В. Сахарев. Раскопки на Северном Кавказе. ИАК, вып. 56, стр. 137, 138.

[25] Золотые солиды императоров Льва III (717—720) и Константина V Копронима (741—775). Определение Л. Н. Беловой.

[26] В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 101—110. Третьего храма мы, вопреки автору, усмотреть не можем. Остатками его автор счел ничтожную кладку, идущую концентрично апсиде меньшей базилики и являвшуюся, возможно, ее синтроном.

[27] Н. И. Репников. Партенитская базилика. ИАК, вып. 32, стр. 121, 123.

[28] Находки в Партените раннесредневековых капителей V—VI вв. (там же, стр. 137) позволяют думать, что до VIII в. здесь также существовала базилика.

[29] Н. С. Барсамов. Ук. соч., стр. 6, табл. X.

№ 29, рядом с новым собором): на основании малоазийских и солунской аналогий это здание можно отнести к VIII—IX вв. [30]

Таким образом, все, что до сих пор добыто раскопками на городище, не может относиться ко времени позднее IX в.— начала X в. Следовательно, период существования поселения на горе Тепсень не может быть вынесен за пределы этого времени, после чего поселение, по-видимому, запустело и частично возродилось только несколько столетий спустя [31]. Все это убеждает в том, что локализовать здесь Фуллы, наверняка существовавшие в X в. и позднее, невозможно. Поэтому отпадает и другая гипотеза В. В. Кропоткина, который считает, «что возникновение объединенной Сугдо-Фулльской епархии в Восточном Крыму в XII в. и новая политическая обстановка и постепенный упадок средневекового поселения у с. Планерского между собой исторически связаны». Остается без доказательства и последнее предположение В. В. Кропоткина, имеющее целью устранить это хронологическое противоречие его взгляду: «Фулльская епархия могла существовать и после разрушения религиозного центра этой епископии в середине XII в.» [32].

Следует напомнить, что гибель поселения у сел. Планерского на рубеже IX и X вв. (а не в XII в.) — отнюдь не изолированное явление в средневековой истории восточной Таврики. Такая же участь постигла и другие поселения в этом крае, точнее говоря,— все поселения, которые нам здесь до сих пор известны, за исключением самого Боспора и Таматархи, которые в конце X в. стали русскими,— поселения на месте античной Тиритаки, на месте античного Илурата и гончарная слобода близ Судака. Об этом уже писалось [33]. Скорее всего опустошение края было связано с нашествием печенегов, хотя доказать это пока невозможно. Во всяком случае с походами русского войска, как думает В. В. Кропоткин, это никак не связано: во-первых,— потому, что к концу X в., когда шла русско-византийская война, поселение на горе Тепсень и ему подобные уже не существовали; во-вторых,— потому, что эта война велась не в восточной части Таврики, где византийская власть в то время фактически отсутствовала, а в районе, где Византия продолжала господствовать,— в юго-западной части Таврики с ее центром Херсоном (Корсунью). Туда великий князь Владимир и направил свой удар.

Так или иначе, весь этот край — восточная часть полуострова — в конце IX в. или начале X в., судя по археологическому материалу, обезлюдел. Только наиболее крупные города смогли удержаться (Боспор); позднее, в XII в. здесь начала возрождаться Сугдея — Судак, в чем были заинтересованы сами кочевники, нахлынувшие в Крым. Именно усилением Судака и может быть объяснено объединение в 1156 г. двух соседних обширных епархий — Сугдейской и Фулльской. Локализация же самого города Фулл в восточных районах Таврики при данном состоянии наших знаний по истории Крыма остается необоснованной.

---

[30] См. МИА, № 17, 1950, стр. 230.

[31] Ничего не поясняет и изданный В. В. Кропоткиным энколпий (Крест-складень из Коктебеля, СА, 1957, № 2, стр. 257—258), хотя бы потому, что эта находка единична и не связана с культурным слоем.

[32] СА, XXVIII, стр. 198—219.

[33] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения восточного Крыма, в сб. «Боспорские города», т. II, МИА, № 85, 1958, стр. 476, 480, 493, 500.

Ю. Н. ЗАХАРУК

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ВОЛЫНСКОЙ ГРУППЕ КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ

В XX сборнике «Советская археология» опубликована статья И. К. Свешникова «Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни». Отмечая большой интерес к памятникам данной культуры, автор статьи поставил перед собой задачу «ознакомления широких масс советских археологов с известными в настоящее время памятниками культуры линейно-ленточной керамики, распространенными на территории западных областей УССР» [1]. Автор стремился «не только дать их полное, по возможности, описание, но и указать их место во времени, территорию распространения, межплеменные связи, а также значение, которое имеют эти памятники в истории раннеземледельческих племен Днепровско-Днестровского междуречья» [2]. Таким образом, автор поставил и пытался решить в статье очень важные и представляющие большой научный интерес вопросы, касающиеся культуры линейно-ленточной керамики.

Следует отметить, что в статье впервые дается сводка материалов по данной культуре на указанной территории. Несомненной заслугой автора является то, что он впервые опубликовал хранящиеся в различных музеях археологические материалы и в том числе,— что особенно важно, — интересные и ценные материалы из раскопок поселения культуры линейно-ленточной керамики у с. Котоване Дрогобычской области.

Я не собираюсь разбирать все положения статьи И. К. Свешникова, а остановлюсь только на одном вопросе, касающемся выделенной автором волынской группы памятников культуры линейно-ленточной керамики.

Какими материалами располагал автор, в результате изучения которых он выделил на Волыни особую группу памятников, названную им «волынской»?

В статье приведена карта памятников указанной культуры на территории западных областей УССР, которая, по мнению автора, дает картину распространения памятников культуры линейно-ленточной керамики в двух районах — Западной Волыни и в верхнем течении Днестра. Взглянем на карту. Здесь, на территории Волыни, в верховьях Стыри и Горыни

[1] СА, XX, стр. 100.
[2] Там же, стр. 130.

обозначены 3 поселения — Валентинов, Городок и Луцк, 1 могильник — Баев и 3 пункта случайных находок керамики — Луцк, Мизоч и Острог.

О поселениях в Валентинове, Городке и Луцке И. К. Свешников пересказывает весьма краткие сведения чисто информационного характера, которые содержатся в очень небольшом сообщении Я. Фицке о местонахождениях культуры линейно-ленточной керамики на Волыни. Материалы из этих поселений, по крайней мере в наших музеях, почти не сохранились и поэтому остаются неизвестными. И. К. Свешников никаких новых данных или материалов не приводит.

Заметим, что Я. Фицке в сообщении, на которое ссылается автор, указывал, что на территории Волыни известны памятники культуры линейно-ленточной керамики нескольких фаз [3]. Да и сам автор во вступительной части статьи отмечал распространение на соседних территориях различных групп и типов памятников культуры линейно-ленточной керамики. Некоторые из них (например группы керамики со спиральным и угловым орнаментом, а также группу радиальной керамики и памятники йордансмюльской и ленгиельской групп) автор довольно подробно охарактеризовал [4]. Зная, таким образом, о существовании различных групп и типов памятников данной культуры, автор обязан был особенно внимательно и осторожно подойти к выяснению важного вопроса, касающегося характера местных волынских памятников данной культуры. Он должен был прежде всего выяснить характер культуры каждого памятника в отдельности и лишь потом уже классифицировать их, относить к той или иной группе, этапу или выделять их в самостоятельную группу.

Как автор решил эту задачу?

Поселение в Валентинове И. К. Свешников хронологически сопоставил с памятниками йордансмюльской и ленгиельской групп и группы радиальной керамики на основании имеющегося у Я. Фрицке упоминания о том, что на поселении была найдена нижняя часть чаши на пустой ножке. Подобные чаши встречаются не только в керамических комплексах указанных автором групп; они известны также и в более ранних группах, например в группе накольчатой керамики [5] и в более поздней группе позднеленточной расписной керамики [6], которая, согласно схеме И. К. Свешникова, следует после волынской группы. Таким образом, чаши на пустой ножке, без их более точного отнесения к какой-либо определенной группе памятников данной культуры, не могут служить достаточным основанием для датировки, так как они встречаются в разновременных комплексах. Но даже если бы можно было установить, к какой из указанных автором групп относится данный фрагмент сосуда, это еще окончательно не решает вопроса о культурной принадлежности и датировке всего поселения. Разве можно на основании одного фрагмента керамики, ничего не зная об остальном вещественном материале поселения, определять культурную принадлежность всего поселения? Разумеется, что на основании таких данных ровно ничего нельзя сказать ни о самом поселении, ни тем более о характере культурной группы, к которой поселение относится.

---

[3] J. Fitzke. Stanowiska kultury ceramiki wstęgowej na Wołyniu. «Sprawozdania Polskiej Akad. Umiejętności», 1938, XLIII, № 1, стр. 26.

[4] И. К. Свешников. Ук. соч., стр. 101—104.

[5] Z. Podkowińska. Pierwsza charakterystyka stanowiska eneolitycznego na polu Grodzisko I we wsi Złota, pow. Sandomierz. «Wiadomości archeologiczne», t. XIX, Warszawa, 1953, стр. 40.

[6] Там же, стр. 22, табл. VI, *1*.

Еще большее недоумение вызывает отнесение И. К. Свешниковым поселения в Луцке к волынской группе. Напомню, что автор вслед за Я. Фицке повторял, что в Луцке на поселении было исследовано несколько землянок с керамикой, украшенной линейно-угловым орнаментом. Таким образом, речь идет о типе керамики, характерном для этапа, который, по схеме автора, предшествует волынской группе [7]. Тем не менее автор все же относит поселение в Луцке к волынской группе. При этом никаких новых, дополнительных данных о поселении он не приводит. Что же касается случайно найденных здесь двух сосудов, то, как увидим далее, они не имеют никакого отношения ни к волынской группе, ни к поселению с керамикой, орнаментированной угловым орнаментом. Таким образом, поселение в Луцке отнесено автором к волынской группе не только без каких-либо оснований, но и вопреки свидетельству Я. Фицке, который проводил на поселении раскопки и относил его к древнему этапу культуры линейно-ленточной керамики [8].

Сведения о поселении в Городке ограничиваются только упоминанием Я. Фицке о том, что здесь было открыто поселение культуры линейно-ленточной керамики, — без уточнения, к какому типу или этапу оно относится. Снова возникает законный вопрос, на каком основании И. К. Свешников отнес это поселение к волынской группе.

Оценивая сведения, которыми располагал автор о поселениях в Валентинове, Луцке и Городке, надо сказать, что они ничего не дают для характеристики указанных местонахождений как поселений. Ведь ничего не известно ни о топографии, ни о характере и содержании культурного слоя, ни о жилищах этих поселений.

Приводимые автором сведения о поселениях в Валентинове, Луцке и Городке не могут служить каким-либо основанием для выяснения облика представленной ими культуры, а также для отнесения их к какой-либо группе или этапу культуры линейно-ленточной керамики вообще.

Остановимся на местонахождении, обозначенном на карте как могильник. В Баеве, как явствует из данных, на которые ссылается автор, было открыто погребение, при котором найдены колодкообразный топор и сосуд. Топор утерян, сосуд сохранился. Автор его публикует. По орнаменту он сближает сосуд из Баева с группой радиальной керамики [9]. На этом основании сосуд и погребение датируются временем бытования данной группы памятников. Между тем орнамент на сосуде из Баева ничего общего с орнаментацией радиальной керамики не имеет. И. К. Свешников правильно указывал, что для радиальной керамики характерен мотив расходящихся от дна линий. Уточним: только р а д и а л ь н о расходящихся от дна п р я м ы х линий. На сосуде линии не прямые, а, как замечает автор, изогнутые, и при этом они не расходятся от дна радиально. На публикуемом автором рисунке сосуда видна петля плохо исполненного меандра — орнаментального мотива, характерного для древней линейно-ленточной керамики. Что же касается формы сосуда, то сам автор не отрицает, что сосуды аналогичной формы типичны для керамических комплексов, орнаментированных спиральным или угловым орнаментом, т. е. относящихся к древней линейно-ленточной керамике. Укажем в качестве аналогии на сосуд из Воковице в Чехии [10], который и по форме, и по орнаменту тождествен сосуду из Баева и который относится к древнему этапу линейно-ленточной керамики. И, наконец, следует

[7] И. К. С в е ш н и к о в. Ук. соч., стр. 124, 130.
[8] J. F i t z k e. Ук. соч.
[9] И. К. С в е ш н и к о в. Ук. соч., стр. 102, 108.
[10] A. S t o c k y. Čechy v době kammené. Praha, 1924, табл. IV, *3*.

напомнить то, умалчиваемое почему-то автором, обстоятельство, что в информации, на которую он ссылается, погребение в Баеве также датировалось временем древней линейно-ленточной керамики [11]. Совершенно непонятно, на каком основании автор датировал погребение в Баеве временем радиальной керамики и отнес его к волынской группе.

Обратимся в заключение к нескольким случайным находкам керамики, также отнесенным автором к волынской группе. И. К. Свешников публикует 2 случайные находки сосудов из Луцка. На основании аналогий к украшениям венчиков этих сосудов автор датирует их временем йордансмюльской и брестско-куявской групп. Между тем сосуды из Луцка имеют прямые аналогии и по орнаментации, и по форме в керамических комплексах позднеленточной расписной керамики, известной на Волыни [12]. Памятники этого последнего типа И. К. Свешников датирует более поздним временем, нежели волынскую группу [13]. Снова возникает вопрос, на каком основании автор отнес эти сосуды к волынской группе. Неизвестно также, почему включены в волынскую группу случайно найденные сосуды из Мизоча и Городка, прямых аналогий которым автор не может указать и которые остаются пока совершенно изолированными находками на Волыни. К волынской группе автор отнес также 2 случайные находки сосудов из Острога, в том числе один из них — на основании отдаленных аналогий к сосудам Чехии и Польши.

Автор заключает: «Подводя итоги анализу материалов волынской группы поселений культуры ленточной керамики, следует отметить, что все указанные нами аналогии свидетельствуют об относительно позднем характере этих поселений, хронологически отвечающих времени развития ленгиельской и йордансмюльской культур на территории Чехии и группе радиальной керамики в Верхнем Повисленье» [14]. О каких аналогиях поселений идет речь? Ведь автор никаких аналогий ни в одном случае не привел, да и не мог привести, так как материалы поселений неизвестны. Что же касается анализа случайных находок керамики, то, к сожалению, автор не всегда с достаточным основанием использует возможные аналогии. Тому или иному сосуду он подыскивает некоторые аналогии,— обычно орнаментации сосуда, иногда форме,— и в соответствии с датировкой культуры, к которой относятся аналогии, датирует сосуд. Автора не смущает, когда в результате привлеченных аналогий один и тот же сосуд по форме датируется одним временем, а по орнаменту — другим (например сосуд из Баева). Точно так же на основании аналогий одному лишь орнаменту неверно датируются сосуды из Луцка [15].

Таким образом, вопрос о датировке отдельных сосудов решается часто по весьма отдаленным аналогиям, что вынужден признать в нескольких случаях и сам автор [16]. В результате такого подхода автор к одному времени отнес сосуды, которые встречаются в керамических комплексах разных этапов культуры линейно-ленточной керамики. Без достаточных оснований автор объединяет и все случайные находки сосудов в одну группу, которую, в отличие от других, он назвал волынской. Едва ли можно указать такой замкнутый вещественный комплекс поселения или

---

[11] Nowe wykopaliska. Woj. Wołyńskie. «Z otchłani wieków», 1939, № 7-8, стр. 104.

[12] Z. Podkowińska. Ук. соч., стр. 32; стр 30, табл. XI, *1*; стр. 31, табл XII, *1*, *2*; стр. 33, табл. XIII, *7*

[13] И. К. Свешников. Ук. соч., стр. 123.

[14] Там же. стр. 109.

[15] См. аналогию — W. Buttler. Der donauländische und westliche Kulturkreis der jüngeren Steinzeit. Berlin — Leipzig, 1938, табл. 12, *1*.

[16] И. К. Свешников. Ук. соч., стр. 108, 109.

могильника на Волыни, где встречались бы вместе все указанные выше типы сосудов. Так, сосуд из Баева правильнее относить к этапу древней линейно-ленточной керамики, которая по схеме И. К. Свешникова [17] предшествует волынской группе. Сосуд из Луцка относится к группе поздней ленточной расписной керамики, которая по схеме автора бытует уже после волынской группы [18]. По-видимому, к группе древней ленточной керамики следует отнести также поселение в Луцке, если верить сообщению Я. Фицке. Что же касается других поселений и случайных находок керамики, о них вообще ничего определенного сказать невозможно до раскопок этих поселений, а также до выяснения вещественных комплексов, к которым эти находки относятся.

Как видим, обозначенные на карте поселения и случайные находки отнесены И. К. Свешниковым к выделенной им волынской группе без достаточных оснований. Чем она отличается от других, часто упоминаемых автором в статье, групп памятников данной культуры? Охарактеризовав почти все известные группы культуры линейно-ленточной керамики, следовало бы сделать то же самое и по отношению к выделенной им впервые новой группе памятников.

Памятники культуры линейно-ленточной керамики на Волыни изучены крайне слабо. До сих пор не опубликованы материалы из уже исследованных поселений. Сколько-нибудь полно не обследованы ни одно поселение, ни один могильник данной культуры. Случайные находки остаются пока еще изолированными; только систематический анализ материалов исследованных поселений и могильников может выявить вещественные комплексы, к которым эти находки относятся. Надо сказать, что несколько лучше обстоит дело с изучением памятников позднеленточной расписной керамики на Волыни, которым посвящены недавно вышедшие в Польше работы Софии Подковинской и Стефана Носека [19], а также статья И. К. Свешникова [20]. Однако это не меняет общей картины крайне недостаточной изученности культуры линейно-ленточной керамики на Волыни. Задача состоит в том, чтобы в результате новых раскопок памятников этого типа получить новые, полноценные в научном отношении археологические источники. Тогда можно будет с бóльшим основанием ставить и решать сложные вопросы, касающиеся происхождения и характера местной культуры, связей, периодизации и хронологии памятников культуры линейно-ленточной керамики на Волыни.

В свете изложенного выше выделенная И. К. Свешниковым «волынская группа» памятников культуры линейно-ленточной керамики дезориентирует читателя в важном вопросе, касающемся изучения культуры линейно-ленточной керамики на Волыни.

---

[17] И. К. Свешников. Ук. соч., стр. 124, 130.

[18] Там же, стр. 123.

[19] Z. Podkowińska. Ук. соч.; Stefan Nosek. Kultura wstęgowej ceramiki malowanej na Lubelszczyznie. «Światowit», t. XXI, Warszawa, 1955, стр. 125—138.

[20] И. К. Свешников. Могильник в селе Звенигород Львовской области. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 57—69.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

МАРГИАНСКАЯ БОГИНЯ

(Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции)

Мелкая терракотовая скульптура Средней Азии все чаще привлекает к себе внимание исследователей. В ней запечатлены процессы развития массового изобразительного искусства древности, отражены определенные формы религиозной идеологии, закреплены черты народных эстетических воззрений. Коропластике древнего Согда, изучение которой начато было еще в дореволюционное время, уже посвящена значительная литература; в последние годы выявлены и опубликованы терракоты Хорезма.

Терракоты Маргианы обратили на себя внимание лишь в связи с работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Публикации фотографий и беглых аннотаций нескольких фигурок, обнаруженных при работах В. А. Жуковского и Г Шмидта в Гяур-кале старого Мерва, носят случайный характер [1]. И хотя, начиная с 30-х годов, в археологических собраниях Музея краеведения в Ашхабаде скопилось до двух десятков случайно найденных фигурок из Мерва, до недавнего времени они оставались неизвестными даже в кругу специалистов. Первая публикация их вошла в том I Трудов ЮТАКЭ [2]. В статье Л. И. Ремпеля дан анализ этой группы терракот, установлена их первичная периодизация, показана связь их с античной коропластикой Средней Азии в целом, при несомненном локальном своеобразии. Положения эти были развиты автором позднее, в связи с обнаружением ЮТАКЭ в 1947 г. на мервских городищах Гяур-кала и Эрк-кала еще ряда терракот, и повторявших ранее опубликованные типы, и дававших новые образцы [3].

Большую трудность в работе исследователя составляло то, что все эти терракоты найдены случайно и не были связаны с археологическим слоем. Хронологические определения основывались на стилистическом анализе. Но прямых аналогий и параллелей фигурки эти были лишены (так как «стиль» — категория, подчас недостаточно прочная), поэтому

---

[1] В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. СПб., 1894, рис. 35, 38; H. Schmidt. The excavations in Ghiaur-Kala (Old Merv). Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Ed. R. Pumpelly. Washington, 1908, табл. 55, 56, стр. 200.

[2] Л. И. Ремпель. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 332 и сл.

[3] Л. И. Ремпель. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), стр. 169.

вопросы датировки нельзя было считать окончательно разрешенными. Осветить эту сторону, а значит, правильно понять процесс эволюции мелкой маргианской скульптуры в определенной исторической среде можно было лишь при наличии хотя бы некоторого числа твердых отправных пунктов, которые могли дать лишь археологические раскопки.

Рекогносцировочные обследования ЮТАКЭ в 1950—1953 гг. парфянских крепостей и поселений области Мерва и изучение ее столицы — «Антиохии Маргианской» античных писателей, где проводились раскопочные работы, сопровождались находками терракотовых фигурок, среди которых, наряду с уже известными типами, был ряд ранее не зарегистрированных.

Наиболее важными следует признать те терракоты, которые обнаружены в процессе раскопок на городищах Гяур-кала и Эрк-кала в 1950 г., и особенно в 1953 г., в определенных археологических слоях и комплексах. Эти находки уточняли датировку целых групп терракот, иногда подтверждали ту, которая была предложена ранее на основании стилистических сопоставлений, иногда давали возможность устанавливать датировку, отличающуюся от первоначальной.

Полученный комплекс новых терракот заключает 3 основных больших группы: 1) женские статуэтки, 2) мужские статуэтки и 3) статуэтки животных. В настоящей статье мы затрагиваем очень значительную и наиболее выразительную, с точки зрения эволюции художественного образа, первую группу.

Женские скульптурные изображения особенно многочисленны в составе мервских терракот. Ведущее место среди них принадлежит какой-то неведомой нам по имени богине, которая, судя по ее образу, не была вполне идентична авестийской Анахит, столь почитавшейся, например, в Согде и как будто в Хорезме. Условимся именовать ее «великой маргианской богиней», длительный культ которой засвидетельствован нашими терракотами на протяжении более полутысячелетия.

Несомненно, что основа этого культа восходит к седой старине; она связана с идеологическими представлениями эпохи матриархата, пережиточно сохранившимися в пору патриархально-общинного строя вплоть до времени его разложения и оформления ранних классовых отношений. Археологические исследования Намазга-депе, Кара-депе, Янги-калинского могильника, Ясы-депе, бугров Анау и других архаических поселений времени бронзы наглядно показали стойкость культа богини-матери в III—I тысячелетиях до н. э. в среде оседло-земледельческого населения предгорной полосы Ахала и Атека. Б. А. Куфтиным отмечено, что эволюция образа здесь шла от наивно-реалистической формы к условно-изобразительной. Если ранние образцы передают грубо выполненные, но анатомически верные объемные формы тела, то в последующем фигурки все более абстрагируются, превращаясь в крестовидную лепешечку, на которой лишь подчеркнуты признаки пола. Это уже символ, а не конкретное изображение. При всем том налицо поразительная стойкость культа, видимо, претерпевшего на протяжении столетий существенные изменения. Быть может, именно этот культ засвидетельствован Авестой. В I фаргарде Ведивдата, где говорится о создании Ахура-Маздой «областей благословения», названа область Ваекерета, которая, как доказано М. Е. Массоном, отожествляется с Апаварктикеной античных авторов, Абивердом средневековья,— т. е. Атеком [4]. Согласно Авесте, «чреватый

[4] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 года. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), стр. 15, 16.

смертью Ангра-Манию» будто бы основал здесь служение Пайрике Хнатаити, победительнице мифического Керсаспы [5]. Пайрика, могущественная, сверхъестественная женщина-пэри, очевидно, являла собою ту народную богиню, культ которой, засвидетельствованный указанными выше терракотовыми идольчиками из Ясы-депе, Намазга-депе и других пунктов, был здесь столь прочен, что в пору окончательного торжества патриархальной организации древнего общества (когда как раз слагались древнейшие части Авесты) сторонникам религии Ахура-Мазды, видимо, пришлось вести большую борьбу за искоренение почитания «дивы-девы», которой в глазах населения были подвластны огонь, земля, вода, рогатый скот и растения (Вендидат, II фаргард).

Была ли подобная Пайрика в архаической Маргиане? Априорно можно утверждать, что какая-то местная богиня здесь была, как была богиня-матерь почти у всех земледельческих народов глубокой древности. Однако ни в керамическом материале, устилающем многочисленные древнемаргианские поселения, ни при раскопках, проводившихся на некоторых из них, не найдено ее терракотовых фигурок. Но, во-первых, последующие раскопки могут обнаружить то, чего не дает простой осмотр покинутых, полуразвеянных, полузасыпанных селищ. Во-вторых, не исключена возможность, что древние маргианцы не делали терракотовых вотивных статуэток, но изготовляли изображения своей богини из иного, менее долговечного материала — например из дерева. Напомним скульптуру древней Индии: в огромном интервале, разделяющем каменную скульптуру Мохенджо-даро и раннебуддийскую пластику, не сохранилось промежуточных памятников — не потому, что их не было, но потому, что основным материалом в ту пору служило недолговечное дерево. Возможно и другое предположение: богиня-матерь древней Маргианы не имела иконографического образа и почитание ее обращали к какому-либо символу.

В Мерве появление терракотовых фигурок женской богини отмечается не на старомаргианских поселениях, но на городищах античного времени; датировка самых ранних из них восходит к III—II вв. до н. э. Мы полагаем, что причина этого обусловлена некоторыми обстоятельствами общеисторического характера.

В конце IV в. до н. э. Мерв вошел в державу Селевкидов, в составе которой и оставался вплоть до серёдины III в. до н. э., когда в силу подъема народного движения против завоевателей произошло отложение Южного Туркменистана и других восточных областей от Селевкидской державы. В эту эпоху значительно оживились экономические и культурные связи между коренными областями державы Селевкидов и самыми отдаленными восточными провинциями ее, одной из которых была Маргиана.

Видимо, тогда сюда проник весьма популярный культ великой сирийской богини, существо и формы которого красочно описал Лукиан Самосатский [6].

Ко II в. до н. э., когда значительная часть селевкидских владений — от Месопотамии на западе до Маргианы на востоке — вошла в состав окрепшего и чрезвычайно разросшегося Парфянского государства, в Мерв могли проникнуть некоторые формы культа Кибелы, который встретил там, очевидно, близкий по своему существу локальный культ «вели-

[5] Ср. К. Риттер. Иран. Перевел и дополнил Н. В. Ханыков. СПб., 1874, стр. 66—68; J. Darmsteter. Le Zend Avesta, t. II. Paris, 1892, стр. 10, 23; t. III, стр. 222; H. S. Nyberg. Die Religionen des alten Iran. Leipzig, 1938, стр. 469, 47[illegible]

[6] См. Lucian. De dea Syria.

кой маргианской богини». Связи между окраинными областями Парфянского государства упрочились. И хотя в идеологии народов, насильственно объединенных в одно государство Аршакидами, неизбежным было многобожие, все же в централизованной парфянской монархии имели место попытки слияния многообразных культов этих народов.

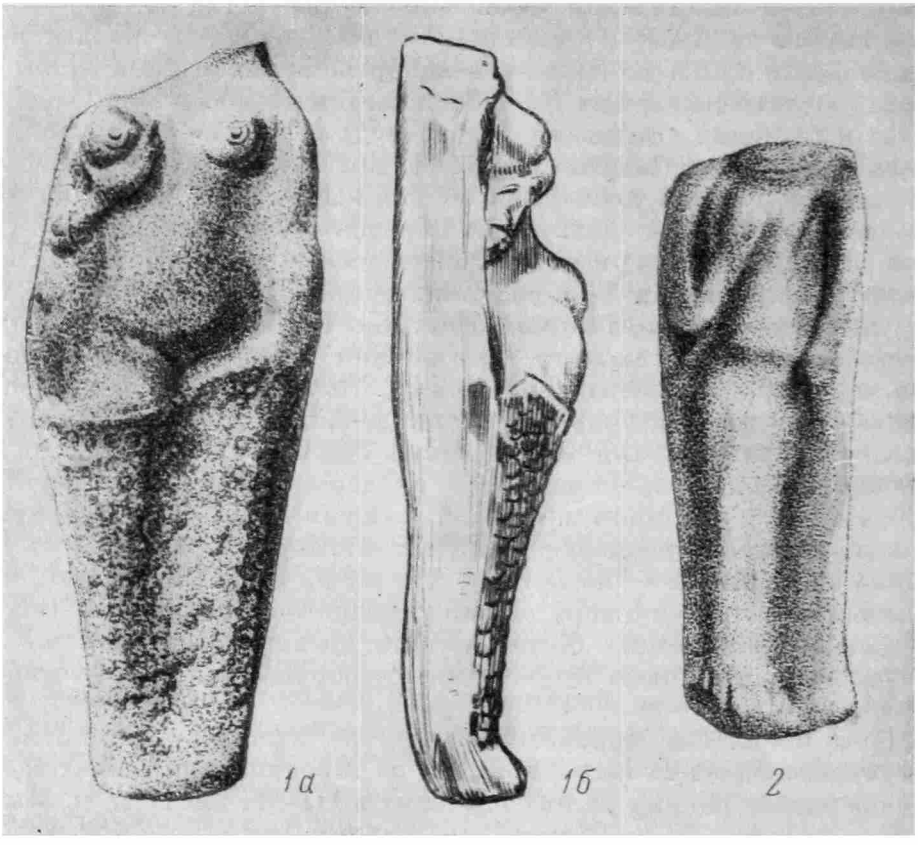

Рис. 1. Терракотовые фигурки обнаженной богини II—I вв. до н. э. из Гяур-калы (*1а, б, 2*).

Мы полагаем, что культ Кибелы повлиял на культ «маргианской богини» в некоторых отношениях: Кибела имела стойкую и массовую иконографию. В условиях оживленного экономического и культурного обмена в Маргиане появляются изящные миниатюрные образцы переднеазиатской коропластики. С этого времени и маленькие терракотовые изображения «маргианской богини» входят в широкий народный обиход.

Ранняя иконография «маргианской богини» наглядно указывает на ее близость к терракотовой и иной скульптуре переднеазиатского эллинизма. В качестве образца приведем две терракотовые фигурки (обе, к сожалению, обезглавленные) из археологических слоев II—I вв. до н. э. Гяур-калы старого Мерва [7].

Материал одной из них — светлая, пепельного цвета терракота очень плотного черепка. Фигурка — высокого рельефа. Она обнажена выше

В приводимых ниже описаниях мервских терракот термином «статуэтка» пользуемся в том случае, если она сохранилась почти полностью; «фигурка» — значит статуэтка без головы; «головка» — значит последняя отбита по шею.

бедер, где левая рука придерживает украшенную мелкими кружочками ткань, облегающую прямо стоящие, сомкнутые ноги. Скульптура передает формы тела беременной женщины: сильно выпуклый живот, набухшие, округлые с рельефно выраженными сосками груди, одну из которых богиня придерживает согнутой в локте правой рукой (рис. 1, *1 а*, *1 б*).

Вторая женская фигурка — розоватой (рис. 1, *2*), плотной терракоты, с сильно стертой поверхностью. Здесь та же фронтальная поза, что и у предыдущей. Тело обнажено. Правая рука согнута в локте, прижата к груди; левая, украшенная у запястья широким браслетом, вытянута и придерживает у бедра едва заметную ткань, облегающую ноги.

Представление об облике этой ранней богини-матери восполняет верхняя половинка статуэтки II—I вв. до н. э. из Гяур-калы (рис. 2). Это оттиск высокого рельефа на сероватой глине. Лицо овальное, с тонкими, правильными, мягко моделированными чертами; волосы убраны прядями в валик вокруг лба и до ушей, поверх них наброшен платок. Левая рука, согнутая в локте, прижата к груди над сохранившейся частью очень выпуклого живота.

Рис. 2. Терракотовая головка II—I вв. до н. э. из «Дома металлиста» в Гяур-кале.

Описанные статуэтки передают в наиболее наглядной форме основную концепцию богини-матери. Функции материнства в первой фигурке переданы с натуралистической безусловностью: это женщина, несущая во чреве плод новой жизни, придерживающая уже набухшую молоком грудь, готовую вскормить грядущего младенца. Ее откровенная нагота лишь подчеркивается тканью, соскальзывающей с бедер. Наряду с этим обеим фигуркам присуща статическая оцепенелость позы. Нагие, фронтально-застылые, строго симметричные женские статуэтки, характерные для круга древневосточных искусств, известны в мелкой пластике ахеменидского Ирана [8]. Позднее тип этот входит в культовую скульптуру селевкидо-парфянских городов [9]. Однако здесь сухая симметрия позы уже нарушается положением рук; таковы некоторые фигурки из Селевкии-на-Тигре, где одна рука прижата к груди, другая — у лона. У «маргианской богини» жест этот, освященный традицией, отныне сохранится на многие века [10].

Однако в ту же пору богиня выступает и в ином виде. Она представлена статуэткой из слоев II—I вв. до н. э. «Дома металлиста» в Гяур-кале. Статуэтка объемна. Она представляет собой оттиск штампом на красноватом черепке, с подрезкой ножом боковой и тыльной сторон. У богини —

---

[8] Persian art. An illustrated souvenir of the exhibition of persian art at Burlington House. London, 1931, стр. 4.

[9] A survey of persian art (SPA), vol. IV, London — New York, 1938, табл. 134, *D*; M. P é z a r d. Qadesh. Mission archéologique à Tell Nebi Mend. Paris, 1931, табл. XXI.

[10] С. П. Толстов датирует временем не ранее конца III в. до н. э. группу нагих женских статуэток из Хорезма, изображенных в той же позе, что и описанные нами фигурки из Гяур-калы. См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 199, табл. 74.

удлиненный овал лица, прямой, уплощенный нос, большие глаза без зрачков, с моделированными веками. Тиарообразный головной убор, из-под которого на плечи спадают две копны плоенных крупными поперечными волнами (или заплетенных в косы?) волос. На шее — род гривны или ожерелье. Тело обнажено. Округлые, маленькие груди, узкая талия, крутые бедра, стройные ноги. Тяжесть тела покоится на левой ноге, правая выдвинута вперед, перекрещивая ее и опираясь лишь на носок. Левая рука лежит на груди, правая опущена к правому бедру, придерживая прозрачную ткань, драпировки которой видны у ног (рис. 3).

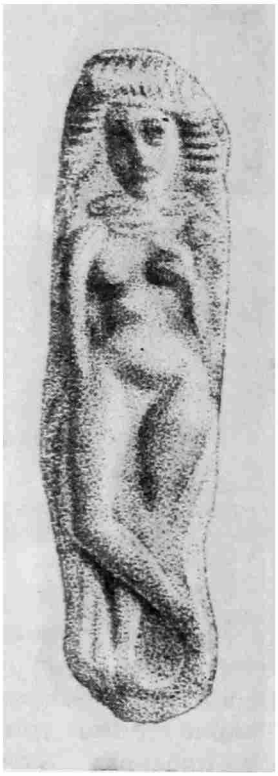

Рис. 3. Терракотовая статуэтка II—I вв. до н. э. из «Дома металлиста» в Гяур-кале.

Здесь «маргианская богиня» предстает уже в виде божества, напоминающего Кибелу. Скульптура передает образ женщины, привлекающей своей наготой. Оцепенелость богини-матери здесь пластически преодолена: крутой изгиб бедра, нога, заброшенная за ногу, различное (хотя и каноническое) положение рук, легкий наклон головки. Коропласт с большой выразительностью передал трепетно-живой, чувственный образ женщины. Что это женщина, а не дева, наглядно говорит высокий головной убор — типа античного калафа или полоса. Последний составлял специфическую деталь одеяния сирийской богини и западнопарфянской Атаргатис. Прямую параллель ему доныне дает «борик» — тиарообразный головной убор замужних туркменских женщин.

По общему типу описываемая нами статуэтка очень близка к фрагменту нижней половины терракотовой фигурки (из Гяур-калы), хранящейся в Ашхабадском музее краеведения и опубликованной в томе I Трудов ЮТАКЭ [11]. Однако изготовлены они разными штампами: фигурка из «Дома металлиста» объемна, а та лишь рельефна. Наконец, отличен цвет терракоты, не совпадают размеры, но несомненно, что обе они развивают единую тему и взаимно дополняют друг друга у фигурки из Ашхабадского музея недостает верхней половины, но зато хорошо сохранился рисунок прозрачного покрывала, облегающего ноги, рельеф которого на описываемом нами экземпляре едва виден. Л. И. Рempель истолковал этот фрагмент как часть статуэтки танцовщицы или менады. Теперь нетрудно распознать в ней вариант той же «маргианской богини», но переданный в ее «вакхическом» существе. Это воплощение было, видимо, популярно не менее, чем «материнский» вариант, о чем свидетельствует ряд парфянских объектов из Нисы: аналогичное по типу изображение богини можно видеть в «дионисийской» сцене одного из парфянских ритонов (II в. до н. э.) и в оттиске печати на глиняном коме из «Квадратного дома» Старой Нисы [12]. Чрезвычайно близко к терракотовой фигурке из Мерва изображение на миниатюрной гемме со старопехлевийской надписью из собрания Парижской национальной библиотеки. Эту гемму

[11] Л. И. Рempель. Терракоты Мерва..., стр. 349.

[12] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы. ВДИ, 1954, № 4, рис. 27.

Ф. Аккерман по традиции относит к разряду «сасанидских» [13]. Наши аналогии позволяют почти безусловно считать ее парфянской, датировать II—I вв. до н. э. (об этом свидетельствуют ее миниатюрные размеры и общий стиль резьбы) и даже предположить ее маргианское происхождение [14].

В античном Мерве существовал и иной вариант «маргианской богини» — в образе юной девы.

Ранняя иконография «девичьих» статуэток Мерва представлена находками из Гяур-калы. Такова миниатюрная головка плотной терракоты, темно-розовой в изломе, покрытой светлым ангобом. Это штамп очень высокого рельефа на толстой плитке, заостренной вверху, с подрезкой ножом с боков и тыльной стороны. Нос сбит. Лицо округлое, с правильными, выразительными, очень пропорциональными чертами; глаза некрупные, продолговатые, с глубокой тенью верхних век. Волосы убраны валиком вокруг лба и перехвачены у макушки, образуя шиньон. В ушах—подвески (рис. 4).

Рис. 4. Терракотовая головка из Гяур-калы.

Характер прически и тип лица здесь чрезвычайно сходны с теми горельефными головками, которые украшают карнизы парфянских ритонов II в. до н. э. из Нисы. Тем же столетием считаем мы возможным датировать и описанную головку, стилистические особенности которой ведут к эллинизму.

«Девичьи» статуэтки из Мерва непременно облачены в одежды. О характере одеяния можно судить по фигуркам II—I вв. до н. э. из раскопов в Гяур-кале. Одна из них одета в тунику и гиматий эллинистического типа (рис. 5, *1*). Костюм второй более локален. На шее богини — широкое ожерелье с лучеобразно расположенными узкими подвесками. Облегающее платье, мягко обрисовывающее формы стройного тела, скреплено на плече круглой пряжкой и перетянуто выше талии узким кушаком, перевязанным посередине узлом со спускающимися к животу концами. Руки украшены у запястья и у плеча выпуклыми браслетами (верхний — с рельефной застежкой). На бедра наброшена мантия, драпирующаяся гибкими поперечными складками, придерживаемая полуопущенной левой рукой с вытянутым указательным пальцем. Правая рука согнута в локте и держит у плеча какой-то миниатюрный предмет (рис. 5, *2*).

Описанное одеяние напоминает типичные восточноэллинистические одежды, распространенные, в частности, в эллинизированной парфянской среде. Аналогии ему дают одеяния Муз и Гестии на парфянских ритонах из Нисы, одежды некоторых селевкидо-парфянских терракот из Селевкии на Тигре [15] и из парфянских слоев Варки [16]. Античный гиматий, свободно

---

[13] SPA, vol. IV, табл. 256, *UU*.

[14] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 169.

[15] M. van Inger. Figurines from Seleucia on the Tigris. London, 1939, табл. V, N 65, 70; табл. XII, N 167, 169.

[16] J. Jordan. Uruk-Warka. Leipzig, 1928, табл. 81, *m*, *o*.

наброшенный на бедра, сочетается на описываемой нами фигурке с такими чисто азиатскими деталями, как многочисленные браслеты и своеобразная опояска. Лучеобразное ожерелье, вообще говоря, хорошо известное в ювелирных изделиях античного мира, мы отмечаем, между прочим, на оттиске печати из Старой Нисы с профильным портретом женщины [17].

По-видимому, к I в. до н. э. изменившиеся вкусы и новые религиозные установки побуждают к более строгому, чем прежде, толкованию образа богини-матери. Во всяком случае, с этого времени и позже ее обнаженная иконография сходит на-нет, и богиня предстает облаченной в

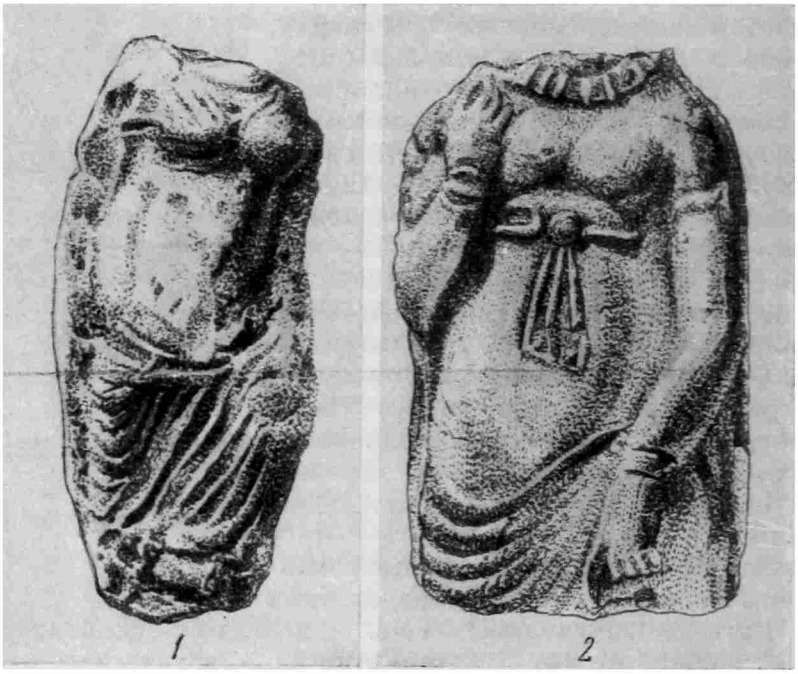

Рис. 5. Терракотовые фигурки (*1*, *2*) II—I вв. до н. э. из раскопов в Гяур-кале.

эллинизированные одежды, сходные с описанным выше одеянием, но без опояски. Фрагментированные (без головы) фигурки этого рода опубликованы Л. И. Ремпелем [18]. В 1950 г. нами была поднята на парфянском городище Гобеклы-депе такая статуэтка с головой. Последняя имеет правильные черты лица, густые, плоенные волнами, обрамляющие его волосы и увенчана высоким тиарообразным головным убором, на который позади наброшено покрывало. Фигурка очень пропорциональна, одета в облегающее платье, поверх которого наброшен драпирующийся эластичными складками, закрывающий руки гиматий. В согнутой правой руке — небольшое круглое зеркало на длинной рукоятке, левая опущена (рис. 6). Многочисленные фигурки этого типа найдены в археологических слоях Гяур-калы или же подняты на парфянских городищах области Мерва (рис. 7). Основание их нередко сделано в виде развилки — показатель того, что в эту пору фигурки «богини с зеркалом» изготовляли с расче-

[17] М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1, рис. 9.

[18] Л. И. Ремпель. Терракоты Мерва..., рис. 10, 16.

том на закрепление их на каком-либо основании или подставке. Эта нижняя часть статуэток обычно не обработана и выполнена очень общо — она явно не предназначалась для рассмотрения. Однако в некоторых случаях на ней, под складками одежды, размещен рельефный орнамент в виде кружков или овалов, иногда образующих четырехлепестковые розетки.

Чрезвычайно интересно, что на некоторых фрагментах из раскопок одежда богини сохранила окраску красного цвета. Приверженность к этому цвету доныне существует в народной туркменской среде, где красное платье является обязательной частью женского костюма.

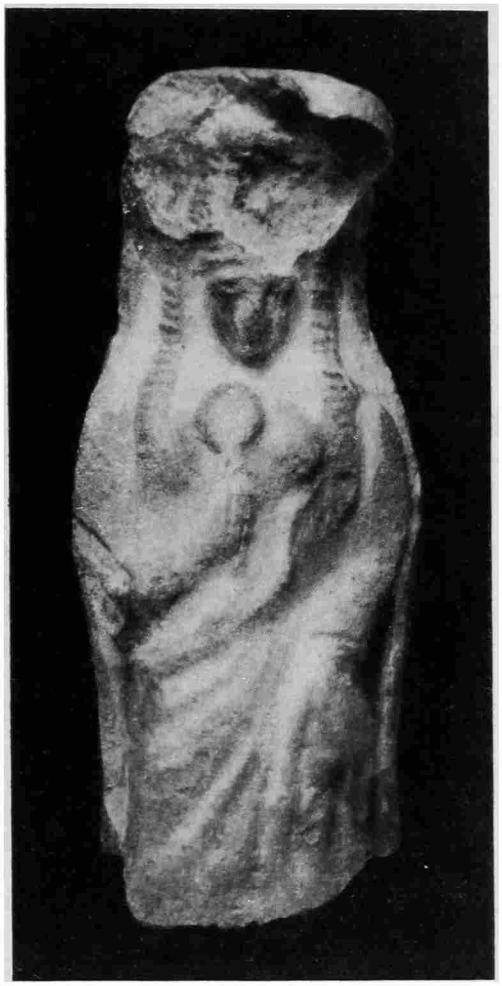

Рис. 6. Терракотовая статуэтка I в. до н. э. с городища Гобеклы-депе.

Рис. Терракотовая фигурка из Гяур-калы.

Традиционность сюжета «богини с зеркалом» в маргианской коропластике была впервые установлена Л. И. Ремпелем. Многочисленные фигурки ее позволяют уяснить некоторые исходные элементы иконографии богини. По типу она несколько напоминает эллинистические статуи Исиды.

Известно, что культ этой богини получил с эпохи эллинизма широкое распространение далеко за пределами Египта [19]. Зеркало было одним из ее обычных атрибутов: с ним она предстает как носительница и про-

[19] А. Б. Р а н о в и ч. Эллинизм и его историческая роль. М.— Л., 1950, стр. 322 и сл.

рицательница судеб. Думается, что именно эллинистическая иконография Исиды сыграла в I в. до н. э. определенную роль в формировании образа маргианской «богини с зеркалом». Но это не было рабским копированием. Местные особенности проявляются и в чертах лица, и в высоком головном уборе с наброшенным на него покрывалом.

Дальнейшая эволюция образа прослеживается на некоторых статуэтках из подъемного материала с парфянских городищ Мервской области и самого Мерва. Такова головка из Гяур-калы — розоватой, плотной терракоты, со светлым ангобом по поверхности, высокого штампа (почти круглая скульптура). Головка сбита до плеч, сколота правая часть лица, но общий тип его отчетливо читается. Лицо величавое, с обобщенно трактованными чертами.

Правильные дуги надбровий отбрасывают глубокую тень над рельефно моделированными (но без зрачка) большими глазами. Крупный, прямой, идущий от линии лба нос; высоко посаженный небольшой рот. Над низким лбом — род диадемы, над затылком — высокий головной убор с наброшенным покрывалом (рис. 8, *1*).

Головка эта напоминает Юнону (тип Геры Людовизи) или суровую римскую матрону времен Республики. Эти черты ее, возможно, указывают на относительно раннюю датировку (в пределах I в. до н. э. — I в. н. э.). Не была ли она изготовлена римским ремесленником из тех легионеров, которые в количестве 10 000 были переселены Ородом I в глубь Маргианы после разгрома армии Красса? Вполне вероятно, что в трансформации образа определенную роль сыграли скульптурные нормы изображений материнских богинь греко-римской пластики: Геры-Юноны и Деметры-Цереры. Типичная деталь одеяния этой последней — полос, или калаф, является, как уже указывалось выше, характернейшим атрибутом «маргианской богини». У данной статуэтки это, скорее, диадема Юноны.

По-иному трактуется образ «маргианской богини» в погрудном фрагменте статуэтки (также очень высокого рельефа), найденном на территории парфянской крепости Чичанлык-депе. Материал — красноватая в изломе терракота, с пепельно-желтоватым ангобом по поверхности. Овал лица очень удлинен. Крутые брови, большие выпуклые глаза без зрачка, но с рельефно моделированными веками. Крупный, как будто с небольшой горбинкой нос (наполовину сбит); полные губы, крутой подбородок. Волосы разделены на прямой пробор и уложены валиком. Своеобразен головной убор в виде накладки с раструбообразным расширением вверху, на котором закреплено покрывало, ниспадающее на плечи. Правая рука согнута в локте и прижата к груди; левая, видимо, была опущена. На груди — большая, плоская круглая бляха, обрамленная восемью рельефными кружочками (рис. 8, *2*).

Лицо этой богини с резкими чертами далеко от античных образцов. Оно очень живо напоминает лица пожилых текинских женщин, причем этнографическая параллель прослеживается и в костюме, обязательные принадлежности которого составляют у туркменок тиарообразный «борик» на голове и круглый плоский медальон на груди («гульяка»), вокруг которого нашиты округлые золотые или серебряные бляшки («чапрасчане») [20]. Видимо, к началу нашей эры определяется тенденция к локализации образа приданием ему местных черт как в трактовке лица, так

[20] Об этнографическом костюме туркменских женщин — см. Г. П. Васильева. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 год. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 444.

и в изменении костюма. Процесс этот был уже подмечен и обоснован Л. И. Ремпелем, который относил его ко времени около начала нашей эры, «когда вслед за широким распространением мотивов эллинистического наследия в местном искусстве зарождалась собственная традиция коропластики местной среднеазиатской школы» [21].

В I—II вв. н. э. протекает процесс все большей «парфянизации» образа «маргианской богини», вытесняющего эллинизированный тип из ее иконографии. Выразительный образец дает целая статуэтка из Гяур-калы,

Рис. 8. *1* — терракотовая головка из Гяур-калы; *2* — терракота из Чичанлык-депе (I в. до н. э.— I в. н. э.).

которую дополняет ряд обезглавленных фрагментов того же типа из других раскопов [22] (рис. 9, *1*).

Материал статуэтки — плотная, красноватая терракота. Горельефный штамп. Лицо удлиненное, с большими миндалевидными глазами, без разделки зрачка, под крутыми бровями; нос — с легкой горбинкой, линия его почти продолжает линию лба; некрупный рот над очень крутым подбородком. Волосы, видимо, собраны узлом вверх, открывая раковины ушей, и скрыты под своеобразным головным убором: это род тюрбана или клобука с широкой макушкой, орнаментированного мелкими кружочками, стянутого лентой над лбом и спускающегося мешочком на затылке; концы его ниспадают на спине и у плеч. Фигура — вытянутых пропорций. Шея удлиненная, покатые плечи открыты, высоко поднятая грудь полуобнажена. Платье из мягкой ткани плотно охватывает

[21] Л. И. Ремпель. Терракоты Мерва..., стр. 342.

[22] Один образец этого типа опубликован Л. И. Ремпелем («Терракоты Мерва...», стр. 342).

тело, драпируясь косыми складками и ниспадая до пят. Вдоль выреза и на длинных рукавах — множество мелких рельефных кружочков. Согнутая в локте правая рука прижата к правой груди; левая рука опущена, придерживает у бедра ткань.

Вариант того же типа дает фрагментированная фигурка из раскопа «квартала мукомолов» античного Мерва. Она характеризуется очень тщательной разработкой деталей одежды (рис. 9, *2*).

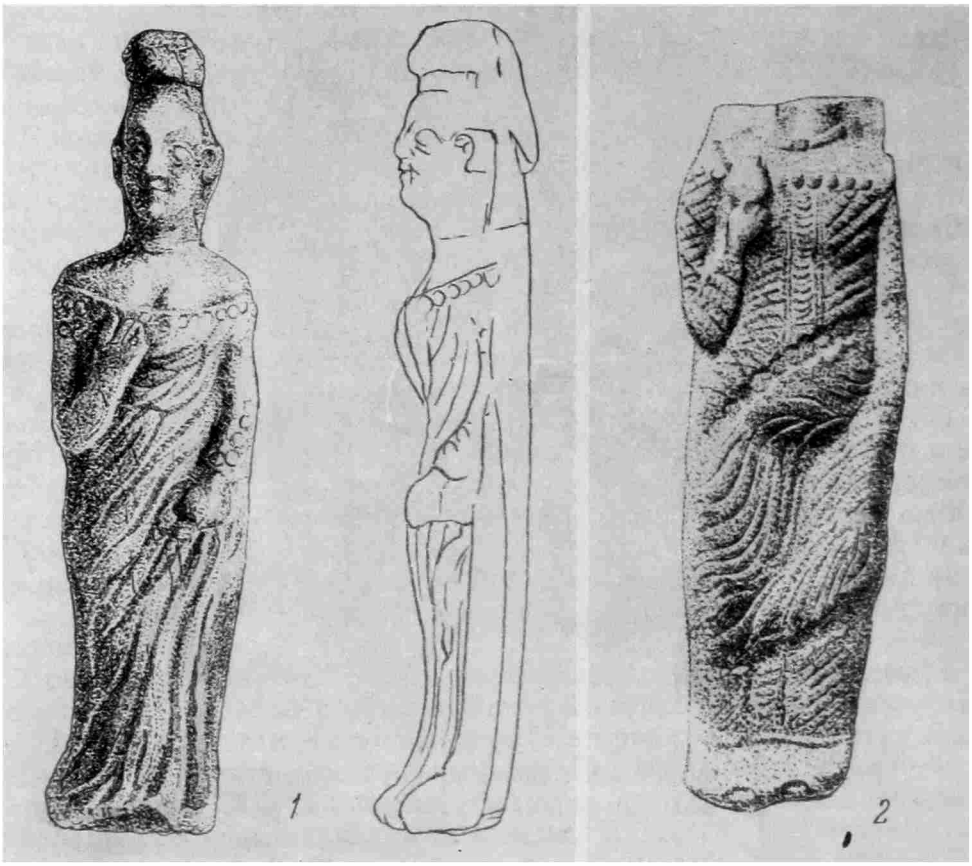

Рис. 9. *1* — терракотовая статуэтка I в. н. э. из «Дома металлиста» в Гяур-кале; *2* — терракотовая фигурка I—II вв. н. э. из «квартала мукомолов» в Гяур-кале.

Статуэтки этой группы иллюстрируют оригинальный тип, развивающий на новой основе образ «маргианской богини», отличающийся от «богини с зеркалом» предшествующего периода.

Традиции так называемой гандхарской школы, как это наглядно показано археологическими исследованиями последних десятилетий, широко охватили в начале нашей эры искусство народов Среднего Востока; видимо, в какой-то мере они коснулись и области Мерва. Головка описанной статуэтки (рис. 9, *1*) несколько напоминает буддийскую скульптуру Афганистана (Хадда); этому отчасти способствует и головной убор — клобук, напоминающий буддийские шиньоны. Однако у описываемой нами статуэтки это не шиньон, а головной убор. Он напоминает парфянский клобук основателя династии Аршака, хорошо известный по изобра-

жениям на реверсе парфянских монет [23], отличаясь лишь округлой, а не заостренной макушкой. Кажется неожиданным наличие такого клобука у женщины, но, может быть, в этой особенности головного убора — указание на глубокую связь образа с местной, коренной парфянской народной традицией, противопоставление эллинизированной концепции ранних статуэток богини подчеркнуто-локальных черт ее модернизированного в I—II вв. н. э. образа. При сохранении еще элементов античных драпировок здесь налицо костюм местного покроя, уже радикально отличающийся от грецизированных одеяний предшествующей эпохи. Костюм

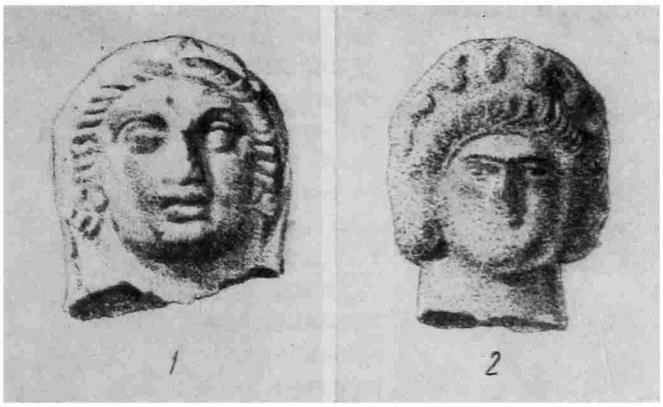

Рис. 10. Терракотовые головки (*1*, *2*) из Гяур-калы.

этот лишен той мягкости и свободы живописно расположенных складок, которые составляют неотъемлемую прелесть эллинистических одежд. Фигурка сохраняет традиционное положение рук, наброшенную сверх платья мантию, но общий силуэт ее изменился благодаря облегающему, утяжеленному многочисленными украшениями платью, с вшивным кроеным рукавом (типично азиатская, негреческая деталь). Стиль фигурки нов, он отражает глубокие изменения в художественной идеологии и практике мервских коропластов.

Девичий образ в коропластике Мерва также претерпевает в эту пору существенные изменения. Такова, например, головка из раскопа в Гяур-кале (рис. 10, *1*). Материал ее — розоватая, плотная терракота. Это горельефный штамп, с подправкой тыльной стороны ножом. Округлое лицо с невысоким лбом, широкими, дугообразными бровями, соединяющимися над переносицей. Глаза — с рельефными веками и процарапанным в виде кружка и точки зрачком. Прямой, уплощенный, сильно расширяющийся к ноздрям нос, пухлые губы. Полная шея; в ушах — подвески.

Волосы разделены на прямой пробор и убраны прядями, обрамляющими лоб и щеки; поверх как будто наброшено покрывало. Своеобразный этнический тип лица, возможно, передает обличье юной маргианки. Другая головка (рис. 10, *2*) из раскопа «Дома металлиста» в Гяур-кале, со сбитым носом и ртом, также характеризуется утяжеленным овалом полного лица, с невысоким лбом, плавными дугами бровей, удлиненными глазами с пластической разделкой зрачка, тяжелыми подвесками в ушах. Своеобразен головной убор: над гофрированной оторочкой — мелко-

[23] J. de Morgan. Manuel de numismatique orientale, t. I. Paris, 1923—1926, фиг. 137, 139.

зубчатый венец, который завершают 7 кружков с развилками наверху (как бы имитация формы плода граната).

Наконец, этот цикл дополняет погрудный фрагмент статуэтки из тех же раскопок (рис. 11). Материал ее — темно-розовая терракота. Это оттиск горельефным штампом на толстой лепешке, выполненный двумя матрицами: отдельно голова и отдельно туловище. С боков и на тыльной стороне — подрезка ножом. На голове, над валиком волос, обрамляющих лоб, наброшен платок, украшенный по краю круглыми бляшками. Лицо округлое, с узким лбом, рельефно моделированными над-

Рис. 11. Фрагментированная терракотовая статуэтка III в. н. э. из Гяур-калы.

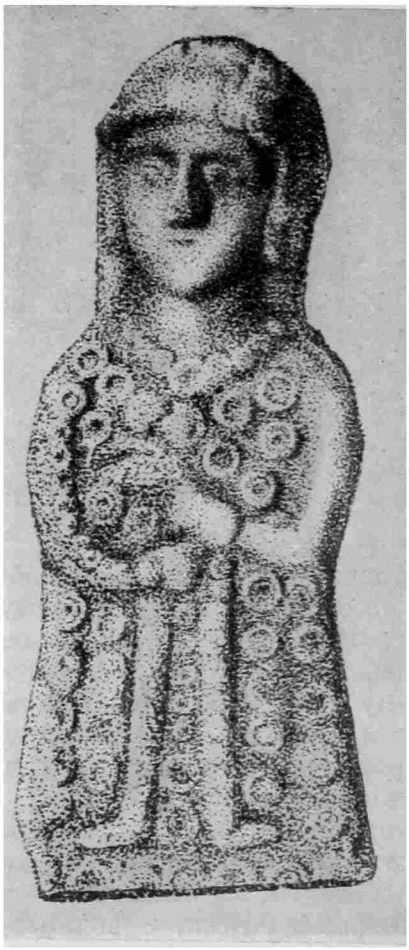

Рис. 12. Терракотовая статуэтка III в. н. э. из Чичанлык-депе.

бровьями и глазами; сильно выпуклый нос, маленький, едва намеченный рот, полный подбородок; в ушах — крупные подвески. Непомерно длинная и широкая шея (со следами заглаженных линий сопряжения штампов). Гладкое платье — с открытым вырезом, отороченным крупными кольцевыми бляшками, и с большой округлой бляхой, лежащей на груди. Правая рука, окутанная тканью, покрытой мелкими кружками, прижата к животу; левая, рельеф которой при оттиске почти полностью смят, опущена [24].

[24] Снимок фигурки опубликован в статье М. Е. Массона. «Новые данные по древней истории Мерва». ВДИ, 1951, № 4, рис. 4.

Таким образом, статуэтка дает вариант одежды, сходной с костюмом женских богинь того же времени. Но существенное отличие составляет головной убор: не тюрбан (или клобук), скрывающий волосы, но либо нарядный венец, либо платок, наброшенный на волосы, которые плоеными прядями обрамляют лицо.

Заключительный этап трансформации образа «маргианской богини» — матери и девы падает на время заката местной античности: конец II—III вв. н. э. Это подтверждено находкой нескольких фрагментов терракотовых статуэток в слое шурфа Ш-2 в Гяур-кале, хорошо датированном монетами первых Сасанидов.

В свое время Л. И. Рempель, исходя из анализа стиля мервских терракот, особо выделил: группу головок, на его взгляд, архаизирующего стиля, датированных им III—II вв. до н. э. [25]; группу плоскоплиточных фигурок без головы, одетых в богато украшенные нашивными бляшками одежды, первоначально отнесенных им к первым векам нашей эры [26], а позднее — к IV—VII вв. н. э. [27]; головку, как ему казалось, «буддийского» стиля, от датировки которой он воздержался [28]. В настоящее время представляется возможным говорить об одновременности всех 3 типов, а время их распространения относить к концу II — III в. н. э.

Рис. 13. Терракотовая головка III в. н. э. из Гяур-калы.

Число фрагментированных фигурок этого рода, обнаруженных ЮТАКЭ в раскопах и на поверхности, особенно значительно на мервских городищах — они исчисляются многими десятками. Нет надобности останавливаться на описании всех этих статуэток. Разберем их по типам, дав характеристику лишь некоторых, наиболее сохранившихся или особо выразительных.

Прежде всего устанавливается, что и в эту пору сохраняются две ипостаси «маргианской богини» — материнская и девственная. Последняя представлена, наряду с множеством отдельных фрагментов, целой статуэткой из позднепарфянской крепости Чичанлык-депе (рис. 12). Сделана она из желтоватой терракоты двумя штампами: отдельно высоким рельефом сформована голова и отдельно на плоской лепешке оттиснута барельефная фигура. Лицо обрамляет или наброшенный на голову, гладко облегающий платок или шапочка с массой спиралевидных рельефных завитков. Лицо овальное, полное; большие, выпуклые глаза под низкими дугами бровей; очень рельефный, с легкой горбинкой нос и высоко поставленный, маленький рот. В ушах — подвески, на шее — ожерелье из мелких круглых плоских бус или бляшек. Поза фронтальна, обе руки сложены у живота. Прямого покроя платье рельефно оторочено и сплошь украшено крупными кольцеобразными бляшками. На поверхности платья — следы малиново-красной краски, заходящей и на бока фигурки.

[25] Л. И. Рempель. Терракоты Мерва..., стр. 333 и сл.
[26] Там же, стр. 344 и сл.
[27] Л. И. Рempель. Новые материалы..., стр. 182.
[28] Л. И. Рempель. Терракоты Мерва..., стр. 346.

Головки и фигурки этого типа имеются в сборах ЮТАКЭ из Гяур-калы (рис. 13), Кишман-депе, Кууртлы, Чильбурджа. Найденные порознь, головки и фигурки никогда не могли бы внушить даже мысли, что они принадлежат единому скульптурному произведению, настолько контрастна объемная моделировка первых и плоскостная — вторых. Между тем налицо дальнейшая трансформация образа нарядно одетой богини-девы предшествующего времени.

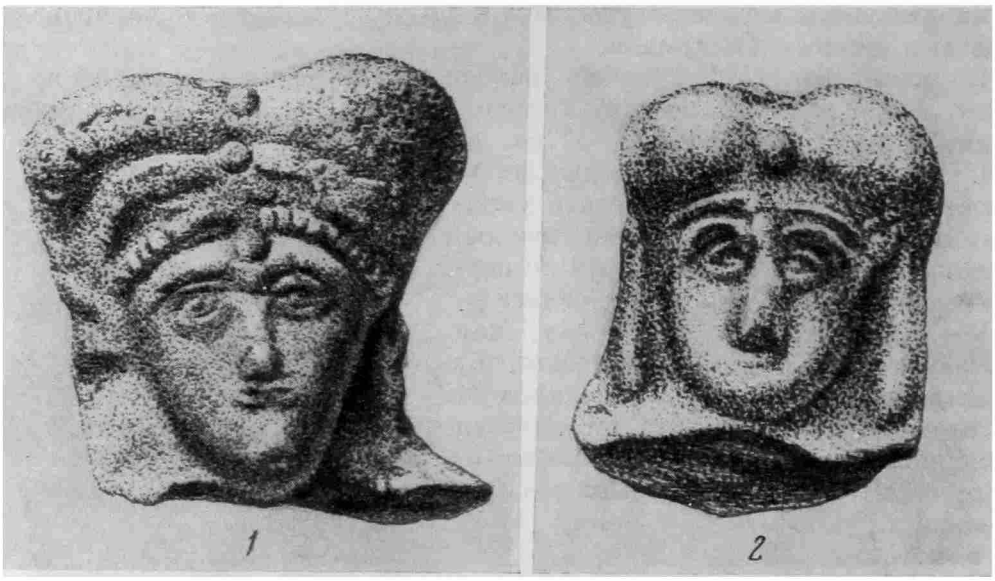

Рис. 14. Терракотовые головки (*1*, *2*) III в. н. э. из Гяур-калы.

Подобный процесс претерпевает и богиня-матерь. Облик ее отличается от облика богини-девы: у последней — мягкий овал лица, на голове облегающая шапочка с богатой орнаментацией; у богини-матери — характерный мягкий тюрбанообразный женский головной убор, лицо продолговатое, с резко определенными чертами.

Приведем описание типичной крупной головки серо-зеленоватой мелкопористой терракоты, горельефного штампа. Удлиненный, почти треугольный овал лица. Широкие, рельефные, крутые брови; удлиненные глаза с выпуклыми веками и как будто пластической моделировкой зрачка. Нос прямой, но негреческий, с резко выраженным западанием переносицы. Маленький, прямой рот, вырезанный ножом; заостренный подбородок. Высокий, раздвоенный на два крутых вала головной убор перехвачен двумя опоясками, украшенными кружочками, и скреплен посередине крупными бляшками, одна из которых опускается на лоб. В левом ухе — как будто массивная подвеска, правое — сбито (рис. 14, *1*).

Головки того же типа, но иных (несколько меньших) размеров, вышедшие из других матриц, представлены целой группой находок с северо-восточного сектора Гяур-калы. У них иногда несколько варьирует форма тюрбанообразного головного убора, но в общем эти головки следуют какому-то единому типу (рис. 14, *2*).

Фигурки этих позднемаргианских образцов повторяют однородный мотив «богини с зеркалом», облаченной в богатые одежды, с различными накладными украшениями, подвесками и бляшками (рис. 15).

«Богиня с зеркалом» этой поздней группы, при сравнении с ее изображениями предшествующих веков, иллюстрирует значительную эволюцию

образа. Изменяется ее облик: вероятно, перед нами определенный маргианский этнический тип — с удлиненным овалом лица, продолговатыми глазами под крутыми дугами бровей, но, иной племенной группы, чем тот, который выражен в терракотах раннего круга. Оригинален головной убор: это уже не твердый калаф (или соответствующий ему «борик»), но мягкий, окутанный платком головной убор с двумя выпуклостями. Некоторую аналогию ему дают округлые (но не раздвоенные) уборы хорезмийских

Рис. 15. Терракотовая статуэтка III в. н. э. из Гяур-калы.

цариц в скульптурах Топрак-калы (например, «супруга Везамара») [29], датировка которых восходит к III в. н. э. В этнографии отдаленную параллель можно почерпнуть в одеянии замужних казахских женщин, наматывающих на голову высокий, мягкий тюрбанообразный убор, или пожилых каракалпачек, которые носят пышно скрученную чалму [30]. Не отразило ли изображение богини женский головной убор из среды кочевников-маргиан?

В одежде поздних статуэток «маргианской богини» мы видим последующее изменение традиционного костюма в сторону усложнения его всевозможными украшениями. Пластическое изящество мягко драпирующейся туники и гиматия здесь сменяется тяжеловесностью узкого, кроеного, богато декорированного платья. Самый покрой его живо напоминает современное этнографическое платье туркменок [31].

[29] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, рис. 59.

[30] Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, рис. 26, 33.

[31] См. Г. П. Васильева. Ук. соч., рис. 8.

Подведем некоторые итоги. Анализ терракотовых статуэток III в. до н. э.— III в. н. э. показывает, что в составе их видное место принадлежит «маргианской богине», образ которой в течение веков претерпевал значительную эволюцию, видимо, отображавшую изменения во внутреннем содержании связанных с этой богиней верований.

Технологический прием изготовления статуэток характеризуется употреблением терракотовых матриц, выполнявшихся мастерами высокой квалификации. С помощью матрицы статуэтка оттискивалась на глиняном коме, который вручную подрезывался ножом с тыльной стороны, а после снятия формы подравнивался с боков. Обжиг статуэток осуществлялся в тех же гончарных печах, в которых обжигалась и бытовая посуда, о чем свидетельствует находка статуэток в гончарных печах и в керамических отвалах Гяур-калы. Качество терракоты со временем менялось. Ранние фигурки (III в. до н. э.— I в. н. э.) изготовлены из превосходно отмученной, очень плотной глины, которая в процессе обжига приобретала розоватый (в изломе — красноватый) тон. Поздние изделия (II—III вв. н. э.) имеют более пористую структуру черепка, цвет терракоты желтоватый или зеленовато-серый.

Характерно, что при общности ряда типов из числа обнаруженных за разные годы терракот подавляющее большинство их исполнено разными матрицами. Это показывает, во-первых, что на статуэтки был большой спрос, так как при их изготовлении не могли удовлетвориться несколькими стандартными формами, и, во-вторых, что оттиск и обжиг их осуществлялись не в одной, а в нескольких мастерских. Можно думать, что изготовление и продажа фигурок были привилегией жреческого сословия и что керамические мастерские, в которых они изготовлялись, входили в состав храмовых хозяйств античного Мерва; быть может, такие мастерские были именно при храмах, посвященных «маргианской богине».

Находки в жилых и производственных помещениях Гяур-калы статуэток «маргианской богини» и большая потертость многих из них наглядно свидетельствуют, что фигурки эти служили обязательным объектом бытовой обстановки подобно статуэткам Ларов и Пенатов у древних римлян. Высокие поставы с раздвоенными «ножками», характерные для ряда фигурок ранней группы, указывают, что последние вставлялись в какие-то особые киоты. Черновая обработка тыльной стороны статуэток, при очень тщательной моделировке их лицевой части, свидетельствует о том, что они должны были быть прислонены к стене или вообще к какой-то плоскости.

Общий стиль изображений с течением времени претерпел существенные изменения. Ранние статуэтки миниатюрны, объемно моделированы, пластичны, очень пропорциональны. Поздние — значительно более крупны по размерам и отличаются от ранних своей непропорциональностью (головки чрезмерно велики по сравнению с туловищем). Объемная лепка головок контрастирует с плоско-рельефным оттиском на глиняной лепешке фигуры, на которой лишь условно-орнаментально намечены одежды.

Мервские терракоты свидетельствуют о существовании в античной Маргиане очень стойкого культа местной богини. В двух своих ипостасях — девы и женщины она предстает, очевидно, как покровительница плодоносящих сил природы, но также и как носительница человеческих судеб, о чем говорит ее характернейший атрибут — зеркало. Основа культа лежит, видимо, в древнейших местных верованиях. Но лишь со времени оформления в областях Южного Туркменистана развитых рабовладельческих отношений «маргианская богиня» получает высокохудожественную иконографию; в этом факте нашли отражение упрочившиеся культурные связи со странами западноэллинистического мира.

В III—II вв. до н. э. богиня изображается в виде полунагой женщины с ярко выраженными признаками материнства или в виде сладострастной Кибелы. Со II—I вв. до н. э. вплоть до I в. н. э. в изображениях появляются черты воздействия эллинистического искусства: это закутанная в мягкие одежды с обильными складками богиня строгого стиля, типа эллинистической Исиды или римской матроны, и изящная богиня-дева в легких драпирующихся одеждах. Ко II—III вв. н. э. образ локализуется: как в изображении лица «маргианской богини», так и в костюме ясно проступают черты местного этнического типа. В эту пору на смену пластическому образу предыдущего времени приходит образ иератически-условный. Эти изменения в иконографии богини стоят в связи,— разумеется, весьма опосредствованной,— с крупными историческими событиями. В I в. н. э. нарастают тенденции децентрализации внутри Аршакидского государства, которые приводят даже к «автономии» ряда крупных областей Парфянского государства, в частности — Маргианы. В эту пору во всем наблюдается усиление значения местного элемента; в Маргиане появляется даже собственный монетный чекан [32]. В искусстве также налицо отход к местным художественным образам и нормам, что подтверждается и на примерах рассмотренных нами терракот.

Иератическая условность в стиле позднемаргианских статуэток знаменует, на наш взгляд, стабилизацию каких-то форм религиозной идеологии. Канон стоит преградой на пути художественных исканий местных коропластов. Статуэтки II—III вв. н. э. дают нам десятки образцов, изготовленных с разных матриц, но все это близкие варианты одного и того же типа. Подобное явление наблюдается и в парфянской нумизматике: условные профили царей на монетах II—III вв. н. э. приходят на смену выразительным портретам предшествующих столетий [33].

Мервские терракоты расширяют наши знания об идеологии древнего населения Маргианы. Они свидетельствуют о широком распространении в античную пору культа местной «маргианской богини», вызвавшего к жизни массовое изготовление ее терракотовых статуэток.

Нельзя ли попытаться раскрыть инкогнито «маргианской богини»? Если вспомнить, что древний Мерв, страна Моуру Авесты, Маргуш ахеменидских текстов,— первая область, в которой учение Заратуштры получило признание со стороны народных масс [34], что Маргиана оставалась долгие века цитаделью зороастризма, то при исследовании истоков этого культа вполне закономерным представляется обращение к зороастрийским мифологическим образам.

Среди археологов стало почти традицией именовать все женские терракотовые статуэтки, находимые на старых среднеазиатских городищах, Анахитами. Такое огульное определение вызывает сомнения уже потому, что иконография их далеко не всегда соответствует тому образу, который так подробно и красочно обрисован в Авесте. Гимн Ардвисуре Анахите воспевает ее в образе девушки сильной, статной, благородной, высоко подпоясанной, «чтобы груди ее были привлекательными», облаченной в роскошную драпирующуюся золотую мантию и в шубу из трехсот бобров, с восьмичастной диадемой, украшенной самоцветами, с четырехгран-

---

[32] М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества..., стр. 146.

[33] J. Babelon. Le portrait dans l'antiquité d'après les monnaies. Paris, 1950, стр. 79—81.

[34] В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 15.

ными золотыми серьгами в ушах и ожерельем на шее, с пучком баресмы в руках [35].

В какой мере отвечают авестийскому образу «девичьи» статуэтки из Мерва? Есть среди них головка в диадеме, зубцы которой украшены, видимо, драгоценными камнями; есть фигурка, высоко опоясанная кушаком, с прекрасной, обрисованной под тонкой одеждой грудью; у ранней группы фигурок мы видим драпирующиеся мантии, сходные с греческим гиматием; есть головки с массивными подвесками в ушах с лучеобразным или округлым ожерельем на шее. Но при всех этих деталях статуэтки не вполне идентичны тому идеальному типу, который обрисован Авестой. Тем не менее мы допускаем, что «девичьи» статуэтки из Мерва изображают именно Анахиту. Было бы неверным искать каноническую передачу авестийского образа времен сложения Яштов в коропластике античной поры. Образы богинь зороастрийского цикла, несомненно, изменялись с веками, приобретая синкретические черты. И потому в III—II вв. до н. э., в период известной эллинизации художественной культуры на Среднем Востоке, Анахиту обряжают в тунику божественных дев эллинистического пантеона — Артемиды или Гестии, сохраняя драгоценные уборы азиатского типа, браслеты, ожерелья, подвески. Во II—III вв. н. э. образ Анахиты приобретает все большее количество местных черт: богиню одевают в прямое, узкое платье местного покроя, обшитое накладными украшениями, а на голове ее мы видим облегающую шапочку, отдаленно напоминающую увешанные серебряными и золотыми бляшками этнографические девичьи шапочки туркменок. Известно, что культ Анахиты был широко распространен в государстве Аршакидов; источники упоминают несколько храмов, посвященных этой богине,— например в Асаке, Экбатане, Кенгавере, Элимаиде, Сузах, Истахре и др.[36]

Но каково же имя той богини, иконография которой в коропластике Мерва эволюционирует от обнаженной беременной женщины к статной матроне, облаченной в драпирующиеся одежды, с высоким «бориком» на голове, а затем к маргианке в массивном тюрбане и платье местного покроя? Среди зороастрийских богинь очень важное место принадлежало богине правопорядка, благоденствия и плодородия, которая именуется Aši-Urti-Rti. Это богиня счастья, «излучающая радость», приносящая в дом изобилие, царству — богатство, женщинам — красоту, мужчинам — житейскую роскошь, пастухам — обилие и тучность стад, героям — бесстрашие и победу над врагами, идущим к браку молодым людям и животным в период спаривания — половую силу [37].

Богиня Аши-Рти предстает прежде всего как покровительница дома, житейского счастья, продолжения рода. Все это, очевидно, делало Аши не только объектом обрядового почитания, но в основном божеством того культа дома, домашнего очага, который в среде среднеазиатского населения был, несомненно, распространен не меньше, чем у других народов древности. Согласно ритуалу ей посвящали хаому, молоко, баресман, мудрые речи, священные тексты, деяния, возлияния и слова Истины [38].

---

[35] См. Гимн Ардвисуре Анахите в пер. Е. Э. Бертельса. «Восток», № 4, М.—Л., 1924, стр. 3, 4.

[36] R. Ghirshman. Iran from the earliest times to the islamic conquest. London, 1954, стр. 269—270.

[37] Авеста, Яшт 17 (Ард-яшт); J. Darmsteter. Ук. соч., vol. II, стр. 600 и сл.; H. S. Nyberg. Ук. соч. стр. 66; A. Christensen. Etudes sur le zoroastrisme de la Perse antique. Kobenhavn, 1928, стр. 8, 9.

[38] Авеста, Яшт 17/3.

Этимология имени Аши (Рти) восходит к Аша (Рта) — понятию, определяемому как «персонификация незыблемого первопорядка, на котором зиждется все благое» [39]. В этой связи нельзя не вспомнить, что в Авесте область Мерва характеризуется как «мощная, чтящая Аша» (ašavan-rtvan) [40].

У Г. Ниберга развита мысль о якобы борьбе и конкуренции культов Аши и Анахиты как двух однотипных авестийских богинь плодородия, из которых первая была связана с митраическим кругом и была популярна в среде арийцев и маргианцев, проживавших по Аму-Дарье и в области Мерва, а вторая — среди туранцев, обитавших у Сыр-Дарьи [41].

Но если такая борьба и была, то, по-видимому, уже при Ахеменидах имели место попытки объединения различных локальных религиозных систем, в частности — исповедание культа обеих богинь, наделенных сходными функциями. В Авесте Виштаспа (В. В. Струве отожествляет его с историческим Гистаспом, отцом Дария I) [42] принес жертву и Ардвисуре Анахите близ озера Фраздану, и Аши — за рекой Даития (Аму-Дарьей) [43].

Можно думать, что в парфянское время, когда при наличии в государстве Аршакидов разнообразных вероисповеданий зороастризм приобретает значение государственной религии [44], обе богини сосуществуют на равных правах и, так сказать, с «распределением функций». Нам кажется, что коропластика Мерва дает тому красноречивое подтверждение: женская ипостась (Аши-Рти) «маргианской богини» и девичья (Анахита) проходят здесь через все развитие местной коропластики по крайней мере с III в. до н. э. по III в. н. э., т. е. в рамках местной античной культуры.

За последние десятилетия женские терракотовые статуэтки обнаружены также на многих античных городищах приамударьинских и призеравшанских территориях, что является бесспорным показателем популярности здесь женского божества в образе ли Анахиты, или Аши, или какого-то иного мифологического персонажа. Судя по памятникам древней коропластики, в античную пору культ женского божества был распространен в основном в оазисах среднеазиатских рек Мургаба, Аму-Дарьи и Зеравшана. Терракотовых фигурок, которые так обильны на античных городищах этих областей, нет ни в северо-восточных районах Средней Азии — например в Фергане [45], ни к западу от Маргианы — например в Парфиене, где многолетние археологические исследования дали лишь единичные коропластические объекты [46]. Эта общность широких народных культов в Маргиане, Хорезме, Тохаристане, Согде периода развитых рабовладельческих государств является важным показателем известной близости идеологических воззрений у населявших их народов.

---

[39] Е. Э. Бертельс. Отрывки из Авесты. «Восток», № 4, М.—Л., 1924, стр. 9; A. Christensen. Essais sur la démonologie iranienne. Copenhague, 1941, стр. 5.

[40] Авеста, Ведивдат, фаргард, 1/III; A. Christensen. Le premier chapitre du Vendidat et l'histoire primitive des tribus iraniens. Kobenhavn, 1943, стр. 14.

[41] H. S. Nyberg. Ук. соч., стр. 260, 262, 263.

[42] В. В. Струве. Ук. соч., стр. 20.

[43] A. Christensen. Les Kayanides. Kobenhavn, 1932, стр. 26.

[44] М. Е. Массон. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 55.

[45] Отсутствие женских терракотовых статуэток на городищах Ферганы, Осрушаны и Шаша ставит под большое сомнение гипотезу Г. Ниберга о присырдарьинском происхождении и широком распространении здесь культа Анахиты (см. H. S. Nyberg. Ук. соч., стр. 262).

[46] Л. И. Ремпель. Новые материалы..., стр. 182; М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества..., рис. 14.

Женские терракотовые статуэтки из Средней Азии свидетельствуют, что в различных областях «великая богиня» приобретала локальные черты, отвечавшие народным представлениям коренного населения края: фигурки богини, найденные в Самарканде [47], Каршинском районе[48], Термезе [49], Хорезме [50], сходные своей позой, имеют отличия в костюмах, атрибутах, чертах лица, пропорциях фигур. Вероятно, не всегда совпадали и их имена; так, имя популярной в кушано-тохарской среде богини Ордохшо было эпитетом авестийской Хайрватат [51]. Но в общем почитание «великой богини», в различных ее ипостасях, прочно держалось в Средней Азии вплоть до крушения рабовладельческого общества, являясь показателем чрезвычайной стойкости этого образа в народной идеологии и мифотворчестве.

---

[47] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. II. Л., 1940, табл. 1, *А*; А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, рис. 38.

[48] С. А. Кабанов. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе. АН УзССР, Труды Института истории и археологии, т. II, Ташкент, 1950, рис. 8.

[49] М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940, рис. 49.

[50] С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 72.

[51] J. Scheftelovitz. Die Mithra-Religion der Indoskithen und ihre Beziehung zum Saura- und Mithras-Kult. Acta Orientalia. Lugduni Batavorum, 1933, vol. XI, pars IV, стр. 327.

МАТЕРИАЛЫ
И ПУБЛИКАЦИИ

А. А. ФОРМОЗОВ

МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА КАБАЗИ В КРЫМУ

(Первый опыт изучения погребенных пещер в СССР)

Основными источниками для изучения раннего палеолита являются, как известно, с одной стороны, местонахождения переотложенных водой каменных орудий — остатки разрушенных открытых стоянок, а с другой стороны,— пещерные памятники. Число последних, особенно для шелльской и ашельской эпох, очень невелико, в связи с чем так неполны наши представления о характере древнепалеолитических поселений.

Как недавно убедительно показал С. Н. Замятнин [1], малое число известных нам пещерных раннепалеолитических стоянок связано не с тем, что древнейшие люди не жили в пещерах, а с тем, что большинство пещерных стоянок находится в погребенном состоянии. За огромный отрезок времени, прошедший с эпохи раннего палеолита до наших дней, своды многих пещер обвалились под влиянием землетрясений и тектонических подвижек или в результате разрушения камня атмосферными явлениями. Ряд навесов и гротов был закрыт осыпями и оползнями. Естественно, что более древние пещеры сохранились хуже, чем более поздние, и для исследования раннего палеолита изучение погребенных пещер имеет первостепенное значение.

Несколько палеолитических стоянок в погребенных пещерах уже выявлено за рубежом. Таковы знаменитая пещера Чжоу Коу-дян в Китае, давшая остатки синантропа, Бурбах и Шпихерн в Альпах. Открытие этих памятников было, однако, более или менее случайным. Целеустремленные же поиски погребенных пещер археологами пока не производились. Именно к таким поискам на территории СССР призывает С. Н. Замятнин. Первый опыт в этом направлении был сделан Крымской палеолитической экспедицией ИИМК. Объектом исследования явилось палеолитическое местонахождение Кабази в 13 км к югу от Симферополя. Открытие его связано с именем первого исследователя палеолита Крыма — К. С. Мережковского. Говоря о своих обследованиях местности около села Саблы на р. Альме в 1880 г., К. С. Мережковский писал: «Следует здесь упомянуть еще о двух открытых местонахождениях... Одно помещается на склоне той горы, в которой образованы три пещеры Кабази... Здесь найдено с десяток орудий, из которых иные довольно интересны» [2].

[1] С. Н. Замятнин. О первоначальном заселении пещер. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 55—63.

[2] К. С. Мережковский. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. Известия РГО, т. XVII, вып. 2, 1881, стр. 110.

Поскольку в этом упоминании о находке нет описания орудий и соображений о их датировке, местонахождение Кабази не привлекло внимания продолжателей работ К. С. Мережковского. Интерес к нему возник только после вторичного открытия памятника, сделанного А. А. Щепинским в 1952 г. Собранная им небольшая коллекция кремневых орудий была осмотрена нами в том же 1952 г., после чего местонахождение было

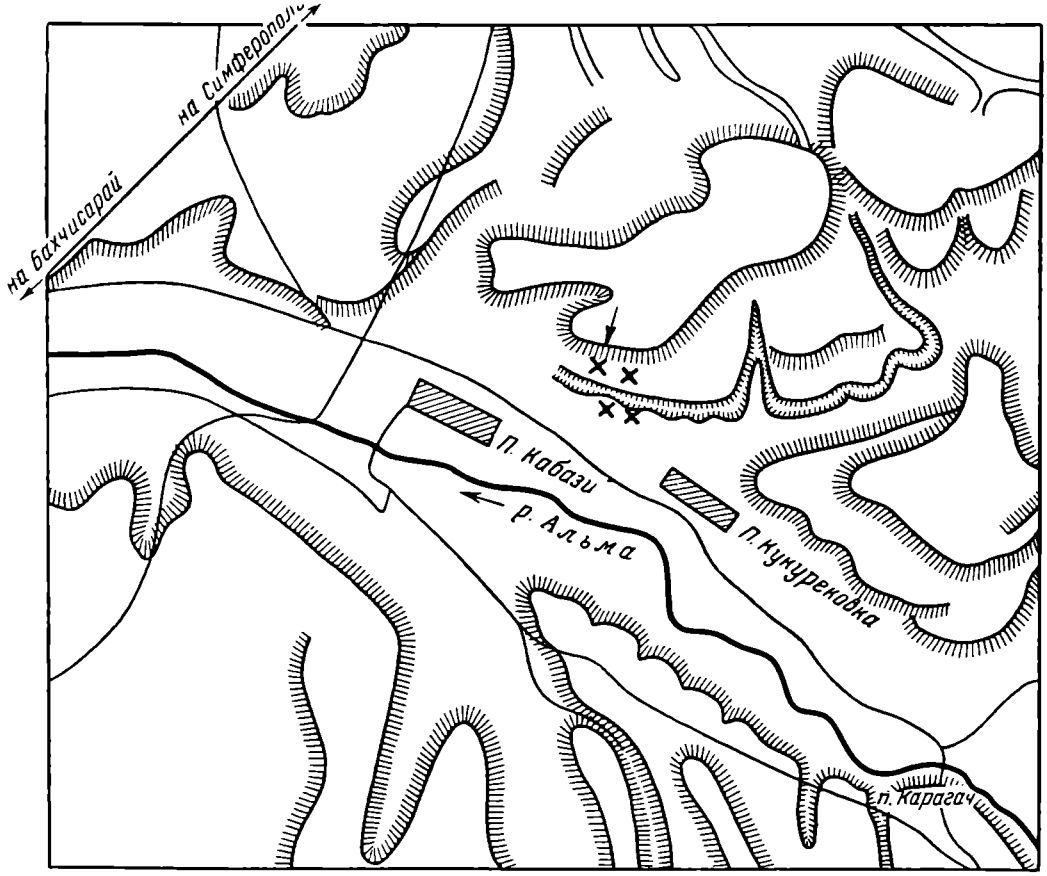

Рис. 1. План окрестностей стоянки Кабази. (Стрелкой и крестиками указаны места находок обработанных кремней).

обследовано совместно с А. А. Щепинским. В сообщении об этом обследовании мы отметили следующее: 1) это тот же пункт, который был открыт К. С. Мережковским, 2) датировать местонахождение можно мустьерским временем и 3) материал происходит, скорее всего, из погребенной пещеры [3].

Так как К. С. Мережковский провел раскопки в Волчьем гроте уже после работ в Саблах, то Кабази надо считать первым памятником древнего палеолита, найденным в нашей стране. Но интерес местонахождения Кабази заключается не в этом, а в условиях его расположения. Находки сделаны на слабо задернованном, покрытом щебенкой склоне высокого правого берега Альмы, над с. Малиновкой (б. Кабази); они приурочены к строго ограниченному, вытянутому по склону, участку, примерно от уровня 130 м выше зеркала Альмы до уровня на высоте 50 м над ре-

[3] А. А. Формозов. Возобновление полевых исследований по каменному веку Крыма. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 18, 1953, стр. 91

кой. Участок, с которым связаны находки, расширяется книзу. Если на верхнем уровне находок кремневые изделия встречаются на линии длиной до 20 м, то внизу участок достигает ширины 50 м (рис. 1). Это так же, как и беспорядочное залегание кремней в щебенке, говорит о том, что материал смывается по склону вниз.

Рис. 2. Общий вид на правый берег р. Альмы в районе стоянки Кабази. Место находок — справа от столба выветривания на склоне берега, еще правее — современные навесы

Где же находится коренное местонахождение? На поверхности плато, лежащего над верхним уровнем находок примерно в 50 м, никаких кремневых изделий не найдено. Под уступом от плато ко дну долины выходит полоса нуммулитовых известняков, на которой человек жить не мог, поскольку склон здесь слишком крут (до 45). В известняках имеется ряд пещер (рис. 2). В 200 м выше по реке от местонахождения Кабази, почти сразу под уступом от плато к долине, находится так называемая пещера Храма, где вел раскопки К. С. Мережковский. По данным нашего обследования, в пещере находился культурный слой кизил-кобинского времени. На более низком уровне лежат 2 скальных навеса, расположенных в 30 и 100 м от места находок. Пол навесов примерно соответствует по уровню верхней границе местонахождения. Еще один навес находится в 50 м ниже по реке на уровне пещеры Храма. Он имеет скальный пол. В других навесах есть тонкие отложения, но они не содержат культурных остатков, как показала еще шурфовка К. С. Мережковского.

На основании всех этих наблюдений мы высказали в 1952 г. предположение, что на нижнем уровне навесов была еще одна пещера, где и жил

палеолитический человек; в настоящее время она закрыта осыпью. Действительно, осыпь щебенки закрывает участок известняков над местом наших находок, расположенный на одном уровне с 2 навесами, лежащими выше по реке.

Проверить правильность нашего предположения могли только раскопки. Они были поставлены в Кабази в 1954 и 1955 гг. Раскопки были начаты с закладки траншеи шириной 4 м, идущей вдоль по склону на длину 16 м. Верхний по склону, северный конец траншеи упирался в обнаженные

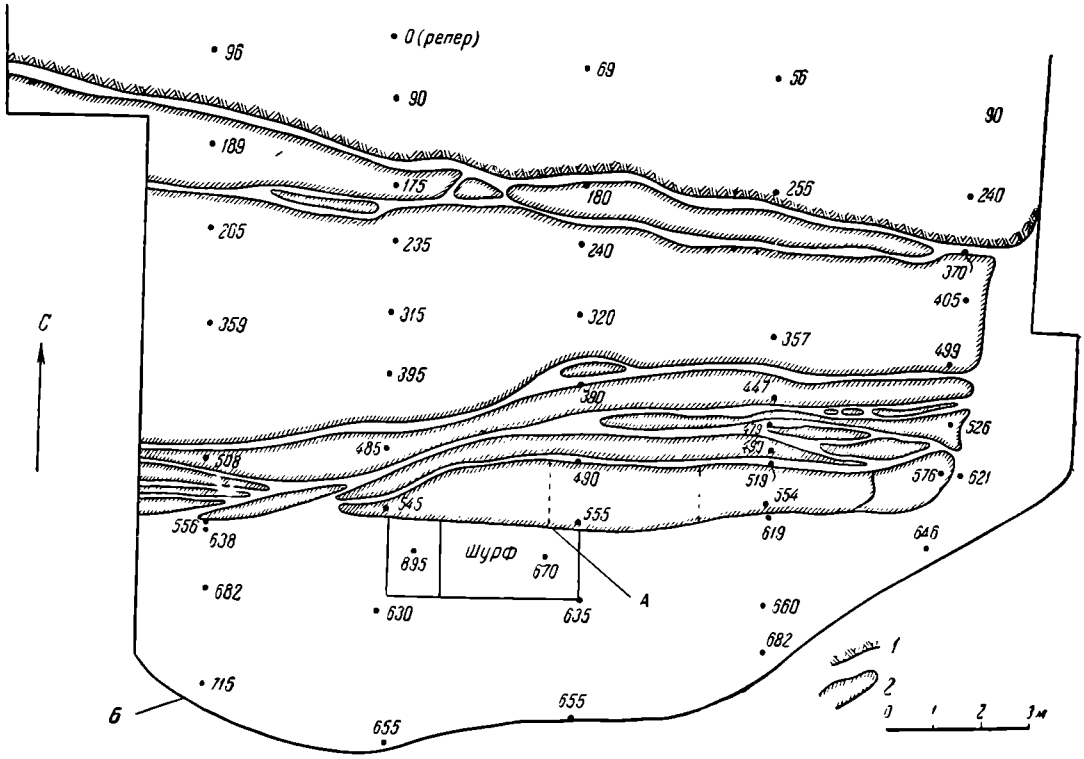

Рис. 3. План раскопа на стоянке Кабази после снятия слоя осыпи со скалы и рухнувшего карниза навеса и после разборки слоя с культурными остатками.

А — границы, в пределах которых пробиты плиты и изучен слой под ними; *Б* — уступ, ниже которого идет склон ко дну долины р. Альмы; *1* — коренная скала; *2* — плиты камня.

участки скалы, лежащие под уступом от плато ко дну долины; южный конец спускался до наиболее высоких по склону точек находок кремневых изделий. Таким образом, траншея пересекала единственный участок правого берега Альмы, где могло находиться коренное местонахождение каменных орудий.

Как мы и рассчитывали, траншея открыла часть погребенной пещеры. В 1955 г. к траншее были сделаны прирезки с запада и востока. В итоге размеры раскопа составляют 16 × 20 м. Он вытянут с запада на восток, а его верхняя поверхность имеет резкий уклон к югу. Восточная граница раскопа близко подходит к одному из упомянутых выше скальных навесов.

После того как на верхней по склону части раскопа был удален полуметровый слой щебенки, не содержавший находок, обнажились поверхность коренной скалы и отделенный от нее трещиной огромный известняковый блок — обвалившийся карниз навеса. Ширина блока достигает 9 м, лежит он с сильным уклоном к югу. В длину обвалившийся карниз

навеса исследован не полностью, но примерные цифры можно указать. Кровля навеса в сечении сегментовидна. В пределах раскопа находятся самая высокая часть кровли, все ее восточное крыло и часть западного крыла. Падение уровня в обе стороны примерно одинаково. Если длина западного крыла такая же, как длина восточного, то общая длина рухнувшего карниза навеса близка к 28 м (рис. 3).

Таким образом, погребенный навес имел в свое время большие размеры, что было удобно для поселения. Другим его достоинством в этом отношении было то, что навес открыт к югу.

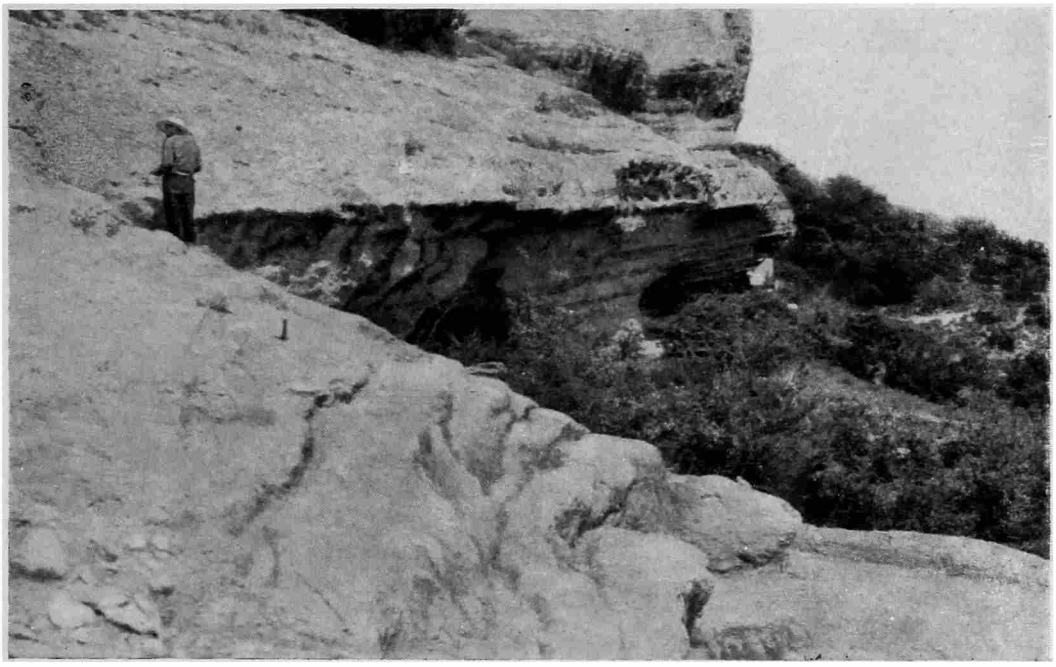

Рис. 4. Восточная часть раскопа в Кабази. (Видны часть рухнувшей кровли навеса и расположенный рядом на одном уровне с обвалившимся существующий ныне скальный навес).

Трещина, отделяющая обрушившийся карниз навеса от коренной скалы, выходит прямо на край кровли, расположенной восточнее ныне существующих навесов (рис. 4). Этим подтверждается предположение о том, что они лежат на одном уровне с погребенной пещерой. Ширина трещины не превышает 50 см. Зондирование ее щупом показывает, что под рухнувшей кровлей осталось пустое, не засыпанное землей пространство.

Падение навеса можно представить, на основе его изучения, следующим образом. Угол падения, как показывает залегание карниза навеса, был не очень велик. Внутренний край обвалившегося куска известняка уперся в коренную скалу, а внешний край, описав дугу, уперся в площадку перед навесом. При этом известняковый блок растрескался вдоль на ряд налегающих друг на друга плит. В итоге вход в навес был закрыт и образовался склон ко дну долины, засыпанный затем осыпью с поверхности плато.

На нижней по склону, южной, части раскопа мы исследовали площадку перед обвалившимся навесом, имеющую ширину около 5 м (рис. 5). Здесь обнаружены многочисленные культурные остатки мустьерского времени, находящиеся in situ. Слой с находками уходит под обвалившийся

карниз навеса. Это было установлено после того, как на площади в 3 кв. м внешний край рухнувшей кровли был пробит стальным клином и молотом. Толщина пробитого края карниза навеса — 1 м; ближе к коренной скале она, несомненно, сильно возрастает.

Основная часть стоянки находится, таким образом, под обвалившимся навесом, но был обитаем он, по-видимому, недолго, так как толщина слоя с находками под плитами не превышает 20 см. Падение кровли навеса произошло, очевидно, вскоре после его заселения.

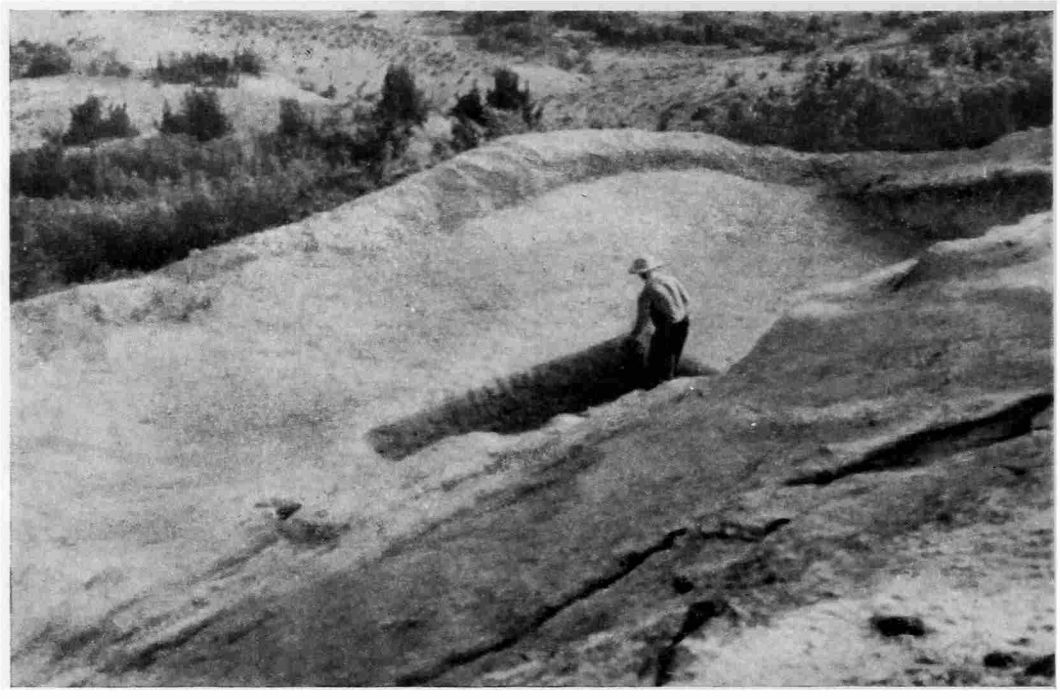

Рис. 5. Общий вид раскопа в Кабази. (Видны отделенный трещиной от коренной скалы обвалившийся карниз навеса и площадка перед ним).

Изучение мустьерских остатков, залегающих под кровлей навеса, потребует затраты больших средств на удаление плит обвала. В 1954—1955 гг. мы не ставили перед собой этой задачи, сосредоточив внимание на исследовании площадки перед навесом с целью сбора материала для характеристики культуры стоянки. На площадке нами изучено около 100 кв. м слоя с находками, последовательно разбиравшегося квадратами размером 1 × 1 м.

Находки культурных остатков включены в плотную желтую глину, залегающую под слоем щебенки без находок, который покрывает и рухнувший карниз навеса. Глина — делювиального происхождения и лежит на склоне правого берега Альмы толстым пластом. Шурф, заложенный на площадке перед навесом, показал, что ниже пола культурного слоя глина идет еще на глубину более 2,6 м. Глубже шурф пробить не удалось, так как он уперся в плиты древнего обвала карниза навеса.

Кремневые изделия и кости животных лежат, начиная от верхней границы слоя желтой глины до глубины 0,8 м (рис. 6). Таким образом, слой с находками на площадке более мощен, чем слой под навесом. Это не случайно. Слой желтой глины с находками не только уходит под плиты кар-

низа навеса, но и заходит примерно на 2 м на край его обвалившейся кровли. По-видимому, после того, как навес обвалился, человек не сразу покинул стоянку, а некоторое время продолжал жить на площадке перед навесом. В этот период, в результате смывания глины с поверхности плато, постепенно исчез уступ между площадкой и краем обвалившегося навеса; заселенная площадка стала шире и перекрыла нижний край кровли. На то, что заселенная площадка захватывала только самый край карниза, указывает отсутствие находок кремня в трещинах, пересекающих верхнюю часть свода навеса. В нижних трещинах найдено довольно много кремневых изделий.

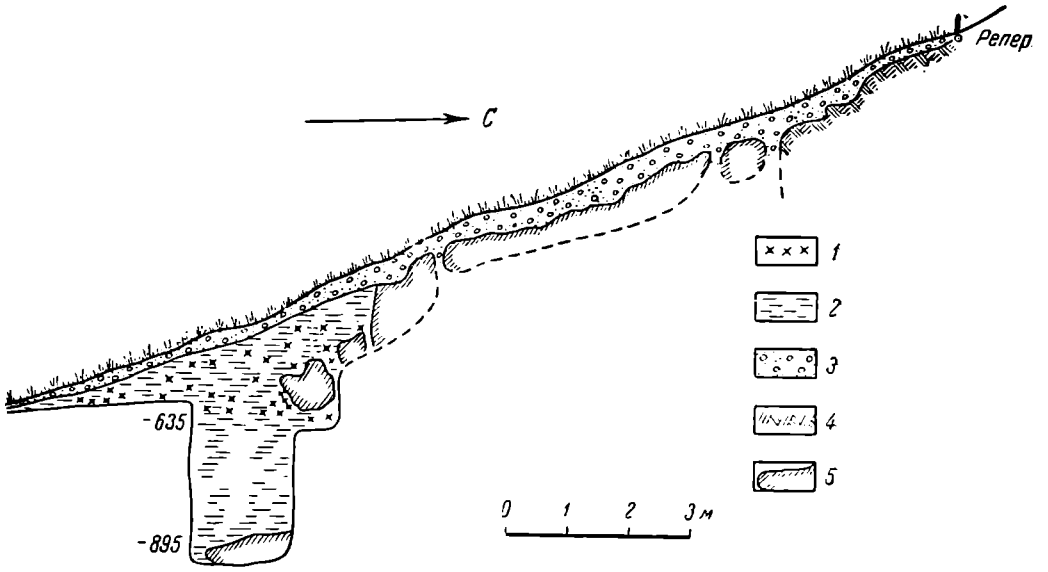

Рис. 6. Типичный профиль отложений, прослеженных при раскопках на стоянке Кабази.

1 — находки культурных остатков; *2* — плотная желтая глина, содержащая культурные остатки: *3* — задернованная беловато-серая щебенка; *4* — коренная скала; *5* — плиты обвала карниза навеса.

В итоге намечается следующая история стоянки. Человек поселился в навесе, весьма удобном для жизни, открытом к югу, защищенном от северных ветров, имевшем большие размеры. Через некоторое время навес обвалился, но люди не бросили стоянку, а продолжали жить на площадке перед рухнувшим навесом. Затем они ушли с этого места, а поверхность обвалившейся кровли навеса и площадку перед ним закрыла осыпь щебенки с поверхности плато.

Разборка слоя желтой глины бесспорно показала, что культурные остатки на площадке лежат in situ, и дала материал для восстановления планировки поселения. На площадке найдены 4 очага. Один очаг на квадрате В-14, диаметром 30 см, был обложен камнями размером примерно 20 × × 10 см. Два других очага (на квадратах Б и В-9 и на квадратах Д и Г-5) имеют диаметр более полуметра. Мощность слоя всех этих очагов невелика — 2—3 см. Большой очаг найден на квадратах Г-7 и Г-8. Размеры его — 1,2×0,7 м. Мощность его слоя — 8 см. Уголь во всех очагах древесный, но на площадке встречаются и единичные костные угли. По определению Г. Н. Лисицыной, древесный уголь принадлежит пихте.

К очагам тяготеют скопления культурных остатков. Можно выделить 5 скоплений кремня; три из них — у очагов: 1) на квадратах Г-13, Г-14,

В-13 и В-14, 2) на квадратах В-8 и В-9, 3) на квадратах В-7, В-8, Г-6, Г-7, Д-6, и Д-7; два скопления — вне очагов: 4) на квадратах Ж-2, Ж-3 и З-2 — близ юго-восточного угла рухнувшего карниза навеса и 5) на квадратах З-9, З-10, Ж-9 и Ж-10 — на нижней части обвалившегося свода навеса. Скоплений костей — два; одно из них (близ очага, на квадратах Д-7, Д-8, Г-7 и Г-8) состояло из множества мелких осколков костей, в другом (близ самого края рухнувшего карниза навеса, на квадратах Е-12, Е-13) найдены нерасколотые кости конечностей лошади.

Рассматривая план площадки перед навесом более обобщенно, мы видим, что центр поселения находился на квадратах Е-6 — Е-12, Д-6 — Д-11. Количество находок здесь очень велико. Так, на квадрате Е-9 найден 171 кремень, на квадрате Д-7—79 кремней. Западная половина раскопа бедна находками. На 28 кв. м линий 15—19 найден лишь один осколок кости. На 8 квадратах этой части раскопа нет находок кремня, на других квадратах находки их единичны (рис. 7). По-видимому, западная половина навеса была мало заселенной. Аналогичное явление известно в Сюреньских гротах, где большое число находок имеется только на одной половине пещер.

План стоянки Кабази интересен потому, что это один из немногих планов, составленных для поселений мустьерской эпохи. На других мустьерских стоянках Крыма составлялись лишь схематические планы, так как при разборке слоя, насыщенного плитами камня, составление детального плана практически невозможно.

Таким образом, Кабази в результате раскопок превратилось из случайного местонахождения кремневых орудий в стоянку, где изучена планировка поселения. Нам удалось не только найти погребенную пещеру и обнаружить участки слоя, откуда смывался материал на склон правого берега Альмы, но и изучить значительную часть жилой площадки. При этом собраны фаунистическая и археологическая коллекции, позволяющие дать характеристику культуры стоянки.

В фауне стоянки В. И. Громовым установлено наличие 5 видов: дикой лошади, дикого осла, сайги, бизона и благородного оленя. Все эти животные обычны и для других памятников крымского мустье.

Коллекция кремня, собранная за 2 года раскопок, превышает 2000 предметов. Как это обычно для слоя на площадке перед пещерой, в находках резко преобладают отходы первичной обработки кремня — осколки, чешуйки, обломки. Кремень — местный, сероватый и черный, покрытый голубой и белой платиной. На ряде квадратов найдены скопления кремней, отколотых от одного желвака, что еще раз говорит о непотревоженности изученного нами слоя с находками.

Общая статистика кремня стоянки Кабази такова (для орудий к материалам раскопок добавлены данные сборов): остроконечников — 32, скребел — 44, двусторонне обработанных орудий — 5, дисков — 35, обломков орудий, отщепов и осколков с ретушью — 56, отщепов — 163, осколков — 1292, обломков — 137, чешуек — 654.

Из кремневых изделий в первую очередь обращают на себя внимание сработанные нуклеусы-диски, редко встречающиеся в мустьерских памятниках Крыма. Их много только в Шайтан-кобе, где, как и в Кабази, на самой стоянке производилась первичная обработка кремня [4]. В Киик-кобе, Чокурче, Волчьем гроте диски не найдены; в Староселье их очень немного. Наличие большого числа дисков в Кабази, где, как

[4] Г. А. Бонч-Осмоловский. Шайтан-коба. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 2, 1930, табл. I. *1*, *?*.

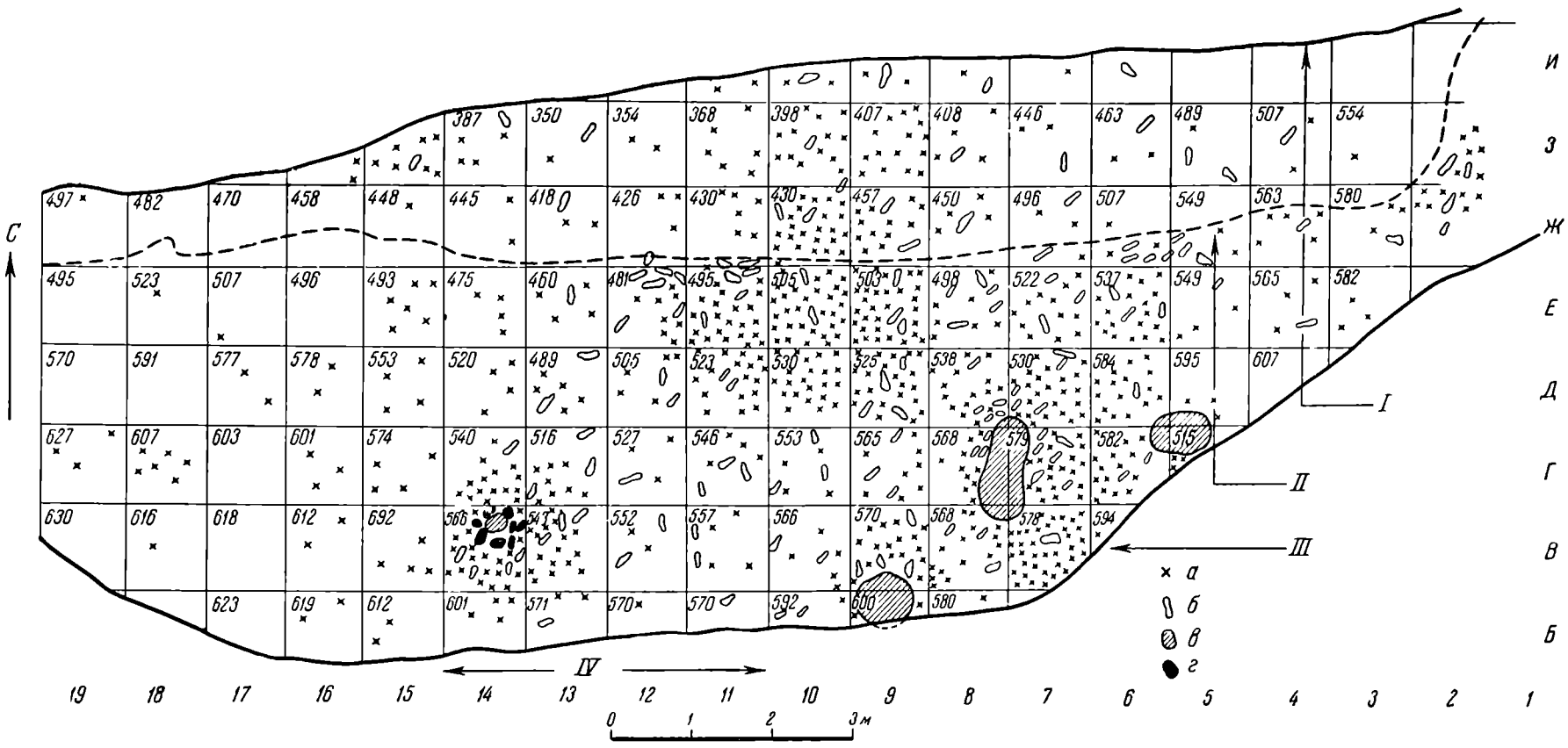

Рис. 7. План южной части раскопа 1954—1955 гг. на стоянке Кабази. (Слой желтой глины, заключающий находки мустьерского времени).

I — граница, до которой доходит слой желтой глины, перекрывающий карниз навеса; *II* — нижний край рухнувшего карниза, перекрытый культурным слоем; *III* — край площадки перед навесом, уступ по дну долины р. Альмы; *IV* — границы раскопа 1954 г.; *а* — находки кремня, *б* — кости животных; *в* — очажные пятна; *г* — камни вокруг очага.

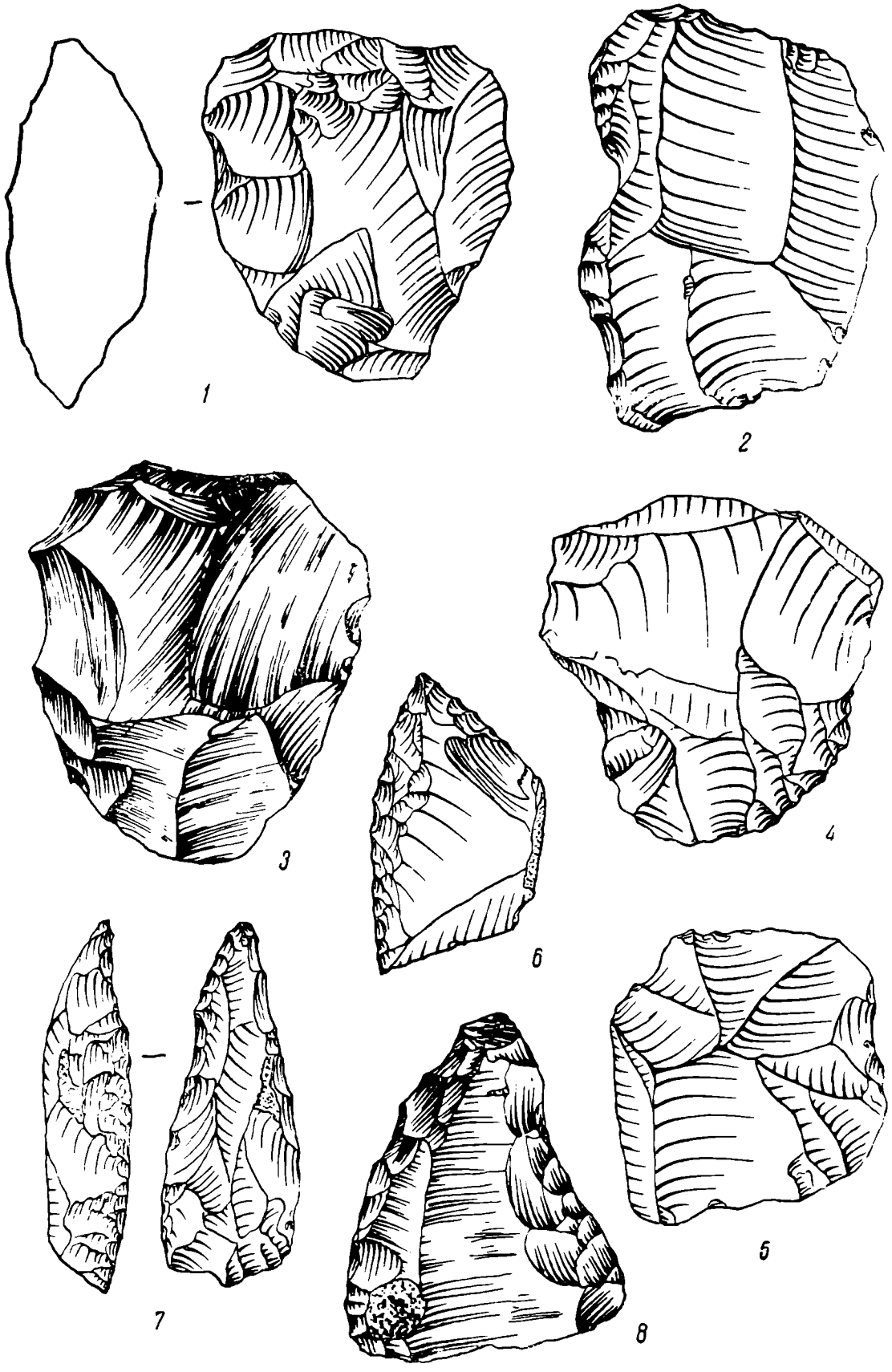

Рис. 8. Кремневые орудия стоянки Кабази (нат. вел.)

1—5 — диски; *6—8*—остроконечники.

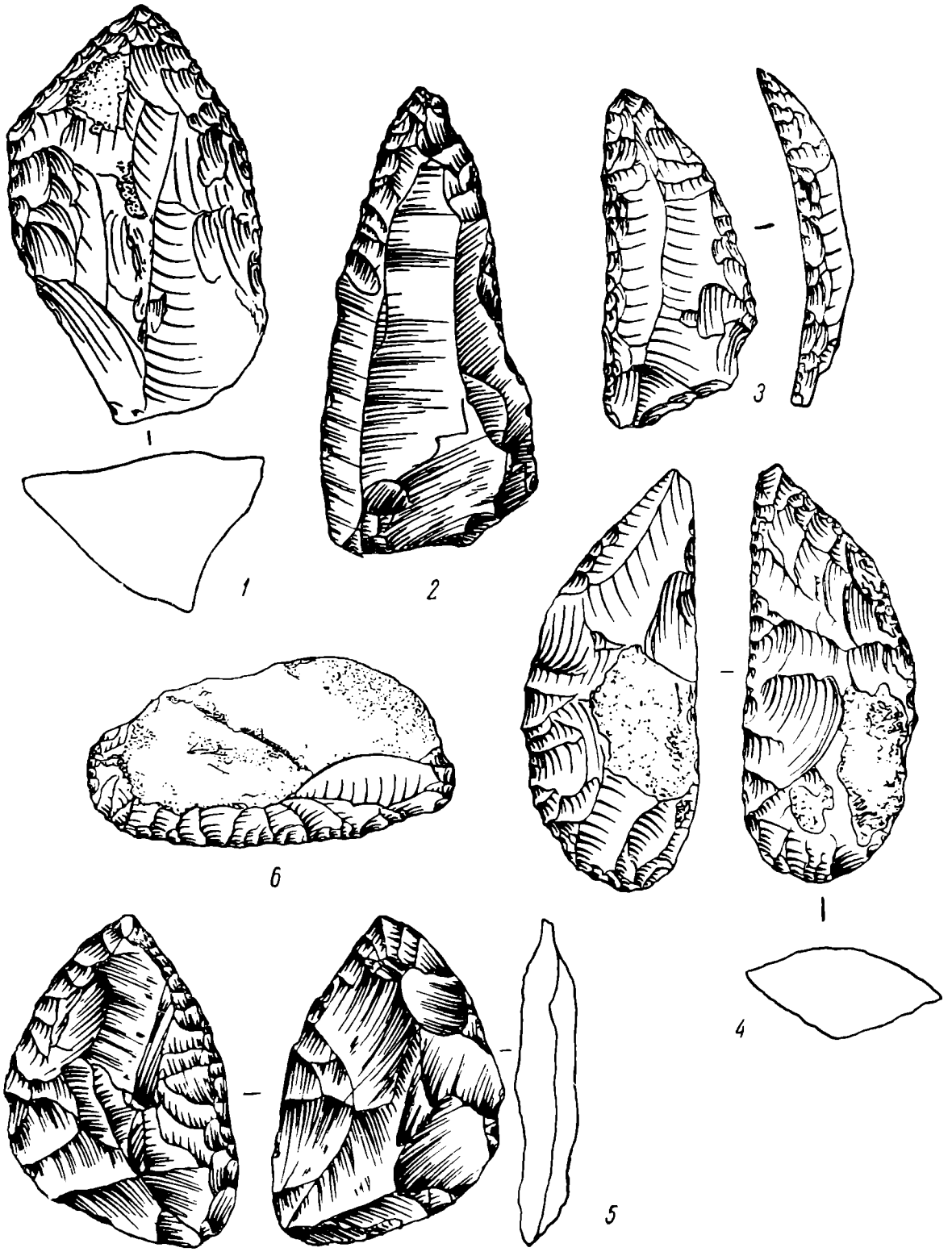

Рис. 9. Кремневые орудия стоянки Кабази (нат. вел.)

1—3 — остроконечники; *4*, *5*—двусторонне обработанные орудия; *6*—скребло.

указывалось, много других отходов первичной обработки кремня, вполне понятно. Диаметр дисков из Кабази — 3—7 см; многие из них использовались как рубящие орудия, о чем говорит вторичная обработка на краях (рис. 8, *1—5*).

Большую серию образуют также скребла (рис. 9, *6*; рис. 10, *4—6*). Они изготовлены на отделенных от дисковидных нуклеусов правильных треугольных отщепах длиной 5—7 см, шириной 3—4 см, толщиной до 1,5 см. Тонких отщепов (0,2—0,4 см) — таких, какие нередко встречаются в позднемустьерской стоянке Староселье,— в Кабази нет. В Староселье из таких отщепов изготовлялись скребла с острым, режущим лезвием, исполнявшие, несомненно, функции ножей[5]. Большинство скребел из Кабази имеет, напротив, массивные, крутые рабочие края. Ретушь часто специально срезает тонкий край отщепа, укорачивает отщеп, чтобы сделать рабочий край более массивным. Такие скребла имели, по-видимому, не столько режущие, сколько скребущие функции (рис. 10, *6*).

Эти особенности характерны не только для крупных скребел, но и для совсем мелких орудий, длиной до 2,5 см, которые встречаются на стоянке (рис. 10, *5*). Мелкие каменные орудия известны в крымском мустье; так, их много в Киик-кобе [6] Появление таких орудий не связано с отсутствием кремня, ибо они найдены и среди крупных орудий — в Волчьем гроте [7], и на месте обработки больших желваков кремня — в Кабази. Видимо, миниатюрные орудия предназначались для выполнения особо тонких работ.

Остроконечники из Кабази изготовлены из крупных отщепов; некоторые из них так же, как и скребла, имеют довольно массивные рабочие края (рис. 8, *6—8*; рис. 9, *1—3*; рис. 10, *2, 3*). Для приострения рабочего края остроконечников, наряду с ретушью, применялось и стесывание мелких чешуек. Этот архаичный прием обработки рабочего края [8] говорит об относительно раннем возрасте стоянки. С другой стороны, правильность отщепов-заготовок и присутствие среди них некоторого числа пластинчатых сколов не позволяют сильно углублять датировку стоянки. Перед нами четко выраженные формы остроконечников и скребел, типичные для развитой мустьерской эпохи. Характерные для позднего мустье Крыма, для Староселья и Шайтан-кобы асимметричные остроконечники, близкие к остриям типа шательперрон, и остроконечники с резцовыми сколами в Кабази не представлены.

Четвертую группу орудий образуют небольшие двусторонне обработанные изделия типа ручных рубил, имеющие миндалевидную форму, линзовидное сечение и прямые рабочие края. В Кабази их найдено мало, целых экземпляров — только три (рис. 9, *4, 5*). Небольшое число подобных орудий отличает стоянку от ряда других мустьерских памятников Крыма. Так, в Чокурче данный тип изделий составляет 24% всех орудий [9]. Много ручных рубилец в Киик-кобе и Староселье (около 15% всех орудий).

Единственным экземпляром представлено в Кабази двусторонне обработанное орудие, которое можно определить как наконечник копья.

---

[5] А. А. Формозов. Стоянка Староселье близ Бахчисарая. СЭ, № 1, 1954, рис. 8, *7*, рис. 9, *17*.

[6] Г. А. Бонч-Осмоловский. Палеолит Крыма, вып. 1. Грот Киик-коба. М.—Л., 1940, табл. VI, VII, XII, XIV.

[7] О. Н. Бадер. Исследование мустьерской стоянки у Вольчего грота. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 96.

[8] Ср., например, С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937, стр. 14.

[9] Н. Л. Эрнст. Четвертичная стоянка в пещере Чокурча. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, М.—Л., 1934, стр. 196.

Оно обработано с одной стороны плоскими сколами, а с другой — выпукло. Оба конца орудия заострены (рис. 10, *1*). Листовидные формы, как известно, встречаются в мустьерских памятниках [10], но для Крыма они

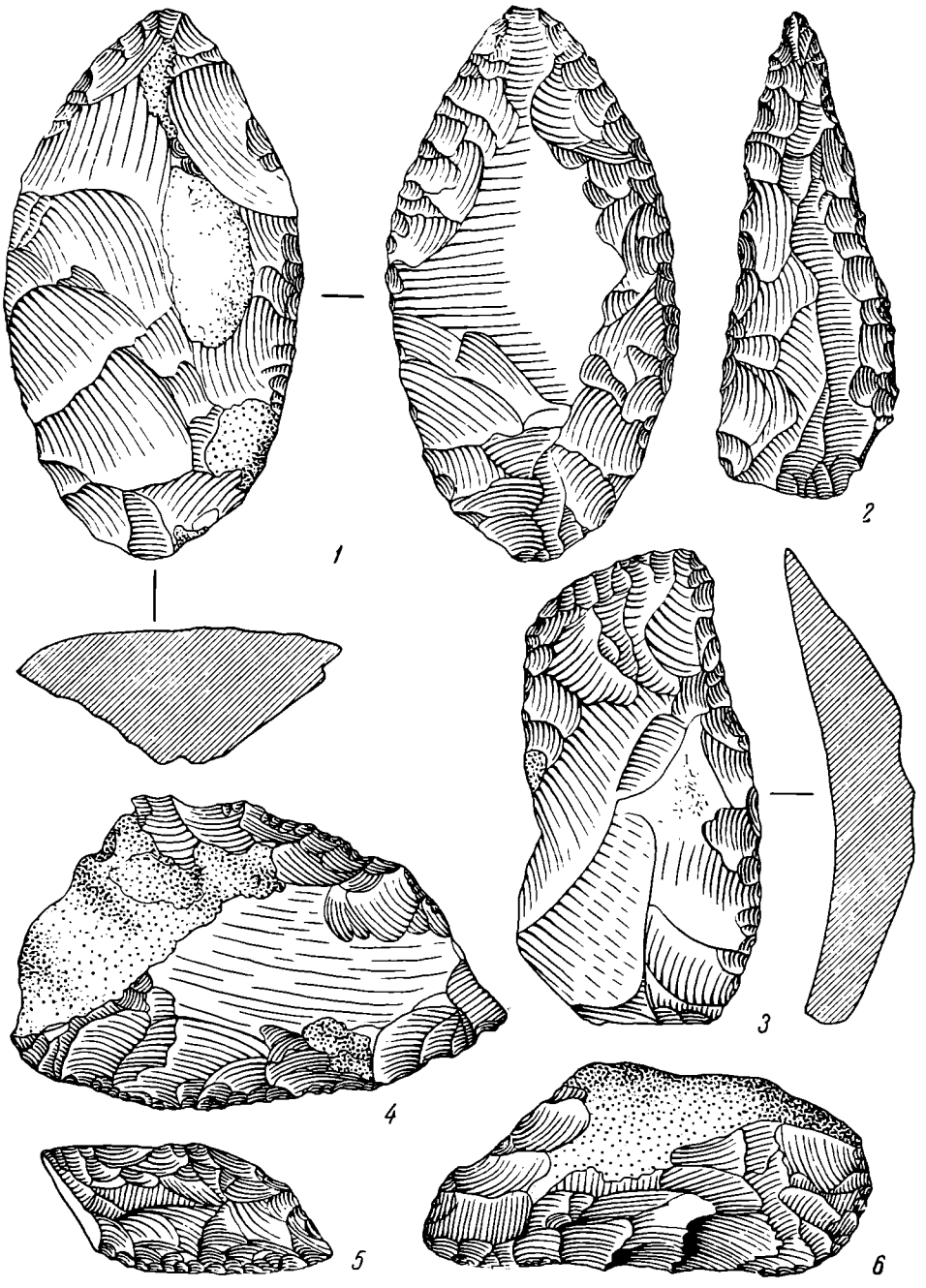

Рис. 10. Кремневые орудия стоянки Кабази ($^{7}/_{8}$ нат. вел.)
1—наконечник копья; *2*, *3*—острокопечники; *4*—*6*—скребла.

отмечаются только во второй раз. Первая находка орудий этого типа сделана в Староселье, где имеются и двусторонне-, и односторонне обработанные лавролистные наконечники.

[10] G. F r e u n d. Die Blattspitzen des Paläolithikums in Europa. Bonn, 1952.

Рассматривая инвентарь памятника в целом, мы можем отнести стоянку Кабази к середине мустьерского времени. Здесь нет, как в Староселье и Шайтан-кобе, орудий, близких к позднепалеолитическим типам: резцов, острий, скребков и многочисленных пластинчатых отщепов с ретушью. Нет здесь и большого числа архаических черт в технике раскалывания кремня и в типах орудий, которые характеризуют такие мустьерские стоянки, как Выхватинцы, Киик-коба или Арзни. Кабази дает законченные типы мустьерских орудий, без каких-либо поздних признаков.

Ближайшую аналогию из крымских стоянок к Кабази можно видеть в Волчьем гроте с его четко выраженными формами скребел и остроконечников.

Датировка Кабази эпохой развитого мустье хорошо согласуется с геологическими данными. Стоянка расположена очень высоко над дном долины — в 130 м над уровнем Альмы. Из крымских стоянок только Киик-коба лежит еще выше (150 м); Волчий грот, Чокурча, Шайтан-коба и Староселье расположены много ниже Кабазинской стоянки (от 10 до 30 м). Как известно, геологи установили соответствие между высотным положением стоянок над долинами крымских рек с различиями в их датировке [11]. Данные о стоянке Кабази вполне согласуются с этой схемой.

Хорошо подтверждают наш вывод об относительно ранней — в пределах мустьерской эпохи — датировке стоянки и анализы возраста костей из раскопок в Кабази. Анализ костей методом прокаливания [12], проведенный И. Г. Пидопличко, дал следующие коэффициенты прокаливания: 603, 600, 566, 568, 589, 593. Сравним с цифрами, полученными для позднемустьерских памятников Крыма: Чокурча — 405, 481; Староселье — 402, 418, 495, 472, 344, 367, 361, 320.

Кабази — шестая мустьерская стоянка, широко исследованная в Крыму. Ранее изучены Киик-коба, Чокурча, Шайтан-коба, Волчий грот и Староселье. Дополняют наши представления о мустьерской эпохе в Крыму небольшие коллекции из пещер Чагарак-коба и Аджи-коба и с местонахождений Замрук, Бахчисарай, Эфендикой, Майрам-дере, балка Осипова [13]. Такое относительное обилие материала позволяет провести не только хронологическую, но и культурную градацию стоянок.

До недавнего времени наиболее характерными для крымского мустье памятниками считались Киик-коба и Чокурча — стоянки, содержащие большое число мелких двусторонне обработанных орудий. Резко отличается от этих стоянок Шайтан-коба, где таких орудий фактически совсем нет. Но эта стоянка содержит большое число изделий, близких по типу к позднепалеолитическим, в связи с чем особенности кремневого инвентаря Шайтан-кобы считались только хронологическими [14].

Раскопки стоянки Староселье позволили пересмотреть это положение. В Староселье не меньше поздних типов орудий, чем в Шайтан-кобе (пластинчатые отщепы, острия типа шательперрон, резцы, нуклеусы, близкие к коническим); однако двусторонне обработанные орудия здесь многочисленны [15]. В последнее время стали относить к позднему мустье и Чокур-

[11] Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма. Бюллетень Московского об-ва испытателей природы, Отд. геол.,т.XVIII, вып. 2, 1940, стр. 42, 43.

[12] И. Г. Пидопличко. Новый метод определения геологического возраста костей четвертичной системы. Киев, 1952.

[13] Обзор данных о мустье Крыма см. П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 190—204. Новые материалы — А. А. Формозов Исследование стоянок каменного века в Крыму в 1952 г. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 62—67

[14] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, М.—Л., 1934, стр. 143.

[15] А. А. Формозов. Стоянка Староселье..., стр. 21.

чинскую стоянку [16]. Следовательно, в позднемустьерское время в Крыму существовали, наряду со стоянками с инвентарем, изготовленным почти исключительно из отщепов, и стоянки с большим числом двусторонне обработанных орудий.

Стоянка Кабази показывает, что то же имело место и в эпоху развитого мустье. Этот памятник, несомненно, древнее Шайтан-кобы, а двусторонние формы для него так же мало характерны. Таким образом, в мустьерскую эпоху в Крыму сосуществовали стоянки с разного типа инвентарем. Параллельное существование стоянок с большим числом двусторонне обработанных орудий типа рубил и стоянок с инвентарем, изготовленным на отщепах, хорошо известно для шелльского и ашельского времени [17] Исследование мустьерских стоянок Крыма позволяет говорить о том, что это явление сохранялось и в мустьерскую эпоху. Возможно, что именно с этими традициями в обработке кремня связано одновременное появление в начале позднего палеолита ориньякских стоянок с односторонне обработанными орудиями из пластин и раннесолютрейских стоянок с двусторонне обработанными орудиями. Последние, как показывают новейшие исследования, имеют прототипы в мустьерских «рубильцах» и наконечниках.

Таким образом, раскопки в Кабази дали новый интересный материал для характеристики мустьерской эпохи в Крыму. Но основное значение этих раскопок — в обнаружении погребенной пещеры. Удача первого опыта поисков погребенной пещерной стоянки говорит о возможности широких исследований в этом направлении.

В Крыму, несомненно, имеется много погребенных пещер. При раскопках стоянок Староселье, Волчий грот, Сюрень 1, Качинский навес, Таш-Аир обнаружены мощные слои плит, упавших при обвалах свода пещер.

В результате обвалов в Волчьем гроте и Староселье большие участки площади пещер оказались совсем лишенными кровли. Бесспорно, что ряд пещер при таких обвалах должен был разрушиться целиком.

Некоторые крымские пещеры закрыты, вероятно, осыпями и оползнями. К числу таких памятников можно отнести Бахчисарайское местонахождение. Условия его расположения очень близки к условиям находок в Кабази. Кремневые орудия включены в слой щебенки на средней части склона правого берега р. Чуруксу. Выше поднимаются обрывы известняковых скал. Раскопки Д. А. Крайнова показали, что находки на склоне залегают в переотложенном состоянии, выше же как будто прослеживается свод засыпанного навеса [18].

Д. А. Крайновым собраны сведения и о другой погребенной пещере в Крыму, расположенной близ с. Эфендикой в низовьях Качи. Нами на месте этой пещеры, разрушенной каменоломней, найдены мустьерские орудия [19].

Погребенные пещеры есть, конечно, и в других районах нашей страны. Так, имеются данные о том, что Зуртакетское местонахождение в Грузии представляет собой обрушившийся навес, закрытый лавовыми отложения-

---

[16] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 201.

[17] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Труды Института этнографии Академии наук СССР, т. XVI 1951, стр. 110.

[18] Д. А. Крайнов. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 9, 1947, стр. 23—28.

[19] А. А. Формозов. Исследование стоянок каменного века в Крыму..., стр. 67.

ми [20]. Недавно И. А. Сагинадзе нашел палеолитическую стоянку в погребенной пещере, обнаруженной при взрывных работах на р. Цхалцителе близ Кутаиси. [21]

В ближайшие годы исследование погребенных пещер в СССР должно быть широко развернуто. Что же касается самой стоянки Кабази, то на ней необходимо продолжить раскопки под обвалившейся кровлей навеса, изучив планировку поселения, к чему имеются, как мы видели, все возможности. [22]

---

[20] К. Н. Паффенгольц. К стратиграфии вулканогенных толщ Джавахентского нагорья. Сборник трудов Института геологии и минералогии Академии наук Груз. ССР, Тбилиси, 1951.

[21] И. А. Сагинадзе. Погребенная пещера, «Природа», № 9, 1958, стр. 113.

[22] В 1956 г. автором найден новый мустьерский памятник типа Шайтан-кобы — навес в Холодной балке под Симферополем.

Д. Я. ТЕЛЕГИН

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ СЕВЕРНОГО ДОНЦА

Изучение истории неолитического населения долины Северного Донца началось еще в конце XIX в.[1] Благодаря работам В. А. Городцова, П. П. Ефименко и особенно Н. В. Сибилева, посвятившего обследованию бассейна Донца около 20 лет жизни, в этом районе было обнаружено несколько десятков неолитических поселений. Собранный на дюнах неолитический инвентарь исчисляется десятками тысяч экземпляров. К сожалению, эти находки добыты главным образом путем сбора подъемного материала на местах развеянных стоянок. Это значительно усложняло вопрос о культурно-хронологическом месте находок.

В 1929 г. П. П. Ефименко после изучения коллекции Н. В. Сибилева предложил хронологическое расчленение донецких стоянок на 2 группы [2]. К первой из них, синхронной тарденуазской культуре Западной Европы, были отнесены стоянки, характеризующиеся мелким, обычно патинизированным в молочно-белый цвет, микролитическим инвентарем — трапециями, пластинками со скошенным концом, сегментами, а также концевыми или округлыми скребками, угловыми резцами и т. д. Культурный слой этих стоянок, по мнению исследователя, не сопровождался находками керамики.

Стоянки второй группы были датированы ранненеолитическим (кампинийским) временем. Кремневый инвентарь этой группы состоит из грубых макролитических орудий — топоров, пиков, больших скребков на отщепах, грубо оббитых ножей и т. п.

Несмотря на то, что в основу этого хронологического расчленения кремневого инвентаря был положен исключительно подъемный материал и что оно проведено без учета керамики, его значение для археологической науки было весьма важным. По существу это была первая в советской археологической науке попытка определить хронологическое место отмеченных выше групп кремневого инвентаря и наметить пути развития кремневой техники.

Как известно, этой периодизации придерживался Н. В. Сибилев. В советской археологической печати разделение донецких неолитических

[1] В. Спесивцев. Находки в Райгородке. Труды XII АС, т. I, М., 1905; Н. А. Федоровский. Древности окрестности с. Райгородка Изюмского уезда. Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902.

[2] П. П. Ефименко. Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма. «Старовинності Ізюмщини», вып. III. Изюм, 1928.

материалов на микролитическую и макролитическую группу сохраняется до настоящего времени [3].

Однако за последнее время, в связи с дальнейшим изучением неолитических и энеолитических культур Украины, возникла известного рода трудность в согласовании этого расчленения донецких материалов с периодизацией неолитических памятников соседних территорий, в частности Надпорожья. Еще на материалах Днепростроевской экспедиции А. В. Добровольским был доказан ныне общепризнанный факт существования микролитических орудий на протяжении всего неолита [4]. С другой стороны, в настоящее время известно много примеров, говорящих о бытовании техники двусторонней оббивки в поздненеолитическое и энеолитическое время [5].

Решение вопроса о периодизации неолитических памятников Донца требовало новых полевых исследований, которые и были осуществлены Донецкой экспедицией в 1950—1951 гг [6]. После археологической разведки, во время которой был обследован отрезок Донца на участке от м. Савинцы Харьковской области до устья р. Деркул, автором раскопано 6 неолитических стоянок — Миньевский Яр, Бондариха 2, Устье Оскола 1 и 2, Яремовка 1 и Студенок 5.

Изучение коллекций, добытых раскопками, а также донецких материалов в музеях Украины, Москвы и Ленинграда позволяет прежде всего отказаться от терминов «микролиты» и «макролиты», употребляемых для обозначения исторических периодов.

Сейчас можно говорить о 3 последовательных периодах в развитии культуры Донеччины в послепалеолитическое время: ранний неолит [7], развитой и поздний неолит.

В поздненеолитическое время существовали уже синхронные памятники различных культурных групп. В частности, здесь были стоянки носителей культуры гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамики.

Ранненеолитические памятники Донца представлены небольшим количеством стоянок (Миньевский Яр 1 — верхний горизонт, Дроновка, Щуровка), среди которых раскопками исследована лишь одна — Миньевский Яр 1. Общим для стоянок этой группы является прежде всего то, что все они локализуются на низких лёссовых террасах коренного берега на высоте 10—12 м над летним уровнем реки; глубина залегания культурного слоя зависит от толщины чернозема. Стратиграфически культурный слой связывается с верхними горизонтами суглинка непосредственно под слоем чернозема. Культурный слой обычно богато насыщен отходами кремневого производства и орудиями труда. Встречаются ракушки Unio, кусочки охры. Керамика не обнаружена. Фауна изучена слабо. На стоянке в Миньевском Яру найдены кости благородного оленя; в культурном слое Дроновской стоянки, где проводились разведочные работы, часто встречались кости мелких животных — выхухоли, выдры и т. п.; кости домашних животных не обнаружены.

Техника расщепления кремня на этих стоянках отражает тот период, когда еще были живы палеолитические традиции получения грубоватых небольших пластин; но уже отмечено появление микролитических нукле-

[3] См. А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, гл. 9 и 10.

[4] А. В. Добровольский. Неолітичні стоянки Надпоріжжя. Науковий архів Інституту археології АН УРСР, ф. 12, № 29.

[5] Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр. КСИИМК, вып. XXXVII, 1952, стр. 41—63.

[6] Экспедиция работала под руководством П. Ф. Левицкого.

[7] Группа памятников, которая часто датируется мезолитическим временем.

усов (рис. 1, *1*), трапеций и пластинок со скошенным краем. В этом плане стоянки типа верхнего горизонта Миньевского Яра тесно примыкают к Рогалик-Якимовской стоянке, которая хронологически, очевидно, непосредственно предшествует Миньевскому Яру 1.

Характерная особенность стоянок раннего неолитического времени Донеччины — появление в это время примитивных траншевидных топоров. Уже при раскопках Рогалик-Якимовской стоянки исследователем было отмечено наличие «транше» [8]. Одно из них имело лезвие, образованное

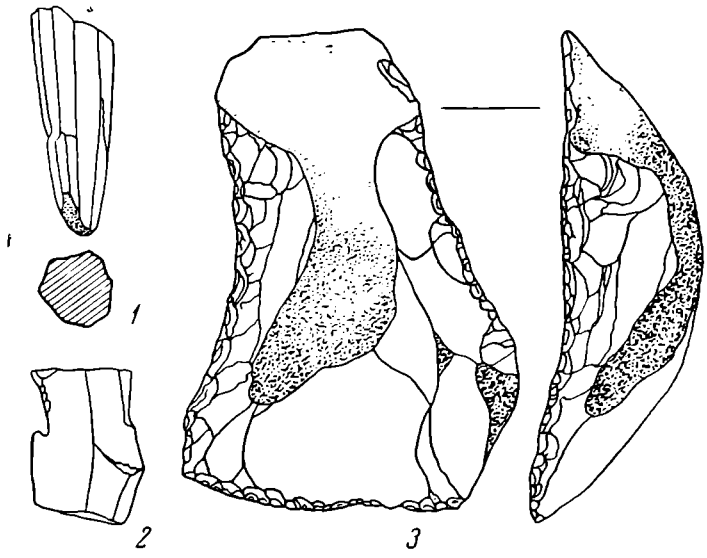

Рис. 1. Кремневый инвентарь ранненеолитического (мезолитического) времени из Миньевского Яра.

двусторонним стесыванием; боковые грани орудия затуплены грубой «вертикальной» ретушью. На втором топоре этого типа ясно заметны следы его употребления в качестве рубящего орудия. Как лезвие здесь был использован острый край отщепа. Эти орудия не имеют постоянной формы; их размеры и очертания всецело зависят от формы и величины кремневой заготовки. Об употреблении этих орудий в качестве рубящих говорит наличие в Рогалике костей с глубокими зарубками на их поверхности.

По сравнению с рубящими орудиями Рогалика траншевидные топоры Миньевского Яра выглядят значительно совершеннее (рис. 1, *3*). Правда, лезвие у этих орудий чаще всего не сформировано, но на их боках уже имеется хорошо выраженный перехват, образованный крутой ретушью. Обе плоские поверхности орудия еще лишены следов обработки. Эти топоры использовались, очевидно, в рукоятках. На одном из них сохранились следы лощения на перехвате. Топоры из Миньевского Яра 1 типологически близки к «транше» со стоянок Прибалтики [9]. На Украине аналогий мы знаем немного. Топорики без следов подправки лезвия известны, например, на Волыни (Сапонов).

Другие орудия ранних донецких стоянок менее характерны: крупные скребки на отщепах или на конце грубоватой пластины; резцы, главным

[8] См. «Доисторический очерк Средней Донеччины». Луганск, 1930, табл. 34, рис. 1, 2.

[9] См., например, O. M o n t e l i u s. Minnen från vår forntid. Stockholm, 1917, рис. 22, 30.

образом двух типов — угловые (рис. 1, *2*) и двусторонние с подретушированным концом; последний тип резца — характерное орудие для донецких памятников, бытовавшее на протяжении всего неолита. Микролитические формы на мезолитических стоянках немногочисленны. С Миньевского Яра 1 и Дроновки известны трапеции, пластина со скошенным краем. Микролиты изготовлялись из сравнительно крупных грубоватых пластин.

В целом кремневый инвентарь стоянок типа Миньевского Яра 1 носит архаический характер. Здесь распространен примитивный тип топора-«транше», который почти совершенно исчезает ко времени ранних дюнных стоянок (Петровские, Дробышево 1); здесь еще нет топорика-резака, нашедшего широкое распространение на дюнных стоянках. Техника расщепления кремня и получения микропластин еще не достигла совершенства, свойственного более поздним этапам неолита Донеччины. Памятники типа Миньевского Яра 1, по-видимому, вырастают из более ранних мезолитических стоянок этого района (Рогалик 1).

Стоянки развитого неолита Среднего Донца исследованы значительно лучше. Для характеристики этого периода в нашем распоряжении имеются комплексы, добытые в процессе стационарных раскопок (Бондариха 2, Устье Оскола 2 — нижний горизонт, Студенок 5, Яремовка 1). Кроме того, к этому периоду может быть отнесен целый ряд находок кремневого инвентаря, собранного в свое время на развеянных дюнах. Микролитические орудия памятников этого времени П. П. Ефименко и Н. В. Сибилев относили к «микролитической» культуре и датировали тарденуазским временем.

Стоянки развитой поры неолита располагаются обычно на высоких участках дюп, на окраине боровой террасы (рис. 2, *1*). Иногда они локализуются также на отдельных возвышениях среди луга; высота их расположения над летним уровнем Донца — 6—7 м.

Культурный слой на стоянках, оставленных обитателями этого времени, залегает обычно в средней части подпочвы — в серо-буроватом песке. Такая стратиграфия отмечается для стоянок Бондариха 2 и Устье Оскола 2, но культурный слой Студенка 5 стратиграфически залегает значительно глубже; он раскрыт нами в самом основании подпочвенного слоя при переходе желто-бурого слоя в светлый песок — основание дюны. В этом смысле стоянка в значительной степени напоминает условия залегания стоянок Дробышево 1 и Пришиб, которые хронологически стоят, по-видимому, на грани раннего и развитого неолита Донеччины.

Культурный слой по цвету не отличается от песка, в котором он погребен. Лишь на местах древних кострищ заметно некоторое потемнение песка, что является следствием наличия зольных остатков, которые к тому же несколько цементируют песок. Слой всегда насыщен громадным количеством кремня, обычно патинизированного в белый цвет. Встречаются фрагменты керамики, кусочки охры и т. п. Костяные изделия, а также остеологический материал не сохраняются.

Кремневый инвентарь многочисленный и разнообразный. Лучше всего он представлен на стоянке Бондариха 2. Этот комплекс мы кладем в основу всей группы памятников [10]. Нуклеусы делятся на типично микролитические (рис. 3, *2*) и нуклеусы, плохо ограненные, значительных размеров (рис. 3, *1*). Микролитические нуклеусы составляют пятую-шестую часть всего количества нуклеусов. На их поверхности имеются многочисленные (иногда до 20) фасетки от снятых микропластин. Крупных, плохо

[10] Д. Я. Телегін. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха. «Археологія», IX, 1954.

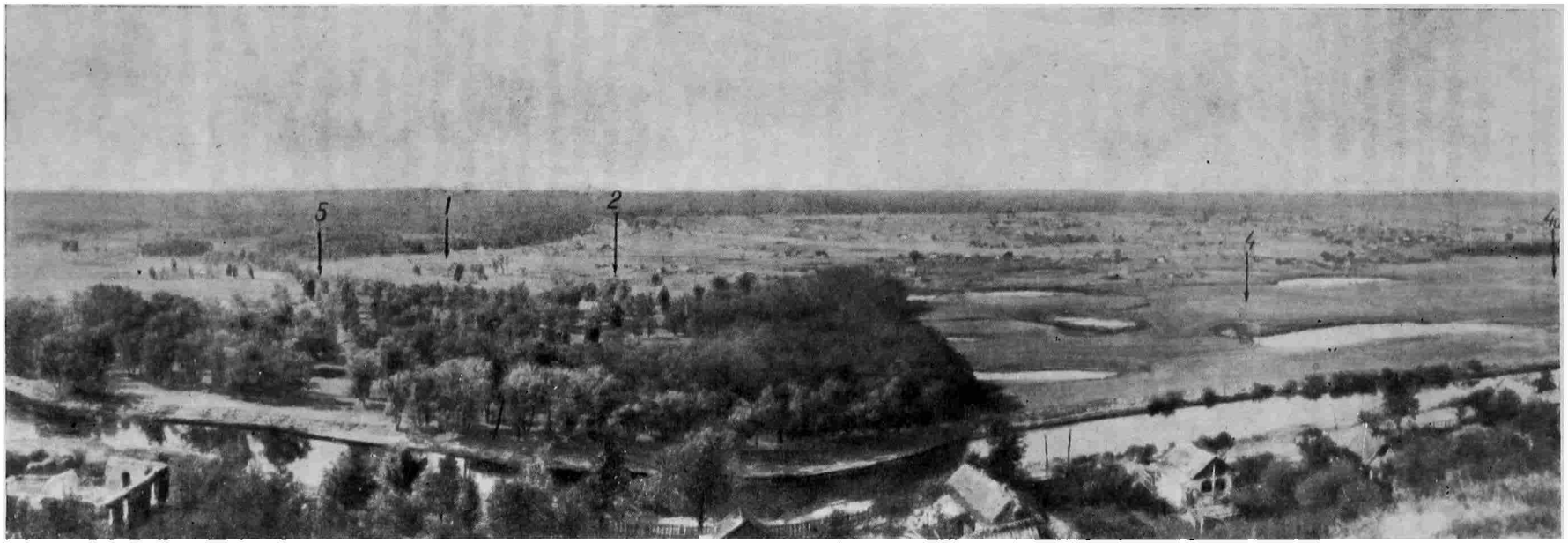

Рис. 2. Топографические условия расположения неолитических стоянок в окрестностях г. Изюма (цифрами *1*, *2*, *4*, *4а*, *5* обозначены номера стоянок).

ограненных конических нуклеусов — преобладающее большинство. Фасетки на их поверхности не имеют той правильности, которая свойственна микролитическим нуклеусам. Значительная часть нуклеусов этой группы имеет ровную боковую поверхность, где снятие пластин не производилось. Иногда боковая поверхность формировалась мелкими сколами. Необходимо отметить, что имеется ряд переходных форм, которые трудно отнести к какой-либо группе.

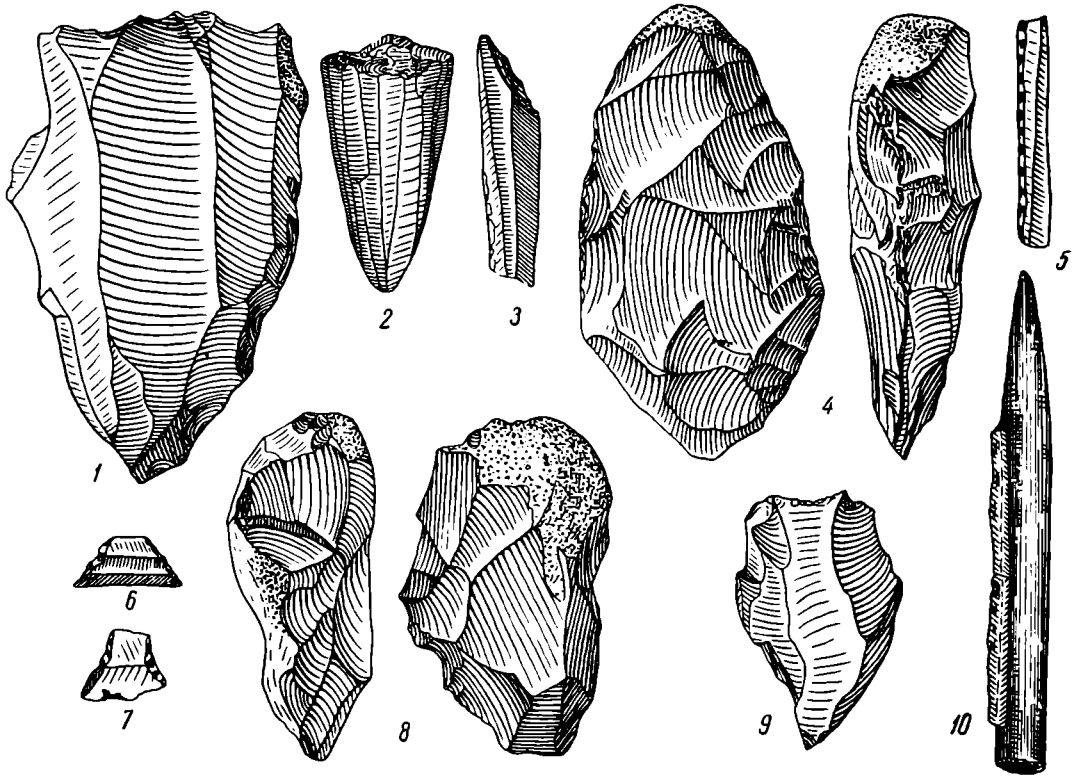

Рис. 3. Кремневый инвентарь развитого неолита по Северному Донцу (*1—9*). Костяной наконечник с кремневыми вкладышами из-под Изюма (*10*).

1, 5—Устье Оскола 2; *2,7*— Бондариха 2; *3, 4, 6, 9*—Студенок 5; *8*—Яремовка 1; *10*—Изюм.

Соответственно нуклеусам пластины также делятся на 2 группы: микролитические и грубоватые, плохо ограненные. Техника изготовления микропластин на стоянках этой поры неолита достигала наивысшего развития. Эти пластины отличаются исключительной правильностью огранения, незначительной толщиной и чаще всего трапециевидным сечением. Ударный бугорок микропластин миниатюрный; ударная площадка представляет собой точку. Крупные пластины ограничены менее правильно; они обычно толстые в сечении.

Как микролитические, так и крупные пластины являются своеобразным полуфабрикатом для изготовления различных кремневых орудий. Впрочем, значительное количество орудий на этих стоянках изготовлено из отщепов.

В зависимости от характера материала, шедшего на изготовление орудий, а также способов их применения все кремневые орудия стоянок этого времени можно разделить на 2 группы. К первой мы относим макролитические формы, т. е. орудия, изготовленные путем двусторонней оббивки — топоры-резаки, клинья, землекопательные орудия; ко второй — микролитические изделия: трапеции, пластины с затупленной спинкой и ско-

шенным краем. Кроме того, значительную группу инвентаря составляют скребки, резцы, скобели, ножи, проколки и другие орудия, которые трудно причислить к одной из отмеченных выше групп.

Макролитические формы использовались главным образом в процессе обработки дерева, микролитические орудия шли на оснащение метательных охотничьих орудий.

Основным инструментом для обработки дерева в это время был топорик-резак (рис. 3, *4*). Это овальное в поперечном сечении, продолговатое орудие размером около 90 × 50 мм. Топорики-резаки изготовлялись из небольших желвачков или обломков крупных конкреций путем нанесения систематических боковых сколов с обеих сторон орудия. Рабочий край в виде округлой острорежущей грани также сформирован боковым сколом. Топорики-резаки очень напоминают пиковидные орудия. Они значительно отличаются от рубящих орудий более ранней группы донецких стоянок. Орудия типа топорика-резака весьма многочисленны на неолитических стоянках Донца [11]; они так же широко распространены и в лесостепной части Украины, например на Волыни (урочище Песчаное) [12] и на Смячкинских стоянках Десны [13].

По технике изготовления к топорикам-резакам близко стоят клинья (рис. 3, *8*). Они тоже изготовлены путем двусторонней оббивки. На обушковой части клина заметны следы многократных ударов.

На стоянках обнаружено также значительное количество сверл, изготовленных из крупных, треугольных в сечении, пластин. Об использовании этих орудий в качестве сверл свидетельствует характер сработанности в виде противоположно направленных сколов, соответствующих круговому движению орудия во время работы.

Перечень двусторонне сформированных орудий был бы неполным, если бы мы не упомянули еще одно интересное орудие, обнаруженное в слое стоянки Яремовка 1. Типологически оно напоминает топорик-резак, но имеет несколько бо́льшие размеры и, главное, изготовлено из песчаника. Исходя из формы и размеров орудия, а также материала, из которого оно сделано, нужно полагать, что это орудие применялось при копке земли. Возможно, что часть топориков-резаков также следует считать наконечниками землекопательных орудий.

Своеобразие техники изготовления двусторонне оббитых орудий Донца проявилось в наличии большого количества так называемых сколов с топориков. Эти сколы — результат формирования и «оживления» лезвия топорика-резака; на неолитических стоянках Донца они встречаются десятками экземпляров [14].

Микровкладышевые орудия на стоянках средней поры неолита Донеччины имели довольно широкое применение. Об этом свидетельствует большое количество микролитических пластин и их сечений.

Пластины с затупленной спинкой в это время достигли совершенства (рис. 3, *5*). Они изготовлялись из тонких микролитических пластин, имевших обычно трапециевидное сечение. Одна сторона пластины и оба ее конца оббиты крутой краевой ретушью; другая сторона не имеет никакой подправки. Прямых аналогий изделиям этого рода с донецких стоянок

[11] М. В. Сібільов. «Старовинності Ізюмщини», вып. IV, Ізюм, 1930, табл. XXXVII.

[12] І. Ф. Левицький. Стація в ур. Піщаному біля Народич. «Антропологія», IV, 1931, рис. 10, *4*.

[13] М. Я. Рудинський. Передісторичні розшуки у Північно-Східній Чернігівщині. Кор. звід. за 1925 р., 1926, рис. II, *22*.

[14] Д. Я. Телегін. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха. «Археологія», IX, 1954, табл. I, *17*.

на Украине мы не знаем. Острия с затупленной спинкой некоторых комплексов, не содержащих керамики (например Кудлаевки), по технике изготовления и совершенству формы далеко уступают донецким образцам. Интересно, что среди кремневого инвентаря некоторых степных позднеолитических памятников, например Мариупольского могильника, также имеются пластины с затупленной спинкой, которые здесь, однако, приобретают крупные размеры [15].

Пластины с затупленной спинкой, как и многочисленные на стоянках этой поры обломки микропластин без следов повторной обработки, служили, по всей вероятности, вкладышами в костяные или деревянные наконечники копий и гарпунов. Это подтверждается находками подобных орудий. Обломок костяного гарпуна с сохранившимися в пазах вкладышами был, например, обнаружен в русле Северного Донца около г. Изюма [16] (рис 3,*10*). Второй целый костяной наконечник с пазом для вкладышей известен из-под с. Дроновки.

На стоянках развитого неолита широко распространены орудия, которые объединяются под названием пластин со скошенным концом (рис. 3,*3*). Они сделаны также из микролитических пластин, но обычно более крупных размеров. При их изготовлении пластину ломали наискось и сторону излома ретушировали.

Самой распространенной группой микролитических изделий на стоянках этого времени являются трапеции. По форме они несколько различны: высокие и более удлиненные (рис. 3, *6*, *7*). Как правило, все трапеции изготовлялись из микролитических пластин; лишь в отдельных случаях можно отметить экземпляры, сделанные из отщепов. Однако на Донце, за небольшим исключением, отсутствуют высокие трапеции типа «малого транше», широко представленные в более северных районах УССР. Края трапеций подправлены крутой краевой ретушью. У более высоких экземпляров края обычно вогнуты [17], а у удлиненных — ровные или даже выгнутые; в последнем случае они несколько напоминают сегменты. Типичных сегментов на донецких стоянках обнаружено очень мало.

В качестве режущих орудий — ножей использовались крупные пластины. Эти орудия часто имеют следы использования — выщербленность, иногда залощенность.

Скребки представляют самую многочисленную группу кремневого инвентаря. Материалом для их изготовления служили крупные пластины и отщепы. Мелких скребков немного. Миниатюрные округлые скребки почти совсем отсутствуют. Типологически все скребки можно разделить на 2 группы: концевые на пластинах и округлые, изготовленные из отщепов [18]. Округлые скребки, в отличие от концевых, часто имеют не только крутую формирующую ретушь, но и плоскую, далеко заходящую на спинку орудия. Очевидно, часть из них использовалась в качестве режущих орудий. Как увидим ниже, тип режущих скребков довольно широко применялся в позднем неолите.

По количеству экземпляров после скребков второе место занимают резцы. Типологически эти орудия также делятся на 2 группы: двусторон-

---

[15] М. Макаренко. Маріупольський могильник. Київ, 1930, рис. 23.

[16] Н. В. Сибилев. Разгадка одной из тайн микролитов. «Старовинності Ізюмщини», вып. IV, Ізюм, 1930, стр. 16.

[17] См., например, М. Е. Фосс. Раскопки стоянок на реке Осколе. Тр. ГИМ. вып. XII, М., 1941, табл. II, рис. 21, 22. Эти орудия исследователем, принявшим почвенный слой (черный песок) и подпочву (серый песок) террасы за единый культурный слой, ошибочно отнесены к эпохе бронзы.

[18] Д. Я. Телегін. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха, табл. II, *4*, *9*

ние резцы с подретушированным вогнутым концом и резцы на углу сломанной пластины. Редко встречаются срединные, многофасеточные и др. Двусторонний резец с подретушированным концом является основным типом резца на большинстве стоянок Донца. Почти все такие резцы изготовлены из толстых отщепов или массивных пластин. Для них характерны вогнутый конец, обычно сильно сработанный, и два резцовых скола, нанесенных по обе стороны скобелевидной выемки (рис. 3, *9*). Описанный тип резца сравнительно мало известен на стоянках смежных территорий. В степном неолите он отсутствует вообще. Довольно многочисленную группу резцов составляют формы на углу сломанной пластины. Резцы этой группы особенно характерны для стоянки Яремовка 1[19].

Иные типы орудий на стоянках этого времени немногочисленны: проколки, скобели, наконечники стрел свидероидного типа.

Так в общих чертах можно охарактеризовать кремневый инвентарь стоянок развитой поры неолита Северного Донца. Ошибка прежних исследователей дюнных неолитических стоянок этого района состояла в том, что при характеристике культуры местного населения они пытались расчленить единые комплексы кремневого инвентаря на микролитическую и макролитическую культуры. Но, как видно из вышеизложенного, эти группы инвентаря являются единым целым, характеризующим облик материальной культуры неолитического населения. Неправильной была также попытка рассматривать кремневый инвентарь вне связи с неолитической керамикой. В культурном слое ряда исследованных нами стоянок наряду с кремневыми орудиями залегала неолитическая керамика.

Для керамики этого времени характерно наличие большого количества растительной примеси в глиняном тесте. На некоторых черепках заметны целые пучки выгоревших после обжига стебельков. При этом стебли растений всегда залегают горизонтально относительно вертикальной оси сосуда. Глиняное тесто вымешано плохо. Обжиг очень слабый, поэтому черепки отличаются значительной рыхлостью; поверхность сосудов сглажена хорошо. Изнутри заметны расчесы гребенкой. На внешней поверхности сосудов имеются слабые следы лощения. О форме этих сосудов,— кроме того, что они были остродонными,— говорить трудно. Венчик развит слабо; он не профилирован и по толщине не превышает стенок. На внешней поверхности сосудов нанесен гребенчатый и прочерченный орнамент. Косо поставленные оттиски мелкогребенчатого штампа образуют горизонтальные ряды, которые опоясывают сосуд вокруг. Керамика этого типа обнаружена в слое Бондарихи 2, нижнем горизонте Устья Оскола 2, а также собрана на стоянке Студенок 4 (рис. 4).

Эта керамика Северного Донца находит многочисленные аналогии среди неолитических комплексов с гребенчато-накольчатой керамикой лесостепной полосы Украины (Никольская Слободка).

В дальнейшем появлялись новые типы орудий, все более менялось соотношение между микролитическими формами и двусторонне оббитыми орудиями. Первые почти полностью вышли из употребления. Существенным изменениям подверглась также керамика.

Своеобразный состав материальной культуры ряда этих донецких стоянок позволяет выделить их в одну группу, которая, как это подтверждается наблюдениями над двуслойной стоянкой Устье Оскола 2, хронологически следует за рассмотренными выше памятниками. Эти поздние стоянки локализуются на 1—2 м ниже стоянок предшествующего этапа (рис. 2, *5*, *4*).

[19] Д. Я. Телегин. Яремовская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955, рис. 19, *7*, *8*.

В основу понимания культуры поздненеолитического времени мы берем комплексы, добытые в процессе стационарных раскопок на стоянках в Устье Оскола, а также материалы иных стоянок, раскопанных и шурфованных Н. В. Сибилевым (Студенок 2).

Изменение в приемах изготовления кремневых орудий поздненеолитического времени отразилось прежде всего на характере нуклеусов. Микролитические нуклеусы исчезли почти полностью. Вышла из употребления также микропластина. Широко распространились двусторонне сформированные орудия; увеличилось их количество и стала совершеннее техника изготовления.

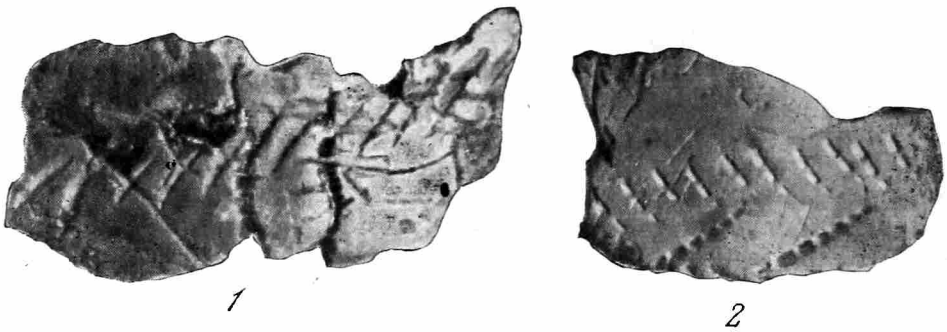

Рис. 4. Керамика развитого неолита по Северному Донцу.
1—Бондариха 2; *2*—Студенок 4.

Топоры поздненеолитических стоянок делятся на 2 группы: топоры-резаки и подтреугольные топоры с лезвием, сформированным продольными сколами. На характеристике топоров-резаков мы уже останавливались выше. В поздненеолитическое время они сохранились в том же виде, но наряду с ними появились подтреугольные топоры (рис. 5, *1*) [20] обычно небольших размеров (около 8 см). Рабочее лезвие их ровное; оно моделировано не боковыми крупными сколами, а мелким стесыванием, направленным вдоль длинной оси орудия. Такая техника формирования лезвия топорика, очевидно, больше отвечала требованиям получения желаемой его формы. Этим способом легче придать лезвию асимметричный профиль или получить, например, его желобчатость. Формирование лезвия стесыванием мелких продольных сколов является необходимым условием подготовки топорика к шлифованию [21]

Другие орудия, применявшиеся при обработке дерева, представлены в это время, как и на более ранних стоянках, клиньями и сверлами.

Довольно широкое распространение в это время приобрели режущие орудия типа ножей. Они изготовлялись из больших пластин или крупных удлиненных отщепов. Рабочий край ножей подправлен плоской ретушью. Конец орудия чаще всего заострен или превращен в маленький скребок (рис. 5, *3*). Ножи этого типа под названием остроконечников в большом количестве опубликованы Н. В. Сибилевым [22]. Часть режущих орудий имеет изогнутую серповидную форму; многие из них носят следы залощенности, которая обычно покрывает обе стороны пластины. В этих орудиях можно видеть кремневые серпы.

---

[20] См. также М. В. Сібільов. «Старовинности Ізюмщини», IV, табл. XLII, рис. 1, 2.

[21] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. 1901 года. Труды XII АС, т. I, М., 1905, табл. XVI, рис. 9.

[22] М. В. Сібільов. Ук. соч., табл. LXI, рис. 3, 4.

Режущие орудия, изготовленные из отщепов, морфологически очень напоминают обычные скребки. Но отличительной чертой этих орудий является то, что их рабочий край сформирован не крутой краевой ретушью, обычной для скребков, а плоскими сколами (рис. 5, *4а*). Для формирования режущего края выбиралась та сторона отщепа (обычно боковая), где отбивная волна делает поворот в сторону спинки. Здесь после незначительного ретуширования спинки отщепа образовывалось лезвие с клиновидным сечением, что характерно для режущего орудия (рис. 5, *4б*). В отличие от

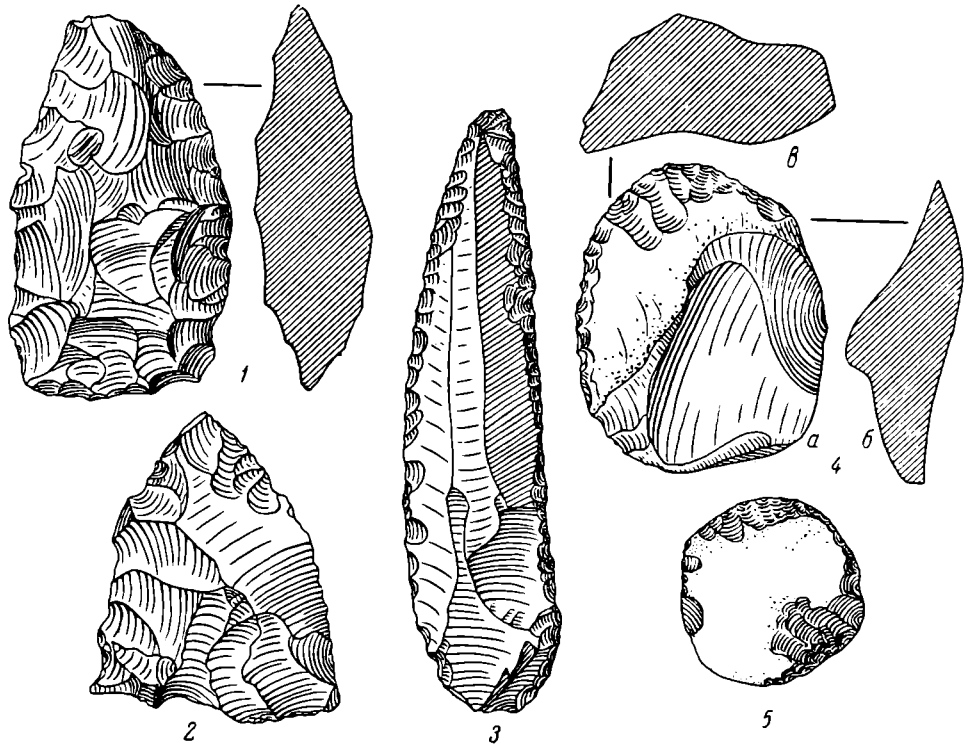

Рис. 5. Кремневый инвентарь позднего неолита по Северному Донцу.
1—Изюм 4; *2*, *5* —Студенок 2; *3*—Петровская 4; *4а*, *б*, *в*—Изюм 5.

этого для формирования скребка, наоборот, использовался тот край, где отбивная волна делала поворот в сторону брюшка отщепа, и здесь на месте загиба легко формировался скребущий край (рис. 5, *4в*). Нож и скребок часто комбинируются на одном и том же отщепе.

Некоторой особенностью кремневой техники донецких стоянок является очень долгое применение резцов; они еще довольно широко бытовали здесь даже в поздненеолитическое время. Типологически резцы повторяют формы более раннего времени.

Важным шагом в технике обработки кремня в поздненеолитическое время было овладение способами изготовления двусторонне оббитых наконечников копий и дротиков (рис. 5, *2*). Эти изделия имеют подтреугольную форму. Среди них выделяются экземпляры с ровным или несколько выпуклым основанием.

Существенные изменения можно проследить и в типах микролитических изделий. В это время они почти вышли из употребления. Можно лишь отметить наличие трапеций, главным образом со строганой спинкой.

Керамика поздненеолитического времени делится на 2 группы: гребенчато-накольчатую и ямочно-гребенчатую. О форме и размерах глиняной

посуды первой группы можно судить по сосуду из Устья Оскола [23]. Это остродонный горшок конической формы со слабо профилированным венчиком. В глиняном тесте — растительная примесь. Сосуд орнаментирован рядами из подтреугольно-скорописных наколов и оттисков гребенки. По форме сосудов, характеру глиняной массы и орнаменту эта посуда очень близка к сосудам типа Мостицы — Никольской слободки [24].

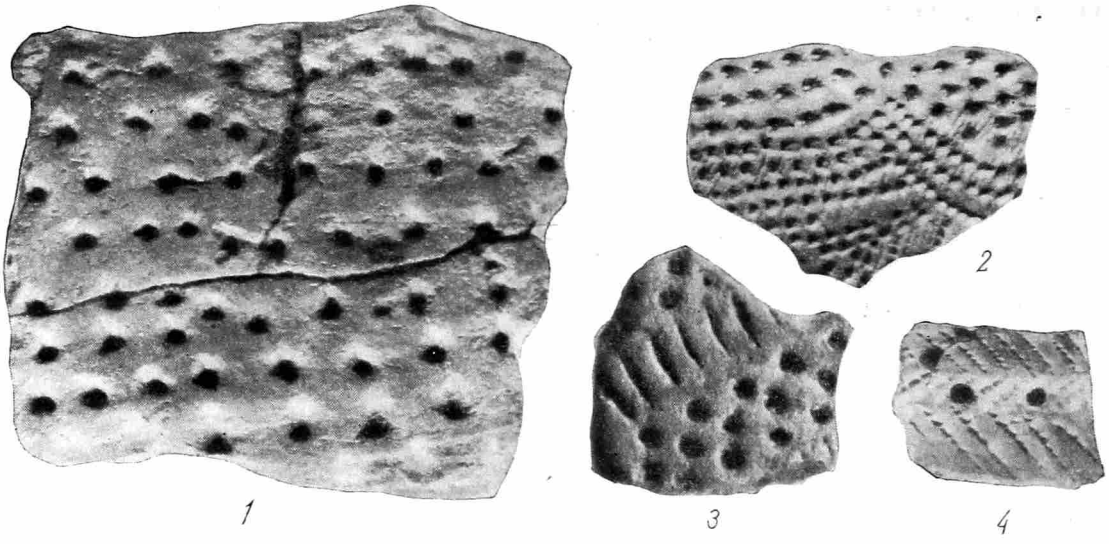

Рис. 6. Керамика позднего неолита.
1—Изюм 5; *2*—Комсомольское; *3*—Студенок 2; *4*—Веревкино 14.

Сосуды второй группы также остродонные. Они украшены ямочным и гребенчатым орнаментом (рис. 6, *1*, *3*). Орнаментальные ямки округло-конические или продолговатые, обычно неглубокие [25]; негативы-бугорки на внутренней поверхности сосуда часто отсутствуют. Ямки и оттиски гребенки образуют ряды, которые опоясывают сосуд вокруг. На некоторых стоянках (Комсомольское) обнаружены черепки, орнаментированные приемом «отступающей лопатки» (рис. 6, *2*). В глиняном тесте ямочно-гребенчатой керамики примешан песок, растительная примесь отсутствует. Керамика этого типа находит аналогию на многочисленных стоянках более северных территорий Украины, например на Сейме, Десне.

На Северном Донце ямочно-гребенчатая керамика появилась лишь в поздненеолитическое время, причем она существовала наряду с местной гребенчато-накольчатой керамикой. В культурном слое стоянки Устье Оскола 1, например, представлены обе керамические группы.

Для правильного решения вопроса о путях развития неолитических племен Северного Донца крайне важно обратиться к истории синхронного населения смежных территорий. Как мной уже отмечалось [26], благодаря

---

[23] См. СА, XIX, стр. 11, рис. 3.
[24] І. Ф. Левицький. Дослідження стоянки на торфовищі Мостиця в 1948 р. АП, IV, 1952, табл. II, *1*, *3*; О. Г. Шапошникова. Пам'ятки неоліту та трипільської культури в районі Києва. «Археологія», VIII, 1953, табл. II, 1, 3.
[25] В. А. Городцов. Ук. соч., табл. XVII, рис. 1, 2.
[26] Д. Я. Телегін. Неолітичні пам'ятки лісостепового Лівобережжя і Полісся України. Вісник АН УРСР, 1954, № 8, стр. 66.

работам ряда украинских археологов (А. В. Добровольского, В. Н. Даниленко, М. Я. Рудинского, И. Ф. Левицкого, А. В. Бодянского) в пределах УССР вырисовывается ряд отдельных групп населения неолитического времени. В степной части Украины известна особая группа неолитических памятников типа Сурского острова, существовавшая уже в IV тысячелетии до н. э. и отличающаяся своеобразной керамикой, костяными изделиями, довольно долгим бытованием микролитического инвентаря при наличии шлифованных орудий из мягких пород камня для обработки дерева [27].

На лесостепном Левобережье и в Полесье Украины существовали еще 2 группы племен. Памятники одной из них, для которой характерна гребенчатая или гребенчато-накольчатая керамика типа Моствы — Никольской слободки, обнаружены в бассейнах Среднего Донца (Бондариха), Ворсклы (Петровка), Сейма (Козловка) [28], Днепра в пределах Киевщины и правых притоков Припяти. Гребенчатая керамика этого типа известна и далее на северо-запад; она распространена в Белоруссии и Прибалтике.

Памятники второй группы с ямочно-гребенчатой керамикой занимают в пределах УССР сравнительно небольшую территорию. Район обитания племен — носителей этой культуры связывается лишь с крайним северо-востоком Украины. Стоянки с ямочной керамикой на Украине не распространяются южнее и западнее линии Славянск — Полтава — Лубны — Чернигов. Родственные связи этого населения следует искать среди неолитических племен — носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики в Волго-Окском бассейне.

Таким образом, в пределах Среднего Донца в неолитическое время были распространены две культурные группы — носители культур гребенчато-накольчатой и ямочно-гребенчатой керамики. Первая, как это видно из стратиграфических наблюдений на стоянке Устье Оскола 2, предшествовала распространению второй.

Можно предположить, что еще до начала первого заселения дюн Северного Донца здесь начала складываться ранненеолитическая (мезолитическая) культура типа Миньевского Яра 1. Позднее на Средний Донец проникли более северные племена с ямочно-гребенчатой керамикой. Между пришлым населением и аборигенами долины Донца начался сложный процесс ассимиляции, закончившийся в целом, очевидно, поглощением культуры пришлых племен. Последние, однако, наложили заметный отпечаток на местную культуру гребенчатой керамики (Устье Оскола 1).

---

[27] В. М. Даниленко. Допитання про ранній неоліт південної Наддніпрянщини. «Археологія», III, 1950, стр. 119 и сл.

[28] Д. Я. Телегин. Исследование неолитических памятников в окрестностях г. Путивля на Сейме. КСИА, IV, 1955, стр. 145, 146.

К. В. САЛЬНИКОВ

РАСКОПКИ У СЕЛА НОВО-БУРИНО[1] (1948 год)

В архивных материалах В. Я. Толмачева, хранящихся в Свердловском государственном областном архиве, имеются план курганного могильника из 75 насыпей и черновой набросок отрезка р. Караболки в районе дер. Малой Кизыловой с обозначением двух селищ. В фондах Свердловского областного краеведческого музея хранится небольшая коллекция керамики, собранная тем же исследователем на месте упомянутых памятников.

В 1948 г. эти памятники были исследованы мной по поручению Челябинского областного краеведческого музея.

Больше-Караболкский могильник

Группа курганов, открытая В. Я. Толмачевым у дер. Малой Кизыловой, расположена на правом высоком берегу р. Караболки, левее дороги из с. Ново-Бурино в дер. Большую Кизылову (рис. 1). В настоящее время почти вся площадь могильника занята поселком Большая Караболка, который является частью нового с. Ново-Бурино. В результате застройки невозможно выявить все курганы. Мы насчитали их около двадцати.

Экспедицией доследован один из курганов, у которого в юго-западной части более трети насыпи было снесено песчаным карьером. Диаметр кургана — около 20 м, высота — 0,5 м. Могильная яма была ориентирована с востока на запад и имела (в сохранившейся части) длину по северной стенке 6,5 м, по южной — 4 м; длина могилы, видимо, доходила до 7 м, а ширина ее — 1,5 м; глубина от поверхности кургана — 1,4 м. Сохранившийся восточный конец могильной ямы скруглен (рис. 2).

Центр могилы был занят кострищем длиной около 2 м. Дно и стенки могилы на этом участке, состоящие из белого суглинка, оказались прокаленными докрасна, а засыпка пронизана углями и крупными кусками полусгоревшего дерева. Местами, по стенкам, прослежены куски обожженной коры, видимо, от обкладки могилы. В кострище найдены необожженные лопатка и трубчатая кость овцы, а также сосуд. Два сосуда стояли вне кострища, к востоку от него (рис. 3, *2*), образуя с найденным в кострище сосудом один ряд. К западу от кострища в северо-западном углу могилы найдены еще 3 сосуда (рис. 3, *1*), стоявшие в ряд с востока на запад. Никаких следов трупоположения или трупосожжения не обнаружено.

[1] Буринский район Челябинской области.

И все же погребение надо рассматривать как трупосожжение. На это указывает тип сосудов, обычный для андроновских погребений с трупосожжениями в районе Челябинска.

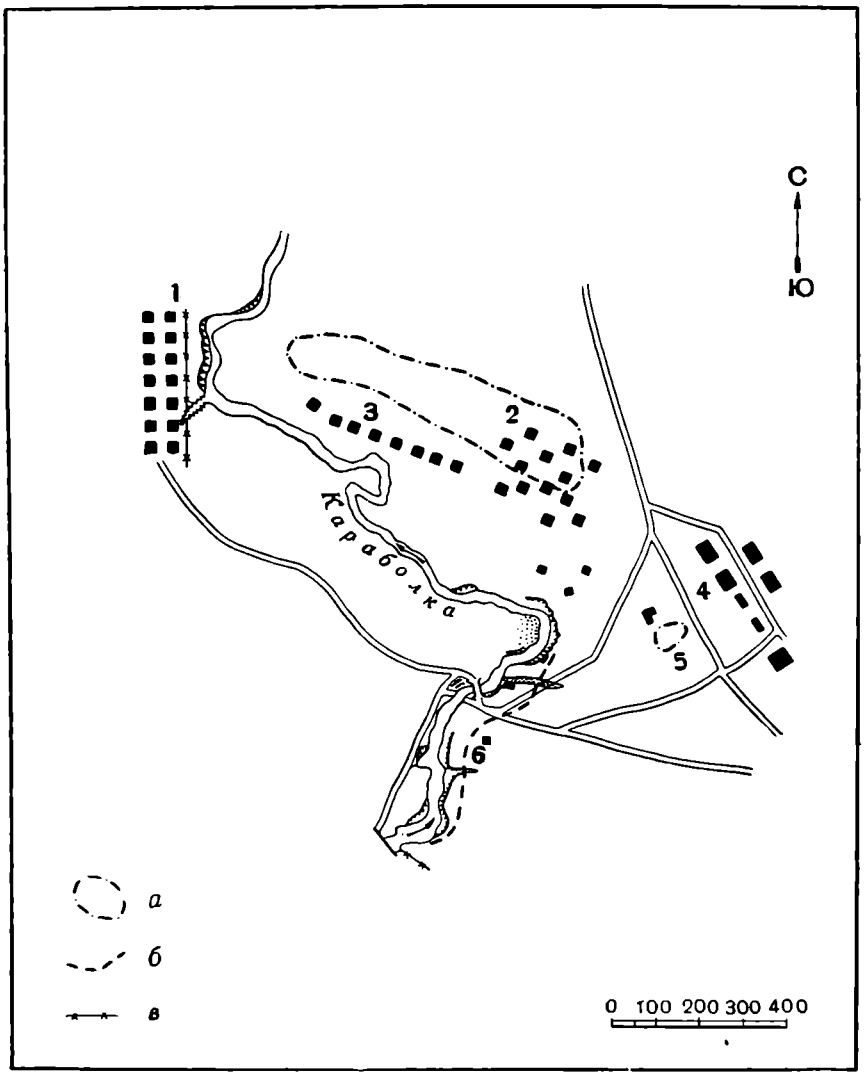

Рис. 1. План памятников в районе с. Ново-Бурино.

1—Дер. Малая Кизылова; *2*—Больше-Караболкский могильник; *3*—поселок Большая Караболка; *4*— с. Ново-Бурино; *5*—Ново-Буринский могильник; *6*—селище; *а* —граница могильника; *б* — граница площади распространения культурного слоя; *в*—изгороди огородов усадьбы.

Особенностью данного кургана являются крупный размер могильной ямы и бесспорные следы кострища в самой могиле, но огонь его не мог быть достаточным для сожжения трупа.

Ново-Буринский могильник

На базарной площади с. Ново-Бурино нами открыты 4 кургана, вытянутые цепочкой с востока на запад. Диаметр курганов — 12—20 м, высота 0,3—0,7 м.

Эти курганы расположены в 150 м от андроновского селища на берегу р. Караболки и потому представляют особый интерес как возможное кладбище для этого поселения. Мы раскопали 2 кургана.

К у р г а н № 1. Диаметр — 12 м, высота — 0,3 м. Насыпь состояла почти из чистой глины. В центре кургана находилась могильная яма удлиненно-овальной формы, ориентированная с ВСВ на ЗЮЗ. Длина могилы — 3,1 м, ширина — 1,3 м, глубина от древней поверхности — 0,8 м.

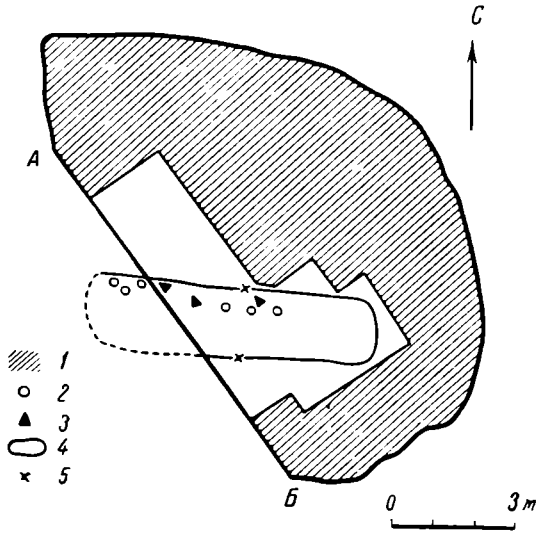

Рис. 2. Больше-Караболкский могильник. План кургана № 1.

1 — нераскопанная насыпь; *2* — сосуд; *3* — кость; *4* — могильная яма; *5* — восточная граница закала степок.

Заполнение могилы состояло из влажной глины, видимо, от провалившейся насыпи. Человеческих костей в могиле не обнаружено. В восточном конце и в юго-западной половине могилы прослежены вкрапления угля. По всей длине могилы (через середину) стояли в ряд 5 сосудов чрезвычайно плохой сохранности (рис. 3, *3*, *4*).

К у р г а н № 2. Диаметр — 16 м, высота — 0,65 м. Насыпь кургана состояла из чернозема, смешанного с глиной. Могильная яма, обнаруженная под центром насыпи, ориентирована ВСВ на ЗЮЗ. Форма ее удлиненно-овальная, длина — 6,5 м, ширина — 2,25 м, глубина от древней поверхности — 0,75 м. В средней части дна могильной ямы находилось углубление округлой формы, размером 1,8 × 1,6 м, глубиной 0,25 м. В северо-восточной части этого углубления и на прилегающих участках дна могилы находилось пятно прокаленной почвы, размером 3 × 1 м; второе такое же пятно площадью 1,2 × 0,4 м оказалось в юго-западном конце могилы. В северо-западном углу могилы обнаружен неполный раздавленный сосуд, к западу от него — угли на площади 0,15 × 0,2 м. Отдельные угольки прослежены в этом углу на участке площадью 1,2×0,2 м. Шестнадцать мелких фрагментов сосудов найдены в земле, заполнявшей могилу над ее серединой, начиная с уровня древнего горизонта до дна. Кости человека и здесь не встречены, но найдена подвздошная кость лошади — обычная принадлежность андроновских погребений с трупосожжениями в районе Челябинска.

Погребения Ново-Буринского могильника по времени и обряду вполне аналогичны погребениям Больше-Караболкского могильника. Отличительными чертами погребального ритуала этих двух могильников являются крупные размеры могильных ям. В отдельных случаях большие могилы были известны и ранее, например — в кургане № 42 в могильнике у с. Федоровки под Челябинском [2]. Отсутствие каких-бы то ни было признаков костей человека в могилах наблюдалось Н. К. Мпнко во время его раскопок в 1906—1910 гг. в районе Челябинска.

---

[2] К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки, МИА, № 1, 1940, стр. 64.

Ново-Буринское селище

Селище расположено на правом берегу р. Караболки на окраине с. Ново-Бурино возле моста. Судя по прослеженным в обрыве выходам культурного слоя, селище тянется по берегу выше и ниже моста на 350 м при ширине 30—40 м. Значительная полоса селища снесена рекой.

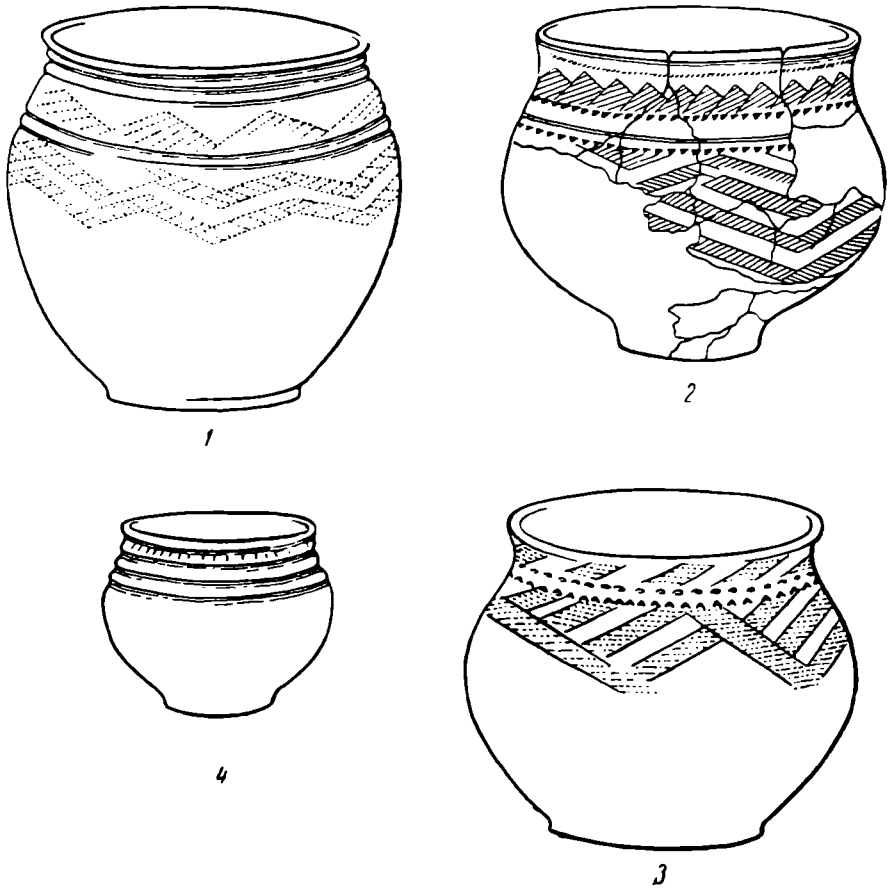

Рис. 3. Глиняные сосуды

1, 2—из Больше-Караболкского могильника; *3, 4* —из Ново-Буринского могильника.

Ново-Бурино существует менее 30 лет. Оно отделено широкой поймой от расположенной напротив него дер. Малой Кизыловой, по которой В. Я. Толмачев более 50 лет назад назвал два обнаруженных в этом районе селища: Нижнее и Верхнее Мало-Кизыловские. Которое из отмеченных В. Я. Толмачевым селищ обследовано нами,— установить не удалось, так как второго мы не нашли. По всей вероятности, на Ново-Буринском селище сливаются оба поселения, открытые В. Я. Толмачевым, ибо по берегу полоса культурного слоя прерывается большим задернованным участком, разделяющим два обрыва с явными выходами культурного слоя. Эти две части одного и того же селища могли быть приняты В. Я. Толмачевым за два самостоятельных поселения.

Поскольку в настоящее время селище находится на окраине с. Ново-Бурино, целесообразнее именовать его Ново-Буринским, а не связывать с дер. Малой Кизыловой, отстоящей от него более чем на километр.

Селище растянулось по правому берегу р. Караболки между двумя поселками — Малой Караболкой и Большой Караболкой, являющимися

частями с. Ново-Бурино. Бо́льшая часть площади селища разрушается. Лишь северная часть селища на протяжении 60 м да площадка восточнее огородов представляют собой участки, более или менее сохранившиеся, но и их пересекает дорога, а в северном конце река, подмывая берег, интенсивно разрушает селище.

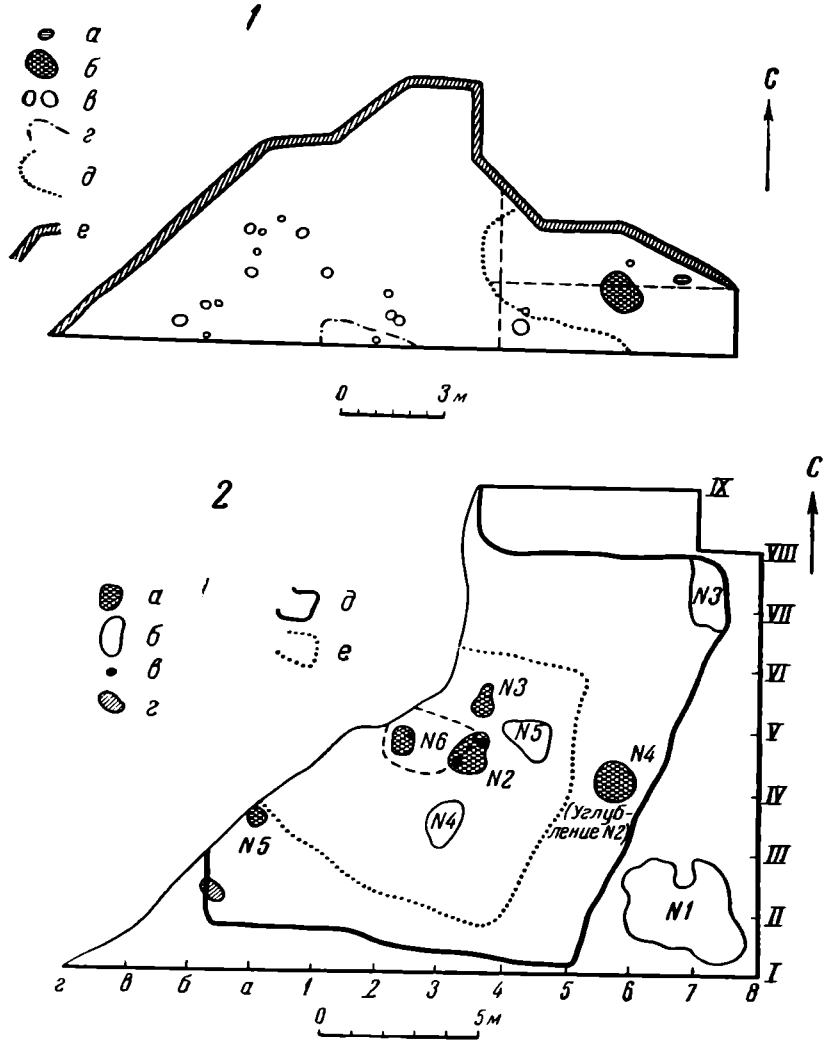

Рис. 4. Планы раскопов на Ново-Буринском селище.

1—раскоп I (*а* —яма; *б* —очаг; *в* —ямки от столбов; *г* — граница углубления; *д*—земляная стенка жилища № 2 на уровне глины; *е*—бровка вдоль обрыва); *2* — раскоп II (*а*—очаг; *б*—углубление; *в*—сосуд; *г*—скопление костей; *д*— граница жилища; *е* —граница пониженной части жилища).

Особенно явственно выступает культурный слой в обрыве у моста, рядом со старым бродом, где обнажен толстый слой золы белого и серого цвета. Здесь, на мысу, образованном берегом и овражком, был заложен раскоп I площадью 92 кв. м (рис. 4, *1*).

На этом участке надпойменная терраса правого берега р. Караболки несколько понижена и потому в настоящее время заливается весенними водами. Благодаря этому культурный слой в примыкающей к обрыву части раскопа I перекрыт пойменными наносами песка мощностью 0,06—0,25 м.

Культурный слой на разных участках раскопа имел различную стратиграфию. На северо-западной половине раскопа под слоем пойменного наноса или соответствующем ему на более повышенных участках слоем дерна залегал жирный черный гумус мощностью 0,05—0,4 м. Утолщался этот слой по мере удаления от обрыва, т. е. с северо-запада на юго-восток. Гумус подстилался золистыми слоями различной окраски — белой, серой, коричневой,— общей мощностью до 0,6 м. Золистый слой залегал местами на слое древнего чернозема толщиной до 0,2 м, местами — непосредственно на грунтовой глине. Последнее наблюдалось на месте углублений — следов жилищ.

Юго-восточная половина раскопа, более повышенная, не покрыта пойменным наносом. Стратиграфия здесь проще: дерн — 0,06 м; жирный гумус — 0,3—0,6 м; древний чернозем — 0,1—0,2 м; грунтовая глина. Местами, где мощность слоя жирного гумуса превышала 0,3 м, он залегал непосредственно на грунтовой глине, что совпадало с обнаруженными здесь следами полуземлянки. Культурный слой начинался местами сразу под дерном и заканчивался на уровне грунтовой глины, которая была частично снесена при сооружении жилищ.

Наш раскоп вскрыл части нескольких жилищ.

Жилище № 1 открыто раскопом частично. Его границы в западной половине раскопа определились 2 рядами ямок от столбов, сходившихся под прямым углом. Эти столбы ограничивали угол жилища площадью 12 кв. м. Жилище уходит в южную стенку раскопа. Яма жилища была углублена до грунта; пол немного понижен к югу, к центру жилища.

Жилище № 2, занявшее восточную часть раскопа I, также определяется как прямоугольная полуземлянка, но она, в отличие от первой, несколько (на 0,2—0,3 м) углублена в грунт. Благодаря этому удалось проследить ее угол, образованный земляными стенками. Площадь этой землянки, вскрытая раскопом, едва превышает 20 кв. м. Основная часть землянки уходит под южную и восточную стенки раскопа; с севера она частично снесена овражком.

В раскопанной части жилища обнаружено кострище размером 1,25 × × 0,90 м. Другое кострище обрисовалось в профиле южной стенки раскопа. На расстоянии 1,25 м к востоку от очага находилась яма кувшинообразной формы, глубиной 0,55 м, шириной в устье 0,25 × 0,33 м. Диаметр ямы на половине глубины увеличивался до 0,5 м. Яма эта была заполнена культурным слоем, в нижней части которого находились угольки, небольшие кусочки обожженной глины и отдельные мелкие косточки, в большинстве пережженные. Назначение ямы неясно.

На площади раскопа I обнаружено 18 ямок от столбов. Диаметр большинства их — 0,2—0,3 м; минимальный диаметр — 0,16 м, максимальный — 0,47 м. Глубина большинства ямок — 0,15—0,3 м; минимальная глубина — 0,1 м, максимальная — 0,46 м. К жилищу № 1 относятся 15 ямок, к жилищу № 2 — 3 ямки.

Еще от 2 жилищ сохранились совсем незначительные остатки: от одного — часть очажной ямы, прослеженной в обрыве у западного угла раскопа, от другого — небольшой угол, слегка углубленный в древний чернозем.

Анализ стратиграфических данных и наблюдений над остатками жилищ в раскопе I позволяет сделать следующие выводы.

На этом участке селища существовало несколько жилищ в виде прямоугольных полуземлянок, углубленных ниже уровня древней поверхности всего на 0,25—0,3 м. Стены жилища были деревянными или плетневыми. Основой стен и опорой крыши служили столбы, врытые по границам

жилищ. Установить точные размеры жилищ по их небольшим частям, вскрытым раскопом I, невозможно, но, очевидно, они представляли собой крупные коллективные полуземлянки.

Жилища были, видимо, не одновременные; в частности, жилище № 1, заполненное зольником, надо рассматривать как более раннее, чем жилище № 2, на площади которого золы почти не встречено. Думается, что зола из жилища № 2 выносилась и ссыпалась в соседнюю яму, оставшуюся на месте более раннего жилища № 1.

Находки в культурном слое раскопа I состояли из раздробленных костей животных, частью обожженных (причем последние всегда оказывались измельченными), черепков глиняных сосудов и отдельных предметов быта. Благодаря зольнику, занимавшему приблизительно половину раскопа, кости сохранились в большом количестве. В раскопе I найдено свыше 2600 костей и 513 обломков сосудов.

Раскоп II заложен в 70 м от раскопа I, ниже по течению реки, также по краю ежегодно подмываемого обрыва. В отличие от раскопа I здесь в обрыве не видно зольников, лишь изредка попадаются в слое чернозема отдельные черепки и кости, а также встречено несколько кусочков медной руды. В раскоп вписана впадина подчетырехугольного очертания. В обрыве ей соответствует утолщение слоя гумуса, вдающегося в грунт. Размеры впадины: вдоль берега — 13 м, перпендикулярно к берегу — 10 м.

Почти весь раскоп площадью 206 кв. м (рис. 4, *2*) занимает остаток прямоугольной землянки, в значительной части снесенной рекой. Сохранились вся южная стена жилища длиной 11,5 м, вся восточная стена — 14 м, восточная часть северной стены на протяжении 7 м и южная часть западной на протяжении 2,5 м, что позволяет считать общую площадь жилища равной приблизительно 160 кв. м.

Стратиграфия вне жилища на этом участке селища чрезвычайно проста: чернозем — 0,15—0,4 м; под ним — грунтовая глина. Культурный слой обнаруживается непосредственно под дерном.

Пол землянки состоял как бы из 2 ярусов: 1) вдоль земляных стенок шла полоса шириной 1—2,5 м, пониженная против уровня древней поверхности на 0,6 м; 2) середина землянки, шириной в сохранившейся части 8,5 м, была понижена еще на 0,2—0,4 м.

В самом центре землянки находилось большое углубление, частично снесенное рекой, площадью приблизительно 2 × 2,5 м и глубиной от окружающего пола жилища 0,8 м с уступчиком шириной 0,3 м вдоль стенок на высоте 0,4 м от дна.

Землянка была заполнена культурным слоем черного цвета; на верхнем ярусе — полосе вдоль стенок — культурный слой залегал прямо на глине. В середине землянки жирный черный гумусированный культурный слой на глубине 0,6—0,7 м сменялся нижним культурным слоем серо-беловатого цвета. Этот слой резко отличался по расцветке от верхнего; он состоял из крупных комков белой глины, изредка — красной глины и редких включений гумуса и находок. Этим же слоем было заполнено и центральное углубление (№ 6).

Внутри землянки обнаружены 5 кострищ и 2 углубления (помимо центрального). Три кострища с золой сосредоточены в центре землянки: № 1 — диаметром 0,65 м, № 2 — диаметром 1,25 м, № 3 — площадью 1 × 0,75 м. На первом найден один, а на втором — два раздавленных сосуда. При этом все очаги находились не на грунтовом полу землянки, а в толще культурного слоя, точнее,— на уровне поверхности нижнего светлого культурного слоя. Два из них (№ 1 и 2) к тому же оказались

над центральным углублением (№ 6). Следовательно, описанные очаги относятся к позднему периоду существования землянки или, вернее, к более позднему жилищу, устроенному на развалинах более раннего.

Поблизости от описанных очагов обнаружены 2 углубления неопределенного назначения: углубление № 4 неправильно-овальной формы, размером 1,6 × 1,1 м, глубиной от пола 0,3 м; углубление № 5 подтреугольной формы, площадью около 2 кв. м, глубиной 0,2 м. Оба были заполнены культурным слоем.

На верхнем ярусе также были расположены 2 кострища и углубление. Кострище № 4 у середины восточной стенки землянки представляло собой яму диаметром 1,25 м, глубиной от уровня пола 0,6 м и было окружено полосой намеренно насыпанного песка, шириной до 1 м. Песок был перекрыт культурным слоем, а последний в свою очередь — стерильной грунтовой глиной, представляющей собой наплыв со стенки.

В юго-западном углу землянки находилось кострище № 5 диаметром 0,6 м. В северо-восточном углу жилища обнаружено углубление № 3, овальной формы, размером 2,3 × 1,3 м, глубиной (от пола) 0,3 м. Вне жилища, в юго-восточном углу раскопа, находилось еще одно углубление (№ 1) неправильных очертаний, площадью до 10 кв. м; максимальная глубина его — 0,25 м. Юго-западный угол раскопа захватил небольшой участок зольника, уходившего под западную и южную стенки.

В целом конструкция сооружения остается неясной. Бросается в глаза отсутствие ямок от столбов. Перекрытие кострищами глубокой ямы (углубление № 6), заполненной культурным слоем, заставляет предполагать наслоение здесь, по крайней мере, двух разновременных жилищ. Находка на кострищах № 1 и 2 сосудов указывает на то, что эти кострища принадлежали позднейшему жилищу. Необходимо отметить, что и обломки сосудов, обнаруженные здесь, относятся к поздним (самараевским) типам.

Всего в раскопе II найдено 3048 обломков сосудов, 1212 костей и отдельные предметы.

Для определения характера культурного слоя на площади к востоку и югу от раскопа I и между раскопами I и II было заложено 7 шурфов размером 2 × 2 м каждый. Стратиграфия их совпадает со стратиграфией раскопа I: чернозем — 0,12—0,28 м; золистый слой — 0,18—0,4 м; древний чернозем — 0,15—0,17 м; грунтовая глина.

В ряде шурфов древний чернозем отсутствовал, в одном не оказалось золистого слоя. Почти во всех шурфах были находки.

Кроме зачисток обрыва, сделанных в пунктах примыкания к обрыву раскопов I и II, произведены зачистки в южном и северном концах селища. Характер находок в обоих этих пунктах одинаков. Зачистки в южном конце селища вскрыли такие же, как у раскопа I, мощные и обширные зольники.

В северном конце селища зачистка обнажила разрезы полуразрушенных ям. Глубина одной ямы — 0,7 м от современной поверхности или 0,25 м от уровня грунтовой глины, ширина — 0,74 м. С обеих сторон яма ограничена двумя ямками от столбов; диаметр ямок — 0,15 м, глубина от поверхности глины — 0,45 м. Вторая яма находилась в 15 м от первой к юго-западу; глубина ее от уровня глины — 0,4 м, ширина вверху — 0,42 м, внизу — 0,23 м. Назначение ям установить не удалось.

Массовыми находками на селище являются кости и обломки сосудов. На всей исследованной площади селища, включая шурфы и зачистки обрыва, найдены 3603 черепка и 4096 костей.

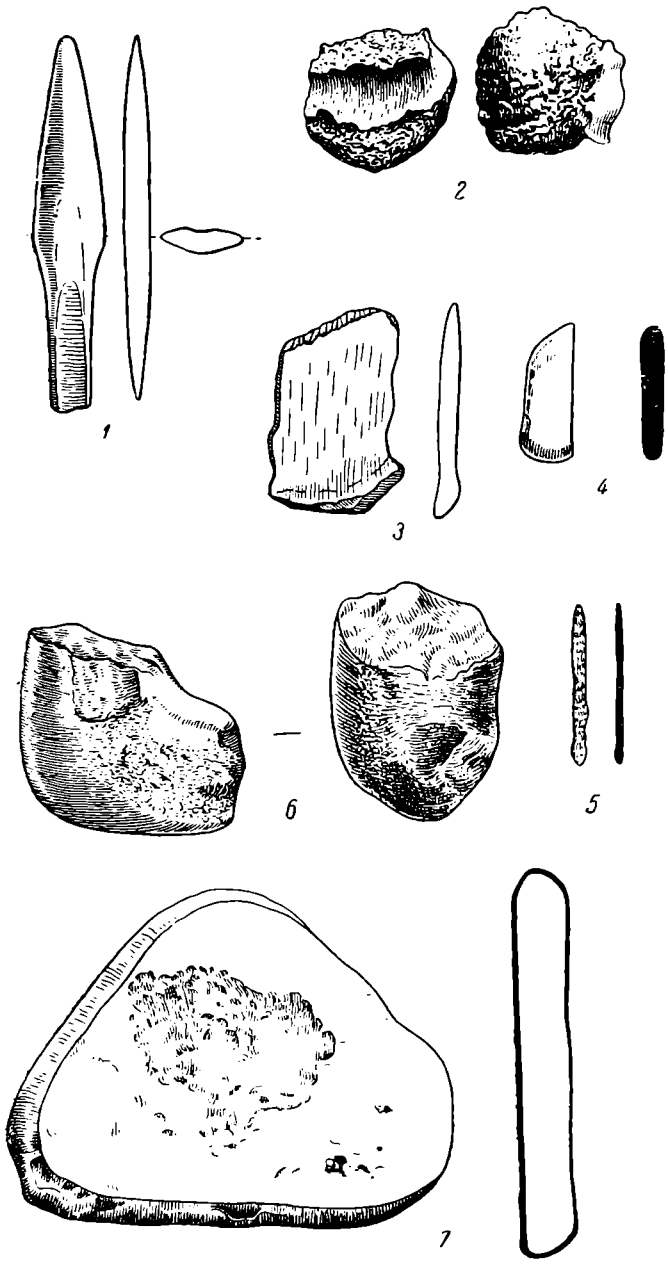

Рис. 5. Изделия из кости, камня, меди и глины. Ново-Буринское селище.

1 — костяной наконечник стрелы; *2* — обломок глиняного сопла; *3* — кремневый нож; *4* — лощило из гальки; *5* — медное шило; *6* — обломок каменного молота; *7* — каменная плитка.

Нужно отметить, что основная масса костей измельчена, главным образом в результате обжига, и не поддается определению; лишь $^1/_8$ часть их (около 500 экземпляров) найдена в таком состоянии, что по ним можно установить виды животных.

Находки предметов быта, орудий труда и оружия крайне редки. К орудиям труда относятся: обломки зернотерок, кремневый концевой нож из тонкой пластинки — «скребок» (рис. 5, *3*), медное шило (рис. 5, *5*), каменная плитка — наковаленка с выбоинами в середине (рис. 5, *7*), 2 лощила из гальки (рис. 5, *4*). Медная металлургия представлена обломком глиняного сопла с ошлаковавшимся концом (рис. 5, *2*), обломком каменного молота (рис. 5, *6*) и несколькими кусками медной руды.

Из оружия встречен единственный экземпляр костяного наконечника стрелы с широким черешком, овальный в разрезе. Наконечник отлично заполирован (рис. 5, *1*).

Кроме того, найдено несколько пряслиц из черепков, несколько обломков костяных поделок неопределенного назначения, кусочек охры, обломок медной поделки в виде тонкой пластинки и большая фаланга коровы с круглым сквозным отверстием в середине. В раскопе I найден небольшой кусок обгорелой бересты. На других андроновских селищах (Замараево) [3] известны случаи пользования берестой для подстилки полов. Можно и в данном случае рассматривать бересту как остаток какого-то изделия или жилища.

[3] К. В. Сальников. Замараевское селище. «Первое Уральское археологическое совещание». Пермь, 1948, стр. 43.

Керамика представлена формами и типами сосудов, которые обычны на андроновских поселениях Зауралья [4].

Сосуды федоровского типа, с округлыми плечиками, орнаментированы оттисками гребенчатого штампа, изредка в соединении с резьбой. Орнамент состоит из поясков, треугольников (чаще косых и прямоугольных), меандровых элементов, зетов, зигзагов. Треугольники и полосы, образующие меандры, заштрихованы преимущественно продольными линиями; изредка отмечена и поперечная штриховка (рис. 6). На горле сосуда встречаются желобки и пояски из ямок и уголков.

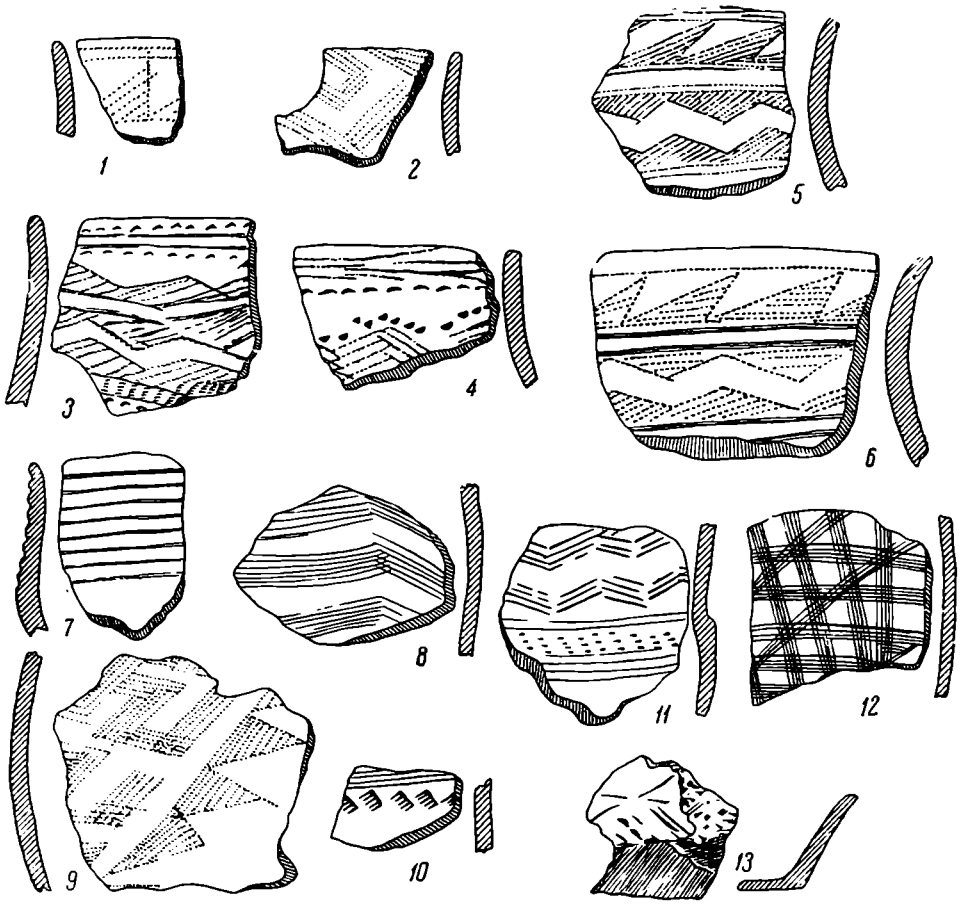

Рис. 6. Керамика федоровского (*1—7*, *9*) и алакульского (*8*, *10—13*) типов. Ново-Буринское селище.

Сосуды алакульского типа, с уступчиком на плечиках, орнаментированы почти исключительно зигзагами, которые или нанесены острием, или прочерчены гребенчатым штампом (рис. 6, *8*, *11*), реже встречаются косые насечки и полуовальные ямки. Имеются отдельные обломки от маленьких чашек со слегка вогнутым краем.

На сосудах замараевского типа орнамент нанесен исключительно резьбой и состоит из горизонтальной «елочки», перекрещивающихся прямых (сетка) и наклонных насечек, зигзагов, реже — заштрихованных треугольников. Изредка встречаются валики, а также «воротнички» по краю, иногда орнаментированные «елочкой» или насечками (рис. 7, *1*, *4*).

[4] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1952, стр. 130—137; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVIII, 1948, стр. 126—147.

Примесь талька в глине встречается у 50% сосудов первого (федоровского) типа, но в очень незначительном количестве. Глина сосудов второго (алакульского) типа более насыщена примесью талька. В замараевской керамике примесь талька обнаружена крайне редко. В керамике этого типа (также крайне редко) имеется примесь толченых раковин.

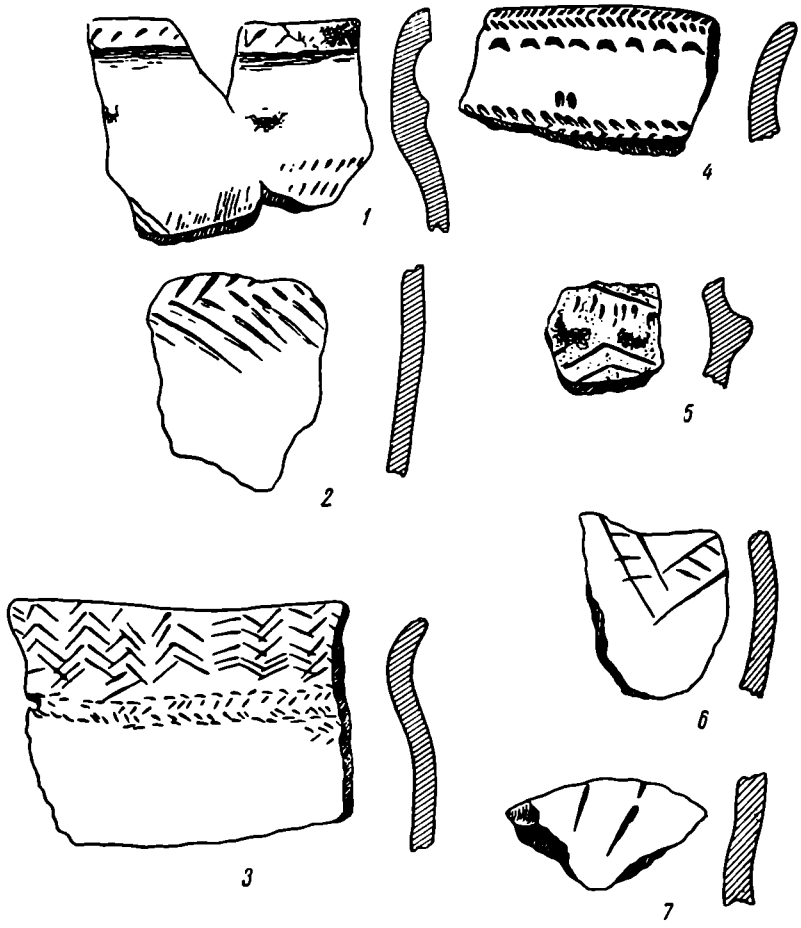

Рис. 7. Керамика замараевского типа. Ново-Бурлинское селище.

Большой интерес представляют отдельные уникальные черепки: 1) обломок днища с крупными сквозными отверстиями; 2) черепок с ясными отпечатками ткани на внутренней поверхности; 3) черепки с «воротничком» и круглыми выпуклинами (рис. 7, *1*, *5*); 4) черепки, по-видимому, бомбовидных сосудов с прямым горлом и типичным для сарматской керамики Зауралья орнаментом на плечиках из резной «елочки» (рис. 8, *2*, *3*); 5) черепок маленького тонкостенного сосуда с прямым горлом и выпуклыми плечиками; орнамент на этом черепке состоит из косых насечек по краю, 4 рядов веревочных поясков по горлу и нескольких рядов насечек на плечиках (рис. 8, *4*).

Из упомянутых первые 2 черепка имеют аналогии на ряде андроновских селищ (Замараево, Алексеевка): сосуды с отверстиями в днище употреблялись для обработки молочных продуктов, а отпечатки ткани на стенках являются результатом особой техники лепных сосудов. Черепки

с выпуклинами известны на Алексеевском селище [5]. Обломки бомбовидных сосудов служат лишним подтверждением генетической связи зауральских племен эпохи раннего железа с местными племенами эпохи бронзы.

Черепок с веревочным орнаментом чужд андроновской керамике, но для лесного Зауралья керамика с веревочным орнаментом обычна. Наиболее близкие аналогии этому черепку мы находим на селище на Березовом озере близ с. Сосновского [6] среди позднебронзовой (предскифской) керамики [7].

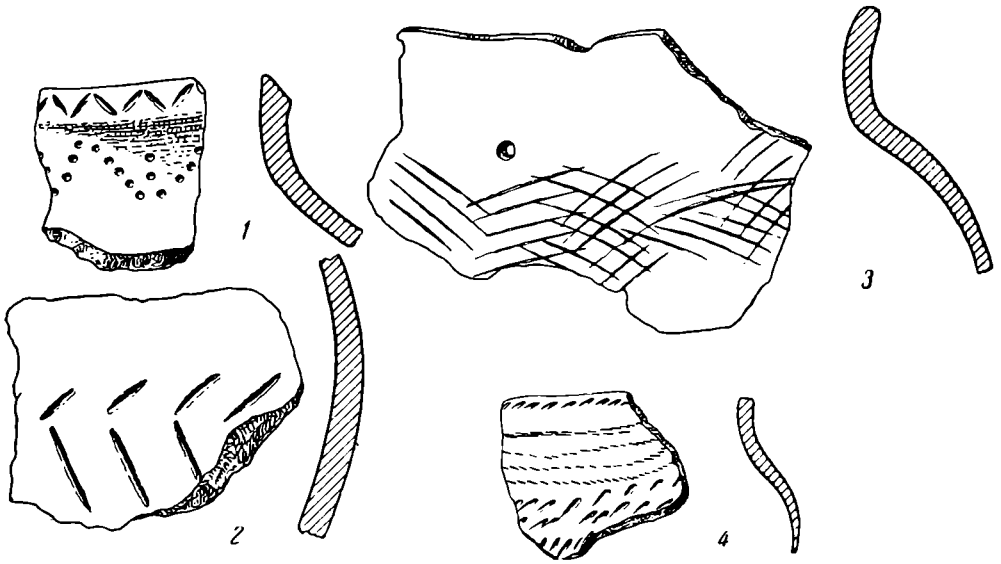

Рис. 8. Редкие керамические находки с Ново-Буринского селища.

Состав находок на селище, характер жилых сооружений и распланировка их в поселении не оставляют сомнений, что Ново-Буринское селище должно быть отнесено к числу типичных для эпохи бронзы Южного Зауралья памятников андроновской культуры. Несмотря на сравнительно скудные находки, они все же достаточно красноречиво характеризуют экономику населения. На первом месте, несомненно, стояло скотоводство. На это указывает состав найденных на селище костей: 96,61% их принадлежат домашним животным (см. таблицу).

Следовательно, охота в хозяйстве населения данного селища играла незначительную роль. По заключению И. А. Шергиной, производившей определение костей, крупный рогатый скот отличался значительными вариациями в размерах, но все варианты мельче серого украинского скота и сходны с мелкими северными русскими породами. Остатки лошади представлены двумя породами: одной — очень крупной и другой — мелкой.

Данные о составе стада и объектах охоты в общих чертах рисуют ту же картину, которая нам известна по результатам исследования других андроновских поселений — Кипельского и Алексеевского. Разница заключается в том, что на степном Алексеевском поселении встречено несколько степных видов животных.

На Ново-Буринском и Кипельском селищах, расположенных в полосе лесостепи, в составе диких животных отмечены только лесные виды, а в

---

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., рис. 55, *11*.

[6] Покровский район Свердловской области.

[7] К. В. Сальников. Раскопки на озере Березовом. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 126.

составе домашних решительно преобладал крупный рогатый скот; на Алексеевском же селище на первом месте стояли мелкий рогатый скот и лошадь, что характерно для степной полосы.

Эти наблюдения намечают различия в характере скотоводства у андроновских племен в лесостепной полосе, с одной стороны, и в степной,— с другой, а также заставляют поставить вопрос,— столь ли велики были

Состав костей, найденных на Ново-Буринском селище

Животные	Число костей	% к общему количеству костей	Минимальное число особей	% к общему числу особей
1. Домашние				
Лошадь	25	7,66	3	12
Крупный рогатый скот	241	73,92	11	44
Мелкий » »	48	14,72	7	28
Собака	1	0,31	1	4
Итого	315	96,61	22	88
2. Дикие				
Косуля азиатская .	5	1,54	1	4
Волк	5	1,54	1	4
Бобр	1	0,31	1	4
Итого	11	3,39	3	12
Всего .	326	100	25	100

отличия природных условий в ксеротермический период, совпадающий с эпохой бронзы, от природных условий современности, как это обычно принято считать.

На земледелие указывают обломки зернотерок. Об обработке меди говорят находки кусков медной руды, обломки молота и сопла. Все эти предметы подтверждают наблюдения, сделанные на других андроновских селищах Зауралья, о развитой медной металлургии, которая заключалась не только в отливке из меди и бронзы различных изделий, но и в плавке руды, видимо, на каждом селище.

Несмотря на то, что раскопками не вскрыто ни одного полного жилища и остались некоторые неясности относительно их конструкции, не подлежит сомнению, что жилища представляли собой прямоугольные полуземлянки с несколькими очагами примитивного устройства (кострища, ямы) и имели крупные размеры. Эти данные, в соответствии с характером экономики позволяют в обнаруженных полуземлянках видеть коллективные жилища больших патриархальных семей.

Памятники у с. Ново-Бурино относятся к одной эпохе и оставлены племенами одной — андроновской — культуры.

Оба исследованных могильника и древнейшие слои Ново-Буринского селища следует датировать ранним временем существования андроновской культуры. Для более позднего времени характерен уже обряд погребения

по способу трупоположения. Но на селище имеются и поздние наслоения с керамикой замараевского типа.

Результаты исследования памятников у с. Ново-Бурино показывают, что погребения андроновской культуры с трупосожжениями распространены шире, чем предполагалось ранее, когда этот обряд был известен только в окрестностях Челябинска. Впервые открыто андроновское селище, по-видимому, связанное с курганами с трупосожжениями. Раскопки у с. Ново-Бурина подтвердили обычность обширных мощных зольников, наличие впадин на современной поверхности на месте жилищ, сочетание ранних форм керамики с поздними и т. п. Находки единичных экземпляров черепков от сосудов, типичных по форме и орнаменту для керамики эпохи раннего железа Зауралья, подтверждают местное происхождение сарматских племен лесостепного Зауралья.

Э. Р. РЫГДЫЛОН

ПИСАНИЦЫ БЛИЗ ОЗЕРА ШИРА

Наскальным изображениям Минусинской котловины посвящена обширная литература [1]. Тем не менее ширинские писаницы оставались неисследованными. Единственным краеведом, обратившим на них внимание, был А. П. Ермолаев — сотрудник Краевого музея в г. Красноярске.

Следует сказать, что А. П. Ермолаев усердно занимался этнографией и археологией края [2]. Преждевременная смерть его в 1919 г. прервала начатые исследования, в том числе и его сборы материалов по Туве [3] и исследования могильных памятников, расположенных в окрестностях оз. Шира. В Красноярском краевом музее хранится краткий отчет А. П. Ермолаева об исследовании ширинских могильников в 1913 г.[4] Кроме того, в архиве ИИМК обнаружено письмо А. П. Ермолаева от 11 декабря 1913 г. к А. А. Спицыну и светокопии собранных им рисунков [5]; подлинники этих копий оказались у супруги покойного [6]. Ниже излагаются результаты обработки материалов А. П. Ермолаева и мате-

---

[1] Н. И. Попов. О писаницах Минусинского края. Изв. Сиб. отд. РГО, 1874, т. V, № 2; его же. Общий взгляд на писаницы Минусинского края. Там же 1875, т. VI, № 5-6 и 1876, т. VII, № 1; А. В. Адрианов. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. и другие статьи. Изв. Русск. ком. для изуч. Ср. и Вост. Азии, 1904, № 4; 1906, № 6; 1908, № 8; 1910, № 10; И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. М., 1910; С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. Труды археолог. секции РАНИОН, т. V, 1930, стр. 91—100; К. В. Вяткина. Шалобалинские (тесинские) наскальные изображения. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XII, 1949, стр. 417—434 и другие сочинения.

[2] А. П. Ермолаев. К археологии окрестностей г. Канска Енисейской губернии. «Сибирский архив», № 4, Иркутск, 1912, стр. 1—6; его же. Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический, Ишимская коллекция (с 8 табл.). Красноярск, 1914; его же. Фенологические наблюдения в Енисейской губернии. Изв. Красноярского подотдела РГО, т. II, вып. 6, стр. 1—65; его же. Материалы по народной медицине. «Сибирский архив», № 7-8, Иркутск, 1913, стр. 358—373.

[3] Лишь небольшое извлечение из материалов — краткий отчет об исследованиях в Урянхайском крае в 1915—1918 гг.,— сделанное самим А. П. Ермолаевым, опубликовано в «Сибирских записках» (1919, № 4-5, стр. 34—39) после смерти автора некрологом; см. еще газету «Свободная Сибирь», 1919, № 120; Енисейский вестник, 1919, № 116 и Сибирскую энциклопедию; Урянхайский материал А. П. Ермолаева частично был использован Г. Е. Грум-Гржимайло при составлении обширной монографии «Западная Монголия и Урянхайский край», т. III, вып. II, стр. 572—583, 596—599 и др.

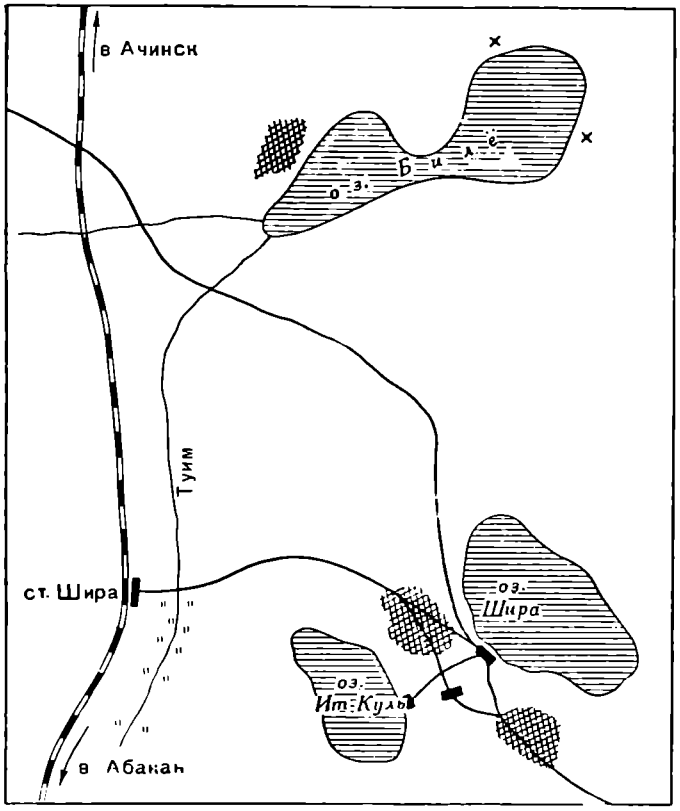
[4] Рукопись, № 506-09/158. Там же имеется описание ширинских могил, составленное С. М. Тюниным (рукопись, № 571-09/484).

[5] Архив ИИМК, ф. 5, д. № 9 (у нас — табл. I—X).

[6] Отчет Э. Р. Рыгдылона за 1947 г., стр. 7. Архив ИИМК.

риалов, собранных нами во время археологических исследований в районе оз. Шира в 1946—1948 гг.[7]

Оз. Шира находится в Хакасской автономной области Красноярского края. По южной стороне озера (рис. 1) расположен обширный могильник, в котором насчитывается более 300 разных курганов. Первым попытался учесть их А. П. Ермолаев. В своем письме к А. А. Спицыну он говорит,

1 Рис. 1. Схематический план распространения древних писаниц.

2 *1* — изображения на плитах; *2* — изображения на скалах.

что «каждый курган а) обмеривался, б) составлялся схематический планчик расположения плит ограждения и их ориентировки, в) зарисовывался контур каждой плиты (кроме лежащих) и г) перекопировались все знаки и рисунки, какие оказались на плитах, наиболее интересное эстампировалось; все дополняется соответствующими описаниями в дневнике, рисунки описаны подробно — пофигурально. Таким образом, описано 225 курганов, а для возможных справок они перенумерованы (масляной краской — $\frac{№\,00}{1913}$)»[8]. Действительно, на некоторых плитах больших курганов и теперь сохранилась нумерация А. П. Ермолаева.

[7] Э. Р. Рыгдылон. Отчеты об археологических разведках, проведенных на Енисее летом 1946, 1947 и 1948 гг. Архив ИИМК.

[8] Архив ИИМК, ф. 5, д. № 9, л. 1. Дневники и описания А. П. Ермолаева, видимо, утрачены. Несколько эстампажей и рисунков ширинских могил хранятся в Красноярском музее.

В отношении техники копировки рисунков А. П. Ермолаев писал, что на изображения накладывалась сетка и по ее делениям наносились фигуры на миллиметровую бумагу [9]. Так же поступали и мы, проверяя и уточняя рисунки А. П. Ермолаева на месте и зарисовывая новые изображения. Таким путем составлено 14 таблиц с изображениями в масштабе около $^1/_4$ натуральной величины [10].

1

Прежде всего приведем сведения о курганах, на плитах которых были встречены рисунки, и сведения о раскопке одного из них И. П. Кузнецовым.

Курган № 1 имеет едва заметную насыпь овальной формы. По краям ее вкопано вертикально 8 массивных плит, образующих в плане четырехугольник (13 × 15 м), углы которого ориентированы по странам света. На 3 плитах этого кургана имеются рисунки (табл. I — рис. А, 1, 2 и 3).

Курган № 2 сильно разрушен. Судя по оставшимся на месте плитам, он имел четырехугольную ограду (9 × 10 м), ориентированную углами по странам света. К юго-западу в 10—12 м от кургана стоит одиночная плита с рисунками (табл. I — рис. Б и 4).

Курган № 3 отмечен едва заметной четырехугольной оградой, где выделяются 4 угловые плиты, ориентированные по странам света, и 4 боковые плиты. На двух из угловых плит (северной и западной) есть изображения (табл. II — рис. В, 4 и 5).

Курган № 4 имеет несколько необычную форму (рис. 2). Длина 3 сторон ограды — по 6 м, а четвертой (северо-восточной) — 8 м. Четыре угловые плиты ориентированы по странам света. Земляная насыпь в настоящее время едва заметна (табл. II — рис. Д). Рисунки настолько выветрены, что скопировать их нельзя.

У кургана № 5 обнаружено 10 вертикальных плит: 4 угловые, ориентированные по сторонам света, по 2 плиты на длинных сторонах и по одной — на коротких. По-видимому, под насыпью находятся 3 могилы, имеющие общую ограду; размер длинной стороны ограды — 15 м, коротких — по 7 м. На одной из боковых (с юго-востока) плит обнаружены фигуры (табл. II — рис. Г и 6).

Курган № 6 — почти квадратной формы (8 × 9 м). На расстоянии около 12 м от него к юго-западу стоит одинокая плита, как у кургана № 2. Высота насыпи — около 1 м. Изображения имеются на плите, лежащей на боку (табл. II — рис. Б и 3).

Курган № 7 отмечен 4 угловыми плитами, расположенными в 7—8 м друг от друга и ориентированными по странам света. Рисунки расположены на 2 угловых плитах (табл. II — рис. А, 1 и 2).

Курган № 8 окружен четырехугольной оградой (10 × 14 м) из песчаниковых плит, которые не все сохранились. К северо-восточной стороне ограды пристроен вход в виде зарытых на ребро в 2 ряда плит, в 1 м друг от друга. На противоположной, юго-западной стороне, в 10—12 шагах от кургана врыта одиночная плита, направленная выдающимся вперед ребром прямо на вход, т. е. на северо-восток, куда обычно направлены все угловые плиты оград тагарских курганов. На одной из таких плит кургана № 8 высечено изображение (табл. III — рис. А и 1).

[9] Письмо А. А. Спицыну и отчет А. П. Ермолаева.

[10] Табл. IX—XIV скопированы в $^1/_6$ натуральной величины, табл. XII и XIII — в $^1/_2$ натуральной величины.

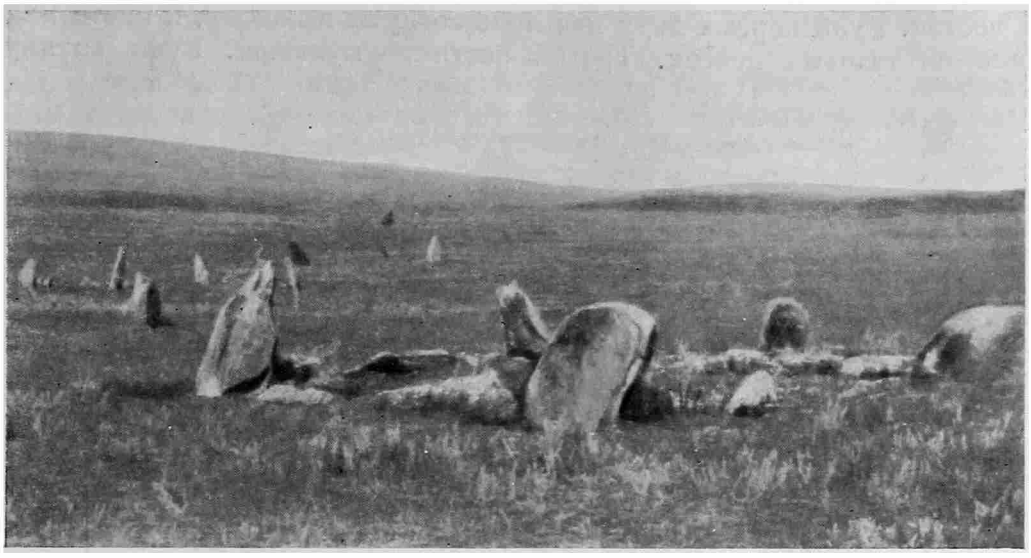

Рис. 2. Курган № 4.

Курган № 11 состоит из двух смежных четырехугольных оград с выступающими угловыми плитами, причем пристройка (7 × 8 м) немного меньше, чем основной четырехугольник (8 × 9 м). Следует заметить, что курганов с пристройками зарегистрировано довольно много; например курган № 19 состоит из 4 последовательных оградок, заключенных в плоской насыпи. Рисунки отмечены на двух из угловых плит кургана № 11 (табл. III — рис. Б, 2 и 3).

Таков внешний вид курганов. О внутреннем их содержании можно судить лишь по материалам произведенных И. П. Кузнецовым раскопок одного из курганов [11].

В 1910 г., в 5—6 км от курорта на оз. Шира, по дороге в с. Батени, был раскопан курган с четырехугольной оградой и с 8 выступающими плитами (ср. курган № 1). Высота насыпи равнялась одной четверти аршина. Углы ограды, по сообщению И. П. Кузнецова, были ориентированы по странам света. Под дерновым слоем, против среднего камня восточной стороны ограды, на расстоянии в аршин с четвертью от нее обнаружена жертвенная яма длиной 6 четвертей, шириной 4 четверти и глубиной 2 четверти аршина. В юго-восточном углу могилы оказалась вторая яма длиной 5 четвертей и глубиной 2 четверти 3 вершка. Размер могильной ямы с запада на восток — 4,25 аршина (около 3 м) и с юга на север — 3,5 аршина (2,5 м). В этой яме, начиная с 0,75 аршина попадались угольки и древесные остатки. На глубине 2,5 аршина по стенам ямы оказались следы лиственничного сруба в один венец толщиной 0,25 аршина. На северо-восточной части ямы были следы огня. Судя по следам древесного тлена, сруб имел настил. И. П. Кузнецов обнаружил здесь 12 человеческих костяков, вытянутых на спине, и скелет собаки. Наше описание мы ведем, начиная с крайнего южного костяка (рис. 3).

Первый и второй костяки признаны И. П. Кузнецовым женскими. Вещей при них не было. Рядом с первым костяком обнаружен скелет собаки. Голова ее направлена на запад, т. е. туда, куда ориентированы все погребения людей, за исключением трех последних, уложенных головами

[11] Архив ИИМК, 1907 г., д. № 24.

на восток. Руки первых двух костяков согнуты в локтях, и кисти их лежали на тазовых костях. Третий костяк — мужской. Руки вытянуты

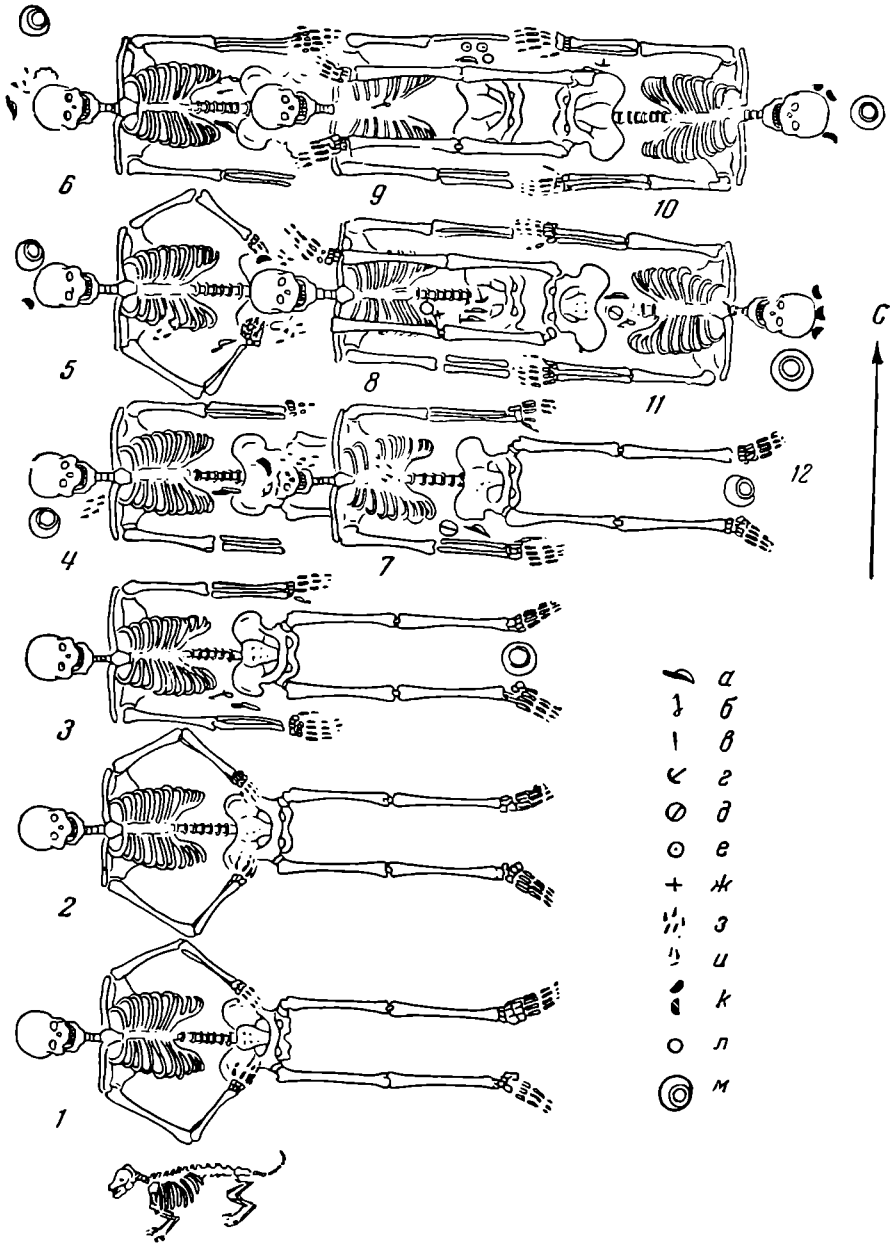

Рис. 3. Схема расположения костяков в кургане близ оз. Шпра (По И. П. Кузнецову).

а—бронзовый нож; *б*—бронзовая булавка; *в*—бронзовая иголка; *г*—клевец *д*—бронзовое зеркало; *е*—зеркало с ушком; *ж*—наконечник стрелы; *з*—медные и костяные пронизки; *и* — украшения; *к*—нашивка полушаровидной формы; *л*—круглая бляха; *м*—глиняная посуда.

вдоль бедер. С правой стороны у таза обнаружены бронзовый нож и булавка, у ног — нижняя часть глиняного сосуда (рис. 4, *8*). Четвертый костяк лежал рядом с предыдущим. У шейных позвонков найдены: 1 медная и 2 костяные пронизки и несколько обломков конусообразных украшений

(пронизок). С правой стороны черепа находились обломки глиняного сосуда (рис. 4, *4*) и у нижних позвонков — бронзовый нож с обломанным концом (рис. 4, *1*). Пятый костяк — женский (?). Кисти рук лежали на тазовых костях. При нем найдены: бляшка полушаровидной формы у

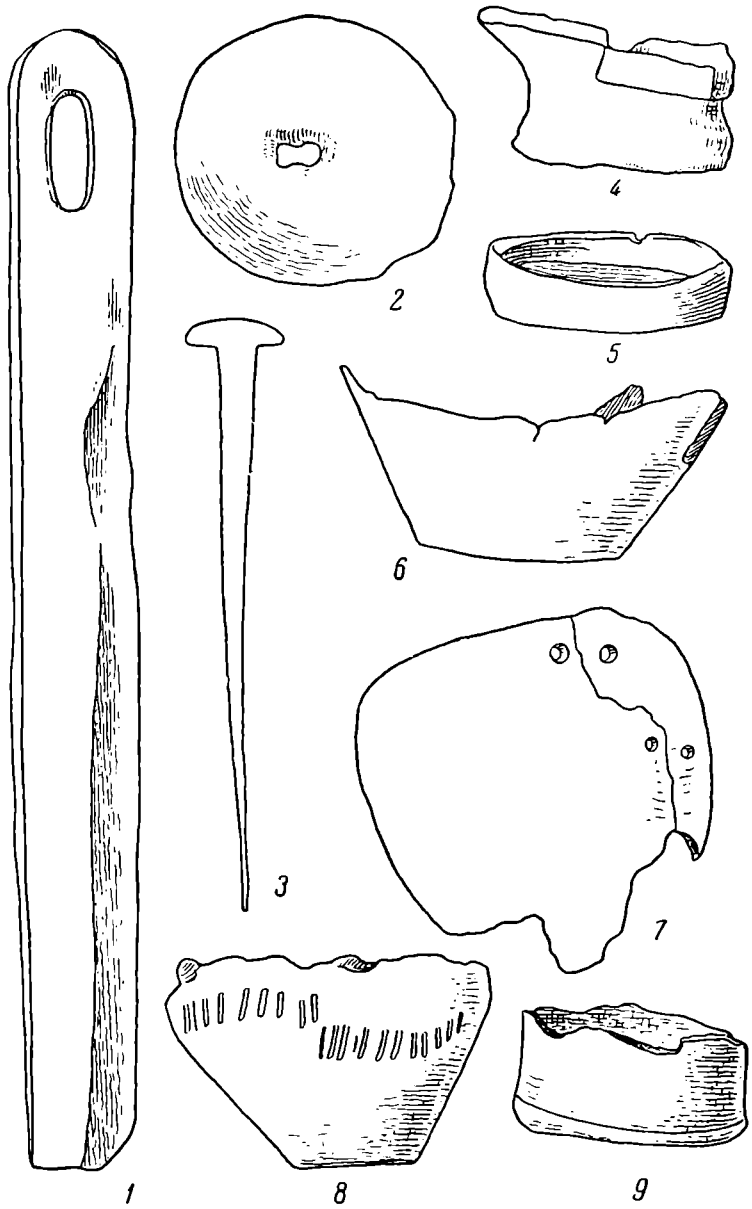

Рис. 4. Вещи из кургана близ оз. Шира (по И. П. Кузнецову).

1—бронзовый нож (костяк 4); *2*—полушаровидная бронзовая бляшка (костяк 11); *3*—булавка (шило) четырехгранная с грибовидной головкой (костяк 6); *4—9* —глиняная посуда (костяки 4, 7, 11, 5, 3 и 10).

черепа, пронизки у ребер, бронзовый нож у таза и обломок глиняного сосуда с левой стороны черепа (рис. 4, *7*).

Шестой костяк — мужской, его руки были вытянуты вдоль бедер. Около таза обнаружены булавка [12] (рис. 4, *3*) и иголка из красной меди,

[12] Булавками названы бронзовые шилья (проколки), встречаемые обычно с бронзовыми ножами. Форма проколок разная и назначение их не ясно.

а также бронзовый нож. У головы с левой стороны — бляшка полушаровидной формы и пронизка из медных пластин. Немного в стороне от черепа были собраны обломки глиняных сосудов, выше черепа — остатки втульчатого орудия, нож и кусочек кожи от ножен (?). Седьмой костяк был положен на ноги четвертого. У раздавленного черепа, лежавшего на тазе четвертого костяка, найдены бляшки в виде полушарий и цилиндрические конусообразные пронизки из меди и кости. На правой стороне таза находились бронзовое зеркало и нож, на груди — украшение в виде раковины и в ногах — дно глиняного сосуда (рис. 4, *5*). Восьмой костяк лежал на ногах пятого. У височных костей найдены полушаровидные бляшки, конические пронизки из тонкой меди и 4 цилиндрические бусины из кости. На тазовых костях находились 2 бронзовых ножа и 1 чекан (клевец); ниже ребер — украшение в виде раковины, круглая бляха (зеркало?) и костяной наконечник стрелы.

Девятый костяк лежал на ногах шестого. Среди ребер найдены булавка, а около левой тазовой кости — бронзовые нож и бляха в виде зеркала без ушка и 2 медных зеркала с ушками. Десятый костяк лежал «валетом» с девятым, и ноги последнего оказались под ногами десятого. У черепа найдены 3 нашивных украшения в виде полушария, у тазовой кости — бронзовый клевец и нож. У головы покойника была положена нижняя часть глиняного сосуда (рис. 4, *9*). Одиннадцатый костяк лежал также «валетом» с восьмым; его ноги находились на плечах восьмого костяка. У черепа — 3 нашивные полушаровидные бляшки (рис. 4, *2*); среди позвонков — бронзовый нож, булавка и зеркало. У головы, с левой ее стороны, было положено дно глиняного сосуда (рис. 4, *6*). Двенадцатый костяк был нарушен и И. П. Кузнецову не удалось установить его точного местоположения.

Коллективный обряд погребения не типичен для раннего периода тагарской культуры, но вещи, найденные здесь И. П. Кузнецовым, характерны для первой стадии этой культуры [13].

2

Рисунки изображений на каменных плитах курганов в окрестностях оз. Шира и в других местах Минусинской котловины приведены нами на 14 таблицах, снабженных краткими описаниями изображаемого.

Первые 9 таблиц (I—IX) содержат 271 изображение на 73 плитах. Несмотря на значительное количество фигур, они весьма однообразны: 110 фигур антропоморфны, 59 — зооморфны и 102 представляют собой геометризированные фигуры. Все эти рисунки едины как по местонахождению, так и по технике их исполнения. Это обстоятельство заставляет считать их одновременными и по всем признакам относящимися к тагарской эпохе. Удалось определить, что изображения были нанесены после установки плит, всегда на наземной их части, с внешней стороны оград, т. е. рисунки как бы посвящались не только умершим, но и окружающим. На плитах больших курганов, возникших здесь в позднетагарское время, рисунки отсутствуют, несмотря на то, что их плиты вполне пригодны для нанесения писаниц. Единственным исключением являются рисунки, представленные на табл. X: они скопированы с угловой плиты большого

[13] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 228, 229. К сожалению, не установлено место хранения вещей. Только 9 предметов, присланных в Археологический комитет, были переданы, по желанию И. П. Кузнецова, в музей Рязанской ученой архивной комиссии.

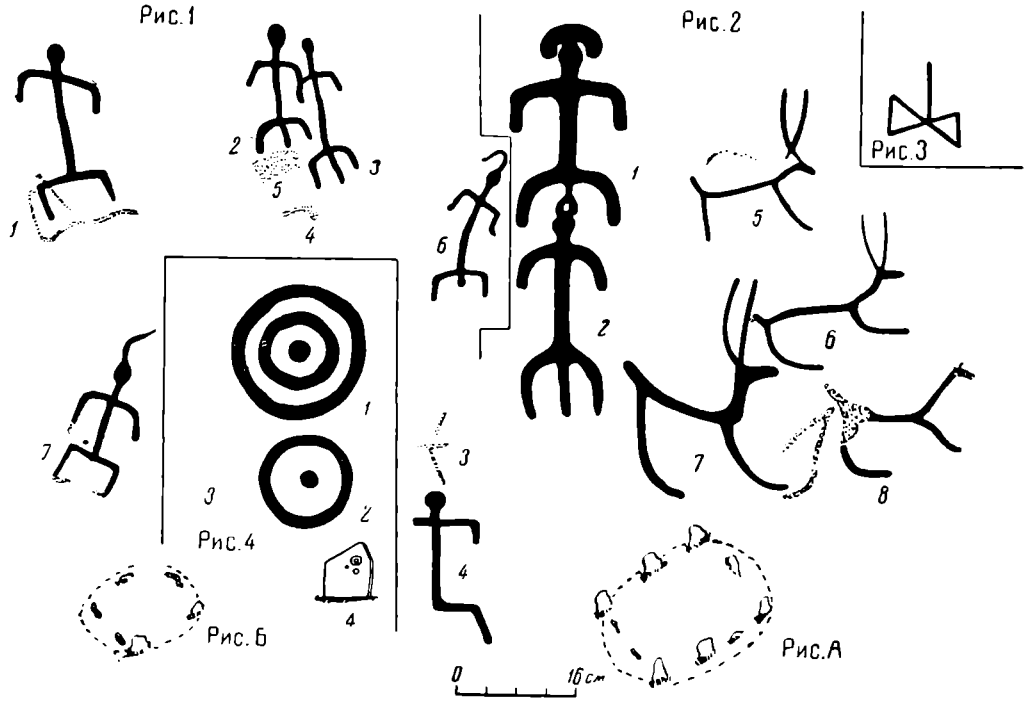

Табл. I

Рис. А—курган № 1; рис. 1 *1—3, 6, 7*—изображения людей, *4,5* —следы рисунков; рис. 2: *1,2*—изображения женщины и мужчины, *3*—набросок фигуры летящей птицы (?), *4*— незаконченное изображение человека, *5 — 8* — изображения животных (коз?); рис. 3—геометрическая фигура. Рис. Б—курган № 2; рис. 4: *1—3*—геометрические фигуры, *4*—расположение их на камне.

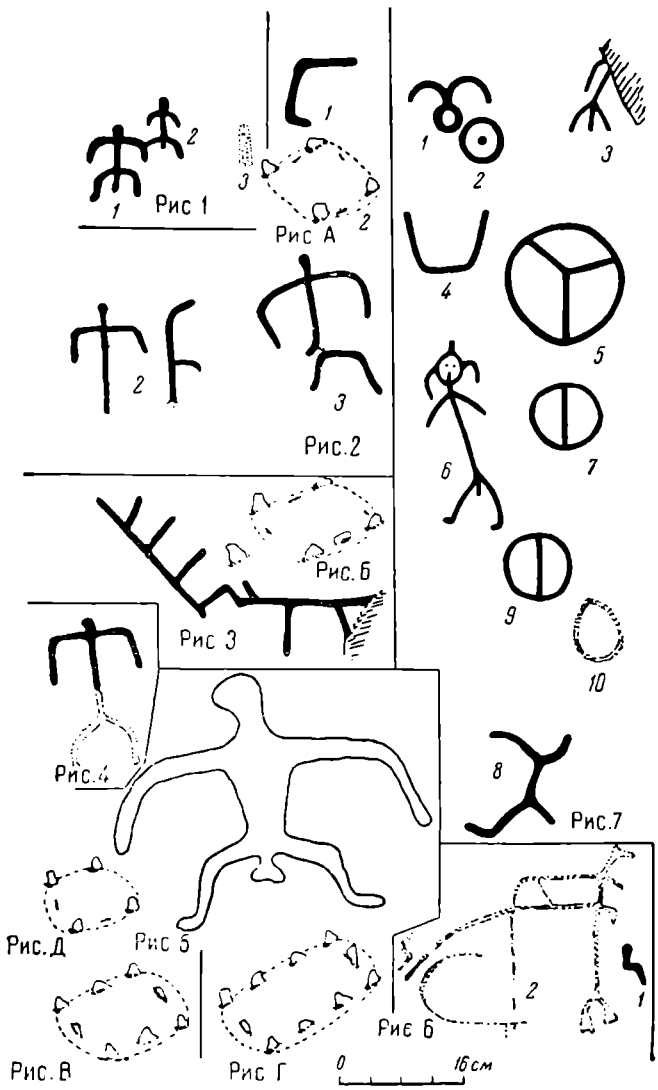

Табл. II.

Рис. А —курган № 7; рис. 1 *1*, — изображения мужчин, *3*—неясная фигура; рис. 2: *1*—геометрическая фигура, *3*—изображения людей. Рис. Б — курган № 6; рис. 3—схематическое изображение 2 животных. Рис. В —курган № 3; рис. 4—изображение человека (до пояса); рис. 5—контурное изображение человека. Рис. Г — курган № 5; рис. 6: *2*—изображения животных (?), *1*—изображение верхней части человека. Рис. 7 (номер кургана не установлен): *1, 2, 4, 5, 7—10*—геометрические фигуры, *3*—неполное изображение человека, *6* — изображение человека. Рис. Д—курган № *4*.

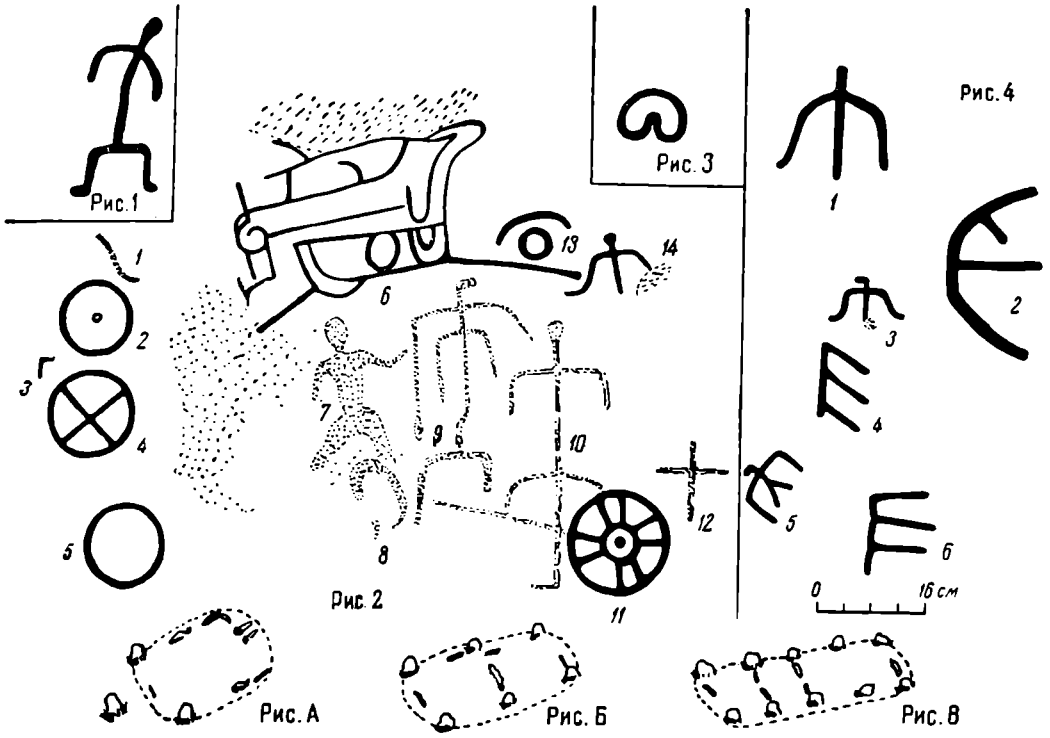

Табл. III.

Рис. А. —курган № 8; рис. 1—изображение человека. Рис. Б—курган № 11; рис. 2: *1, 3* —следы изображений, *2, 4, 5, 8, 12, 13*—геометрические фигуры, *6*—стилизованное изображение животного, *7*—неясное изображение человека, *9, 10*—следы изображений людей или птиц, *11*—изображение колеса, *14* —изображение птицы или верхней части человека; рис. 3—тамга. Рис. В—курган, номер которого не установлен; рис. 4: *1, 5* —изображения птиц, *2, 4, 6* —геометрические фигуры.

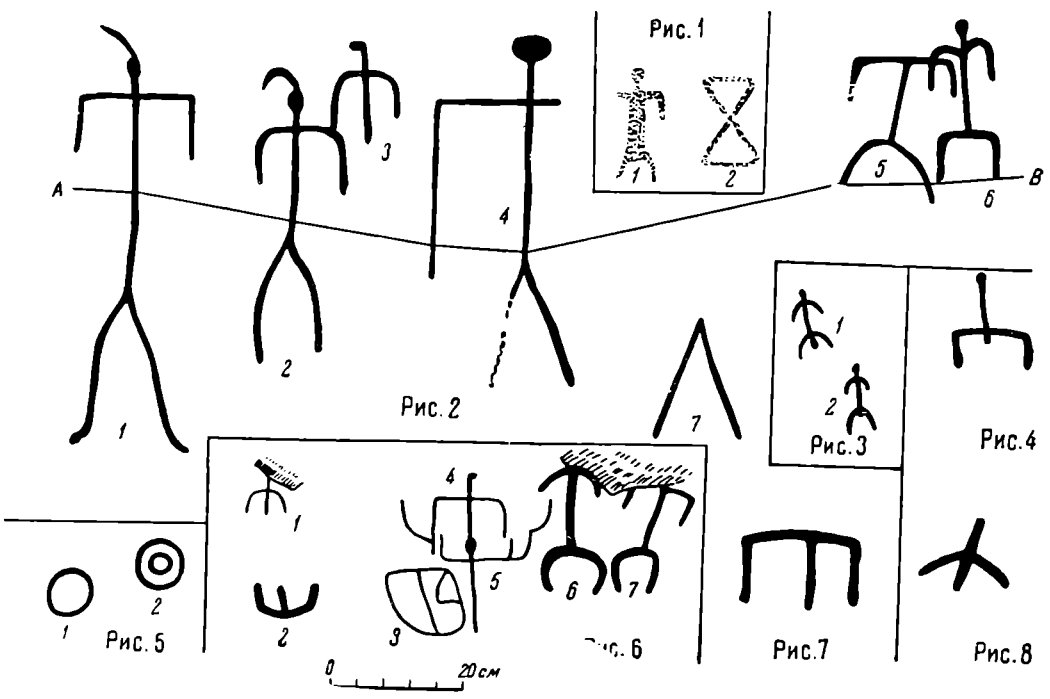

Табл.

Рис. 1: *1*—изображение человека, *2*—геометрическая фигура; рис. 2: *1, 2, 4—6*—изображения людей, *3*—изображение птицы, *7*—геометрическая фигура, *AB* —линия насыпи; рис. 3 (курган № 37): *1, 2*—изображения людей; рис. 4—незаконченное изображение человека; рис. 5: *1, 2*—геометрические фигуры; рис. 6: *1, 4*—изображения птиц; *2, 3*—геометрические фигуры, *5—7*—изображения людей; рис. 7— геометрическая фигура; рис. 8— изображение летящей птицы.

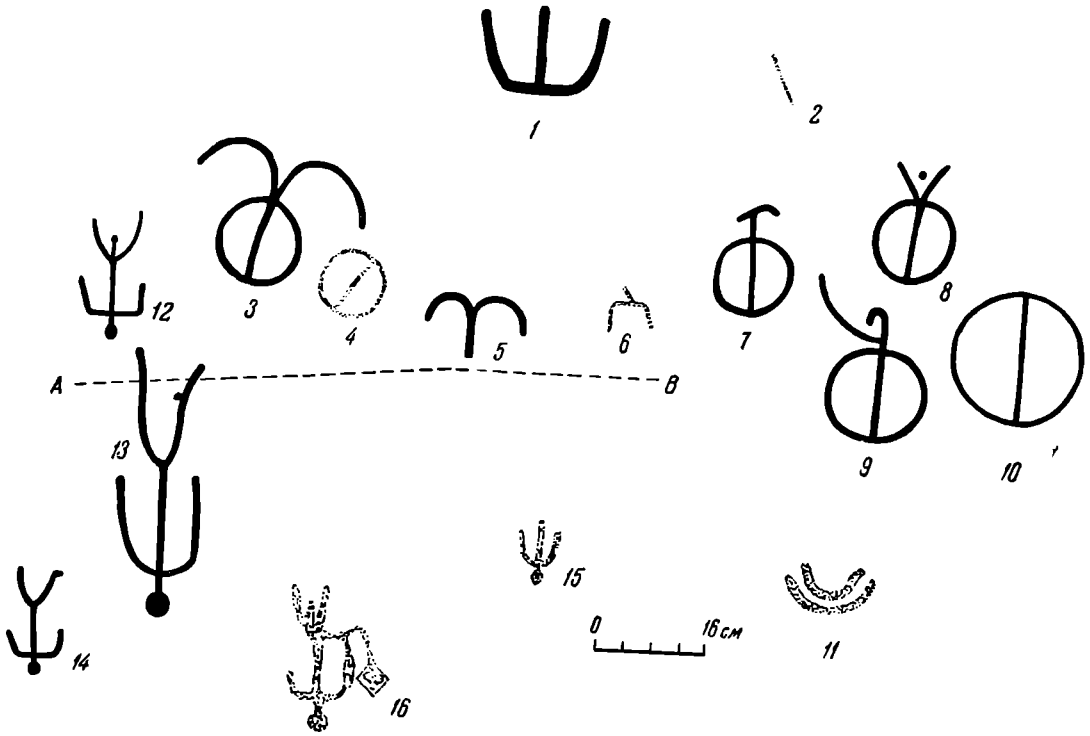

Табл. V

1—11 - геометрические фигуры; *12—16*—изображения человеческих фигур вверх ногами;

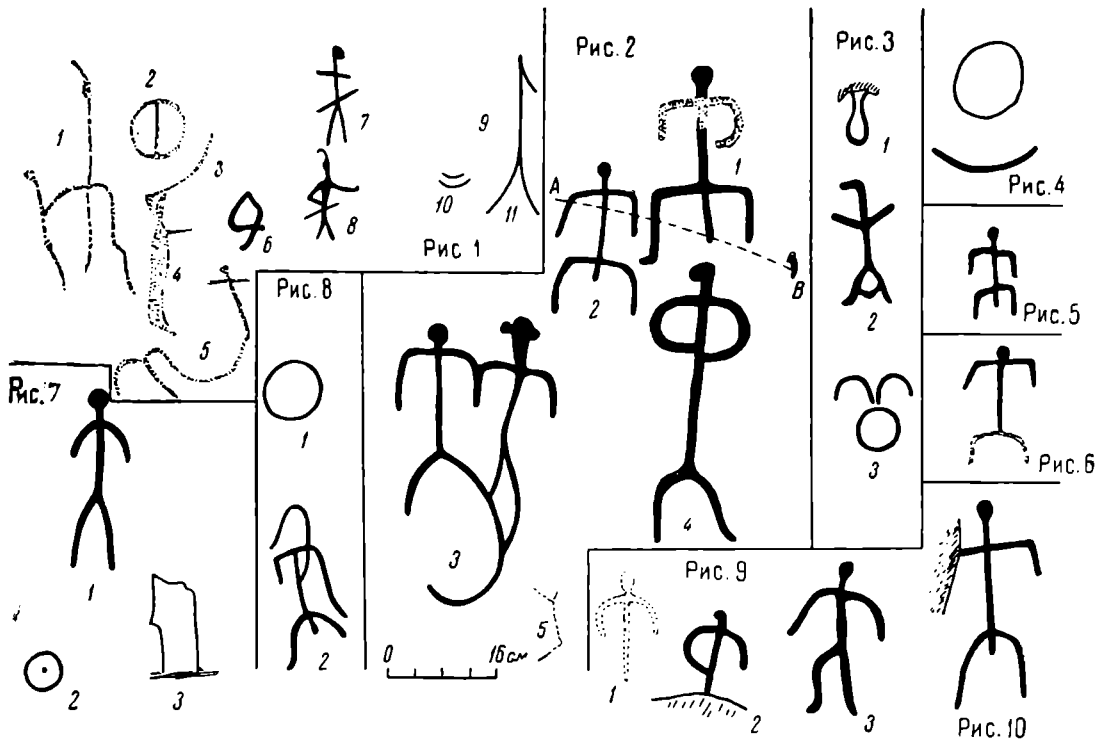

Табл. VI.

Рис. 1: *1*—следы стилизованного изображения птицы, *2*, *3*, *6*, *9*, *10*—следы геометрических фигур, *4*—следы изображения животного, *5*—следы непонятного изображения, *7*, *8*—изображения людей с мечами у пояса, *11* —непонятное изображение; рис. 2: *AB* —поверхность земли, *1—4*—изображения людей, *5*—следы изображения животного; рис. 3: *1*—непонятное изображение, *2* — изображение птицы, *3*—геометрическая фигура; рис. 4—геометрические фигуры; рис. 5—изображение человека; рис. 6—изображение человека; рис. 7: *1*—изображение человека, *2*—геометрическая фигура, *3*— вид плиты с рисунками; рис. 8: *1*—геометрическая фигура, *2*—изображение человека; рис. 9: *1*—следы изображения человека, *2*, *3*—изображения людей; рис. 10—изображение человека.

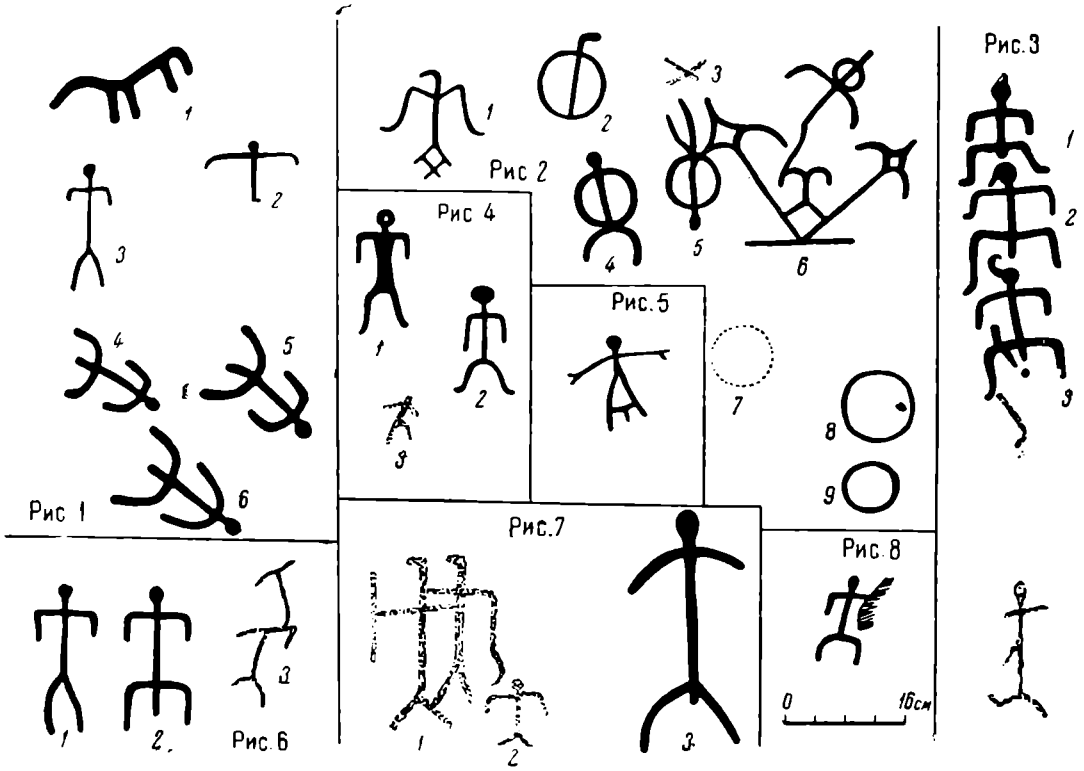

Табл VII.

Рис. 1: *1*—изображение животного, *2—6*—изображения людей (последние три — вниз головой); рис. 2 (курган № 64): *1* —стилизованное изображение птицы, *2*, *3*, *7—9*—геометрические фигуры, *4*, *5*—изображения людей, *6*—неопределенное сложное изображение; рис. 3: *1—4*—изображения людей; рис. 4: *1—3*— изображения людей; рис. 5 (курган № 121)— изображение человека; рис. 6: *1*, *2*—изображения людей, *3*—след рисунка; рис. 7: *2*, *3* — изображения людей, *1*—геометрическая фигура; рис. 8 — изображение человека.

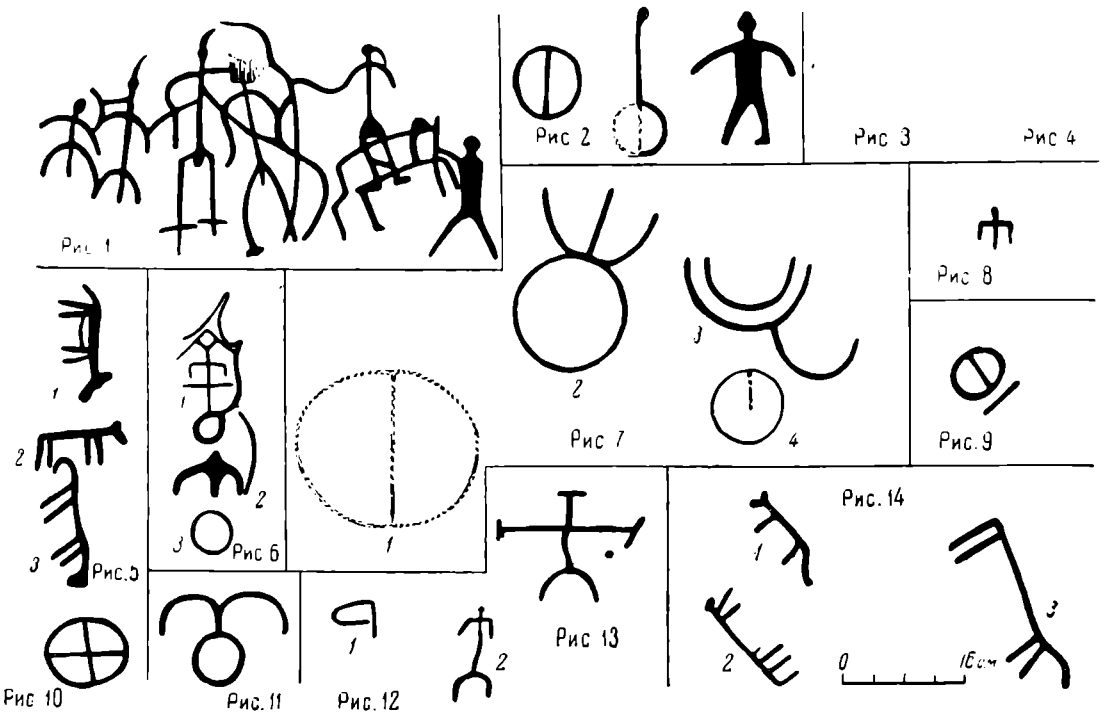

Табл. VIII.

Рис. 1 (курган № 179) — изображение группы людей; рис. 2: *1,2*— геометрические фигуры, *3* — изображение человека; рис. 3 и 4 — неясные геометрические фигуры; рис. 5 (курган № 208): *1—3*— изображения животных; рис. 6 (курган № 195), *1, 2* — стилизованные изображения людей (?) и геометрические фигуры, *3*— геометрическая фигура; рис. 7 (курган № 141): *1—4* — геометрические фигуры; рис. 8 — изображение человека; рис. 9—11— геометрические фигуры; рис. 12: *1*— геометрическая фигура, *2* — изображение человека; рис. 13 — изображение человека; рис. 14: *1—3* —изображения животных.

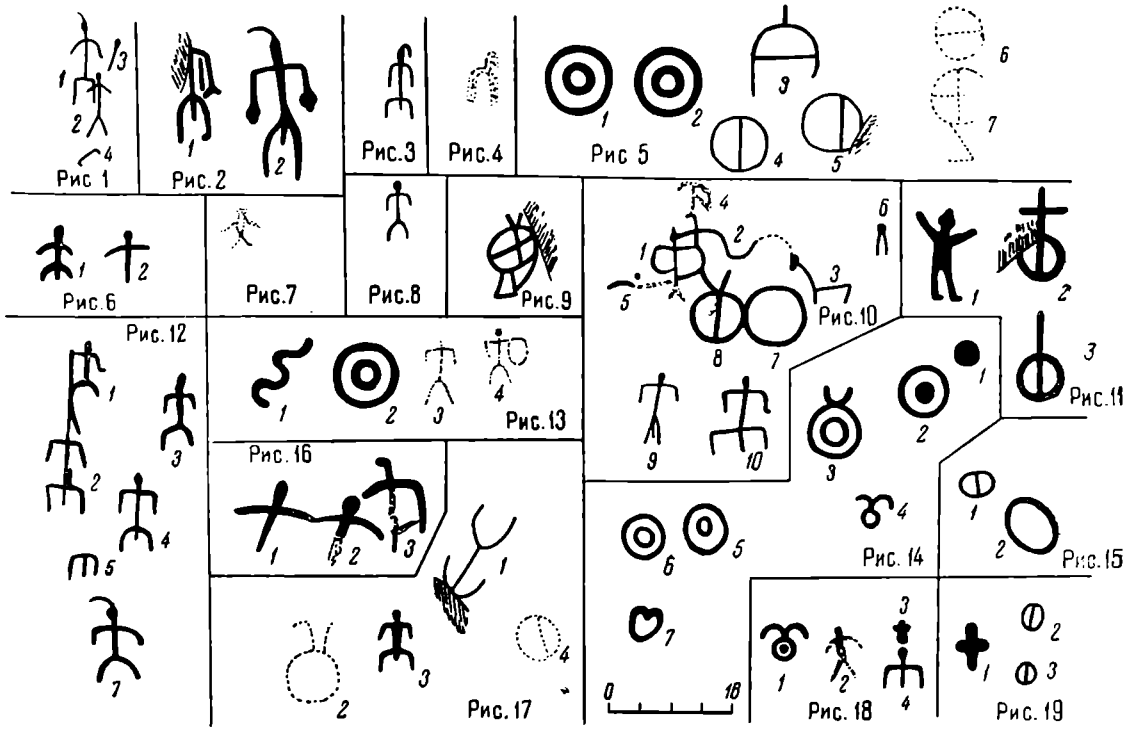

Табл IX.

Рис. *1*. *2* — изображения людей, *3*, *4* — геометрические фигуры; рис. 2 и 3—изображения людей; рис. 4 и 5 — геометрические фигуры; рис 6—8 — изображения людей; рис. 9 — геометрические фигуры; рис. 10: *1—3* — изображения человека, птицы и животного, соединенные линиями, *4*, *9*, *10* — изображения людей, *5—8* — геометрические фигуры; рис. 11: *1*— изображение человека, *2*, *3*—геометрические фигуры; рис. 12: *1—4*, *6* — изображения людей, *5* — геометрическая фигура; рис. 13: *1*— изображение змеи, *2* — геометрические фигуры, *3*, *4* — изображения людей; рис. 14: *1—7* — геометрические фигуры; рис. 15: *1*, *2* — геометрические фигуры; рис. 16: *1* — *3* — незаконченные изображения людей и птиц, рис. 17: *1*,*3*— изображения людей, *2*,*4* — геометрические фигуры; рис. 18 *1*, *3* — геометрические фигуры, *4* — изображения людей; рис. 19: *1—3* — геометрические фигуры.

Табл. X.

1— 3, *5*, *6* — изображения людей; *4* — изображение лошади, *7*, *8*, *10* — геометрические фигуры; *9*— изображение птицы.

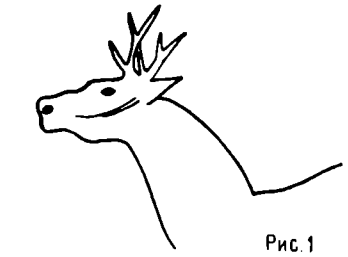

Рис. 1

Рис. 2

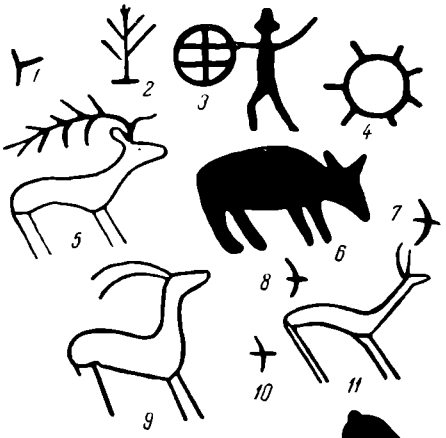

Рис 3

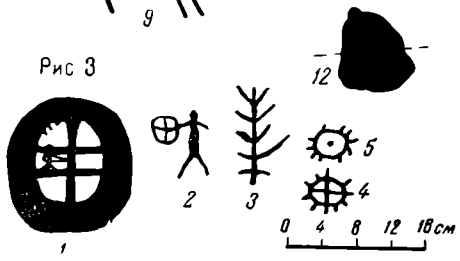

Табл. XI.

Рис. 1 — изображение оленя (нат. вел.); рис. 2: *1*, *7*, *8*, *10* — изображения летящих птиц, *2* — изображение дерева, *3* — изображение человека, *4* — изображение солнца, *5*, *6*, *9*, *11* — изображения животных (оленя, медведя, горного козла, косули), *12* — неясная фигура; рис. 3: *1* — изображение бубна, *2* — изображение шамана с бубном, *3* — изображение дерева, *4*, *5* — изображения солнца и луны (по А. В. Адрианову). Рисунки выполнены красной краской.

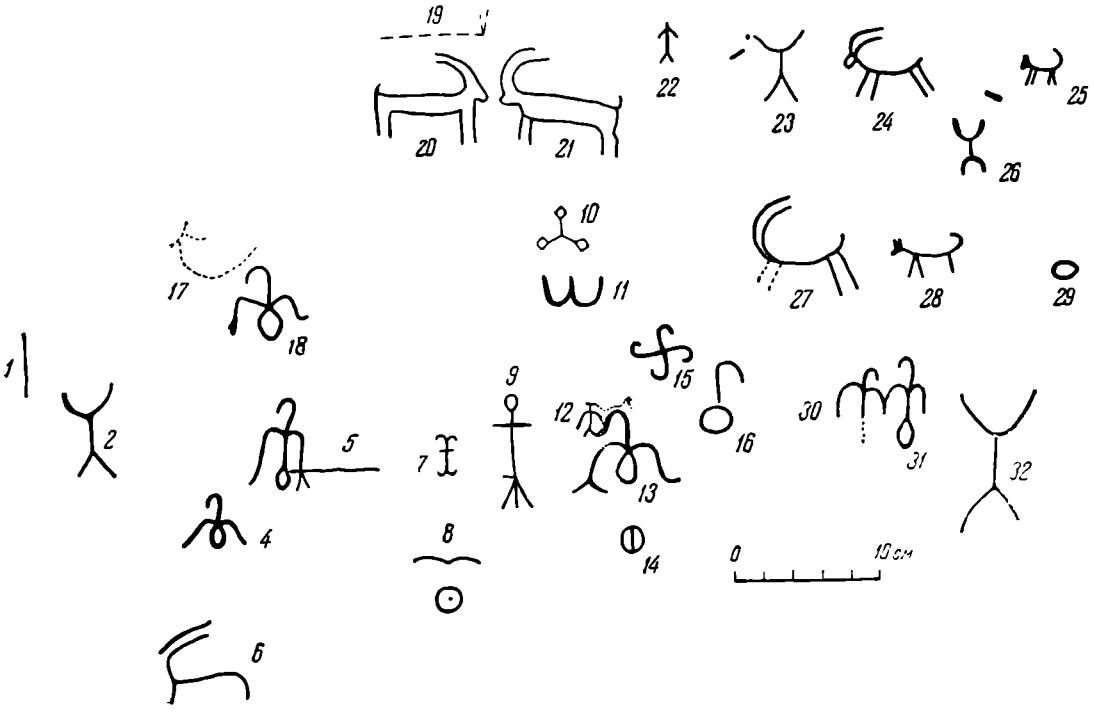

Табл. XII.

1, *7*, *8*, *10*, *11*, *14*—*17*, *19*, *29* — геометрические фигуры; *2*, *9*, *22*, *23*, *26*, *32* — изображения людей; *4*, *5*, *13*, *15*, *30*, *31* — изображения птиц; *6*, *20*, *21*, *24*, *27* — изображения козлов; *25*, *28* — изображения собак.

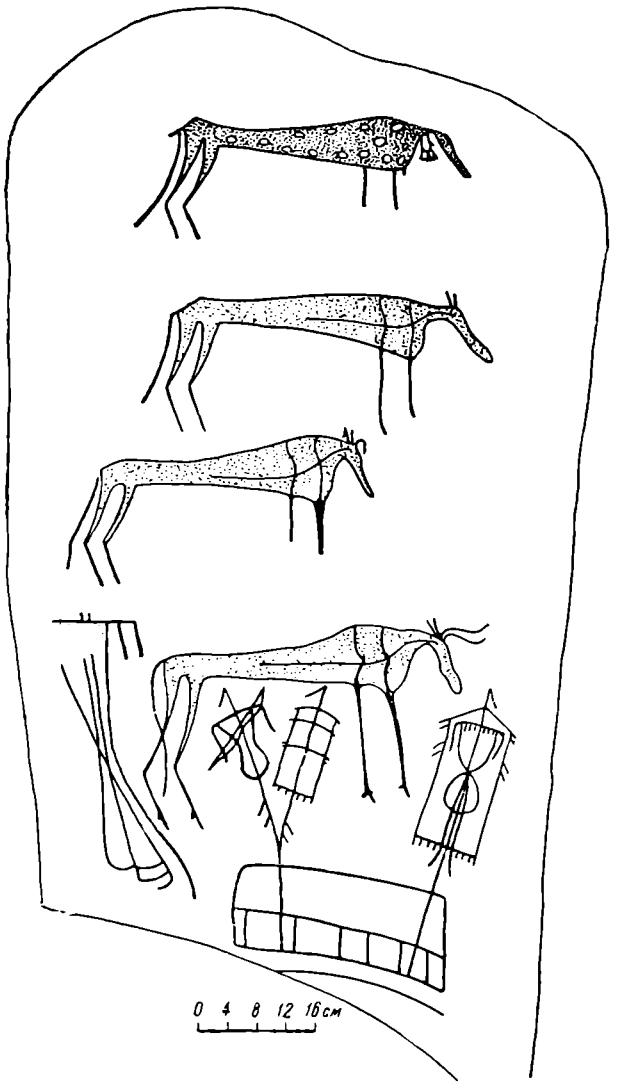

Табл. XIII. Сцена освящения животных и боевых доспехов.

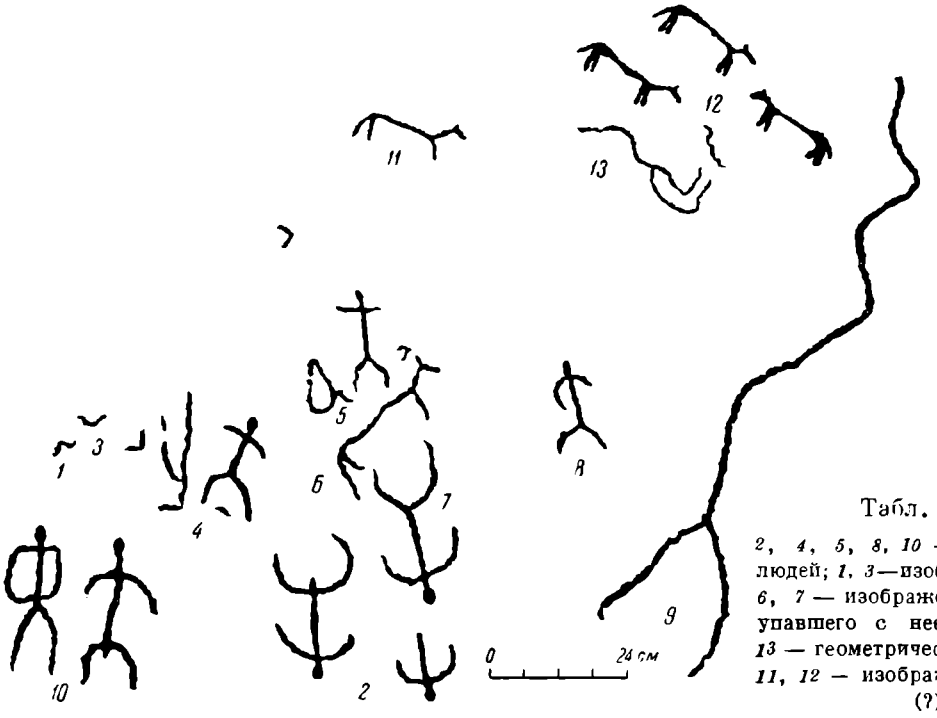

Табл. XIV.

2, *4*, *5*, *8*, *10* — изображения людей; *1*, *3* — изображения птиц; *6*, *7* — изображения лошади и упавшего с нее человека; *9*, *13* — геометрические фигуры; *11*, *12* — изображения лошадей (?)

земляного кургана. Изображенные на ней фигуры людей по технике нанесения и выполнению схожи с описанными выше схематическими изображениями. Это памятники, вероятно, несколько более позднего происхождения.

На 4 таблицах (XI—XIV) изображены рисунки из разных мест Минусинской котловины.

А. П. Ермолаев писал А. А. Спицыну о том, что на плите, найденной им на самом курорте, у оз. Шира, оказалась писаница, исполненная красной краской. «А. В. Адрианов, которому я показывал этот камень,— пишет А. П. Ермолаев,— подтвердил тождество краски с подобными писаницами, зарисованными им на р. Мане Красноярского уезда»[14]. Плита была доставлена в Красноярский музей.

Изображения эти (табл. XI) не имеют сюжетного сходства с манскими рисунками, где преобладают изображения всадников[15]. Но дерево, солнце, шаман с бубном, особенно изображение бубна (табл. XI, рис. 3), приведенные здесь для сравнения по рисункам А. В. Адрианова, очень сходны с писаницами близ оз. Шира.

3

Писаница на скале Крутояр приведена на табл. XII. В 20 км к северу от оз. Шира находится почти пресноводное и рыбное оз. Билё. Берега этого озера в археологическом отношении представляют значительный интерес.

Кроме тагарских курганов, здесь должны быть и памятники неолита, на что указывает писаница с изображением несущихся оленей. Из них представлена здесь лишь одна голова оленя, исполненная на скале Крутояр древним художником весьма реалистично (табл. XI, рис. 1). Всю композицию А. П. Ермолаеву целиком не удалось скопировать из-за отсутствия лестниц и материала для эстампажей[16].

В письме к А. А. Спицыну А. П. Ермолаев писал, что часть этих древних рисунков животных покрыта грубыми, выбитыми позднее, фигурами, воспроизведенными нами на табл. XII.

Здесь интересны изображения фигур горных козлов. По-видимому, оз. Шира является самым северным пунктом, где зарегистрированы изображения этих животных. Во всей Минусинской котловине известно относительно малое число изображений горных козлов в отличие от часто встречающихся изображений лосей и оленей, как это наблюдается на севере[17]. Немного южнее, в Тувинской автономной области и особенно в Монголии изображения козлов встречаются чаще, чем других животных. Нельзя не согласиться с мнением лучшего знатока писаниц этих краев А. В. Адрианова о том, что «изображались те предметы, которые привлекали к себе внимание и занимали ум древнего художника»[18].

---

[14] Архив ИИМК, д. № 9, л. 2.

[15] А. В. Адрианов. Писаницы по реке Мане. Записки отд. русской и славянской археологии РАО, т. IX, 1913, стр. 1—34.

[16] Архив ИИМК, д. № 9, л. 1.

[17] К. В. Вяткин. Ук. соч., табл. LVI, *1*, *1а*, *4в*, *6*, *15*, *23—25* и др.; И. Т. Савенков. Ук. соч., табл. I; II, *19—22*; III, *12*; IV, *1*; VII, *2*.

[18] А. В. Адрианов. Ук. соч., стр. 2.

4

На табл. XIII изображена писаница на берегу оз. Билё. На восточном берегу этого озера много песчаниковых выходов; на одном из выступов обнаружено силуэтное изображение 4 животных (3 коров и 1 лошади). Первое (верхнее) животное — пестрое, на его шее висит какое-то украшение с кисточками. Из этнографии известно, что подобные вещи подвешивались на шее животного в случае его посвящения. Заметим, что обряд посвящения животных был широко распространен среди кочевников. Подобный обряд был описан еще Рубруком [19]. На этой же сцене обращают на себя внимание знамена на шестах: кроме полотнищ с бахромой, можно различить изображение лука и колчана (?). Шесты как будто установлены у большого шатра или здания. В целом, видимо, здесь изображена сцена освящения животных и боевых доспехов.

В этнографической литературе широко известно использование в магических целях лука, стрел, знамен и бубна [20].

5

На одном из правобережных холмов верхнего течения р. Абакана, в окрестностях дер. Маткечика, найдена плита, покрытая рисунками, изображенными нами на табл. XIV. Как нам кажется, на абаканской плите представлена сцена борьбы людей за лошадей. Памятник интересен в том отношении, что мастер стремился точно передать характер местности, где происходило это событие (табл. XIV, *9*, *13*). Весьма важно датировать данный памятник. По технике исполнения рисунки напоминают описанные выше изображения тагарского времени; курганов этой эпохи в местности, где найдена плита, очень много. Правда, здесь есть и памятники таштыкского и тюркского времени. Но ни на таштыкских, ни на тюркских писаницах нет такой четко выработанной традиции в технике изображений, как было в тагарское время. Поэтому данную писаницу мы считаем возможным датировать позднетагарским временем.

6

Нанесение изображений тагарского времени на курганных плитах и на склепах однообразно: все они выбиты пунктирной техникой, каким-то острым орудием [21]. В раннетагарское время весь рисунок заполнялся таким пунктиром (табл. I и др.), а в позднетагарское время пунктиром выбивался контур изображаемого (табл. X). Более поздние рисунки (например, кыргызского времени) — резные, т. е. контур рисунка нанесен резцом на поверхности камня [22].

Ширинские писаницы на могильных плитах созданы теми же людьми, которые сооружали эти могилы; писаницы, как и могилы, свидетельствуют о заботе об умерших. Но специальное назначение этих рисунков, по-видимому, то, что они были, по представлениям людей, их создавших, средством налаживания взаимоотношений «души» умершего с внешним ми-

[19] В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина. СПб., 1911.

[20] Л. П. Потапов. Лук и стрелы в шаманстве у алтайцев. СЭ, 1934, № 3; Н. И. Веселовский. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение. Записки Вост. отд. РАО, т. XXV, 1921, стр. 273—292; А. П. Окладников. Конь и знамена на ленских писаницах. «Тюркологический сборник», 1, стр. 143—154.

[21] С. В. Киселев. Техника нанесения енисейских писаниц. Труды секции археологии РАНИОН, вып. V, 1929.

[22] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов — хакасов. Абакан, 1948.

ром; поэтому писаницы высечены исключительно на внешних сторонах плит ограды. Вероятно, по этой же причине рисунки в основном антропоморфны. Геометрические рисунки во многом напоминают тамги, встречающиеся иногда на тагарских вещах. Их можно сравнить с рисунками шаманистов и буддистов, рисунками, символизирующими счастье и благополучие, а не знак собственности. Приведенные изображения рассказывают нам об одной из ранних ступеней в развитии идеологии. Цель этих рисунков — обеспечить лучшую «загробную жизнь» покойнику и воспользоваться его помощью в борьбе за существование. Трудно, однако, установить, как представлялись людям конкретные пути для достижения этой цели.

Рассматривая наскальные изображения, можно заметить, что они более зооморфны, реалистичны, чем намогильные рисунки. Тем не менее их происхождение также, видимо, связано с той же идеей «переселения души».

Этнографический материал свидетельствует о том, что люди могли почитать отдельные рисунки, прося воплощенных, как им казалось, в этих рисунках духов удачи на охоте, в набеге на соседей и т. п. Могли быть также изображены фигуры животных и людей, над которыми совершали магические действия, призывая добычу, счастье, удачу и т. д. Судя по разнообразию рисунков, надо думать, что пути облегчения жизни при помощи «духов добрых начал» представлялись тогдашним людям разнообразными, сложными, и потому люди прилагали огромные усилия для достижения таким способом желательных результатов. Кроме того, первобытный художник мог изобразить только то, что ему было близко и хорошо знакомо; поэтому писаницы, особенно наскальные рисунки, являются результатами впечатлений, которые художник черпал непосредственно из окружавшей его действительности. Этим объясняется зональность отдельных сюжетов.

В отражении действительности, современной авторам рисунков, состоит исключительная ценность писаниц как исторического источника для изучения далекого прошлого. Так, например, изображения длиннорогих козлов трудно найти на Лене, Ангаре и в бассейне даже среднего течения Енисея; зато в этих местах в изобилии встречаются изображения оленей и маралов, тогда как изображения этих животных почти отсутствуют там, где распространены изображения горных козлов,— в Туве, Монголии, частично в Средней Азии. Интересно и то, что если эти изображения встречаются в одном месте, то они датируются разными эпохами. В этом отношении писаницы являются одним из источников изучения палеографии животных. Наконец, по рисункам намогильных плит мы можем говорить об отдельных чертах внешнего облика «тагарцев». Некоторые из них носили на голове косу или султан, некоторые — прическу с двумя или тремя шишечками.

На табл. X изображены люди в коротких кафтанах, подпоясанные кушаками. Плечи их широки; подчеркнута собранность и подтянутость этих людей. Это «тагарцы», судя по остаткам их материальной культуры, успешно изучаемым советскими археологами.

М. М. КУБЛАНОВ

К ИСТОРИИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

(Новые археологические материалы с полуострова Фонтан)

Страбон следующим образом описывает юго-восточное побережье Азовского моря: «От Малого Ромбита 600 стадий до Тирамбы и реки Антикита, затем 120 стадий до селения Киммерийского, которое служит местом отправления для плывущих по озеру. На этом побережье указывают еще несколько сторожевых башен клазоменийцев»[1].

В переложении на современную карту это описание (начиная от Тирамбы) может быть отнесено к северо-восточному побережью полуострова Фонтан, являющегося северной оконечностью Таманского полуострова.

Полуостров Фонтан, и в особенности его северо-восточная оконечность,— один из наиболее слабо исследованных районов азиатского Боспора. Отгороженный от Таманского полуострова земляным валом и широкой сухой протокой, этот полуостров за последние полтораста лет мало посещался археологами, хотя необходимость археологического обследования его отмечалась неоднократно. Первым из исследователей, посетивших полуостров Фонтан, был академик Паллас, побывавший здесь 16 июля 1794 г. Его внимание привлек земляной вал, о котором он оставил краткое упоминание в своих сочинениях [2]. В 1832 г. здесь побывал Дюбуа де Монпере. Он также сообщает о поразившем его земляном вале и, сопоставляя его с валом, упоминаемым Страбоном [3], называет Киммерийским [4]. В дальнейшем отдельные сведения об этом районе мы находим в сочинениях А. Ашика [5], А. Фабра[6], Е. Е. Люценко [7]. К. Герц, который дал в своем сочинении сводку всех известных к его времени сведений о Таманском полуострове [8], очень немногое сообщает об археологической топографии северо-восточной части полуострова Фонтан.

---

[1] Strab. XI, 2, 4.

[2] П. С. Паллас. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань, ЗООИД, т. XIII, 1883, стр. 79.

[3] Strab., XI, 2, 5.

[4] F. Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1843, t. V, стр. 34.

[5] А. Б. Ашик. Воспорское царство. Одесса, 1848—1849.

[6] А. Фабр. Древний быт Эйоны, нынешнего полуострова Тамань. Одесса, 1861.

[7] Е. Е. Люценко. Таманский полуостров и его древние пепелища, курганы и катакомбы. Рукопись, 1867 г. Рукописный архив ЛОИИМК, № 1, ф. № 28.

[8] К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898.

После К. Герца отдельные разрозненные сведения об этом районе мы находим в работах М. О. Поночевного [9], Б. В. Лунина [10], С. Ф. Войцеховского [11], А. С. Башкирова[12], А. А. Иессена и А. А. Миллера [13]. Характер непосредственно археологической разведки носили работы А. С. Башкирова летом 1926 г. и особенно Фонтанного отряда Таманской экспедиции в 1930—1931 гг., которым руководил А. А. Иессен. К сожалению, материалы этой последней экспедиции, давшей наиболее полную картину археологической топографии полуострова Фонтан, не обработаны и не изданы. Единственным отражением этой работы в печати является упоминавшаяся выше небольшая статья А. А. Иессена и А. А. Миллера.

В 1949 г. силами студентов и аспирантов Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена под руководством автора этой статьи были предприняты новые археологические разведки на полуострове Фонтан, приведшие к открытию некоторых памятников (рис. 1) и давшие новые материалы.

Береговое поселение Кучугуры I

На азовском побережье полуострова, на полпути между северной косой и Пересыпью расположен хутор Кучугуры, обозначенный уже на карте К. Герца. При осмотре берегового обрыва, здесь, в районе рыболовецкой сторожки, был обнаружен культурный слой значительной мощности и протяженности. В нем встречались обломки керамики, прослойки золы, створки мидий, а также фрагменты строительных остатков. На поверхности этот культурный слой оказался перекрытым значительными наносами (1—1,5 м) перевеянного морского песка, который образовал здесь также ряд больших песчаных дюн (рис. 2). Зачистки обрывистого берега, производившиеся на некотором расстоянии одна от другой, охватили 60 м береговой полосы (рис. 3). На всем этом протяжении непрерывно прослеживался культурный слой, который продолжался к востоку и западу от обследованного района. Пока не удалось определить, как далеко заходит это поселение на юг. Единственным косвенным показанием для этого может служить пантикапейская монета [14], найденная на расстоянии около 150 м к югу от береговой линии, во дворе правления колхоза «Путь к коммунизму».

Культурный слой поселения у береговой осыпи достигает 7—8 м [15]. Эти мощные напластования, как показали находки, относятся к эллинистическому и римскому времени.

Эллинистический слой наиболее выразительно представлен на участке № 3, где мощность его достигала более 4 м. В этом слое оказалось много

---

[9] М. О. Поночевный. Географический очерк Босфорского царства. «Кубанский сборник», т. II, Екатеринодар, 1891.

[10] Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. Ростов-на-Дону, 1928.

[11] С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. Записки Сев.-кавк. краев. об-ва археол., истор. и этногр., т. I (III), вып. 5-6, 1929, стр. 4.

[12] А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. Труды Этногр.-археол. музея I МГУ, № 3, 1927.

[13] А. А. Иессен и А. А. Миллер. Таманская экспедиция 1931 г. СГАИМК, 1932, № 11—12.

[14] Монета медная, первой половины III в. до н. э. (по прилагаемому списку монет — № 16).

[15] Мощность культурного слоя нами определена на основании наблюдений над различными участками берега. В указанную цифру входит и толща перевеянного песка, покрывающего сейчас это поселение.

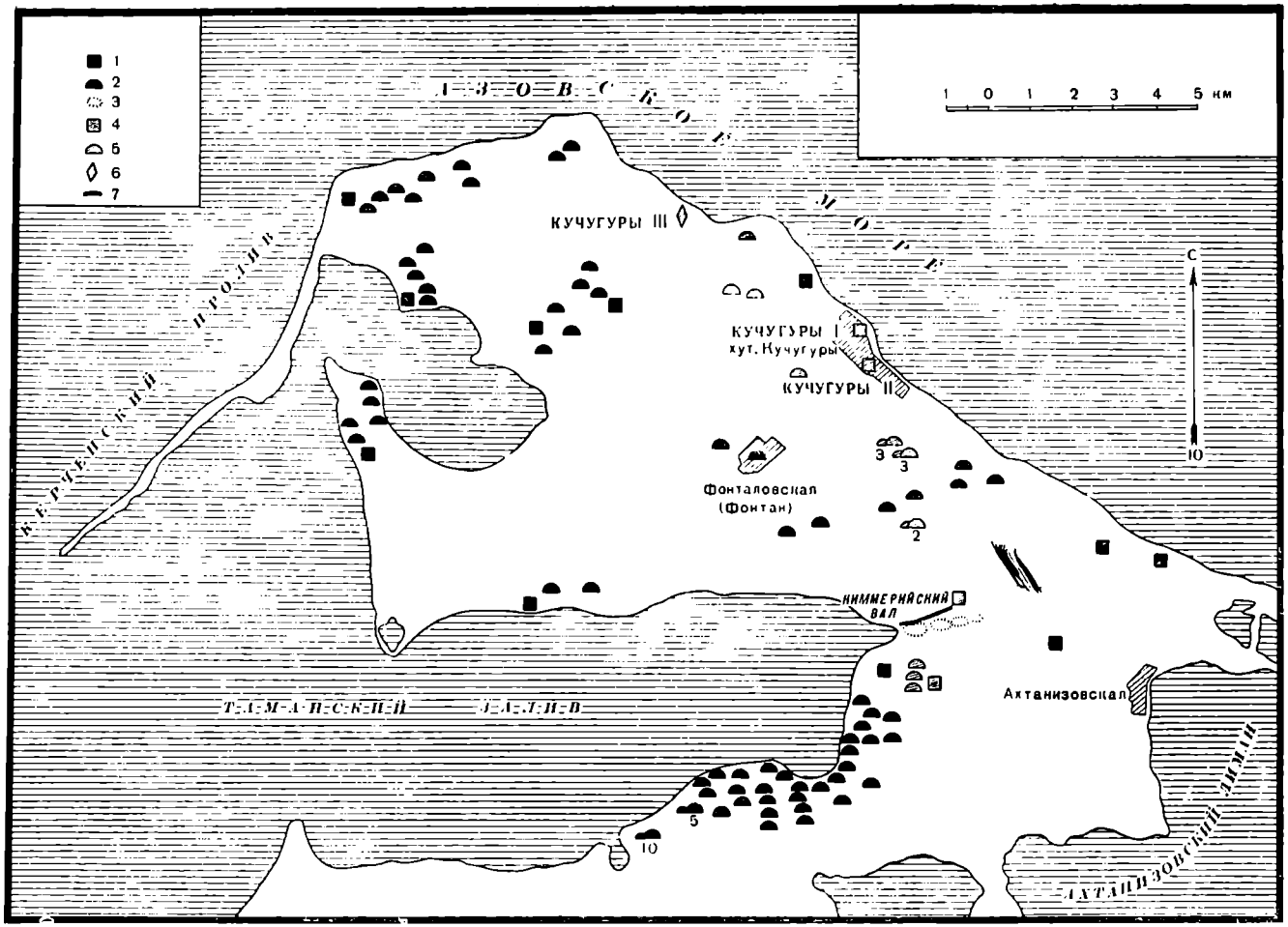

Рис. 1. Археологическая карта полуострова Фонтан.

1, 4— городище, поселение; *2, 5* — курган; *3, 7* — земляной вал; *6*— памятник эпохи бронзы (*1—3* — зафиксированы на археологической карте, составленной К. Герцем; *4—7* — обследованы и зафиксированы археологической экспедицией Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена в 1949 г.)

обломков так называемых «мегарских» чаш, непрерывно встречавшихся с 7-го по 23-й штык (рис. 4). К этому же слою относится фрагментированный горшок из так называемой группы кухонной керамики (рис. 5).

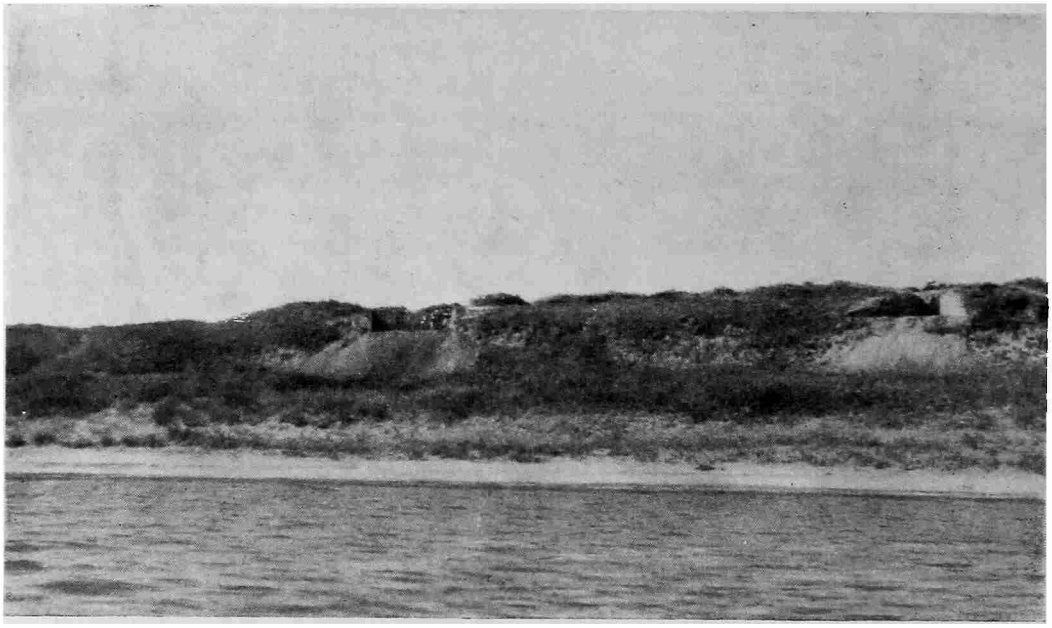

Рис. 2. Поселение Кучугуры I. Общий вид со стороны моря.

Среди обломков амфор следует отметить 2 клейменые амфорные ручки. Одна из них — синопская, с клеймом

ἀστυ]νομοῦντος | [Ἑκατ]αί[ο]υ [Φιλοκ]ράτης

и изображением носа корабля вправо (рис. 6, *1*) [16].

Другая, родосская, имела круглое клеймо

Ἐπ[ὶ Ἀ]ριστο[γένευς Δαλ](?)ίου

и в центре — цветок граната (рис. 6, *2*) [17].

В верхних горизонтах эллинистического слоя найдены фрагменты венчиков краснолаковых чаш с накладным белым орнаментом (рис. 7).

Из других находок этого участка можно отметить каменное грузило для рыболовных сетей и венчик черной лепной чаши с ручкой.

При зачистках на других квадратах была обнаружена в этом же слое еще одна родосская амфорная ручка с клеймом (рис. 6, *3*).

Ἐπὶ Δά]μω|νος| Ἀγριαν[ίου][18].

Весьма интересны 2 фрагментированные терракоты. Одна из них (рис. 8) представляет собой торс полуобнаженного мужчины. Левой рукой он прижимает к себе птицу (петуха?), правой, по-видимому, кормит ее. Ниспадающий со спины гиматий собран у правого бедра в складки и

[16] Ср. Е. М. Придик. Каталог инвентарных клейм. Пгр., 1917, стр. 68, № 129—131, табл. XIV, рис. 4; Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, стр. 217, табл. V, рис. 5.

[17] Имя Ἀριστογένης встречается среди имен родосских эпонимов. Упоминается у Придика (ук. соч., стр. 5, № 75).

[18] Ср. Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 8, № 151.

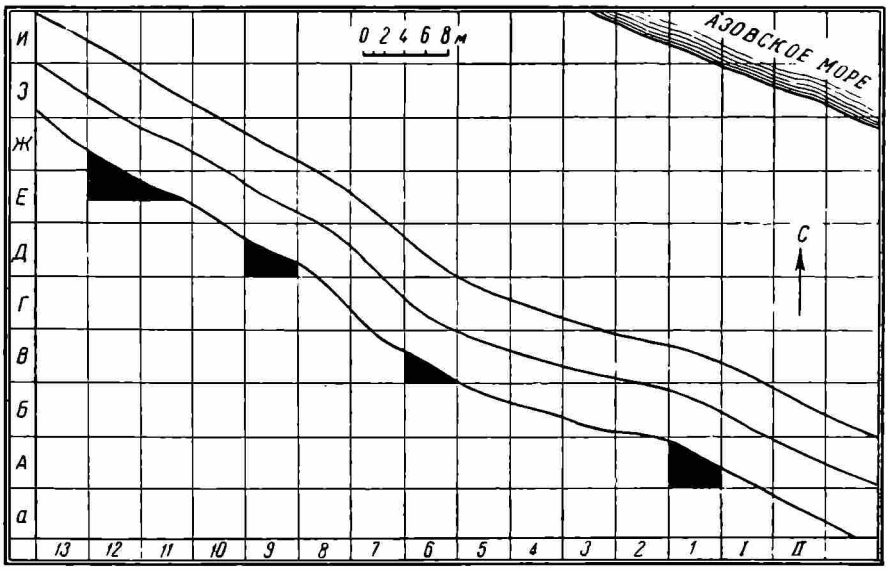

Рис. 3. Поселение Кучугуры I. План разведочных раскопов.

Рис. 4. Образцы «мегарских» чаш.

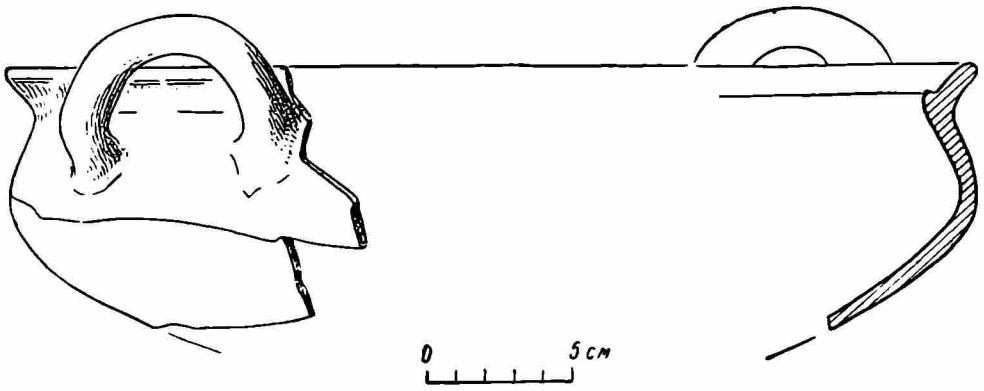

Рис. 5. Двуручный кухонный горшок.

Рис. 6. Клейма на амфорных ручках.

1— синопское; *2*, *3* — родосские.

перекинут через левую руку. Глина из которой сделана терракота, желтая с красноватым оттенком, содержит много мелких блесток слюды [19].

Из других находок надо упомянуть венчик чернолаковой чаши с накладным белым орнаментом и дно чернолакового сосуда с граффито (рис. 9).

Все монеты [20], найденные в эллинистическом слое и поддающиеся определению, датируются временем от начала III в. до н. э. до конца

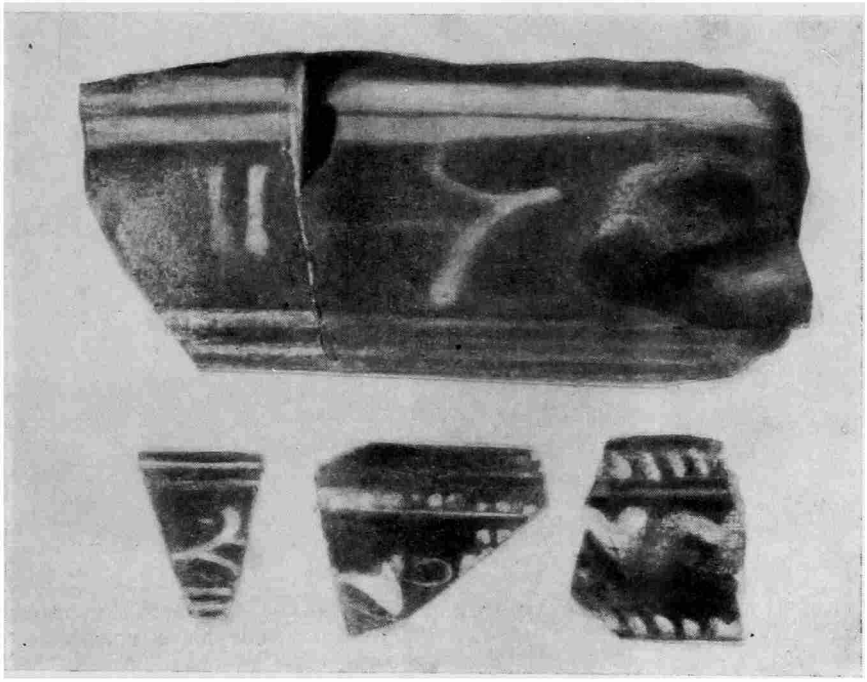

Рис. 7. Образцы краснолаковой керамики с накладным белым орнаментом. Кучугуры I.

II,— начала I вв. до н. э. (см. список монет, приложенный к статье, № 1—8, 11). Сюда может быть присоединена также пантикапейская медная монета, найденная хотя и случайно, но в том же культурном слое к западу от участка № 4. Она датируется второй половиной — концом IV в. до н. э. (№ 19).

Во время обследования берегового обрыва было замечено, что на глубине около 2,5 м по борту тянется неширокая горизонтальная полоса, состоящая из створок мидий, вкраплений сажи, жженой глины и темной земли. Эта полоса еще отчетливее выявилась по борту зачисток и прослежена на протяжении более 60 м. Находками установлено, что эта полоса, представляющая собой разрез напластований кухонных отбросов, перекрывает верхние штыки эллинистического слоя, и над ней в основном лежат уже отложения первых веков нашей эры, среди которых выявлены остатки строений. Все это дает основание полагать, что в архе-

[19] Терракота найдена на участке № 1 на глубине 3,08 м. Несколько выше находилась упоминавшаяся уже ручка родосской амфоры с клеймом (рис. 6, *3*).

[20] На поселении Кучугуры I найдено всего 17 медных монет. Из них шесть, вследствие плохой сохранности, не удалось определить. Весь нумизматический материал, привлеченный в статье, определен научным сотрудником Государственного Эрмитажа Л. Н. Беловой.

ологической топографии поселения на данном участке в первые века нашей эры произошли изменения.

Культурный слой первых веков представлен на всех участках, кроме третьего. Среди материалов, характеризующих слой, можно назвать верх-

Рис. 8. Фрагмент терракотовой статуэтки. Кучугуры I.

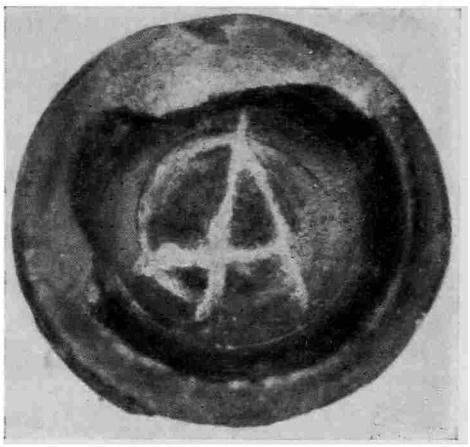

Рис. 9. Донышко чернолакового сосуда с граффито.

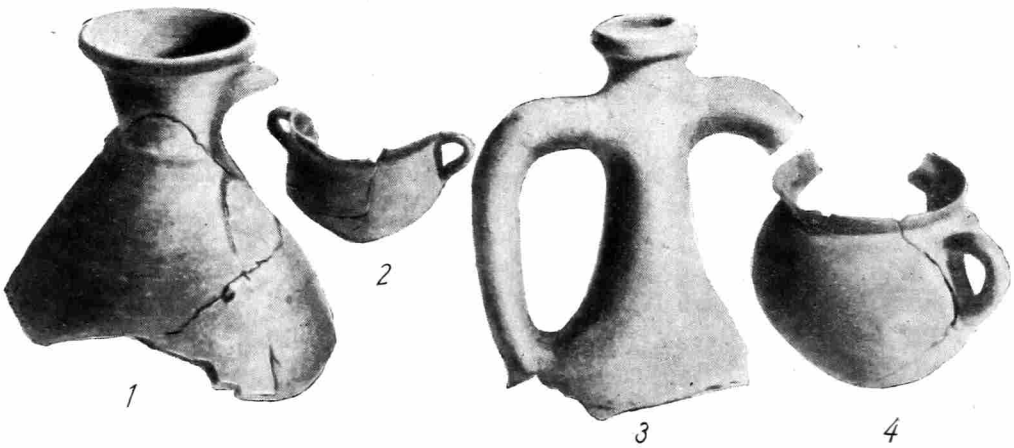

Рис. 10. Образцы керамики из верхнего слоя поселения Кучугуры I.

1 — фрагмент красноглиняного кувшина; *2* — фрагмент краснолакового горшочка; *3* — фрагмент узкогорлой амфоры; *4* — фрагмент красноглиняного горшка.

нюю часть тонкостенного красноглиняного кувшина (рис. 10, *1*), краснолаковый горшочек с двумя ручками (рис. 10, *2*), горло узкогорлой амфоры (рис. 10, *3*), часть красноглиняного горшка (рис. 10, *4*), днище грубого сероглиняного лепного сосуда. В верхних горизонтах этого слоя найдено горло массивной боспорской амфоры III в. н. э., а в самом верхнем залега-

нии, непосредственно под песчаными наносами встречены днища грубо выделанных небольших яйцевидных амфор с желобчатым туловом.

Нумизматический материал этого слоя представлен только одной медной боспорской монетой, найденной в верхних штыках (№ 9); она датируется 230—231 гг. н. э. Не исключено, что к этому же слою можно отнести и боспорскую монету (№ 15), найденную колхозниками в 1948 г. в районе участка № 3 и датируемую 227—233 гг. В верхнем слое раскопками

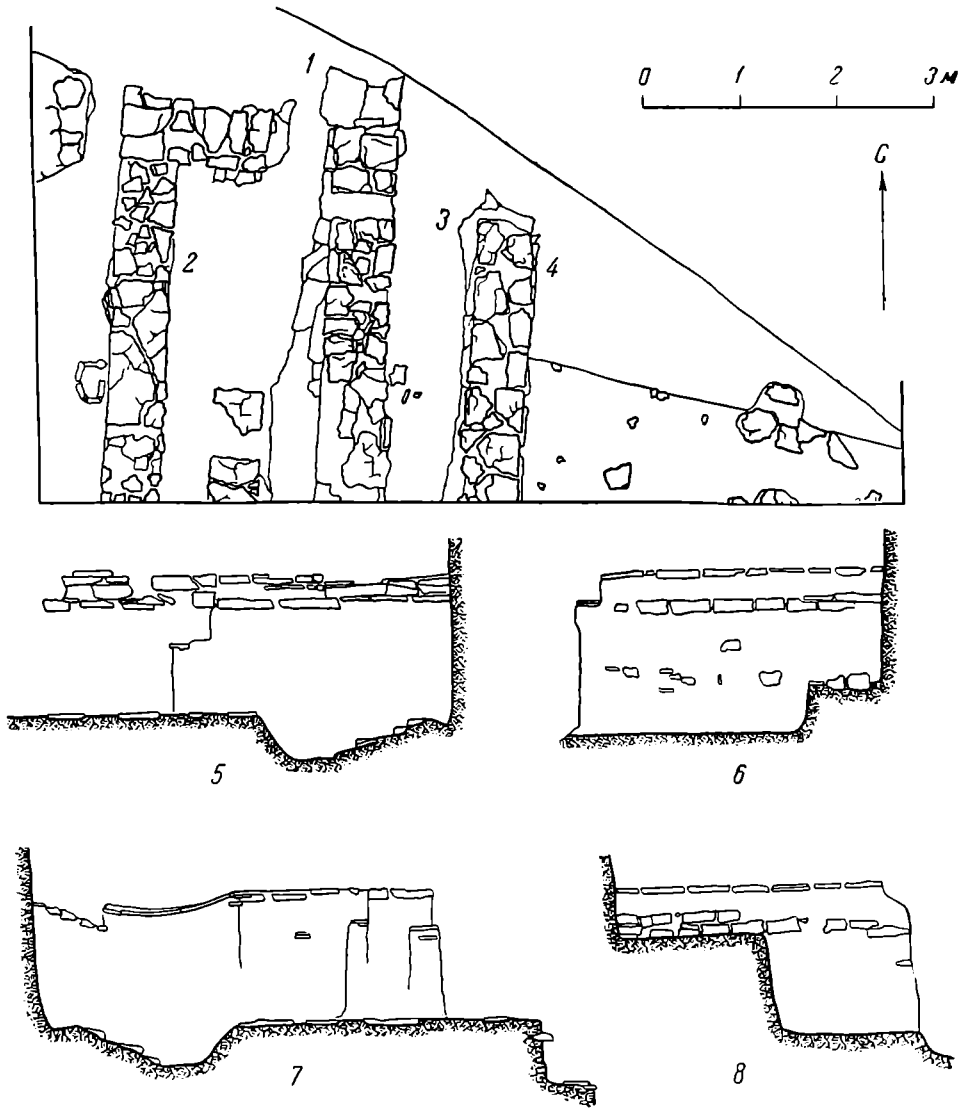

Рис. 11. План и разрезы участка № 4 поселения Кучугуры I.
1, 5 — фасад А; — фасад В; *3,6* — фасад Б; *4, 8* — фасад Г.

были обнаружены строительные остатки, лучше всего представленные на участке № 4 (восточная оконечность обследованной береговой линии). Здесь выявлены остатки стен каменных строений, сохранившиеся в высоту на 0,35—0,4 м. Подошва стен залегала на глубине 2,55 м от современной поверхности почвы и перекрывала отложения, в которых встретилась массивная позднеримская амфора. На уровне пола и стен были найдены днища яйцевидных амфор с желобчатым туловом упоминавшиеся выше; медная монета (№ 9) относится сюда же.

Эти находки дают основание для датировки строений (рис. 11). Как видно на плане, стены ориентированы с севера на юг и уходят под южный борт раскопа. Выявленная длина восточной стены — 4,2 м. В северной своей части она образует прямой угол с перпендикулярной ей стеной, которая, простираясь на 1,55 м к востоку, обрывается. По-видимому, здесь был дверной проем шириной 0,65 м. Толщина всех стен примерно одинакова: 0,6—0,65 м. Таким образом, на этом участке выявились прямоугольное в плане здание и параллельная ему стена другого здания.

Отметим одну любопытную особенность строительных приемов, применявшихся здесь. Как видно на разрезах (рис. 11), стены в той части, в которой они сохранились, сложены следующим образом. Нижний ярус выложен из ряда плохо обработанных плит местного слоистого мергеля, положенных на небольшой слой глины; иногда над этим рядом частично идет второй ряд, а затем следует значительная прослойка глины сероватожелтого цвета толщиной 0,25—0,3 м. Над слоем глины идет снова ряд каменных плит из слоистого известняка. Выше второго ряда каменных плит стены не сохранились. Такой же прием возведения стен обнаруживается и в строительных остатках участка № 1. По-видимому, мы имеем здесь дело с местной особенностью строительной техники, обусловленной отсутствием камня в этом районе.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют заключить, что на берегу Азовского моря, в районе хутора Кучугуры расположены остатки поселения античного времени. Это поселение, судя по мощным культурным напластованиям, существовало продолжительное время; на данном этапе работ хронологические пределы его могут быть определены временем от середины IV в. до н. э. до III—IV вв. н. э. Что касается общей оценки материала, то по своему характеру он напоминает материал малых античных поселений побережья европейского Боспора.

Глубинное поселение Кучугуры II

На окраине нынешнего хутора Кучугуры, на расстоянии 1 км к югу от описанного берегового поселения, над обширной, слегка покатой к морю равниной возвышается земляная насыпь. По форме она приближается к прямоугольнику. Длина — около 140 м, ширина — около 110 м, высота — около 5 м (рис. 12). С двух наружных сторон насыпи более или менее явственно обнаруживаются следы заплывшего рва. Среди населения эта насыпь известна под названием «батарейки».

Уже при первом обследовании поверхности насыпи и стенок старых окопов удалось обнаружить под слоем гумуса обломки амфорных стенок, лепную керамику, изредка — медные монеты. В дальнейшем зачистка старых окопов и разведочные раскопы позволили выяснить, что насыпь скрывает в себе два разнородных памятника различных хронологических периодов.

Первый, более ранний хронологический период не выходит за пределы античного времени. Он представлен на исследованном участке значительными строительными остатками (рис. 13) и культурным слоем, который датируется пока лишь суммарно первыми веками нашей эры.

В раскопе на глубине около 0,5 м обнаружены остатки большого каменного здания, вытянутого с запада на восток; наибольшая протяженность одной из стен — 9,05 м, а перпендикулярной к ней стены — 7,35 м. Хотя от стен сохранился в основном один ряд камней, тем не менее можно получить некоторое представление о технике кладки.

Основным материалом, вероятно, и здесь была глина. В толстый слой глины, перемешанной с землей, включены небольшие камни мергеля, образующие стенки здания (рис. 14). Иногда по краям камни крупнее, внутри — мельче. Стены сохранились на высоту 0,15—0,18 м; ширина северной стены — 0,9 м, восточной — 0,65—0,7 м. Часть помещения внутри оказалась вымощенной большими плитами неправильной формы, также

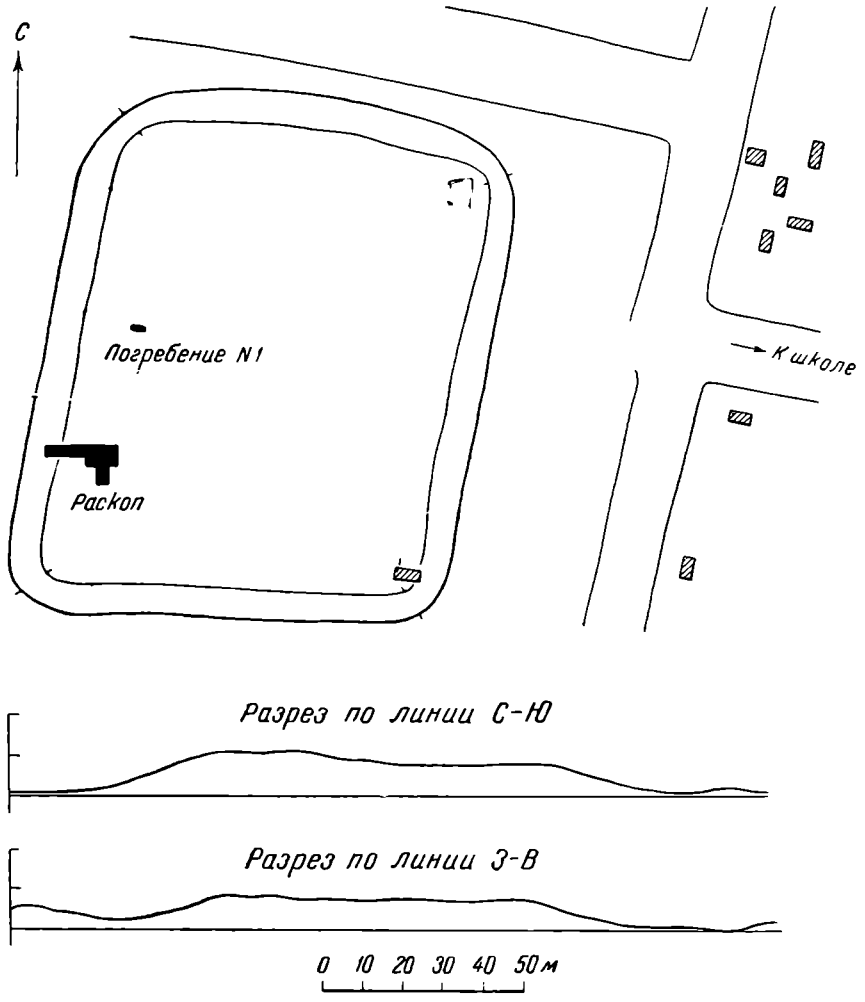

Рис. 12. План и разрезы поселения Кучугуры II (глазомерная съемка).

втрамбованными в подстилающий слой глины. У северной стены внутри помещения был расположен очаг, от которого сохранилась прямоугольная площадка из обгоревшего сырца со следами сажи. Длина площадки — 1,4 м, ширина — 0,82 м; она возвышалась над уровнем камней вымостки на 0,1 м.

В западной части участка на глубине 0,58 м обнаружен большой пифос (рис. 15), горловина которого была прикрыта каменными плитками и промазана глиной. В земле, доверху его заполнявшей, найдены несколько обуглившихся зерен (вероятно, пшеницы) и большая белая бусина[21].

[21] При разборке пифос распался на куски. После реставрации выявились его размеры: высота — 1,24 м, наружный диаметр дна — 0,24 м, диаметр туловища в наиболее широкой части — 0,94 м; диаметр венчика — 0,45 м, высота венчика — 0,07 м. Весьма любопытна техника изготовления пифоса. Он состоит из 6 широких поясов,

Судя по положению пифоса (рис. 13) и по тому, что венчик его находится на уровне подошвы стены помещения, можно считать пифос связанным с обнаруженным строительным комплексом. К западу от пифоса на 0,75 м, на уровне подошвы северной стены лежал на земле большой правильно обработанный каменный блок из пористого известняка (керченского?). В нижней части его имелась небольшая продольная вырубка. Размеры его — 0,65 × 0,66 0,37 м.

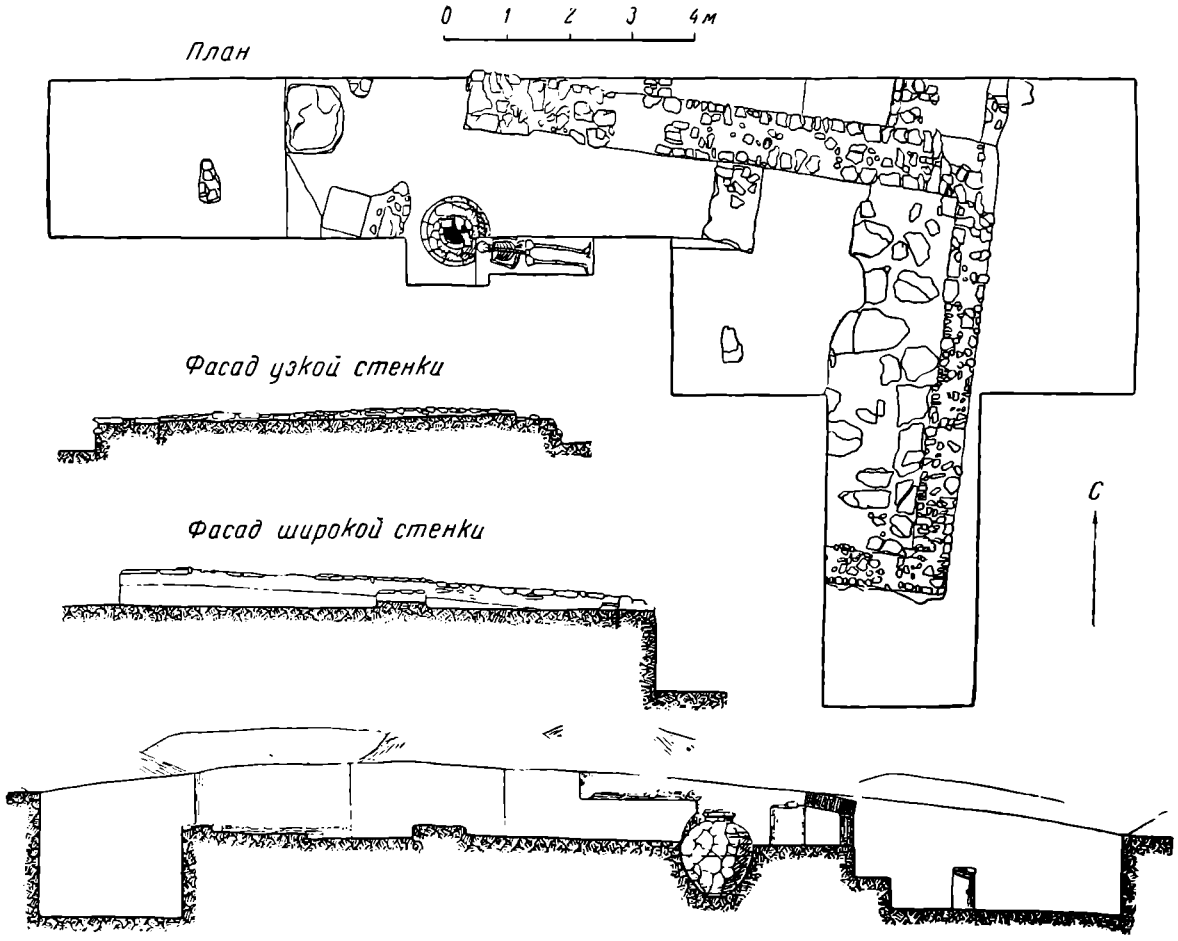

Рис. 13. План и разрезы разведочного раскопа поселения Кучугуры II.

Вещественного материала, связанного с этим комплексом, найдено немного. В основном это маловыразительные обломки амфорных стенок и красноглиняных сосудов, а также очень небольшое количество костей животных. Среди других находок можно назвать лепную сероглиняную чашечку на невысокой ножке (рис. 16, *1*), красноглиняную чашечку (рис. 16, *3*), часть боспорского калиптера (рис. 16, *2*), пряслице (рис. 16, *4*), а также фрагменты чашек, покрытых красным лаком с металлическим отливом, которые можно датировать I—II вв. н. э.

которые сделаны на гончарном круге порознь, а затем собраны воедино. «Обручи», хорошо видимые на фотографии,— места стыков этих поясов. С внутренней стороны каждый пояс имел по всей кромке отпечатки пальцев, вдавленных в глину; этим ямкам соответствовали бугорки на внешней кромке примыкающего пояса, который вставлялся в нижний. С наружной стороны эти места промазывались глиной, отчего и получались своеобразные обручи.

Важным датирующим материалом для данного участка являются монеты. Одна из них,— боспорская,— найдена на глубине 0,7 м над верхним рядом кладки восточной оконечности северной стены; монета датируется 41—45 гг. н. э. (№ 12). Другая монета, тоже боспорская, (№ 13) обнаружена в северо-восточной части раскопа на глубине 1,11 м (на уровне подошвы восточной оконечности северной стены); датируется она 8—38 гг. н. э. Кроме того, в гумусном слое данного участка на глубине 0,13 м найдена монета г. Кесарии (№ 14), относящаяся к предпоследнему десятилетию I в. до н. э.

Рис. 14. Поселение Кучугуры II. Угол здания.

Только дальнейшие раскопки позволят выявить хронологические пределы существования поселения Кучугуры II. Но отдельные, разрозненные материалы дают возможность наметить некоторые вехи и сейчас. Так, расчищенные нами окопы и ямы, пролегавшие с западной и восточной сторон описанного строительного комплекса, позволили установить, что он лежит не на материке и что под ним находится значительный по мощности культурный слой, содержащий золу, вкрапления сажи, красноватый сырец, створки мидий, в небольшом количестве обломки красноглиняных и сероглиняных лепных сосудов, а также несколько незначительных обломков чернолаковой керамики. Существенным дополнением являются монеты, в разное время найденные местными жителями. Одна медная пантикапейская монета (№ 20), случайно найденная в районе поселения Кучугуры II, датируется концом IV в. до н. э., другая (№ 22), тоже пантикапейская — серединой III в. до н. э., третья, из Амиса (№ 18) — концом II в. — началом I в. до н. э. Монеты, добытые при раскопках, датируются, как уже указывалось, концом I в. до н. э. и первой половиной I в. н. э. Эта картина дополняется монетой (№ 21), случайно найденной в окопе неподалеку от строительного комплекса. Она датируется 30-ми годами III в. н. э.

Второй хронологический период связан с тем временем, когда насыпь Кучугуры II, заключавшая в себе уже погребенные остатки поселения, была использована как некрополь. Из рассказов местных жителей можно было заключить, что в различных местах «батарейки» неоднократно обнаруживались погребения. Характер этих погребений в некоторой степени выявился в результате наших разведочных работ.

Одним из первых было вскрыто ограбленное погребение у западной стороны насыпи (рис. 12), на которое нам указали местные жители. Стены

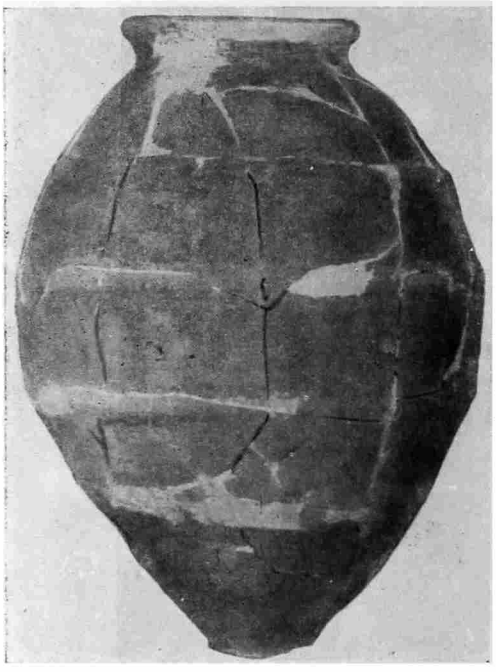

Рис. 15. Пифос.

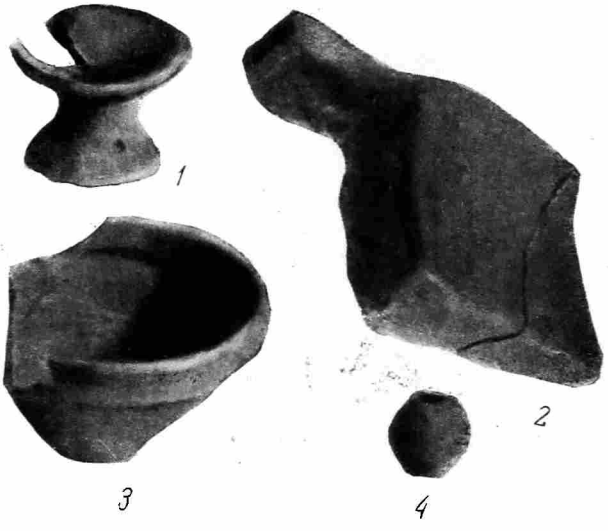

Рис. 16. Образцы керамики из поселения Кучугуры II.

1 — лепная сероглиняная чашечка; *2* — калиптер; *3* — красноглиняная чашечка; *4* — пряслице.

могилы были выложены каменными плитами неправильных очертаний, поставленными на ребро и выступавшими над поверхностью почвы. Плиты стояли неровно, иногда наклонно, часто по нескольку вряд. Дно могилы земляное. Длина могилы — 1,94 м, ширина (максимальная) — 0,75 м; минимальная — 0,35 м, глубина — 0,7—0,8 м. Находок, как и костных остатков, здесь не оказалось.

В 30 м к югу от могилы № 1 обнаружена вторая, частично разрушенная окопом. Дно ее находилось на глубине всего лишь 0,43 м от поверхности (рис. 13). Длина ее — 1,9 м, ширина — примерно 0,8 м. Никаких следов обкладки не обнаружено. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. Правая рука, согнутая в локте, лежала на груди; положение левой установить не удалось, так как ее кости отсутствовали. Под левой стопой оказался железный предмет, совершенно проржавленный, похожий на кинжал в ножнах. Длина его — 0,24 м. Под ним находилось медное кольцо диаметром 0,35 м для прикрепления кинжала к поясу.

Таким образом, в верхнем слое насыпи городища находится некрополь, время которого еще не определено. Можно лишь отметить, что лежащее под некрополем поселение, в верхних горизонтах которого обнаруживается материал первых веков нашей эры, устанавливает terminus post quem для этого некрополя.

Памятник эпохи бронзы

Третьим объектом наших разведок явился памятник[22], от которого на поверхности не сохранилось никаких признаков. Основанием для археологических поисков в этом районе был рассказ местного сторожила; можно было предположить наличие здесь древнего некрополя.

Эта местность расположена в 2 км к западу от молочно-товарной фермы колхоза «Путь к коммунизму» (рис. 1). Обследование показало, что

Рис. 17. Общий вид разведочного раскопа Кучугуры III.

на обширной равнине, приподнятой у береговой линии и плавно спускающейся к ЗЮЗ, кроме небольшого кургана, носящего на себе следы военных действий, никаких возвышенностей нет. Равнина давно распахивается. Однако, несмотря на глубокую вспашку, никакого подъемного материала не было найдено. Лишь в некоторых местах по вспаханному полю обнаруживались желтоватые небольшие пятна лёссовидного суглинка.

Только после многочисленных повторных поисков среди обширного поля нам удалось найти ничтожный обломок керамики и обнаружить еле заметную приподнятость почвы на одном из участков. Здесь был заложен разведочный раскоп (рис. 17). На вскрытом участке в первых полутора-двух штыках земля была мягкая, многократно распахивавшаяся, равномерно темно-коричневого цвета. Но на глубине 0,4 м выявился каменный завал, занявший значительную часть раскопа. Наиболее мощная часть завала была расположена в северо-западной части раскопа, где камни лежали друг на друге в полном беспорядке — в несколько рядов. Общая толщина завала достигала 0,5—0,6 м при протяженности его по северной стороне в 2,35 м и по западной — в 3,6 м. В южной части камни лежали

[22] Он обозначен нами на карте под названием «Кучугуры III».

в 1—2 ряда и местами прерывались. В северо-западной стороне и частично в восточной и южной завал и отдельные камни уходили под борт раскопа. Северо-восточная же часть раскопа была совершенно свободна от камней (рис. 18). Выяснилось, что район этот чрезвычайно беден камнем

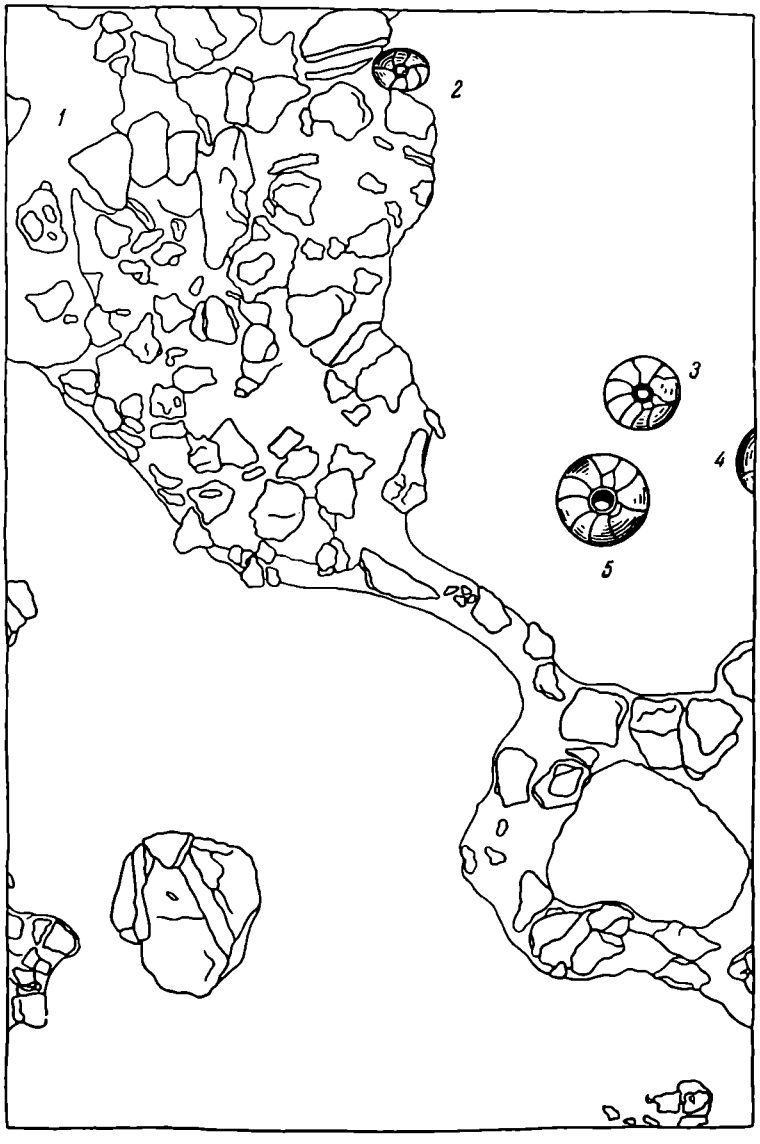

Рис. 18. Схематический план раскопа Кучугуры III.
1 — каменный завал; *2* — сероглиняная чаша; *3,5* — красноглиняные сосуды; *4* — чаша.

и камни завала по отзывам местных жителей могли происходить с Каменного мыса, расположенного в нескольких километрах отсюда.

В северо-восточной части, свободной от камней, однородная по цвету земля встречалась до глубины 0,7 м; при этом с глубины 0,4 м она становилась гораздо более плотной. В этом слое в южной части раскопа найдено всего несколько небольших обломков лепных сосудов. С глубины 0,7 м цвет земли несколько изменился, стал более светлым, и с глубины 0,85 м пошел слой светло-желтого лёссовидного суглинка. В этом слое на глубине 0,85 м обнаружены 4 больших глиняных сосуда, раздавленных тяже-

стью земли. На расстоянии 2,22 м от западного борта раскопа и 0,3 м от северного борта, у самого края каменного завала лежала грубо выделанная толстостенная эллипсообразная лепная чаша (рис. 19, *1*). Она изготовлена из неотмученной глины, содержащей много твердых включений, вероятно, крупнозернистого песка. Цвет глины темно-серый; черепок непрочный, крошится; обжиг плохой. Длина чаши у венчика — 0,32 м, ширина — 0,26 м, высота — 0,1 м; дно овальное.

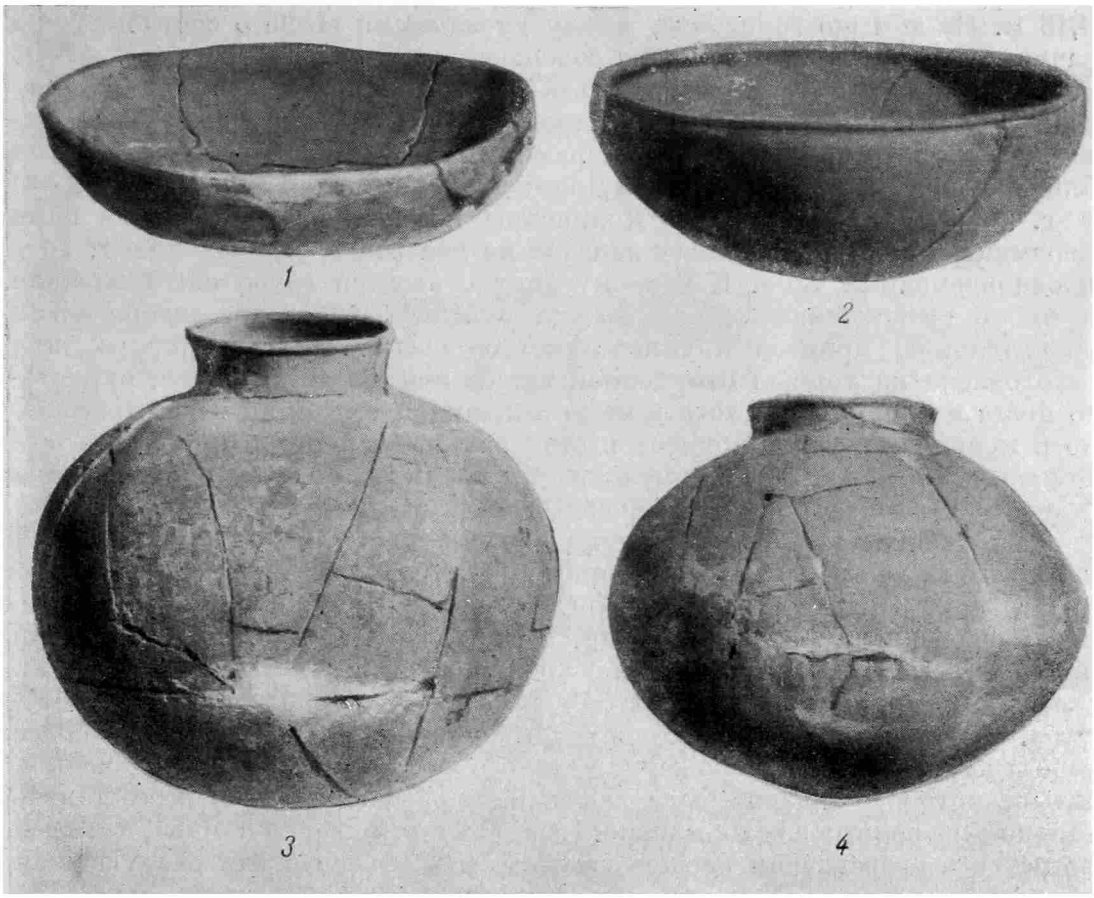

Рис. 19. Сосуды, найденные в разведочном раскопе Кучугуры III.

1 — сероглиняная чаша; *2* — красноглиняная чаша; *3* — красноглиняный сферический сосуд; *4* — красноглиняный сосуд.

На высоте 0,2 м от основания чаши в борту завала обнаружены 2 небольших обломка истлевших человеческих костей, по-видимому, тазобедренных.

На расстоянии 2,07 м от северного и 0,55 м от восточного бортов раскопа найден красноглиняный сосуд сферической формы, с невысокой прямой шейкой (рис. 19, *3*), изготовленный из красновато-желтой охристой, хорошо отмученной глины, с мельчайшими включениями слюды. Дно сосуда едва намечено в виде небольшого углубления (ямки); стенки сравнительно тонкие, лощеные; тесто непрочное. Несмотря на тщательность выделки сосуда и округлость форм, следов изготовления его на гончарном круге нет. Размеры: диаметр наиболее широкой части тулова — 0,4 м, высота сосуда — 0,34 м. Рядом с ним, на расстоянии 2,71 м от северного борта и 0,67 м от восточного, находился другой сосуд, тоже округлой формы, но сплюснутый сверху (рис. 19, *4*). Тесто — такого же цвета

и качества, как у предыдущего сосуда. Стенки более толстые, дно округлое (сосуд не может стоять). Размеры: диаметр наиболее широкой части тулова — 0,46 м, высота сосуда — 0,39 м.

Под восточным бортом раскопа, на том же горизонте стояла большая чаша, по цвету и характеру глины тождественная описанным выше сферическим сосудам. С наружной стороны чаша лощеная, однако, очень непрочно; дно округлое, стенки тонкие; следов изготовления на гончарном круге нет (рис. 19, *2*). Размеры: диаметр — 0,41 м, высота чаши — 0,16 м. На том же горизонте, между указанными выше 3 сосудами, при зачистке обнаружена небольшая совершенно истлевшая косточка.

На начальном этапе работ нельзя окончательно решить вопрос о характере этого памятника и его датировке. Но некоторые предварительные выводы сделать можно. Анализ керамики показывает, что она во многом близка керамике из нижнего слоя Долинского поселения (раскопы № 2—4) у г. Нальчика[23]. Как и в Долинском поселении, описываемая нами керамика по глиняному тесту делится на два резко отличающихся, хотя и одновременных типа. К первому типу относится грубо изготовленная и плохо обожженная лепная посуда темно-серого цвета, содержавшая значительную примесь крупнозернистого песка. Посуда второго типа изготовлена из хорошо отмученной глины желтовато-красного, охристого цвета и сформована, хотя и не на гончарном круге, но очень тщательно и правильно. Однако обжиг и этой группы керамики произведен при температуре, недостаточно высокой для получения нормального черепка (ниже 850°), вследствие чего черепок этого типа мажется.

Такая же по качеству керамика отмечается и в некоторых курганах у того же хутора Долинского (например, в кургане № 2), а также в курганах селения Старый Урух Северо-Осетинской АССР, например в основном погребении кургана № 1 и др.[24] Е. И. Крупнов на основании ряда признаков урухское захоронение хронологически увязывает с майкопскими[25]; нам думается, что к этому времени следует отнести и наши сосуды. Что же касается характера вскрытого нами памятника, то наиболее вероятным будет предположение, что это — подкурганное захоронение, насыпь которого издавна была уничтожена распашкой, и от нее осталось только едва заметное всхолмление. Если это так, то завал камней, который встречен в разведочном раскопе, может быть объяснен как разрушенная обкладка кургана. Известно, что каменные обкладки характерны для курганов эпохи бронзы на Северном Кавказе. Такие разрушенные курганные обкладки — каменные завалы — встречены при раскопках курганов близ Долинского поселения[26], курганов у селения Старый Урух[27] и др.

Типологического анализа найденных сосудов мы здесь не даем. Можно только отметить, что один из сферических сосудов (рис. 19, *4*) отчасти похож (судя по фотографии) на сосуд, найденный в окрестностях селения Гунделен в 1935 г.[28]; но в отличие от описанного нами сосуда у того плоское дно[29].

---

[23] Ср. А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика, МИА, № 3, 1941, стр. 158, 160, 163, 185.

[24] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института при Совете министров Кабардинской АССР, т. V, Нальчик, 1949, стр. 226.

[25] Там же, стр. 229.

[26] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 166 и сл.

[27] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 224, 230.

[28] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 182, рис. 25, *6*.

[29] После окончания работ разведочный раскоп был засыпан землей для предохранения памятника от разрушения.

«Киммерийский вал»

У восточной оконечности Таманского залива, на расстоянии около 200 м от берега расположена земляная насыпь, получившая со времени Дюбуа де Монпере название Киммерийского вала (рис. 20). Вал этот от залива тянется прямо на запад, затем слегка поворачивает на ЗСЗ, потом снова на запад с незначительным отклонением к северу (рис. 21).

Обследование западной оконечности вала дает возможность понять, почему он в настоящее время отстоит на значительном расстоянии от залива. Восточная оконечность Таманского залива окаймлена очень низ-

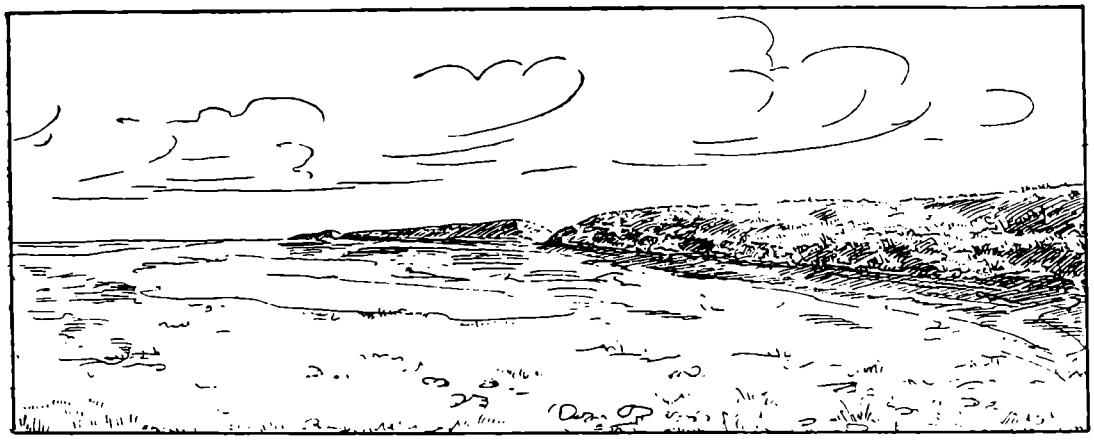

Рис. 20. Общий вид Киммерийского вала (зарисовка).

кими, пологими и топкими берегами, плавно и незаметно переходящими в водную гладь. Осенью и весной, главным образом при восточных ветрах, восточный угол залива заполняется большим количеством занесенной сюда морской травы (камки), которая остается лежать на поверхности и постепенно присыпается песками После того как она частично сгниет, образуется почва для определенного вида растительности. Таким образом, идет довольно интенсивное наступление берега на залив, и в настоящее время можно отчетливо видеть две широкие полосы вокруг восточной оконечности залива, образовавшиеся описанным выше образом. У самой воды лежит первая полоса камки, сравнительно свежей и еще не заросшей травой; ее ширина — примерно 10 м. Далее идет вторая полоса, образовавшаяся из полусгнившей камки и покрытая влаголюбивой растительностью; ширина ее — примерно 20 м. Нам представляется, что 200 м суши, отделяющие западную оконечность вала от лимана, образовались таким же образом, как ближайшие от лимана две полосы шириной 30 м, которые стали сушей совсем недавно; эти наблюдения позволяют заключить, что ко времени сооружения насыпи лиман простирался на восток гораздо дальше, чем теперь, и что вал своей западной оконечностью упирался в воды Таманского залива.

Общая длина вала (на основании глазомерной съемки) равна примерно 1300 м. Он разрезан 3 широкими проемами [30] («воротами») на 4 отсека. Первый (с запада) отсек имеет протяженность 346 м; затем следуют

[30] На расстоянии 178 м от западного края вал перерезает проселочная дорога, которая образовала в нем выемку глубиной до 1 м. Однако, как это видно на продольном профиле (см. рис. 21), этот проем резко отличается от остальных ворот; он, несомненно,— недавнего происхождения.

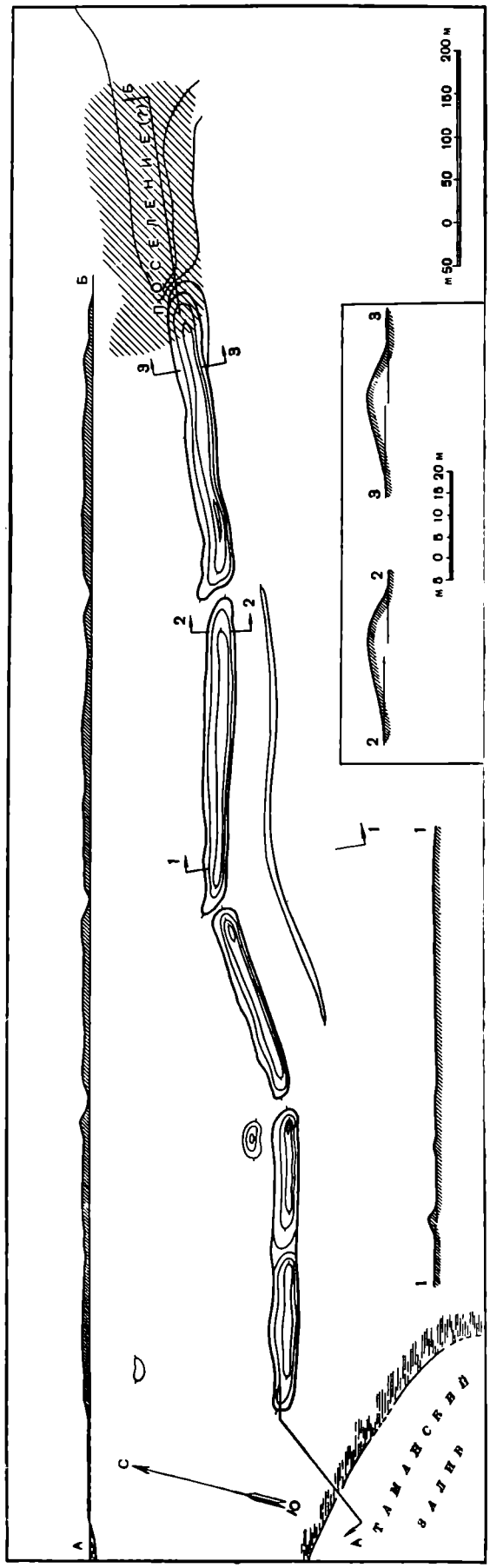

Рис. 21. Киммерийский вал. Схематический план и разрезы (глазомерная съемка).

первые «ворота», ширина их (у основания) —17 м (рис. 22); второй отсек — 228 м, затем идет проем в 9 м; протяженность третьего отсека—345 м и проема — 10 м; длина четвертого отсека — 343 м. Таким образом, 3 отсека вала имеют приблизительно одинаковую протяженность (около 345 м каждый), что исключает предположение о случайном образовании «ворот» между отсеками. Высота вала в разных местах различна: у западной оконечности она составляет 1,8—2,4 м, у восточной — 4,9 м; средняя же высота в большей его части— около 4 м. Ширина вала у основания достигает примерно 30 м. Обращает на себя внимание, что восточная оконечность первого отсека значительно приподнята над остальной линией (см. разрезы, рис. 21) и превышает ее примерно на один метр. Это, на наш взгляд, можно объяснить тем, что в этом месте на валу был сооружен небольшой расплывшийся курган. Предположение о наличии в насыпи подпорных сооружений в этом месте кажется менее вероятным. Еще одна подробность заслуживает быть отмеченной: все «ворота» прорезают вал не перпендикулярно насыпи, а под значительным углом (см. рис. 22).

На восточной оконечности, на протяжении последних 80 м, вал дважды резко понижается, образуя как бы 2 уступа: первый раз — с 4,6 до 2,3 м (на протяжении 30 м) и второй раз (после некоторого повышения) — с 2,5 до 0,1 м.

За восточной оконечностью вала можно различить весьма слабо намечающийся проем (четвертые «ворота»), за которым простирается довольно значи-

тельное ровное пространство, слегка возвышающееся над местностью. На этом пространстве встречается большое количество подъемного материала (местность многократно перепахивалась), преимущественно состоящего из обломков глиняных светло-желтых сосудов, однако совершенно не выразительных. Лишь в одном случае были найдены овальная ручка амфоры, венчик красноглиняного сосуда, а также обломок зеленого поливного сосуда и чернолаковый обломочек. Подъемный материал прослеживается на запад на протяжении около 300 м, на север — на протяжении около 500 м. С южной стороны за линией направления

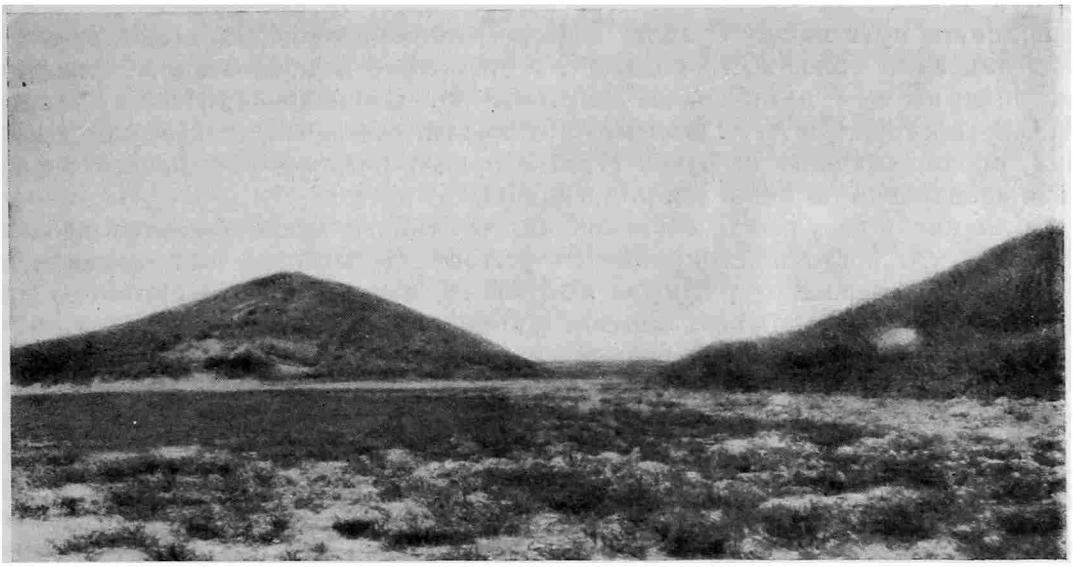

Рис. 22. Первые «ворота» Киммерийского вала.

вала подъемный материал не был обнаружен. Стремясь получить некоторые хронологические ориентиры, мы провели зачистку большой заплывшей ямы на краю восточной оконечности вала. При зачистке здесь обнаружен культурный слой, лишенный каких-либо строительных остатков, но содержавший небольшое количество керамического материала [31]. Чаще всего встречались обломки амфорных стенок и ручек (овальных и круглых). Глина в изломе у большинства черепков коричневая и темно-бурая, имеются белые вкрапления и слюдяные блестки. Из других материалов встретились обломки венчиков красноглиняных тарелок, так называемых рыбных блюд, обломки сероглиняных сосудов, в отдельных случаях — с лощением.

Некоторые основания для датировки дают фрагменты чернолакового сосуда V в. до н. э. и венчик пухлогорлой хиосской амфоры, которую следует датировать концом VI в. до н. э.

Таким образом, обследование вала и расположенной за ним местности, а также характер материала, обнаруженного при зачистке ямы, позволяют утверждать, что восточная оконечность вала упирается в обширное поселение; материал, найденный здесь, дает один из хроно-

[31] В остальной части насыпь вала состоит, по предварительным наблюдениям, из суглинка и песка, может быть, лёсса без включения камня и керамического материала.

логических показателей как для поселения, так, вероятно, и для вала. Весьма любопытно, что позднего материала при зачистке ямы не обнаружено и что материал VI—V вв. до н. э. находится в сравнительно верхних горизонтах.

К востоку от поселения местность заметно понижается и, видимо, и сейчас еще в весенние месяцы покрывается водой, о чем свидетельствует растущая здесь влаголюбивая растительность. Это было еще более заметно в прошлом столетии. Так, А. Фабр в середине XIX в. писал: «Предания Тамани говорят, что, кроме находящихся там в настоящее время двух соляных озер, было некогда еще и третье между Ахтанизовским лиманом и Таманским заливом на той самой плоскости, которая встречается в половине пути между Сенною и Пересыпною почтовыми станциями»[32]. Это описание более всего подходит к низменности (котловине), лежащей за описываемым нами поселением. С. Ф. Войцеховский[33] а также А. С. Башкиров[34] и А. А. Миллер[35] отмечали, что здесь, к северу от Цимбал, проходило одно из русел (третье русло) Кубани, оставившее после себя заболоченную низину и ряд озерков.

Для нас в результате обследования местности представляется несомненным, что восточная окраина открытого здесь поселения омывалась в древности водами озера, ныне высохшего, находившегося примерно на полпути между Таманским заливом и Пересыпью. Из этого озера вытекала протока, шедшая вдоль южной границы поселения и Киммерийского вала на запад до восточной оконечности Таманского залива. Остатки этой протоки упоминает еще во второй половине XIX в. Е. Е. Люценко, принимая ее за искусственный и в его время довольно глубокий ров «шириною в $1^1/_2$ сажени»[36].

Подобные же воспоминания сохранились у местных жителей, рассказывающих, что их деды помнили еще, как по ныне сухой протоке («Субботину ерику», по местному названию) можно было в некоторые годы водным путем добраться до станицы Ахтанизовской. Из сказанного следует, что сплошного земляного вала, который тянулся бы без перерывов от Таманского залива до Пересыпи, никогда не существовало. На обследованном участке он своей восточной оконечностью (вместе с поселением) упирался в древний водный бассейн и здесь обрывался. Следовательно, утверждение некоторых исследователей[37], что вал в средней части перешейка отсутствует сейчас, поскольку он здесь будто бы распахан, является, по-видимому, ошибочным.

В настоящее время в литературе утвердилось мнение, что Киммерийский вал представляет собой гидротехническое сооружение, древнюю земляную дамбу, устроенную для защиты низменных частей полуострова Фонтан от затопления. Эта точка зрения, высказанная в 20-х годах С. Ф. Войцеховским[38] и принятая затем А. С. Башкировым, А. А. Миллером и др., нигде, однако, в печати не была сколько-нибудь основательно аргументирована.

---

[32] А. Фабр. Ук. соч., стр. 51.
[33] С. Ф. Войцеховский. Ук. соч., стр. 6.
[34] А. С. Башкиров. Ук. соч., стр. 7.
[35] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. СГАИМК, 1931, № 1, стр. 27.
[36] Е. Е. Люценко. Ук. соч., стр. 29, 30.
[37] Ср. К. Э. Гриневич. Оборона Боспора Киммерийского на основании археологического материала. Ученые записки Томского гос. университета им. В. В. Куйбышева, 1947, № 7, стр. 62.
[38] С. Ф. Войцеховский. Ук. соч., стр. 6.

Единственный аргумент, приведенный в статье Б. В. Лунина [39], состоит в том, что при зондаже «на ров» с южной стороны вала были встречены аллювиальные отложения, образуемые обычно текучими, проточными водами, и что, следовательно, рва как сооружения, созданного искусственно (для обороны), здесь не было. Видимо, по этой причине и валу была приписана функция гидротехнического сооружения, дамбы для защиты от разливов реки. Однако достаточно взглянуть на план, чтобы убедиться, что защитой от затопления вал служить не мог. Огромные проемы («ворота»), которые трижды прорезают его [40], могли пропустить неограниченное количество воды на огражденную территорию. Кроме того, представляется вообще маловероятной опасность затопления южной оконечности полуострова Фонтан в историческое время водами реки. Ныне сухое и, несомненно, значительно высохшее уже в античное время русло протоки имеет такую огромную общую ширину [41], что по нему могли быть сброшены в Таманский залив без затопления окрестностей огромные массы вод, превосходящие возможности водных бассейнов, которые могли здесь существовать в историческое время.

Единственно возможным, на наш взгляд, является осмысление этого так называемого Киммерийского вала как сооружения оборонительного. Нам следующим образом представляется естественно-историческое развитие этого района. В древности нынешний полуостров Фонтан отделялся от Таманского полуострова широкой, многоводной протокой и был островом. В дальнейшем, вероятно, на заре античной эпохи, протока настолько обмелела, что только у южной оконечности нынешнего полуострова Фонтан струилась неширокая водная артерия, остатки которой существовали еще в XIX в. под местным названием «Субботина ерика». Эта речка уже не представляла серьезной преграды для проникновения с суши на Фонтан. При таких обстоятельствах в силу исторических условий, которые еще надлежит раскрыть, обитатели полуострова предприняли сооружение оборонительной системы, которая должна была максимально затруднить доступ со стороны Таманского полуострова. Она включала в себя воды восточной оконечности Таманского залива, далее — искусственно сооруженный земляной вал протяженностью около 1300 м и параллельно ему идущее последнее, узкое русло протоки, заменявшее ров. Дальше к востоку вал (вместе с примыкавшим к нему поселением, может быть,— сторожевым пунктом) упирался в озеро, из которого вытекала протока.

Обследование 1949 г. не вышло за пределы этого района, но у нас есть основания полагать, что и далее к северо-востоку, вплоть до Азовского моря, продолжалась эта оборонительная система, состоявшая из земляных валов, поселений, примыкавших к ним, и, может быть, встречавшихся на пути водных бассейнов. Так, С. Ф. Войцеховский вполне определенно говорит о виденных им по этой же примерно линии «земляных сооружениях» со стороны Пересыпи [42] и о следах «сильно разрушенного и размытого вала» и поселения, расположенного тут же.

Таким образом, материалы обследования этого района позволяют нам по-новому осмыслить назначение Киммерийского вала и выявить некоторые хронологические ориентиры его. Тем самым создается основа для постановки вопроса о характере тех политических объединений, которые здесь существовали или складывались в первой половине I тысячелетия

[39] Б. В. Лунин. Ук. соч., стр. 10.
[40] В четвертый раз — у самого селения.
[41] Вероятно, более километра.
[42] С. Ф. Войцеховский. Ук. соч., стр. 6; ср. А. Фабр. Ук. соч., стр. 39.

до н. э., и о тех конкретно-исторических условиях, при которых у обитателей полуострова Фонтан могла возникнуть потребность в системе обороны, ограждавшей их от остальной северо-восточной части Кавказа. Разумеется, эти вопросы могут быть разрешены только на основе последующих археологических изысканий.

Приложение

Медные монеты, найденные во время археологических разведок на полуострове Фонтан в 1949 г.

№ п.п.	Определение монет	Датировка	Место находки
1	Пантикапей, Б.* XX, 95	1-я пол. III в. до н. э.	Кучугуры I, квадрат 1
2	Синопа	105—70 гг. до н. э.	Кучугуры I, квадрат 2
3	Пантикапей, Б. XX, 79 и сл. (?)	Сер. III в. до н. э.	Там же
4	Пантикапей, Б. XX, 81	Кон. III в. — нач. II в. до н. э.	» »
5	Пантикапей	Кон. III в. до н. э. (?)	Кучугуры I, квадрат 3
6	»	То же	Там же
7	Пантикапей, Б. XXI, 123—128	Сер. III в. до н. э.	» »
8	Пантикапей, Б. XX, 79 и сл.	1-я пол. III в. до н. э.	» »
9	Савромат III, Б. XXXII, 302	230—231 гг. н. э.	Кучугуры I, квадрат 4
10	Пантикапей, Б. XXI, 128	Сер. III в. до н. э.	Там же
11	Пантикапей	Сер. III в. до н. э. (?)	» »
12	Митридат VIII, Б. XXVI, 89	41—45 гг. н. э.	Кучугуры II
13	Рискупорид I, Б. XXVI, 87	8—38 гг. н. э.	Там же
14	Кесария, Б. XXIII, 1	Предпосл. десятилетие I в. до н. э.	» »
15	Котис III, Б. XXXII, 295	227—233 гг. н. э.	Случайная находка
16	Пантикапей, Б. XX, 79 и сл., 94 и сл.	1-я пол. III в. до н. э.	То же
17	Пантикапей, Б. XXI, 130	1-я четв. I в. до н. э.	» »
18	Амис	105—70 гг. до н. э.	» »
19	Б. XIX, 49	2-я пол. — кон. IV в. до н. э.	» »
20	Пантикапей, Б. XX, 72, 75 и сл.	Кон. IV в. до н. э.	» »
21	Ининфимей	234—239 гг. н. э.	» »
22	Пантикапей, Б. XXI, 123 и сл.	Сер. III в. до н. э.	» »

* П. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, Одесса 1884. См. прим. 20.

В. В. ВЕСЕЛОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Автором настоящей статьи в течение многих лет проводились разведки со сбором подъемного материала в районе восточной части Керченского полуострова, в результате которых обнаружено несколько ранее не известных поселений античного времени, а также периода поздней бронзы и раннего железа. Ниже приводятся описание местоположения этих поселений и характеристика собранного на них материала.

Остатки боспорского поселения на Змеином мысу (близ г. Керчи)

На берегу Керченского пролива, примерно в 2 км восточнее мыса, на котором расположены остатки Мирмекия (рис. 1), находится так называемый Змеиный мыс. На скалистом мысу имеется культурный слой[1], при обследовании которого обнаружены многочисленные фрагменты античной плоской кровельной черепицы, в том числе с клеймами Σπαρτόκου[2] и Βασιλική[3], и желобчатой черепицы из глины желтоватого обжига с блестящими черными включениями. Среди подъемного материала имеются фрагменты чернолаковой (блюдо) и краснолаковой посуды, ножки амфор с небольшим углублением в центре (рис. 2), ручки широкогорлых амфор с поперечным сечением в виде овала (глина оранжевая), профилированные ручки амфор (глина розовая с белыми включениями), фрагменты узкогорлых амфор, обломки стенок реберчатых амфор (глина розовая), пробка из стенки амфоры, фрагменты пифосов, кусок мрамора неправильной формы (размером 20 × 12 × 10 см), 2 крупных обломка зернотерок из горной породы зеленоватого цвета и небольшая бронзовая монета плохой сохранности. В значительном количестве попадались обработанные известняковые камни, встречались створки мидий, кости животных.

На территории рядом расположенного мыса (примерно в 400 м в сторону Керчи) на поверхности земли обнаружены сильно разрушенные человеческие кости, вперемешку с которыми лежали фрагменты боспорского

[1] Упоминание о поселении на этом месте см. в статье В. Ф. Гайдукевича в сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 265.

[2] Типы клейм опубликованы В. Ф. Гайдукевичем в ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 314, № 84 и 86.

[3] Там же, стр. 277, рис. 76, *а*.

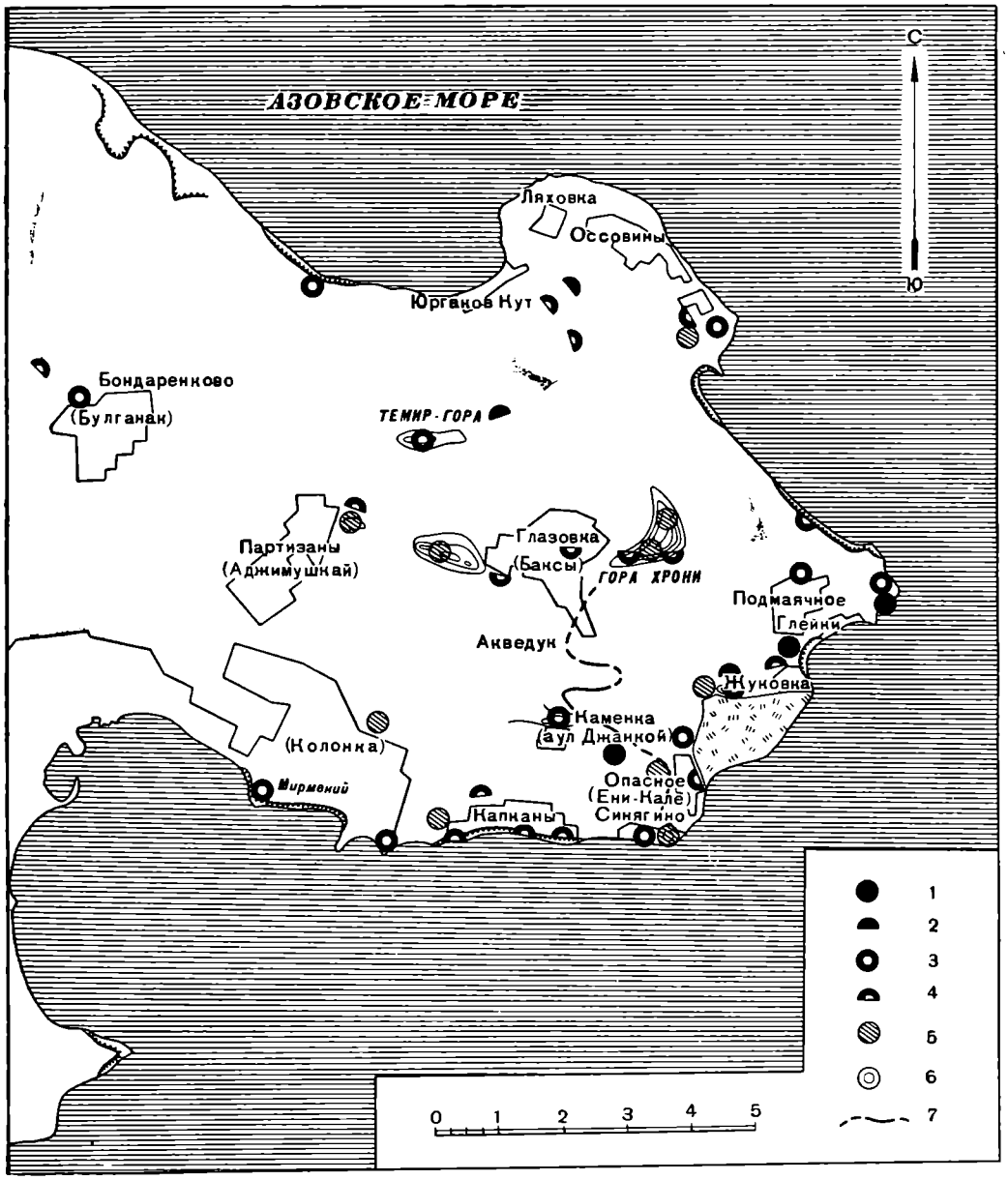

Рис. 1. Карта размещения древних поселений и стоянок в восточной части Керченского полуострова.

1 — стоянка эпохи бронзы; *2* — места нахождения предметов эпохи бронзы; *3* — поселение античного времени; *4* — скопление керамических фрагментов; *5* — некрополь; *6* — средневековое поселение; — древний водопровод.

глиняного кувшина, сделанного на гончарном круге. Высота его — около 27 см, диаметр устья — 7,5 см (рис. 3).

На основании предварительного обследования можно сказать, что древнее поселение на Змеином мысу занимало площадь примерно 0,75—1 га. Особый интерес представляет собой находка в 1955 г. в западной части поселения обломка беломраморной плиты с остатками надписи [4].

[4] См. статью А. И. Болтуновой — приложение к настоящей статье, стр. 245—247.

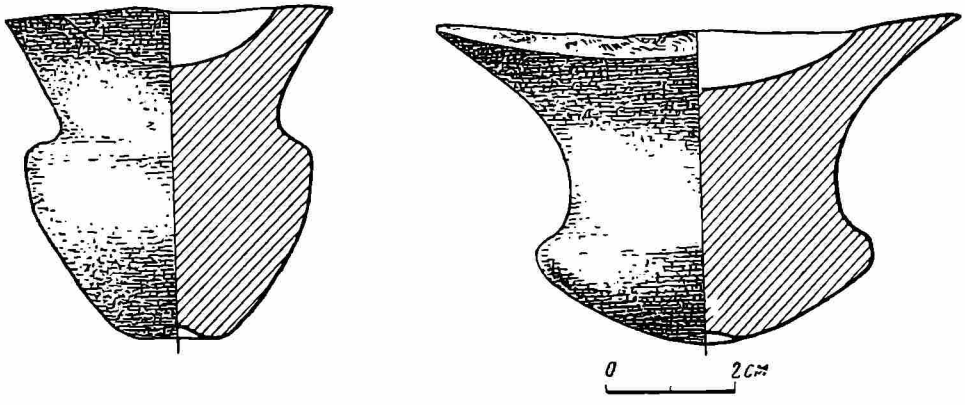

Рис. 2. Ножки амфор (Змеиный мыс).

Остатки древних поселений и некрополя в районе поселка Капканы

В пределах поселка Капканы, растянувшегося почти на 2 км, в нескольких местах встречаются скопления фрагментов посуды эллинистического и раннесредневекового времени; там среди подъемного материала были обнаружены ручка родосской амфоры, синопской (с надписью в одну строку на клейме — ΦΙΛΗΜΩΝ; рис. 4), крупное глиняное пирамидальное грузило, фрагменты плоской черепицы.

Вверху берегового обрыва виден культурный слой толщиной около 1 м. В некоторых местах встречены остатки древней кладки и следы могил. На западной окраине поселка в обрыве берега заметны скопления керамических фрагментов.

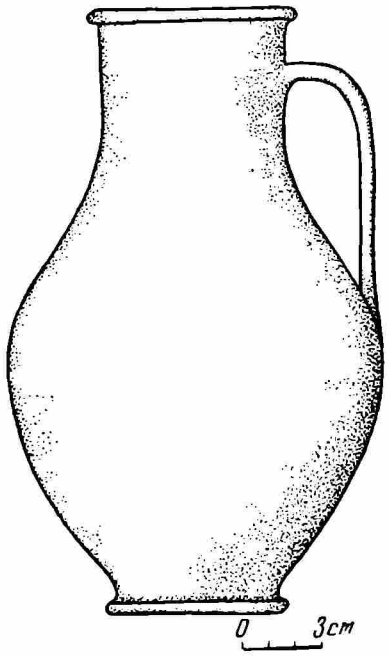

Рис. 3. Кувшин из погребения близ Змеиного мыса.

Рис. 4. Ручка синопской амфоры с клеймом (поселок Капканы).

На некотором расстоянии от берега также были найдены скопления глиняной боспорской посуды, ручки амфор (овальные и двуствольные), донышко рыбного блюда, донышко чернолакового сосуда; в незначительном количестве встречалась кровельная плоская черепица. На одной из ручек синопской амфоры сохранилась часть клейма с фрагментом надписи:

строка 1 — KOY
» 2 — TYNO
» 3 — ΞENOY.

С северо-западной стороны поселка Капканы расположена группа курганов, сильно разрушенных при строительных работах; имеются грунтовые могилы, каменную обкладку одной из них нам удалось видеть. Здесь же был найден раздавленный глиняный бальзамарий из грубой розовой глины.

Остатки поселения и некрополя в районе поселка Синягино

Восточнее поселка Капканы, в пределах поселка Синягино (бывший Ени-Кале) существовало большое поселение, о чем свидетельствуют местами довольно мощные культурные слои, покрывающие скальный косогор Ени-Кальского мыса.

Рис. 5. Фрагмент надгробной плиты (поселок Синягино)

Культурные слои, занимая почти весь косогор, распространяются и на прибрежную полосу, т. е. подошвенную часть Ени-Кальского мыса, где ныне расположен поселок Синягино.

Там, где древние культурные слои прорезаются выемками железнодорожных путей и автодороги (на запад от крепости Ени-Кале) в разных местах обнаружено 12 раздавленных пифосов, заполненных землей, мелким камнем и обломками плоской кровельной черепицы. В другом месте, возле памятника Великой Отечественной войны из культурного слоя был извлечен небольшой горшочек (высота — 8 см) с отогнутым венчиком.

В культурном слое, расположенном на косогорной части над поселком Синягино, были найдены: закрытый светильник, пирамидальные грузила (высота — 10 — 15 см), грузила из плоских просверленных камней, обломки амфор, обломки краснолаковой и черной лощеной посуды, мраморное ядро (диаметр — 7,5 см), фрагмент глиняной водопроводной трубы.

На территории крепости Ени-Кале и поселка Синягино обнаружены: клейменые ручки родосской и синопской амфор, фрагменты рельефных чаш темно-серого, розового и коричневого цветов, обломок мраморного предмета, обработанного с 3 сторон, днище беломраморной чаши или ступы, игрушка — свистулька в виде гуся, а также несколько боспорских монет [5].

Примерно в 700 м северо-западнее крепости Ени-Кале в 1952 г. при прокладке водопроводной линии найдены каменные надгробные плиты. На одном из фрагментов плиты изображены мужчина на ложе и возле него слева сидящая на кресле женщина. Перед ними — столик с точеными ножками. Справа видны небольшие человеческие фигуры. Плита в древности, вероятно, была окрашена, поскольку в пазухах рельефа остались следы голубоватой и сиреневой краски. Внизу

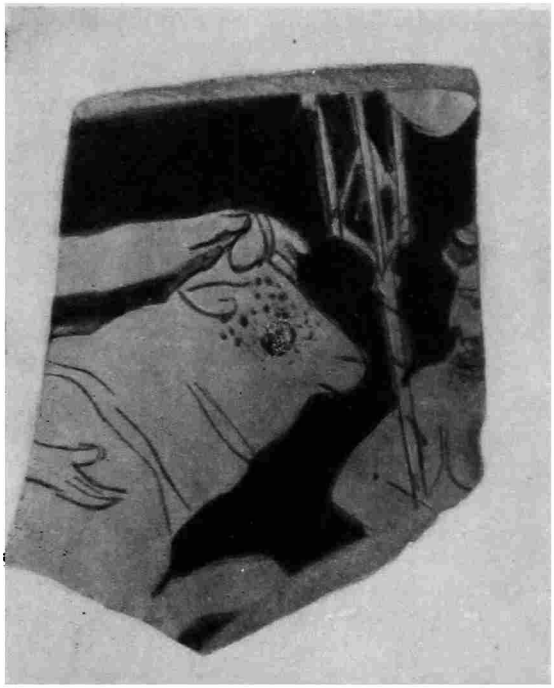

Рис. 6. Фрагмент сосуда с краснофигурной росписью (поселок Синягино)

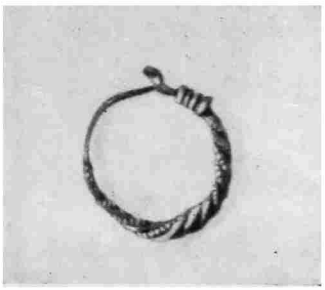

Рис. 7. Золотая сережка (поселок Синягино).

имеются слабые следы надписи (рис. 5). На обломке второго надгробия из желтого ракушечника сохранился фронтон с розетками. В рамке помещено изображение стоящей человеческой фигуры.

В 1950 г. при рытье котлована, приблизительно в 200 м от места находки предыдущих плит, обнаружена небольшая надгробная плита из серого известняка. По словам очевидца, плита имела фронтон с 3 розетками на нем. На плите изображены 3 человеческие фигуры. Нижняя часть плиты с надписью отсутствовала.

К северо-западу от указанной территории из ямы был извлечен фрагмент сосуда (кратера?) с краснофигурной росписью (рис. 6).

В описываемом районе имеются небольшие курганы, частично разрушенные во время боевых действий в Великую Отечественную войну.

[5] 1. Бронзовая монета. На лицевой стороне изображена голова бородатого сатира, на оборотной — протома грифона над осетром с надписью ΠΑΝ (середина IV в. до н. э.). 2. Бронзовая монета. На лицевой стороне изображена голова Персея, на оборотной — герма, монограмма ΒΑΕ и цифра Z— (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.). 3. Посеребреная монета. На лицевой стороне изображена голова, вокруг которой расположена надпись ΚΟΤΥΟС ΒΑСΙ | ΛΕΩС, на оборотной — изображение головы с надписью ΘΚΦ. Это «статер» Котиса III (30-е годы III в. н. э.).

Недалеко от этих курганов, в размытой колее дороги была найдена древняя золотая сережка (рис. 7). В поле встречена одна могила, выдолбленная в скале.

Район поселка Каменка

1. В октябре 1952 г. между поселками Опасное и Каменка в небольшой ложбине были обнаружены следы стоянки эпохи бронзы. Среди подъемного материала оказались каменные орудия и обломки глиняной посуды, в том числе каменный молот, шарообразный камень из серого песчаника,

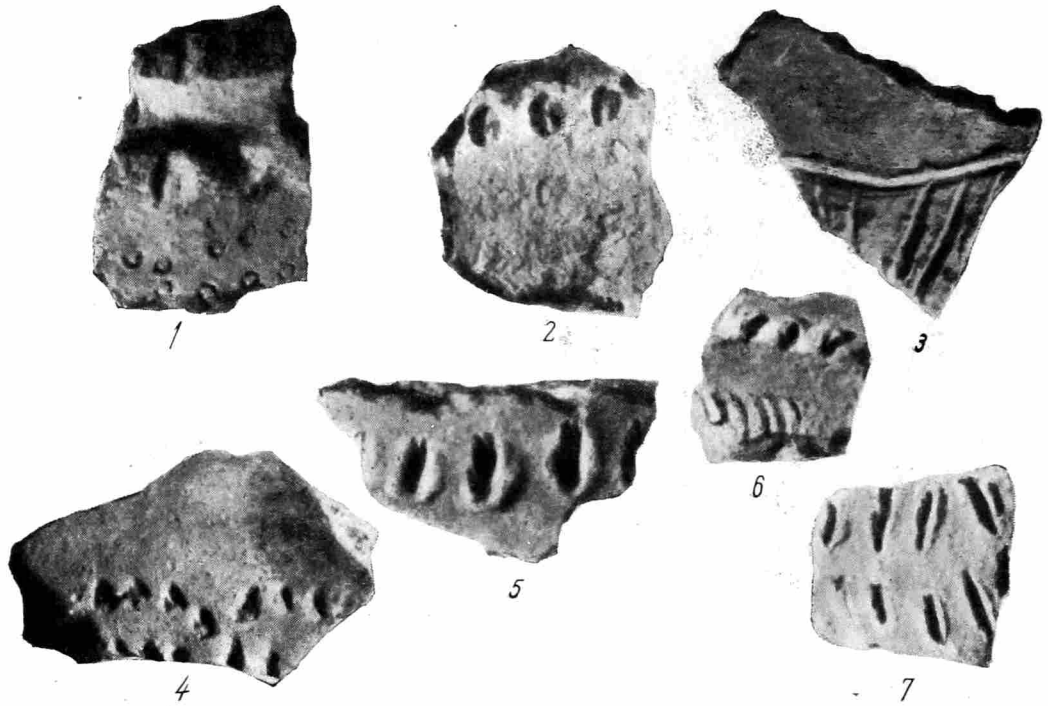

Рис. 8. Обломки лепных сосудов (поселок Каменка).

полированный камень со стесами на торцах, кремневые ножи, скребки и отщепы с ретушью, обломки сосудов с налепными валиками, с гребенчатым штампом, с различного рода вдавлинами, насечками и прищепами (рис. 8).

На основании ориентировочных замеров можно сказать, что древнее селище занимало территорию около 2,5—3 га.

2. На северной окраине Каменки, на холме и на территории, прилегающей к нему с юга и юго-востока, в бывших окопах и блиндажах обнаружены в большом количестве фрагменты боспорской глиняной посуды и остатки древних фундаментов. Толщина культурного слоя — от 1 до 2,5 м.

Среди подъемного материала были двуствольные ручки амфор (косские), обломки канфара, фрагменты краснолаковой и буролаковой посуды, иногда имевшие орнамент, нанесенный белой краской, обломки эллинистических амфор и реберчатых — римского времени, куски пифосов, простой боспорской посуды и т. д.

Судя по керамическим фрагментам, поселение на территории поселка Каменка существовало с III в. до н. э. по IV в. н. э.

Остатки древних поселений и некрополей в районе дер. Глазовка (бывш. Баксы) и на горе Хрони

На западной окраине дер. Глазовка, на крутом холме, представляющем собой южную оконечность скалистой гряды, в 1950 г. было найдено значительное количество фрагментов боспорской плоской кровельной

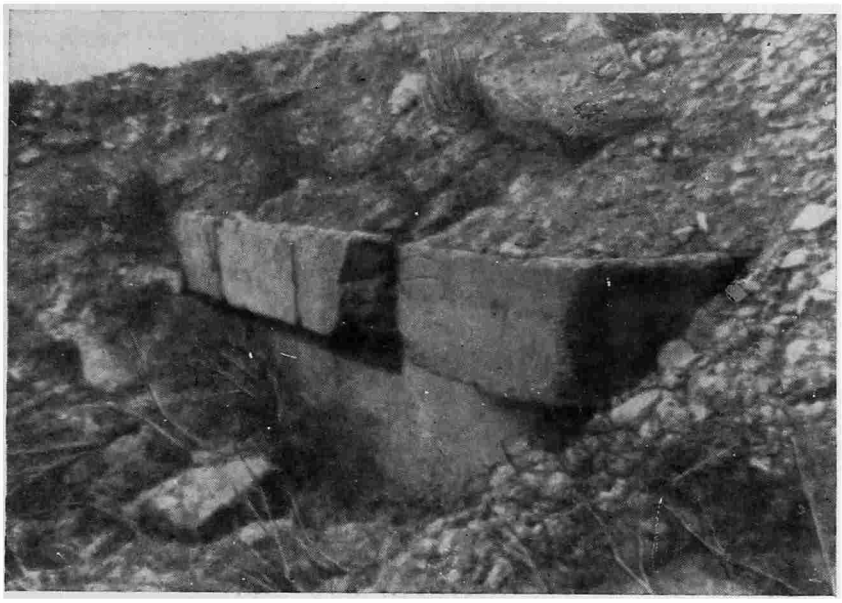

Рис. 9. Остатки уступчатого склепа (поселок Глазовка).

черепицы и желтой желобчатой черепицы. Примерно в 0,5 км к западу от крайнего северного дома дер. Глазовка на скальной гряде обнаружен небольшой разрытый курган с остатками уступчатого склепа, сложенного

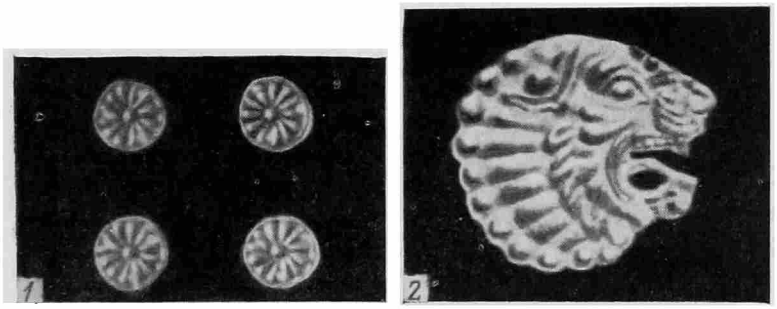

Рис. 10. Золотые бляшки из склепа у пос. Глазовка.
1— в виде розеток, *2*— в виде головы льва.

из хорошо обработанных камней известняковой породы желтого цвета (рис. 9). Приблизительно в 300 м северо-западнее, на той же гряде, в подошве другого кургана также оказались остатки склепа. Перед склепом найдены маленькие золотые бляшки в виде двенадцатилепестковых розеток, заключенных в круглые ободки диаметром около 9 мм (рис. 10, *1*). С одной стороны бляшки выпуклые, с другой — вогнутые. На каждой

бляшке имеется по 3 отверстия для нашивки на ленту или одежду. Там же найдено незначительное количество фрагментов чернолаковой посуды.

Кроме малых круглых бляшек, найдена еще одна, более крупная золотая бляшка (диаметр — 20 мм), изображающая голову льва с разинутой пастью (рис. 10, *2*). На оборотной стороне бляшки для удобства пришивки сделаны 3 маленьких колечка.

Фрагменты боспорской глиняной посуды преимущественно первых веков нашей эры попадаются во многих местах дер. Глазовка. В 1949 г. там была найдена бронзовая пантикапейская монета с изображением головы сатира на лицевой стороне и головы льва с осетром и буквами ΠΑΝ — на оборотной.

На северном склоне горы Хрони обнаружена группа могил, высеченных в скале. Могилы книзу расширялись, стенки их были наклонными. У некоторых могил были устроены небольшие дромосы с приставной плитой. По конструкции эти могилы близки могилам, обследованным Боспорской экспедицией в 195[illegible] г. на территории завода имени Войкова, вблизи г. Керчи.

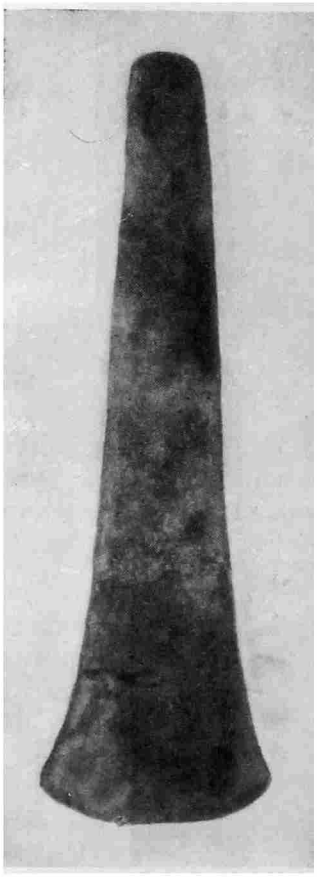

Рис. 11. Бронзовый топор (мыс Фонарь).

Небольшие ку[illegible]ные слои, содержащие фрагменты крупно[illegible]ной посуды, встречаются на склонах горы Хрони. На склоне, обращенном в сторону дер. Глазовка, находились фрагменты чернолаковой посуды. На юго-восточном склоне в 50—100 м к западу от раскопанного большого кургана обнаружен тонкий культурный слой. Здесь собраны ручки амфор эллинистического времени.

В районе водного источника на горе Хрони встречаются фрагменты крупной глиняной посуды, преимущественно амфор первых веков нашей эры.

Древние поселения на мысе Фонарь

1. На мысе Фонарь, самой восточной части Керченского полуострова, к северо-востоку от поселка Глейки находятся культурные слои небольшого поселения, значительная часть которых уничтожена при разработке каменного карьера. Культурный слой античного времени покрывает более древний культурный слой эпохи бронзы. Среди находок, относящихся к слою бронзы, были бронзовый топор (рис. 11), обломки каменных орудий, орнаментированная грубая лепная посуда. В слое античного времени оказались куски плоских кровельных черепиц, обломки простой и чернолаковой посуды, в том числе обломки рыбного блюда с граффито на донышке и лутерия со свинцовой скрепой; фрагменты открытых светильников; ножка амфоры фасосского типа; «колпачковая» ножка амфоры (рис. 12); часть горла синопской амфоры; ручка херсонесской амфоры с клеймом (рис. 13), на котором сохранились остатки надписи:

строка 1 — ΒΙΩΝ
» 2 — ΥΝΟΜ;

профилированная ручка амфоры; обломки стенок реберчатых амфор. Встречалось также много фрагментов лепной посуды из глины с примесью морского песка и измельченной ракушки. Многие фрагменты имеют с наружной поверхности следы лощения.

Рис. 12. Ножка амфоры (мыс Фонарь).

Интересны находимые в значительном количестве плоские гальки с искусственными выбоинами на ребрах. Возможно, эти гальки подвязывались к рыболовным сетям в виде грузил.

Рис. 13. Обломок ручки херсонесской амфоры с остатками клейма (мыс Фонарь).

Быть может, остатки этого поселения по своему расположению соответствуют остаткам того городища, в котором К. Э. Гриневич, на основании своих археологических разведок, видел Порфмий, «лежавший в 85 стадиях от Пантикапея» (ссылка на перипл Пс. Арриана, 74)[6]. Однако

К. Э. Гриневич. Археологические разведки в северо-восточной части Кер-

в настоящее время Порфмий локализуется несколько южнее, близ дер. Жуковка [7].

2. На 1,5 км к западу от упомянутых выше остатков берегового поселения, на северной окраине поселка Подмаячное и частично в пределах самого поселка, были обнаружены остатки другого крупного поселения. При осмотре срезов довольно мощных культурных слоев, расположенных

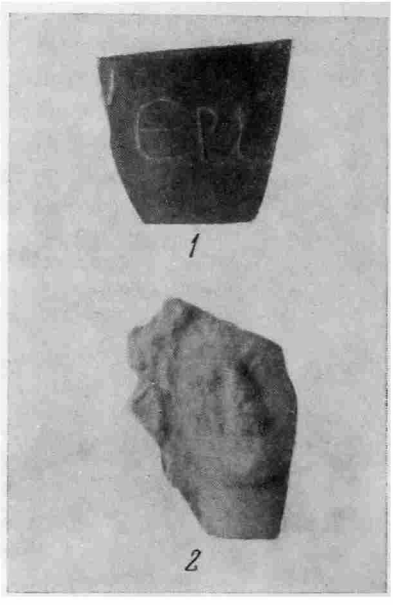

Рис. 14. Находки у пос. Подмаячное.

1 — фрагмент сосуда с надписью; *2* — головка терракотовой статуэтки.

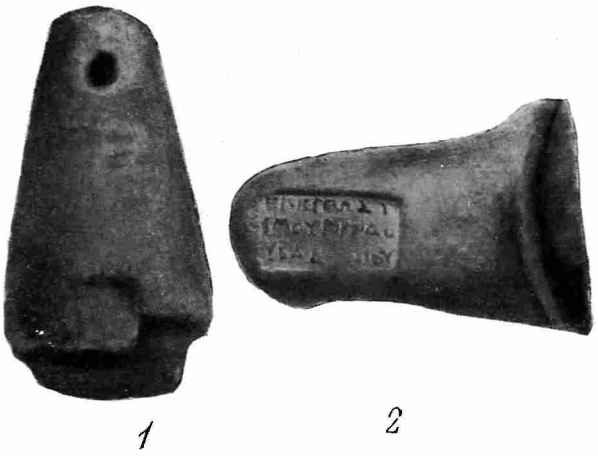

Рис. 15. Находки у пос. Подмаячное.

1 — фрагмент глиняного грузила; *2* — ручка родосской амфоры с клеймом.

на холме, найдено большое количество фрагментов разнообразной боспорской посуды: мелкие обломки чернолаковых сосудов; фрагмент «мегарской чаши» серого цвета; обломок небольшого тонкостенного сосуда с надписью ЕРЛ (рис. 14, *1*); терракота с изображением лица бога Диониса с венком на голове (рис. 14, *2*); фрагмент краснолакового сосуда; ручка родосской амфоры с клеймом (рис. 15, *2*); верхняя часть глиняного пирамидального грузила с углублением для клейма (рис. 15, *1*); незначительное количество фрагментов стеклянной посуды; многочисленные фрагменты широкогорлых и узкогорлых амфор как первых веков нашей эры, так и средневековых; куски каменных плит зернотерок; обломки грубой кухонной посуды.

Возможно, основная часть данного поселения находилась на холме, господствующем над поселком Подмаячное. Здесь, в обрезах различных земляных ям, видны обработанные известняковые камни. Древний колодец расположен примерно в 200 м к юго-западу от холма, в пределах нынешнего поселка Подмаячное. Между этим холмом и берегом Азовского

ченского полуострова. Изв. Таврическ. о-ва истории, археологии и этнографии, т. 1(58), Симферополь, 1927.

[7] В. В. Веселов. Древние городища в районе Синягино. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 227 и сл.

моря на поверхности земли изредка встречаются обломки посуды времени раннего средневековья. Тут же на склоне был обнаружен примитивный колодец, обложенный грубым камнем. Городище у Подмаячного, судя по найденной посуде, существовало с перерывами с IV в. до н. э. по X—XI вв. н. э.

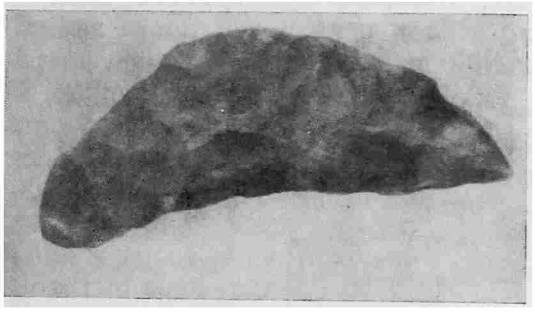

Рис. 16. Кремневый жатвенный нож из пос. Подмаячное.

3. На южной окраине поселка Подмаячное, в низине между двумя продолговатыми скальными холмами, в 1953 г. во время земляных работ обнаружены следы поселения эпохи бронзы. Среди находок были кремневый жатвенный нож (рис. 16), обломок шлифованного каменного топора

Рис. 17. Обломок шлифованного каменного топора из пос. Подмаячное.

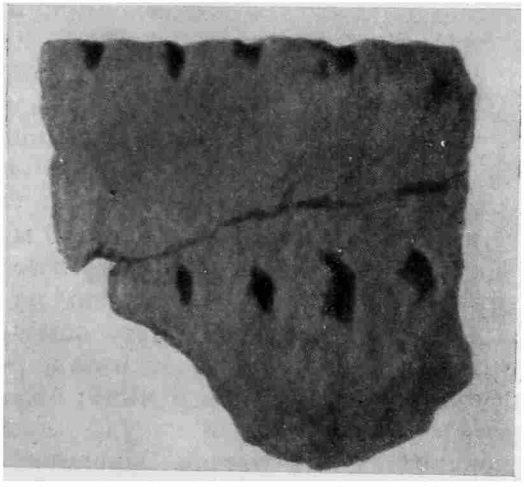

Рис. 18. Обломок лепного сосуда из пос. Подмаячное.

(рис. 17), кремневый наконечник копья, фрагменты лепной посуды (рис. 18). Значительная часть культурного слоя находится в пределах двора новой двухэтажной школы.

4. Южнее селища эпохи бронзы, на северной окраине поселка Жуковка в ямах найдены: скопления обломков глиняной посуды — пифосов, ручек амфор, стенок реберчатых сосудов, толстостенных мисочек из розовой глины; несколько кусков плоской кровельной черепицы, обломки розовой штукатурки, отдельные обработанные известняковые камни и пр.

Ясно выраженный культурный слой пока не обнаружен. Территория распространения находок — 0,5—0,7 га.

Следы поселений у поселка Оссовины

В районе поселка Оссовины следы культурного слоя имеются в нескольких местах:

1. На скалистом мысу Варзовка, на расстоянии 1,2 км к юго-востоку от поселка Оссовины, толщина культурного слоя достигает 0,5—1 м. В обрезах культурного слоя и на поверхности земли были найдены: куски плоской кровельной черепицы, небольшие фрагменты чернолаковой и краснолаковой посуды, края пифосов и пр. В некоторых местах видна каменная кладка стен. Следы оползшей кладки заметны в береговом обрыве, примерно в 100 м к северу от скалистого мыса; тут же в культурном слое имеются обломки пифосов и множество створок мидий.

Рис. 19. Обломок терракотовой статуэтки из пос. Оссовины.

2. Западнее скалистого мыса, на береговой возвышенности, как бы на террасах, было расположено поселение, существовавшее, очевидно, в эпоху поздней античности и раннего средневековья. Культурный слой располагается как на общем береговом склоне, так и на крутом скалистом холме, возвышающемся над ним, на площади около 5—6 га. Среди находок — большое количество обломков грубой лепной кухонной посуды; фрагменты простых сосудов, пирамидального грузила, тонкостенного лощеного сосуда, стеклянного бальзамария, пифоса с остатками свинцовых скреп; ручки и стенки реберчатых амфор, обломок крупного толстостенного сосуда с прочерченным волнообразным орнаментом.

3. В балке, примерно в 700 м к северо-западу от описанных выше остатков древнего поселения и в 600 м от берега Азовского моря, оказались остатки еще одного небольшого поселения античного времени. Следы культурного слоя были обнаружены на небольшом плато, расположенном над балкой и на ее откосах. При осмотре культурного слоя, в том месте, где грунтовая дорога на Оссовины пересекает балку, найдены: фрагмент сосуда с плоской широкой ручкой; обломки амфор эллинистического времени, простой боспорской посуды, лутерия; фрагмент плоской кровельной черепицы; небольшой фрагмент чернолакового сосуда; обломок маленькой терракотовой статуэтки без головы (высота — 5 см; рис. 19); обломки реберчатых амфор и стенок сосудов раннесредневекового времени.

Среди найденных клейм на ручках синопских амфор были следующие. Одно клеймо, с изображением венка и надписью

строка 1 — Μνήσιος
» 2 — ἀστυνό(μου)
» 3 — Φιλοκρά(του),

по-видимому, относится ко II хронологической группе Б. Н. Гракова (270—220 гг. до н. э.[8]; рис. 20, *1*).

[8] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 122 и сл.

На другом клейме надпись

строка 1 — [Φίλωνος
» 2 — ἀσ]τυνόμου
» 3 — Βάχχ[ου

сопровождается изображением виноградной грозди и канфара; это клеймо, видимо, относится к I хронологической группе Б. Н. Гракова (380—270 гг. до н. э.)[9]. Еще одно, хуже сохранившееся, клеймо с эмблемой в виде стоящей человеческой фигуры (рис. 21), может быть, следует восстановить так: Φα[ήνιος 'ασ]τυν[όμου... и считать его относящимся к III хронологической группе Б. Н. Гракова (220—183 гг. до н. э.)[10].

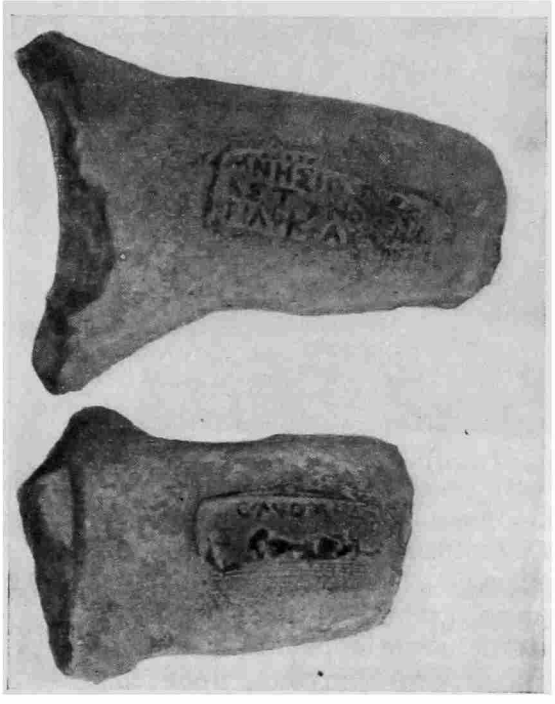

Рис. 20. Ручки (1, 2) с клеймами от синопских амфор из пос. Оссовины.

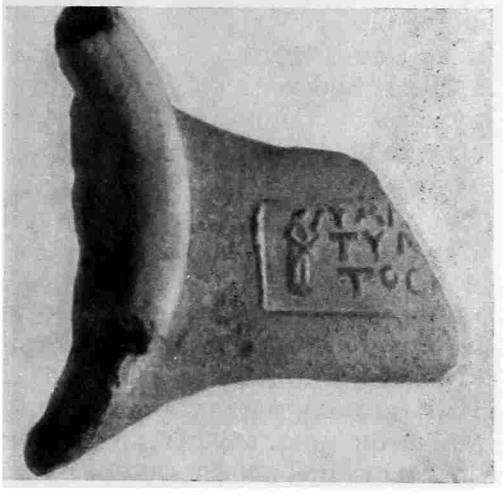

Рис. 21. Фрагмент ручки с клеймом от синопской амфоры из пос. Оссовины.

Таким образом, можно полагать, что вся группа поселений у пос. Оссовины существовала с IV в. до н. э. вплоть до раннего средневековья.

Если в начале прошлого века маяк находился на Варзовском мысу, близ поселка Оссовины, то возможно, что П. Дюбрюкс [11] описал современные ему остатки древних стен боспорского поселения именно на этом мысу. С другой стороны, К. Э. Гриневич [12], производивший в 20-х годах археологические разведки северо-восточной части Керченского полуострова, пишет, что в районе Оссовин он не обнаружил каких-либо следов древних поселений.

---

[9] Там же, стр. 110 и сл.
[10] Там же.
[11] П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского. ЗООИД, т. IV, 1858.
[12] К. Э. Гриневич. Ук. соч.

Остатки древних поселений близ поселка Юргаков-Кут

1. Примерно в 3 км западнее поселка Юргаков-Кут на берегу Азовского моря находятся остатки небольшого поселения. На западном склоне третьей балки, считая от поселка Юргаков-Кут (на запад), с поверхности земли подняты фрагменты поздней боспорской и раннесредневековой глиняной посуды.

2. В 1,5 км юго-восточнее поселка Юргаков-Кут в развилке между дорогой, ведущей из г. Керчи на Оссовины, и малодействующей дорогой на Юргаков-Кут (из поселка Глазовка) обнаружены культурные слои небольшого поселения. Эти слои располагаются на возвышенности и крутом косогоре, обращенном на запад. На поверхности земли попадались многочисленные фрагменты глиняных боспорских сосудов, преимущественно амфор (в том числе — одна ручка синопской амфоры с клеймом), и плоских кровельных черепиц.

Севернее, примерно в 800 м в сторону поселка Юргаков-Кут, на поверхности земли найдено значительное скопление фрагментов обычной глиняной боспорской посуды. Возможно, это скопление фрагментов посуды свидетельствует о том, что упомянутое выше поселение распространялось и на данную территорию.

3. В 800 м восточнее поселка Юргаков-Кут в развилистой балке обнаружено скопление фрагментов грубой лепной посуды из глины с примесью толченой ракушки. Фрагменты боспорской посуды здесь не встречались.

Остатки поселения на Темир-Горе

На склонах Темир-горы существовало довольно большое поселение, о чем свидетельствует культурный слой, покрывающий всю гору и достигающий в некоторых местах 2—3 м (южный склон).

В разных местах Темир-горы обнаружена кладка древних стен и фундаментов (рис. 22). В кладке оказались отдельные обработанные камни, достигающие по фасаду размера 1,5 × 0,3 м. П. Хицунов, производивший в 1869 г. раскопки «скифского кургана» на Темир-горе, был прав, считая, что здесь, на горе было когда-то древнее поселение[13]. Такого же мнения придерживался и М. И. Ростовцев[14].

По многочисленным обнажениям каменной кладки древних стен можно судить, что поселение на Темир-горе занимало территорию около 6 га. При осмотре обнажений культурного слоя найдены: горлышко лекифа, покрытого лаком оливкового цвета; обломки краснолаковых сосудов, так называемых мегарских чаш, сосудов, покрытых бурым лаком эллинистического времени; фрагменты амфор (эллинистического и римского времени), узкогорлых, с каннелированными и двуствольными ручками, реберчатых и т. д. Встречены ручка, имеющая клеймо с изображением кадуцея, обломки пифосов и плоских кровельных черепиц, куски штукатурки розового цвета, фрагменты статуэток, глиняные пирамидальные грузила, фрагменты стенок сосудов с граффити, донышки стеклянных бокальчиков, бронзовая монета плохой сохранности.

Попадается значительное количество фрагментов грубой лепной посуды. На поверхности одного из них нанесен орнамент в виде поясков и

[13] В. Ф. Гайдукевич. Укрепленная villa rustica на Темир-горе. СА, VII.
[14] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 395, 396.

парных врезных косых линий между ними, на поверхности другого — ряд точечных углублений.

На той же территории было поднято несколько кремневых отщепов, один из них — с ретушью.

Судя по находкам, поселение на Темир-горе существовало с III в. до н. э. по IV в. н. э.

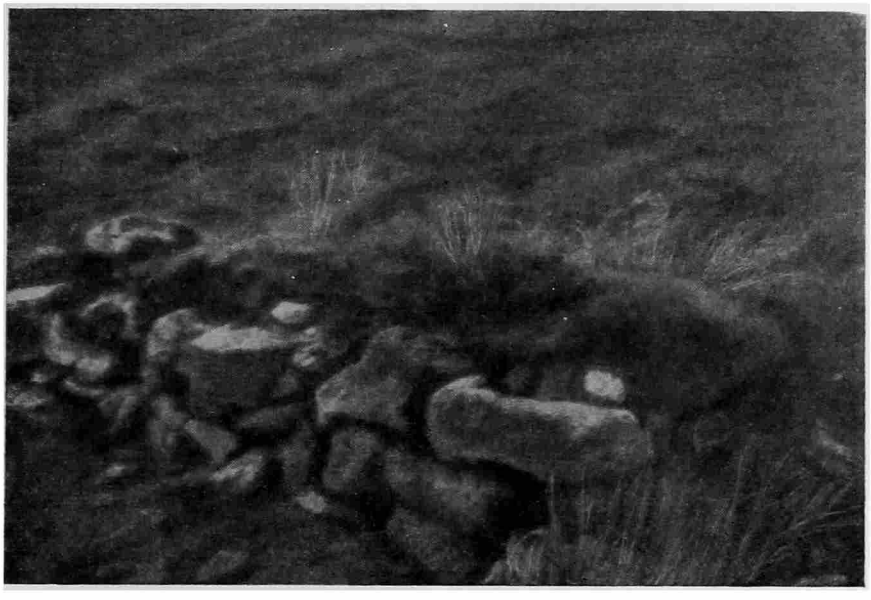

Рис. 22. Кладка древних стен и фундаментов на Темир-горе.

Остатки поселения в районе дер. Бондаренково (бывш. Булганак)

На северной окраине нынешней дер. Бондаренково (бывш. Булганак), на крутом, высоком продолговатом холме были обнаружены остатки поселения.

Верх холма представляет собой плато протяжением 70—75 м и шириной 25—30 м. Крутой восточный склон холма обращен в сторону ручья Булганак. Примерно в 50 м от подошвы холма расположен действующий колодец. На склоне холма, обращенном на запад, обнаружены наиболее мощные культурные слои, при осмотре которых найдены: обломки «мегарских чаш» темно-серого цвета; краснолаковой посуды, иногда орнаментированной белой краской; римских узкогорлых и эллинистических амфор; пифосов; грубой кухонной лепной посуды из серой глины с белыми крапинками.

В пределах холма встречаются фрагменты тонкостенной посуды, покрытой коричневатым лаком с золотистым оттенком, подобные обнаруженным на территории городища на Темир-горе. Тут же в незначительном количестве попадаются торчащие из-под земли обработанные известняковые камни.

Западнее описанных выше остатков поселения, в районе нынешнего каменного карьера, находилось более древнее поселение. Возле служебного здания были найдены во множестве обломки амфор, фрагменты черлолаковой посуды, два небольших пирамидальных грузила.

По словам одного из рабочих, летом 1954 г. в районе карьера попадались большие глиняные «посудины» с истлевшими человеческими костями. Это свидетельствует о наличии в пределах карьера древнего некрополя. Можно предполагать, что при наступлении тревожных для Боспорского государства времен (II—I вв. до н. э.) более древнее поселение подтянулось к холму, расположенному на северной окраине нынешней дер. Бондаренково; здесь, в силу благоприятных топографических условий, было удобнее защищаться от врага.

Рис. 23. Обломок мраморной плиты с надписью (г. Митридат).

При осмотре известных ранее поселений (Пантикапея, Мирмекия и др.) было найдено очень много различных вещей, которые мы сдали в Государственный Керченский историко-археологический музей. Наиболее интересные из них воспроизводятся ниже:

1. На южном склоне г. Митридат обнаружен обломок мраморной плиты с надписью. Толщина плиты — 26 мм. Сохранился правый верхний угол с остатками 4 верхних строчек надписи (рис. 23).

2. На восточном склоне г. Митридат найден обломок известняковой плиты с изображением грифона (рис. 24). На торцовой части плиты видны углубления для закладки металлических анкеров. Может быть, плита с изображением грифона была вделана как герб в крепостную стену или башню Пантикапейского акрополя[15]. Можно считать, что изображение грифона на плите относится к первой половине IV в. до н. э. (правление Левкона I), т. е. ко времени появления медной монеты с изображением однотипного грифона (тетраболы 375—340 гг. до н. э.). Указанную датировку до некоторой степени подтверждает появление изображений грифона на пеликах «керченского стиля»[16] и на золотом калафе из кургана «Большая Близница»[17].

[15] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 137.
[16] М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. МИА, № 19, 1951.
[17] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 287.

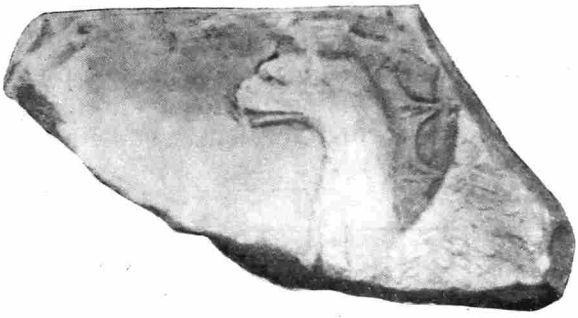

Рис. 24. Обломок плиты с изображением грифона (г. Митридат).

1 2

Рис. 25. Ручки с клеймом в виде головы кабира (г. Митридат).

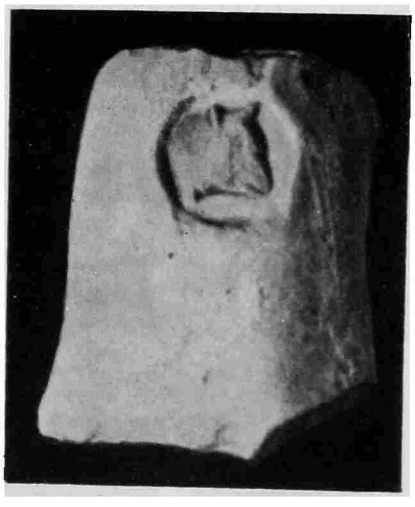

Рис. 26. Ручка с клеймом в виде головы быка (г. Митридат).

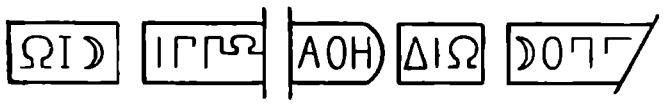

Рис. 27. Бронзовая фигурка птицы (г. Митридат).

Рис. 28. Чернолаковая амфора (г. Митридат).

3. На г. Митридат найдено много клейменых ручек, среди которых интересны ручки с клеймами в виде головы кабира (рис. 25) и головы быка (рис. 26), а также множество клейменых черепиц, среди которых есть неопубликованные:

4. На южном склоне горы были обнаружены бронзовая фигурка птицы (рис. 27) и небольшая чернолаковая амфора с каннелированным туловом и орнаментом в виде стеблей и листочков плюща, нанесенным белой краской (рис. 28).

А. И. БОЛТУНОВА

ФРАГМЕНТ МРАМОРНОЙ ПЛИТЫ, НАЙДЕННОЙ НА ЗМЕИНОМ МЫСУ

(Приложение к статье В. В. Веселова)

Кусок плиты белого мрамора (см. рисунок) обломан со всех сторон. Высота обломка — 0,074 м, ширина — 0,065 м. Лицевая сторона плиты тщательно отполирована, оборотная — неровная и необработанная. Толщина обломка с левой стороны — 0,025 м, с правой — около 0,02 м. Необработанная поверхность оборотной стороны и незначительная ее толщина позволяют предполагать, что плита была вделана в стену. От надписи сохранились остатки 3 строк, составляющих обрывки собственных имен:

строка 1 — РТО,
» 2 — РАКЛ,
» 3 — НРЛ.

Высота букв — 0,017—0,009 м.

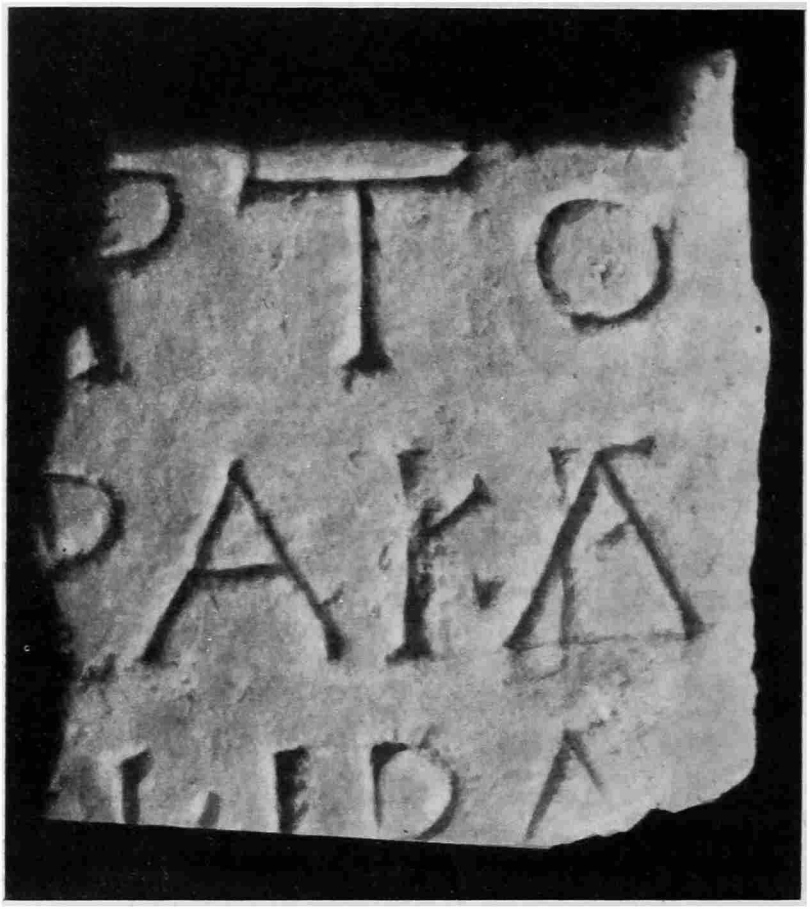
Во второй строке резчик после К по ошибке начертал сначала Е, но затем поверх этой буквы вырезал Л. Это дает возможность предположить, что следующая за Л буква была Е. Нижние части букв третьей строки обломаны, однако чтение их достаточно ясно. Сохранившиеся остатки надписи не позволяют сколько-нибудь уверенно восстановить не только полный текст надписи, но даже высказать окончательное суждение о ее содержании. Тем не менее можно думать, что сохранившиеся буквы первой строки принадлежали имени Σπάρτοκος или Σπαρτοκίων, второй строки — Ἡρακλείδης. То же имя, или наименование Геракла, культ которого пользовался почитанием на Боспоре [1], можно предполагать и в третьей строке.

Шрифт надписи отличается изяществом, работа резчика — тщательностью и профессиональным мастерством. Из надписей, датированных на основании упоминания исторических лиц, наиболее близка по характеру шрифта к исследуемой нами надпись IOSPE, II, № 308. Особенности букв, сближающие ее с рассматриваемым нами обломком, следующие: маленькое О, широкая горизонтальная hasta Т, начертание К с укороченными ножками, характер апексов.

Надпись IOSPE, II, № 308, упоминающая Спартока IV, сына Перисада (ср. надпись IOSPE, II, № 18), отнесена В. В. Латышевым по характеру

[1] Ср. IOSPE, II, № 24.

шрифта ко времени «не позже III в.» Нумизматический материал указывает, что Спарток IV правил в начале II в. и, вероятно, во второй половине III в. до н. э.[2] Сравнение шрифта изучаемого нами фрагмента плиты со шрифтом надписи IOSPE, II, № 308, при всем сходстве в начертании букв, говорит скорее за отнесение этого фрагмента ко времени, хотя и

Фрагмент мраморной плиты с надписью (Змеиный мыс).

близкому, но несколько более раннему, чем шрифт надписи IOSPE, II, № 308. Если последнюю, в соответствии с упоминанием Спартока IV, можно отнести к концу III в.— началу II в. до н. э., то более строгий характер шрифта публикуемого обломка (прямое начертание А и Λ, без прогиба наклонных hasta, и несколько более строгий и простой характер апексов) заставляет датировать его второй половиной III в. до н. э.

По содержанию надпись могла либо относиться к разряду посвятительных, либо представлять список имен. Во втором случае в первой строке следует скорее предполагать имя Σπαρτοκίων, встречавшееся уже в надписях Боспора эллинистического времени[3] и более уместное в применении к представителям рядового населения Боспора, чем царское имя Σπάρτοκος. Во второй и третьей строках — имя Ἡρακλείδης. Незна-

[2] Дидрахма Спартока IV начала II в. до н. э.— см. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 185, табл. XLII, *26*.

[3] Ср. IOSPE, IV, № 432 AII_{58} и BII_{52}.

чительное количество сохранившихся букв и утрата окончаний слов не дают возможности судить, были ли это основные имена, или патронимики.

Однако относительно крупный размер букв и свободная их расстановка, свидетельствующая о небольших размерах начертанного текста, говорят скорее за отнесение надписи к разряду посвятительных. Если допустить, что, несмотря на облом верхнего края, сохранившиеся буквы РТО принадлежали первой строке, то текст надписи предположительно, по аналогии с надписью IOSPE, II, № 18 [4], можно восстановить примерно в следующем виде:

[Βασιλεύοντος Σπα]ρτό|κου[τοῦ Παιρισάδου Ἡ]ρακλ[είδης ἱερωμένος (?)] Ἡρα[κλεῖ].

При таком восстановлении распределение букв в строках соответствует расположению их в сохранившемся обломке. Если принять это восстановление, то речь должна была идти о маленьком храме, в стену которого была вделана плита.

[4] Надпись IOSPE, II, № 18 утрачена, вследствие чего мы лишены возможности сопоставить характер ее шрифта со шрифтом публикуемого обломка.

В. М. СКУДНОВА

ИЗ НЕИЗДАННЫХ МАТЕРИАЛОВ ОЛЬВИИ VI—V вв. до н. э.

Среди хранящихся в Государственном Эрмитаже коллекций из раскопок Ольвии 1901—1915 гг. имеются архитектурные детали и обломки скульптуры VI—V вв. до н. э., до сих пор не опубликованные.

О раннем периоде истории Ольвии письменные источники говорят очень мало. Значительным дополнением к этому является археологический материал, добытый раскопками. В свете этого публикуемые обломки архитектурных украшений, принадлежащих, вероятно, общественным зданиям Ольвии или святилищам, представляют известный интерес. Они были найдены на разных участках городища, в верхнем и нижнем городе.

Наибольшее их количество происходит с участка, раскопанного Б. В. Фармаковским в 1905 и 1906 гг.[1], где, по его определению, сохранились остатки храма. На площади протяженностью 20 м были открыты мощные субструкции толщиной 2,24 м, доходившие до материка. По предположению Б. В. Фармаковского, здесь находилось здание из громадных плит известняка, найденных в восточной части раскопа[2].

Недалеко от этого места обнаружены надписи II—III вв. н. э., посвященные Аполлону Простату. Это дало возможность Б. В. Фармаковскому считать, что открытые большие блоки относятся к развалинам храма Аполлона.

Как известно, наибольшее количество дошедших до нас надписей из Ольвии посвящено Аполлону Простату[3]. Из них мы узнаем о приношениях и дарах в храм Аполлона[4], о починке стены и крыши храма и восстановлении портиков жителями Ольвии[5]. Правда, эти надписи относятся главным образом к позднему времени, т. е. II—III вв. н. э., и свидетельствуют о существовании храма Аполлона в это время; о времени же его сооружения никаких данных нет. Поэтому архитектурные детали, найденные на участке, исследованном в 1905—1906 гг., могут в известной мере указывать на время постройки храма.

Наибольший интерес среди архитектурных фрагментов представляет мраморный обломок, украшенный двумя встречающимися под углом ионийскими волютами, с частью лепестков пальметки между ними

---

[1] ОАК за 1905 г., стр. 14, рис. 13; ОАК за 1906 г., стр. 11, рис. 8 и 9 и план.
[2] ОАК за 1906 г., стр. 4, рис. 1 и стр. 11—13.
[3] IOSPE, I², от № 80 до 112; ИАК, вып. 18, стр. 101—105.
[4] IOSPE, I², стр. 113, № 80; стр. 126, № 94 и др.
[5] IOSPE, I², стр. 131, № 98; стр. 187, № 175.

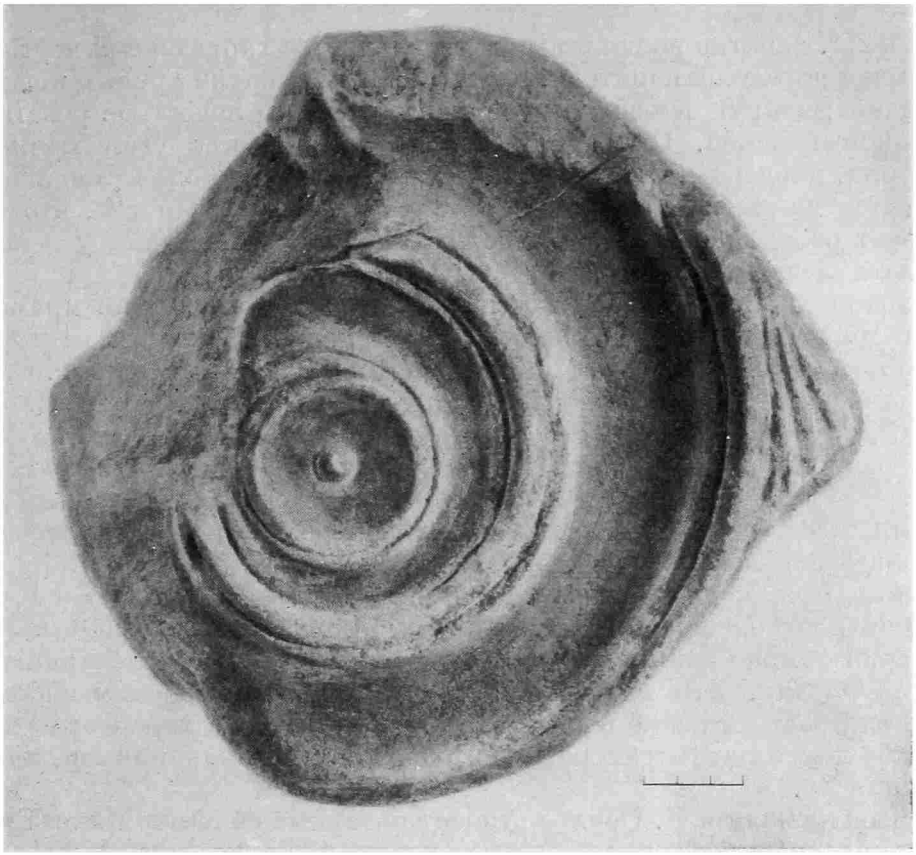

Рис. 1. Обломок украшения мраморного алтаря. Середина VI в. до н. э. Вид сбоку.

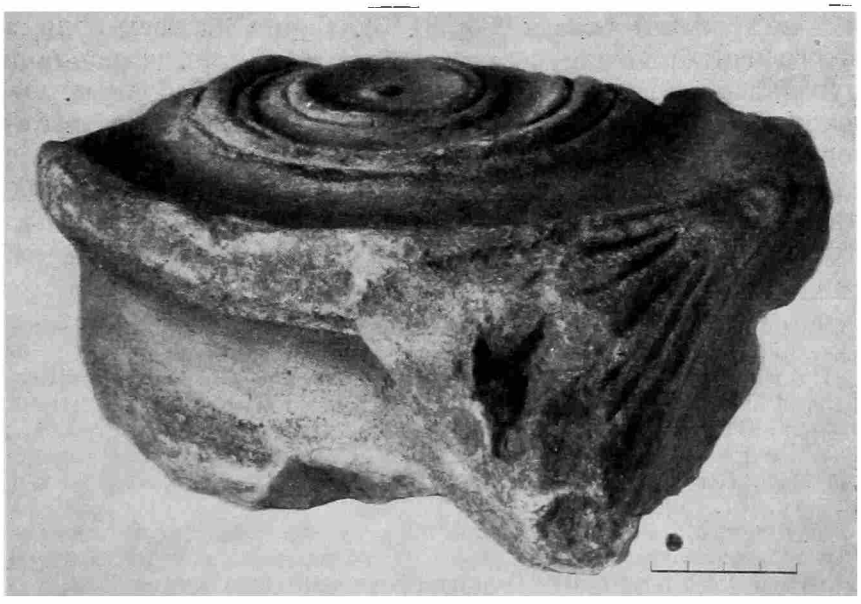

Рис. 2. Обломок украшения мраморного алтаря. Середина VI в. до н. э. Вид сверху.

(рис. 1 и 2) [6]. Завитки волют плоские, что является характерной чертой ранних форм ионической капители. Глазок волюты плоский с рельефной точкой посередине; вокруг нее сохранились слабые следы лепестков розетки, исполненной краской. Очень близок этому фрагменту угол мраморного акротерия, найденный в Дидимах[7]. На нем такое же количество завитков; отличается дидимский акротерий от ольвийского только тем, что глазок украшает рельефная розетка, а пальметка между волютами у основания прикрыта лепестком.

В точно такой же схеме выполнены и угловые акротерии мраморного алтаря из Милета [8]; ольвийский фрагмент является точным повторением одного из них [9], а два другие [10] имеют некоторые отличия в форме. Спираль волюты образует лишний завиток вокруг глазка и врезана глубже. Кроме того, волюты соприкасаются на углу только посередине, а дальше резко расходятся в стороны. В отличие от ольвийского и дидимского акротерия пальметка между волютами милетского акротерия состоит не из пяти, а из семи массивных лепестков, с резкой гранью посередине [11].

Приведенные аналогии ольвийского обломка являются угловыми акротериями мраморных алтарей в Дидимах и Милете. Это дает возможность определить и ольвийский обломок с двумя волютами под углом как часть акротерия от мраморного алтаря, стоявшего, вероятно, около храма Аполлона в Ольвии. Это определение подтверждается еще тем обстоятельством, что расположение волют под углом отнюдь не характерно для каких-либо других архитектурных деталей зданий, как, например, капитель или пилястр.

Е. Понтремоли и Б. Осулье относят алтарные обломки Милета ко времени до разрушения города персами, т. е. до 494 г. до н. э. [12]; к этой датировке присоединяется и Г. Каверау [13].

Но если для милетских акротериев и подходит эта датировка, то для ольвийского и дидимского ее надо отодвинуть до середины VI в. до н. э., так как волюты на них выполнены значительно площе.

Большой интерес представляют 3 обломка терракотовой симы, украшенной полихромными овами[14] (рис. 3). Глина на всех обломках — коричневатого цвета, плотная, без вкраплений. Плоские, широкие овы, плавно закругленные на концах, обрамлены рельефным ободком. Овы плотно примыкают друг к другу и только в нижней части разделены стрелками. Все пространство между овами покрыто черной краской. На этом фоне чередуются красные и черные овы, обрамленные белым ободком. Под овами тянется полувалик, покрытый прямоугольниками (длина — 4,3 см) красного, белого и черного цветов.

---

[6] ОАК за 1906 г., план. Найден на раскопе V. Инв. № Ол. 1660. Длина — 21,9 см, ширина — 20,5 см.

[7] E. Pontremoli et B. Haussoullier. Didymes. Fouilles de 1895 et 1896. Paris, 1904, стр. 190, табл. XVII; F. Studniczka. Das Gegenstück der Ludovisischen «Thronlehne». Jahrbuch des Arch. Inst., 26, 1911, стр. 66, рис. 10.

[8] T. Wiegand. Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. Berlin, 1914, Teil III, стр. 152, рис. 38 и 39; F. Studniczka. Ук. соч., стр. 67, рис. 11.

[9] T. Wiegand. Ук. соч., рис. 38.

[10] Там же, рис. 39.

[11] Ср. P. Jacobsthal. Ornamente griechischer Vasen. Berlin, 1926—1927, табл. 133, *a* (верхний акротерий храма Суниона) и табл. 139, *b* (стела Карпстана).

[12] E. Pontremoli et B. Haussoullier. Ук. соч., стр. 188.

[13] T. Wiegand. Ук. соч., стр. 152.

[14] ОАК за 1906 г., стр. 45, 46 и план, раскопы IX и X. Инв. № Ол. 15703, длина — 13,1 см; инв. № Ол. 15704, длина — 15 см; инв. № Ол. 15705, длина — 9,7 см. Длина ов — 11,7 см, ширина — 8,6 см.

При доследовании в 1924 г. Б. Ф. Фармаковским участка храма Аполлона был найден еще один совершенно такой же терракотовый обломок с овами той же формы, как и описанные выше[15]. Овы на всех трех терракотовых обломках из Эрмитажа полностью совпадают по форме с овами на симе из Милета[16], украшенной также полихромной росписью.

И форма ов, и их размер, и чередование цветов, а также и глина настолько сходны с милетскими, что можно считать ольвийские обломки

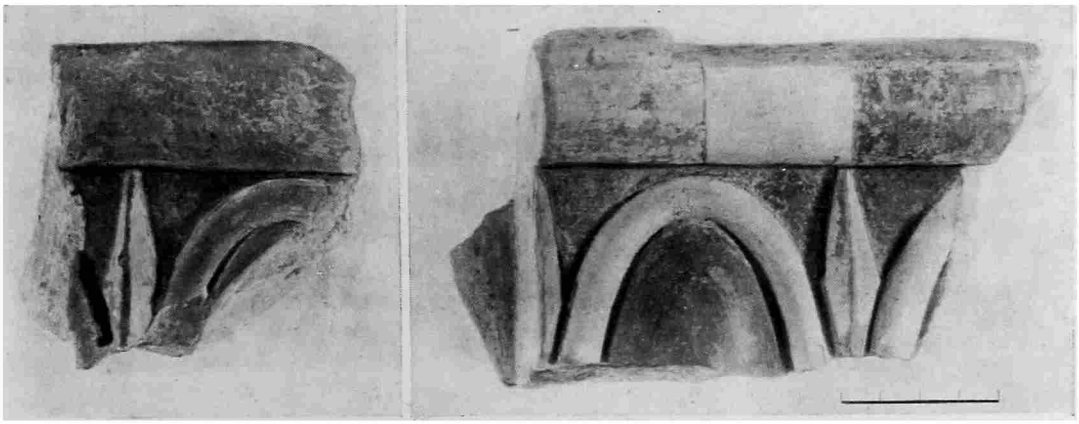

Рис. 3. Обломки полихромной симы. Середина VI в. до н. э.

сделанными в Милете, в той же мастерской, из которой вышли украшения архаического храма Аполлона в Милете. Это обстоятельство дает возможность определить и изучаемые нами обломки ов как часть симы здания. Высота всей ольвийской симы, по аналогии с милетской, должна быть 23 см[17].

Тому же зданию, вероятно, принадлежат и 2 терракотовых обломка антефиксов, уже опубликованные Б. В. Фармаковским. Первый из них представляет собой среднюю часть пальметки, состоящую из чередующихся красных и черных лепестков, обрамленных узким ободком белого цвета[18]. Глина этого обломка коричневатая, плотная — такая же, как на обломках ов. По форме плоских лепестков, плотно прилегающих друг к другу, ольвийский обломок антефикса близок пальметкам на самосских мраморных стелах, датируемых концом VI в. до н. э.[19] Второй обломок нижней части антефикса украшен двумя сходящимися волютами[20] на фоне светлой обмазки. Ближе всего форма волют этого обломка подходит к волютам на терракотовом обломке антификса, найденного на афинском акрополе[21].

---

[15] Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 году. СГАИМК, т. I, 1926, стр. 158, рис. 18.

[16] C. Weickert. Das lesbische Kymation. Leipzig, 1913, стр. 149, № 20, табл. II, *a*.

[17] Вероятно, верх симы заканчивался так же, как и на милетской симе, плоским краем, украшенным поясом простого меандра, с розетками и поясом острых углов черного и красного цветов по белому фону.

[18] ОАК за 1906 г., стр. 46, рис. 52; инв. № Ол. 1664, длина — 12,2 см.

[19] E. Buschor. Altsamische Grabstellen. AM., T. 58, 1933, табл. XIII, XIV, 2.

[20] ОАК за 1906 г., стр. 46, рис. 53 (ошибочно указана «натуральная величина»); инв. № Ол. 15688, длина — 8,5 см.

[21] T. Wiegand. Die Porosarchitektur der Akropolis zu Athen. Leipzig, 1904, стр. 189, рис. 204, № 104.

К этому же времени по стилю относятся и архитектурные украшения из известняка: маленькая угловая пальметка и большой обломок акротерия с остатками красной раскраски (рис. 4) [22]. Акротерий представляет собой пальметку с плоскими лепестками, разделенными врезами. Сохранились только нижние широкие лепестки с отогнутыми вниз закругленными концами. Широкие лепестки чередуются с узкими,

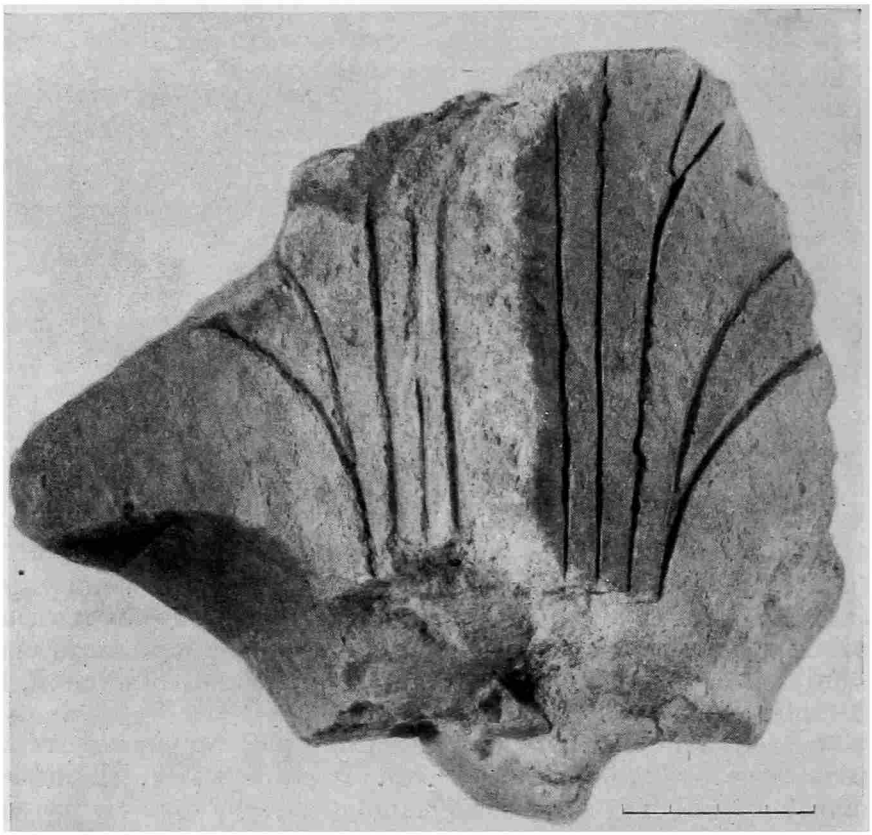

Рис. 4. Обломок известнякового акротерия в виде пальметки со следами красной краски.

покрытыми красной краской, которые, как бы раздвигая широкие лепестки вверху, не доходят нижним концом до основания лепестков пальметки. Низ обломка заканчивается прямоугольным выступом, видимо, для укрепления акротерия в плите перекрытия. Красная краска сохранилась плотной массой у нижнего края широких лепестков и на мелких лепестках.

Следует еще упомянуть об обломках больших плоских блюд из мрамора и глины, вероятно, культового назначения. Они были найдены вместе с архитектурными украшениями. Два обломка блюда из белого мрамора с низким краем сильно пострадали от огня (рис. 5) [23]. По краю была вырезана надпись, от которой сохранились небольшие фрагменты: ◯POI △ и ΔΗΣ: М. В. В. Латышев опубликовал только первый обломок (видимо,

[22] Инв. № Ол. 1439, длина — 19,2 см, высота — 17,2 см.

[23] Инв. № Ол. 13866, длина — 12 и 12,5 см: восстановленный диаметр блюда — 1,1 м.

второй ему не был известен) [24], восстановив начало надписи [οἱ ἐμπ]οροι. Возможно, части этого же мраморного лутерия с надписью, найденные в 1924 г. при доследовании этого участка [25], поступили в музей г. Николаева, а надпись так и осталась неопубликованной. Среди сохранившихся букв первого, изданного В. В. Латышевым, обломка нет характерных для датировки, поэтому В. В. Латышев только условно датирует его IV в., допуская и V в. до н. э.

Другой обломок большого глиняного блюда [26] (диаметр 81 см) с широким плоским краем украшен снаружи рельефным поясом ов между нитями жемчужника [27] (рис. 6). По форме плоских длинных ов и сплющенного жемчужника это блюдо может относиться к концу VI в. до н. э. [28]

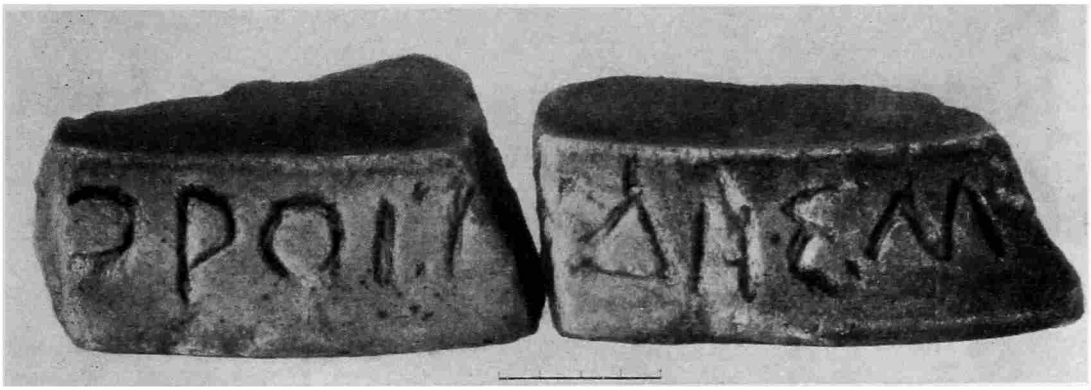

Рис. 5. Обломки края мраморного блюда с частью надписи.

Возможно, что и обломок глиняной подставки лутерия с рельефными овами и жемчужниками (рис. 7) [29], найденный вместе с первым, относится к большому культовому блюду.

Здесь же был обнаружен обломок головы мраморной статуи [30]. Размеры обломка позволяют представить себе статую в натуральную величину человеческого роста. Б. В. Фармаковский сравнивает по стилю ольвийский обломок статуи с головой на рельефе колонны храма Артемиды Эфесской. Еще ближе трактовка волос на фрагментах мраморных куросов, найденных около храма Геры на Самосе, которые Э. Бушор относит ко второй четверти VI в. до н. э. [31] Вполне вероятно, что и ольвийский обломок головы принадлежал также одной из статуй обнаженного юноши, которые в архаический период являлись или изображением

---

[24] ИАК, вып. 23, стр. 34, № 12; IOSPE, I², 273.

[25] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 161.

[26] Инв. № Ол. 13737, длина — 29 см, ширина края — 6 см. Глина коричневая, плотная, без примесей.

[27] Ср. форму ов — E. Douglas van Buren. Archaic fictile Revetments in Sicily and Magna Graecia. London, 1923, табл. XVII, № 70. Вероятно, опубликованный Дугласом ван Бурен обломок из Метапонта является частью такого же большого блюда с рельефным орнаментом ов по светло-кремовой обмазке.

[28] Ср. C. Weickert. Ук. соч., стр. 45, рис. 10. Обломки таких же глиняных блюд с аналогичным орнаментом были найдены в Ольвии в 1948 г. на раскопах А и Е.

[29] Инв. № Ол. 1663, длина — 15,1 см, ширина — 10,5 см.

[30] ОАК за 1906 г., стр. 32, рис. 24; ИАК, вып. 33, стр. 118, рис. 22; «Античные города Северного Причерноморья». М.— Л., 1955, стр. 298, рис. 2. Инв. № Ол 1658, высота — 20 см.

[31] E. Buschor. Altsamische Standbilder. Berlin, 1934, I, рис. 41—43

божества, каким представлялся главным образом Аполлон, или героизированного человека.

Рассмотренные выше находки дают возможность предполагать храмовую постройку в этом месте Ольвии во второй половине VI в. до н. э.

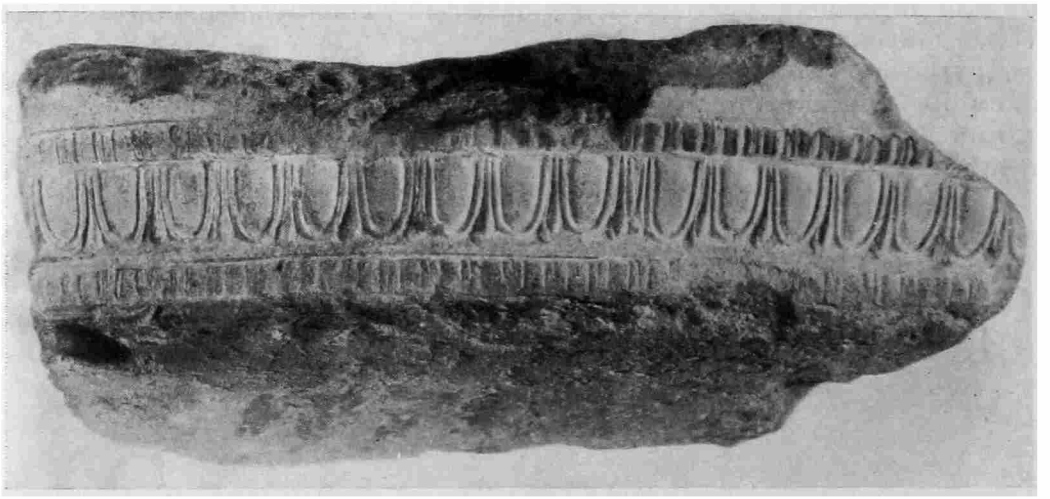

Рис. 6. Обломок глиняного блюда с рельефным украшением снаружи.

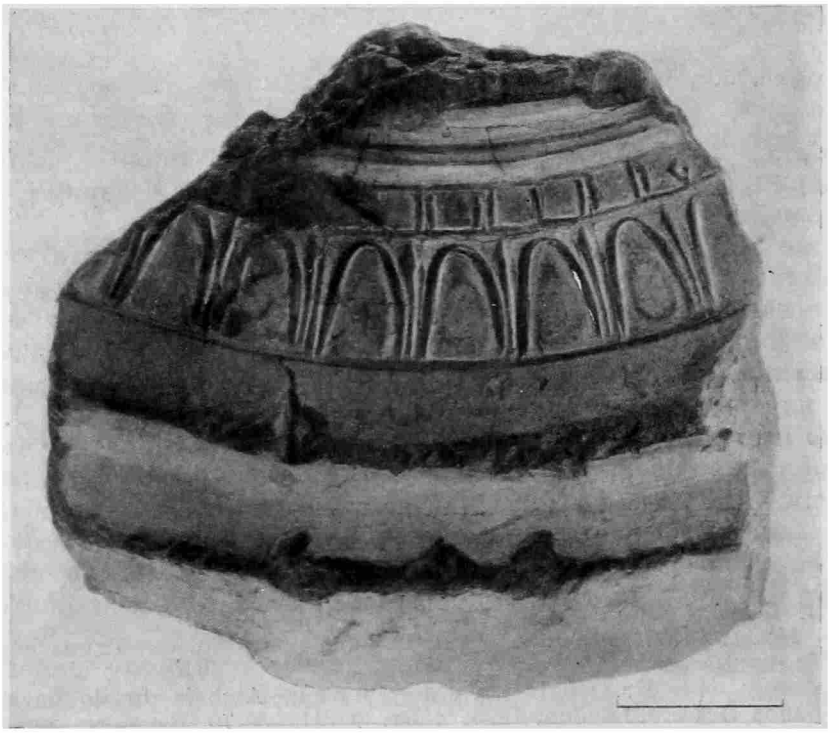

Рис. 7. Обломок глиняной подставки лутерия.

Найденные тут обломки углового акротерия алтаря и культовой статуи служат еще одним важным доводом, подтверждающим предположение, высказанное Б. В. Фармаковским, что на этом участке был храм Аполлона.

Можно думать, что на высоком мысу Верхнего города Ольвии, у скло-

на, уже в VI в. до н. э. был выстроен храм Аполлона. Этот храм выделялся на фоне широких вод Бугского лимана и был виден каждому подъезжавшему с моря к Ольвии. В каком точно месте был сооружен храм VI в.,— сказать невозможно, так как архитектурные обломки, принадлежащие к этому периоду, были найдены в разных местах участка.

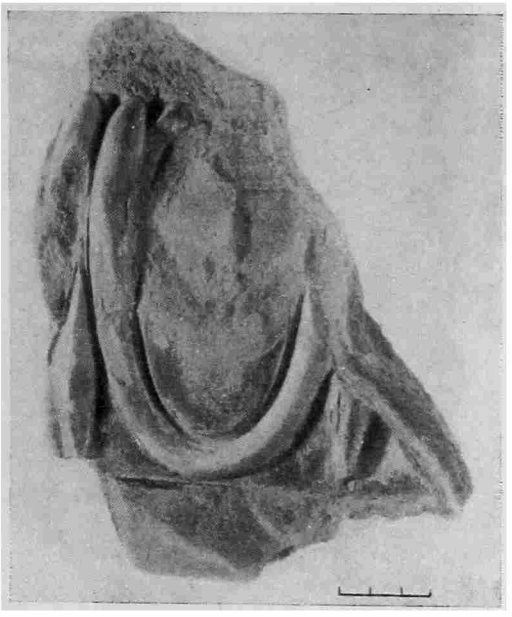

Рис. 8. Обломок полихромной симы.
Середина VI в. до н. э.

Что же касается большой площади субструкций, у края которых обнаружена плита, то они, вероятно, не связаны с храмом Аполлона VI в. до н. э. Известно, что субструкции в Ольвии характерны для позднеклассического и эллинистического времени. Ямы верхних слоев прореза́ли всю площадь субструкций [32]; следовательно, здание на субструкциях в первые века нашей эры уже не существовало.

Другая группа архитектурных украшений VI в. до н. э. найдена в Нижнем городе на участке, раскрытом Б. В. Фармаковским в 1909—1912 гг. [33] Одно из них — это обломок терракотовой симы с поясом полихромных ов [34] (рис. 8), совершенно такой же глины, такого же размера и формы, как и найденные обломки у храма Аполлона в Ольвии и Милете; второе— фрагмент терракотового же антефикса в виде пальметки из 5 плоских лепестков между широкими волютами (рис. 9). На антефиксе, сделанном из красной глины с крупными вкраплениями, сохранились следы росписи [35]. Вся поверхность антефикса покрыта плотной белой обмазкой, в пальметке же чередуются три красных и два черных лепестка. При этом раскраска на лепестках нанесена только посередине, а вокруг оставлены белые ободки обмазки, выделяющие чередование цветных лепестков. Этот прием росписи напоминает полихромную симу с овами, на которой красные и черные овы окружены белым ободком. Край антефикса покрыт черной краской, а на его плоской стороне исполнена пальметка, повторяющая в точности рисунок лицевой стороны. Толщина этого обломка (7,8 см),

[32] ОАК за 1906 г., стр. 14.
[33] ОАК за 1909, 1910—1911, 1912 гг.
[34] Инв. № Ол. 13720, длина — 20,5 см, ширина — 14,5 см.
[35] Инв. № Ол. 18017, высота — 18 см, ширина — 12,8 см.

необычная для антефикса, завершающего калиптер, заставляет отнести его к антефиксам, служившим для украшения конька крыши, что подтверждает и раскраска на оборотной стороне [36].

Еще один обломок большого антефикса [37] (рис. 10) не дает возможности представить себе весь его орнамент целиком, так как сохранилась только правая сторона с частью двух маленьких полуваликов,

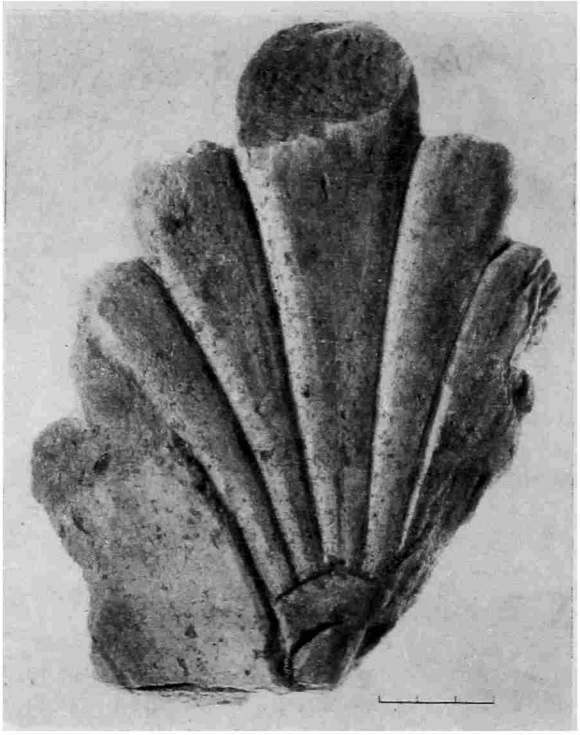

Рис. 9. Обломок конькового антефикса с сохранившейся раскраской. Вторая половина VI в. до н. э.

идущих снизу вверх и загнутых на конце в завиток. Середина каждого завитка оформлена в виде рельефной розетки; верхняя розетка состоит из 4 лепестков и нижняя — из восьми [38].

Наконец, обломок мраморной базы [39] с рельефными бутонами лотоса (рис. 11), возможно, происходит от подставки лутерия.

Вместе с перечисленными архитектурными обломками были найдены, так же как и у храма Аполлона, большие глиняные блюда [40]. Толстостенные плоскодонные блюда с широким краем украшены снаружи рельефным поясом широких закругленных внизу ов или жемчужника. Весь орнаментированный пояс на блюдах сохранил следы плотной светлой обмазки. По форме овы очень близки овам на милетской симе, что позволяет отнести и эти блюда ко второй половине VI в. до н. э.

К VI в. до н. э. относится и обломок черепицы с рельефным орнаментом по краю в виде сложного меандра, в свободных пространствах которого расположены тоже рельефные прямоугольники с розеткой из 4 ле-

[36] E. Douglas van Buren. Ук. соч., табл. 13, рис. 52, 53.

[37] Инв. № Ол. 15689, длина — 19,2 см.

[38] Близкая по форме розетка украшает волюту на акротерии стелы из Самоса. AM, T. 58, 1933, табл. XII, 2.

[39] Инв. № Ол. 3362, длина — 16,8 см, высота — 14,2 см.

[40] Инв. № Ол. 11677, длина — 14,5 см; инв. № Ол. 15700, длина — 26,5 см, восстановленный диаметр — 73 и 75 см.

пестков внутри (рис. 12, *1*) [41]. Такой же меандр с розетками, только не окруженными прямоугольниками, украшает верх терракотового фриза VI в. до н. э. из Южной Греции [42].

Рис. 10. Обломок глиняного антефикса.

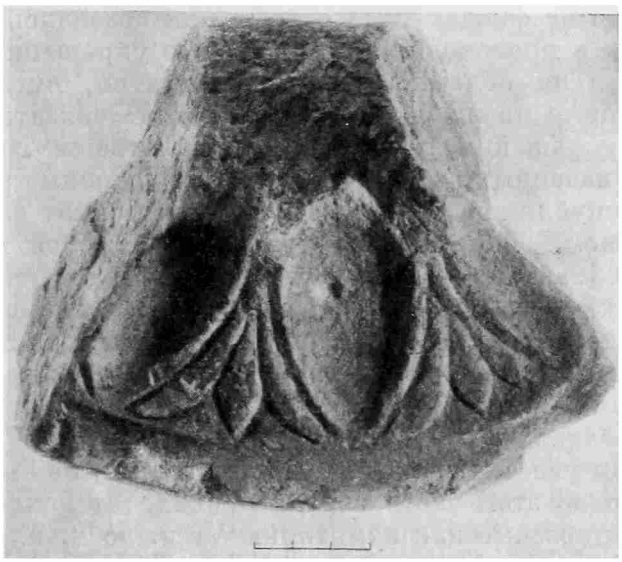

Рис. 11. Обломок мраморной базы с рельефными бутонами лотоса.

Перечисленные выше архитектурные обломки были найдены в течение ряда лет на этом участке, в разных местах и на различной глубине. Все они не относятся к открытым здесь зданиям.

[41] Обломки края черепицы с таким же орнаментом найдены в Ольвии в 1902 г. (ИАК, вып. 13, стр. 71, рис. 39).

[42] E. Douglas van Buren. Figurativa Terracotta Revetments in Etruria and Latium. London, 1921, табл. 32, *1*.

При раскопках 1909—1910 гг. ни вполне выраженного архаического слоя, ни остатков архаических зданий здесь еще не было обнаружено. Правда, уже тогда в нижних слоях (6 и 7-м) отмечено присутствие «краснофигурных, чернофигурных сосудов и ионийских ваз»[43]. Производившимися здесь в 1938—1939 гг. доследованиями Е. И. Леви и А. Н. Карасева уже был обнаружен насыщенный архаической керамикой слой, подстилавший основания более поздних стен, открытых раскопками в 1909—1912 гг.[44]

Не может быть сомнения, что и в прибрежной части города шла интенсивная жизнь с самого начала существования Ольвии. Новые здания

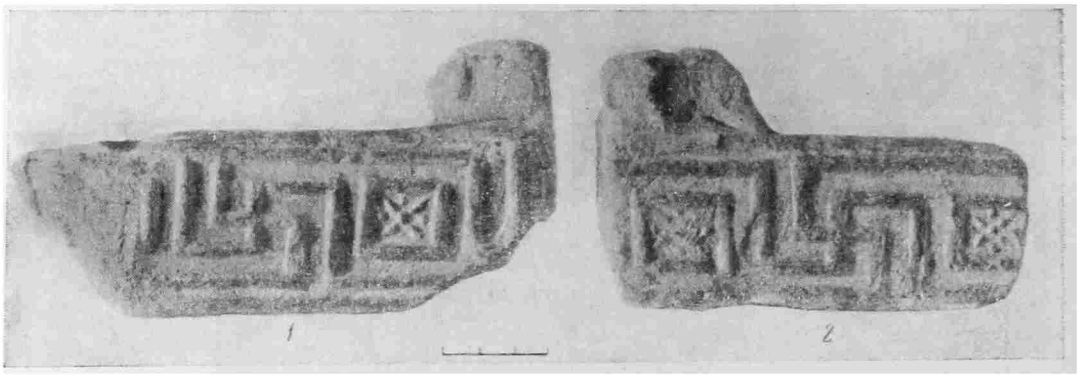

Рис. 12. Обломки (*1, 2*) края черепицы. Конец VI в. до н. э.

возводились часто на фундаментах старых или врезáлись в более ранние слои, из которых и происходят архитектурные украшения VI в. до н. э. Здесь не найдено ни обломков культовой статуи, ни эпиграфических памятников, которые могли бы дать возможность связать обнаруженные архитектурные украшения с каким-либо культовым сооружением.

Кроме двух указанных выше мест, немногочисленные ранние архитектурные детали (опубликованные Б. В. Фармаковским) найдены еще под Зевсовым курганом. Одна из них представляет собой край черепицы, покрытой белой обмазкой, с рельефным пояском ов и жемчужника[45]; другой обломок — край черепицы[46] с рельефным орнаментом сложного меандра с розетками, как и на обломке, найденном в Нижнем городе. Глина этих обломков коричневая, пористая. Такой же край черепицы с этим орнаментом и из той же глины найден еще в одном месте Верхнего города — около главных ворот[47] (рис. 12, *2*).

Хотя и на этом участке, как и в Нижнем городе, не был вскрыт архаический слой, но из этой части города происходят находки,— немногочисленные, но интересные как памятники VI в. до н. э.

Это, во-первых, обломок глиняной симы[48] с полихромными овами (рис. 8) такой же формы и из той же милетской глины, как и остальные обломки этого украшения, найденные в Ольвии; во-вторых,— часть

---

[43] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 87, прим.

[44] См. дневник Е. И. Леви, стр. 65 и 115. Архив Института археологии Академии наук УССР в Киеве.

[45] ИАК, вып. 13, стр. 72, рис. 42.

[46] Там же стр. 71, рис. 39.

[47] ОАК за 1908 г., выемка Забелина; инв. № Ол. 15640, длина — 28 см, ширина края с меандром—7 см.

[48] Инв. № Ол. 13689, длина — 19,8 см.

большого мраморного блюда с плоским краем. Интересен обломок плеча небольшой статуи из серого камня [49] (рис. 13). Тонкая ткань плотно облегает плечо, и только две группы волнистых мелких складок спускаются вдоль плеча от прямой врезанной линии посередине. Точно так же исполнена одежда на плече одной из ранних акропольских Кор самосской группы, датируемой второй четвертью VI в. до н. э. [50]

Строительных остатков архаического периода на этом участке не открыто, хотя раскопки во многих местах были доведены до материка. Возможно, здания VI в. до н. э., к которым принадлежали перечисленные находки, как и большинство сооружений архаического времени, сильно пострадали от разрушения к тому времени, когда стали возводиться здесь сырцовые стены и мощные субструкции, доходившие до материка.

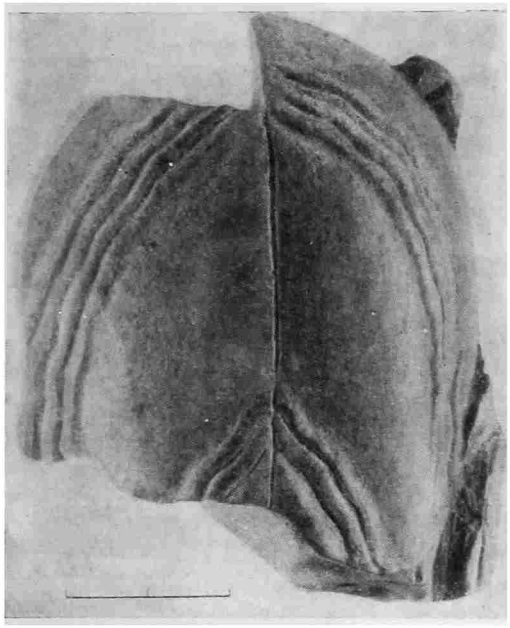

Рис. 13. Обломок плеча статуи из серого камня. Середина VI в. до н. э.

На этом же участке были найдены несколько фрагментов мраморной скульптуры [51] и терракотовый антефикс V в. до н. э. На обломке головы женской статуи сохранилась часть глаза с плоско исполненным веком и волнистые пряди волос над гладким лбом [52]. Ближайшие аналогии в трактовке глаза, лба и волос мы находим на фризе Парфенона [53], что дает возможность присоединиться к установленной К. В. Тревер датировке — 430-ми годами до н. э. Но определение этого обломка как части надгробного памятника, данное и Б. В. Фармаковским [54], и К. В. Тревер [55], кажется нам неубедительным. Стилитическая близость ольвийской головы к надгробным стелам отнюдь не может служить доказательством этого положения. Обломок головы с равной долей вероятности может быть отнесен и к рельефу, и к статуе.

Почти рядом найдена часть правого плеча женской статуи из пентелийского мрамора [56]. Обломок плеча статуи и голова исполнены в натуральную величину человеческой фигуры, что дает возможность предположительно отнести их к одной статуе. Обломок плеча (рис. 14) сохранился со спины, на которой мягко трактованы складки пеплоса, скрепленного на плече; сохранилась и часть обнаженной шеи. Близкую аналогию

[49] Инв. № Ол. 2399, высота 8,5 см.

[50] H. Payne. Archaic Marbre Sculpture from the Acropolis. London, б. д., табл. 19, *677*, *1*.

[51] ОАК за 1908 г., стр. 75, рис. 48; ИАК, вып. 33, стр. 125, рис. 45; ИАК, вып. 54, стр. 56, табл. III, *1*; ОАК за 1907 г., стр. 52, рис. 40; AA, XXIII, 1908, стр. 183, рис. 17; ИАК, вып. 54, стр. 59, табл. II.

[52] Инв. № Ол. 2398, длина — 14,6 см.

[53] M. Collignon. Le Parthénon. Paris, 1912, табл. 105(121), 108(109), 109 (97 и 99) и 118 (3).

[54] ИАК, вып. 33, стр. 119.

[55] ИАК, вып. 54, стр. 59.

[56] Инв. № Ол. 7526, длина — 26 см.

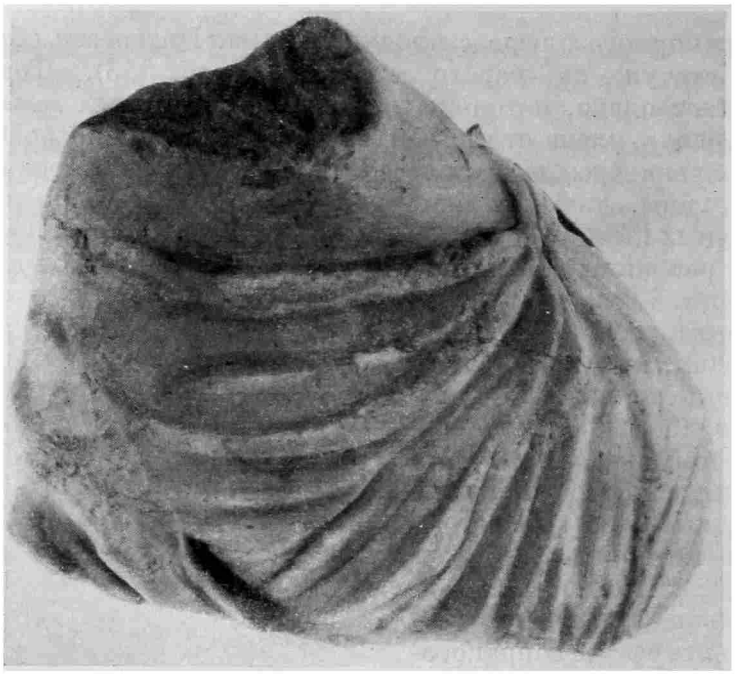

Рис. 14. Обломок плеча мраморной женской статуи.
Середина V в. до н. э.

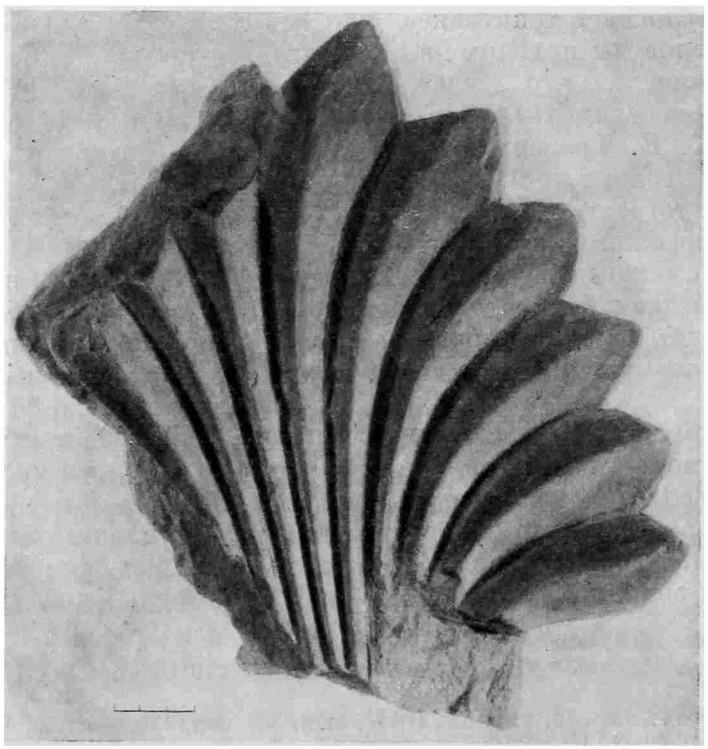

Рис. 15. Обломок глиняного антефикса.
Середина V в. до н. э.

в трактовке одежды мы находим на одной из трех женских фигур восточного фронтона Парфенона [57].

Третий мраморный обломок с частью руки на плаще, определенный К. В. Тревер как фрагмент большого рельефа, тоже относится, по ее определению, ко второй половине V в. [58]

Глиняный антефикс [59] в виде пальметки (рис. 15) из крупных лепестков имеет на задней стороне часть выступа, который соединялся с калип-

Рис. 16. Обломок глиняной симы. Вторая половина V в. до н. э.

тером. Лепестки, с ребром посередине, расширяются к заостренному концу. Сзади антефикс покрыт плотной красной краской; лицевая сторона его, вероятно, также имела раскраску. Очень близкая по форме пальметка, тоже с плотно поставленными друг к другу стеблями лепестков, украшает надгробную плиту середины V в. до н. э. [60]

В заключение надо упомянуть еще об одном неизданном обломке терракотовой симы из раскопок 1873 г., без точных данных места находки на городище [61] (рис. 16).

На симе изображена голова между двух пальметок. Полное лицо с широким носом и толстыми губами обрамлено волосами, заложенными пышным валиком, с поперечными мелкими прядями. Левая пальметка состоит из 9 лепестков, широко расставленных у основания, с отогнутыми в стороны концами. У правой пальметки лепестки изогнуты на концах в виде языков пламени. Под каждой пальметкой расположено по 2 волюты с отходящими в стороны концами и небольшими ромбиками у завитков волют.

Рельеф пальметок на разбираемой симе выше, чем на архитектурных украшениях архаического времени, что является характерной чертой для пальметки V в. до н. э. И по форме обе пальметки сходны с пальметками

[57] M. Collignon. Ук. соч., табл. 48, *E*; табл. 51, *K*.
[58] ИАК, вып. 54, стр. 59.
[59] Инв. № Ол. 15660, высота — 29 см.
[60] P. Jacobsthal. Ук. соч., стр. 195, табл. 139, *b*.
[61] Инв. № Ол. 318, длина — 34 см.

на вазах и храмах V в.; левая чаще встречается на краснофигурных сосудах [62], правая близка акротерию Парфенона [63].

Выяснить, в какой части городища был найден этот обломок симы, невозможно, но он представляет интерес как еще один дошедший до нас образец украшений от зданий Ольвии периода ее расцвета.

Несмотря на то, что многие из публикуемых архитектурных украшений не могут быть связаны, даже предположительно, с какими-то определенными зданиями, все же это не снижает их ценности как материала для изучения культуры Ольвии в VI—V вв. до н. э.

---

[62] P. Jacobsthal. Ук. соч., табл. 100, 46, *b*.
[63] Там же, табл. 134, *a*.

М. Г. РАБИНОВИЧ

КРЕПОСТЬ И ГОРОД ТУШКОВ

«...Се яз грешныи худыи раб божии Дмитрии Иванович, пишю грамоту душевную целым своим оумом. Даю ряд сыном своим и своей княгини...

А се даю сыну своему, князю Андрею, Можаеск со всеми волостми и с тамгою, и с мыты и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами и с отьездными волостми. А волости Можаиские: Исмея, Чнслов, Боянь, Берестов, Поротва, Колоча, Тушков, Вышнее, Глиньское, Пневичи с Загорьем, Болонеск. А Коржань да Моишин Холм придал есмь к Можаиску...»[1].

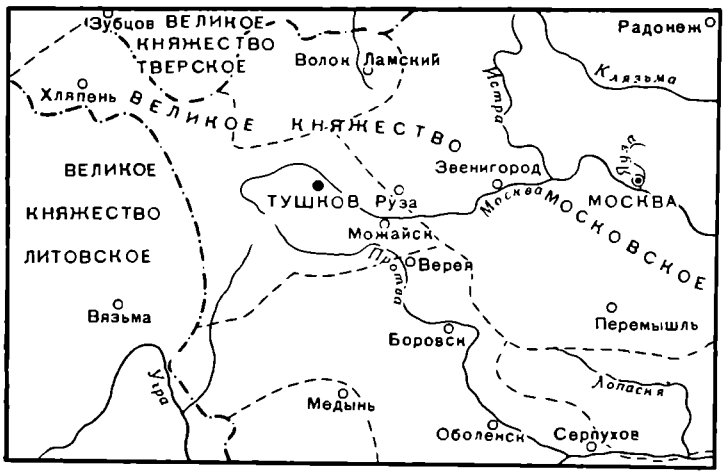

Рис. 1а. Схематическая карта Московского, Тверского и Литовского великих княжеств в конце XIV — начале XV вв.

Так перечисляет свои владения в районе Можайска великий князь Московский Дмитрий Донской в духовной грамоте, написанной им в апреле или мае 1389 г.

Еще в конце прошлого столетия историк С. М. Соловьев предположил, что волость Тушков тождественна с деревней Тушково Можайского уезда Московской губернии [2]. Деревня эта называется на самом деле «Ту́шков городок». Она находится в Можайском районе Московской области, на высоком правом берегу р. Москвы, несколько ниже впадения в нее речки Лусянки, примерно на 25—30 км выше г. Можайска по течению Москвы-реки.

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв., подг. к печати Л. В. Черепниным. М., 1950, № 12, стр. 33, 34.

[2] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. «Обществ. польза», б. г., т. I, стр. 1125.

Еще сейчас на северной окраине деревни сохранились глубокий ров и мощный земляной вал, ограждающий мыс при впадении в Москву-реку безымянного оврага. Мощность укреплений явно не соответствует небольшой площадке мыса, где в настоящее время могут поместиться лишь 1—2 усадьбы. На это обстоятельство ученые обращали внимание уже давно. В 1929 г. А. В. Арциховский первый исследовал это городище он сопоставил мощность земляного вала, окружающего городище, с небольшой сравнительно площадью, которую этот вал охватывал, и пришел

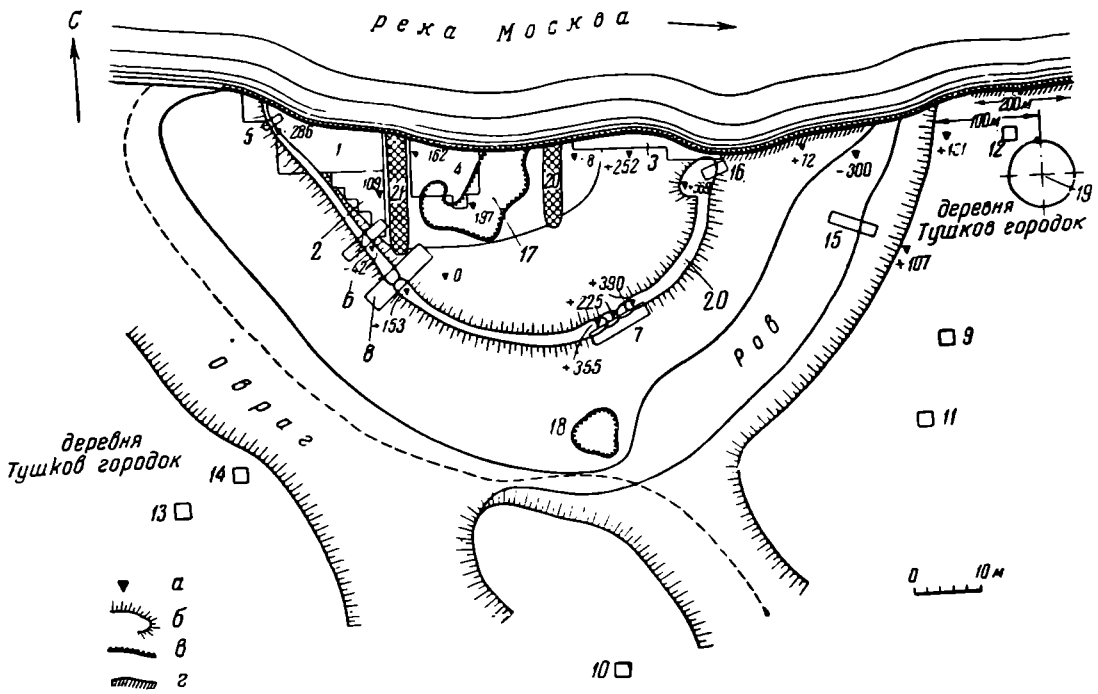

Рис. 1б. План раскопок Тушкова городка в 1950 и 1954 гг.

1 — раскоп I 1050 г.; *2—4* — раскопы II—IV 1954 г.; *5—8* — разрезы I—IV 1954 г.; *9* — 1-й шурф 1950 г.; *10*—2-й шурф 1950 г.; *11*—3-й шурф 1950 г.; *12*—4-й шурф 1950 г.; *13*—5-й шурф 1950 г.; *14*—6-й шурф 1950 г.; *15* —шурф рва 1954 г.; *16* — шурф вала 1954 г.; *17, 18* — ямы; *19* — курган; *20, 21* — траншеи 1929 г.; *а* — нивелирные отметки; *б* — откос; *в* — обрыв; *г* — зачистка.

к выводу, что памятник представляет собой феодальный замок. А. В. Арциховский высказал мысль, что население столь небольшого по территории поселка не могло собственными силами соорудить такие земляные валы и что эти укрепления возведены руками феодально зависимых крестьян. «Совершенно ясно,— писал он,— что сильная крепость была построена просто для защиты одного большого дома» [3].

Разведочные раскопки памятника, проведенные А. В. Арциховским, показали, что крепость XIV—XV вв. была устроена на месте более древнего поселения. Под большой вал уходил культурный слой, а в толще его насыпи был прослежен небольшой древний вал [4]. В этом древнем культурном слое найдены предметы, характерные для домонгольских русских

[3] А. В. Арциховский. О возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. Журн. «Проблемы истории докапиталистическсх обществ», 1934, № 11—12, стр. 50.

[4] А. В. Арциховский любезно разрешил мне пользоваться материалами своего неопубликованного отчета о раскопках, за что приношу ему глубокую благодарность

городов,— обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица и т. п. Здесь открылись также следы древних жилищ. Таким образом, уже при первом исследовании стало ясно, что Тушков городок — сложный и интересный археологический памятник, существовавший в течение ряда столетий. Однако, рассматривая его преимущественно лишь как рядовой феодальный замок, сооруженный на месте древнего поселения, исследователь не связывал его ни с именем Дмитрия Донского, ни с напряженной политической ситуацией конца XIV в. А именно эти связи и представляют, как мы увидим ниже, существенный интерес.

Рис. 2. Вид на Москву-реку с Тушкова городка.

* * *

В 1949 г. нами была произведена дополнительная разведка Тушкова городка. Оказалось, что укрепления его хорошо сохранились, а на внутренней площадке еще осталась небольшая (около 600 кв. м) площадь, удобная для раскопок. Раскопки городища производились в течение двух сезонов — 1950 и 1954 гг. [5] Всего за это время были заложены 4 раскопа общей площадью 320 кв. м, т. е. немного более половины всей сохранившей-

[5] Раскопки были организованы Музеем истории и реконструкции г. Москвы совместно с Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР и Московским городским педагогическим институтом им. В. П. Потемкина. В 1957 г., после сдачи статьи в печать, раскопки Тушкова были закончены. Яма в центре городища (рис. 1, *17*; 7, *10*) оказалась руслом древнего родника, снабжавшего крепость водой. В XIV—XV вв. этот родник уже заплыл культурным слоем и к нему был устроен специальный колодец. На городище найден ряд вещей XI—XIII вв., имеющих аналогии в северо-западных русских землях. Результаты раскопок 1957 г. в данную статью не могли быть включены. Полные археологические отчеты о раскопках хранятся в архиве ИИМК, фонд № 1 за №№ 434, 985 и 1443.

ся площади городища. Для более полного изучения укреплений вал городища был прорезан в 4 местах. Кроме того, раскопан курган, находившийся в 100 м ниже городища по течению реки, сделана зачистка берега в этом районе на протяжении 200 м и заложено 6 небольших шурфов в прилегающей к городищу части деревни (рис. 1б).

В стратегическом отношении положение Тушкова городка чрезвычайно выгодно. С северной стороны он защищен крутым берегом р. Москвы, обрыв которого достигает здесь высоты 16 м. С запада и юго-запада городища проходит глубокий овраг, по дну которого в западной части и сейчас течет ручей, сильно заболачивающий местность. И только с юго-востока и востока к городищу подходит ровное плато, которое уже в древнейшие времена существования городка было прорезано сухим рвом.

Берег р. Москвы в древности был, очевидно, намного дальше к северу, чем сейчас, так как река каждый год сильно подмывает свой правый берег и только за последние 20 лет обрушилось в воду около 8 м берега. Старица реки проходит сейчас на 150—200 м севернее городища. Несомненно, что сохранившееся до наших дней городище представляет собой лишь небольшую часть древнего укрепления.

С высоты вала городища открывается вид на оба берега Москвы-реки. Эта крепость могла контролировать верховья реки на несколько десятков километров в окружности (рис. 2).

Громадное значение укрепления западных рубежей — верховьев р. Москвы — для молодого Московского княжества общеизвестно. Но интересно отметить, что этот рубеж сохранил свое военно-стратегическое значение и несколько веков спустя. В 10 км к юго-востоку от Тушкова лежит славное Бородинское поле, арена крупнейших сражений за Москву в двух отечественных войнах — 1812 и 1941—1945 гг.

* * *

Раскопки Тушкова городка показали, что его культурный слой резко разделяется на 2 части. Нижний горизонт представляет собой плотную слежавшуюся землю, насыщенную остатками дерева, придающими ей коричневый цвет. Судя по находкам, этот слой может быть датирован временем до татаро-монгольского нашествия, т. е. до середины XIII в.

Наши раскопы, как оказалось, были заложены на окраине городища, где древний горизонт культурного слоя представлен лишь тонкими прослойками, иногда мощностью всего в несколько сантиметров. Это обстоятельство не дало возможности определить, к какому времени относится начало поселения на городище. Некоторые данные по этому вопросу мы получили при исследовании могильника, расположенного в 100 м к востоку от края рва городища. Это был сильно оплывший полусферический курган диаметром 11 м, высотой первоначально около 1 м. Курган сохранился не целиком и, возможно, представляет собой остатки целого могильника. Он содержал основное погребение с трупосожжением. На глубине 80—92 см в кургане открылось кострище правильной прямоугольной формы (рис. 3) размером 2,3 × 2,2 м. Оно было сложено из длинных тонких поленьев (толщиной около 15 см) прямо на земле, без подсыпки. В кострище найдено 15 фрагментов стенок и днищ сильно пережженных глиняных горшков, сделанных на ручном гончарном круге. Интересно отметить, что, судя по положению днищ, все горшки в кургане были поставлены кверху дном. В кургане не найдено вещей, современных погребению, за исключением головки бронзового предмета (очевидно, булавки), лежавшей вне кострища, у его юго-восточного угла.

Подобные погребения исследованы в Смоленской области А. З. Шмидтом, отнесшим их к наиболее поздним славянским погребениям с трупосожжениями. По обряду погребения и находкам керамики, сделанной на ручном гончарном круге, можно датировать погребение концом X в.— началом XI в.

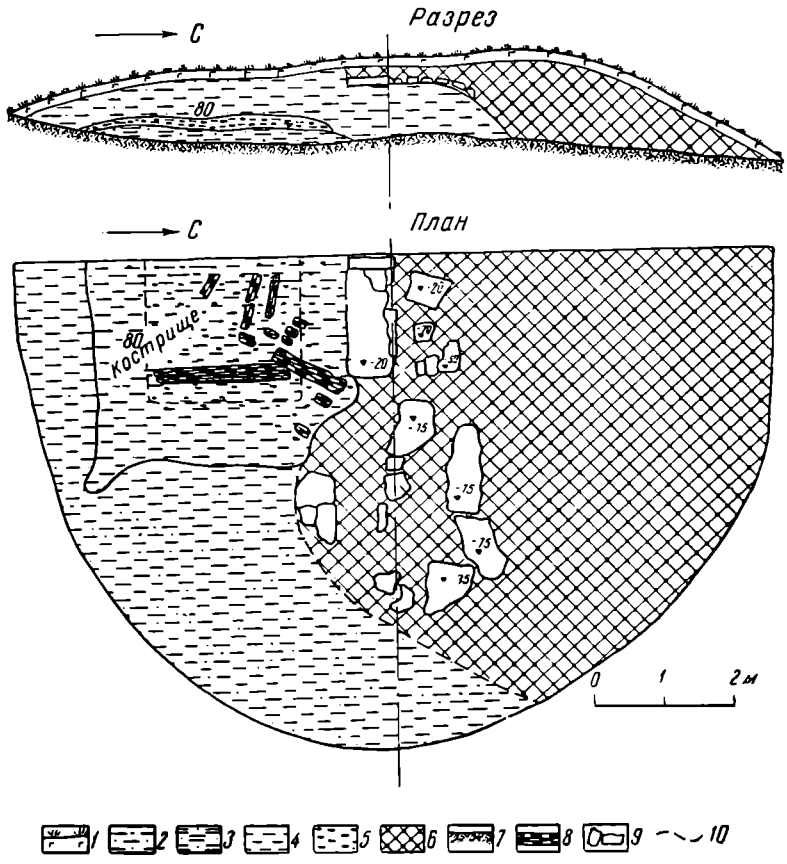

Рис. 3. План и разрез кургана у Тушкова городка.

1 — гумус; *2* — супесь; *3* — пережженная супесь; *4* — зола; *5* — уголь; *6* — перекоп; *7* — материк; *8*— обгоревшее дерево; *9* —части надгробий; *10* — граница кострища; *11* — нивелирные отметки (—75).

Если предположить, что могильник принадлежал населению Тушкова городка (а это, по нашему мнению, позволяет сделать близкое соседство кургана с городищем), то и возникновение там поселения нужно относить, по крайней мере, к XI в. На эту же дату указывает и находка на территории самого городища, на материке, наконечника копья (рис. 4). листовидной формы. Такие наконечники копий встречены при раскопках курганов с трупосожжениями в северо-русских областях (раскопки Н. Е. Бранденбурга и Л. К. Ивановского). Подобные наконечники представляют собой ранний тип этого вида вооружения и датируются обычно временем не позднее начала XI в. [6]

Других предметов, указывающих на раннюю дату возникновения поселения, не обнаружено.

В сделанных нами разрезах культурного слоя городища древнейший горизонт прослеживается не везде. Он уходит тонкой (мощностью всего

[6] М. Г. Рабинович. Из истории русского оружия. Труды Института этнографии Академии наук СССР, новая серия, т. I, 1947, стр. 78.

2—3 см) полоской под древний вал городища (рис. 5), насыпанный не в самом начале возникновения поселения, а несколько позже.

Рис. 4. Наконечник копья из нижнего горизонта культурного слоя городища.

Древний вал городища представлял собой земляную насыпь, без каких-либо деревянных конструкций внутри нее. Он насыпан из серовато-желтоватого суглинка, а кое-где — из желтого песка, причем с той стороны городища, где к нему примыкал овраг, насыпь была сравнительно невысока (около 2 м) и имела толщину в основании около 8 м. С восточной стороны городища вал был в полтора раза выше (3,1 м) и толще (до 12 м в основании). В этом месте от плато его отделял ров глубиной до 2,5 м, шириной до 18 м. Ров соединял обрыв берега реки с оврагом и был по всей вероятности, сухим; он не подходил к валу вплотную, а оставлял небольшую берму (шириной 2—4 м). На вершине вала стоял, очевидно, частокол из тонких (диаметром 10—12 см) бревен. Остатки этих бревен найдены в нескольких местах на внешнем склоне вала, куда они упали при реконструкции укреплений, о которой речь будет ниже. С внутренней стороны древнего вала, у самой подошвы его, открыто множество следов от вбитых в землю колышков диаметром 2—3 см. Можно думать, что это остатки плетня, устроенного для предотвращения оползней вала внутри городища (реконструкция древнего вала — на рис. 6).

Эти укрепления были возведены, по всей вероятности, не позднее конца XI в.— начала XII в. По своей конструкции они типичны именно для этого времени. Во всяком случае, в XII—XIII вв. эти укрепления уже существовали и даже начали, как это обычно бывало со старыми укреплениями в средневековых городах, застраиваться жилыми домами и приходить в ветхость. Основная толща древнего культурного слоя налегала на внутренний склон древнего вала. На внешнем склоне его в отдельных местах также прослежены тонкие культурные наслоения.

Этот основной верхний горизонт древнего культурного слоя по своему характеру не отличается от нижнего горизонта. Он состоит из плотной, насыщенной органическими остатками коричневой земли, в которой встречаются иногда целые прослойки щепы и древесной коры и остатки деревянных сооружений. В наших раскопках были вскрыты остатки 3 жилых построек, из которых более или менее полно удалось (из-за плохой сохранности дерева) изучить только одну. Нужно отметить, что постройки эти были ориентированы примерно одинаково (под углом около 45° к меридиану; рис. 7), но трудно говорить об их принадлежности к одной усадьбе, поскольку не обнаружено функционального различия между этими постройками. Все они были, по-видимому, одновременно и жилыми и производственными помещениями.

Постройка № 1 (рис. 8), открытая в 1950 г. и окончательно расчищенная в 1954 г., представляла собой сруб, рубленный в обло из бревен толщиной 20—25 см. Малый размер сруба (всего 2 × 3 м) заставляет предположить, что перед нами — только часть жилища, но других частей его при раскопках не обнару-

жено. Дом был построен на склоне вала так, что южный его угол был врыт в толщу вала приблизительно на 60 см, а северный примерно на 30 см не доходил до земли, и под него были специально подложены камни.

Внутри сруба прослежены остатки пола из досок (шириной 8—20 см и толщиной 6—8 см), настланных в направлении с северо-запада на юго-восток. Очевидно, вход в помещение был с северо-западной стороны. У восточного угла сруба было открыто скопление угля и золы диаметром 60 см, окруженное камнями (вероятно, остатки разрушенного очага). Возле него найдены обломки бронзового пластинчатого браслета, железный ключ от пружинного замка, точильный брусок, крица.

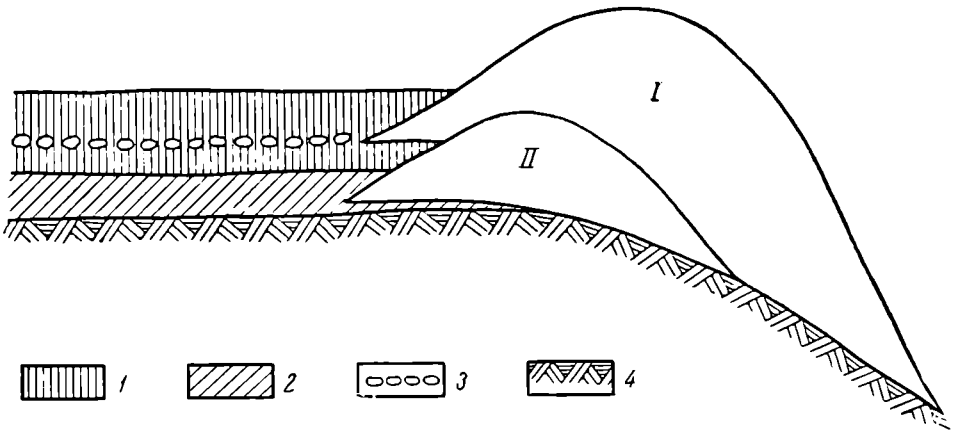

Рис. 5. Схематический разрез культурного слоя Тушкова городка.
I— вал XIV в ; *II* — вал XI—XII вв.; *1* — черная земля; *2* — коричневая земля; *3*— строительный слой; *4*— материк.

У юго-восточной стены сруба обнаружены еще одна крица и круглая хрустальная бусина. В центре помещения и у его юго-западной стены найдены обломки стеклянного браслета, 2 железных ножа (один из них— с «горбатой» спинкой), кованый гвоздь и 2 полые ручки от глиняных сосудов (очевидно, сковород). В западном углу сруба обнаружены 2 шиферных пряслица, обломок железного ножа и часть лепной глиняной мисочки. Вне сруба, у его северного угла, находилось скопление угля и золы длиной 2 м, шириной 1,25 м. Вокруг него ясно видна глиняная обмазка толщиной 8—10 см со следами дерева. Очевидно, это остатки печи, устье которой было обращено к северу, как на то указывают скопление в северной части печи круглых уплощенных камней и отсутствие в этом месте глиняной обмазки. Дно печи образовывал сильно пережженный песок. У устья печи найдены 2 крицы, а к западу от печи на расстоянии 1—2 м — куски красной железной руды и скопление шлака.

Между печью и домом обнаружены часть лепной глиняной мисочки, конские удила, каменное пряслице, 2 обломка стеклянных браслетов и днище горшка с клеймом в виде креста с несколько загнутыми концами.

Неподалеку от устья печи находились бипирамидальная сердоликовая бусина, медный пластинчатый загнутоконечный браслет, а еще дальше к северу — дужка ведра, серп, скобель и стержневые ножницы. Весь комплекс находок в срубе и по соседству с ним говорит о том, что эта постройка использовалась одновременно и как жилое, и как производственное помещение. Возможно, что расположенная к северу от дома печь служила для производственных целей (для добывания железа из руды или для прокаливания криц). Ввиду чрезвычайно плохой сохранности

печи трудно восстановить ее конструкцию, но, по всей вероятности, перед нами — наземная, а не ямная печь. Находка криц как у печи, так и у домашнего очага, позволяет предположить, что какие-то производственные процессы (например, разогревание криц перед проковкой) выполнялись и в самом доме. Но наличие досчатого пола и находки множества предметов домашнего обихода и украшений (рис. 9) не оставляют сомнения в том, что дом был жилым.

Кроме обломков 2 лепных глиняных мисочек (вылепленных на плоской подставке и относящихся, по-видимому, к древнейшему горизонту городища, потревоженному при сооружении постройки № 1), вся остальная посуда сделана на ручном гончарном круге.

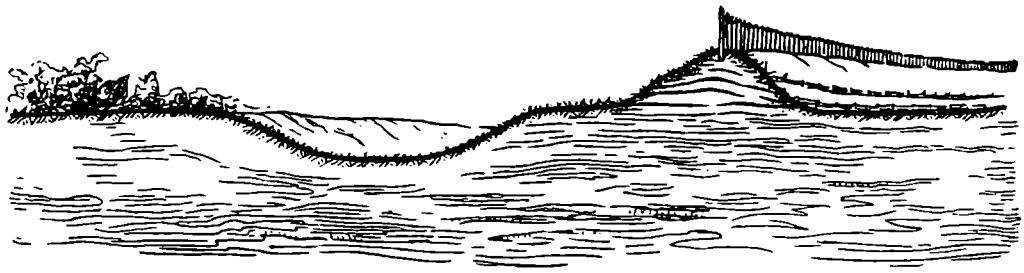
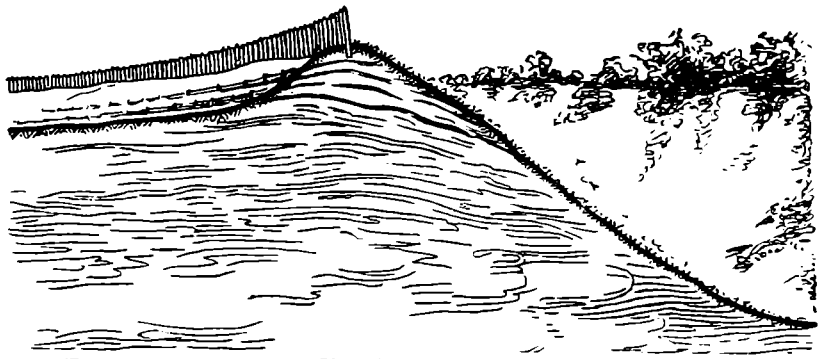

Рис. 6. Реконструкция укреплений

Здесь были,очевидно,и массивные глиняные кастрюли или сковороды с полыми ручками,в которые вставлялись деревянные рукоятки, и толстостенные (толщина стенок — 7—8 мм, а у дна — до 12 мм) горшки со слабо отогнутым наружу (без последующего загиба кверху) венчиком и округлыми плечами, весьма небрежно покрытыми линейным и волнистым орнаментом (рис. 10). Некоторые из горшков и сковород, видимо, закрывались крышками. В глиняном тесте изделий — значительная примесь кварцевого песка. Обжиг сосудов производился, очевидно, еще в домашней печи, благодаря чему в изломе их стенок часто можно заметить темную полоску необожженной глины. Да и поверхность сосудов обычно не красного, а серовато-бурого цвета. Такая посуда преобладает в нижнем горизонте культурного слоя городища. Горшки этого типа в археологической литературе принято называть курганными, поскольку такие сосуды зачастую находят в славянских курганах. Но, наряду с сосудами курганного типа, в нижнем горизонте культурного слоя Тушкова городка встречаются горшки с более тонкими стенками (6—7 мм) и примесью более мелкого песка в тесте. Они имеют обычно более резко отогнутый наружу край с последующим загибом кверху и выступающие плечики. Орнамент на плечах сосудов также линейный и волнистый, но встречается и ногтевой, и нанесенный вилкой. Для сосудов этого типа характерен большой горшок, найденный в насыпи древнего вала (рис. 11). Такая посуда названа нами условно серой; она очень близка к курганной и, очевидно, одновременна ей, но отличается от нее по составу теста и некоторым деталям формовки сосудов. И курганные, и серые горшки иногда имеют на днищах клейма. Чаще всего попадаются клейма в виде криволопастного креста и различных его вариаций (пересекающиеся «восьмерки», «олений рога» и т. п., но есть и клейма в виде концентрических окружностей, ромбов и т. п.; рис. 12). Клейма встречаются на незначительной части сосудов, и все их можно свести к 6—7 вариантам.

Среди остатков других построек найдены предметы, характеризующие ремесленный (преимущественно металлообрабатывающий) и бытовой комплексы.

В 9—10 м к северо-востоку от сруба постройки № 1 находилась часть сруба из бревен толщиной 15—18 см, рубленных в обло. Этот сруб, названный нами условно срубом № 2, был намного больше постройки № 1. Длина его единственной сохранившейся стенки — 4,2 м (северо-восточная часть сруба уже обрушилась в реку). Южный угол был, как и у постройки № 1, укреплен камнями. Внутри сруба у этого угла расчищено овальное пятно угля и золы (возможно, остатки очага). К северу,— там, где мог быть восточный угол сруба,— найдены 2 крицы. Внутри сруба

Тушкова городка в XI—XII вв.

и по соседству с ним обнаружены обломок ложновитого бронзового браслета, овальнощитковый перстень, стеклянная спиральная бусина, обломок стеклянного ложновитого браслета. Южнее сруба, в 1 м от него, встречены круглая хрустальная бусина, 2 полые ручки от глиняных сковород и небольшая литейная формочка из белого камня (рис. 13), служившая для отливки привесок. Еще на 1 м южнее найдены часть бронзового перстня со щитком и камнем, представляющим собой как бы скол хрустальной парообразной бусины, обломки железных ножей и стеклянного гладкого браслета.

Весь комплекс находок говорит об их бытовом и производственном назначении, связанном с кузнечным делом (крицы) и выделкой бронзовых украшений (литейная форма). В десятке метров от этого комплекса найден тигелек для плавки металла. Оба эти производства (кричное и литейно-ювелирное) могли в тот период сосредоточиваться в одной мастерской. В открытой нами на московском посаде мастерской XIV в. также производились два процесса — варка железа и литье бронзовых украшений [7].

Еще на 2 м к юго-востоку от сруба № 2 открылись остатки настила постройки, рядом с которыми также были найдены обломок стеклянного витого браслета, обломок витого бронзового перстня, железный дверной пробой, нож с «горбатой» спинкой, часть бронзового ложновитого браслета. Находок производственного назначения у этого настила не было, но между ним и срубом № 2 оказался кусок керамического шлака.

В 4 м к юго-западу от сруба № 2 обнаружены остатки бревен (ориентированных примерно так же, как сруб № 2), среди которых снова найдены крицы и обломки бронзовых украшений, стеклянных браслетов и бус.

[7] М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы. Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. V, 1954, стр. 88, 89.

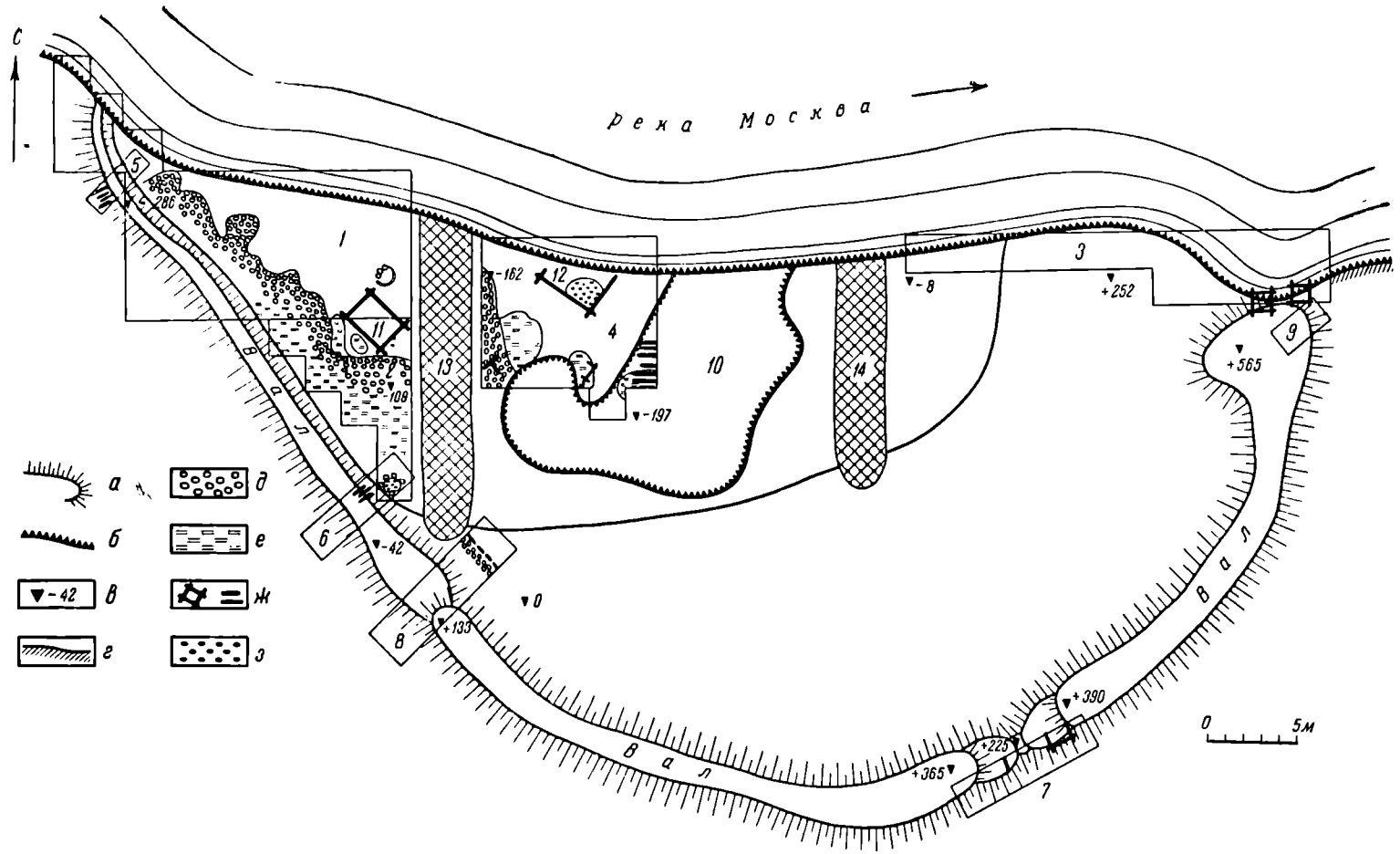

Рис. 7. Сводный план раскопов с основными сооружениями.

1 — раскоп I 1950 г.; *2* —*4* — раскопы II—IV 1954 г.; *5* —*8* — разрезы I—IV 1954 г.; *9* — шурф вала 1954 г.; *10*— яма; *11*, *12* — срубы № 1 и 2; *13*, *14* — траншеи 1929 г.; *а*— откос; *б* — обрыв, яма; *в* — нивелирные отметки; *г* — зачистка; *д* — камни; *е* —обожженная глина; *ж* —деревянные сооружения; *з* — уголь.

Наконец, в 8 м к югу от постройки № 1 встречено пятно угля и золы размером 65 × 75 см, обложенное по краям камнями диаметром до 15 см. В нем найдены 2 крицы и одна — рядом. Очевидно, это очаг, врытый в поверхность древнего вала на 25—30 см. Дно его составлял ярко-желтый пережженный песок. На расстоянии 1 м от очага найдены следы бревен, ориентированных в направлении с северо-запада на юго-восток, возможно, остатки стены помещения, в котором находился очаг, впоследствии накрытый поздним валом. Из вещевых находок этого комплекса следует отметить зонную стеклянную бусину и железную дверную петлю.

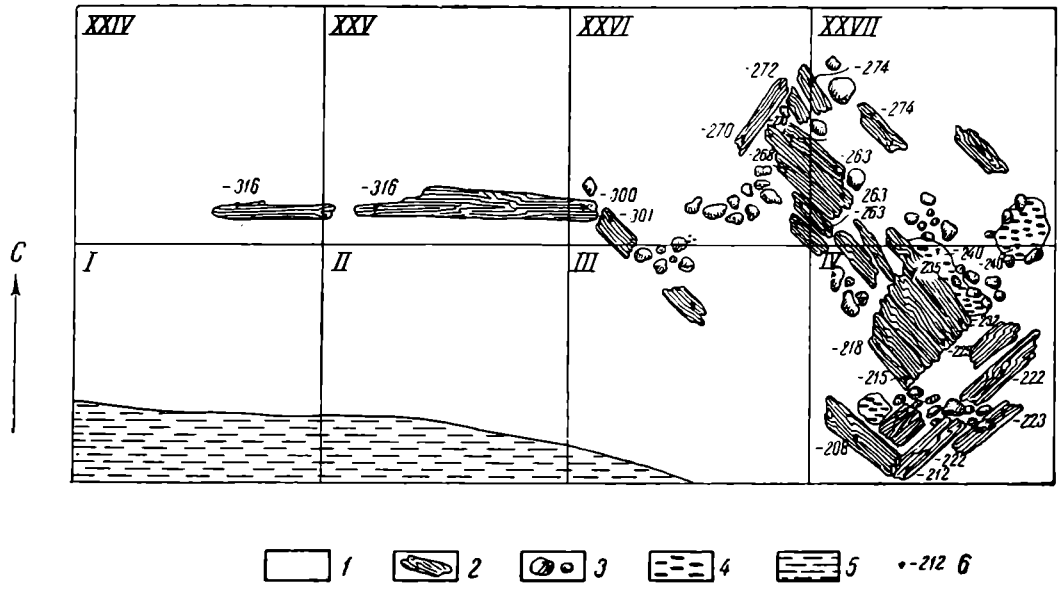

Рис. 8. Постройка № 1 (план).

1 — коричневая земля; *2* — дерево; *3* — камни; *4* — уголь; *5* — глина; *6* — отметки глубины.

Трудно предположить, что срубы № 1 и 2 и прилегающие к ним сооружения относятся к одной усадьбе — мастерской, хотя они одинаково ориентированы и сосредоточены на небольшой площади (примерно 160—200 кв. м). В этом случае были бы неизбежны функциональные различия построек (мастерская, жилье, хозяйственные надворные постройки). Открытые же нами постройки, судя по характеру находок, бытовали примерно в одно время (XII—XIII вв.) и были одного назначения. Скорее всего, перед нами — типичная для средневекового городка тесная застройка окраины его лачугами — мастерскими ремесленников, громоздящимися буквально друг на друга и заходящими на крепостные сооружения. Однако поскольку нами не вскрыта целиком ни одна усадьба, а в исследованных нами срубах отсутствуют подпольные ямы для хранения продуктов, нужно предположить, что в усадьбах ремесленников были и какие-то надворные хозяйственные постройки, располагавшиеся, очевидно, к северу от жилья и ныне обрушившиеся в реку.

Основным занятием владельцев открытых нами домов, несомненно, было металлообрабатывающее ремесло. Судя по тому, что около 20% всех находок в Тушкове городке составляют железные ножи, они не только служили для нужд населения, но и готовились на продажу, также как и бронзовые украшения, а возможно, и ключи от пружинных замков, которых также найдено множество. Кресала, дужки от ведер, замки, различные инструменты (рис. 14) тоже, по-видимому, делались как для

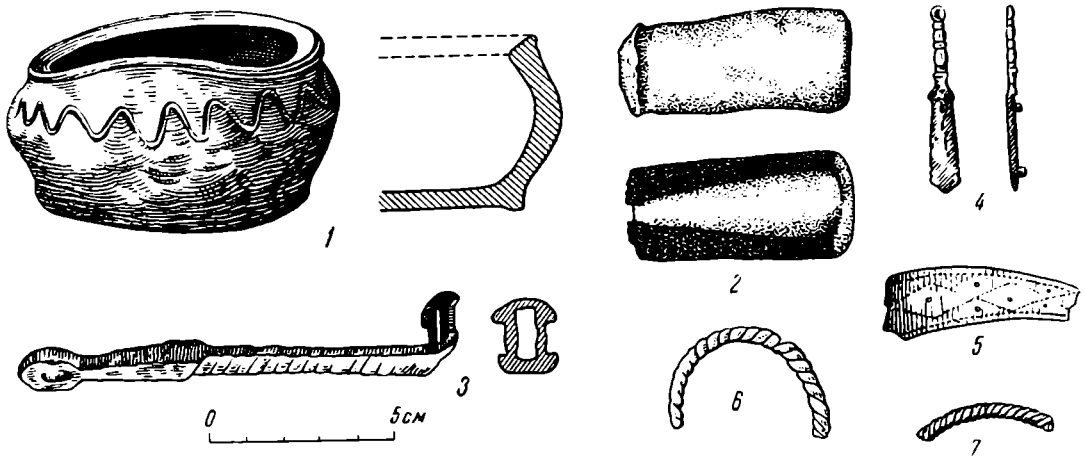

Рис. 9. Вещи из комплекса постройки № 1.

1 — лепная глиняная мисочка; *2* — ручка от сковороды; *3* — железный ключ; *4* — бронзовое украшение; *5* — бронзовый пластинчатый браслет; *6* — обломок бронзового ложновитого браслета; *7* — обломок стеклянного ложновитого браслета.

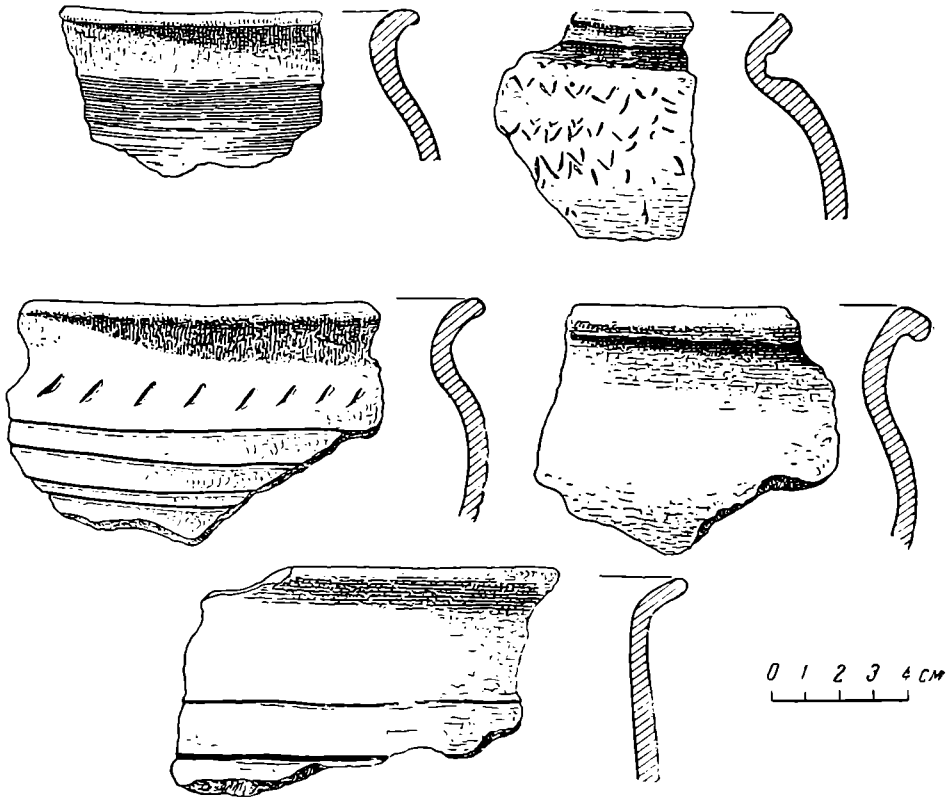

Рис. 10. Керамика из постройки № 1.

Рис. 11. Горшок из насыпи вала.

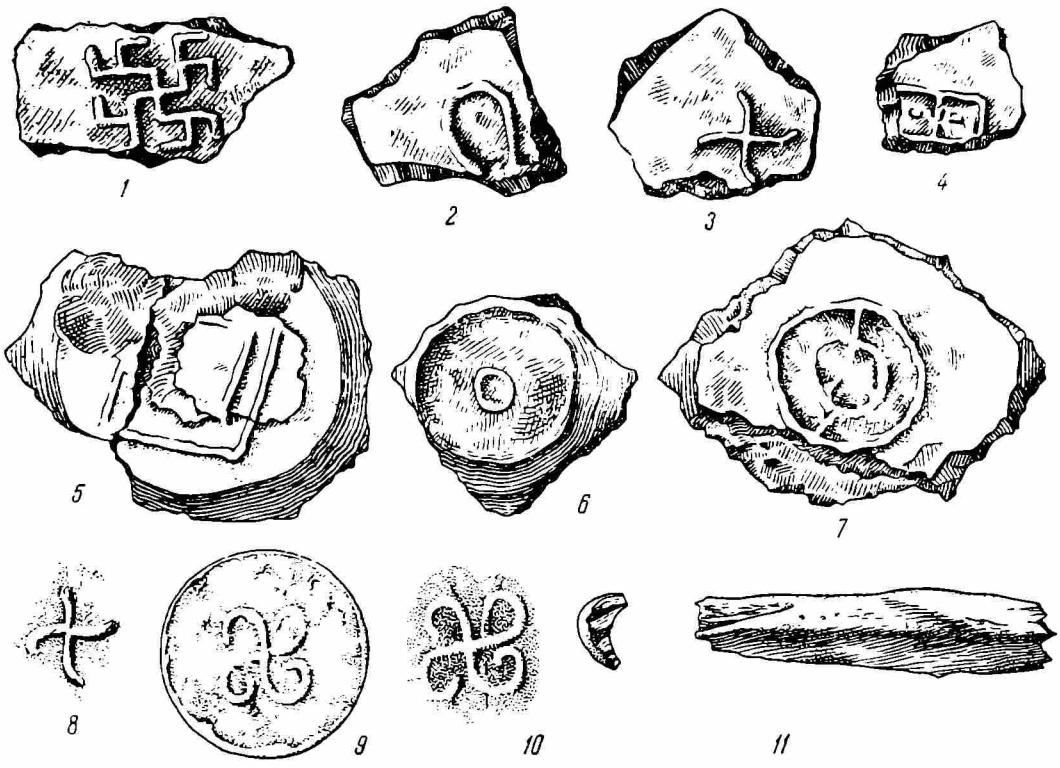

Рис. 12. Клейма (*1—10*) на днищах сосудов и костяной инструмент (*11*) для нанесения орнамента.

своих надобностей, так и на продажу. Некоторые ключи, найденные в этих более чем скромных жилищах, украшены серебряной инкрустацией. Какие богато орнаментированные удила, они, очевидно, предназначались для людей более зажиточных.

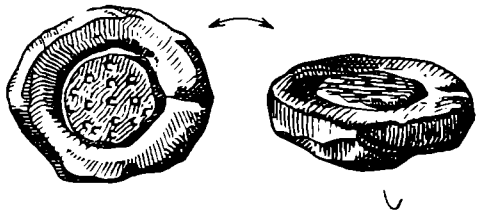

Рис. 13. Литейная форма.

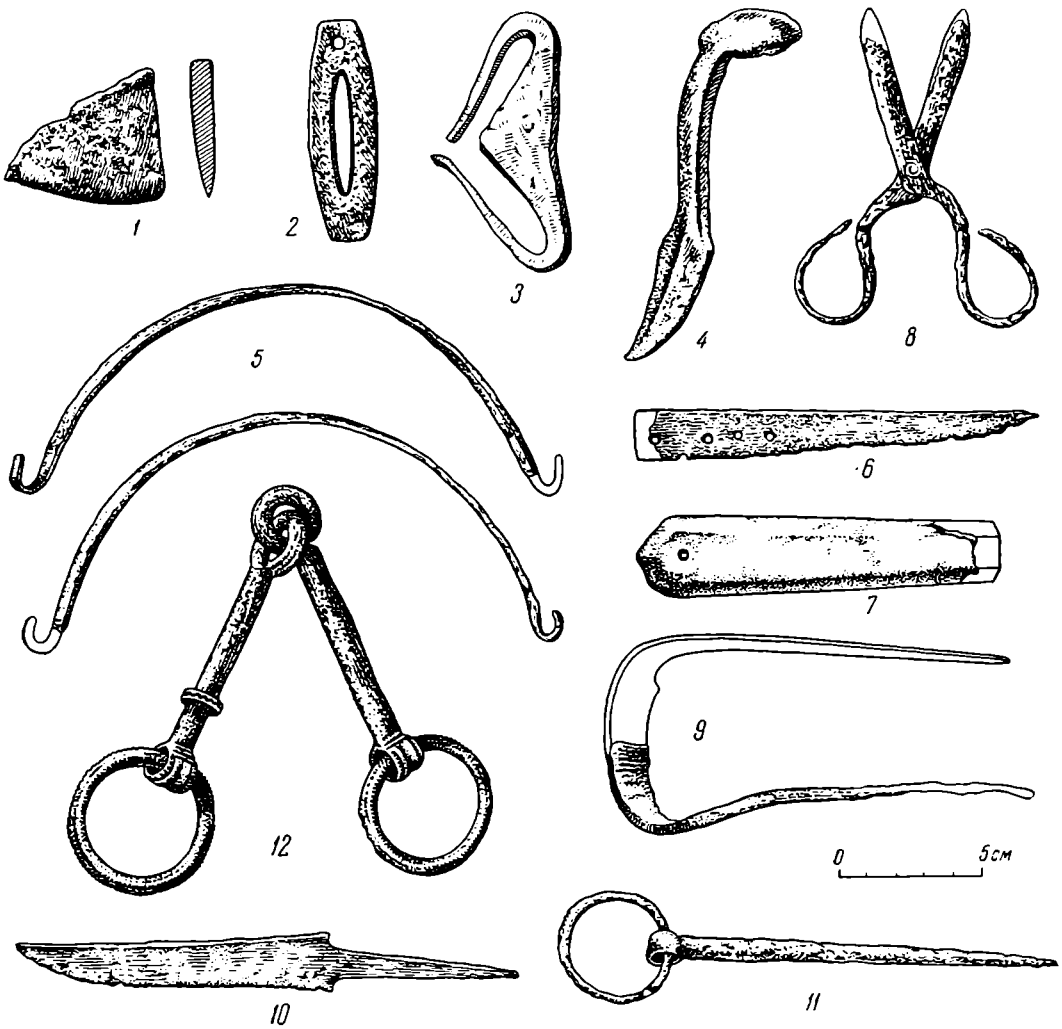

Рис. 14. Изделия из железа.

1 — часть лезвия топора; *2, 3* — кресала; *4* — кочедык; *5* — ручки от ведер; *6* — черенок ножа. *7* — рукоять (костяная) ножа; *8* — ножницы; *9* — скобель; *10* — нож; *11* — дверной пробой; *12* — удила.

В быту ремесленников довольно значительное место занимало также земледелие. На исследованном нами участке найдены 2 серпа (рис. 15) и ручной жернов.

О составе стада городка свидетельствует статистика находок костей животных [8]. На первом месте здесь был крупный рогатый скот (403 кости не менее чем от 38 особей), на втором — свинья (403 кости от 92 особей), на третьем — мелкий рогатый скот (101 кость от 25 особей) и только на четвертом — лошадь (61 кость от 11 особей).

Такой состав стада характеризует поселение городского типа, где лошадь не является основной рабочей силой.

Охота не играла сколько-нибудь значительной роли в хозяйстве жителей городка. Найдены кости лося, кабана, разной птицы, из пушных зверей — бобра, куницы. Находки ромбического костяного и долотовидного железного наконечников стрел подтверждают, что занятия охотой не были чужды владельцам мастерских. О рыбной ловле говорят находки глиняных грузил и железного рыболовного крючка.

Исследование древнего горизонта культурного слоя дало нам картину окраины небольшого городка XI—XIII в., где были развиты железоделательное, кузнечное, литейно-ювелирное и гончарное производства. Но малый размер мастерских и довольно примитивный характер производственных сооружений и инструментов (литейная форма, близкая к митяевским) [9], а также отсутствие упоминаний о Тушкове в письменных источниках приводят нас к заключению, что Тушков городок не был в ту пору крупным ремесленным и торговым центром.

Своими ремесленными изделиями он обслуживал лишь окрестное сельское население.

Военно-стратегическое значение городка также не было первостепенным, так как укрепления его по своей конструкции были довольно примитивны, а в XII—XIII вв. к тому же, очевидно, были сильно запущены [10].

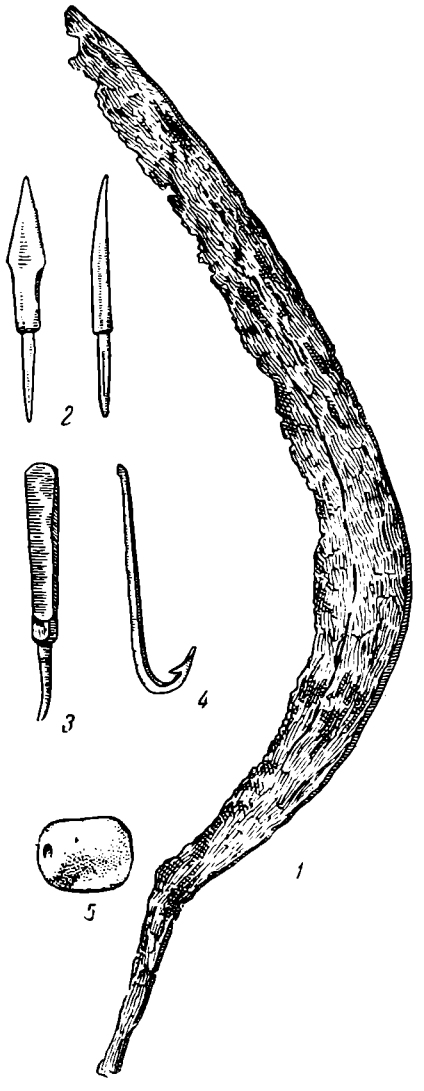

Рис. 15. Орудия земледелия, охоты и рыболовства.

1 — серп; *2* — костяной наконечник стрелы; *3* — железный наконечник стрелы; *4* — железный рыболовный крючок; *5* — глиняное грузило.

Это был небольшой городок, каких древняя Русь насчитывала в то время до трех сотен [11].

---

[8] Определение и подсчет костей животных любезно сделаны В. И. Цалкиным, за что приношу ему глубокую благодарность.

[9] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 147.

[10] Однако военные заботы не были вовсе чужды населению Тушкова. При раскопках найдены кольца от кольчуги, пластины от панцырей, наконечники боевых стрел, черешковый ромбический наконечник сулицы (рис. 16) и упомянутый выше листовидный втульчатый наконечник копья.

[11] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 43.

* * *

Жизнь Тушкова во второй период его существования сильно изменилась. Соответственно изменились и те культурные отложения, которые послужили объектом нашего исследования.

Верхний горизонт культурного слоя Тушкова городка (в отличие от нижнего) имеет интенсивно черную окраску. Он слагается из рыхлого, средней влажности чернозема, не сохраняющего дерева. Никакой стерильной прослойки между коричневым нижним и черным верхним горизонтами культурного слоя — нет (см. рис. 5), что указывает на непрерывность существования города.

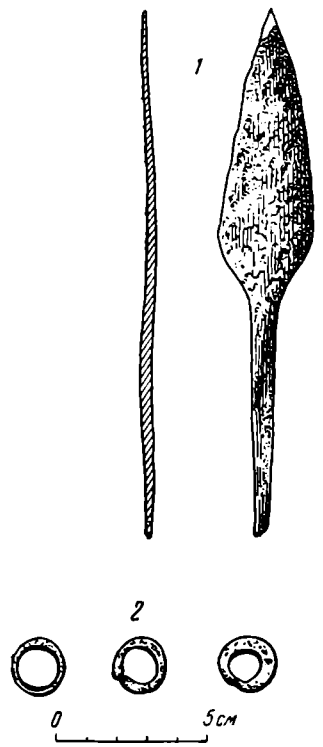

Рис. 16. Предметы воинского снаряжения из нижнего горизонта.

1 — наконечник сулицы; *2* — кольцо от кольчуги.

Посуда в черном культурном слое несколько иная. Сосуды курганного типа здесь отличаются более тонкими стенками, меньшей примесью песка и более высокой шейкой, с венчиком, резко отогнутым наружу, с последующим загибом кверху. Подобные горшки хорошо известны по находкам в поздних славянских курганах XIII—XIV вв.

Наряду с сосудами курганного типа продолжает довольно часто встречаться описанная выше серая посуда. Но появляются и новые типы, не попадавшиеся в нижнем слое. Таковы сосуды из белой глины, со светлой, зачастую розовато-белой шероховатой поверхностью. Венчики их низкие, слабо отогнутые наружу, плечи округлые. Орнамент (преимущественно волнистый) расположен под самой шейкой сосудов. Черепок в изломе ровный, светлый, тесто — с незначительной примесью песка. Обжиг горновой. Отдельные обломки таких сосудов встречаются и в нижнем горизонте, куда они могли попасть случайно. В верхнем же горизонте культурного слоя число обломков белой посуды достигает 20% всего керамического материала.

Другой тип посуды, появляющийся в тот же период,— горшки из однородного, хорошо промешанного красноглиняного теста с примесью мелкого песка. Венчики их слабо отогнуты, плечи округлые, выступающие. Орнамент в большинстве случаев линейный и волнистый, причем последний, как и у белых горшков, расположен под самой шейкой сосудов. Эта посуда по составу глиняного теста очень близка к описанной нами московской красной посуде XIV—XV вв. [12], да и по форме сосуды похожи на московские. Обжиг горшков в Тушкове, очевидно, производился еще в печи, а не в специальном горне. Черепок этих сосудов в изломе — темно-бурого или красноватого цвета, а не ярко-красный, как у большинства московских горшков этого типа.

В том же горизонте культурного слоя встречаются отдельные обломки кувшинов, покрытых зеленой поливой, а также красных хорошо обожженных сосудов с лощением поверхности вертикальными штрихами. Черная лощеная посуда представлена всего одним обломком, найденным

[12] М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы, стр. 63.

на посаде городка (об этом см. ниже). Эти три последних типа посуды, очевидно, в Тушкове не выделывались, а попали туда в результате обмена.

Верхний, черный горизонт культурного слоя на всей исследованной нами площади прорезан прослойкой песка, извести и камней, явно связанной с какими-то крупными строительными работами. В некоторых местах удалось расчистить целые кучи этих строительных материалов, очевидно, приготовленных для постройки укреплений, но не использованных целиком, как это зачастую бывало при строительных работах и в гораздо более поздние периоды. Исследование вала Тушкова городка показало, что древние укрепления, значительно обветшавшие и частично застроенные, были целиком реконструированы в соответствии с новыми требованиями.

Древний ров уже не удовлетворял этим требованиям. Поэтому рядом был вырыт новый ров трапециевидного сечения, глубиной 4 м, шириной 24 м по верху и 4 м по дну. Ров этот также, как и древний, очевидно, был сухим. Были ли устроены на дне рва какие-либо дополнительные преграды для нападающих,—сказать трудно. При раскопках следов их не обнаружено (рис. 17).

Одновременно с рытьем рва шла подсыпка вала, который был увеличен в несколько раз. Судя по характеру засыпки, использовалась земля и изнутри, и извне городища, так что культурный слой на самом городище оказался несколько срезанным, а в насыпи вала были прослежены прослойки культурного слоя.

Конструкция нового вала была неодинакова в различных местах. Укрепления наибольшей мощности были возведены, разумеется, в тех местах, где было меньше естественных препятствий, т. е. с восточной

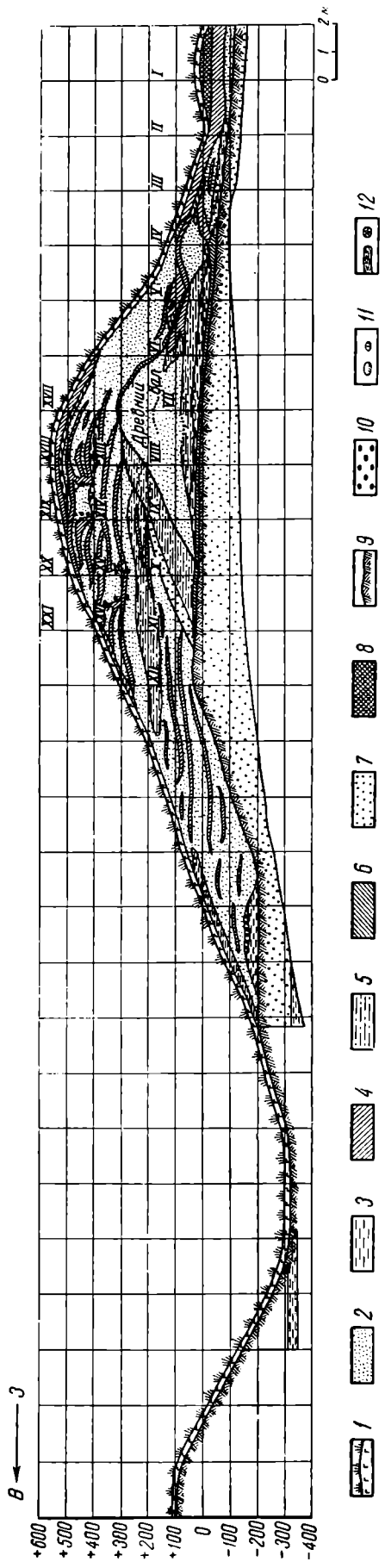

Рис. 17. Разрез рва и вала.

1 — гумус; *2* — желтый песок; *3* — глина; *4* — серая земля; *5* — суглинок; *6* — коричневая земля; *7* — серый песок; *8* — перекоп; *9* — материк; *10* — уголь; *11* — камни; *12* — дерево.

и юго-восточной сторон; здесь ровное плато было перегорожено рвом. Вал был насыпан прямо до края рва (рис. 17); высота его превышала 5,5 м, мощность в основании — 22 м. Разрез вала, сделанный в этом месте, позволил не только восстановить его конструкцию, но и определить последовательность работ. Первоначально при рытье рва земля выбрасывалась на его западный борт, причем засыпáлась оставшаяся часть древнего рва. Возможно, что в то же время насыпáлась земля на внешний склон древнего вала. Затем, когда горизонтальная площадка достигла примерно высоты древнего вала, здесь был поставлен ряд городен из тонких бревен (диаметр — 11—12 см), размером около 1 × 2 м и высотой 1 м. Изнутри

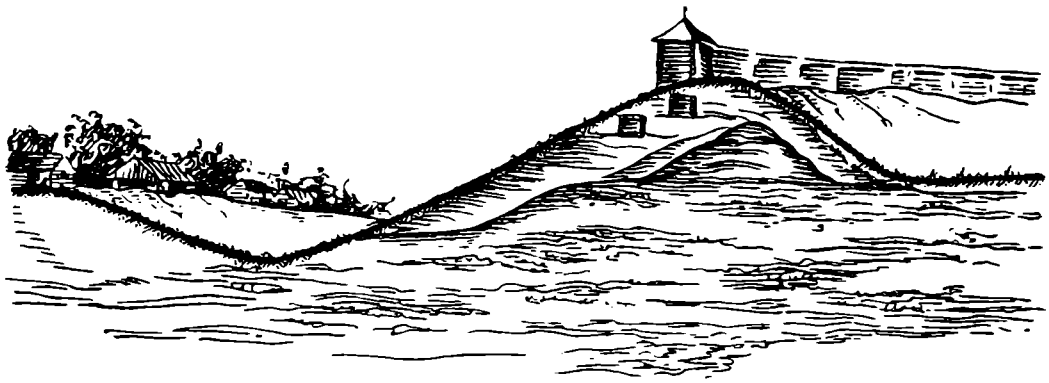

Рис. 18. Реконструкция укреплений

эти городни были засыпаны песком, а снаружи к ним продолжалась подсыпка земли до тех пор, пока не образовалась горизонтальная площадка уже на уровне верха городни. На этой площадке, отступя 2 м внутрь городища, был поставлен еще один ряд таких же городен и снова засыпан таким же образом (см. рис. 17). Для того чтобы вал, сооруженный из очень сыпучего материала, не оползал внутрь городища, у основания его с внутренней стороны была прорыта неглубокая траншея (до 1 м глубиной), в которую были положены камни. Кроме того вся площадь у внутренней части подошвы вала была покрыта слоем глины (толщиной до 20 см), на которой развели костры для ее обжига.

Внутренний, прилегающий к крепости борт рва был покрыт слоем необожженной глины. Таким образом, неприятель, если ему и удавалось проникнуть в ров, должен был еще преодолеть эту скользкую поверхность (в сухую погоду она, наверное, поливалась водой).

С западной и юго-западной сторон конструкция вала была несколько иной. Здесь город был надежно защищен глубоким оврагом с крутыми склонами. Поэтому вал был гораздо менее мощным (высота — не более 4 м, мощность основания — 12—15 м) и не имел деревянных конструкций. Он был насыпан на внешний склон древнего вала из глины с землей с тем расчетом, чтобы наружная часть была покрыта глиной. Для предотвращения оползания вала внутрь здесь была уложена гряда камней; ширина гряды — до 3 м, толщина — 50—60 см. Сравнительно крупные камни (размером 15—20 см) были уложены плотно друг к другу, а между ними засыпаны мелкие. Внутренний склон вала был укреплен глиной, впоследствии обожженной.

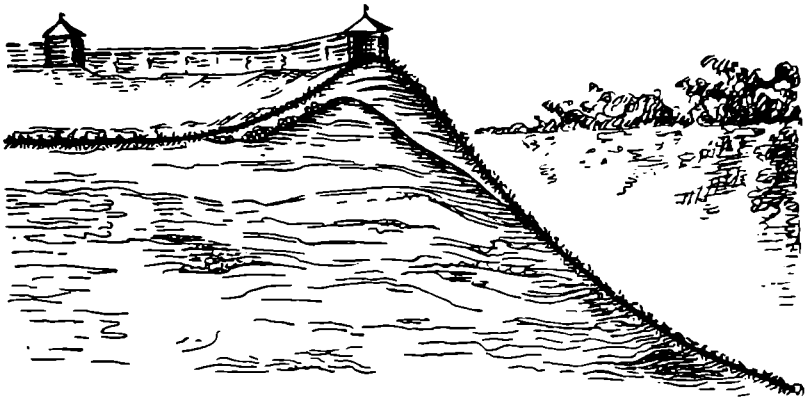
На валу, на всем его протяжении, должен был быть острог, но никаких следов деревянных или иных сооружений на гребне вала нами не

найдено. Изображенный на нашей реконструкции (рис. 18) острог не следует рассматривать как реконструкцию документальную.

А. В. Арциховский, после обследования укрепления Тушкова, писал, что у таких крепостей «поверх валов шли, как правило, укрепления деревянные,— вероятно, срубами...» [13].

К какому же времени относятся эти большие оборонительные работы?

Ответ на этот вопрос дает находка в 1950 г. в строительном слое вала Тушкова городка монеты московской чеканки, с русской надписью и с татарской тамгой на реверсе [14]. К сожалению, лицевая сторона монеты сильно стерта. Трудно различить, какое было на ней изображение, да и

Тушкова городка в XIV в.

надпись читается не целиком. Различимы буквы: «...ТРIIКНАZЬ ВЕ...». В. Л. Янин предполагает, что полная надпись была «КНАЗЬ ВЕСЛIIКИ ВАСИЛНДТРЕ». Такие надписи встречаются на монетах Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.), чеканенных в первые годы его княжения. Впрочем, возможно, что перед нами — какой-либо неизвестный вариант монеты, чеканенной в последние годы княжения Дмитрия Донского [15].

Датирует монету татарская тамга, на которой написано: «Тухтамыш хан да длится...». Монета, стало быть, чеканена в те годы, когда Москва признавала номинально господство Тохтамыша, т. е. не ранее 1382 г., и, очевидно, не позднее 1395 г., так как Тохтамыш только до этого года сохранял звание хана.

Сооружение укреплений в Тушкове относится, таким образом, к последним десятилетиям XIV в.

Основная толща верхнего горизонта культурного слоя городища (см. рис. 5) отложилась уже после перестройки валов, т. е. в XV—XVI вв. Здесь не встречено никаких сооружений; нет возможности восстановить

---

[13] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 49.

[14] Прочтением монеты мы обязаны В. Л. Янину (интерпретация русской надписи) и С. А. Яниной (татарская надпись), за что приносим им обоим глубокую благодарность.

[15] Г. Б. Федоров в своей работе «Деньги московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I» (МИА, № 12, 1949, стр. 160—170) пишет, что достоверных монет Дмитрия Донского известно всего 44 экземпляра. Среди приводимых им типов сходную с нашей монетой надпись «КНАЗЬ ВЕЛНКНДМНТРЧ» имеет монета, изображенная на табл. I, рис. 5. Но изображение, хотя и полустертое, и сам характер надписи более подходят к монете Василия Дмитриевича (табл. II, рис. 24), на которую ссылается и В. Л. Янин, хотя орфография надписи на описываемой нами монете не совпадает с надписью на этой монете — «ТРИ» вместо «ТРЕ».

какое-либо сооружение и по находкам. По всей исследованной площади они (в особенности обломки посуды) распределены равномерно. Возможно, что в поздний период существования Тушкова городка здесь, у самых стен крепости и не было никаких строений. Вспомним, что и в более поздние времена постройка новых укреплений сопровождалась обычно сносом домов и устройством «пристенной улицы» с внутренней стороны стены и незастроенного «плацдарма» с наружной ее стороны [16]. На древнейшем из известных планов Москвы (конца XVI в.) мы видим такую вымощенную бревнами улицу вдоль стены внутри Китай-города [17]. Следует

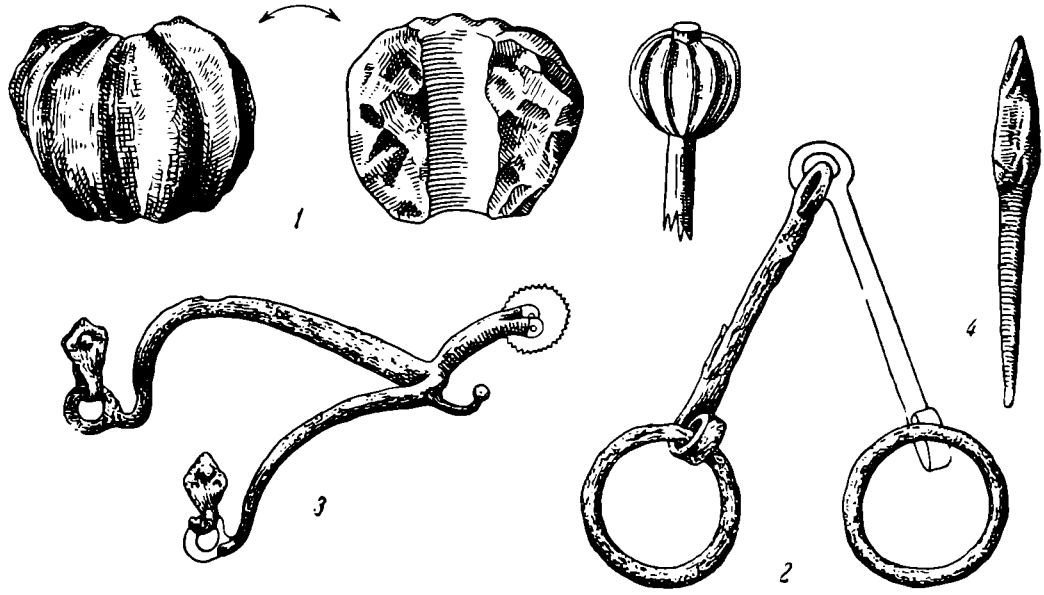

Рис. 19. Предметы воинского снаряжения из верхнего горизонта.
1 — каменный наконечник булавы; *2* — удила; *3* — шпора; *4* — наконечник стрелы

думать, что замощенные обожженной глиной основания стен Тушкова городка были необходимы для свободного доступа защитников крепости и не застраивались.

Однако жилые строения, несомненно, были где-то поблизости. О них говорят находки ключей, пружинных замков, ножей, кресал и большого количества обломков сосудов (так, в верхнем горизонте черного культурного слоя только в одном из 5 раскопов на площади 84 кв. м найдено 2536 фрагментов глиняных сосудов).

Обнаруженные в этом горизонте вещи в большинстве своем характеризуют совсем иной быт, чем находки из домонгольского горизонта. Здесь несколько шпор со вставным колесиком, конские удила, наконечники стрел от луков и самострелов, каменное навершие булавы (рис. 19). Кроме этих предметов вооружения, ряд вещей говорит о том, что здесь жили уже не ремесленники, а люди более зажиточные, уделявшие больше внимания своему досугу. Так, найдена костяная игральная шашка, по виду и размеру совершенно сходная с употребляемыми в наше время, металлические застежки от книг, гребни. Встречены также нательные кресты из кости и бронзы. На одном из них с трудом читается надпись:

[16] См., например, П. В. Сытин. История планировки и застройки Москвы. Труды Музея истории и реконструкции Москвы, т. I, 1949, стр. 99.
[17] М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы, стр. 85.

ІС — ХСНІ — КА (Иисус Христос Ника). Все кресты четырехконечные. Из предметов быта следует отметить еще двусторонний костяной гребень с укрепленной дополнительными пластинами средней частью (рис. 20).

Несомненно, наиболее значительной из находок верхнего горизонта культурного слоя является небольшое сканое золотое украшение (рис. 21) в виде шестилепестного цветка причудливой формы, размером всего 2,9 см, сходное с таким же цветком, украшающим шапку Мономаха. Возможно, что он сделан тем же мастером [18].

Судьба этого украшения, претерпевшего в свое время ряд переделок, весьма напоминает судьбу некоторых других золотых украшений, находившихся во владении московского княжеского дома в XIV—XV вв. [19],

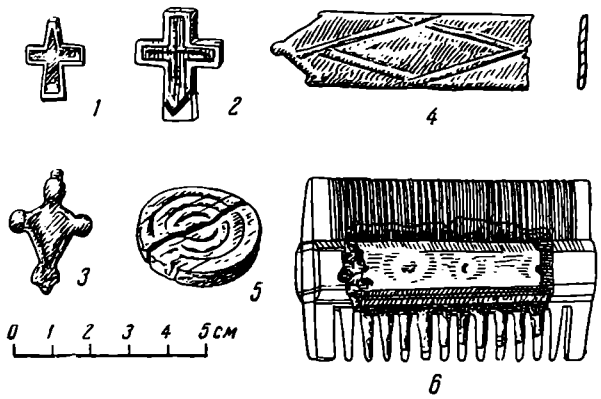

Рис. 20. Предметы быта из верхнего горизонта.

1, 2 — крестики; *3, 4* — застежки от книг; *5* — шапка; *6* — гребень.

когда каждая золотая вещь была на счету и весьма ценилась. Оно могло принадлежать московской княжеской семье, как принадлежал этой семье сам Тушков городок. Как и золотая шапка Мономаха, это украшение, по всей вероятности,— среднеазиатской работы. Среди русских древностей нам не встретились подобные украшения, за исключением двух описанных выше, но в Поволжье и на Кавказе аналогичные вещи встречаются в комплексах XIV—XV вв., где они, вероятно, также являются привозными из Средней Азии [20]. Последняя находка двух бляшек, по технике работы весьма сходных с описываемой нами, была сделана И. В. Синицыным в 1955 г. в погребении кочевников XIV в. в Поволжье, в низовьях р. Еруслана.

Итак, в крепости в последний период существования городища стоял военный гарнизон и, возможно, жил кто-либо из княжеской семьи или наместник князя.

---

[18] Подробнее об этом см. М. Г. Рабинович. Золотое украшение из Тушкова городка. КСИИМК, вып. 68, 1957.

[19] К. В. Базилевич в своей работе «Имущество московских князей в XIV—XVI вв.» (Тр. ГИМ, вып. III, М., 1926, стр. 30, 31) доказывает на основании анализа духовных грамот московских князей и некоторых других источников, что московская княжеская семья в то время располагала сравнительно немногими золотыми вещами, которые очень ценились, передавались по наследству или одалживались и зачастую подвергались переделке (например, драгоценные камни мать одалживала сыну, который украшал ими свой колпак, и т. п.).

[20] Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность Б. А. Рыбакову, А. П. Смирнову, Н. Р. Левинсону, М. М. Постниковой-Лосевой и Т. Г Гольдберг, сообщившим автору об известных им аналогиях.

Позднейшие переписные книги [21] свидетельствуют о том, что здесь была и церковь Рождества богородицы.

Куда же переместилось ремесленное население окраины городка раннего периода? Ответ на этот вопрос дало изучение прилегающей к городищу территории. Шурфовка и зачистка берега реки показали, что к востоку и юго-востоку от городища на протяжении по крайней мере 200 м вниз по течению реки имеется культурный слой мощностью от 30 до 150 см, содержащий керамический материал, современный верхнему горизонту культурного слоя городища. Из вещей, найденных здесь, следует отметить крицу, керамический шлак и часть серпа. Очевидно, здесь мы вскрыли культурный слой городского посада.

Приведенные выше данные о размыве берега реки позволяют предположить, что и посад, подобно «городу», простирался в древности гораздо дальше на север. Южная же его граница определяется курганным могильником, в котором в позднейший период был сделан ряд захоронений. Здесь было кладбище («погост») городка.

Очевидно, где-то поблизости стояла в те времена вторая церковь Тушкова — церковь Бориса и Глеба [22]. От одного погребения, вводного в упомянутый выше курган с трупосожжением, сохранилась надгробная плита из белого камня с обычным для русских городов первой половины XVI в. «зубчатым» или «треугольчатым» орнаментом. Надпись на ней полустерта, и прочесть ее целиком пока не удалось, но дата погребения видна довольно ясно: «Марта во второй (В) день лета семь тысяч восемнадцатого (ЗИІ)», т. е. 2 марта 1510 г. Это наиболее поздняя дата из Тушкова городка. На территории городища А. В. Арциховским были найдены 2 монеты—серпуховского удельного князя Владимира Андреевича (1358—1410 гг.) и его сына Семена Владимировича (1410—1426 гг.) [23].

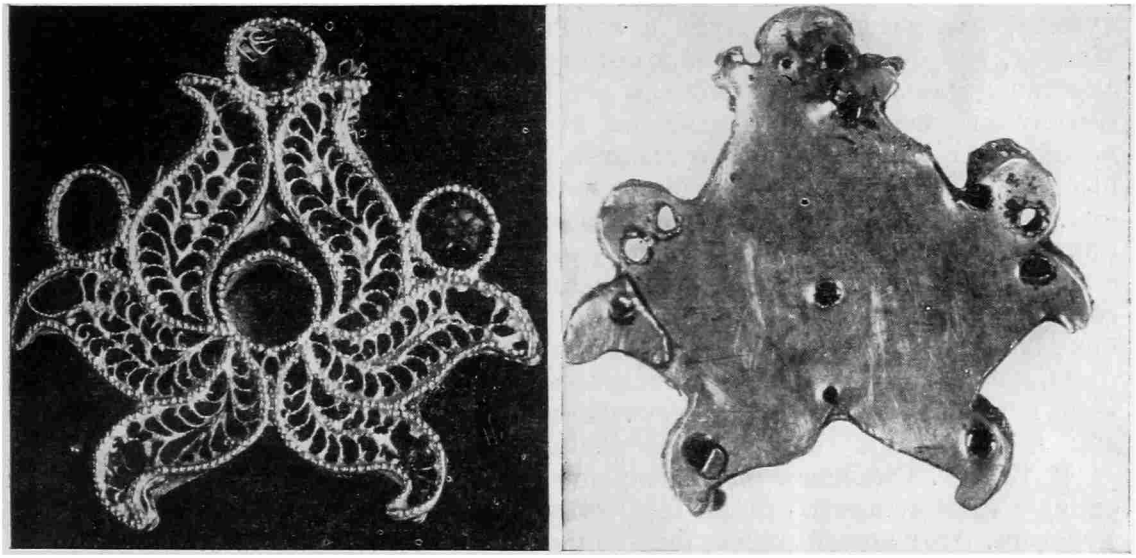
В XIV—XVI вв. Тушков, как и ранее, не был крупным ремесленным и торговым центром. Но уже из приведенного выше текста духовной грамоты Дмитрия Донского мы видим, что он был административным центром волости. Исследование укреплений показывает, что Тушков был и важным военно-стратегическим пунктом, а анализ его географического положения укрепляет нас в этом мнении. Если мы обратим внимание на это значение Тушкова, станут ясны причины его расцвета в конце XIV в. и упадка в XVI в. Город Тушков не упоминается ни в одном письменном источнике, за исключением духовной грамоты Дмитрия Донского. Его нет в известном списке древнерусских городов «А се имена градом русским дальшим и ближним», составленном не ранее середины, а вернее, в конце XIV в. (правда, этот список опускает многие московские и все тверские города). Нет Тушкова и в «Книге большому чертежу» XVII в. Можайские акты XVII в. знают уже Тушков как «городище пусто», где имеются лишь развалины двух церквей [24]. Земли вокруг принадлежали с тех пор и до самой революции Лужецкому монастырю.

[21] Дионисий. Можайские акты. СПб., 1892, стр. 204. Уже самый факт существования церкви, которая при раскопках не была обнаружена, говорит о том, что городище раньше было гораздо больше.

[22] Там же, стр. 304.

[23] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 50.

[24] Дионисий. Можайские акты, стр. 204. «Книги можайские пустым церковным землям Якова Данилова, сына Львова, 7161 г. (1653 г.)»: «Церковное место, что была церковь Бориса и Глеба пустошь, что был погост Тушков а пашни церковные середние земли пять четвертей да лесом поросло десять четвертей в поле а в дву по тому же сена двадцать копен лесу пашенного четыре десятины да на Тушкове же городище другое место церковное, что была церковь Рождества пречистые богородицы а пашни церковные земли три четверти да лесом поросло девять четвертей в поле а в дву по тому же сена пятнадцать копен».

1 *2*

3

Рис. 21. Золотое украшение.

1 — лицевая сторона; *2* — оборотная сторона; *3* — «шапка Мономаха».

Чем же объяснить рост значения Тушкова при Дмитрии Донском и особенно в последнем десятилетии XIV в.?

По нашему мнению, значение Тушкова как военно-стратегического пункта, прикрывавшего путь с запада по Москве-реке на Можайск и Москву, возросло в этот период потому, что усилившееся Литовское государство становилось для Москвы все более опасным. Как раз в 1395 г. Витовт впервые захватил один из крупнейших русских городов — Смоленск, а с 1404 г. Смоленск и земли к востоку от него, включая современные Вязьму и Гжатск, были более чем на целое столетие захвачены Литвой. Тушков оказался крайним западным пунктом Московского великого княжества, и большие работы по укреплению этого городка нужно рассматривать прежде всего как укрепление тыла молодого Московского государства в его борьбе с татарами, ибо общеизвестно, что татары неоднократно действовали против Москвы в союзе с Литвой.

Мы говорили выше, что последний датированный предмет из Тушкова городка относится к 1510 г. По-видимому, вскоре после этого городок и прекратил свое существование.

В 1514 г. Смоленск был возвращен в состав Русского государства и снова в течение почти ста лет был опорным пунктом обороны его западных рубежей. Этот новый рубеж был сильно укреплен. В конце столетия Федор Конь построил замечательный смоленский кремль, который современники называли «дорогим ожерельем земли Русской». Смоленск навеки прославился героической обороной от войск Сигизмунда III в 1610—1611 гг. Маленький же Тушков к тому времени уже давно утратил свое былое значение крепости на западном рубеже. Как и многие малые города в тот период, Тушков запустел, и вскоре самая память о нем осталась лишь в названии деревни Можайского уезда. Но военно-стратегический рубеж, который защищал Тушков, сохранил свое значение еще в течение нескольких столетий. Он лишь немного переместился к юго-востоку, в район Бородина, поскольку главное движение от Смоленска на Москву шло теперь южнее Москвы-реки.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, XXIX—XXX, 1959

Г. ШТЕФАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1954 ГОДУ

Наша страна с исключительным интересом следит за научными достижениями советских археологов, и мы извлекаем из их работ ценные указания как в отношении методов работы, так и для истолкования получаемых результатов. В настоящей статье я познакомлю советских читателей с результатами основных работ археологов Румынской Народной Республики за 1954 г.

Мне хотелось бы указать прежде всего на то, что некоторые недочеты прошлого заставили нас при составлении плана исследовательских работ на 1954 г. уделить больше внимания менее известным периодам древней истории нашей страны. Вследствие этого изучение палеолита,— пока еще недостаточно исследованного на территории нашей страны,— велось в более широком объеме. Одновременно с этим было обращено большое внимание на вопрос о дакийской культуре, поскольку он является одним из основных в археологии Румынии.

Попутно была усилена также деятельность по охране археологических памятников. В настоящее время это особенно необходимо, потому что значительное развитие механизации сельского хозяйства и различных строительных работ является серьезной угрозой для сохранности многих археологических памятников.

В план работы вошли 3 темы: археологические исследования материальной культуры первобытно-общинной, рабовладельческой и феодальной эпох. Ознакомимся с основными результатами в этом хронологическом порядке.

1. Исследования палеолита велись по обоим склонам Карпат на известняковых террасах между реками Черна и Олт. Исследовано свыше 100 пещер, но лишь немногие из них были подходящими для заселения палеолитическим человеком. В давно уже обследованной пещере близ Охабо-Понор был открыт еще один культурный горизонт и обнаружены остатки очага. В Бороштени установлено наличие памятников мустьерской эпохи. В другой пещере, близ Геркулан, наряду со следами продолжительного существования там энеолитических стоянок и временного убежища в железном веке, в римскую эпоху и даже в ранний феодальный период,— были найдены также слабые следы эпипалеолитических стоянок

в виде горизонтов с микролитическим (мезолитическим) производством, впервые обнаруженным в Румынии. Важно отметить также открытие следов раннего палеолита у с. Заля Лупулуй, на территории Молдовы и в Джурджу — в долине Дуная. В результате этих открытий наши сведения о палеолите в Румынской Народной Республике значительно расширены и углублены.

2. Что касается неолитической эпохи, то результаты раскопок близ Траяна (область Бакеу) представляют собой важный вклад в изучение не только фазы А-В кукутенской культуры, но и обрядов погребений, а также в выяснение связи между культурой линейно-ленточной керамики и докукутенской культурой. Раскопки в Трушешти позволили осветить план расположения кукутенских стоянок, систему постройки жилищ и образ жизни неолитического человека, обитавшего на территории Молдовы. Произведенные в Добрудже близ Чернавода раскопки дали возможность выявить связь между культурой типа Байя-Хаманджиа и культурой типа Боян.

3. В области изучения памятников бронзового века возобновление раскопок в Сарата-Монтеору привело к открытию могильников, дающих представление об обрядах погребений — трупосожжении в начальной фазе культуры Монтеору и трупоположении в скорченном виде на более поздних этапах этой культуры. Открытие здесь специальных сооружений для трупосожжения, датируемых первой фазой бронзового века, а также крупного сооружения, служившего религиозным целям (святилища), проливает новый свет на начальный период бронзового века.

4. Была усилена работа в области изучения дакийской культуры. Помимо экспедиции, продолжавшей свою деятельность на местах развалин крепостей Грэдиштя Мунчелулуй и Блидарнул, были организованы еще 2 экспедиции: одна — в Попешти (Бухарестской области), другая — в Кашолц (область Сибиу). Подобное расширение изысканий напрашивалось само собой, так как чувствовалась необходимость в более глубоком ознакомлении с культурой даков, живших не только в юго-западной части Трансильвании, но и по ту сторону Карпат. И, действительно, произведенные в последнее время раскопки доказали, что в юго-западной Трансильвании у даков при Буребисте и Децебале зарождалось государство. В дакийском обществе того времени уже произошло второе общественное разделение труда, и можно говорить о товарном производстве и даже о появлении торговцев.

Производившиеся в Грэдиштя Мунчелулуй раскопки охватили площадь вокруг военного, религиозного и политического центра, открытого раскопками предшествовавших лет. Были обнаружены многочисленные гражданские постройки — мастерские и жилые здания. Здесь найдены два керамических фрагмента с клеймом DECEBALUS — PER SCORILO. Эта находка весьма интересна, ибо, если слово PER (по-фракийски — POR) и PUER (сын) однозначны, как это склонен допустить руководитель раскопок проф. К. Дайковичу, то этим самым устанавливается происхождение Децебала (Децебал, сын Скорило). Подтверждая использование даками письменности, эта находка свидетельствует одновременно и о существовании мастерских при дворе дакийских властителей.

Для изучения социально-экономического развития гето-дакийских племен в 1954 г. была организована экспедиция, которая произвела раскопки укрепления, входящего в состав обширного поселения у Попешти на берегу Арджеша, вблизи Бухареста. Эти раскопки установили наличие здесь поселения в начале железного века и богатых находками остатков

жилищ, относящихся ко второй стадии железного века, к гето-дакийской культуре. Выяснено, что между гальштатским и гетским поселениями не существует преемственной связи. Следы гетской культуры появляются с III в. до н. э., а период ее расцвета относится ко II и I вв. до н. э. Установлено, что поселение было покинуто жителями приблизительно к началу нашей эры вследствие установления господства римлян на берегах Дуная и их вмешательства в дела страны в областях, расположенных к северу от этой реки. Результаты раскопок в Попешти свидетельствуют о том, что обитавшие в долине гето-дакийские племена достигли значительного прогресса во II—I вв. до н. э.: они широко пользовались железными орудиями и изготовленной на гончарном круге керамикой, кувшинами для хранения провизии, кровельной черепицей греческого образца, монетами. Все это говорит о довольно высоком уровне развития производительных сил, достигнутом еще до воцарения Буребисты.

Дальнейшие раскопки крепости, охватывающие и неукрепленный участок этого гето-дакийского центра, а также раскопки могильника, несомненно, приведут к более полному и правильному ознакомлению с гетским населением Дунайской равнины и его бытом. Следует отметить, что некоторые элементы общи как для культуры этого поселения, так и для культуры фракийских областей к югу от Дуная, а также гетских областей в южной Молдове. Таковы, например, глиняные очаги квадратной формы с украшениями, подобные болгарским (например, Севтополис), бухарестским или поянским (южная Молдова).

Одна из самых важных задач, связанных с генезисом румынского народа, заключается в необходимости проследить последовательное развитие дакийского населения под владычеством римлян. Здесь есть много пробелов. Внимание буржуазной археологии было направлено почти исключительно на города и военные лагери, исследования которых очень мало говорят о жизни коренного населения. Необходимо приступить к изучению сельских поселений, так как обитавшие в них даки могли скорее других сохранить древние местные элементы быта. Мы считаем также необходимым исследовать возможно большее число сельских кладбищ. Первые шаги в этом направлении были предприняты в 1954 г. и выразились в раскопках дако-римского некрополя близ Кашолц, неподалеку от города Сибиу. Это кладбище насчитывает 218 могильных курганов. Прежними раскопками было вскрыто 162 кургана, раскопками 1954 г.— 19 могил. Обряд погребения заключался в трупосожжении. Было установлено, что оно производилось на месте. Пепел оставляли на земле, а поверх него насыпáли курган. Могильный инвентарь состоял из керамики, римских монет (большинство которых относится ко II в. н. э.), фибул, ожерелий и т. п. Кладбище было основано, по-видимому, до римского захвата, но большинство могил относится ко II в. н. э. Хотя могильный инвентарь и сохранил некоторые элементы местных традиций, все же римский провинциальный характер его очевиден. Однако один лишь обряд погребения недостаточен для того, чтобы с уверенностью отнести кашолцское кладбище к дакийскому населению.

5. В области археологии рабовладельческого общества исследуется вопрос о развитии городов, расположенных в Добрудже на западном берегу Черного моря, продолжаются раскопки в Истрии и поселении Тариверди. Само собой разумеется, что мы не сможем кратко изложить результаты обширных раскопок Истрии. Сделанные в 1954 г. археологические открытия бросают свет как на архаический и эллинистический периоды жизни этой важной, выведенной Милетом колонии, на условия ее развития, тес-

но связанного с коренным населением, так и на эпоху римского господства. Следует отметить несколько важных с исторической точки зрения результатов, дополняющих, а иногда даже изменяющих некоторые сделанные ранее выводы. Так, например, раскопки эллинистического горизонта истрийского пригорода (I в. до н. э. и I в. н. э.) показывают, что этот период был временем обеднения большинства населения Истрии. Часть города была покинута населявшими ее жителями, и на опустевшем месте еще во II в. н. э. появилось кладбище.

Следует также изменить кое-что в представлении о конечном этапе истрийской жизни. Общее, существовавшее до сих пор, мнение сводилось к тому, что последние века в истории этого города (V—VI вв. н. э.) представляют собой эпоху его значительного упадка. Однако неоднократные открытия в последнее время больших зданий указанного периода в истории Истрии и следов производившихся починок улиц и канализации говорят о том, что упадок этот был относительным и что, с методологической точки зрения, преждевременным было бы делать какие-либо выводы, не располагая более полной документацией. Напомним по этому поводу об открытии большого строения,— по всей вероятности, общественного здания,— относящегося к VI в. н. э., с большим одноапсидным залом, очевидно,— судейским. Наличие этого здания, наряду с другими открытиями, показывает, что Истрия имела еще в ту пору известное значение.

6. Самыми трудно разрешимыми для археологии в Румынской Народной Республике являются вопросы, относящиеся к феодальному обществу, т. е. к периоду IV—X вв. н. э. Имеются три объективные причины, затрудняющие работу археологов. Во-первых, буржуазная археология пренебрегала этой эпохой, а немногие найденные в могилах или кладах драгоценные украшения становились предметом типологического, а не исторического изучения. Во-вторых, краткость и зачастую противоречивость литературных данных об этой эпохе не позволяют составить отчетливое представление о конкретной действительности указанного времени. Для византийских писателей данная территория являлась варварской, Готией или Гепидией. Эти общие обозначения говорят лишь о временных властителях областей, расположенных по левую сторону Дуная, но не о коренном населении. Такие сведения не могут служить сколько-нибудь серьезной базой для археологов.

Наконец, отсутствие специалистов по этой эпохе среди коллектива более опытных археологов является серьезным препятствием для подготовки молодых кадров, которым можно было бы поручить заняться разрешением настоящего вопроса. Подготовка кадров археологов, проводимая в нашей стране, и обучение румынской молодежи в вузах СССР в ближайшем будущем помогут решить эту задачу.

Новый дух патриотизма, вдохновляющий деятельность археологов Румынской Народной Республики, должен одержать и одержит победу над встречающимися на нашем пути трудностями. Большинство исследователей, независимо от главной, изучаемой ими, проблемы, занимается также вопросом о так называемых темных веках в истории нашей родины. Идущие своим чередом работы по накоплению соответствующих материалов, обсуждение стоящих на очереди гипотез, наконец, самая разработка вопросов не позволяют сомневаться в том, что они будут успешно разрешены.

Некоторые сделанные в 1954 г. открытия оправдывают подобный оптимизм. Так, например, на обширном древнем поселении близ Морешти, в долине Муреша было найдено несколько землянок, относящихся к V—VI вв. н. э., а на обнаруженном в прошлом году кладбище вскрыты 34

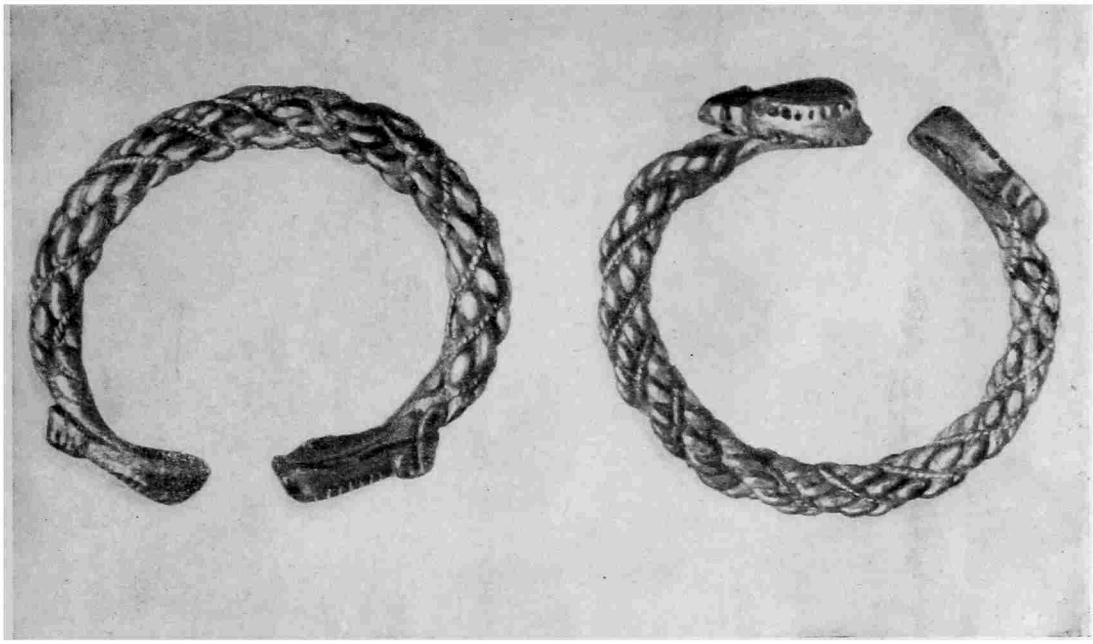

Рис. 1. Клад из Гарвэна, 1954 г. Серебряные браслеты.

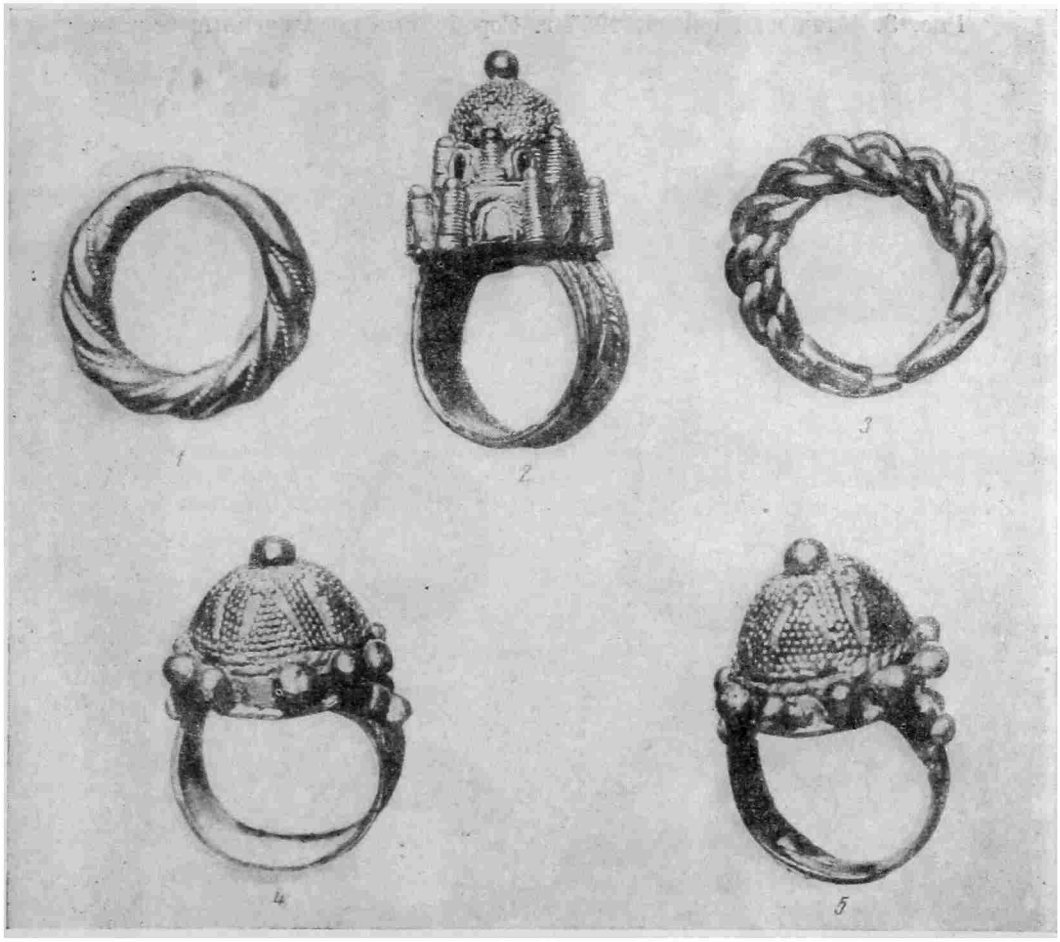

Рис. 2. Клад из Гарвэна, 1954 г. Золотые височные кольца (*1*, *3*) золотое кольцо (*2*), серебряные позолоченные кольца (*4*, *5*).

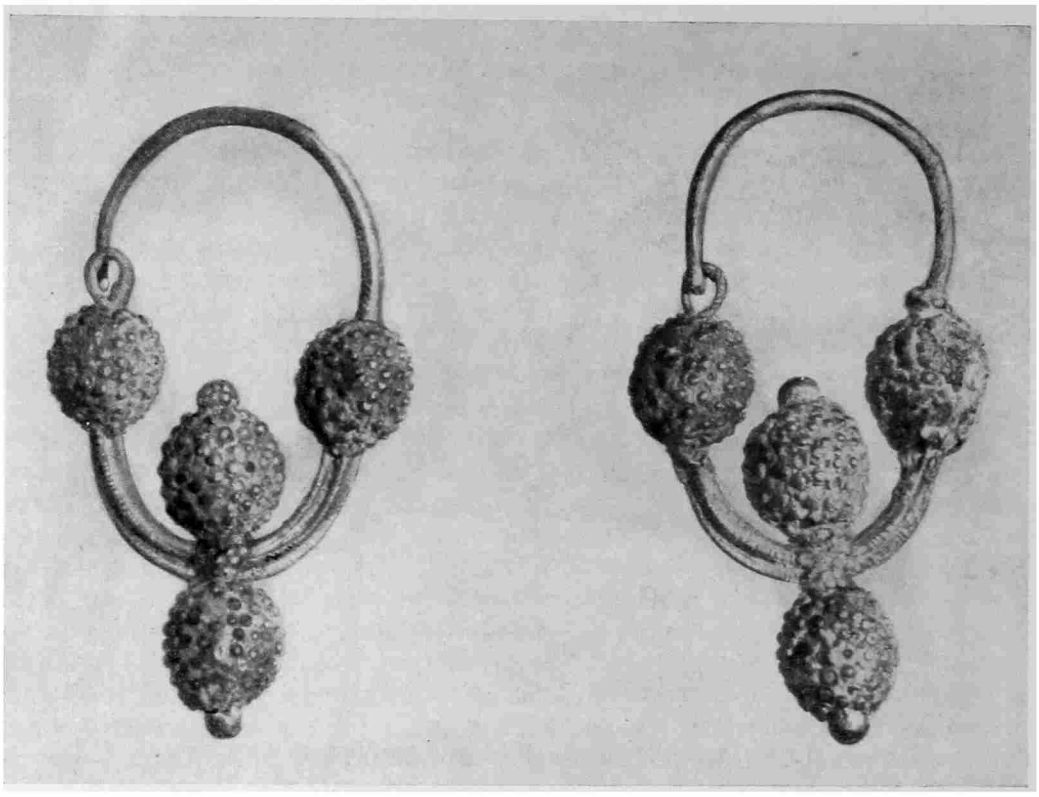

Рис. 3. Клад из Гарвэна, 1954 г. Серебряные позолоченные серьги.

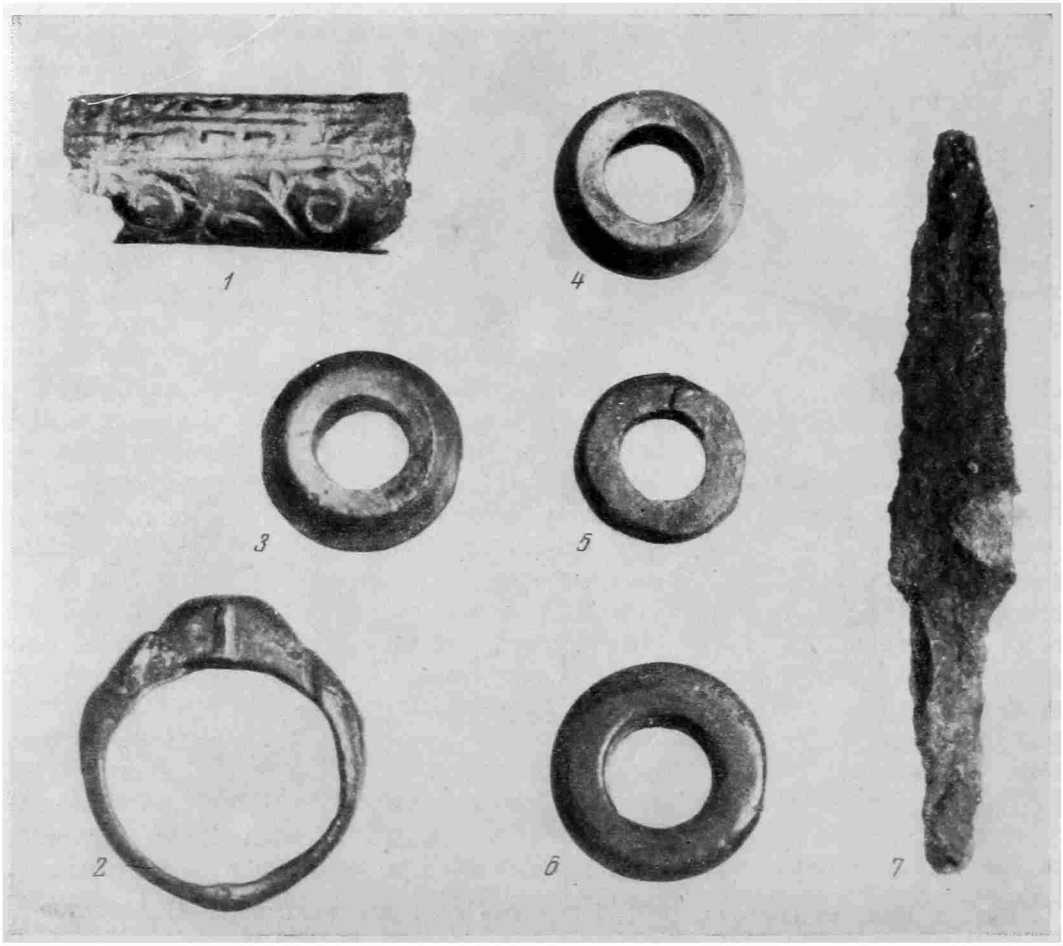

Рис. 4. Клад из Гарвэна, 1954 г. Серебряная трубка (*1*), бронзовое кольцо (*2*), шиферные пряслица (*3—6*), железный нож (*7*).

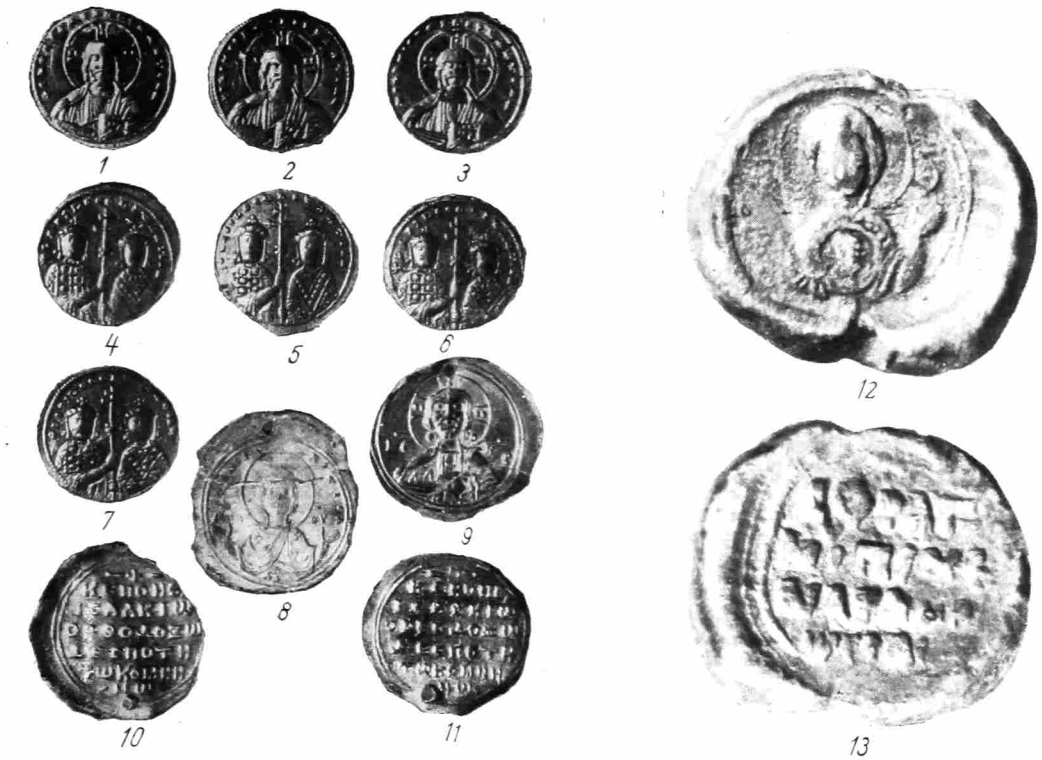

Рис. 5. Клад из Гарвэна, 1954 г.

1—7— золотые византийские монеты Василия II и Константина VIII; *8* — серебряная византийская монета Феодора (1055—1056 гг.); *9—11*—серебряные византийские монеты Исаака I Компена (1057—1059 гг.); *12*, *13* — лицевая и оборотная стороны свинцовой печати из Гарвэна.

могилы. В двух из них оказался богатый инвентарь. Составляющие его предметы, в особенности пальчатые фибулы, представляют аналогию предметам, найденным на территории СССР, главным образом в Среднем Поднепровье, что является важным археологическим показанием. Подобные же землянки и могилы обнаружены в Чипэу (той же области).

Следует упомянуть особо об открытии в Сарата-Монтеору нескольких могил с трупосожжениями, относящихся к VII в. н. э. Существование этого кладбища, единственного в своем роде в пределах нашей страны и состоящего из могил в виде простых ям, содержащих урны грубой техники, ставит перед нами ряд вопросов, например,— о распределении населения, об этнической преемственности и др.

На территории Молдовы велись упорные исследования с целью обнаружить археологические памятники феодальной эпохи. В этом отношении важно открытие у с. Хлинчи (близ г. Ясс) 2 полуземлянок, принадлежавших культуре, аналогичной роменской. Это подтверждает пребывание в Молдавии группы древних восточных славян.

Изучение памятников феодальной эпохи занимало большое место в археологических работах 1954 г. Это вполне понятно, если учесть, что буржуазная археология не уделила ни малейшего внимания этому вопросу. Были возобновлены раскопки в Морешти, Гарвэне, Сучаве, Хлинчи и Бухаресте и начаты работы по обнаружению находящегося в Пьятра Нямц княжеского дворца времен Стефана Великого.

В Морешти (у пункта Чиффалэу) вскрыта 31 могила на кладбище XII—XVII вв. В Гарвэне удалось добиться серьезных результатов по ознакомлению с жизнью в римско-византийский период (IV—VI вв. н.э.), а также в эпоху раннего феодализма; мы упомянем здесь лишь о некоторых, наиболее важных из них.

Ряд наблюдений и материалов показывает, что начало существования раннего феодального поселения может быть отнесено к эпохе, предшествующей X в.; укажем, например, на орнамент на черноглиняном сосуде в виде косых лощеных линий, образующих сетчатый узор, или на фрагмент сосуда из глины с примесью белого шамота.

В слое на горизонте, в сгоревшем доме, был найден клад (рис. 1—4), состоявший из 2 серебряных браслетов, золотого кольца со вставкой в форме купола, 2 серебряных колец, 2 золотых височных колец, серебряной трубочки, 4 пряслиц из красноватого сланца, железного ножа, 7 золотых и 4 серебряных монет (см. рис. 5). Золотые монеты относятся к эпохе Василия II и Константина VIII, серебряные — к 1055—1059 гг. Весьма вероятно, что клад был зарыт в царствование Константина X Дуки (1059—1067 гг.), вероятно,— в 1065 г., когда Добруджа подверглась жестокому набегу узов. Именно к этому времени следует отнести пожар, уничтоживший Гарвэнское поселение.

Ряд открытий, сделанных при археологических раскопках 1954 г., доказывает, что после разрушения, происшедшего в царствование Константина X Дуки, поселение было восстановлено и даже развивалось до известных пределов (XII в.), не достигнув, однако, прежнего расцвета. Следует упомянуть о ряде монет эпохи Комненов, со времени Мануила Комнена (1143—1186 гг.). Крайне важна для характеристики этого этапа свинцовая печать (см. рис. 5), несущая на лицевой стороне изображение богородицы с младенцем на руках, а на обороте — надпись с именем Михаила, возможно,— русского митрополита [1]. Это означает, что в

[1] Σφραγ(ὶς) Μιχ(αὴλ) π(ο)ιμε|νάρχου Ῥ|ωσίας.

первой половине XII в.в Гарвэнское поселение доходили письма,вероятно, от одного из представителей высшего духовенства Руси.

Работы, предпринятые в древней столице Молдавии — Сучаве, имели целью изучение крепости, княжеского дворца и города. В крепости обнаружен старинный оборонительный ров, которым пользовались в XIV в. Раскопки княжеского дворца позволили отграничить фазу стенной кладки времени Стефана Великого (XV в.) от восстановительных работ XVII в. (произведенных, вероятно, при Василии Лупу). Поблизости от дворца обнаружены развалины ремесленной мастерской, обслуживавшей с XV в. княжеский двор, а также жилища различных торговцев, восстановленные после сожжения турками города во второй половине XV в. (при Стефане Великом). Многочисленные погребальные надписи, инструменты, сосуды и т. п. дополняют картину средневековой городской жизни.

Благодаря раскопкам жизнь в эпоху феодального строя на территории нашей страны приобретает все более и более определенные очертания. Результаты наблюдений и различные данные, относящиеся к этой эпохе и представляющие значительный интерес, продолжают накапливаться, особенно для Молдавии. Количество обнаруженных археологических памятников, относящихся ко времени, начиная с XIV в. и даже XIII в. (например, в Хлинчи), растет изо дня в день.

В 1954 г. были также возобновлены раскопки в пределах Бухареста с целью исследования остатков материальной культуры, начиная с древнейших времен и кончая XVIII в. Впервые в самом центре города обнаружены следы раннего палеолита. Выявлены также следы бронзового века, латенской Дакии (II—I вв. до н. э.), IV—VI и XII—XIII вв. н. э. Наиболее важны все же открытия, относящиеся к XVI—XVII вв., когда в городе развилась обширная строительная деятельность, прерывавшаяся во время нашествия турок, но возобновлявшаяся с новой энергией после произведенных ими опустошений.

Таким образом, наша археология вносит все более и более значительный вклад в познание конкретных условий развития румынской истории, в ознакомление с жизнью производителей материальных благ, с борьбой народа против феодальной эксплуатации и турецкого ига.

В заключение можно сказать, хотя работа археологов в Румынской Народной Республике не лишена некоторых недочетов, но все же они добились в 1954 г. положительных результатов в исследовании развития общественной жизни на нашей родине. Накопление материальных фактов позволит нам в ближайшем будущем подняться на более высокую ступень — ступень обобщающих работ. В этом направлении уже начата подготовка по составлению монографий на тему «Первобытная община на территории Румынской Народной Республики (Извоареле, Истрия, Монтеору, Морешти, Гарвэн)». В план исследований Отделения исторических наук Академии наук Румынской Народной Республики входит разрешение вопроса о сложении румынского народа. Почти готова к печати работа по своду данных из греческих и латинских авторов, касающихся древней истории нашей страны. Кроме того, будет составлен свод различных надписей.

Благоприятные условия, созданные партией и правительством для развития науки в нашей стране, непрерывная связь с передовой советской наукой и археологией народно-демократических стран, глубокий интерес наших археологов к прошлому народа и преданность их делу трудящихся — открывают перед наукой, служению которой они отдают все свои силы, самые широкие перспективы. Но мы знаем, что развитие науки может быть обеспечено лишь в условиях прочного мира.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. А. ВИНБЕРГ и Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 1954 ГОД

I. ОБЩИЙ ОТДЕЛ

1. Общие вопросы

1. Акритас П. Г. К вопросу о новой периодизации истории первобытного общества.— УЗКабНИИ, т. 9, 1954, стр. 184—205; 1 л. схем.
2. Арциховский А. В. Основы археологии. [Учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов]. М., Госполитиздат, 1954. 280 стр. с илл. Библиогр.: стр. 259—275.
   Рец.: 1. Киселев С. В.— ВДИ, 1955, № 1, стр. 68—71; 2. Москаленко А. Н.— ВИ, 1955, № 3, стр. 155—159.
3. Борисковский П. И. Вопросы периодизации палеолита.— СА, XXI, 1954, стр. 30—37.
4. Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник. (Заметки к постановке вопроса).— СА, XIX, 1954, стр. 41—76.
5. Гремяцкий М. А. и Рогинский Я. Я. Проблема происхождения человека по данным антропологии.— Материалы ко второму съезду Географического общества СССР. М., 1954, стр. 211—212.
6. Лазуков Г. И. Основные этапы развития флоры, фауны и человека в четвертичном периоде. Под ред. В. П. Гричука. М., 1954. 44 стр. с илл. и карт. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Геогр. фак. Материалы по палеогеографии четвертичного периода. Под ред. К. К. Маркова).
7. Нестурх М. Ф. Ископаемые гигантские антропоиды Азии и ортогенетическая гипотеза антропогенеза Вейденрейха.— УЗМГУ, вып. 166, 1954, стр. 29—46 с 7 илл. Библиогр.: стр. 46.
8. Окладников А. П. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований.— СА, XXI, 1954, стр. 5—29 с 8 илл.
9. Окладников А. П. Против вульгаризации в вопросе о происхождении и сущности первобытного искусства. (О диссертации И. Б. Астахова «Происхождение и развитие искусства в свете марксистско-ленинской эстетики»).— ВФ, 1954, № 2, стр. 232—243.
10. Рогинский Я. Я. К вопросу о переходе от неандертальца к человеку современного типа. (Ответ нашему критику).— СЭ, 1954, № 1, стр. 143—149.
    Критика положений А. Я. Брюсова, высказанных им в рецензиях на сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951 (ВДИ, 1953, № 2, стр. 111—117) и на учебник «История древнего мира». Под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. М., 1952 (ВДИ, 1953, № 2, стр. 81—83).
11. Цалкин В. И. Основные задачи изучения костей животных из раскопок памятников материальной культуры.— БМОИП, т. 59. Отд. биол., вып 3, 1954, стр. 17—26. Библиогр.: 30 назв.
12. Цалкин В. И. Основные задачи изучения остеологического материала из археологических раскопок.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 57—58.
13. Якимов В. П. Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов.— СЭ, 1954, № 3, стр. 57—62 с 1 карт.

2. Организация и история археологической науки в СССР

14. Археолого-этнографическая сессия [23—26 апреля 1954 г. Москва].— ВИ, 1954, № 8, стр. 163—167. Подпись: В. А.

15. Гросул Я. С. Вступительное слово [на расширенном заседании ученых советов ИИМК АН СССР и Ин-та ист. языка и литературы Молдав. филиала АН СССР, посвященном истории материальной культуры на территории Молдавии].— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 5—7.
16. Итоги и задачи археологического изучения Украины. [Передовая].— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 3—7.
17. Каталог-справочник Отдела первобытной культуры и искусства. Каунас, 1954. 51 стр. с илл. (Каунасский гос. худож. музей им. М. К. Чурлениса). В вып. дан сост.: Р. Яблонските. На литов. яз.
18. Крачковская В. А. Арабская эпиграфика в России 50 — 60-х годов XIX в. — ЭВ, 9, 1954, стр. 40—54.
19. О научных результатах археолого-этнографической сессии Отделения исторических наук АН СССР. (Постановление Президиума Академии наук СССР от 7 мая 1951 г.).— СЭ, 1954, № 2, стр. 132—134.
    Сессия 23—29 апр. 1954 г., посвященная итогам экспедиционных работ Института этнографии и ИИМК в 1953 г.
20. О научных результатах археолого-энтографической сессии.— ВАН СССР, 1954, № 7, стр. 62—63.
21. Обсуждение книги А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху». М., 1952.— СА, XIX, 1954, стр. 311—317.
    Заседание Ученого совета ИИМК 4 дек. 1952 г.
22. Першиц А. Обсуждение книги М. О. Косвена «Очерки истории первобытной культуры».— СЭ, 1954, № 2, стр. 181—183.
    Заседание Ученого совета Отд-ния археологии и этнографии Ист. фак. Моск. гос. ун-та 12 марта 1954 г.
23. Попова Т. Б. и Раушенбах В. М. Археологические материалы в краеведческих музеях. М., Гос. изд. культ.-просвет лит., 1954. 124 стр. с илл., 3 л. карт. (Мин-во культуры РСФСР. Научно-исслед. ин-т краевед. и музейной работы). Библиогр.: стр. 72—73.
24. Программа «Археология древней Руси». [М.], 1954. 7 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак.). В конце текста авт.: Б. А. Рыбаков.
25. Программа курса «Бронзовый век». Утв. 9/VI 1953 г. [М., 1954]. 8 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак.). В вып. дан авт.: С. В. Киселев.
26. Программа курса «Основы археологии» (Для ист. фак. гос. ун-тов). М., Изд-во Моск. ун-та, 1954, 11 стр. (Мин-во высш. образования СССР). В вып. дан автор: А. В. Арциховский.
27. Программа по истории первобытного общества. [Тбилиси, Изд-во ТГУ, 1954]. 18 стр. (Мин-во высш. образования СССР. Тбилис. гос. ун-т им. И. В. Сталина). Без тит. л. и обл. На груз. яз.
28. Расширенное заседание ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященных истории материальной культуры на территории Молдавии [20—23 мая 1953 г. Кишинев]. Информация.— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 3—4.
29. Резолюция расширенных заседаний ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР 20—23 мая 1953 г., посвященных истории материальной культуры на территории Молдавии [Кишинев].— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 136—138.
30. Сессия Отделения истории и философии АН СССР и пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам археологических и этнографических экспедиций за 1952 год. [Москва, 26—28 марта 1953 г.]. Информация.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 3—10.
31. Сессия, посвященная итогам археологических и энтнографических исследований 1953 г. [Сессия Отд-ния ист. наук Акад. наук СССР. Апр. 1954 г.].— СЭ, 1954, № 3, стр. 83—94.
32. Смирнов А. П. Заключительное слово [на расширенном заседании ученых советов ИИМК АН СССР и Ин-та ист., языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященном истории материальной культуры на территории Молдавии].— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 133—135.
    Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954. 60 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

См. № 12, 96, 100, 122, 191, 271, 319, 352, 443, 479, 482, 490, 493, 554.

33. Удальцов А. Д. и Крупнов Е. И. Деятельность Института истории материальной культуры Академии наук СССР.— ВИ, 1954, № 10, стр. 168—172.
34. Узунова Н. и Фехнер М. Государственный исторический музей [Путеводитель]. М., «Моск. рабочий», 1954. 180 стр. с илл. (По музеям и выставкам Москвы и Подмосковья).
35. Федоров Г. Б. Полевые исследования археологов и этнографов. (Некоторые итоги работ 1953 года).— ВАН СССР, 1954, № 7, стр. 30—37.
36. Шовкопляс І. Г. Експедиційні дослідження Інституту археології АН. УРСР—ВАН УРСР, 1954, № 6, стр. 34—41.
Экспедиции 1952—1953 гг.
37. Шовкопляс І. Г. Наукова конференція Інституту археології Академії наук УРСР.— ВАН УРСР, 1954, № 3, стр. 58—61.
VII конференция Ин-та 2—5 февраля 1954 г., посвящ. 300-летию воссоединения Украины с Россией. Доклады об итогах и задачах археологического изучения УССР.

Археологические серийные издания

Археологические раскопки в Армении. № 4. Ереван, Акад. наук Арм. ССР, 1954. См. № 408.

«Археологія». Т. 9. [Сборник статей. Ред. коллегия П. П. Ефименко и др.], Київ, 1954 (Акад. наук УРСР. Ін-т археології).
См. № 115, 116, 132, 148, 158, 166, 174, 179, 189, 232, 251, 280, 287, 317, 353.

Вестник Государственного музея Грузии. Т. XVIII-Б. Тбилиси, 1954.
См. № 57, 402, 422, 437, 442, 458.

Краткие сообщения Института археологии. Вып. 3. Киев, 1954. (Акад. наук Укр. ССР. Ин-т археологии).
См. № 16, 46, 108, 123, 154, 157, 172, 173, 176, 182, 209, 231, 234, 235, 255, 281, 286, 347, 369.

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 53—56. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
Вып. 53. См. № 64, 65, 69, 82, 137, 218, 227, 238, 240, 244, 246, 247, 254, 258, 266, 304, 375, 418, 516.
Вып. 54, См. № 101, 112, 134, 144, 145, 156, 181, 263, 267, 292, 297, 346, 376, 385, 410, 419, 431, 542, 562, 566.
Вып. 55. См. № 30, 39, 79, 88, 94, 95, 99, 250, 260, 288, 339, 374, 382, 407, 518, 533, 544.
Вып. 56. См. № 15, 28, 29, 32, 106, 125, 140, 143, 161, 162, 167, 262, 282, 351, 356.

Матеріали і дослідження по археології УРСР. [Сборник статей]. Київ, 1954. (Львівський філіал АН УРСР. Ін-т суспільних наук. Наукові записки, т. 2). На укр. яз.
См. № 118, 141, 142, 153, 349.

Материалы и исследования по археологии СССР. № 33, 36, 41, 42. М., 1954, (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
№ 33. См. 185, 192, 194, 196, 199, 203, 206, 212.
№ 36. См. № 150.
№ 41. См. № 283.
№ 42. См. № 98, 217, 219, 220, 222, 228, 229, 268, 305, 306, 355, 362, 363, 377.

Материалы по истории, археологии, этнографии и филологии Таджикистана и Средней Азии. Сталинабад, 1954. (Известия Отделения общественных наук Акад. наук Тадж. ССР. Вып. 5).
См. № 474, 530, 538.

Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова. Вып. 7, М., 1954. (Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры).
См. № 187.

Советская археология. [Сборник статей]. XIX—XXI, М., 1954. (Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры).
19. [Отв. ред. Б. А. Рыбаков]. См. № 4, 21, 50, 51, 81, 146, 186, 200, 230 243, 256, 264, 373, 414, 488, 502, 568, 638, 662, 666, 674.
20. [Отв. ред. Б. А. Рыбаков]. См. № 70, 130, 178, 214, 224, 233, 318, 348, 386, 404, 449, 476, 514, 564, 644, 647, 652, 673.
21. [Отв. ред. А. Я. Брюсов]. См. № 3, 8, 78, 80, 89, 131, 138, 197, 204, 211, 223, 249, 265, 358, 406, 460, 572, 581, 586, 653.

Сообщения Государственного Эрмитажа. VI. Л., «Искусство», 1954.
См. № 49, 184, 210, 295, 299, 413, 485, 576, 583, 584.

Труды Государственного исторического музея. Памятники культуры. Вып. 7, 12—14, М., 1954.
См. № 215, 350, 370, 371.
Труды Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 5. М., 1954.
См. № 221, 289, 321, 324, 344.
Труды Музея истории Узбекской ССР. Вып. 2, Ташкент, 1954. (Акад. наук Узбек. ССР. Музей истории Узбек. ССР).
См. № 497, 508, 511, 526.
Эпиграфика Востока. Сборник статей под ред. В. А. Крачковской. IX. М.— Л., 1954. (Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории материальной культуры).
См. № 18, 415, 524, 541, 555, 585, 588.

Personalia

Бонч-Осмоловский Г. А.
Бунак В. В. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890—1943). См. № 109.
Варганов А. Д.
38. Сидоров Ф. Исследователь древнего Суздаля.— В кн.: Владимир. Лит.-худ. сборник, кн. 3. Владимир, 1954, стр. 147—156.
О работах Алексея Дмитриевича Варганова — музейного работника, археолога и реставратора.
Дьяконов М. М.
39. Беленицкий А. М. Памяти Михаила Михайловича Дьяконова. [1907—1954. Некролог].— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 155—162, с портр. «Список печатных трудов М. М. Дьяконова», 63 назв.
40. Михаил Михайлович Дьяконов. [1907—1954. Некролог].— ВДИ, 1954, № 3, стр. 189—190, с портр.
41. Толстов С. П. Михаил Михайлович Дьяконов. [Некролог].— СЭ, 1954, № 3, стр. 122—124, с портр. «Основные печатные работы М. М. Дьяконова», 26 назв.
Жебелев С. А.
42. Шкляев Н. П. Академик С. А. Жебелев как эпиграфист в трудах по истории Северного Причерноморья античной эпохи. —УЗКазУ, т. 114, кн. 5, 1954, стр. 217—239, с портр.
Куфтин Б. А.
43. Дебец Г. Ф. Памяти Б. А. Куфтина. [1892—1953. Некролог.].— СЭ, 1954, №, 1, стр. 166—168, с портр. Библиогр.: «Список основных трудов Б. А. Куфтина», 15 назв.
44. Массон М. Е. Б. А. Куфтин. [1892—1953. Некролог].— ПАНТуркмССР, 1954, № 1, стр. 91—92.
45. Памяти Бориса Алексеевича Куфтина. [1892—1953. Некролог].— ВДИ, 1954, № 2, стр. 178—180. «Список основных печатных работ Б. А. Куфтина», стр. 180.
Левицкий И. Ф.
46. Рудинский М. Иван Федорович Левицкий. [1896—1952. Некролог.]— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 106—108, с портр. «Список научн. работ И. Ф. Левицкого», стр. 108.
Никольский В. К.
47. Шаревская Б. Владимир Капитонович Никольский. [1894—1953. Некролог].— СЭ, 1954, № 1, стр. 169—170 с портр. «Список основных печатных работ В. К. Никольского», стр. 171.
Хвойко В. В.
48. Брайчевський М. Ю. Видатний український археолог. (До 40-річчя з дня смерті В. В. Хвойки).— ВАН УРСР, 1954, № 11, стр. 59—61.
Якубовский А. Ю.
49. Балашова Г. Н. и Банк А. В. А. Ю. Якубовский. [1886—1953].— СГЭ, 6, 1954, стр. 44—45, с портр.
50. Памяти А. Ю. Якубовского [1886—1953].— СА, XIX, 1954, стр. 293—307, с портр.

Библиография

51. Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1951 г. [Библиографический указатель].—СА, XIX, 1954, стр. 351—390.
52. Дьяконов М. М. и Литвинский Б. А. Литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1953 г.— ДАНТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 81—84.

53. Перечень научных работ и публикаций Михаила Евгеньевича Массона. К 35-летию научно-исследовательской деятельности. Ташкент, 1954. 33 стр. (Среднеазиатский гос. ун-т. Ист. фак.).
54. Шоков А. Ф. Библиография по древней истории Подонья. (Учебно-методическое пособие для учителей истории). Воронеж, 1954. 43 стр. (Воронежский обл. отдел народного образования. Обл. ин-т усовершенствования учителей). В конце предисл. сост.: А. Ф. Шоков.

Рец.: Михайлова А. М. В статье «Историко-краеведческие материалы в библиографических пособиях областных библиотек» — «Сов. библиография», вып. 38, 1955, стр. 76.

3. Археологическая технология. Методика изучения археологических памятников

55. Абасадзе Ц. К изучению коррозии самтаврских бронзовых предметов.— II научная сессия Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 15—16 апр. 1954 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1954. (Акад. наук Груз. ССР), стр. 11—12 и стр. 30. Текст парал. на груз. и рус. яз.

XIII—VI вв. до н. э.
56. Августиник А. П. К истории развития формования керамических изделий методом вращения.— ТЛенТИ, т. 29, 1954, стр. 3—24 с 18 илл.

С широким привлечением данных археологии.
57. Бахтадзе Р. А. Изучение химического состава стеклянных изделий, найденных в Самтаврском могильнике.— ВГМГ, XVIII-Б, 1954, стр. 269—280. На груз. яз. Резюме на рус. яз. Библиогр.: 17 назв.

I—VIII вв. Грузинская ССР.
58. Бахтадзе Р. А. Химическое изучение стекла, найденного, в Самтаврском могильнике.— II научная сессия Государственного музея Грузии им. акад. С. Н Джанашиа, 15—16 апр. 1954 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1954, (Акад. наук Груз.ССР), стр. 12—13 и 31—32. Текст парал. на груз. и рус. яз.

I—VIII вв.
59. Безбородов М. А. Химический состав и технологические приемы производства стекла в древней Руси.— ДАН СССР, т. 97, вып. 6, 1954, стр. 1041—1044. Библиогр.: 15 назв.
60. Безбородов М. А. и Фехнер М. В. Химическое исследование русских стекол XI—XIII вв.— ДАН СССР, т. 95, вып. 5, 1954, стр. 1037—1040. Библиогр.: 15 назв.
61. Винниченко П. Т. О железном бруске из городища Ер-Курган.— ТСАГУ вып. 52. Геол. науки, кн. 5, 1954, стр. 93—96 с 1 илл. Библиогр.: 5 назв.

Химический анализ бруска V в. Каршинская обл. Узбекской ССР.
62. Кашкай М. А. и Селимханов И. Р. О химической характеристике некоторых бронзовых предметов из кувшинных погребений древнего Мингечаура. — ИАНАзССР, 1954, № 11, стр. 21—38 с 3 илл. Резюме на азербайдж. яз.

II в. до н. э.— III в. н. э. Азербайджанская ССР.
63. Каштанов Л. П. Химический состав древних цветных сплавов на территории СССР.— Труды Моск. инж.-экон. ин-та им. С. Орджоникидзе. Химия и химическое производство, вып. 1, М., 1954, стр. 101—134. Библиогр.: стр. 134.

По археологическим материалам различных эпох: от эпохи бронзы до средневековья.
64. Кирьянов А. В. Обработка берестяных грамот. (Опыт работы полевой лаборатории Новгородской археологической экспедиции).— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 127—130 с 1 илл.
65. Кислов М. П. Способ прорисовки берестяных грамот и деревянных резных вещей.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 131—133.
66. Костров П. П. Техника живописи и консервация росписей древнего Пянджикента.— В сб.: Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, стр. 159—197, табл. XL—XLI.

VI—VIII вв. Таджикская ССР.
67. Пирпилашвили П. М. К вопросу об изучении заболеваний костной системы на археологических материалах Самтаврийского могильника.— САНГруз. ССР, т. 15, № 8, 1954, стр. 551—560 с 6 илл. Библиогр.: 9 назв.

При помощи методов рентгенологии.
68. Сакварелидзе Т. П. Бронзы древней Грузии. (Литье и обработка). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата техн. наук. Тбилиси, 1954. 19 стр. с илл. (Мин-во высш. образования СССР. Груз. ордена Труд. Красного Знамени политехн. ин-т им. С. М. Кирова).
69. Сорокин С. С. О некоторых приемах нивелирования при археологических раскопках.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 121—126 с 7 илл.

70. Тавадзе Ф. Н. и Баркая В. Ф. Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии.— СА, XX, 1954, стр. 357—381 с 35 илл.
71. Тавадзе Ф. Н., Месхия Ш. А. и Баркая В. Ф. Обработка листового металла на станках в древней Грузии. Ред. Г. К. Гедеванишвили. Тбилиси, «Техника да шрома», 1954. 42 стр.; 10 л. илл. На переплете авторы не указаны. На переплете загл.: «Обработка металла в древней Грузии».— На груз. яз.
72. Тавадзе Ф. Н. и Сакварелидзе Т. Н. Технология изготовления медных и бронзовых изделий, обнаруженных в Грузии археологическими раскопками.— II научная сессия Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 15—16 апр. 1954 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1954 (Акад. наук Груз. ССР), стр. 13—16 и стр. 27—29. Текст парал. на груз. и рус. яз.
По памятникам III—I тысячелетия до н. э.
73. Туманян С. А. Древесные остатки из раскопок древнего Хорезма.— ИАН АрмССР, Биол. и с.-х. науки, т. 7, № 9, 1954, стр. 89—93. Резюме на арм. яз. Библиогр.: 9 назв.
III в. н. э. Обнаружены на городище Топрак-кала.
74. Туровский С. Д. О минералогическом составе остатков древних захоронений в Таласской области Северной Киргизии.— ТИГКирФАНСССР, вып. 5, 1954, стр. 87—89.
I—III вв. н. э.
75. Целиков А. И. Некоторые вопросы методики реставрации памятников архитектуры Новгорода и Пскова. (На примере обобщения практики Новгородской и Псковской реставрационных мастерских). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. М., 1954. 16 стр. (Акад. архитектуры СССР. Научно-исслед. ин-т истории и теории архитектуры).
76. Штобе Г. Применение методов почвенных исследований в археологии.— ИАНЛатвССР, 1954, № 6, стр. 21—34. На латыш. яз. Резюме на рус. яз. Библиогр.: 11 назв.

II. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ СССР

1. Общие работы

77. Археологическое изучение территории Украины и его значение для исторической науки [Передовая].— ВДИ, 1954, № 2, стр. 3—8.
78. Бадер О. Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере. — СА, XXI, 1954, стр. 241—258 с 9 илл.
Памятник, бытовавший от эпохи позднего неолита до II тысячелетия н. э. Пермская обл.
79. Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 117—128 с 3 илл. и 1 карт
Работы 1952 г. Памятники от эпохи палеолита до XVIII в.
80. Геннинг В. Ф. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере.— СА, XXI, 1954, стр. 259—280 с 14 илл.; 1 разв. л. илл.
Разновременные изображения, начиная от эпохи неолита. Пермская обл.
81. Ефименко П. П. и Шовкопляс И. Г. Археологические открытия на Украине за последние годы.— СА, XIX, 1954, стр. 5—40 с 25 илл.
Памятники от эпохи палеолита до XIII в.
82. Иессен А. А. Раскопки курганов на Дону в 1951 году.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 61—79 с 7 илл.
Курганы разных эпох: от III тысячелетия до н. э. до средневековья. Ростовская обл.
83. История Белорусской ССР. [В 2 томах]. Под ред. В. Н. Перцева [и др.]. Т. I. Минск, 1954. 503 стр. с илл. и карт. (Акад. наук БССР. Ин-т истории).
Стр. 9—18: Гл. I.«Первобытно-общинный строй. Восточнославянские племена. Зарождение феодальных отношений». Широко использованы данные археологии.
Рец.: 1. Баранович А. И., Иванов Л. М., Шекун О. А., Лещенко Н. Н. и Мышко Д. И. Ценный труд по истории белорусского народа.— ВИ, 1955, № 2, стр. 116—123; 2. Дружинин Н. М., Иванов А. В., Королюк В. Д. и Мальцев А. В.— «Правда», 1954, 4 окт.; 3. Ильюшин И., Савочкин П. и Короткевич А.— «Коммунист Белоруссии», 1954, № 11, стр. 53—64; 4. Лебедев В. Коллективный труд белорусских историков.— «Славяне», 1954, № 12, стр. 47—49; 5. Лещенко Н. и Мышко Д. История братского белорусского народа.—«Коммунист Украины», 1955, № 1, стр. 64—69; 6. Малков А. В.— ПИШ, 1955, № 3, стр. 103—109; 7. Рыбаков Б., Устюгов Н., Дмитриев С. и Каменская Н. Ценный труд по истории Белоруссии.—«Коммунист», 1954, № 16, стр. 114—121.

84 История Молдавии. Т. I. (От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Под ред. А. Д. Удальцова (отв. ред.) и Л. В. Черепнина. Кишинев, «Шкоала советикэ», 1954. 700 стр. с илл. и карт ; 2 л. портр.; 1 отд. л. карт. (Молдав. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории языка и лит-ры). На тит. л. и переплете загл.: «История Молдавской ССР». На молдав. яз.

Стр. 9—65.: Гл. 1. «Первобытно-общинный строй на территории Молдавии», гл. 2. «Разложение первобытно-общинного строя. Борьба племенных союзов с рабовладельческими государствами» и гл. 3. «Образование Киевского государства и включение его в состав Карпато-днестровских земель». Авт.: М. А. Тиханова.

С широким привлечением данных археологии.

85. Калинин Н. Ф. и Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, Таткнигоиздат, 1954. 128 стр. с 38 илл. и 2 карт.; 2 л. карт. (Акад. наук СССР. Труды Казан. филиала. Серия ист. наук). На обл. авторы не указаны.

Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

86. Лашук Л. П. Этническая история Печорского края. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Сыктывкар, 1954. 16 стр. (Академия наук СССР. Коми филиал).

Привлечены данные археологии от эпохи неолита до средневековья.

87. Марк К. Ю. Новые данные по палеантропологии Эстонской ССР.— ТИЭ, т. 23, 1954, стр. 126—137.

По материалам из могильников эпохи неолита, бронзы и раннего железа.

88. Моора Х. А. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 52—63 с 6 илл. и 1 карт.

Памятники эпохи неолита, эпохи бронзы, I тысячелетия до н. э., I тысячелетия н. э.

89. Моора Х. А. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных.— СА, XXI, 1954, стр. 95—118 с 6 илл. и 10 карт.

90. Оборин В. и Трефилов А. Отчет о работе археологического отряда Комплексной экспедиции Удмуртского научно-исследовательского института и Удмуртского республиканского музея.— ЗУдмНИИЯЛФ, вып. 16, 1954, стр. 195—212.

Обследование памятников III—V и XIII—XIV вв. по течению р. Камы в пределах Удмуртской АССР и Пермской обл. в 1951 г.

91. Рикман Э. А. Разведывательные раскопки в селе Лапушна в 1953 г.— ИМолдавФАН СССР, 1954, № 6, стр. 91—99 с 7 илл. Резюме на молдав. яз.

Памятники I тысячелетия до н. э., начала I тысячелетия н. э. и XIV—XV вв. Молдавская ССР.

92. Саадре О. В. Археологические полевые исследования на территории Эстонской ССР в 1953 году.— ИАНЭстонССР, т. 3, № 3, 1954, стр. 367—380 с 12 илл. На эстон. яз. Резюме на рус. яз.

Памятники от эпохи неолита до средневековья.

93. Сидоров А. С. Археологические памятники Коми АССР.— НКомиФВГО, вып. 2, 1954, стр. 69—82 с 8 илл. Библиогр.: 25 назв.

Памятники эпохи неолита, VIII—IX вв. и X—XV вв.

94. Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 77—94 с 12 илл.

Памятники эпохи бронзы, VI в. до н. э.— II в. н. э. и XI—XII вв. по раскопкам 1952 г.

95. Смирнов А. П. Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 17—30.

Памятники от эпохи палеолита до XIV в. по раскопкам в зонах строительства Куйбышевской, Сталинградской и Каховской ГЭС.

96. Смирнов А. П. Работы Куйбышевской экспедиции.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г., М., 1954, стр. 36—38.

Памятники эпохи неолита, бронзы и I—II тысячелетия н. э.

97. Смирнов А. П. и Мерперт Н. Я. Археологические исследования Куйбышевской экспедиции в 1953 году.— ВАН СССР, 1954, № 4, стр. 59—68 с 4 илл.

Памятники эпохи неолита, бронзы, раннего железа, I—II тысячелетия н. э.

98. Смирнов А. П. и Мерперт Н. Я. Введение. [О работах Куйбышевской археол. экспедиции].— МИА, № 42, 1954, стр. 5—20 с 2 карт.

Памятники от эпохи палеолита до XV в.

99. Смирнов К. Ф. Работа Первого нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 64—76 с 7 илл.

Памятники эпохи бронзы, VI—I вв. до н. э., I—V вв. и XII—XIV вв. н. э. Раскопки 1952 г.

Труды Куйбышевской археологической экспедиции. [Сборник статей]. Отв. ред. А. П. Смирнов, Т. I, М., 1954. 508 стр. с илл. и карт.; 2 л. илл. (Академия наук СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 42).

См. № 98, 217, 219, 220, 222, 228, 229, 268, 305, 306, 355, 362, 363, 377.

100. Федоров Г. Б. Работы Молдавской экспедиции.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 50—52.

Памятники трипольской культуры, I тысячелетия до н. э. и I—II тысячелетия н. э.

101. Чернов Г. А. Новые археологические находки в Большеземельской тундре.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 76—82 с 3 илл. и 1 карт.

Памятники конца II тысячелетия до н. э., конца I тысячелетия — первых веков нашей эры, I тысячелетия н. э.

102. Четкарев К. А. Значение топонимики для древней истории мари.— УЗМарНИЛИ, вып. 6, 1954, стр. 115—160.

С привлечением данных археологии.

103. Щепинский А. А. Археологические разведки в долине реки Салгира. (Краткий отчет по материалам археологической разведки 1953 г.).— ИКрымОГО, вып. 3, 1954, стр. 81—96 с 3 илл.; 1 карт. Библиогр: 11 назв.

Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.

2. Палеолит и неолит

104. Алексеев В. Находка костных остатков ребенка мустьерского времени в пещере Староселье близ Бахчисарая.— СЭ, 1954, № 1, стр. 158—160.

105. Бадер О. Н. и Тихонов Б. Г. Кама-Жулановская мезолитическая стоянка.— УЗ МГУ, вып. 166, 1954, стр. 93—110 с 9 илл. Библиогр.: 13 назв.

Пермская обл.

Берс. Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. См. № 216.

106. Бибиков С. Н. Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 году.— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 104—110 с 4 илл.

Памятники трипольской культуры. Молдавская ССР.

107. Бобин В. В. Морфологические особенности скелета ребенка мустьерского времени, найденного в Староселье под Бахчисараем, и значение этой находки.— ТКрымМИ, т. 16, 1954, стр. 85—90 с 3 илл.

108. Бодянский А. В. Древнейшее ямное погребение в Южном Приднепровье.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 95—98 с 4 илл.

Погребение эпохи неолита. Запорожская обл.

109. Бонч-Осмоловский Г. А. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Кииск-Коба. Ред. и доп. В. В. Бунака. М.— Л., 1954. 353 стр. с 46 илл. и 21 л. илл. (Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Палеолит Крыма. Вып. 3). Библиогр.: стр. 199—201. Дополнения: [1]. Бунак В. В. «Современное состояние проблемы эволюции стопы у предков человека» (стр. 357—387). Библиогр.: стр. 386—387 [2]. Бунак В. В. «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890—1943). Библиографические сведения и краткий очерк научной деятельности» (стр. 388—393). «Список печатных работ Г. А. Бонч-Осмоловского», 39 назв.

Бунак В. В. Современное состояние проблемы эволюции стопы у предков человека. См. № 109.

110. Бурчак-Абрамович Н. И. Материалы к изучению фауны палеолита СССР.— ТЕИМ, вып. 9, 1954, стр. 196—253 с 6 илл. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 17 назв.

111. Бурчак-Абрамович Н. И. Фауна верхнепалеолитической стоянки окр. сел. Довгинчи на Волынском Полесье.— ТЕИМ, вып. 9, 1954, стр. 254—309 с 1 илл. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 12 назв.

112. Гасюк Н. С. Разведки раннетрипольских поселений у с. Могильна.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 173—175 с 1 илл.

113. Герасимов М. М. Условия находки костей ребенка в пещере Староселье: извлечение, консервация и реставрация их.— СЭ, 1954, № 1, стр. 22—27.

Эпоха мустье. Крымская обл.

114. Громов В. И. Палеолитический человек на территории СССР.— В сб.: Методическое руководство по изучению и геологической съемке четвертичных отложений. Сост. С. А. Яковлев. М., 1954, стр. 274—285 с 1 карт.

115. Добровольский А. В. Могильник в с. Чаплин.—В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 106—118 с 10 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Могильник эпохи неолита. Днепропетровская обл.
116. Ефименко П. П. Палеолитические памятники УССР и современное состояние их изучения.—В сб.: «Археологія», т. 9, Київ, 1954, стр. 168—177. На укр яз.
По поводу книги П. И. Борисковского «Палеолит Украины». М.— Л., 1953.
117. Заключение по находке ископаемого человека в пещерной стоянке Староселье близ г. Бахчисарая комиссии в составе Я. Я. Рогинского (председатель), М. М. Герасимова и С. Н. Замятнина при участии руководителя работ А. А. Формозова.— СЭ, 1954, № 1, стр. 39—41.
118. [Кравец В. П.] Кравець В. П. Ранньотріпільське поселення в Городниці на Дністрі.— В сб.: Матеріали і дослідження по археології УРСР. Київ, 1954. (Львівський філіал АН УРСР. І-нт суспільних наук. Наукові записки, т. 2), стр. 49—66 с 5 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 66.
Станиславская обл.
119. Лазуков Г. И. Географическая среда эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата геогр. наук. М., 1954. 15 с. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
120. Лазуков Г. И. Геолого-геоморфологическая характеристика Костенковско-Боршевского района и природные условия времени обитания верхнепалеолитического человека.— Материалы по палеогеографии, вып. 1, 1954, стр. 89—142 с 22 илл. Библиогр.: стр. 147—148.
121. Лашук Л. П. Печерский край в древности.— ТКомиФАНСССР, № 2, 1954, стр. 161—170. Библиогр: 33 назв.
Памятники эпохи неолита и раннего металла.
122. Левин М. Г. Палеоантропологические находки 1953 г.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 24—25.
Палеолитическая стоянка Староселье в Крыму.
123. Макаревич М. Л. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 90—94 с 3 илл.
Одесская обл.
Окладников А. П. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований. См. № 8.
124. Осетрова З. П. Домашние животные трипольской культуры.— Известия Тимирязевской с.-х. акад., 1954, вып. 1, стр. 227—232. Библиогр.: 22 назв.
125. Пассек Т. С. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии.— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 76—97 с 14 илл.
Памятники трипольской культуры III—II тысячелетий до н. э.
126. Пидопличко И. Г. О ледниковом периоде. Вып. 3. История четвертичной фауны Европейской части СССР. Киев, 1954. 220 стр. с илл. и карт. (Акад. наук Укр. ССР. Ин-т зоологии). Библиогр.: стр. 202—218.
127. Раскатов Г. И. О находке древнепалеолитических орудий у с. Букивна на Днестре и о ее стратиграфическом значении.— Геол. сборник (Львовское геол. об-во), № 1, 1954, стр. 73—75 с 1 илл. Библиогр.: 8 назв.
128. Раушенбах В. М. Периодизация памятников Среднего Зауралья (эпохи неолита и бронзы). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 16 стр. (Ин-т истории материальной культуры АН СССР).
129. Рогинский Я. Я. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье. (Предварительный очерк).— СЭ, 1954, № 1, стр. 27—39 с 2 илл.; 2 л. илл.
130. Свешников И. К. Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни.— СА, XX, 1954, стр. 100—130 с 7 илл. и 1 карт.

Культура эпохи неолита

131. Семенов С. А. Древнейшие каменные серпы.— СА, XXI, 1954, стр. 355—367 с 5 илл.
По материалам трипольского поселения Лука-Врублевецкая.
132. Телегин Д. Я. Неолитическая стоянка в урочище Бондариха.— В сб.: «Археологія», т. 9, Київ, 1954. стр. 158—167 с 6 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Харьковская обл.
133. Телегин Д. Я. Неолітичні пам'ятки лісостепового Лівобережжя і Полісся України.— ВАН УРСР, 1954, № 8, стр. 61—67.

134. Формозов А. А. Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 году (Доклад на секторе неолита, бронзы и раннего железа 18 окт. 1952 г.).— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 62—70 с 3 илл.
135. Формозов А. А. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
136. Формозов А. А. Находка остатков ископаемого человека в Крыму.— «Природа», 1954, № 7, стр. 109—112 с 3 илл.
Палеолитическая стоянка Староселье.
137. Формозов А. А. Неолитическая керамика Нижнего Подонья.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 134—138 с 2 илл.
138. Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР.— СА, XXI, 1954, стр. 38—51.
139. Формозов А. А. Стоянка Староселье близ Бахчисарая — место находки ископаемого человека.— СЭ, 1954, № 1, стр. 11—22 с 9 илл.
140. Черныш А. П. Исследования палеолита на Днестре.— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 120—132 с 5 илл.
141. [Черныш А. П.] Черниш О. П. Карта палеоліту УРСР.— В сб.: Матеріали і дослідження по археології УРСР. Київ, 1954 (Львівський філіал АН УРСР. Ін-т суспільних наук. Наукові записки т. 2), стр. 67—143; 1 л. карт. Библиогр.: 130 назв.
142. [Черныш Е. К.] Черниш К. К. Житлові споруди ранньотрипільського поселення біля Ленківці. (За матеріалами розкопів 1950—1952 рр.).— В сб.: Матеріали і дослідження по археології УРСР. Київ, 1954. (Львівський філіал АН УРСР. Ін-т суспільних наук. Наукові записки, т. 2), стр. 34—48 с 3 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 47—48.
143. Черныш, Е. К. Раннетрипольские поселения Среднего Поднестровья.— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 111—119 с 1 карт.
144. Щепинский А. А. Новые сборы на палеолитических стоянках в окрестностях Симферополя.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 71—75 с 2 илл.
145. Янитс Л. Ю. Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 3—23 с 6 илл. и 3 карт.
146. Янитс Л. Ю. Новые данные по неолиту Прибалтики.— СА, XIX, 1954, стр. 159—204 с 24 илл.
По материалам раскопок стоянки на берегу оз. Тамула.
147. Янитс Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья реки Эмайыги.— ИАНЭстонССР, 1954, № 3, стр. 350—366 с 8 илл. и 1 карт. На эстон. яз. Резюме на рус. яз.
См. также № 79—81, 83—88, 92, 93, 95—98, 103.

3. Эпоха бронзы и раннего железа Юга Европейской части СССР

148. Березанская С. С. и Титенко Г. Т. Новые раскопки памятников белогрудовского типа.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 119—132 с 7 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
IX—VIII в. до н. э. Черкасская обл.
Бондарь Н. Н. К вопросу о торговых сношениях Ольвии в VI—I вв. до н. э.
См. № 189.
Вопросы скифо-сарматской археологии. (По материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.) [Сборник статей. Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.], 1954, 247 стр. с илл. и карт.; 2 л. табл. и карт. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
См. № 149, 151, 155, 160, 165, 169, 175.
149. Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка.—В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 220—243 с 7 илл.
I в. до н. э.— I в. н. э. Запорожская обл.
150. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. М., 1954. 240 стр. с 25 илл. и 21 л. илл.; 1 л. план. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 36). Библиогр.: «Лит. сведения о Каменском городище», стр. 236—237.
Скифское городище V—II вв. до н. э. Запорожская обл.
151. Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время (Расширенная переработка доклада на конференции: «Основные археологические культуры в скифское время в Приазовье и Причерноморье»).— В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 39—93 с 8 илл. и 1 карт.

152. Дашевская О. Д. Скифские городища Крыма. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
153. [Захарук Ю. Н.] Захарук Ю. М. Пізньотрипільська культура Середнього Подніпров'я в світлі нових археологічних даних.— В сб.: Матеріали і дослідження по археології УРСР. Київ, 1954 (Львівський філіал АН УРСР. Ін-т суспільних наук. Наукові записки, т. 2), стр. 16—33 с 1 илл. и 1 карт. Библиогр. в примеч.: стр. 32—33.
154. Ильинская В. А. Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 66—70 с 4 илл.
V в. до н. э. Полтавская обл.
155. Ильинская В. А. Керамика скифских погребений Посулья.— В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 168—185 с 8 илл.
VI—III вв. до н. э.
156. Ильинская В. А. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы (По раскопкам И. А. Линниченко).— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 24—41 с 6 илл.
V в. до н. э.
157 Лагодовская Е. Ф. Войцеховское позднетрипольское поселение.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 86—89 с 4 илл.
Житомирская обл.
158. Лагодовская Е. Ф. Поселение времени поздней бронзы в с. Сандраки.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 133—141 с 6 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
IX—VII вв. до н. э. Винницкая обл.
159. Либеров П. Д. Раскопки каменских «кучугур» в 1952—1953 гг.— ВДИ, 1954, № 4, стр. 176—179 с 6 илл.
Раскопки в юго-западной части скифского Каменского городища. Запорожская обл.
160. Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени.— В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 132—167; 1 разв. л. илл.
VII—II вв. до н. э.
161. Мельниковская О. Н. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы.— КСИИМК, вып. 65, 1954, стр. 69—75 с 5 илл.
Первая половина I тысячелетия до н. э. Молдавская ССР.
162. Мелюкова А. И. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии.— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 59—68 с 6 илл.
VII—III вв. до н. э.
163. Москаленко А. Н. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области в 1952—1953 гг. (К вопросу об изучении культуры раннего железного века в бассейне Верхнего и Среднего Дона).— В сб.: Из истории Воронежской области. Воронеж, 1954, стр. 62—70 с 8 илл.
Городище эпохи раннего железа.
164. Пикуль М. И. Памятники скифского времени Среднеднепровского Левобережья. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 16 стр. (Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры).
Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток. См. № 414.
165. Погребова Н. Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г.—В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 3—38.
166. Потушняк Ф. М. Бронзовый клад из с. Билки.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 142—144 с 2 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Клад эпохи бронзы. Закарпатская обл.
167. Розенфельдт И. Г. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 года.— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 98—103 с 4 илл.
Позднетрипольский могильник начала II тысячелетия до н. э. Молдавская ССР.
168. Синицын И. В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли.— УЗСаратУ, т. 39, 1954, стр. 218—253 с 30 илл.
Памятники эпохи бронзы, сарматской культуры и золотоордынского времени. Сталинградская обл.
Скуднова В. М. Скифские памятники из Нимфея. См. № 204.
[Славин Л. М.] Славін Л. М. До питання про ольвійсько-скіфські відносини. См. № 205.
169. Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.— В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 195—219; 1 разв. л. карт.

170. Смирнова Г. И. Археологические культуры лесостепной правобережной Украины и Молдавии в VII—V вв. до н. э. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1954. 16 стр. (Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова).

Сокольский Н. И. Боспорские мечи. См. № 206.

171. Стржелецкий С. Ф. Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа. (Вторая половина II тысячелетия — V в. до н. э.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 15 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

172. Сымонович Э. А. Погребение киммерийского времени на Тилигульском лимане.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 81—85 с 3 илл.

Первая половина I тысячелетия до н. э.

173. Тереножкин А. И. Археологические исследования близ Смелы в 1952 г.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 71—76 с 2 илл.

Памятники начала I тысячелетия до н. э. Черкасская обл.

174. Тереножкин А. И. Курган у с. Глеваха.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 80—97 с 16 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

VI в. до н. э. Киевская обл.

175. Тереножкин А. И. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. (Чернолесский этап).— В сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 94—111 с 11 илл.

IX—VII вв. до н. э.

176. Титенко Г. Т. Закавказские удила, найденные на Полтавщине.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 77—80 с 5 илл.

VII—VI вв. до н. э.

Третьяков П. Н. Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье. См. № 260.

177. Троицкая Т. Н. Скифские погребения в курганах Крыма. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Симферополь, 1954. 20 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

VII—III вв. до н. э.

178. Цалкин В. И. Домашние и дикие животные из скифского Неаполя. (По материалам раскопок Таврo-Скифской экспедиции).— СА, XX, 1954, стр. 253—287 с 5 илл.

179. Шовкопляс И. Г. Поселение раннескифского времени на среднем Днестре.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 98—105 с 9 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

VII в. до н. э. Черновицкая обл.

180. Шоков А. Ф. Первые раскопки скифских курганов в бассейне Среднего Дона. (Раскопки С. Е. Зверева и В. Н. Тевяшова).— ИВоронПИ, т. 15, 1954, стр. 135—149 с 11 илл. Библиогр.: 40 назв.

Публикация материалов раскопок 1899—1900 гг.

181. Шрамко Б. А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 105—115 с 6 илл.

182. Штительман Ф. М. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 102—105.

4. Античные города

183. Алекперова Н. А. Описание костей домашнего барана из древней Пантикапеи (Керчи).— ТЕИМ, вып. 8, 1954, стр. 5—13 с 4 илл. Резюме на азербайдж. яз.

I—II вв. н. э.

184. Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе.— СГЭ, 6, 1954, стр. 36—37 с 2 илл.

Памятники античного времени и средневековые.

185. Блаватский В. Д. Архаический Боспор.— МИА, № 33, 1954, стр. 7—44 с 1 илл.

VII—V вв. до н. э.

186. Блаватский В. Д. О херсонесском термине ΣΑΣΤΗΡ.— СА, XIX, 1954, стр. 231—238.

Толкование термина из «Херсонесской присяги» — эпиграфического памятника IV—III вв. до н. э., обнаруженного при раскопках 1890—1891 гг. в Херсонесе.

187. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. 158, [6] стр. с илл. и карт.; 1 л. илл. (Академия наук СССР. Ин-т истории и Ин-т истории материальной культуры. Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова. Вып. 7).

По данным археологии.

188. Болтунова А. И. К надписи IOSPE, II, 400.— ВДИ, 1954, № 1, стр. 168—176 с 1 илл.; 1 л. илл.
Надпись I в. н. э. на мраморной плите из Анапы.
189. Бондарь Н. Н. К вопросу о торговых сношениях Ольвии в VI—I вв. до н. э.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 67—79. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
По данным археологии.
190. [Бондарь Н. Н.] Бондар М. М. Торгові відносини Ольвії з містами античного світу в VI—IV ст. ст. до н. э.— НЗКиївУ, т. XIII, вип. X, 1954. Збірник історичного факультету, № 5, стр. 183—207. Резюме на рус. яз.
По данным археологии.
191. Гайдукевич В. Ф. Раскопки античных городов европейского Боспора.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и энтографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 33—35.
192. Зеест И. Б. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора. (По данным изучения керамической тары из раскопок Неаполя 1945—1950 гг.).— МИА, № 33, 1954, стр. 71—77 с 1 илл.
193. Иванова А. П. Образы местной мифологии в искусстве Боспора.— УЗЛУ, № 160. Серия ист. наук, вып. 20, 1954, стр. 224—263 с 5 илл.
194. Кругликова И. Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города.— МИА, № 33, 1954, стр. 78—113 с 8 илл.; 3 разв. л. илл.
VI—V вв. до. н. э.— III—IV вв. н. э.
195. Кубланов М. М. О местной историографии на Боспоре (Горгиппийский каталог победителей).— ВДИ, 1954, № 4, стр. 143—146 с 1 илл.
Эпиграфический памятник начала III в. до н. э. из Анапы.
196. Лебедев В. Д. и Лапин Ю. Е. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве.— МИА, № 33, 1954, стр. 197—214 с 5 илл.
По данным археологии.
197. Леви Е. И. К вопросу об Ольвийской агоре.— СА, XXI, 1954, стр. 319—342 с 16 илл.
198. Лосева Н. М. Голова Афродиты из раскопок Пантикапея в 1949 г.— ВДИ, 1954, № 1, стр. 165—168 с 1 илл.
I в. н. э.
199. Максимова М. И. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами.— МИА, № 33, 1954, стр. 45—57.
С привлечением данных археологии.
200. Максимова М. И. Надгробие из Херсонеса.— СА, XIX, 1954, стр. 221—230 с 4 илл.
I—III вв. н. э.
201. Марченко И. Д. К вопросу об античных тканях из растительного волокна.— ВДИ, 1954, № 4, стр. 173—175.
По материалам из раскопок в Фанагории 1950 г.
Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. 2. Отв. ред. М. М. Кобылина. М., 1954. 216 стр. с илл.; 3 л. илл. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 33). См. № 185, 192, 194, 196, 199, 203, 206, 212.
202. Надэль Б. И. Фанагорийская надпись IOSPE, II, 362.— УЗЛПИ, т. 93, 1954, стр. 107—115.
Восстановление и датировка надписи, хранящейся в Fitzwilliam Museum в Кембридже. Датировка: середина или начало II в.
203. Передольская А. А. Об отражении обряда «всезерния» в терракотах V в. до н. э., найденных в Северном Причерноморье.— МИА, № 33, 1954, стр. 114—122 с 3 илл.
204. Скуднова В. М. Скифские памятники из Нимфея.— СА, XXI, 1954, стр. 306—318 с 6 илл.; 1 л. илл.
Первая половина VI в. до н. э.
205. [Славин Л. М.] Славін Л. М. До питання про ольвійсько-скіфські відносини.— НЗКиївУ, т. XIII, вип. X, 1954. Збірник історичного факультету, № 5, стр. 165—181. Резюме на рус. яз.
206. Сокольский Н. И.— Боспорские мечи.— МИА, № 33, 1954, стр. 123—196 с 17 илл.
V в. до н. э.— IV в. н. э.
207. Сокольский Н. И. Военное дело Боспора. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 17 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
По данным археологии.

208. Сымонович Э. А. О древней Одессе.— ВДИ, 1954, № 4, стр. 146—150.
209. Фурманская А. И. Ассы из раскопок Ольвии 1948 г.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 60—65 с 7 илл.
Монеты V—IV вв. до н. э.
210. Худяк М. М. Раскопки в Нимфее.— СГЭ, 6, 1954, стр. 34—35.
211. Шелов Д. Б. К истории керамического производства на Боспоре.— СА, XXI, 1954, стр. 119—130.
212. Шелов Д. Б. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э.— МИА, № 33, 1954, стр. 58—70 с 1 илл.
213. Яцко В. А. Керамические надписи кабинета археологии ОГУ.— Сборник студенческих науч. работ (Одесский ун-т), т. 3, 1954, стр. 137—140 с 1 илл. Библиогр.: 14 назв.
Надписи античных городов юга СССР.

5. Эпоха бронзы и раннего железа Севера и Центра Европейской части СССР (включая Зауралье)

214. Бадер О. Н. Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье.— СА, XX, 1954, стр. 180—212 с 20 илл.; 1 разв. л. илл.
Эпоха поздней бронзы. Пермская обл.
215. Бадер О. Н. и Смирнов А. П. «Серебро Закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение. М., Госкультпросветиздат, 1954. 26 стр.; 3 л. илл. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры. Вып. 13).
216. Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, Кн. изд., 1954. 84 стр. с илл.
Эпоха неолита, бронзы и раннего железа.
217. Дебец Г. Ф. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья.— МИА, № 42, 1954, стр. 485—499.
Середина II тысячелетия — начало I тысячелетия до н. э.
218. Дубынин А. Ф. Ковровский фатьяновский могильник.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 50—54 с 2 илл. и 1 карт.
Начало II тысячелетия до н. э. Владимирская обл.
219. Збруева А. В. Гулькинский могильник.— МИА, № 42, 1954, стр. 247—258 с 7 илл
VII—VI вв. до н. э. Ульяновская обл.
220. Калинин Н. Ф. и Халиков А. Х. Поселения эпохи бронзы в приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг.— МИА, № 42, 1954, стр. 157—246 с 47 илл. и 2 карт.
221. Качанова В. И. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Мамоново городище.— Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 5, 1954, стр. 7—38 с 25 илл.
Лашук Л. П. Печерский край в древности. См. № 121.
222. Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, № 42, 1954, стр. 39—156 с 43 илл. и 1 карт.; 1 разв. л. илл.
Курганы эпохи бронзы и средневековые городища. Куйбышевская обл.
Раушенбах В. М. Периодизация памятников Среднего Зауралья (эпохи неолита и бронзы). См. № 128.
223. Сальников К. В. Абашевская культура на Южном Урале.— СА, XXI, 1954, стр. 52—94 с 28 илл. и 2 карт.; 1 разв. л. илл.
Культура эпохи бронзы II тысячелетия — начала I тысячелетия до н. э.
224. Сальников К. В. Андроновские поселения Зауралья.— СА, XX, 1954, стр. 213—252 с 29 илл. и 1 карт.
225. Сальников К. В. Археологические работы в Южной Башкирии.— ВИ, 1954, № 3, стр. 184—185.
Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Раскопки 1953 г.
226. Сальников К. В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры.— СЭ, 1954, № 4, стр. 11—24 с 4 илл. и 1 карт.
По археологическим памятникам X—VIII вв. до н. э.
227. Степанов П. Д. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье.— КСИИМК вып. 53, 1954, стр. 56—60 с 2 илл.
228. Трофимова Т. А. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры.— МИА СССР, № 42, 1954, стр. 500—505.
Ульяновская обл.
229. Трубникова Н. В. Некоторые поселения эпохи бронзы по течению реки Усы в Куйбышевском Поволжье.— МИА, № 42, 1954, стр. 21—38 с 10 илл.; 1 л. карт.
II—I тысячелетия до н. э.

Я н и т с Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья реки Эмайыги. См. № 147.

6. Восточная Европа в I тысячелетии н. э. (Славяне и соседние племена)

230. А р т а м о н о в М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища.— СА, XIX, 1954, стр. 263—268 с 4 илл.
Автор датирует надписи VIII—X вв., определяя их как хазарские.

231. Б е р н я к о в и ч К. В. Исследования древнеславянского поселения VIII—IX вв. в г. Ужгороде.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 39—48 с 6 илл.

232. Б л и ф е л ь д Д. И. К вопросу о ремесле и ремесленниках в Киевской Руси IX—X в.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 30—41 с 1 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
По данным археологии.

233. Б л и ф е л ь д Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв.— СА, XX, 1954, стр. 148—162 с 2 илл.

234. Б р а й ч е в с к а я А. Т. Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе.— КСИА, вып., 3, 1954, стр. 99—101.
По данным археологии.

235. Б р а й ч е в с к и й М. Ю. Некоторые данные об участии восточных славян в событиях на Дунае 248—251 гг. н. э.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 8—13.
По данным нумизматики.

236. Б р а й ч е в с к и й М. Ю. О распространении римских монет у древних восточных славян.— ВДИ, 1954, № 1, стр. 119—134.
Первые века нашей эры.

237. Б р а й ч е в с к и й М. Ю. Римская монета на территории УССР. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 20 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
Монеты I—IV вв. н. э.

238. Б р а й ч е в с к и й М. Ю. и Б е р е з о в е ц Д. Т. К истории древнеславянского ювелирного ремесла.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 23—28 с 2 илл.
По данным археологии.

239. Г о р ю н о в а Е. И. К вопросу о культурных и этнических связях населения Верхнего Поволжья и Западного Приуралья в I тысячелетии нашей эры.— УЗМарИЯЛИ, вып. 6, 1954, стр. 103—113.

Г р о з д и л о в Г. П. Археологические работы в Изборске в 1953 году. См. № 295.

Д м и т р и е в Ю. Н. Выставка древнерусской культуры VII—XII веков. См. № 299.

240. З а в е р н я е в Ф. М. Археологические находки возле города Почепа.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 143—144 с 1 илл.
Селище начала нашей эры. Брянская обл.

К а ч а н о в а В. И. Топография кладов Москвы и ее окрестностей. См. № 321.

241. К р о п о т к и н В. В. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. — ВДИ, 1954, № 3, стр. 152—180; 2 разв. л. карт. и 1 л. табл.

242. К у л и к а у с к а с П. З. Некоторые данные о первоначальном заселении территории Литвы и о племенных группах в I и начале II тысячелетия н. э. по данным археологии.— ТИЭ, т. 23, 1954, стр. 36—46 с 6 илл.

243. К у х а р е н к о Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. (По данным погребального обряда).— СА, XIX, 1954, стр. 111—120 с 1 карт.

244. К у х а р е н к о Ю. В. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. (По данным раскопок 1951—1952 гг.).— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 80—85 с 2 илл.

245. М а в р о д и н В. В. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия. [К статье М. Ю. Брайчевского: Об «антах» Псевдомаврикия.— Сов. этнография,1953, № 2] .— СЭ, 1954, № 2, стр. 32—41.
С привлечением данных археологии.

246. М о о р а Х. А. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 3—22 с 13 илл.

247. Н и к о л ь с к а я Т. Н. Археологические исследования в Орловской области.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 91—104 с 7 илл.
Памятники I тысячелетия н. э. Раскопки 1951—1953 гг.

248. Орлов С. Н. Деревянные изделия Старой Ладоги VII—X вв. (По материалам Староладожской археологической экспедиции). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 14 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
249. Орлов С. Н. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги.— СА, XXI, 1954, стр. 343—354 с 8 илл.
250. Полесских М. Р. Могильник «армиевского типа» в Пензенской области.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 147—149 с 1 илл.
Могильник у с. Селиксы VIII в.
251. Попов А. Н. К древнейшей истории славянства.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 54—66. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
252. Потушняк Ф. М. Археологічні знахідки в Ужгороді. (Матеріали до історії слов'ян в I—IV століттях н. е.). — НЗУжгДУ, т. 9, 1954, стр. 399—414 с 17 илл.
Находки памятников культуры «полей погребений».
253. Седов В. В. Кривичи и словене. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954, 18 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
По археологическим материалам конца I тысячелетия — начала II тысячелетия н. э.
254. Седов В. В. Новые данные о языческом святилище Перуна. (По раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.).— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 105—108 с 2 илл.
IX—X вв.
255. Славин Л. М. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце. По результатам археологических исследований.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 49—59 с 6 илл.
Николаевская и Херсонская обл.
256. Тараканова С. А. Длинные и удлиненные курганы.— СА, XIX, 1954, стр. 77—110 с 8 илл.
Славянские курганы I тысячелетия н. э. на северо-западе Европейской территории СССР.
257. Таутавичюс А. Восточная Литва в первом тысячелетии нашей эры. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Вильнюс, 1954. 20 стр. (Акад. наук Литовской ССР. Ин-т истории и права).
258. Тимощук Б. А. Славянские поселения IX—X вв. на территории Северной Буковины.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 86—90 с 1 илл.
Черновицкая обл.
259. Токарев С. А. О культурной общности восточнославянских народов.— СЭ, 1954, № 2, стр. 21—31.
С привлечением данных археологии.
260. Третьяков П. Н. Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 11—16.
261. Федоров Г. Б. Древние славяне в Молдавии. (К итогам работ Молдавской археологической экспедиции в 1953—1954 гг.).— ВАН СССР, 1954, № 12, стр. 35—43.
Памятники от II—I вв. до н. э. до XII в.
262. Федоров Г. Б. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. — КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 8—23, с 8 илл.; 1 л. карт.
263. Шмидт Е. А. Раскопки длинных курганов в Смоленской области.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 147—152 с 2 илл.
VI—VII вв.
264. Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону.— СА, XIX, 1954, стр. 269—282.
Надписи на баклажках из Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища.
265. Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики.— СА, XXI, 1954, стр. 148—163.
С привлечением данных археологии.
266. Якобсон А. Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа).— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 109—120 с 5 илл.
VI—X вв.
267. Якобсон А. Л. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 164—172 с 4 илл.
Печи VIII—IX вв., обнаруженные в Судакском районе близ сел. Морского.

7. Древняя Русь и ее соседи

268. Алихова А. Е. Муранский могильник и селище.— МИА, № 42, 1954, стр. 259—301 с 21 илл.
XIV в. Куйбышевская обл.

269. Алпатов М. В. Древнерусское изобразительное искусство.— В кн.: Очерки по истории русского искусства. М., 1954, стр. 3—34 с илл.
Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Сборник статей. Под ред. А. П. Смирнова. М., Госкультпросветиздат, 1954. 155 стр. с илл.; 4 л. илл. и схем. (Упр. культуры Мосгорисполкома. Труды Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 5).
См. № 221, 289, 321, 324, 344.

270. Архитектура Украинской ССР. [Альбом. Предисл. Ю. С. Асеева и Г. Н. Логвина]. Т. I. М., Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1954. 169 стр. с илл.; 1 л. илл. (Акад. архитектуры Укр. ССР. Ин-т истории и теории архитектуры). На 2-й стр. сост.: Г. Н. Логвин и П. Г. Юрченко.
Памятники XI—XX вв.

271. Арциховский А. В. Великий Новгород по исследованиям 1953 г.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 10—12.
XI—XV вв.

272. Арциховский А. В. Колонна из новгородских раскопок — ВМУ, 1954, № 4, серия обществ. наук, вып. 2, стр. 65—68; 1 л. илл.
Деревянная колонна начала XI в., найденная в 1953 г. при раскопках в центре Новгорода.

273. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.). М., 1954. 92 стр. с илл.; 19 л. илл. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
XI—XVI вв.

274. Арциховский А. В. Раскопки 1953 года в Новгороде.— ВИ, 1954, № 3, стр. 106—113 с илл.

275. Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора искусствоведения. М., 1954, 15 стр.; 2 л. план. (Ин-т истории искусств АН СССР).

276. Безсонов С. В. Архитектура времени Богдана Хмельницкого на Украине.— Арх. СССР, 1954, № 2, стр. 24—27 с илл.

277. Безсонов С. В. Исторические связи архитектуры России, Украины и Белоруссии в XIV—XVII вв.— В сб.: «Зодчество Украины». Киев, 1954, стр. 251—270 с 17 илл.

Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе. См. № 184.

278. Бирзите Л. Развитие национальных форм в архитектуре Московского Кремля. Рига, Латгосиздат, 1954, 168 стр. с илл. 14 л. илл.

279. Бланк А. С. Владимир (Краткий очерк истории города). Владимир, кн. изд., 1954. 92 стр. с илл. На переплете авт. не указан.
Стр. 5—17: «Древний Владимир. Город в XIII—XVIII вв.».
Рец.: 1. Блинова Е. Книга о родном городе.— «Призыв», 1955, 8 янв.; 2. Королева А. и Шлионский Г. О некоторых недостатках одной книги.— «Призыв», 1955, 18 марта.

280. Богусевич В. А. Археологические раскопки в Киеве на Подоле в 1950 году.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 42—53 с 8 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники от IX—X вв. до XIX в.

281. Богусевич В. А. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. По материалам раскопок 1951 г.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 14—20 с 4 илл.

282. Войцеховский В. А. Памятники архитектуры Молдавии XIV—XVIII веков.— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 40—50 с 5 илл.

283. Воронин Н. Н. Древнее Гродно. (По материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.). М., 1954. 240 стр. с 112 илл.; 1 л. илл.; 1 л. цвет. илл. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 41. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 3). Прил.: 1. Кирьянов А. В. Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно, стр. 205—210; 2. Цалкин В. И. Фауна из раскопок в Гродно, стр. 211—236.
XI—XIV вв.
Рец.: 1. Тарасенко В. Гродно—древний город.—«Коммунист Белоруссии», 1955, г., № 7, стр. 78—80; 2. Н. Н.— «Гроднен. правда», 1955, 29 июля.

284. Воронов Н. Русский зодчий Трофим Игнатьев.— Арх. СССР, 1954, № 3, стр. 32—34 с илл.; 1 л. илл.
XVII в.

285. Воронов Н. Сохранить и реставрировать ценнейший памятник архитектуры.— Арх. СССР, 1954, № 4, стр. 39.
Церковь Покрова в Филях XVII в.

286. Высезжев Р. И. Новые материалы из раскопок Леплявского могильника.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 33—38 с 4 илл.
Славянский могильник X—XII в. Черкасская обл.

287. Высезжев Р. И. Раскопки курганов в Коростене и вблизи Овруча в 1911 году.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 145—153 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки В. В. Хвойко славянских курганов X—XII вв. Житомирской области.

288. Генинг В. Ф. Новый могильник позднеродановского времени.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 153—154 с 1 илл.
XIII—XIV вв. Коми-Пермяцкий нац. округ.

289 Гиршберг В. Б. Надписи из Георгиевского монастыря. По материалам наблюдений 1949 г.— Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 5, 1954, стр. 95—130 с илл.; 3 л. илл.
Надгробные надписи XVI—XVII вв. Москва.

290. Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех.— В сб.: «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 61—114 с 31 илл.
XV—XVII вв.

291. Гордеев Н. В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века.— В сб.: «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 1—60 с 33 илл.; 7 л. илл.

292. Горюнова Е. И. Мерянский могильник на Рыбинском море.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 153—163 с 3 илл.
XI—XII вв. Ярославская обл.

Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., «Искусство», 1954, 579 стр. с илл.; 41 л. илл.
См. № 290, 291, 298, 326, 329, 333, 334, 342, 357, 574.

293. Грабовский И. А. и Днестров И. Н. Переяслав-Хмельницкий. Архитектурно-исторический очерк. Под ред. И. А. Грабовского. Киев, 1954. 80 стр. с илл.; 7 л. илл. (Акад. архитектуры Укр. ССР. Ин-т истории и теории архитектуры. 300 лет воссоединения Украины с Россией, 1654—1954).

294. Гречина М. Город Переяслав-Хмельницкий.— Арх. СССР, 1954, № 1, стр. 21—25 с илл.
Архитектурные памятники XI—XIII и XVII— XVIII вв.

295. Гроздилов Г. П. Археологические работы в Изборске в 1953 году.— СГЭ, 6, 1954, стр. 37—39 с 1 илл.
Памятники VIII—XIII вв. на терр. Старого Изборска и V—VI вв. в его окрестностях.

296. Громов Г. Г. История крестьянского жилища Владимирского края в IX—XIX вв. (К вопросу о формировании типов русского крестьянского жилища). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 14 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра этнографии).
С привлечением данных археологии.

297. Гуревич Ф. Д. Каменные идолы Себежского музея.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 176—179 с 2 илл.
Предположительно X—XI вв. Великолукская обл.

298. Денисова М. М. «Конюшенная казна». Парадное конское убранство XVI—XVII веков.— В сб. «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 247—304 с 33 илл.; 7 л. илл.

299. Дмитриев Ю. Н. Выставка древнерусской культуры VII—XII веков.— СГЭ, 6, 1954, стр. 8—10 с 1 илл.

300. Дмитриев Ю. Н. Заметки по технике русских стенных росписей X—XII вв. (Живопись и мозаика).— Ежегодник Ин-та истории искусств. М.,1954, стр. 238—278 с илл.

301. Добровольский А. В., Приймак Б. М. и Асеев Ю. С. Архитектура столицы Советской Украины.— В сб.: «Зодчество Украины». Киев, 1954, стр. 77—102 с 20 илл.

302. Довженок В. И. Древньоруська народність і спільність походження російського, українського і білоруського народів.— ВАН УРСР, 1954, № 5, стр. 33—45.

По данным письменных и археологических источников.

303. Егоров Ю. Градостроительство Белоруссии. М., Гос. изд. лит-ры по строительству и архитектуре, 1954. 282 стр. с илл.
Стр. 9—46: часть 1 «Города Белоруссии в эпоху феодализма».

304. Ерохин В. С. Щигровский клад.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 145—147 с 4 илл.
Клад серебряных гривен и серебряных вещей XIII в. Рязанская обл.

305. Ефимова А. М. Гидротехнические сооружения древнего Болгара.— МИА, № 42, 1954, стр. 369—391 с 12 лл.; 1 л. табл
XIV в.

306. Жиромский Б. Б. Ага-Базар.— МИА, № 42, 1954, стр. 325—339 с 5 илл.
Раскопки поселения VIII—X и XIV—XV вв. Татарская АССР.

307. Жолтовский П. Отражение социальной и национально-освободительной борьбы украинского народа в памятниках искусства XVI—XVIII веков. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. Киев, 1954. 14 стр. (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии Акад. наук УССР).
Зодчество Украины. Сборник [Редколлегия: М. П. Цапенко (главн. ред.) и др.] Киев, 1954. IV, 298 стр. с илл. (Акад. архитектуры Укр. ССР. Ин-т истории и теории архитектуры. 300 лет воссоединения Украины с Россией).
См. № 277, 301, 308, 315, 320, 337

308. Игнаткин И. А. Исторические связи украинских и русских зодчих XVII—XIX вв.— В сб.: «Зодчество Украины», Киев, 1954, стр. 159—180 с 18 илл.

309. Ильин М. А. Архитектурная композиция русских светских общественных зданий конца XVII в.— САрх., сб. 5, 1954, стр. 97—102 с илл.

310. Ильин М. А. К истории архитектурной композиции русских монастырей XVII в. (Валдайский Иверский монастырь).— Ежегодник Ин-та истории искусства. М., 1954, стр. 279—297 с илл.

311. Ильин М. А. Рязань. Историко-архитектурный очерк. Ч. 1, XI в.— начало XX в. М., Гос. изд. лит по строительству и архитектуре, 1954. 180 стр. с илл. (Акад. наук СССР. Ин-т истории искусств. Города Советского Союза в памятниках зодчества)
Рец.: Смирнов И. О недостатках новой книги «Рязань».— «Сталинское знамя». 1955, 5 июня.

312. Ильин М. А. Связи русского, украинского и белорусского искусства во второй половине XVII в. (на материале архитектуры и декоративного убранства).— ВМУ, 1954, № 7. Серия обществ. наук, вып. 3, стр. 75—84.

313. История русского искусства. Под общ. ред. И. Э. Грабаря [и др.]. Т. 2 [Ред. И. Э. Грабарь и В. Н. Лазарев. Заключение к первым двум томам Н. Н. Воронина и В. Н. Лазарева]. М., 1954. 426 стр. с илл.; 12 л. илл. (Акад. наук СССР. Ин-т истории искусств). Библиогр.: стр. 387—396.
Гл. 1. «Искусство Новгорода». Авт.: В. Н. Лазарев, М. К. Каргер, А. В. Арциховский; гл. 2. «Искусство Пскова». Авт.: В. Н. Лазарев, Н. Н. Воронин.
Рец.: 1. Лихачев Д. С. Искусство Новгорода и Пскова.— «Сов. культура», 1954, 13 ноября; 2. Монгайт А. Л. и Домбровская Е. А. Первые тома «Истории русского искусства». — ВАН СССР, 1955, № 9, стр. 116—120.

314. Калимуллин Б. Памятник древнего башкирского зодчества. (Мавзолей «Кэшэне»).— Арх. СССР, 1954, № 5, стр. 37 с илл.
XII в.
Рец.: Ищериков П.— «Сов. Башкирия», 1954, 10 авг.

315. Каргер М. К. Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком.— В сб.: «Зодчество Украины». Киев, 1954, стр. 271—296 с 23 илл.
XI—XII вв.

316. Каргер М. К. Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии.— УЗЛГУ, № 160. Серия ист. наук, вып. 20, 1954, стр. 143—180 с 12 илл.
Фрески XI в.

317. Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 3—29 с 29 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
XI—XII вв.

318. Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг.— СА, XX, 1954, стр. 5—30 с 19 илл.
XI—XII вв.

319. Каргер М. К. Раскопки Переяслава-Хмельницкого.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 3—6.
XI—XII вв.

320. Кацер М. С. Некоторые вопросы связи украинской и белорусской архитектуры в XIV—XVIII вв.— В сб.: «Зодчество Украины». Киев, 1954, стр. 239—250 с 13 илл.
321. Качанова В. Н. Топография кладов Москвы и ее окрестностей.— Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 5, 1954, стр. 131—152; 1 л. карт.
Клады времени от рубежа нашей эры до XVIII в.
Кирьянов А. В. Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно. См. № 283.
322. Корзухина Г. Ф Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954. 158 стр. с илл.; 36 л. илл. и карт. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
323. Лазарев В. Н. и Мнева Н. Е. Памятник новгородской деревянной резьбы XIV века (Людогощенский крест).— СИИИ, 4-5, 1954, стр. 145—166 с илл.
XIV в.
324. Латышева Г. П. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 году. Материалы к изучению подмосковного села XIII—XIV вв.— Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 5, 1954, стр. 39—56 с 9 илл.
325. Лаурина В. В. Станковая живопись Новгорода Великого конца XIII — 70-х годов XIV веков. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. [М.], 1954. 23 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
326. Левинсон Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI—XVII веков.— В сб.: «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 305—386 с 48 илл.; 2 л. илл.
327. Логвин Г. Н. Чигирин Суботів. (Архітектурно-історичний нарис). Київ, 1954. 74 стр. с илл. (Акад. архитектури Укр. РСР Ін-т історії і теорії архітектури).
XI—XVII вв.
328. Маковецкий И. В. Памятники древней промышленной архитектуры в Прикамье.— СИИИ, 4-5, 1954, стр. 136—144 с илл.
XVII в.
329. Малицкий Г. Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля.— В сб. «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 507—560 с 3 илл.; 1 л. илл.
Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 3, М., 1954. См. № 283.
Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья. См. № 222.
330. Митянин А. Я. Замок в Мире. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. Минск, 1954. 16 стр. (Белорус. политехн. ин-т им. И. В. Сталина).
Памятник XVI в. Белорусская ССР.
331. Михайлов Б. П. Вопросы освоения наследия древнерусского зодчества в советской архитектуре.— Ежегодник Ин-та истории искусств. М., 1954, стр. 94—139 с илл.
332. Михайловский Е. О зодчем трапезной палаты Спасова монастыря.— Арх. СССР, 1954, № 7, стр. 38—39 с илл.
XVII в.
333. Мишуков Ф. Я. Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении.— В сб.: «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 115—136 с 9 илл.; 2 л. илл.
XVI—XVII вв.
334. Мнева Н. Е. Изографы Оружейной палаты и их искусство украшения книги.— В сб.: «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 217—246 с 17 илл.; 6 л. илл.
XVII в.
335. Мышко Д. Н. Киев. Краткий исторический очерк. Киев, «Рад. школа», 1954. 116 стр. с илл. На переплете авт. не указан. На укр. яз.
С привлечением данных археологии.
336. Научная конференция «Ломоносовские чтения». На историческом факультете. [Апрель 1954 г., Москва].— ВМУ, 1954, № 7. Серия обществ. наук, вып. 3, стр. 120—123.
Стр. 120—121: Краткое изложение доклада Б. А. Рыбакова «Древняя Тмутаракань».
337. Нельговский Ю. А. Творчество выдающихся мастеров советской архитектуры А. В. Щусева, И. А. Фомина и В. А. Щуко на Украине.— В сб.: «Зодчество Украины». Киев, 1954, с. 133—158 с 22 илл.
Работы по реставрации и реконструкции памятников древнерусской архитектуры.

338. Никитин А. В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI—XVII вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 15 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
С привлечением данных археологии.

339. Оборин В. А. Раскопки Орла-городка на реке Каме.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 129—138 с 4 илл.
Памятник XII—XVIII вв.

340. Памятники архитектуры Украины. Чертежи и фотографии. [Альбом]. Киев, 1954. 44 стр.; 143 отд. л. в папке. (Акад. архитектуры Укр. ССР. Ин-т истории и теории архитектуры). На обороте тит. л. сост: Ю. С. Асеев, Г. Н. Логвин, Ю. А. Нельговский, Н. Е. Онищенко и П. Г. Юрченко.
Памятники XI—XIX вв.

341. Переяслав-Хмельницкий и его исторические памятники. [Отв. ред. Е. М. Апанович]. Киев, 1954. 128 стр. с илл.; 4 л. илл. (Акад. наук Укр. ССР. Ин-т истории).
То же на укр. яз.
Памятники X—XVIII вв.

342. Постникова-Лосева М. М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты XVI—XVII веков.— В сб.: «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 137—216 с 50 илл.; 5 л. илл.

343. Путеводитель, вып. 1. Древнерусское искусство. Искусство XVIII века. Искусство первой половины XIX века. М., «Искусство», 1954. 200 стр. с илл.; 1 л. илл. (Гос. Русский музей). На обороте тит. л. сост.: Н. Г. Порфиридов, Г. М. Преснов, Л. С. Пушникова, А. И. Савинов, Г. В. Смирнов и Л. П. Шапошникова.

344. Рабинович М. Г. Материалы по истории Великого посада Москвы. Некоторые предварительные итоги археологических работ 1949—1951 гг.— Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 5, 1954, стр. 57—94 с 33 илл.
Памятники XI—XVIII вв.

345. Радченко А. Д. Государственный архитектурно-исторический заповедник «Софийский музей». (Путеводитель). Под ред. Н. П. Северова. 3-е изд. Киев, 1954. 72 стр. с 37 илл. (Акад. архитектуры Укр. ССР).

346. Раппопорт П. А. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века.— КСИИМК, вып., 54, 1954, стр. 180—186 с 1 илл.

347. Раппопорт П. А. К вопросу о системе обороны Киевской земли. По материалам работ разведочно-маршрутного отряда экспедиции «Большой Киев».— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 21—26 с 1 карт.
X—XVIII вв.

348. Раппопорт П. А. Холм.— СА, XX, 1954, стр. 313—323 с 6 илл.
Памятники XIII—XIV вв. по материалам раскопок 1910—1912 гг. в г. Холме.

349. [Ратич А. А.] Ратич О. О. Підсумки досліджень древньоруських археологічних пам'яток на территорії Галицької і Волинської земель.— В сб.: Матеріали і дослідження по археології УРСР. Київ, 1954. (Львівський філіал АН УРСР. Ін-т суспільних наук. Наукові записки, т. 2), стр. 5—15. Библиогр. в примеч.: стр. 15.
IX—XIII вв.

350. Ретковская Л. С. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Под ред. Н. Н. Воронина. М., 1954. 41 стр.; 8 л. илл. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры. Вып. 14). Библиогр. в примеч.: стр. 33—39.
XVI в.

351. Рикман Э. А. К вопросу о славянских чертах в народной материальной культуре в Молдавии.— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 51—58 с 4 илл.
С привлечением данных археологии.

352. Рыбаков Б. А. Древняя Тмутаракань и проблема славянской колонизации Приазовья.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленума Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований в 1953 г. М., 1954, стр. 17—19.
X—XIII вв.

353. Самойловский И. М. Славянский могильник на р. Проневщине под Киевом.— В сб.: «Археологія», т. 9. Київ, 1954, стр. 154—157 с 1 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Могильник X—XI в. по раскопкам 1913 и 1915 гг.

Седов В. В. Кривичи и словене. См. № 253.

354. Седов В. В. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья.— СЭ, 1954, № 3, стр. 12—18 с 1 карт.
XI—XIII вв.

Спицын И. В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. См. № 168.

355. Смирнов А. П. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография.— МИА, № 42, 1954, стр. 302—324 с 9 илл.
X—XVI вв.

356. Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхея.— КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 24—39 с 7 илл.
Городище XIV-XV вв. Молдавская ССР.

357. Соболев Н. П. и Ермолов В. А. Огнестрельное привозное оружие XVI—XVII веков.— В сб.: «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 387—434 с 38 илл.; 5 л. илл.

358. Спасский И. Г. Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые мородовки.— СА, XXI, 1954, стр. 189—238 с 10 илл. и 1 карт.

359. Стоскова Н. Н. Древнерусское литейное дело. (Домонгольский период). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 15 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

360. Тельтевский П. А. Архитектурные памятники конца XVII века, связанные с Бухвостовым. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. М., 1954. 16 стр. (Академия архитектуры СССР).

361. Торопов С. А. Архитектура допетровской Москвы. М., 1954. 40 стр. с илл. (Моск. гор. отд-ние Всесоюз. об-ва по распространению полит. и науч. знаний. Цикл лекций «Архитектура Москвы»). На обл. автор не указан.
Федоров Г. Б. Древние славяне в Молдавии. См. № 261.
Федоров Г. Б. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. См. № 262.

362. Хованская О. С. Бани города Болгара.— МИА, № 42, 1954, стр. 392—423 с 22 илл.
XIV в.

363. Хованская О. С. Гончарное дело города Болгара.— МИА, № 42, 1954, стр. 340—368 с 20 илл.
В IX—XV вв.

Цалкин В. И. Фауна из раскопок в Гродно. См. № 283.

364. Чернышев Н. М. Искусство фрески в древней Руси. Материалы к изучению древнерусских фресок. М., «Искусство», 1954. 102 стр.; 31 л. илл.
Рец.: Пиккиев И. Книга о снетогорских фресках.— «Псковская правда», 1955, 18 марта.

365. Чиняков А. Г. и Будылина М. Архитектурные памятники Московского Кремля. (Краткий обзор).— Арх. СССР, 1954, № 7, стр. 22—30 с илл.; 1 л. илл.

366. Чиняков А. Г. Каменное зодчество в русском централизованном государстве (со второй половины XV в. и до конца XVII в.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. М., 1954. 15 стр. (Акад. архитектуры СССР. Ин-т истории и теории архитектуры). В загл. ошибочно: «XV—XVI века».

367. Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв.— Геогр. сборник, 3, 1954, стр. 146—159 с 2 карт.
С привлечением данных археологии.

368. Шквариков В. Очерк истории планировки и застройки городов. М., Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1954. 204 стр. с илл.; 5 л. илл.
Стр. 21—62: 1. «Основные черты в планировке и застройке русских городов, сложившихся до XVIII в.».
По древним планам городов и архитектурным памятникам.

369. Шовкопляс А. М. Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве.— КСИА, вып. 3, 1954, стр. 27—32 с 4 илл.

370. Щепкина М. В. Изображение русских исторических лиц в шитье XV века. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., Госкультпросветиздат, 1954. 21 стр.; 2 л. илл. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры. Вып. 12).

371. Якунина Л. И. Русские набивные ткани XVI—XVII вв. Ред. Б. А. Рыбаков. М., 1954. 24 стр. с илл.; 16 л. илл. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры. Вып. 7).

372. Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

373. Янин В. Л. Печати наместников новоторжских.— СА, XIX, 1954, стр. 283—292 с 3 илл.
XIV—XV вв.

374. Янин В. Л. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054—1057).— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 150—152 с 1 илл.

375. Янин В. Л. Редчайший памятник московской сфрагистики XIV века.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 148—150 с 1 илл.
Печать Дмитрия Донского с изображением царя Давида.
376. Янин В. Л. Свинцовая крышка с тайнописью из Новгорода — КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 42—48 с 1 илл.
XIV в.
377. Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг.— МИА, № 42, 1954, стр. 424—484 с илл.
XIII—XV вв.

III. КАВКАЗ

(Включая Северный Кавказ и Прикубанье)

1. Общие работы

378. Алекперова Н. А. Домашние бараны и козы древнего Мингечаура.— ТЕИМ, вып. 9, 1954, стр. 5—156 с 21 илл. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 28 назв.
Из погребений IX—I вв. до н. э. и III—X вв. н. э.
379. Алексеева Е. П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов).— ТЧеркесНИИ, вып. 2, 1954, стр. 199—260. Библиогр. в примеч.: стр. 243—260.
По данным археологических и письменных источников.
380. Гулиев А. О задачах Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР в свете исторических решений XIX съезда КПСС.— ТИИФАН АзССР, т. 5, 1954, стр. 103—155.
Стр. 118—131: Задачи института в области древней истории и археологии.
381. Казиев С. М. Об археологических памятниках Мингечаура.— Объединенная научн. сессия Отделения ист. наук и Отделения философии, экономики и права АН СССР, отделений обществ. наук АН Груз. ССР, Арм. ССР и Азербайдж. ССР (Тезисы докладов). Баку, 1954, стр. 35—39.
Памятники от эпохи неолита до XVII в.
382. Крупнов Е. И. Прикаспийская археологическая экспедиция. [1952 г.].— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95—105 с 4 илл.
Памятники эпохи неолита, эпохи бронзы, VI—IV вв. до н. э. и XVI—XVII вв. Грозненская обл.
383. Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии.— ТЧеркесНИИ, вып. 2, 1954, стр. 261—300 с 15 илл. и 1 карт. Библиогр. в примеч.: 30 назв.
II тысячелетие до н. э., IV—V вв., XIII—XVIII вв.
384. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 6. Баку, 1954. 92 стр. (Акад. наук Азерб. ССР, Ин-т истории и философии).

2. Палеолит и неолит

Бурчак-Абрамович Н. И. Материалы к изучению фауны палеолита СССР. См. № 110.
Громов В. И. Палеолитический человек на территории СССР. См. № 114.
385. Любин В. П. Палеолитические находки в Юго-Осетии. (Работы 1951—1952 гг.).— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 49—61 с 3 илл.
386. Марковин В. И. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР.— СА, XX, 1954, стр. 324—342 с 21 илл.
Памятники эпохи неолита II тысячелетия до н. э.
387. Потоцкий С. П. Следы первобытного человека в Цхалтубо.— «Природа», 1954, № 11, стр. 118.
Находка кремневых орудий.
388. Сардарян С. А. Палеолит в Армении. Отв. ред. М. С. Асратян. Ереван, 1954. 184 стр. с илл.; 12 л. илл. и 1 л. карт. (Акад. наук Арм. ССР. Ин-т истории.)
Рец.: Соколова З.— СЭ, 1955, № 2, стр. 169.

3. Эпоха бронзы и железа

389. Абдушелишвили М. Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1954. 146 стр. с илл.; 18 л. илл. (Акад. наук Груз. ССР. Ин-т эксперим. морфологии). Библиогр.: 101 назв.
По материалам от эпохи поздней бронзы до раннего средневековья.
Рец.: Алексеев В.— СЭ, 1955, № 2, стр. 169—171.

390. Алиев И. О некоторых вопросах древнейшей истории мидийских племен.— ТИИФАНАзССР, т. 5, 1954, стр. 156—183. Резюме на азербайдж. яз.
С привлечением данных археологии.

391. Анфимов Н. В. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
VII в. до н. э.— III в. н. э.

392. Аракелян Б. Н. Археологические работы в Гарни. (Значение раскопок в Гарни для изучения истории культуры древней Армении).— Объедин. научн. сессия Отделения ист. наук и Отделения философии, экономики и права АН СССР, отделений обществ. наук АН Груз. ССР, Арм. ССР и Азербайдж. ССР. (Тезисы докладов), Баку, 1954, стр. 33—35.
Раскопки крепости II в. до н. э.— V в. н. э.

393. Аракелян Б. О новооткрытой мозаике в Гарни. (Предварительное сообщение).— ИАНАрмССР. Обществ. науки, 1954, № 7, стр. 111—118; 2 л. илл.
Предположительно III в. Раскопки 1953 г.

394. Аракелян Б. Раскопки в Гарни.— «Советакан граканутюн ев арвест». (Советская литература и искусство), 1954, № 2, стр. 133—143. На арм. яз.

395. Ахмедов Г. М. Об археологических раскопках на одном участке в Мингечауре.— ДАНАзССР, т. 10, № 7, 1954, стр. 507—514 с 14 илл. Резюме на азербайдж. яз.
Погребения рубежа нашей эры.

396. Бурчак-Абрамович, Н. И. Древний крупный рогатый скот Триалетского хребта в Цалкинском районе.— ТЕИМ, вып. 9, 1954, стр. 157—195 с 19 илл. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 25 назв.
По материалам эпохи бронзы и XI—XII вв. из раскопок Б. А. Куфтина.

397. Гзелишвили И. А. Курган в Триалети.— САНГрузССР, т. 15, № 1, 1954, стр. 49—56 с 5 илл.
XIV—XII вв. до н. э.

398. Дьяконов И. М. Первобытно-общинный строй на территории Мидии.— ТИИФАНАзССР, т. 5, 1954, стр. 5—52. Резюме на азербайдж. яз.
Привлекаются данные археологии.

399. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— В сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954. стр. 112—131 с 15 илл и 2 карт.

400. Исми-заде О. Ш. Ялойлу-тапинская культура. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Баку, 1954, 22 стр. (Акад. наук Азербайдж. ССР. Ин-т истории и философии).
Культура конца I тысячелетия до н. э. — первых веков нашей эры в Восточном Закавказье.

401. Киняжалов Р. В. Бронзовый светильник из Зерты.— ДАНАзССР, т. 10, № 9, 1954, стр. 667—673 с 2 илл. Резюме на азербайдж. яз.
I—II вв. н. э. Хранится в Гос. Эрмитаже.

402. Коридзе Д. Позднебронзовые археологические памятники из Тбилиси (Навтлуги).— ВГМГ, XVIII-Б, 1954, стр. 5—89 с 13 илл.; 10 л. илл.
XII—XI вв. до н. э.

403. Крупнов Е. И. О походах скифов через Кавказ.—В сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 186—194 с 1 карт.
С привлечением данных археологии.

404. Кушнарева К. Х. Памятники медного века в Нагорном Карабахе.— СА, XX, 1954, стр. 165—179 с 2 илл.
Памятники начала II тысячелетия до н. э. по раскопкам Э. Рёслера в 1897 г.

405. Лордкипанидзе М. Н. Геммы Гос. музея Грузии. I. Каталог гемм, найденных в Самтавро в 1940—1941 и 1946—1948 гг. Тбилиси, Акад. наук Груз. ССР, 1954. 104 стр. с 15 илл.; 14 л. илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
I—V вв.

406. Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса.— СА, XXI, 1954, стр. 281—305 с 7 илл.; 1 л. илл.
VI в. до н. э. Краснодарский край.

407. Мартиросян А. А. О древнем поселении и могильнике близ Ленинакана.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 106—116 с 4 илл.
X—IV вв. до н. э. Армянская ССР.

408. Мартиросян А. А. Раскопки в Головино. Результаты работ археологических экспедиций Института истории Акад. наук Арм. ССР и Комитета по охране древностей Армении в 1929 и 1950 гг. Ереван, 1954. 117 стр. с илл.; 13 л. илл.

(Акад. наук Арм. ССР. Археологические раскопки в Армении, № 4).
VII—VI вв. до н. э.

409. Мнацаканян А. О. Древний могильник у с. Цамкаберд. — ИАНАрмССР, Обществ. науки, 1954, № 5, стр. 85—94 с 7 илл. На арм. яз.
Могильник эпохи поздней бронзы.

410. Мнацаканян А. О. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 99—104 с 6 илл.

411. Пиотровский Б. Б. Основные результаты раскопок урартской крепости на холме Кармир-блур. (Древн. Тейшебаини).— Объедин. научн. сессия Отделения ист. наук и Отделения философии, экономики и права АН СССР, отделений обществ. наук АН Груз. ССР, Арм. ССР и Азербайдж. ССР (Тезисы докладов). Баку, 1954, стр. 31—32.
VIII—VI в. до н. э.

412. Пиотровский Б. Б. Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур.— Доклады советской делегации на XXIII международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии, М., 1954, стр. 159—182. Текст парал. на рус. и англ. яз.
VIII—VI вв. до н. э.

413. Пиотровский Б. Б. Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур.— СГЭ, 6, 1954, стр. 32—33 с 3 илл.

414. Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток. (Доклад на Конференции по скифо-сарматской археологии).— СА, XIX, 1954, стр. 141—158 с 9 илл.

415. Пиотровский Б. Б. Урартские надписи из раскопок Кармир-блура 1952 г.— ЭВ, 9, 1954, стр. 73—77 с 2 илл.; 1 л. илл.
Надписи VIII в. до н. э. на бронзовых изделиях.

Титенко Г. Т. Закавказские удила, найденные в Полтавщине. См. № 176.

416. Трапш М. М. Грунтовые погребения с инвентарем колхидского типа в сел. Куланурхва.— ТАбхазИЯЛИ, 25, 1954, стр. 174—212 с 15 илл.
VII—VI вв. до н. э. Абхазская АССР.

417. Трапш М. М. Мраморный барельеф из Сухуми.— ТАбхазИЯЛИ, 25, 1954, стр. 372—374 с 1 илл.
То же — ВДИ, 1954, № 1, стр. 163—165 с 1 илл.
Памятник античного искусства V—IV вв. до н. э.

418. Трапш М. М. Новая археологическая находка в Абхазии.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 139—142 с 1 илл.
Железный кинжал в бронзовых ножнах VII—IV вв. до н. э., найденный в с. Колхида.

419. Цицишвили И. Н. Гробница у станции Мцхета.— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 116—126 с 3 илл. и 1 карт.
Последняя четверть I в. н. э. Грузинская ССР.

420. Чубинишвили Т. Н. К истории культуры раннего этапа позднебронзовой эпохи Шида Картли. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тбилиси, 1954, 21 стр. с 3 илл. (Акад. наук Груз. ССР. Ин-т истории им. акад. И. А. Джавахишвили).
По материалам Самтаврского могильника.

421. Шлеев В. В. Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

4. Средневековые памятники

Абдушелишвили М. Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника См. № 389.

422. Абрамишвили Т. Я. Находка византийских золотых монет в Гурджаани.— ВГМГ, XVIII-Б, 1954, стр. 215—222 с 3 илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
Монеты IX—XII вв. Грузинская ССР.

423. Аладашвили Н. А. Рельеф из Опизы с изображением Ашота Куропалата.— САНГрузССР, т. 15, № 7, 1954, стр. 473—478 с 1 илл. Библиогр.: 14 назв.
VIII—IX вв. Грузинская ССР.

424. Али-заде А. А. Некоторые сведения о новообнаруженной кахризной системе гор. Баку.— ДАНАзССР, т. 10, № 5, 1954, стр. 373—378. Резюме на азербайдж. яз.
Остатки сооружений XIV—XV вв.

425. Аракелян Б. Н. Города Армении в IX—XIII веках. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора ист. наук. Ереван, 1954. 32 стр. (Акад. наук Арм. ССР. Ин-т истории).
С привлечением данных археологии.

426. Арутюнян В. М. Звартноц. [2-е изд.] Ереван, Армгиз, 1954. 27 стр.; 12 л. илл. (Упр. по делам архитектуры при Совете министров Арм. ССР).
Храм VII в. Армянская ССР.
То же на арм. яз.

427. Барнавели С. В. Грузинская печать позднефеодального времени.— VIII научная сессия Ин-та истории грузинского искусства 14—15 мая 1954 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1954 (Акад. наук Груз. ССР), стр. 11 и 19. Текст парал. на груз. и рус. яз.
XVII в.

428. Бретаницкий Л. С. Об одной архитектурной конструкции в зодчестве средневекового Азербайджана.— ДАНАзССР, т. 10, № 1, 1954, стр. 67—72 с 6 илл. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 19 назв.
Мавзолей Момине-хатун XII в.

429. Бретаницкий Л. С. и Саламзаде А. В. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана.— ИАНАзССР, 1954, № 10, стр. 61—91 с 2 карт. Резюме на азербайдж. яз.

430. Бретаницкий Л. и Тузинкевич Ю. Первый обмер дворца ширваншахов. (Архивные документы 1807 г.).— ДАНАзССР, т. 10, № 12, 1954, стр. 901—908 с 4 илл.; 1 л. илл. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 10 назв.

Бурчак-Абрамович Н. И. Древний крупный рогатый скот Триалетского хребта. См. № 396.

431. Ваидов Р. М. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур).— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 127—139.
IV—VII вв.

432. Вольская А. И. Фрагменты фресковой живописи грузинского храма «Хозита-Майрам» в Северной Осетии.— САНГрузССР, т. 15, № 6, 1954, стр. 393—398 с 2 илл. Библиогр.: 5 назв.
XI в.

433. Гаприндашвили Г. М. К типологии планировки пещер Вардзии.— САНГрузССР, т. 15, № 1, 1954, стр. 57—64 с 9 илл. Библиогр.: 8 назв.
XII—XIII вв.

434. Гзелишвили И. А. Селища Тетрицкаройского района.— САНГрузССР, т. 15, № 5, 1954, стр. 311—319 с 9 илл.
XI—XIII вв. Грузинская ССР.

435. Гудава Т. Е. Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана.— В сб.: Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 30, 1954, стр. 185—196 с 2 илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз. Библиогр.: 12 назв.

436. Даниелян О. А. Глазурованное блюдо из Мингечаура.— ДАНАзССР, т. 10, № 3, 1954, стр. 229—232 с 2 илл. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 8 назв.
XII—XIV вв.

437. Джалаганиа И. Л. Неизвестный тбилисский диргем монгольского времени.— ВГМГ, XVIII-Б, 1954, стр. 223—226 с 1 илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

438. Джафарзаде И. Археологические раскопки городища Оренкала в 1951 г.— ТИИФАНАзССР, т. 4, 1954, стр. 109—138 с 2 илл.; 1 л. карт. Резюме на азербайдж. яз.
V—XIV вв. Азербайджанская ССР.

439. Долидзе В. О. Гарбани. Памятник грузинской архитектуры IX—X вв. в Хеви. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствовед. наук. Тбилиси, 1954. 12 стр. (Акад. наук Груз. ССР. Ин-т истории груз. искусства).

440. Долидзе В. О. Хозита-Майрам — документ культурных связей Грузии с народами Северного Кавказа.— САНГрузССР, т. 15, № 2, 1954, стр. 119—126 с 4 илл.; 1 л. илл. Библиогр.: 6 назв.
Храм XI в.

441. Закарая П. П. Крепостные сооружения Шида-Картли.— II научная сессия Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 15—16 апр. 1954 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1954. (Акад. наук Груз. ССР), стр. 20—21; 36—38. Текст парал. на груз. и русс. яз.

442. Закарая П. П. Ксанская, Мчадисджварская и Мухранская крепости.— ВГМГ, XVIII-Б, 1954, стр. 131—177 с 20 илл.; 4 л. илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
XVIII в. Остатки первоначальной Ксанской крепости XVI в. были включены в новую постройку.

443. Иессен А. А. Работы Азербайджанской экспедиции.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 53—56.
Раскопки городища Орен-кала IX—XIII вв. Азербайджанская ССР.

444. Караханян Г. О. Неполивная орнаментированная керамика из раскопок Двина и Ани. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Ереван, 1954. 30 стр. (Акад. наук Арм. ССР. Ин-т истории).
X—XIII вв. Армянская ССР.

445. Кузнецов В. А. Археологические разведки в Зеленчукском районе, Ставропольского края, в 1953 году.— Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 6. Ставрополь. 1954, стр. 345—351 с илл.
Разведка средневековых памятников.

446. Ломтатидзе Г. А. Итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии.— Объединенная научн. сессия Отделения ист. наук и Отделения философии, экономики и права АН СССР, отделений обществ. наук АН Груз. ССР, Арм. ССР и Азербайдж. ССР (Тезисы докладов). Баку, 1954, стр. 40—42.

447. Майсурадзе З. П. Грузинская художественная керамика XI—XIII вв. (Ангобированная керамика Дманиси). Тбилиси, 1954. 33 стр.; 40 л. илл. (Акад. наук Груз. ССР. Ин-т истории груз. искусства).

448. Меликсет-Бек Л. М. Армянские надписи Дманиси.— ТИЯАНГруз ССР, I, 1954, стр. 153—161; 10 л. илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
Надписи XIII, XVI, XVIII вв.

449. Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV—XVI вв.— СА, XX, 1954, стр. 343—356 с 1 карт. и 4 илл.

450. Минаева Т. М. Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае.— Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 6. Ставрополь, 1954, стр. 287—305.
XIV—XVI вв. и XVII—XVIII вв.

451. Мусхелишвили Л., Хидашели Ш. и Джапаридзе В. Отчет Гударехских первой и второй (1938 и 1939 гг.) археологических экспедиций. Под ред. Л. Мусхелишвили. Тбилиси, 1954. XI, 138 стр. с 56 илл; 4 отд. л. черт. в конверте. (Акад. наук Груз. ССР. Ин-т истории им. И. А. Джавахишвили). На груз. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки поселения XII—XIII вв. и XVII вв.

452. Мшвениерадзе Д. М. Мцхетский «Светицховели». («Храм животворного креста») царя Вахтанга (V в.).—«Мецниереба да техника» («Наука и техника»), Тбилиси, 1954, № 9, стр. 27—30. На груз. яз.

453. Мшвениерадзе Д. М. Строительное дело в древней Грузии.— В сб.: Труды по истории техники, вып. 8. М., 1954, стр. 3—28 с 22 илл. Библиогр.: 13 назв.

454. Рагимов А. В. Клад ильдегизидских монет XII—XIII вв. (Агдамский район).— ДАНАзССР, т. 10, № 3, 1954, стр. 223—226 с 3 илл. Резюме на азербайдж. яз.

455. Халпахчьян О. Двухапсидные базилики Армении.— ИАНАрмССР, Обществ. науки, 1954, № 8, стр. 51—62 с 8 илл. В огл. авт.: О. Халпахчян.
XIII—XIV вв.

456. Цискаришвили В. Надписи из Аспиндского района.— Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 30, 1954, стр. 167—180 с илл. На груз. яз.
Надписи X, XV, XVI вв.

457. Цискаришвили В. Г. О надписи сел. Гандзани.— САНГрузССР, т. 15, № 6, 1954, стр. 385—392 с 4 илл. Библиогр.: 12 назв.
XIV в.

458. Чолокашвили К. К. Грузинское боевое оружие. Щит.— ВГМГ, XVIII-Б, 1954, стр. 227—253 с 24 илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

459. Чубинишвили Г. Н. К вопросу о первоначальных формах мцхетского кафедрала Свети Цховели.— VIII научная сессия Ин-та истории грузинского искусства 14—15 мая 1954 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1954 (Акад. наук Груз. ССР), стр. 9 и 16—17. Текст парал. на груз. и рус. яз.
Храм XI в.

460. Шелковников Б. А. Китайская керамика из раскопок средневековых городов и поселений Закавказья.— СА, XXI, 1954, стр. 368—378 с 5 илл.
X—XV вв.

461. Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент. Текст, подбор материалов и рис. Р. Шмерлинг Табл. сост. А. Кравченко. Тбилиси, Гос. изд-во, 1954. 97 стр. 35 л. илл. Текст парал. на груз. и рус. яз.
V—XIV вв.

462. Шмерлинг Р. О. К вопросу о датировке древнейших фресковых росписей Грузии.— VIII научная сессия Ин-та истории грузинского искусства 14—15 мая 1954 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1954. (Акад. наук Груз. ССР) стр. 9—11 и 17—18. Текст парал. на груз. и рус. яз.
VIII—IX вв.

IV. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСКАЯ ССР

1. Общие работы

463. Агеева Е. И. Краткие итоги работы археологических экспедиций Института истории, археологии и этнографии 1953 года.— ИАНКазССР, № 137. Серия истории, экономики, философии, права, вып. 1, 1954, стр. 83—85.

464. Агеева Е. И. и Акишев К. А. Археологические исследования Института истории в 1954 г. [Ин-т истории, археологии и этнографии Акад. наук Казах. ССР].— ВАНКазССР, 1954, № 11, стр. 67—75 с 1 илл.
Памятники от эпохи палеолита до XV в.

465. Андрианов Б. В. К вопросу о причинах запустения земель древнего орошения на Куня-Дарье и Жаны-Дарье.— ИВГО, т. 86, вып. 5, 1954, стр. 442—447. Библиогр.: 24 назв.
С привлечением данных археологии.

Археология Средней Азии [Сборник статей]. Отв. ред. М. Е. Массон. Ташкент, 1953 [Вып. дан. 1954]. Помещен в библиографии на 1953 г. («Сов. археология», XXVII, 1957).

466. Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана.— СА, XXI, 1954, стр. 379—394 с 2 илл.
III—II вв. до н. э.— XIII в.

467. Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г.— ДАНТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 69—79.
Монеты первых веков нашей эры и средневековые.

468. Дьяконов М. М. Предварительные итоги работ Таджикской археологической экспедиции в 1953 г.— ДАНТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 9—15.
Эпоха неолита, VII—V вв. до н. э., I в. до н. э.— I в. н. э., V—IX вв.

469. Исламов О. И. О мероприятиях по охране и документации древних и средневековых рудников.— ТСАГУ, вып. 52. Геол. науки, кн. 5, 1954, стр. 97—102. Библиогр.: 7 назв.
Мероприятия при геолого-разведочных работах в Средней Азии.

470. Кибиров А. Археологическое изучение Киргизии.— ИКирФАНСССР, 1954, вып. 2(12), стр. 59—69.
Очерк истории и археологического изучения Киргизии.

471. Колодин Ф. И. В Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.— ИАНКазССР, № 137. Серия истории, экономики, философии, права, вып. 1, 1954, стр. 88.
Сообщение о работах Центрально-Казахстанской, Западно-Казахстанской и Восточно-Казахстанской экспедиций Ин-та.

472. Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. (Краткий очерк). Сталинабад, 1954. 83 стр. (Акад. наук Таджик. ССР Ин-т истории, археологии и этнографии. Труды, т. 26). Резюме на таджик. яз.
Рец.: Заднепровский Ю. А. и Массон В. М.—ВИ, 1955, № 12, стр. 184—185.

473. Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954. 48 стр. с 27 илл. (Акад. наук Таджик. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Научно-попул. б-ка. Вып. 19). Библиогр. в примеч.: стр. 42—46.

474. Литвинский Б. А. Основные этапы изучения археологии Таджикистана советской наукой.— ИООНАНТаджССР, вып. 6, 1954, стр. 51—62.

475. Лунин Б. В. В Институте истории и археологии АН Уз ССР.— ИАНУзССР 1954, № 1, стр. 98—101.
Деятельность института в 1953 г.

476. Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье.— СА, XX, 1954, стр. 57—99.
По письменным и археологическим данным.

477. Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда [Таджикской археологической экспедиции] в 1953 г.— ДАНТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 61—68 с 2 илл.
Памятники от II в. до н. э. до VII в.

478. Массон В. М. Древняя культура Дахистана (Историко-археологические очерки). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М.— Л., 1954. 16 стр. (Ин-т истории материальной культуры Акад. наук СССР. Ленинградское отд-ние).
Памятники II тысячелетия — первой трети I тысячелетия до н. э., III в. н. э. и V—VIII вв. на территории Мисрианской долины Туркменской ССР.

479. Массон М. Е. О работах Южно-Туркменской археологической экспедиции.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 42—45.

Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

480. Окладников А. П. Археологические исследования в Киргизии.— ВАН СССР, 1954, № 9, стр. 50—55 с 3 илл.

О работах Киргизской археолого-этнографической экспедиции 1953 г. Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

481. Окладников А. П. Работы Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953 г. Первый год работы Киргизской комплексной экспедиции.— СЭ, 1954, № 2, стр. 153—155.

Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

482. Окладников А. П. Работы Киргизской экспедиции.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 39—41.

Памятники эпохи палеолита, конца I тысячелетия до н. э. и VII—XII вв.

483. Ошанин Л. В. Этногенез таджиков, по данным сравнительной антропологии тюркских и иранских народов Средней Азии.— ТАНТаджССР, т. 27, 1954, стр. 13—24.

484. Патрушева Б. А. В музее истории АН УзССР в 1950—1952 г.— ИАНУзССР, 1954, № 1, стр. 101—103.

Об археологических работах музея в составе Памиро-Ферганской и Узбекско-Зеравшанской экспедиций.

485. Ставиский Б. [Я]. Выставка культуры и искусства народов Средней Азии.— СГЭ, 6, 1954, стр. 12—13 с 1 илл.

486. Сургай В. Т. Новые археологические данные о разработке рудных месторождений Киргизии.— ТИГКирФАНСССР, вып. 5, 1954, стр. 77—86 с 11 илл.

487. Сургай В. Т. О «рудничной археологии»— ИКирФАНСССР, 1954, вып. 2(12), стр. 71—73.

По материалам древних рудных разработок на территории Средней Азии.

488. Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 году.— СА, XIX, 1954, стр. 239—262 с 16 илл.; 1 разв. л. илл., 1 разв. л. карт.; 1 цв. л. илл.

Памятники от эпохи неолита до VI в.

489. Толстов С. П. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР за 1951—1953 г. М, 1954. 40 стр. (Акад. наук СССР. Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии). Текст парал. на рус. и англ. яз.

490. Толстов С. П. Новые материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Итоги работы 1953 г.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 20—23.

Памятники VI—III вв. до н. э., IV—VIII вв. н. э. и позднего средневековья.

491. Толстов С. П. и Кесь А. С. Проблема древнего течения Аму-Дарьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных.— Материалы ко второму съезду Географического общества СССР. М., 1954, стр. 141—145.

492. Федин Н. Ф. и Владимиров Н. М. Археологические находки междуречья Волги и Урала.— ВАНКазССР, 1954, № 2, стр. 75—81 с 3 илл. и 1 карт.

Памятники эпохи неолита, бронзы, VII—V вв. до н. э., III—I вв. до н. э. и середины I тысячелетия н. э. на территории Западно-Казахстанской и Гурьевской обл.

493. Черников С. С. Восточно-Казахстанская экспедиция.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 46—49.

Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

2. Палеолит и неолит

Громов В. И. Палеолитический человек на территории СССР. См. № 114.

494. Окладников А. П. и Рацек В. И. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня. (Находки в пещере Ак-Чункур).— ИВГО, т. 86, вып. 5, 1954, стр. 447—452 с 4 илл.

Конец эпохи неолита — начало эпохи бронзы.

См. также № 464, 468, 479, 480—482, 488, 492, 493.

3. Эпоха бронзы и железа

495. Винников И. Н. О языке письменных памятников из Нисы (Южный Туркменистан).— ВДИ, 1954, № 2, стр. 115—128 с 8 илл.; 1 л. илл.
Автор приходит к выводу, что язык надписей I в. до н. э.— арамейский.

496. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 15 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
Памятники от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э.

497. Воронец М. Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. — ТМИУзССР, вып. 2, 1954, стр. 53—84 с 26 илл. Библиогр.: 23 назв.
Памятники эпохи бронзы и рубежа нашей эры.

498. Гинзбург В. В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алтая по антропологическим данным (I тысячелетие до н. э.— I тысячелетие н. э.)— ТИЭ, т. 21, 1954, стр. 354—412 с 11 илл., 1 карт.
По антропологическим материалам из раскопок А. Н. Бернштама в Киргизии в 1945—1955 гг.

499. Дурдыев Д. Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 13 стр. (Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
VI в. до н. э.— V в. н. э.

500. Дьяконов М. М. Выступление на сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. (Ташкент, февр., 1954 г.).— СЭ, 1954, № 3, стр. 124—128.
О рабовладельческой формации в Средней Азии.

501. Дьяконов М. М. Надписи на парфянских печатях из древней Нисы.— ВДИ, 1954, № 4, стр. 169—173 с 1 илл. II в.

502. Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии.— СА, XIX, 1954, стр. 121—140 с 5 илл. и 1 карт.
По археологическим памятникам первой половины I тысячелетия до н. э. на территории Южного Таджикистана.

503. Дьяконов М. М., Дьяконов И. М. и Лившиц В. А. Парфянский архив из Южного Туркменистана.— Доклады советской делегации на XXIII международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии. М., 1954, стр. 81—107. Текст, парал. на рус. и англ. яз.

504. Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1954. 18 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отд-ние).
Фергана с середины I тысячелетия до н. э. до III в. (по данным археологии).

505. Кабанов С. К. Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши.— ИАНУзССР, 1954, № 1, стр. 82—94 с 18 илл. Резюме на узбек. яз.
Раскопки поселения III—V вв., Каршинская обл. Узбекская ССР.

506. Куфтин Б. А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау».— ИАНТуркмССР, 1954, № 1, стр. 22—29 с 3 илл.
Культуры эпохи бронзы.

Литвинский Б. А. Новые материалы по археологии Таджикистана. См. № 534.

507. Литвинский Б. А. и Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда [Таджикской археологической экспедиции] на территории Вахшской долины с 1953 г.—ДАНТаджССР, вып. 11, 1954, с. 53—60 с 4 илл.
Раскопки на Ворошиловабадском городище. Первые века нашей эры.

508. Массон В. М. Древнесогдийская монета из собрания Музея истории Академии наук УзССР.— ТМИУзССР, вып. 2, 1954, стр. 85—88 с 3 илл. Библиогр.: 9 назв.
Вторая половина II в.—начало I в. до н. э.

509. Массон В. М. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. — ИАНТуркмССР, 1954, № 2, стр. 3—9 с 1 илл. Библиогр.: 7 назв.
Южный Туркменистан.

510. Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей из Нисы.— ВДИ, 1954, № 4, стр. 159—169; 2 л. илл.
Первые века нашей эры.

511. Мешкерис В. А. Терракотовые статуэтки музыкантов из собрания Музея истории.— ТМИУзССР, вып. 2, 1954, стр. 89—100 с 3 илл. Библиогр.: 37 назв.
Статуэтки II—I вв. до н. э. с городища Афрасиаб.

512. Обельченко О. В. Кую-Мазарский и Лявандакский могильники—памятники древней культуры Бухарского оазиса. Автореферат дисс. на соискание учен.

степени кандидата ист. наук. Ташкент, 1954. 16 стр. (Акад. наук Узбек. ССР. Ин-т истории и археологии).

II в. до н. э.— V—VI вв.

Окладников А. П. и Рацек В. И. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня (Находки в пещере Ак-Чункур). См. № 494.

513. Сенигова Т. Н. Керамика городища Алтын-Асар. Опыт хронологической периодизации, построенной на материалах Хорезмской экспедиции Академии наук СССР 1946—1951 гг. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 15 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

Середина I тысячелетия до н. э.— V—VI вв.

514. Сорокин С. С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы.— СА, XX, 1954, стр. 131—147 с 8 илл.

Первая половина I тысячелетия н. э.

515. Спришевский В. И. Чустская стоянка эпохи бронзы. (Раскопки 1953 года).— СЭ, 1954, № 3, стр. 69—76 с 9 илл.; 2 л. илл.

Раскопки 1953 г. Наманганская обл. Узбекской ССР.

516. Черников С. С. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 29—49 с 9 илл.

4. Средневековые памятники

517. Агеева Е. И. Раскопки на городище Баба-Ата (1953—1954 гг.).— ИАНКаз ССР, № 137. Серия истории, экономики, философии, права, вып. 1, 1954, стр. 75—82.

Памятники X—XIV вв. Южно-Казахстанская обл.

518. Беленицкий А. М. Археологические работы в Пянджикенте.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 31—47 с 11 илл.

VI—VIII в. Работы 1952 г. Ленинабадская обл. Таджикской ССР.

519. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов.— В сб.: «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 25—82; табл. I—XXXIX.

520. Беленицкий А. М. Предварительный отчет о работах Пянджикентского отряда [Таджикской археологической экспедиции] в 1953 г. — ДАНТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 17—29 с 9 илл.

521. Беленицкий А. М. Раскопки в Пянджикенте.— Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии. М., 1954, стр. 25—47. Текст, парал. на рус. и англ. яз.

522. Большаков О. Г. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник (Исследование собрания Гос. Эрмитажа). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1954. 19 стр. (Гос. Эрмитаж).

523. Воронина В. Л. К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов.— ТАНТаджССР, т. 27, 1954, стр. 41—55.

IX—X вв.

524. Давидович Е. А. Вторая монета Саманида Нуха ибн Асада.— ЭВ, 9, 1954, стр. 38—39.

IX в. Найдена в 1949 г. в Ташкенте.

525. Давидович Е. А. Денежная реформа Шейбани-хана. (Из истории среднеазиатской экономики в XVI в.).— ТАНТаджССР, т. 12, 1954, стр. 85—108 с 2 илл.

По данным нумизматики.

526. Давидович Е. А. Из области денежного обращения на территории Ферганы.— ТМИУзССР, вып. 2, 1954, стр. 39—52 с 1 илл. Библиогр.: 11 назв.

В основном по монетам IX—X и XII—XIII вв., найденным археологическим отрядом Памиро-Ферганской комплексной экспедиции в 1950 г.

527. Давидович Е. А. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах.— ТАНТаджССР, т. 27, 1954, стр. 69—117.

IX—X вв.

528. Джалилов А. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабов в первой половине VIII века (по материалам письменных и археологических источников). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 14 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

529. Дьяконов М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии.— В сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 83—158 с 30 илл.; табл. I—XXXIX.

530. Дьяконов М. М. и Дашевский Ю. С. Поздние миниатюры Касима-Али в рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

в Ленинграде.— ИООНАНТаджССР, вып. 5, 1954, стр. 29—41; 4 л. илл.

Миниатюры XV в.

531. Живопись древнего Пянджикента. [Сборник работ, посвящ. 25-летию Таджик. ССР. Отв. ред. А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов]. М., 1954. 207 стр. с илл.; 41 л. илл. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Акад. наук Таджик. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии).

См. № 66, 519, 529, 549.

Рец.: Бачинский Н. М. Древняя живопись народов Средней Азии.— ВАН СССР, 1955, № 10, стр. 111—115; 2. Дьяконов М. М.— «Коммунист Таджикистана», 1954, 13 июня; 3. Леонов Н. Памятники древней культуры.— «Правда Востока», 1954, 11 дек.; 4. Павлов Н. Ценный труд по истории и культуре народов Средней Азии.— «Ленинаб. правда», 1955, 11 марта.

532. Лившиц В. А., Кауфман К. В. и Дьяконов И. М. О древней согдийской письменности Бухары.— ВДИ, 1954, № 1, стр. 150—163.

Разбор надписей V—VI вв. на монетах и памятниках торевтики.

533. Литвинский Б. А. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.).— ТАН ТаджССР, т. 27, 1954, стр. 119—171 с 19 илл.

534. Литвинский Б. А. Новые материалы по археологии Таджикистана.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 139—146 с 4 илл.

Памятники первых веков нашей эры и средневековые по раскопкам 1952 г.

535. Литвинский Б. А. и Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда [Таджикской археологической экспедиции] на территории Кулябской области в 1953 г.— ДАНТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 39—52 с 6 илл.

Памятники X—XII вв.

536. Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах Верхнезеравшанского отряда [Таджикской археологической экспедиции] в 1953 г.— ДАНТадж ССР, вып. 11, 1954, стр. 31—37.

Памятники VII—XII вв.

537. Массон М. Е. Прошлое Ташкента. (Археолого-топографический и историко-архитектурный очерк).— ИАНУзССР, 1954, № 2, стр. 105—132 с 14 илл. Резюме на узбек. яз. Библиогр.: 8 назв.

538. Мухтаров А. Надпись Султана Захируддина Бабура (1483—1530) на камне в Матче — ИООНАНТадж. ССР, вып. 5, 1954, стр. 109—115.

Таджикская ССР

539. Неразик Е. Е. Афригидские памятники древнего Хорезма. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Миклухо-Маклая).

Памятники IV—VIII вв.— времени правления хорезмийской династии Афригидов.

540. Пацевич Г. И. Историческая топография городов и поселений юга Казахстана VII—XV вв. н. э. (по археологическим данным). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1954. 15 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

541. Певзнер С. Б. О двух арабских азбуках из раскопок в Мерве.— ЭВ, 9, 1954, стр. 24—37 с 1 илл.; 2 л. илл.

Письмена VII—VIII вв., нанесенные на поверхность глиняных черепков.

542. Пугаченкова Г. А. Буддийская кумирня в Мерве. (Из работ архитектурного отряда ЮТАКЭ).— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 140—146 с 3 илл.

XIII—XIV вв.

542а. Пугаченкова Г. А. Сауранские башни.— ТСАГУ, вып. 57, 1954, стр. 163—167 с 1 илл.

XVI в. Казахская ССР.

543. Пугаченкова Г. А. Хароба-кошук.— ИАНТуркмССР, 1954, № 3, стр.15—19 с 3 илл. Библиогр 9 назв.

Христианское культовое сооружение V—VI вв. близ Старого Мерва.

544. Смирнова О. И. Монеты древнего Пянджикента.— КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 48—51 с 1 илл.

VII—VIII вв.

545. Ставиский Б. Я. Пянджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук Л., 1954. 15 стр. (Гос. Эрмитаж).

546. Толстов С. П., Кесь А. С. и Жданко Т. А. История Сарыкамышского озера в средние века.— ИАНСССР. Серия геогр., 1954, № 1, стр. 41—50. Библиогр.: 15 назв.

С привлечением данных археологии.

547. Френкель Н. И. Монументальная архитектура Бухары XVI века. (К вопросу о развитии монументальной архитектуры Узбекистана). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. Ташкент, 1954. 15 стр. (Мин-во высш. образования. Среднеазиат. политехн. ин-т).
548. Хайрутдинов Д. Х. Горные выработки средних веков и древние следы человека на Мангышлаке.—ВАНКазССР, 1954, №3, стр. 82—84 с 3 илл. Библиогр.: 5 назв.
549. Якубовский А. Ю. Вопросы изучения пянджикентской живописи.— В сб.: «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 7—24, табл. I—XXXIX.

V. СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

1. Общие работы

550. Алексеев В. П. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая.—КСИЭ, 21, 1954, стр. 63—69; 1 разв. л. табл.
По материалам X в. до н. э.— VIII в. н. э. из раскопок в урочище Ближние Елбаны.
551. Арембовский И. В. К вопросу о соотношении карстовых образований с археологическими памятниками в Приангарье.— ТИркУ. Серия геол., т. 6, вып. 2, 1954, стр. 3—6.
552. Грач А. Д. Обследование археологических памятников Западной Тувы.— УЗТувИЯЛИ, вып. 2, 1954, стр. 155—166; 4 л. илл.
553. История Бурят-Монгольской АССР В 2 томах [Ред. коллегия: П Т. Хаптаев (главн. ред.) и др.]. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. Улан-Удэ, Бурят-Монгол. кн. изд., 1954. 496 стр. с илл. (Бурят-Монгол. научн.-исслед. ин-т культуры).
Стр. 10—26: гл. 1 «Эпоха первобытно-общинного строя на территории Бурят-Монголии».
Стр. 28—48: гл. 2 «Разложение первобытно-общинного строя и формирование патриархально-феодальных отношений на территории Бурят-Монголии».
Широко использованы данные археологии.
554. Окладников А. П. Археологические исследования на Дальнем Востоке.— Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 26—27.
Памятники от эпохи палеолита до средневековья.
555. Рыгдылон Э. Р. О знаках на плитах с руническими надписями.— ЭВ, 9, 1954, стр. 65—72, с 4 илл. и 1 карт.
Плиты из бассейна Верхнего Енисея, хранящиеся в Минусинском музее.
555а. Скалон В. Н. К материалам о древнем скотоводстве Западного Забайкалья.— Известия Иркут. с.-х. ин-та, вып. 6, 1954, стр. 285—300 с 7 илл. Библиогр.: 24 назв.
По данным археологии.
556. Федоров В. И. Из истории развития орошения в Хакассии.— ЗХакасИЯЛИ, вып. 3, 1954, стр. 33—67.
Стр. 35—39: «Древнейший период развития орошения (до начала XVIII в.)».

2. Палеолит и неолит

Бурчак-Абрамович Н. И. Материалы к изучению фауны палеолита СССР. См. № 110.
557. Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги.— КСИЭ, 20, 1954, стр. 59—67.
Эпоха неолита.
Громов В. И. Палеолитический человек на территории СССР. См. № 114.
558. Дульзон А. П. О некоторых древних поселениях человека в пределах Томской области.— УЗТомПИ, т. 12, 1954, стр. 233—278 с 16 илл.
Памятники эпохи неолита, бронзы и раннего железа.
Окладников А. П. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований. См. № 8.
559. Окладников А. П. Новые археологические открытия в Восточной Сибири и древняя история Якутии.— Доклады на 5 и 6-й науч. сессиях (Якут. филиал Акад. наук СССР). История и филология. Якутск. 1954, стр. 7—15.
Памятники эпохи неолита и эпохи железа.
560. Трухин Г. В. Археологические древности Томска.— УЗТомПИ, т. 12, 1954, стр. 279—286.
Памятники эпохи палеолита, неолита и бронзы.

561. Хороших П. П. Неолитические стоянки на реке Белой.— «Природа», 1954, № 12, стр. 113 с 1 илл.
Иркутская обл.
562. Хороших П. П. Неолитическое погребение на реке Кае. (Окрестности г. Иркутска) — КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 83—88 с 6 илл.

3. Эпоха бронзы и железа

563. Алексеев В. П. Материалы по палеоантропологии населения Минусинской котловины времени таштыкской культуры.— КСИЭ, 20, 1954, стр. 52—58.
I—IV вв. н. э.
564. Береговая Н. А. Археологические находки на острове Четырёхстолбовом. (Медвежьи острова к северу от устья р. Колымы) — СА, XX, 1954, стр. 288—312 с 6 илл.
Раскопки жилища древнеэскимосской культуры XVII в.
565. Вайнштейн С. И. Археологические раскопки в Туве в 1953 году.— УЗТувИЯЛИ, вып. 2, 1954, стр. 140—154; 8 л. илл.
Памятники эпохи бронзы и I тысячелетия н. э.
Дульзон А. П. О некоторых древних поселениях в пределах Томской обл. См. № 558.
566. Липский А. Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи. (Хакассия).— КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 89—98 с 4 илл. и 1 карт.
Погребения афанасьевской культуры эпохи бронзы (конец III тысячелетия — первая половина II тысячелетия до н. э.).
Окладников А. П. Новые археологические открытия в Восточной Сибири. См. № 559.
567. Окладников А. П. Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят.— СЭ, 1954, № 1, стр. 150—153 с 2 илл. и 1 карт.
568. Окладников А. П. Оленный камень с реки Иволги.— СА, XIX, 1954, стр. 207—220 с 4 илл.
VII—V вв. до н. э.
Трухин Г. В. Археологические древности Томска. См. № 560.
569. Хороших П. П. Наскальные рисунки на берегах Лены.— «Природа», 1954, № 3, стр. 110—111 с 5 илл.
Предположительно VI—VIII вв.

VI. РАБОТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Алиев И. О некоторых вопросах древнейшей истории мидийских племен. См. № 390.
570. Археологические раскопки на берегу Дуная в Венгрии.— ВИ, 1954, № 1, стр. 188, Подпись: В. Н.
571. Виноградова А. И. К вопросу о возникновении городов в Чехии.— УЗИС, т. 10, 1954, стр. 389—412.
С привлечением данных археологии.
572. Воробьев М. В. и Итс Р. Ф. Работы китайских археологов. Обзор сборников «Тянье каогу баогао» (№ 1, 1936) и «Чжунго каогу сюэбао» (№ 2—4, 1947—1949, Шанхай).— СА, XXI, 1954, стр. 430—458.
573. Вощинина А. И. Фракийская художественная бронза II—III вв. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. (К вопросу о культуре и искусстве Фракии первых веков нашей эры). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. Л., 1954. 16 стр. (Гос. Эрмитаж).
574. Гольдберг Т. Г. Из посольских даров XVI—XVII веков. Английское серебро.— В сб.: «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 435—506 с 53 илл.; 7 л. илл.
575. Гремяцкий М. А. Разгадка одной антропологической тайны.— СЭ, 1954, № 1, стр. 154—157.
О фальсификации пильтдаунской находки.
Дьяконов И. М. Первобытно-общинный строй на территории Мидии. См. № 398.
576. Дьяконова Н. В. Китайская шелковая набойка из Дуньхуана.— СГЭ, 6, 1954, стр. 28—30 с 1 илл.
Набойка IX—X в. из Восточного Туркестана.
577. История Болгарии. В 2 томах. [Под ред. П. Н. Третьякова и др.]. Т. 1. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 576 стр. с илл. и карт. Стр. 13—31: гл. 1 «Первобытно-общинный и рабовладельческий строй у дославянского населения Болгарии».

Стр. 32—46: гл. 2. «Социально-экономический строй славян в IV—VI вв. Заселение славянами Балканского полуострова».

Широко использованы данные археологии.

Рец.: 1. Семенов В. Новая работа советских историков.— «Славяне», 1955, № 6, стр. 57—60; 2. Стальный В.— «Волжская коммуна», 1954, 27 окт.

578. История Монгольской Народной Республики. [Глав. ред. Б. Д. Греков и др.] М., 1954. 423 стр.; 7 л. портр. и карт. (Академия наук СССР. Комитет наук МНР). «Основная литература по истории МНР», стр. 395—408.

Стр. 41—52: Ч. I. Раздел 1 «Первобытно-общинный строй».

Рец.: 1. Дулов В. Монгольская Народная Республика.— «Известия», 1955, 10 июля; 2. Дулов В. И. — СВ, 1955, № 2, стр. 171—177.

579. История Польши. В 3 томах. Под ред. В. Д. Королюка [и др.] Т. 1. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 584 стр. с илл. и карт.

Стр. 15—20: Гл. 1 «Первобытно-общинный строй»; стр. 27—50, гл. 2 «Польские земли в период возникновения феодальных отношений».

Рец.: 1. Бардах Ю.— ВАН СССР, 1955, № 8, стр. 113—121; 2. Казаченко А. Труд советских историков о прошлом польского народа.— «Славяне», 1955, № 4, стр. 55—59.

580. Итс Р. Ф. Социально-экономические отношения в Китае в период династии Инь. (XIV—XII вв. до н. э.).— ВДИ, 1954, № 2, стр. 9—18.

В работе широко использованы данные археологии.

581. Каждан А. П. Византийские города в VII—XI вв.,— СА, XXI, 1954, стр. 164—188 с 1 карт.

С привлечением данных археологии.

582. Кинжалов Р. В. Майя.— БСЭ, т. 26 [1954] стр. 86—88 с илл.

583. Кинжалов Р. В. Ольмекская статуэтка Эрмитажа.— СГЭ, 6, 1954, стр. 30—31 с 1 илл.

V—III вв. до н. э. Мексика.

584. Кречетова М. Н. Выставка культуры и искусства Китая.— СГЭ, 6, 1954, стр. 14—15 с 1 илл.

585. Лундин А. Г. Южноарабская историческая надпись VI в. н. э. из Мариба.— ЭВ, 9, 1954, стр. 3—23 с 1 илл.

586. Мандельштам А. М. О некоторых результатах работ Французской археологической миссии в Афганистане.— СА, XXI, 1954, стр. 415—429.

587. Матье М. Э. Выставка культуры и искусства Римского и Коптского Египта в Государственном Эрмитаже.— ВДИ, 1954, № 3, стр. 188.

588. Меликсет-Бек Л. М. Некоторые памятники армянской эпиграфики на территории Турции. (По материалам археологической экспедиции Е. С. Такайшвили 1907 г.).— ЭВ, 9, 1954, стр. 78—82; 1 л. илл.

X—XVI вв.

589. Мишина З. А. Археологические открытия и исследования в Чехословакии. 1948—1953 гг.— ВДИ, 1954, № 3, стр. 138—151.

590. Об археологической науке в Китае. [По материалам статьи Ся Най в журн. «Кэсюэ тунбао», 1953, № 12].— ВИ, 1954, № 3, стр. 190—191.

Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток. См. № 414.

591. Рубин В. А. Раскопки гробницы, могил и остатков жилищ эпохи Инь. [По материалам «Бюллетеня археологии Китая», 1951, № 5].— ВДИ, 1954, № 1, стр. 135—149 с 8 илл.

II тысячелетие до н. э.

592. Сидорова Н. А. Сложение чернофигурного стиля в аттической вазописи. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствовед. наук. М., 1954. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак.).

593. Чайковская М. Гандхарская скульптура Музея искусств Узбекистана.— Сборник студ. работ. Среднеаз. гос. ун-та им. В. И. Ленина. Вып. 6, 1954, стр. 57—72 с 3 илл.

Скульптура I—IV вв. н. э. из городища Беграма в Афганистане.

Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики. См. № 265.

VII. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

594. Абрамян В. Мастера золотых и серебряных дел в Армении.— «Советакан Айастан» («Сов. Армения»). Ереван, 1954, № 10, стр. 19—21. На арм. яз.

С древнейших времен до наших дней.

595. Анфимов Н. Раскопки на Таманском полуострове.— «Кубань», 15, 1954, стр. 205—208.

638. Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
Рец.: 1. Варшавский А. Грамоты на бересте.— «Моск. комсомолец» 1954, 18 мая; 2. Лихачев Д. С..— СА, XIX, 1954, стр. 318—327; 3. Николаева А. Уникальные памятники— НМ, 1954, № 1, стр. 283—286; 4. Щепкина М. В.— ВИ, 1954, № 4, стр. 158—161.

639. Бернштам А. Н. Древнетюркский документ из Согда.—ЭВ, 5, 1951, стр. 65—75.
Рец.: Малов С. Е.— ИАНСССР. Отд-ние литературы и языка. 1954, вып. 2, стр. 197—198.

640. Бибиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. М.— Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1953. (Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 38.).
Рец.: Пассек Т. С.— ВДИ, 1954, № 2, стр. 70—75.

641. Борисковский П. И. Палеолит Украины. М. — Л., 1953. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 40).
Рец.: Черныш О. П. Нова робота з найдавнішої історії України.— ВАН УРСР, 1954, № 8, стр. 73—76.

642. Древнеармянская миниатюра (Альбом). Миниатюра в армянских рукописях X—XVII вв. Ереван, 1952.
Рец.: Аветисян А.— «Советакан граканутюн ев арвест» («Советская литература и искусство»), 1954, № 1, стр. 167—170. На арм. яз.

643. Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерк по истории палеолитического времени. Изд. 3-е, перераб. и доп. Киев, Акад. наук Укр. ССР, 1953.
Рец.: 1. Борисковский П. И.— СЭ, 1954, № 1, стр. 177—181; 2. Борисковський П. И. Визначний історико-археологічний твір.— ВАН УРСР, 1954, № 2, стр. 63—69; 3. Брюсов А. Я.— ВДИ, 1954, № 1, стр. 52—56.

644. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1952. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 30).
Рец.: Чебоксаров Н. Н.— СА, XX, 1954, стр. 391—398.

645. Иванов П. П. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Дневник археол. раскопок. [Моршанск], 1952. (Моршанский краевед. музей].
Рец.: 1. Дубынин А. Ф.— ВИ, 1954, № 3, стр. 163—165; 2. Островский Л. История одной книги.— «Комсомольская правда», 1954, 3 ноября.

646. История русского искусства. Под общ. ред. И. Э. Грабаря. Т. 1. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
Рец.: 1. Дмитриев Ю.— «Искусство», 1954, № 4, стр. 77—80;
2. Зотов А.— «Сов. культура», 1954, 14 сент. 3. Лихачев Д. С.— ВИ, 1954, № 12, стр. 141—146.

647. Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., Учпедгиз, 1952.
Рец.: Цветаева Г. А.— СА, XX, 1954, стр. 410—416.

648. Кафадарян К. Город Двин и его раскопки. Результаты работ археологической экспедиции Академии наук Арм. ССР 1937—1950 годов. 1. Ереван, 1952.
Рец.: Меликсет-Бек Л.—ИАНАрмССР, 1954, №1, стр. 83—92. На арм. яз.

649. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период.). М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 32).
Рец.: 1. Бриткин А. С. и Монгайт А. Л. Книга по истории русской металлургии.— ВАН СССР, 1954, № 5, стр. 103—106. 2. Федоренко П. Техника древней Руси.— НМ, 1954, № 3, стр. 281—283.

650. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
Рец.: 1. Борисковский П. И.— СЭ, 1954, № 2, стр. 179—180; 2. Брюсов А. Я. и Першиц А.— ВДИ, 1954, № 2, стр. 75—81; 3. Першиц А. Обсуждение книги М. О. Косвена «Очерки истории первобытной культуры».— СЭ, 1954, № 2, стр. 181—183; 4. Шаревская Б. И. Популярная книга по истории первобытной культуры.— ВФ, 1955, № 1, стр. 161—163.

651. Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, Изд-во. Акад. наук УзССР, 1952.
Рец.: Итина М.— СЭ, 1954, № 4, стр. 172—175.

652. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Под ред. Н. Н. Воронина. Т. 2. Крепостные сооружения древней Руси, М., Изд-во Акад. наук СССР, 1952. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 31).
Рец.: Брунов Н. И., Максимов П. Н. и Чиняков А. Г.— СА XX 1954, стр. 399—409.

619. Окладников А. П. и Ларичев В. Е. Памятники древней культуры Приморья.— В сб. «Советское Приморье», 17. Владивосток, 1954, стр. 300—306.
620. Окладников А. П. У истоков культуры народов Дальнего Востока.— В сб.: «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана». М., 1954, стр. 225—260 с 12 плл. и 1 карт.; 6 л. илл.
Памятники от эпохи палеолита до средневековья.
621. Пидопличко И. Г. Происхождение человека. Стенограмма двух публичных лекций. Киев., 1954. 56 стр. с илл. (О-во по распространению полит. и научн. знаний Укр. ССР). Библиогр.: стр. 53—55. На укр. яз.
622. Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. Раскопки древней урартской крепости в Армении.— В сб.: «Ленингр. альманах», кн. 9, 1954, стр. 361—367 с 2 илл.
VIII—VI вв. до н. э.
623. Плисецкий М. С. Как произошел и развился человек. [«Пер. со 2-го доп. изд.]. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1954. 88 стр. с илл. На коми яз.
То же — на тат. яз. Казань, Таткнигоизд. 107 стр. с илл.
624. По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. [Сборник статей. Науч. ред. и сост. Г. Б. Федоров. Предисл. С. В. Кисєлева]. М., Госкультпросветиздат, 1954. 336 стр. с илл. и карт.; 40 л . илл.
См. № 597, 599, 605—607, 610, 620, 629, 633.
Рец.: 1. Варшавский А.— ЗС, 1955, № 10, стр. 21; 2. Виргинский В.— «Огонек», 1955, № 24, стр. 25; 3. Попков Ю. В глубь веков.— ВС, 1955, № 8, стр. 59—60.
625. Раскопки на берегу Дуная. Сокр. текст статьи из журн. «Венгерский бюллетень» , 1953, № 153.— «Природа», 1954, № 7, стр. 69—70 с 2 илл.
Раскопки могилы эпохи бронзы в Венгрии.
626. Рижский М. И. Древнейшее прошлое Забайкалья. (Каменный и бронзовый века).— «Наш край». Краеведческий сборник. Чита, 1954, стр. 3—18. Перед загл. ошибочно: «Н. М. Рижский».
627. Розен М. Ф. Древние стоянки человека в пещерах Алтая.— «Природа», 1954, № 2, стр. 112—114 с 3 илл.
628. Рыбаков Б. Древние славяне в Причерноморье.— «Славяне», 1954, № 2, стр. 22—26.
X—XII вв. Раскопки древней Тмутаракани.
629. Смирнов А. П. и Мерперт Н. Я. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья.— В сб.: «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана». М., 1954, стр. 9—64 с 28 илл.; 10 л. илл.
От палеолита до XIV в.
630. Тарасенко В. Г. Старажытны Менск.— «Беларусь», 1954, № 1, стр. 31 с 1 илл.
631. Телегін Д. Таємниця підземелля (Нова знахідка радянських вчених).— «Україна», 1954, № 11, стр. 39 с 3 илл.
Раскопки скифского кургана IV—III вв. до н. э. Запорожская обл.
632. Урысон М. И. Что говорит наука о происхождении человека.— «Культ.-просвет. работа», 1954, № 12, стр. 45—50.
633. Чернецов В. Н. и Мошинская В. И. В поисках древней родины угорских народов.— В сб.: «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана». М., 1954, стр. 163—192 с 18 илл.; 4 л. илл.
Западная Сибирь в IV в. до н. э.— I в. н. э. по археологическим данным.
634. Шишкин В. А. Древние культурные связи народов Средней Азии с китайским народом. Ташкент, Объедин. изд. «Кзыл Узбекистан», «Правда Востока» и «Узбекистан Сурх», 1954. 28 стр. (О-во по распространению полит. и науч. знаний Узбек. ССР, № 26). На узбек. яз.
635. Югов А. Из глубины веков.— В сб.: «Год тридцать седьмой». Альманах 16, кн. 1, М., 1954, стр. 338—350.
О работе Новгородской археологической экспедиции.

VIII. РЕЦЕНЗИИ НА РАБОТЫ, ВЫШЕДШИЕ ДО 1954 г.

636. Анфимов Н. В. Древние поселения Прикубанья в I тысячелетии до н. э. и в первые века нашей эры. Краснодар, 1953.
Рец.: Коровина А.— ВДИ, 1954, № 2, стр. 84—86.
637. Археология и история Боспора. Сборник статей. [Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич]. I. Симферополь. Крымиздат, 1952.
Рец.: Болтунова А. И.— ВДИ, 1954, № 1, стр. 64—69; 2. Максимова М. И.— СА, XXI, 1954, стр. 397—402.

638. Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
Рец.: 1. Варшавский А. Грамоты на бересте.— «Моск. комсомолец» 1954, 18 мая; 2. Лихачев Д. С..— СА, XIX, 1954, стр. 318—327; 3. Николаева А. Уникальные памятники— НМ, 1954, № 1, стр. 283—286; 4. Щепкина М. В.— ВИ, 1954, № 4, стр. 158—161.

639. Бернштам А. Н. Древнетюркский документ из Согда.—ЭВ, 5, 1951, стр. 65—75.
Рец.: Малов С. Е.— ИАНСССР. Отд-ние литературы и языка. 1954, вып. 2, стр. 197—198.

640. Бибиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. М.— Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1953. (Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 38.).
Рец.: Пассек Т. С.— ВДИ, 1954, № 2, стр. 70—75.

641. Борисковский П. И. Палеолит Украины. М. — Л., 1953. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 40).
Рец.: Черныш О. П. Нова робота з найдавнішої історії Украіни.— ВАН УРСР, 1954, № 8, стр. 73—76.

642. Древнеармянская миниатюра (Альбом). Миниатюра в армянских рукописях X—XVII вв. Ереван, 1952.
Рец.: Аветисян А.— «Советакан граканутюн ев арвест» («Советская литература и искусство»), 1954, № 1, стр. 167—170. На арм. яз.

643. Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерк по истории палеолитического времени. Изд. 3-е, перераб. и доп. Киев, Акад. наук Укр. ССР, 1953.
Рец.: 1. Борисковский П. И.— СЭ, 1954, № 1, стр. 177—181; 2. Борисковський П. И. Визначний історико-археологічний твір.— ВАН УРСР, 1954, № 2, стр. 63—69; 3. Брюсов А. Я.— ВДИ, 1954, № 1, стр. 52—56.

644. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1952. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 30).
Рец.: Чебоксаров Н. Н.— СА, XX, 1954, стр. 391—398.

645. Иванов П. П. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Дневник археол. раскопок. [Моршанск], 1952. (Моршанский краевед. музей].
Рец.: 1. Дубынин А. Ф.— ВИ, 1954, № 3, стр. 163—165; 2. Островский Л. История одной книги.— «Комсомольская правда», 1954, 3 ноября.

646. История русского искусства. Под общ. ред. И. Э. Грабаря. Т. 1. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
Рец.: 1. Дмитриев Ю.— «Искусство», 1954, № 4, стр. 77—80;
2. Зотов А.— «Сов. культура», 1954, 14 сент. 3. Лихачев Д. С.— ВИ, 1954, № 12, стр. 141—146.

647. Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., Учпедгиз, 1952.
Рец.: Цветаева Г. А.— СА, XX, 1954, стр. 410—416.

648. Кафадарян К. Город Двин и его раскопки. Результаты работ археологической экспедиции Академии наук Арм. ССР 1937—1950 годов. 1. Ереван, 1952.
Рец.: Меликсет-Бек Л.—ИАНАрмССР, 1954, №1, стр. 83—92. На арм. яз.

649. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период.). М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 32).
Рец.: 1. Бриткин А. С. и Монгайт А. Л. Книга по истории русской металлургии.— ВАН СССР, 1954, № 5, стр. 103—106. 2. Федоренко П. Техника древней Руси.— НМ, 1954, № 3, стр. 281—283.

650. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
Рец.: 1. Борисковский П. И.— СЭ, 1954, № 2, стр. 179—180; 2. Брюсов А. Я. и Першиц А.— ВДИ, 1954, № 2, стр. 75—81; 3. Першиц А. Обсуждение книги М. О. Косвена «Очерки истории первобытной культуры».— СЭ, 1954, № 2, стр. 181—183; 4. Шаревская Б. И. Популярная книга по истории первобытной культуры.— ВФ, 1955, № 1, стр. 161—163.

651. Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, Изд-во. Акад. наук УзССР, 1952.
Рец.: Итина М.— СЭ, 1954, № 4, стр. 172—175.

652. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Под ред. Н. Н. Воронина. Т. 2. Крепостные сооружения древней Руси, М., Изд-во Акад. наук СССР, 1952. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 31).
Рец.: Брунов Н. И., Максимов П. Н. и Чиняков А. Г.— СА XX 1954, стр. 399—409.

653. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.— Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1951. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 23).
Рец.: Кушнарева К. Х. и Шилов В. П.— СА, XXI, 1954, стр. 403—414.
654. Материалы по истории, археологии и этнографии Таджикистана и Средней Азии. Сталинабад, Изд-во Акад. наук Таджик. ССР, 1953. (Акад. наук Таджик. ССР. Известия Отд-ния обществ. наук. 3.)
Рец.: Русейкина С. П.— СЭ, 1954, № 4, стр. 175—178.
655. Меликишвили Г. А. О происхождении грузинского народа. Тбилиси, 1952. (О-во по распространению полит. и научн. знаний Груз. ССР).
Рец.: Дьяконов И. М.— ВДИ, 1954, № 3, стр. 85—95.
656. Меликишвили Г. А. Урарту. Научно-попул. очерк по истории предков грузинского народа. Тбилиси, Детгиздат, 1951. На груз. яз.
Рец.: Дьяконов И. М.— ВДИ, 1954, № 3, стр. 85—95.
657 Ошанин Л. В. и Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Сборник статей. Ташкент, Акад. наук Узбек. ССР, 1953.
Рец.: Долгих Б.— СЭ, 1954, № 2, стр. 187—189.
658. Палеолит и неолит СССР. [Сборник статей]. Под ред. А. П. Окладникова. М.— Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1953. (Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 39.).
Рец.: Формозов А. А. Новые работы по каменному веку СССР.— ВДИ, 1954, № 3, стр. 100—104.
659. По следам древних культур. Древняя Русь. [Сборник статей. Предисл. Б. А. Рыбакова. М.], Госкультпросветиздат, 1953.
Рец.: 1. Варшавский А.— ЗС, 1954, № 2, стр. 18; 2. Дудзинская Е.— ПИШ, 1954, № 2, стр. 104—107; 3. Попков Ю. В глубь веков.— ВС, 1955, № 8, с. 59—60; 4. Соловьев, М.— НМ, 1954, № 8, стр. 274—277.
660. Происхождение человека и древнее расселение человечества. [Сборник статей. Под ред. М. Г. Левина (отв. ред.) и др.]. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1951.
Рец.: Гремяцкий М. А.— ВИ, 1954, № 1, стр. 174—178.
661. Против вульгаризации марксизма в археологии. [Сборник статей. Отв. ред. А. Д. Удальцов]. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
Рец.: Филин Ф. П.— ВЯ, 1954, № 4, стр. 141—147.
662. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.— Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1952.
Рец.: Кызласов Л. Р. и Смирнов К. Ф.— СА, XIX, 1954, стр. 328—335.
663. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
Рец.: 1. Евтюхова Л. А.— ВИ, 1954, № 6, стр. 145—150; 2. Черницов В. Н.— СЭ, 1954, № 2, стр. 183—187.
664. Рыгдылон Э. Р. Новые рунические надписи Минусинского края.— ЭВ, 4, 1951, стр. 87—93.
Рец.: Малов С. Е.— ИАНСССР. Отд-ние литературы и языка, 1954, вып. 2, стр. 197.
665. Семенов Л. П. Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, Госиздат Сев.-Осет. АССР, 1952.
Рец.: Лавров Л.— СЭ, 1954, № 3, стр. 174—175.
666. Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. (По данным, собранным М. В. Талицким). М., 1952. (Акад. наук СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 27. Материалы и исследования по археологии Урала и Прпуралья, т. 4).
Рец.: Амальрик А. С. и Монгайт А. Л.— СА, XIX, 1954, стр. 336—343.
667. Тверской Л. М. Русское градостроительство конца XVII века. Л.— М., Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1953.
Рец.: Воронин Н. Ценный вклад в градостроительную науку.— Арх. СССР, 1954, № 5, стр. 38—39.
668. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М.— Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
Рец.: Карышковский П.— ВДИ, 1954, № 1, стр. 69—72.
669. Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении. М.— Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
Рец.: Болтунова А.— ВДИ, 1954, № 4, стр. 86—93.
670. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1953.

Рец.: 1. Мавродин В. В.— СЭ, 1954, № 3, стр. 153—160; 2. Черепнин Л. В.— ВДИ, 1954, № 4, стр. 93—97.

671. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. Под ред. А. Ю. Якубовского. Т. 1, 1946—1947 гг. М.— Л., 1950. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 15).

Рец.: Строева Л. В.— УЗЛУ, № 179. Серия востоковед. наук, вып. 4, 1954, стр. 329—337.

672. Труды Таджикской археологической экспедиции Ин-та истории материальной культуры АН СССР, Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджик. ССР и Гос. Эрмитажа. Под общ. ред. А. Ю. Якубовского, Т. 2, 1948—1950. М.— Л., 1953 (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 37).

Рец.: 1. Воробьева М. Г.— ВИ, 1954, № 8, стр. 139—142; 2. Заднепровский Ю. А. и Массон В. М. Новые материалы по археологии Таджикистана.— ВДИ, 1955, № 1, стр. 82—85.

673. Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1952 (Материалы и исследования по археологии СССР, № 29).

Рец.: Моора Х. А.— СА, XX, 1952, стр. 385—390.

674. Шоков А. Ф. Скифы на Среднем Дону. Воронеж, Воронежск. обл. кн. изд-во, 1952. Рец.: Москаленко А. Н.— СА, XIX, 1954, стр. 344—347.

Н. А. ВИНБЕРГ и Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ

УКАЗАТЕЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ, КУЛЬТУР И АВТОРОВ К БИБЛИОГРАФИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1954 г.[1]

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И КУЛЬТУР

Авиловский хутор, погребения 168
Абашевская культура 85, 223
Ага-Базар, пос-ние 306
Адамли-кала, замок 490
Адзьва, р., стоянки и местонахожд. 101
Адыге-Хабль, курганы 383
Ак-чункур, наскальные изображения и местонахожд. 494
Акали, пос-ние 88, 145, 147
Актуши, пос-ние 229
Ала-Мышик, мог-к 498
Алимовский навес, местонахожд. 134
Алтын-асар, гор-ще 488, 513
Алчедарское гор-ще 262
Ананьинская культура 219, 226, 228, 607
Анау, культуры 479, 506
Андроновская культура 224, 493
Ани, древний город 444, 460
Арегуни-блур, стоянки 388
Арзни, стоянки 388
Арпа, мог-к 498
Артинские стоянки 388
Архангельское гор-ще 163
Атабаево-Карташихинская группа поселений 220
Атабаевская стоянка 85
Атбаши, курганы 498
Аульная площадь, пос-ние 516
Афанасьевская культура 566
Афанасьевское пос-ние 255
Афрасиаб, гор-ще 511
Ача-Тюбе курганы 498
Ачикулак, мог-к 382
Ащилы-Куль, оз., пос-ние 516

Баба-ата, гор-ще 464, 517
Бабин I, стоянка 140
Багжой, курганы 497
Базов Бор, пос-ние 79
Байтал-Чапкан, мог-ки 383, 450
Баку, древний город 424, 430
Баланбаш, селище 223
Балымская стоянка 85
Бартымское местонахожд. 215
Батур-тепе, замок 537
Бахта, р., селища 224
Белая, р. (приток Ангары), стоянки 560
Белогрудовского типа памятники 148
Бережновский I и II мог-ки 94
Березовка, пос-ние 229
Березовское селище 96
Беркут-кала, замки 490
Бес-Тюбе, пос-ние 516
Билки, с., клад 166
Ближние Елбаны, мог-ки 550
Боканское селище, мог-к 261
Болгары, древний город 305, 355, 362, 363, 377, 629
Бондариха, стоянки 132
Бор II, стоянка 214
Боркорбаз, мог-к 514
Боровое Оз. II—III, пос-ния 79
Боршево I—II, стоянки 119, 120
Бугский лиман, гор-ща, пос-ния и мог-ки 182
Букивна, местонахожд. 127
Булгарские гор-ща 85
Бурковский мог-к 79
Бурли, оз., пос-ние 516
Бухара, древний город 547

Валма, стоянка 145
Вардзия, пещерный город 433
Варух, курганы 534
Великие Болгары, см. Болгары
Верхнеузбойская культура 488
Верхняя Макуша, пос-ние 216
Вилла, стоянка 145
Вишера, р., жертвенное место и наскальные изображения 78

[1] В указателях цифры обозначают номера по помещенному выше списку «Советской археологической литературы за 1954 г.».

Владимир, древний город 279
Владимировка, курганы 180
Войкова, пос. мог-к 191
Войцеховское пос-ние 157
Волковицы, курган 156
Воронинский мог-к 244
Вороновица, стоянка 140
Ворошиловабадское гор-ще 507
Восточно-буртасская культура 85
Выхватинский мог-к 125, 167
Выхватинское гор-ще 162
Вышгород, древний город 346

Ганджа, древний город 460
Гарни, крепость 392—394
Глевахский курган 174
Головино, мог-к 408
Голышевское, см. Архангельское
Горгиппия, древний город 185, 195, 211
Горзувиты, пос-ние 266
Городница, пос-ние 118
Горошковское гор-ще 260
Гремячий Ключ, гор-ще 85
Гродно, древний город 283
Гударехи, пос-ние 451
Гулькинский мог-к 219, 228
Гури-муг, мог-к 534
Гуринский мог-к 288
Гяур-кала, крепость 489

Дарьевское пос-ние 255
Двин, древний город 444, 608
Демидовское местонахожд. 79
Дёмское пос-ние 226
Деуковское местонахожд. 85
Джаркимбай-Булак, курганы 498
Джергатал, курганы 498
Джеты-асар № 9, гор-ще 488
Дманиси, древний город 447, 448
Довгиничи, стоянка 111
Древнеэскимосская культура 564
Дьяковская культура 221

Екимауцкое гор-ще 262
Елизаветинское гор-ще 196
Ер-Курган, гор-ще 61
Еркар-блур, стоянки 388
Есь, р., погребения 566

Жура, пос-ние 106

Займищенская группа пос-ний 220
Закамская I и II группы пос-ний 220
Замараевское селище 224
Зародятское селище 79
Зосунский мог-к 536
Зубаревский мог-к 292

Иволгинский оленный камень 568
Изат-Кули, пос-ние 509
Изборск, древний город 295
Иловатка, курганы 99
Иловлинская, курганы 168
Илурат, древний город 191
Именьковское гор-ще 96
Иру, гор-ще 88
Исетское, оз., стоянки 216
Исеть, р., селища 224

Кабази, местонахожд. 134, 144
Кабардинские курганы 449
Кайлю, мог-к 479
Калаи-боло, крепость 534
Калаи-Мир, гор-ще 468, 502
Калалы-гыр 1 и 2, крепости 489, 490
Калмацкий Брод, стоянка и мог-к 216
Кама-Жулановская стоянка 105
Каменское гор-ще 150, 159
Каменское селище 191
Канай, дер., местонахожд. 493
Капчугай, наскальные изображения 386
Кара-Бежгон, мог-к 383, 450
Кара-дапе, пос-ние 506
Кара-Чоога, мог-к 565
Караболка, р., селища 224
Карантинная слободка, пос-ние 191
Карасукская культура 558
Кармир-блур, крепость 411—413, 622
Карташихинская группа поселений см. Атабаево-Карташихинская группа поселений
Качуг, наскальные изображения 569
Кая, р., погребение 562
Кей-Кобад-шах, гор-ще 468, 477
Келермесский курган 406
Кепы, древний город 185
Кзыл-Кыштак, курганы 498
Кзыл-Туу, мог-к 498
Киев, древний город 280, 281, 301, 316, 335, 347, 369
Киик-коба, стоянка 109
Киммерик, древний город 185
Клооди, гор-ще 88
Ковровский мог-к 218
Кодакская стоянка 110
Кой-Крылган-кала, гор-ще, крепость 488, 489, 490
Кокшайско-Цивильская группа пос-ний 220
Комаровка, пос-ние 229
Константиновская стоянка 144
Коростень, курганы 287
Костенки I—VI, стоянки 119, 120
Красноярка, пос-ние 493
Крооди, стоянка 145
Куйрюк-тепе, гор-ще 466
Куланурхва, погребения 416
Кулламяги, пос-ние 88, 145, 147
Кунда-Ламмасмяги, стоянка 145
Куня-уаз, крепость 489
Куня-Ургенч, гор-ще 489
Курбан-Шаид, гор-ще 535
Кургак, курганы 498
Курман-тау, культура 226
Курман-тау Нижнее, пос-ние 226
Куш-тау, Западное селище 226

Кую-Мазарский мог-к 512
Кыз-арт, мог-к 498
Кыласово гор-ще 79
Кырчин II, мог-к 498
Кыстау-Карагай, ур., пос-ние 516
Кюзели-гыр, крепость 489, 490

Лапушна, древний город 91
Лаше-Балта, местонахожд. 385
Лебедка, селище 247
Ленинакан, г., пос-ние и мог-к 407
Ленковцы, пос-ние 142
Леплявский мог-к 286
Линдорский мог-к 88
Лопатня, селище 100
Лубенецкое гор-ще 173, 175
Лубны, курган 176
Луговой мог-к 382
Лука-Врублевецкая, пос-ние 131
Лукашевка II, селище 100
Лукашевский мог-к 261
Лявандакский мог-к 512

Мааша, мог-к 498
Мадау-депе, пос-ние 509
Мазурки, курганы 180
Макушинское селище 216
Малая Красноярка, пос-ние 493
Мало-Кизыльское селище 223
Мамоново гор-ще 221
Маркина гора, стоянка 119, 120
Матвеевская I, II, курганы 324
Маяцкое гор-ще 230, 264
Мерв, древний город 479, 541, 542
Мертвый редант, гор-ще 196
Миасс, р. селища 224
Милоградское гор-ще 260
Мингечаур, археол. памятники 62, 378, 381, 395, 436
Мирмекий, древний город 185
Могильна I и II, пос-ния 112
Молодова V, стоянка 140
Молчановка, мог-к 94
Москва, древний город 278, 289, 321, 329, 332, 344, 350, 361, 365
Моховское гор-ще 260
Мунчак-тепе, гор-ще 468, 477
Муранский мог-к и селище 268
Мцхета, древний город 419, 452, 459

Наану, гор-ще 88
Навтлугский мог-к 402
Надежда, гор-ще 247
Намазгар-депе, пос-ние 506
Неаполь Скифский, древний город 178, 192
Нижнеузбойская культура 488
Нижняя Макуша, пос-ние 216
Нимфей, древний город 185, 204, 210
Ниса, древний город 479, 495, 501, 503, 510
Новгород, древний город 75, 271—273, 274, 313, 323, 325, 376, 602, 609, 635
Ново-Быховский мог-к 244
Ново-Кувинский мог-к 383
Ново-Филипповка, погребения 149
Новокондаковское пос-ние 255

Обсерватория, пос., стоянка 96
Овруч, курганы 287
Огурдинская стоянка 79
Одесс, древний город 208
Ольвия, древний город 189, 190, 197, 205, 209
Он-Арча, местонахожд. 482
Опутятское гор-ще 79
Орел-городок, гор-ще 79, 339
Оренкала, гор-ще 438, 443
Островерховское селище 181
Отарская группа пос-ний 220
Отепя, гор-ще 88

Палкинское селище 216
Пантикапей, древний город 183, 185, 194, 196, 198, 211, 212
Пастырский клад 238
Патрэй, древний город 185
Переяславль Русский, древний город 293, 294, 315, 317—319, 341
Переяслав-Хмельницкий см. Переяславль Русский
Перынь, святилище 254
Пещеры, стоянка 493
Пидмет, пос-ние 179
Поднестровье Среднее, пос-ния 143
Полей погребений культура 243, 244, 252, 261, 262
Политотдельское, с., курганы 99
Попенки, пос-ние 106
Порфмий, древний город 191
Почепское селище 240
Приказанская культура 85, 96, 220
Проневский мог-к 353
Псков, древний город 75, 313
Пусто-Морквашинский мог-к 85
Пянджикент, древний город 66, 468, 518—521, 529, 544, 545, 549

Раздорная I, II, стоянки 79
Раструс, селище 216
Родановская культура 288
Рыуге гор-ще 88
Рязань, древний город 311

Сабатиновка II, пос-ние 123
Салгир, р., археологические памятники 103
Самтаврский мог-к 55, 57, 58, 67, 389, 405
Сандраки, пос-ние 158
Саркельская курганная группа 82
Сасык-Булак, погребения 466
Сатани-дар, стоянки 388
Свияжская группа поселений 220
Селиксы, погребение 250
Сенная стоянка 79
Синара, р. селища 224
Скородумское, пос-ние и м-к 79

Слобода-Глушица, дер., курганы 263
Смоленск, древний город 600
Снепород, древний город 346
Снигиревское пос-ние 255
Соленовская курганная группа 82
Солончени (Солончены), с., пос-ния и селища 100, 162
Софийского типа памятники 153
Сретенка, пос-ние 482
Срубная культура 217, 222
Сталинградская стоянка 610
Сталинский рудник, пос., пос-ние 516
Старая Ладога, гор-ще 248, 249
Старая Ниса, см. Ниса
Староселье, стоянка 104, 107, 113, 117, 122, 129, 134, 136, 139, 598
Старый Орхей, гор-ще 356
Степняк, пос-ние 516
«Сто могил», урочище, мог-ки селище 100
Субботов, замок 327, 612
Субботовское гор-ще 175
Судагылан, гор-ще 431

Тагарская культура 558
Талицкого имени, стоянка 79
Тамула, оз., стоянка 145, 146
Тарновское пос-ние 222
Тахта-базар, пещеры 618
Ташкент, древний город 537
Таштыкская культура 563
Тейшебашни см. Кармир-блур
Тельманская стоянка 119, 120
Терки, древний город 382
Тетрицкаройские селища 434
Тея, р., погребения 565
Тик-Турмас, каменные могилы 466
Тилигульский лиман, погребение 172
Тиритака, древний город 185
Тмутаракань, древний город 336, 352, 595, 628
Толорсский курган 410
Толстик, селище 216
Томск, археол. памятники 560
Топрак-кала, гор-ще 73
Трехстенный городок, см. Терки
Трипалети, погребения 396, 397
Трипольская культура 100, 106, 112, 118, 123—125, 142, 143, 153, 157, 167

Ужгород, г., местонахожд. 252
Ужгородское, пос-ние 231
Узбой, старое русло, археол. памятники 488
Узген, древний город 482
Ундва, стоянка 145
Урал, р., селища 224
Урмитан, пос-ние 536
Урьинский мог-к 79
Усть-Нарым, дер. пос-ние 493
Усть-полуйская культура 633
Усть-Туйское костище 79
Уюк, р., мог-к 565

Фанагория, древний город 185, 196, 201, 202, 211, 595
Фатьяновская культура 218, 227
Федоровка, погребение 108
Фофановский мог-к 557

Харивский клад 238
Хаченагетские курганы 404
Херсонес, древний город 184, 186, 200
Хитцы, курган 154
Хишт-тепе, гор-ще 468
Холм, древний город 348
Хорезм, археол. памятники 488—490, 496, 539
Хрящевка, курганы 217, 222
Хула Сюче, гор-ще 227
Хындырстан, сел., клад 454

Цамкаберд, мог-к 409
Царевское гор-ще 262
Цахнауцкое пос-ние 161

Чакмадаш-Бейик, пос-ние 506
Чакмак, мог-к 498
Чаплинское гор-ще, мог-к 244, 260
Чапли, с., мог-к 115
Чаркасар, курган 497
Черная Пика, с., пос-ние 516
Чернолесского этапа памятники 173, 175
Чернолесское гор-ще 175
Четырехстолбовый остров, местонахожд. 564
Чигирин, древний город 327, 612
Чулак-Тау, мог-к 466
Чумяный редант, гор-ще 196
Чустская стоянка 497, 515

Шахсенем, крепость 489
Шигирская культура 216
Шигнак-сай, мог-к 466
Шмаровка, селище 181
Шор-тепе, пос-ние 505

Щигровский клад 304

Эфендикой, местонахожд. 134

Юго-Осетия, палеолитические местонахожд. 385
Юргамыш, р., селища 224

Ягала, стоянка 145
Ягодное, курганы 217, 222
Ялойлу-тапинская культура 400
Яссы-депе, пос-ние 506

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Абесадзе Ц. 55
Абдушелишвили М. Г. 389
Абрамишвили Т. Я. 422
Абрамян В. 594
Августиник А. И. 56
Аветисян А. Рец: 642
Агеева Е. И. 463, 464, 517
Акишев К. А. 464
Акритас П. Г. 1
Аладашвили Н. А. 423
Алекперова Н. А. 183, 378
Алексеев В. П. 104, 550, 563
Алексеева Е. П. 379
Али-заде А. А. 424
Алиев И. 390
Алихова А. Е. 268
Алпатов М. В. 269
Амальрик А. С. Рец.: 666
Андрианов Б. В. 465
Анфимов Н. В. 391, 595
Аракелян Б. Н. 392—394, 425
Арембовский И. В. 551
Артамонов М. И. 230
Арутюнян В. М. 426
Арциховский А. В. 2, 26, 271—274, 313
Асеев Ю. С. 301, 340
Афанасьев К. Н. 275
Ахмедов Г М. 395

Бадер О. Н. 78, 79, 105, 214, 215
Балашова Г. Н. 49
Банк А. В. 49
Баранович А. И. Рец.: 83
Бардах Ю. рец.: 579
Баркая В. Ф. 70, 71
Барнавели С. В. 427
Бахтадзе Р. А. 57, 58
Бачинский Н. М. 531
Безбородов М. А. 59, 60
Безсонов С. В. 276, 277
Беленицкий А. М. 39, 518—521
Белов Г. Д. 184
Белогорцев И. 596
Береговая Н. А. 564
Березанская С. С. 148
Березовец Д. Т. 238
Бернштам А. Н. 597
Бернякович К. В. 231
Берс Е. М. 216
Бершадский Р. 598
Бибиков С. Н. 106
Бирзите Л. 278
Блаватский В. Д. 185—187
Бланк А. С. 279
Блинова Е. Рец.: 279
Блифельд Д. И. 232, 233
Бобин В. В. 107
Богусевич В. А. 280, 281
Бодянский А. В. 108
Болтунова А. И. 188. Рец.: 637, 669
Большаков О. Г. 522
Бондарь Н. Н. 189, 190
Бонч-Осмоловский Г. А. 109. О нем: 109
Борисковский П. И. 3, Рец.: 643
Брайчевская А. Т. 234
Брайчевский М. Ю. 48, 235—238
Бретаницкий Л. С. 428—430
Бриткин А. С. Рец.: 649
Брунов Н. И. Рец.: 652
Брюсов А. Я. 599. Рец.: 643, 650
Будылина М. 365
Бунак В. В. 109
Бурчак-Абрамович Н. И. 110, 111, 396

Ваидов Р. М. 431
Вайнштейн С. И. 565
Валикова К. 600
Варганов А. Д. О нем.: 38
Варшавский А. Рец.: 638, 624, 659
Васильев К. 601
Винберг Н. А. 51
Винников И. Н. 495
Винниченко Н. Т. 61
Виноградова А. И. 571
Виргинский В. Рец.: 624
Владимиров Н. М. 492
Войцеховский В. А. 282
Вольская А. И. 432
Воробьев М. В. 572
Воробьева М. Г. 496. Рец.: 672
Воронец М. Э. 497
Воронин Н. Н. 4, 283, 313. Рец.: 667
Воронина В. Л. 523
Воронов Н. 284, 285
Вощинина А. И. 573
Выезжев Р. И. 286, 287, 602
Вязьмитина М. И. 149

Гайдукевич В. Ф. 191
Гаприндашвили Г М. 433
Гасюк Н. С. 112
Генинг В. Ф. 80, 288
Герасимов М. М. 113
Гзелишвили И. А. 397, 434
Гинзбург В. В. 466, 498
Гиршберг В. Б. 289
Гольдберг Т. Г. 574
Гордеев Н. В. 290, 291
Горюнова Е. И. 239, 292
Гохман И. И. 557
Грабовский И. А. 293
Граков Б. Н. 150, 151
Грач А. Д. 552
Гремяцкий М. А. 5, 575, 603. Рец.: 660
Гречина М. 294
Гроздилов Г. П. 295
Громов В. И. 114
Громов Г. Г 296
Гросул Я. С. 15
Гудава Т Е. 435
Гулиев А. 380
Гуревич Ф. Д. 297

Давидович Е. А. 467, 507, 524—527, 535
Даниелян О. А. 436
Дацюк, Б. Д. 604
Дашевская О. Д. 152

Дашевский Ю. С. 530
Дебец Г. Ф. 43, 217
Денисова М. М. 298
Джалагания И. Л. 437
Джалилов А. 528
Джапаридзе В. 451
Джафарзаде И. 438
Дмитриев С. Рец.: 83
Дмитриев Ю. Н. 299, 300. Рец.: 646
Днестров И. Н. 293
Добровольский А. В. 115, 301
Довженок В. И. 302
Долгих Б. Рец.: 657
Долидзе В. О. 439, 440
Домбровская Е. А. Рец.: 313
Дружинин Н. М. Рец.: 83
Дубынин, А. Ф. 218. Рец.: 645
Дудзинская Е. Рец.: 659
Дулов В. И. Рец.: 578
Дульзон А. П. 558
Дурдыев Д. 499
Дьяконов И. М. 398, 503, 532. Рец.: 655, 656
Дьяконов М. М. 52, 468, 500—503, 529, 530. Рец.: 531, 605. О нем: 39—41
Дьяконова Н. В. 576

Евтюхова Л. А. 606. Рец.: 663
Егоров Ю. 303
Ермолов В. А. 357
Ерохин В. С. 304
Ефименко П. П. 81, 116
Ефимова А. М. 305

Жданко Т. А. 546
Жебелев С. А. О нем: 42
Жиромский Б. Б. 306
Жолтовский П. 307

Заверняев Ф. М. 240
Заднепровская Т. Н. 51
Заднепровский Ю. А. Рец.: 472, 504, 672
Закарая П. П. 441, 442
Захарук Ю. Н. 153
Збруева А. В. 219, 607
Зеест И. Б. 192
Зотов А. Рец.: 646

Иванов А. В. Рец.: 83
Иванов Л. М. Рец.: 83
Иванова А. П. 193
Игнаткин И. А. 308
Иессен А. А. 82, 399, 443
Ильин М. А. 309—312
Ильинская В. А, 154—156
Ильюшин П. Рец.: 83
Исламов О. И. 469
Исми-заде О. Ш. 400
Итина М. Рец: 651
Итс Р. Ф. 572, 580
Ищериков. П. Рец.: 314

Кабанов С. К. 505
Каждан А. П. 581
Казаченко А. Рец.: 579
Казиев С. М. 381
Калимуллин Б. 314
Калинин Н. Ф. 85, 220
Каменская Н. Рец.: 83
Караханян Г О. 444
Каргер М. К. 313, 315—319
Карышковский П. Рец.: 668
Кауфман К. В. 532
Кафадарян К. 608
Кацер М. С. 320
Качанова В. И. 221, 321
Кашкай М. А. 62
Каштанов Л. И. 63
Кесь А. С. 491, 546
Кибиров А. 470
Кинжалов Р. В. 401, 582, 583
Кирьянов А. В. 64, 283
Киселев С. В. 25
Кислов М. Н. 65
Колодин Ф. И. 471
Константинова Т. 609
Корзухина Г. Ф. 322
Коридзе Д. 402
Коровина А. Рец.: 636
Королева А. Рец.: 279
Королюк В. Д. Рец.: 83
Короткевич А. Рец.: 83
Костров П. И. 66
Кравец В. П. 118
Крачковская В. А. 18
Кречетова М. Н. 584
Кропоткин В. В. 241
Кругликова И. Т. 194
Крупнов Е. И. 33, 382, 403, 610
Кубланов М. М. 195
Кузнецов В. А. 445
Куликаускас П. З. 242
Куфтин Б. А. 506. О нем: 43—45
Кухаренко Ю. В. 243, 244, 611
Кушнарева К. Х. 404. Рец.: 653
Кызласов Л. Р. Рец.: 662

Лавров Л. Рец.: 665
Лагодовская Е. Ф. 157, 158
Лазарев В. Н. 313, 323
Лазуков Г И. 6, 119, 120
Лапин Ю. Е. 196
Ларичев В. Е. 619
Латышева Г. П. 324
Лаурина В. К. 325
Лашук Л. П. 86, 121
Лебедев В. Рец.: 83
Лебедев В. Д. 196
Леви Е. И. 197
Левин М. Г. 122
Левинсон-Нечаева М. Н. 326
Левицкий И. Ф. О нем.: 46
Леонов Н. Рец.: 531
Лещенко Н. Н. Рец.: 83
Либеров П. Д. 159, 160
Лившиц В. А. 503, 532
Липский А. Н. 566
Литвинский Б. А. 52, 472—474, 507, 533—535
Лихачев Д. С. Рец.: 313, 638, 646

Логвин Г. Н. 270, 327, 340, 612
Ломтатидзе Г. А. 446
Лордкипанидзе М. Н. 405
Лосева Н. М. 198
Лундин А. Г. 585
Лунин Б. В. 475
Любин В. П. 385
Ляпунов Б. В. 613

Мавродин В. В. 245. Рец.: 670
Майсурадзе З. П. 447
Макаревич М. Л. 123
Маковецкий И. В. 328
Максимов П. Н. Рец.: 652
Максимова М. И. 199, 200, 406. Рец.: 637
Малицкий Г. Л. 329
Малков А. В. Рец.: 83
Малов С. Е. Рец.: 639, 664
Мальцев А. Н. Рец.: 83
Мандельштам А. М. 476, 477, 536, 586
Марк К. Ю. 87
Марковин В. И. 386
Мартиросян А. А. 407, 408
Марченко И. Д. 201
Массон В. М. 478, 508, 509. Рец.: 472, 672
Массон М. Е. 44, 479, 510, 537
Матье М. Э. 587
Меликсет-Бек Л. М. 448, 588. Рец.: 648
Мельниковская О. Н. 161
Мелюкова А. И. 151, 162
Мерперт Н. Я. 97, 98, 222, 629
Месхия Ш. А. 71
Мешкерис В. А. 511
Милорадович О. В. 449
Минаева Т. М. 383, 450
Митянин А. Я. 330
Михайлов Б. П. 331
Михайлова А. М. 54
Михайловский Е. 332
Мишина З. А. 589
Мишуков Ф. Я. 333
Мнацаканян А. О. 409, 410
Мнева Н. Е. 323, 334
Монгайт А. Л. Рец.: 313, 649, 666
Моора Х. А. 88, 89, 246. Рец.: 673
Морозов А. И. 614
Москаленко А. Н. 163. Рец.: 674
Мошинская В. И. 633
Мусхелишвили Л. 451
Мухтаров А. 538
Мшвениерадзе Д. М. 452, 453
Мышко Д. И. Рец.: 83, 335

Надэль Б. И. 202
Нельговский Ю. А. 337, 340
Неразик Е. Е. 539
Нестурх М. Ф. 7, 615—617
Никитин А. В. 338
Николаева А. Рец.: 638
Никольская Т. Н. 247
Никольский В. К. О нем: 47

Обельченко О. В. 512
Оборин В. А. 90, 339
Обручев В. А. 618
Окладников А. П. 8, 9, 480—482, 494, 554, 559, 567, 568, 619, 620
Онищенко Н. Е. 340
Орлов С. Н. 248, 249
Осетрова З. П. 124
Островский Л. Рец.: 645
Ошанин Л. В. 483

Павлов Н. Рец.: 531
Пассек Т. С. 125. Рец.: 640
Патрушева Б. А. 484
Пахомов Е. А. 384
Пацевич Г. И. 540
Певзнер С. Б. 541
Передольская А. А. 203
Першиц А. 22. Рец.: 650
Пидопличко И. Г. 126, 621
Пиккиев И. Рец.: 364
Пикуль М. И. 164
Пиотровский Б. Б. 411—415, 622
Пирпилашвили П. М. 67
Плисецкий М. С. 623
Погребова, Н. Н. 165
Полесских М. Р. 250
Попков Ю. Рец.: 624, 659
Попов А. И. 251
Попова Т. Б. 23
Порфиридов Н. Г 343
Постникова-Лосева М. М. 342
Потоцкий С. П. 387
Потушняк Ф. М. 166, 252
Преснов Г. М. 343
Приймак Б. И. 301
Пугаченкова Г. А. 510, 542, 542а, 543
Пушникова Л. С. 343

Рабинович М. Г. 344
Рагимов А. В. 454
Радченко А. Д. 345
Раппопорт П. А. 346—348
Раскатов Г. И. 127
Ратич А. А. 349
Ратич О. О. см. Ратич А. А.
Раушенбах В. М. 23, 128
Рацек В. И. 494
Ретковская Л. С. 350
Рижский М. И. 626
Рикман Э. А. 91, 351
Рогинский Я. Я. 5, 10, 129
Розен М. Ф. 627
Розенфельд И. Г. 167
Рубин В. А. 591
Рудинский М. 46
Русейкина С. П. Рец.: 654
Рыбаков Б. А. 24, 352, 628. Рец.: 83
Рыгдылон Э. Р. 555

Саадре О. В. 92
Савинов А. Н. 343
Савочкин П. Рец.: 83
Сакварелидзе Т. Н. 68, 72
Саламзаде А. В. 429
Сальников К. В. 223—226

Самойловский И. М. 353
Сардарян С. А. 388
Свешников И. К. 130
Седов В. В. 253, 254, 354
Селимханов И. Р 62
Семенов В. Рец.: 577
Семенов С. А. 131
Сенигова Т. Н. 513
Сидоров А. С. 93
Сидоров Ф. 38
Сидорова Н. А. 592
Синицын И. В. 94, 168, 610
Скалон В. Н. 555а
Скуднова В. М. 204
Славин Л. М. 205, 255
Смирнов А. П. 32, 95—98, 215, 355, 629
Смирнов Г. В. 343
Смирнов Г. Д. 356
Смирнов К. Ф. 99, 169. Рец.: 662
Смирнов Н. Рец.: 311
Смирнова Г. И. 170
Смирнова О. И. 544
Соболев Н. И. 357
Соколова З. Рец.: 388
Сокольский Н. И. 206, 207
Соловьев М. Рец.: 659
Сорокин С. С. 69, 514
Спасский И. Г. 358
Спришевский В. И. 515
Ставиский Б. Я. 485, 545
Стальный В. Рец.: 577
Степанов П. Д. 227
Стоскова Н. Н. 359
Строева Л. В. Рец.: 671
Стржелецкий С. Ф. 171
Сургай В. Т. 486, 487
Сымонович Э. А. 172, 208

Тавадзе Ф. Н. 70—72
Тараканова С. А. 256
Тарасенко В. Рец.: 283, 630
Таутавичюс А. 257
Телегин Д. Я. 132, 133, 631
Тельтевский П. А. 360
Тереножкин А. И 173—175
Тимощук Б. А. 258
Титенко Г. Т. 148, 176
Тиханова М. А. 84
Тихонов Б. Г. 105
Токарев С. А. 259
Толстов С. П. 41, 488—491, 546
Торопов С. А. 361
Трапш М. М. 416—418
Третьяков П. Н. 260
Трефилов А. 90
Троицкая Т. Н. 177
Трофимова Т. А. 228
Трубникова Н. В. 229
Трухин Г В. 560
Тузинкевич Ю. 430
Туманян С. А. 73
Туровский С. Д. 74

Удальцов А. Д. 33
Узунова Н. 34

Урысон М. И. 632
Устюгов Н. Рец.: 83

Федин Н. Ф. 492
Федоренко П. Рец.: 649
Федоров В. И. 556
Федоров Г. Б. 35, 100, 261, 262
Фехнер М. В. 34, 60
Филин Ф. П. Рец.: 661
Формозов А. А. 134—139. Рец.: 658
Френкель Н. И. 547
Фурманская А. И. 209

Хайрутдинов Д. Х. 548
Халиков А. Х. 85, 220
Халпахчьян О. 455
Хвойко В. В. О нем.: 48
Хидашели Ш. 451
Хованская О. С. 362, 363
Хороших П. П. 561, 562. 569
Худяк М. М. 210

Цалкин В. И. 11, 12, 178, 283
Цветаева Г. А. Рец.: 647
Целиков А. И. 75
Цискаришвили В. 456, 457
Цицишвили И. Н. 419

Чайковская М. 593
Чебоксаров Н. Н. Рец.: 644
Черепнин Л. В. Рец.: 670
Чернецов В. Н. 633. Рец.: 663
Черников С. С. 493, 516
Чернов Г. А. 101
Черныш А. П. 140, 141. Рец.: 641
Черныш Е. К. 142, 143
Чернышев Н. М. 364
Четкарев К. А. 102
Чиняков А. Г 365, 366. Рец.: 652
Чолокашвили К. К. 458
Чубинашвили Г Н. 459
Чубинишвили Т. Н. 420

Шапошникова Л. П. 343
Шаревская Б. И. 47. Рец.: 650
Шаскольский И. П. 367
Шекун О. А. Рец.: 83
Шелковников Б. А. 460
Шелов Д. Б. 211, 212
Шилов В. П. Рец.: 653
Шишкин В. А. 634
Шквариков В. 368
Шкляев Н. П. 42
Шлеев В. В. 421
Шлионский Г Рец.: 279
Шмерлинг Р. О. 461, 462
Шмидт Е. А. 263
Шовкопляс А. М. 369
Шовкопляс П. Г 36, 37, 81, 179
Шоков А. Ф. 54, 180
Шрамко Б. А. 181

Штительман Ф. М. 182
Штобе Г. 76

Щепинский А. А. 103, 144
Щепкина М. В. 370. Рец.: 638
Щербак А. М. 264

Югов А. 635
Юрченко П. Г. 270, 340

Яблонските Р. 17
Якимов В. П. 13
Якобсон А. Л. 265—267
Якубовский А. Ю. 549. О нем: 49, 50
Якунина Л. И. 371
Янин В. Л. 372—376
Янина С. А. 377
Янитс Л. Ю. 145—147
Яцко В. А. 213

АЛФАВИТНЫЙ И СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛИ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В СБОРНИКАХ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ», I — XXIX — XXX [1]

I. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаев В. И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартских сказаний. XXVIII, 1958, стр. 54—61.

Адрианов В. А. Раскопки у Сале-Харде в 1935 г. I, 1936, стр. 278.

Алекперов А. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. IV, 1937, стр. 249—263.

Александр Андреевич Спицын. X, 1948, стр. 7—8.

Алексеева Е. П. Документы по археологии, хранящиеся в фондах ЦГИАЛ. XV, 1951, стр. 345—349.

Алихова А. Е. Куликовский могильник. X, 1949, стр. 271—290.

Амальрик А. С. и Монгайт А. Л. И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М. В. Талицким); Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, IV. Материалы и исследования по археологии СССР, № 27, М., 1952, стр. 226 + 5 таблиц и 1 карта. XIX, 1954, стр. 336—343.

Анфимов Н. В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. XI, 1949, стр. 241—260.

Анфимов Н. В. Новые данные к истории азиатского Боспора. (Семибратнее городище). VII, 1941, стр. 258—267.

Анфимов Н. В. Племена Прикубанья в сарматское время. XXVIII, 1958, стр. 62—71.

Анфимов Н. В. См. Покровский М. В. Карта древних поселений и могильников Прикубанья.

Аракелян Б. Н. Развитие ремесел и товарного производства в Армении в IX—XIII веках. XXVI, 1956, стр. 118—152.

Артамонов М. И. Белая Вежа. XVI, 1952, стр. 42—76.

Артамонов М. И. Древний Дербент. VIII, 1946, стр. 121—144.

Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. XIX, 1954, стр. 263—268.

Артамонов М. И. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. IV, 1937, стр. 93—132.

Артамонов М. И. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. XI, 1949, стр. 305—336.

Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии. VI, 1940, стр. 130—167.

Артамонов М. И. Третий Разменный курган у ст. Костромской. X, 1948, стр. 161—182.

Артамонов М. И. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология. XV, 1951, стр. 7—16.

Артамонова-Полтавцева О. А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. XIV, 1950, стр. 20—101.

Арциховский А. В. В защиту летописей и курганов. (Ответ на статью П. Н. Третьякова «Расселение древнерусских племен по археологическим данным»). IV, 1937, стр. 53—61.

[1] Указатели составлены О. Д. Дашевской.

Арциховский А. В. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле. I, 1936, стр. 187—194.
Арциховский А. В. Раскопки 1951 г. в Новгороде. XVIII, 1953, стр. 342—371.
Арциховский А. В. и Рыбаков Б. А. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. III, 1937, стр. 173—193.
Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака. XXII, 1955, стр. 153—176.
Бадер О. Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере. XXI, 1954, стр. 241—258.
Бадер О. Н. Изучение эпипалеолита Крымской яйлы. V, 1940, стр. 93—100.
Бадер О. Н. Лихачевский могильник. (К вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры). II, 1937, стр. 19—38; III, 1937, приложение (карта).
Бадер О. Н. Могильник в урочище Карабай близ дер. Баланово в Чувашии. VI, 1940, стр. 63—88.
Бадер О. Н. Неолитические погребения на Верхней Волге. III, 1937, стр. 217—220.
Бадер О. Н. Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции Московского института антропологии в 1936 г. V, 1940, стр. 301—302.
Бадер О. Н. Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье. XX, 1954, стр. 180—212.
Бадер О. Н. и Соколова З. П. Стоянка Боровое Озеро IV на Чусовой. XVIII, 1953, стр. 265—280.
Байбуртян Е. А. Новые находки каменного века в Армении. III, 1937, стр. 206—208.
Байбуртян Е. А. По поводу древней керамики из Шреш-Блура. III, 1937, стр. 209—213.
Бакланов Н. Б. Герих. (Геометрический орнамент Средней Азии и методы его построения). IX, 1947, стр. 101—120.
Баркая В. Ф. См. Тавадзе Ф. Н. Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии.
Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пянджикенте 1951 г. XVIII, 1953, стр. 326—341.
Белецкий А. А. О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях. XXVIII, 1958, стр. 72—82.
Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. XXIV, 1955, стр. 257—281.
Белов Г. Д. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса. VII, 1941, стр. 231—244.
Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи. XIII, 1950, стр. 272—284.
Белова Л. Н. Неизданные монеты Херсонеса. VII, 1941, стр. 326—329.
Береговая Н. А. Археологические находки на острове Четырехстолбовом. (Медвежьи острова к северу от устья р. Колымы). XX, 1954, стр. 288—312.
Берзин Э. О. О линейных мерах Боспора. XXVI, 1956, стр. 227—235.
Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. XI, 1949, стр. 337—384.
Бибиков С. Н. Грот Мурзак-коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. V, 1940, стр. 159—178.
Бибиков. С. Н. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы. XV, 1951, стр. 122—139.
Бибиков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. XIII, 1950, стр. 95—138.
Бибиков С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала. XII, 1950, стр. 66—104.
Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен Юга СССР. XI, 1949, стр. 127—150.
Бибиков. С. Н. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. I, 1936, стр. 195—212.
Билимович З. А. Граффито на чернолаковом килике. XXVIII, 1958, стр. 83—86.
Бич О. И. Архив А. А. Спицына. X, 1948, стр. 21—52.
Бич О. И. Архивные данные по поводу статуй, найденных в Керчи в 1850 г. XXVIII, 1958, стр. 87—90.
Блаватская Т. В. Горгиппийская манумиссия 67 г. н. э. XXVIII, 1958, стр. 91—96.
Блаватский В. Д. Акарнанские бронзы Лисиппа. VII, 1941, стр. 189—198.
Блаватский В. Д. Культура эллинизма. XXII, 1955, стр. 109—115.
Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея. XVII, 1953, стр. 163—182.

Блаватский В. Д. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. XXIX—XXX, 1959, стр. 42—57.
Блаватский В. Д. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э. XXVIII, 1958, стр. 97—106.
Блаватский В. Д. О пантикапейской весовой системе. XXIII, 1955, стр. 201—205.
Блаватский В. Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями. XXIV, 1955, стр. 29—53.
Блаватский В. Д. О херсонесском термине ΣΑΣΤΗΡ. XIX, 1954, стр. 231—238.
Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. XX, 1954, стр. 31—56.
Блифельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Приднепровья IX—X вв. XX, 1954, стр. 148—162.
Болтенко М. Ф. Канкит ольвийского декрета в честь Протогена. XXVIII, 1958, стр. 107—109.
Болтунова А. И. Надпись под статуей из Горгиппии. XXVIII, 1958, стр. 110—116.
Болтунова А. И. Фрагмент мраморной плиты, найденной на Змеином мысу. (Приложение к статье В. В. Веселова). XXIX—XXX, 1959, стр. 245—247
Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э. XXIII, 1955, стр. 58—80.
Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в IV—I вв. до н. э. XXV, 1956, стр. 124—137.
Борисковский П. И. Вопросы периодизации палеолита. XXI, 1954, стр. 30—37.
Борисковский П. И. Древнепалеолитические местонахождения Среднего Поднестровья. XI, 1949, стр. 103—112.
Борисковский П. И. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины. XV, 1951, стр. 96—121.
Борисковский П. И. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. I. XXVII, 1957, стр. 29—70.
Борисковский П. И. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. II. XXIX-XXX, 1959, стр. 5—41.
Борисковский П. И. Раскопки Боршевской второй палеолитической стоянки в 1936 г. V 1940, стр. 281—285.
Борисковский П. И. Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II в 1953 г. XXV, 1956, стр. 173—188.
Борисковский П. И. См. Воеводский М. В. Стоянка Елин Бор.
Бортвин Н. Н. Инкрустированный топорик Чердынского музея. X, 1948, стр. 309.
Брунов Н. И., Максимов П. Н. и Чиняков А. Г Крепостные сооружения древней Руси. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. II. Материалы и исследования по археологии СССР, № 31, М., 1952. XX, 1954, стр. 399—409.
Брюсов А. Я. Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. XXV, 1956, стр. 35—63.
Брюсов А. Я. Археологические культуры и этнические общности. XXVI, 1956, стр. 5—27.
Брюсов А. Я. Гонцовская стоянка. V, 1940, стр. 88—92.
Брюсов А. Я. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы. XXVII, 1957, стр. 5—13.
Брюсов А. Я. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. XVIII, 1953, стр. 13—48.
Брюсов А. Я. От редакции. [О сессии ОИФ и объединенном пленуме ИИМК и ИЭ АН СССР, посвященных итогам раскопок 1953 г.]. XXIV, 1955, стр. 5—6.
Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе. XXVII, 1957, стр. 14—28.
Брюсов А. Я. «Сетчатая» керамика. XIV, 1950, стр. 287—305.
Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. X, 1948, стр. 291—301.
Валукинский Н. В. Разведки в Воронеже (1935 г.). IV, 1937, стр. 308—312.
Веловейский Ежи. Hans Jürgen Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. I. Hamburg, 1951. XXVII, 1957, стр. 310—323.
Веселов В. В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова. XXIX—XXX, 1959, стр. 227—244.
Винберг Н. А. Указатели (именной, географический и предметный) к сборникам «Советская археология», I—X. X, 1948, стр. 321—384.
Винберг Н. А. и Еченстова В. Б. Советская археологическая литература за 1950 г. XVII, 1953, стр. 329—364.

Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1951 г. XIX, 1954, стр. 351—391.
Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1952 г. XXII, 1955, стр. 275—319.
Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1953 г. XXVII, 1957, стр. 335—381.
Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1954 г. XXIX—XXX, 1959, стр. 297—336.
Виноградов К. Я. Исполинский олень у дер. Ясникольское. III, 1937, стр. 199—203.
Виноградов К. Я. Новые памятники фатьяновской культуры. IV, 1937, стр. 300—304.
Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов. XVI, 1952, стр. 163—205.
Вихров В. Е. и Колчин Б. А. Из истории торговли древнего Новгорода. XXIV, 1955. стр. 93—97.
Воеводский М. В. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе. V, 1940, стр. 144—150.
Воеводский М. В. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. I, 1936, стр. 51—78.
Воеводский М. В. Находки раннего неолита в бассейне р. Десны. XII, 1950, стр. 217—230.
Воеводский М. В. и Борисковский П. И. Стоянка Елин Бор. III, 1937, стр. 77—99.
Воробьев М. В. и Итс Р. Ф. Работы китайских археологов. Обзор сборников «Тянье каогу баогао» (№ 1, 1936) и «Чжунго каогу сюэбао» (№ 2—4, 1947—1949, Шанхай). XXI, 1954, стр. 430—458.
Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник. (Заметки к постановке вопроса). XIX, 1954, стр. 41—76.
Воронин Н. Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в. VI, 1940 стр. 309—316.
Воронин Н. Н. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г. VIII, 1946, стр. 145—174.
Воронин Н. Н. Хутынский столп 1535 г. (К проблеме шатровой архитектуры). VIII, 1946, стр. 300—305.
Вощинина А. И. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н. э. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.). XVIII, 1953, стр. 183—196.
Вощинина А. И. Статуэтка девочки из Ольвии. XXVIII, 1958, стр. 117—122.
Гаврилова А. А. Раскопки Второго Катандинского могильника. XXVII, 1957, стр. 250—268.
Гайдукевич В. Ф. Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья. VII, 1941, стр. 7—12.
Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат. XIII, 1950, стр. 173—204.
Гайдукевич В. Ф. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. XVI, 1952, стр. 331—359.
Гайдукевич В. Ф. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. VI, 1940, стр. 298—301.
Гайдукевич В. Ф. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. XXVIII, 1958, стр. 123—135.
Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке. VI, 1940, стр. 190—204.
Гайдукевич В. Ф. Укрепления villa rustica на Темир-горе. VII, 1941, стр. 45—60.
Гайдукевич В. Ф. и Капошина С. И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. XV, 1951, стр. 162—187.
Гейштор А. См. Хенсель В. и др. Польские археологические исследования последних лет.
Гелах Т. Ф. Новые коллекции археологического отдела Музея ИАЭ АН СССР I, 1936, стр. 286.
Гелах Т. Ф. Политпросветительная работа археологического отдела Музея ИАЭ. I, 1936, стр. 288.
Гелах Т. Ф. Приобретение коллекций по трипольской культуре. I, 1936, стр. 187—288.
Гелах Т. Ф. Раскопки по палеолиту в Крыму (1935). I, 1936, стр. 285.
Гембарович М. Т. К вопросу о значении трипольских женских статуэток. XXV, 1956, стр. 106—123.

Генинг В. Ф. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере. XXI, 1954, стр. 259—280.
Гилевич А. М. Новый клад монет из окрестностей Херсонеса. XXVIII, 1958, стр. 136—139.
Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана. XXI, 1954, стр. 379—394.
Голенко К. В. Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н. э. XXVII, 1957, стр. 290—298.
Горецкий Г. И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. XVI, 1952, стр. 302—319.
Городцов В. А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года. I, 1936, стр. 171—186.
Городцов В. А. Подчеремский клад. II, 1937, стр. 113—150.
Городцов В. А. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927. IX, 1947, стр. 13—28.
Городцов В. А. Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне р. Амура. I, 1936, стр. 105—113.
Горюнова Е. И. Археологические разведки на территории горного правобережья Волги в пределах Марийской АССР. IV, 1937, стр. 279—284.
Горюнова Е. И. Сретенская и Кугунурская курганные группы. IV, 1937, стр. 285—288.
Горюнова Е. И. Шойбулакский и Аксаркинский могильники. III, 1937, стр. 167—176.
Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота. XVIII, 1953, стр. 111—127.
Грибановский Н. Н. Сведения о писаницах в Якутии. VIII, 1946, стр. 281—284.
Гримм П. Обзор раскопок, произведенных в Германской Демократической Республике за последние годы. XXIV, 1955, стр. 172—183.
Гроздилов Г. П. Новгородская археологическая экспедиция 1935 г. I, 1936, стр. 279—280.
Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. XIV, 1950, стр. 139—169.
Громов В. И. Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г. II, 1937, стр. 189—194.
Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. XII, 1950, стр. 128—156.
Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. XVI, 1952, стр. 129—162.
Грязнов М. П. Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам. VIII, 1946, стр. 306—318.
Гуммель Я. И. О планировке курганов эпохи бронзы в районе Ганджа-чая. I, 1936, стр. 213—214.
Гуммель Я. И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. VI, 1940, стр. 293—297.
Гурвич Д. М. В. Н. Татищев и русская археологическая наука. XXVI, 1956, стр. 153—164.
Гуревич Ф. Д. Древнейшие бусы Старой Ладоги. XIV, 1950, стр. 170—186.
Гуревич Ф. Д. Из истории раннего Гродно. XV, 1951, стр. 82—95.
Гурина Н. Н. Каменные лабиринты Беломорья. X, 1948, стр. 125—142.
Гурина Н. Н. Керамика неолитического поселения у села Вознесенье на реке Свири. V, 1940, стр. 215—229.
Гурина Н. Н. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова. XII, 1950, стр. 105—127.
Гурина Н. Н. Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты. XIII, 1950, стр. 292—310.
Давыдова А. В. Иволгинское городище. XXV, 1956, стр. 261—300.
Дашевская О. Д. Алфавитный и систематический указатели статей, помещенных в сборниках «Советская археология», I—XXIX—XXX. XXIX—XXX, 1959, стр. 346—396.
Дебец Г. Ф. Палеоантропология Африки. (Библиографический обзор). IV, 1937, стр. 335—340.
Девель Т. М. Обозрение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР. XII, 1950, стр. 289—336.
Джапаридзе В. В. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. XVII, 1953, стр 197—210.
Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии. (К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры). XVIII, 1953, стр. 281—300.

Дмитриевская А. В. Палецкие курганы. IV, 1937, стр. 289—299.
Доватур А. И. Аристотель, фрагмент 611, 24. (Поправка к тексту). XXVIII, 1958, стр. 140—145.
Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. XIX, 1954, стр. 121—140.
Евтюхова Л. А. Барвихинское городище. III, 1937, стр. 113—125.
Егоров Н. М. Боргустанский клад 1941 г. XV, 1951, стр. 292—295.
Ельницкий Л. А. Из истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис-Сабазий). VIII, 1946, стр. 96—112.
Ернштедт Е. В. Статуэтка Диониса из Тиритаки. VII, 1941, стр. 174—188.
Есипенко А. Л. В. В. Латышев в Одессе. XXVIII, 1958, стр. 33—35.
Ефименко П. П. Из материалов палеолитического поселения Костенки I. Землянка А. XI, 1949, стр. 113—126.
Ефименко П. П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. (О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа). XXVI, 1956, стр. 28—53.
Ефименко П. П. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. II, 1937, стр. 39—58.
Ефименко П. П. и Шовкопляс И. Г. Археологические открытия на Украине за последние годы. XIX, 1954, стры. 5—40.
Ефименко П. П. и Шовкопляс И. Г. Итоги полевых археологических исследований на территории Украинской ССР в 1951 г. XVII, 1953, стр. 309—319.
Ечеистова В. Б. См. Винберг Н. А. Советская археологическая литература за 1950 г.
Жебелев С. А. Археолог-энтузиаст. (Памяти А. А. Спицына). X, 1948, стр. 9—11
Жиров Е. В. Древние ижорские черепа. II, 1937, стр. 151—158.
Жиров Е. В. Костяки из грота Мурзак-коба. V, 1940, стр. 179—186.
Задачи «Советской археологии». I, 1936, стр. 1—6.
Задачи советских археологов в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам. XVII, 1953, стр. 9—22.
Заднепровская Т. Н. См. Винберг Н. А. Советская археологическая литература за 1951 г.
Заднепровская Т. Н. См. Винберг Н. А. Советская археологическая литература за 1952 г.
Заднепровская Т. Н. См. Винберг Н. А. Советская археологическая литература за 1953 г.
Заднепровская Т. Н. См. Винберг Н. А. Советская археологическая литература за 1954 г.
Замятнин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы. X, 1948, стр. 85—123.
Замятнин С. Н. Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского (1903—1948). XII. 1950, стр. 213—216.
Замятнин С. Н. Первая русская инструкция для раскопок. (Находка костей «волота» в 1679 г.). XIII, 1950, стр. 287—291.
Замятнин С. Н. Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры (Грузия). (Первые следы наскальной палеолитической графики в Закавказье). III, 1937, стр. 57—76.
Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910—1915 гг.). VIII, 1946, стр. 9—50.
Захаров Н. А. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатарейное городище. II, 1937, стр. 229—230.
Захаров Н. А. Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа. III, 1937, стр. 227—228.
Захарук Ю. Н. О так называемой волынской группе культуры линейно-ленточной керамики. XXIX—XXX, 1959, стр. 114—118.
Збруева А. В. Ананьинский могильник. II, 1937, стр. 95—111.
Збруева А. В. К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье. III, 1937, стр. 33—54.
Збруева А. В. Мало-Окуловские курганы. IX, 1947, стр. 199—212.
Зельин К. К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма. XXII, 1955, стр. 99—108.
Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на Севере СССР. V, 1940, стр. 107—143.
Земляков Б. Ф. Геологические условия неолитической стоянки у села Вознесенье на реке Свири. V, 1940, стр. 206—214.
Зиберт Э. В. Археологические находки на Аляске. II, 1937, стр. 228—229.
Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье. VII, 1941, стр. 152—160.

Зограф А. Н. Об афинской декадрахме Гос. исторического музея. VI, 1940, 304—306.
Золотарев А. М. Ногликовская неолитическая стоянка. (Восточный Сахалин). I, 1936, стр. 273—274.
Зяблин Л. П. О «татарских» курганах. XXII, 1955, стр. 83—96.
Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия. XIII, 1950, стр. 239—254.
Иванова А. П. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора. XV, 1951, стр. 188—203.
Иванова А. П. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. VII, 1941, стр. 107—120.
Иваньев Л. Н. Археологические находки в окрестностях Владивостока. XVI, 1952, стр. 289—298.
Иваньев Л. Н. Древности села Чугуевки в Приморском крае. XV, 1951, стр. 296—298.
Иваньев Л. Н. Литература по археологии советского Дальнего Востока. (Опыт библиографического указателя). XVIII, 1953, стр. 445—477.
Иващенко М. М. Кувшинный могильник в Западной Грузии. XIII, 1950, стр. 320—330.
Иессен А. А., Лев Д. Н. К истории горного дела. I, 1936, стр. 302—305.
Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. (Новочеркасский клад 1939 г.). XVIII, 1953, стр. 49—110.
Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов». XII, 1950, стр. 157—200; XIII, стр. 351.
Иессен А. А. Ранние связи Прпуралья с Ираном. XVI, 1952, стр. 206—231.
Иессен А. А. Сухумская экспедиция ГАИМК. III, 1937, стр. 251—252.
Издания Института археологии АН УССР. («Археологія», т. I, 1947; т. II, 1948; т. III, 1950; т. IV, 1950; т. V, 1951; Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, 1949; т. II, 1949). XVII, 1953, стр. 251—259.
Ильинская В. А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псёл. XXVII, 1957, стр. 232—249.
Итоги полевых археологических исследований 1951 г. (Сессия Отделения истории и философии и пленум Института истории материальной культуры АН СССР). XVII, 1953, стр. 295—308.
Итс Р. Ф. Культуры Яншао и Лушань и их соотношение. (По материалам раскопок в Китае). XXIV, 1955, стр. 98—118.
Итс Р. Ф. См. Воробьев М. В. Работы китайских археологов.
Каждан А. П. Византийские города в VII—XI вв. XXI, 1954, стр. 164—188.
Казаманова Л. Н. К вопросу о «котлах» и «треножниках» в критских архаических надписях. XXVIII, 1958, стр. 146—150.
Капошина С. И. Погребение скифского типа в Ольвии. XIII, 1950, стр. 205—216.
Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. VII, 1941, стр. 161—173.
Капошина С. И. См. Гайдукевич В. Ф. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья.
Карасев А. Н. К вопросу о водоснабжении Ольвии. VII, 1941, стр. 129—139.
Каргер М. К. К вопросу о древнейшей истории Киева. X, 1948, стр. 235—254.
Каргер М. К. Киев и монгольское завоевание. XI, 1949, стр. 55—102.
Каргер М. К. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. XVI, 1952, стр. 77—99.
Каргер М. К. К истории киевского зодчества конца XI в. — начала XII в. Церковь Спаса на Берестове. XVII, 1953, стр. 223—247.
Каргер М. К. Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода. IX, 1947, стр. 137—168.
Каргер М. К. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований. XV, 1951, стр. 44—63.
Каргер М. К. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. XIII 1950, стр. 33—62.
Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. XX, 1954, стр. 6—30.
Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935). VIII, 1946, стр. 175—224.
Карышковский П. О. Затерянная ольвийская надпись. XXVIII, 1958, стр. 151—161.
Кастанаян Е. Г. Обряд трызны в боспорских курганах. XIV, 1950, стр. 124—138.
Кастанаян Е. Г. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных. XV, 1951, стр. 247—255.
Кац А. Л. Дискуссия о проблемах эллинизма. XXII, 1955, стр. 116—122.

Кивокурцев Н. П. Боспорская гипсовая статуэтка Эрота. VII, 1941, стр. 280—283.
Кипарисова Н. П. Игрушки-водолеи из Пайкенда. X, 1948, стр. 310—316.
Киселев С. В. «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси. II, 1937. стр. 71—94.
Киселев С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. III, 1937, стр. 137—166.
Киселев С. В. Кузнецовские курганы. I, 1936, стр. 247—253.
Киселев С. В. Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакассии летом 1936 г. IV, 1937, стр. 324—326.
Киселев С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. I, 1936, стр. 282—284.
Клейн Л. С. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. XXII, 1955, стр. 257—272.
Книпович Т. Н. Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху. XXVIII, 1958, стр. 7—14.
Книпович Т. Н. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. VII, 1941, стр. 140—151.
Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. XI, 1949, стр. 271—284.
Книпович Т. Н. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища (по раскопкам 1937 г.). VI, 1940, стр. 92—106.
Книпович Т. Н. Раскопки некрополя на территории северо-восточной части Верхнего города в Ольвии в 1938 г. VI, 1940, стр. 302—303.
Книпович Т. Н. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг. XXVIII, 1958, стр. 162—177.
Кобылина М. М. Мастерская коропласта в Пантикапее XXVIII, 1958, стр. 178—192.
Козловская В. Я. Некролог. Памяти проф. В. Е. Данилевича. IV, 1937, стр. 313—315.
Козырев Н. А. Новая неолитическая стоянка, обнаруженная в Ленинградской области. XVI, 1952, стр. 299—301.
Колобова К. М. К вопросу о награждении пантикапейца золотым кольцом (IOSPE, II, № 5). XXVIII, 1958, стр. 193—197.
Колчин Б. А. См. Вихров В. Е. Из истории торговли древнего Новгорода.
Комарова М. Н. Погребения Окунева улуса. (К вопросу о хронологическом разделении памятников андроновской культуры Минусинского края). IX, 1947, стр. 47—60.
Кононов В. Н. Технологическая характеристика тканей из могил Ильмовой пади. VIII, 1946, стр. 69—72.
Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI века. XIII, 1950, стр. 63—94.
Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. XIV, 1950, стр. 217—244.
Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. XXII, 1955, стр. 61—82.
Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. XXV, 1956, стр. 318—342.
Корзухина Г. Ф. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. XV, 1951, стр. 64—81.
Коршенко С. В. Римский золотой медальон императора Лициния Старшего из собрания Центрального исторического музея УССР. X, 1948, стр. 317—320.
Крайнов Д. А. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. XXV, 1956, стр. 13—34.
Кригер Н. И. Геологические условия залегания ископаемых костей у дер. Ясникольское. III, 1937, стр. 204—205.
Крижевская Л. Я. Неолитические стоянки окрестностей сел. Алексеевского Вышневолоцкого района. XII, 1950, стр. 231—246.
Крис Х. И. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая. XXIV, 1955, стр. 184—196.
Кричевский Е. Ю. Трипольские площадки (по раскопкам последних лет). VI, 1940, стр. 20—45.
Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма. (О локализации города Фуллы). XXVIII, 1958, стр. 198—218.
Кропоткин В. В. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. Материалы и исследования по археологии СССР, № 34, М., 1953. XXV, 1956, стр. 345—348.
Кругликова И. Т. Новые данные об исторической географии крымского побережья Меотиды. XXVIII, 1958, стр. 219—233.

Кругликова И. Т. Позднеантичные поселения Боспора на побережье Азовского моря. XXV, 1956, стр. 236—260.
Кругликова И. Т. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму. XXIV, 1955, стр. 74—92.
Круглов А. П. Археологические работы на реке Терек. III, 1937, стр. 245—252.
Крупнов Е. И. О жизни и научной деятельности В. А. Городцова. XXV, 1956, стр. 5—12.
Крупнов Е. И. Северо-Кавказская археологическая экспедиция (Государственного исторического музея). I, 1936, стр. 280—281.
Крушкол Ю. С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея. XV, 1951, стр. 256—272.
Кубланов М. М. К истории азиатского Боспора. (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан). XXIX—XXX, 1959, стр. 203—226.
Куликаускене Р. К. Погребения с конями у древних литовцев. XVII, 1953, стр. 211—222.
Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. (По данным погребального обряда). XIX, 1954, стр. 111—120.
Кухаренко Ю. В. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. XXII, 1955, стр. 125—152.
Кушнарева К. Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. XXVII, 1957, стр. 135—177.
Кушнарева К. Х. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. XX, 1954, стр. 165—180.
Кушнарева К. Х. и Шилов В. П. Материалы и исследования по археологии СССР Института истории материальной культуры, № 23, под ред. Е. И. Крупнова, М.— Л., 1951. XXI, 1954, стр. 403—414.
Кызласов Л. Р. Сырский чаа-тас. XXIV, 1955, стр. 197—256.
Кызласов Л. Р. и Смирнов К. Ф. С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. (Издательство Академии наук СССР, М.— Л., 1952, стр. 258). XIX, 1954, стр. 328—335.
Лагодовская Е. Ф. См. Селинов В. И. Раскопки Одесского историко археологического музея под Одессой в 1936 г.
Лазарев В. Н. Васильевские врата 1336 г. XVIII, 1953, стр. 386—442.
Лазарев В. Н. Новгородская живопись последней трети XIV в. и Феофан Грек. XXII, 1955, стр. 212—236.
Ланговая О. Э. Позднеримская амфора из Мирмекия. (Опыт реставрации). VII, 1941, стр. 289—291.
Левашева В. П. О городищах Сибирского юрта. XIII, 1950, стр. 341—350.
Леви Е. И. К вопросу об Ольвийской агоре. XXI, 1954, стр. 319—342.
Леви Е. И. К вопросу о датировке Херсонесской присяги. IX, 1947, стр. 89—100.
Леви Е. И. К истории торговых сношений Ольвии в IV—III вв. до н. э. (По эпиграфическим памятникам агоры). XXVIII, 1958, стр. 234—247
Леви Е. И. Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии. VII, 1941, стр. 308—317.
Лесючевский В. И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. VIII, 1946, стр. 225—247.
Лихачев Д. С. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). (Издательство Академии наук СССР, М., 1953, стр. 68). XIX, 1954, стр. 318—327.
Лихачев Д. С. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. (Издательство Академии наук СССР, М., 1954, 91 стр.) XXVII, 1957, стр. 324—332.
Локтюшев С. А. Мастерская крупных кварцитовых орудий на р. Деркул в Ворошиловградской области. V, 1940, стр. 293—297.
Локтюшев С. А. Редкое погребение и остатки стоянки в Донбассе. II, 1937, стр. 195—198.
Ломтатидзе Г. А. Некоторые итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии. XXVII, 1957, стр. 269—289.
Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. XII, 1950, стр. 247—286.
Лунин Б. В. К вопросу о действительном возрасте «подкумского человека» в свете археологических данных. IV, 1937, стр. 63—90.
Лунин Б. В. Н. И. Березин. Справочник по палеолиту СССР. III, 1937, стр. 271—273.
Лурье И. М. Город Тель-Эль-Амарна. II, 1937, стр. 161—185.
Любин В. П. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества. XXVII, 1957, стр. 71—90.

Ляпушкин И. И. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. (По материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы). XI, 1949, стр. 385—395.
Ляпушкин И. И. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. XV, 1951, стр. 17—43.
Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа. XXIX–XXX, 1959, стр. 58—83.
Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. IX, 1947, стр. 121—136.
Ляпушкин И. И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья (по материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.). XIII, 1950, стр. 7—32.
Ляпушкин И. И. Поселения зольничной культуры (скифов-пахарей) в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. (По материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма). XII, 1950, стр. 41—65.
Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. XVI, 1952, стр. 7—41.
Мавродинов Н. П. Раскопки и исследования в Болгарии за последние годы. XXIV, 1955, стр. 121—154.
Маевский К. См. Хенсель В. и др. Польские археологические исследования последних лет.
Макалатия С. И. Археологические находки в селениях Даблагоми и Агаяни. V, 1940, стр. 264—271.
Макалатия С. И. Раскопки Дванского могильника. XI, 1949, стр. 225—240.
Максимов Н. П. См. Брунов Н. И. и др. Крепостные сооружения древней Руси (МИА, № 31).
Максимова М. И. Античные архитектурные сады Италии. VII, 1941, стр. 199—219.
Максимова М. И. «Археология и история Боспора». (Сборник статей. Крымиздат, 1952, 252 стр.). XXI, 1954, стр. 397—402.
Максимова М. И. М. М. Кобылина. Аттическая скульптура VII—V вв. до н. э. (Изд. МГУ, 1953). XXIV, 1955, стр. 319—323.
Максимова М. И. Надгробие из Херсонеса. XIX, 1954, стр. 221—230.
Максимова М. И. Ритон из Келермеса. XXV, 1956, стр. 215—235.
Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса. XXI, 1954, стр. 281—305.
Максимова М. И. Фрагмент костяного перстня из Ольвии. XXVIII, 1958, стр. 248—255.
Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. XX, 1954, стр. 57—99.
Мандельштам А. М. О некоторых результатах работ Французской археологической миссии в Афганистане. XXI, 1954, стр. 415—429.
Мансуров А. А. Археологическая карта реки Прони. IV, 1937, стр. 211—238.
Мансуров А. А. К материалам по изучению химического состава ископаемых металлических изделий. II, 1937, стр. 199—200.
Мансуров А. А. Старорязанские и пронские гончарные клейма. VIII, 1946, стр. 293—298.
Манцевич А. П. Гребень и фиала из кургана Солоха. XIII, 1950, стр. 217—238.
Манцевич А. П. О скифских поясах. VII, 1941, стр. 19—30.
Марковин В. И. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. XX, 1954, стр. 324—342.
Марти А. Ю. Детское погребение IV в. до н. э. из кургана близ Тиритаки. VI, 1940, стр. 120—129.
Марти В. Ю. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия. VII, 1941, стр. 94—106.
Марти Ю. Ю. Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ. VII, 1941, стр. 31—44.
Махно Е. В. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. XXIII, 1955, стр. 81—100.
Мацулевич Л. А. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. VII, 1941, стр. 61—80.
Мачинский А. В. Археологическая мексиканская коллекция. V, 1940, стр. 305.
Мачинский А. В. Две новых псевдопалеолитических находки в Америке. V, 1940, стр. 305.
Мачинский А. В. Некролог. Marshal H. Saville. III, 1937, стр. 229—233.
Мачинский А. В. Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки. I, 1936, стр. 291—302.

Маяк И. Л. О запрещении вакханалий в Риме. XXVIII, 1958, стр. 256—261.
Мегрелидзе И. В. Археологические находки в Дидо. XV, 1951, стр. 281—291.
Меликсет-Бек Л. М. К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Результаты работ археологической экспедиции Академии наук Арм. ССР 1937—1950 гг. (Изд. АН Арм.ССР, Ереван, 1952, на арм. яз.). XXV, 1956, стр. 349—356.
Мелюкова А. И. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы. (Критический обзор). XXII, 1955, стр. 239—253.
Мелюкова А. И. См. Граков Б. Н. Две археологические культуры в Скифии Геродота. XVIII, 1953, стр. 111—127.
Мерперт Н. Я. Вопросы происхождения булгар в книге А. П. Смирнова «Волжские булгары». XVII, 1953, стр. 274—284.
Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. XXIII, 1955, стр. 131—168.
Милонов Н. П. Дмитровское городище (Кремль города Дмитрова). IV, 1937, стр. 147—168.
Милонов Н. П. Тверская печать XV в. VIII, 1946, стр. 299.
Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. XX, 1954, стр 343—356.
Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. XXVI, 1956, стр. 236—261.
Мнацаканян А. О. Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан. XXIII, 1955, стр. 185—200.
Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. XVIII, 1953, стр. 151—189.
Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа. XXIII, 1955, стр. 321—340.
Монгайт А. Л. См. Амальрик А. С. И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы.
Моора Х. А. Возникновение классового общества в Прибалтике. (По археологическим данным). XVII, 1953, стр. 105—132.
Моора Х. А. М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 29, М., 1952. XX, 1954, стр. 386—390.
Моора Х. А. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. XXI, 1954, стр. 95—118.
Мосберг Г. И. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма. VIII, 1946, стр. 113—119.
Москаленко А. Н. А. Ф. Шоков. Скифы на Среднем Дону. (Воронежское областное книгоиздательство, Воронеж, 1952). XIX, 1954, стр. 344—347.
Мунчаев Р. М. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. XXII, 1955, стр. 5—20.
Мунчаев Р. М. и Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы Дагестана. (Курганная группа у станции Манас). XXVI, 1956, стр. 167—203.
Мусхелишвили Л. [В.]. Раскопки в Дманиси. VI, 1940, стр. 258—286.
Мухамедьяров Ш. Ф. А. П. Смирнов. Волжские булгары. (Труды ГИМ, вып. XIX, М., 1951). XVII, 1953, стр. 260—273.
Наливкина М. А. Новая находка рельефа в Херсонесе. VI, 1940, стр. 307—308.
Наливкина М. А. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма. VI, 1940, стр. 107—119.
Наливкина М. А. Терракотовая головка из Мирмекия. VII, 1941, стр. 284—288.
Научные и организационные задачи советской археологии в свете решений XIX съезда КПСС. XVIII, 1953, стр. 5—12.
Наши задачи в области археологических исследований в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории. II, 1937, стр. 1—15.
Нпорадзе Г. К. Археологические находки в селе Квишари. XI, 1949, стр. 185—194.
Новосадский Н. П. Об ученых трудах академика Василия Васильевича Латышева. XXVIII, 1958, стр. 5—6.
Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов». XVII, 1953, стр. 320—326.
Обсуждение книги А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху». (Издательство Академии наук СССР, М., 1952). XIX, 1954, стр. 311—317.
О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий. III, 1937, стр. V—X.
Окладников А. П. Археологические исследования на Ангаре (1936 г.). IV, 1937, стр. 319—321.

Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. XIII, 1950, стр. 139—172.
Окладников А. П. Буреть — новая палеолитическая «стоянка» на Ангаре. V, 1940, стр. 290—292.
Окладников А. П. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии. XI, 1949, стр. 155—170.
Окладников А. П. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре. XV, 1951, стр. 299—301.
Окладников А. П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири. X, 1948, стр. 223—225.
Окладников А. П. Каменные рыбы. (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири). I, 1936, стр. 215—245.
Окладников А. П. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре. I, 1936, стр. 275—277.
Окладников А. П. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири. XIV, 1950, стр. 7—19.
Окладников А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. (Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш). VI, 1940, стр. 5—19.
Окладников А. П. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований. XXI. 1954, стр. 5—29.
Окладников А. П. Новая «скифская» находка на Верхней Лене. VIII, 1946, стр. 285—288.
Окладников А. П. Новые неолитические находки на Ангаре, в районе дер. Кежмы. XVI, 1952, стр. 320—326.
Окладников А. П. Новые сведения по археологии и истории Приуралья. (Записки Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения, т. 2. Благовещенск, 1953). XXII, 1955, стр. 254—256.
Окладников. А. П. Оленный камень с реки Иволги. XIX, 1954, стр. 207—220.
Окладников. А. П. Приморье в I тысячелетии до нашей эры. (По материалам поселений с раковинными кучами). XXVI, 1956, стр. 54—96.
Орлов С. Н. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги. XXI, 1954, стр. 343—354.
Орлов С. Н. Сопки волховского типа около Старой Ладоги. (Из материалов Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.). XXII, 1955, стр. 190—211.
От редакции. (О В. В. Латышеве). XXVIII, 1958, стр. 3—4.
От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР. XVII, 1953, стр. 3—6.
Памяти Н. Я. Марра (1864—1934). IV, 1937, стр. 5—8.
Памяти А. Ю. Якубовского. XIX, 1954, стр. 293—307.
Паничкина М. З. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г. V, 1940, стр. 302—303.
Паничкина М. З. Обзор археологических находок за 1934—1935 гг. в СССР по газетным сообщениям. II, 1937, стр. 230—241.
Паничкина М. З. Обзор археологических находок по газетным сообщениям в 1934—1935 гг. (Продолжение). III, 1937, стр. 257—270.
Паничкина М. З. Разведки палеолита на Средней Волге. XVIII, 1953, стр. 233—264.
Паничкина М. З. Сессия археологической секции Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР. III, 1937, стр. 237—240.
Пассек Т. С. Новые исследования в области «трипольской культуры» в УССР. III, 1937, стр. 223—227.
Передольская А. А. К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница. XXIV, 1955, стр. 54—73.
Передольская А. А. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница. XIII, 1950, стр. 255—271.
Перечень статей, помещенных в сборниках «Советская археология», XI—XIX. XX, 1954, стр. 418—423.
Перечень статей, помещенных в сборниках «Советская археология», XX—XXIX-XXX. XXIX-XXX, 1959, стр. 397—403.
Петров Г. И. Завершение дискуссии о природе питекантропа. VI, 1940, стр. 316—323.
Петров Г. И. Некролог. Генри Фэрфильд Осборн. II, 1937, стр. 201—202.
Пидопличко И. Г. Краткий обзор фауны палеолита УССР. V, 1940, стр. 151—158.
Пидопличко И. Г. Палеолитическая стоянка Чулатов I. V, 1940, стр. 65—80.

Пиотровский Б. Б. Поселения медного века в Армении. XI, 1949, стр. 171—184.
Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. XXIII, 1955, стр. 5—15.
Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток. (Доклад на Конференции по скифо-сарматской археологии). XIX, 1954, стр. 141—158.
Пиотровский Б. Б. Урартская бронзовая статуэтка Гос. Музея Армении. VI, 1940, стр. 89—91.
Погребова Н. Н. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов. (По поводу статей А. П. Манцевич). XVII, 1953, стр. 285—291.
Подгаецкий Г. В. Краткий отчет о работах Орской экспедиции. IV, 1937, стр. 332—335.
Покровский М. В. Грифон Лысой горы. IV, 1937, стр. 305—307.
Покровский М. В. Пашковский могильник № 1. I, 1936, стр. 159—169.
Покровский М. В. и Анфимов Н. В. Карта древних поселений и могильников Прикубанья (с IV в. до н. э. по III в. н. э.). IV, 1937, стр. 265—275.
Полевой Л. Л. См. Рикман Э. А. К. Горедт. Славянская керамика Трансильвании.
Полесских М. Р. Завальские писаницы. XXIII, 1955, стр. 277—290.
Поликарпович К. М. Новая верхнепалеолитическая стоянка в бассейне р. Десны. (Дер. Нединово, Погарский район Западной обл.). III, 1937, стр. 213—217.
Поликарпович К. М. Первая находка мустьерской эпохи в БССР. III, 1937. стр. 197—199.
Поликарпович К. М. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг. V, 1940, стр. 81—87.
Поликарпович К. М. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. V, 1940, стр. 285—290.
Попова Т. Б. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. XXII, 1955, стр. 21—60.
Прокошев Н. А. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье. X, 1948, стр. 183—202.
Прокошев Н. А. Камская экспедиция 1935 г. I, 1936, стр. 255—269.
Прокошев Н. А. Погребение на р. Чусовой. III, 1937, стр. 127—135.
Прушевская Е. О. Из ольвийских находок краснофигурной керамики старого стиля. VII, 1941, стр. 318—325.
Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня. (Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции). XXIX-XXX, 1959, стр. 119—139.
Рабинович Б. [З]. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. I, 1936, стр. 79—102.
Рабинович Б. [З]. Работа сектора доклассового общества Государственного Эрмитажа в 1935 г. II, 1937, стр. 241—243.
Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков. XXIX-XXX, 1959, стр. 263—286.
Равдоникас В. И. Археологические исследования на реке Свири в 1934 г. V, 1940, стр. 187—205.
Равдоникас В. И. К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. I, 1936, стр. 9—50.
Равдоникас В. И. Неолитический могильник на Онежском озере. VI, 1940, стр. 46—62.
Равдоникас В. И. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. III, 1937, стр. 3—32.
Равдоникас В. И. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). XI, 1949, стр. 5—54.
Равдоникас В. И. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). Часть II. XII, 1950, стр. 7—40.
Равдоникас В. И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. IV, 1937, стр. 11—32.
Раевский К. А. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра—Днестра в I тысячелетии н. э. XXIII, 1955, стр. 250—276.
Раппопорт П. А. Холм. XX, 1954, стр. 313—323.
Ременников А. М. Античные и византийские авторы о войнах племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. XXVIII, 1957, стр. 266—275.
Репников Н. И. О характере римской оккупации южного берега Крыма. VII, 1941, стр. 121—128.
Рикман Э. А. и Полевой Л. Л. К. Горедт. Славянская керамика Трансильвании. XXIV, 1955, стр. 324—332.
Рогачев А. Н. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита. (По материалам Тельманской стоянки в Костенках). XVII, 1953, стр. 149—160.

Рогачев А. Н. Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенок на Дону. XVI, 1952, стр. 100—119.
Рогачев. А. Н. Предварительное сообщение о работах Костенковской экспедиции в 1936 г. V, 1940, стр. 278—281.
Розанова. Н. П. Эллинская надпись из раскопок Патрэя 1949 г. XXVIII, 1958, стр. 262—265.
Розанова Н. П. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова. VII, 1941, стр. 247—257.
Розен М. Ф. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике на Алтае. XVI, 1952, стр. 327—330.
Руденко С. И. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок. XXVII, 1957, стр. 301—306.
Руденко С. И. Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. XI, 1949, стр. 261—270.
Рудинский М. Я. Пушкари. (Материалы к истории изучения палеолитических стоянок у с. Пушкари Новгород-Северского района на Черниговщине). IX, 1947, стр. 171—198.
Рыбаков Б. А. Древние русы. (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина). XVII, 1953, стр. 23—104.
Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. VI, 1940, стр. 227—257 и 323.
Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. XVIII, 1953, стр. 128—150.
Рыбаков Б. А. См. Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде Великом.
Рыгдылон Э. Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального оруга Иркутской области. XXII, 1955, стр. 177—189.
Рыгдылон Э. Р. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке. XII, 1950, стр. 287—288.
Рыгдылон Э. Р. Писаницы близ озера Шира. XXIX-XXX, 1959, стр. 186—195.
Рыдзевская Е. А. О названии острова Березань. IX, 1947, стр. 79—88.
Рыков П. С. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. I, 1936, стр. 115—157.
Р[ыков] П. [С.]. Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье. I, 1936, стр. 274.
Рюмин А. К. Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на р. Ангаре. XV, 1951, стр. 273—280.
Сальников К. В. Абашевская культура на Южном Урале. XXI, 1954, стр. 52—94.
Сальников. К. В. Андроновские поселения Зауралья. XX, 1954, стр. 213—252.
Сальников К. В. Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. IX, 1947, стр. 221—238.
Сальников К. В. Исетские древние поселения. XXV, 1956, стр. 189—214.
Сальников. К. В. Кипельское селище. XXVII, 1957, стр. 193—208.
Сальников. К. В. Раскопки у села Ново-Бурино (1948 г.) XXIX-XXX, 1959, стр. 172—185.
Сальников К. В. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного. XIII, 1950, стр. 311—319.
Свешников. И. К. Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни. XX, 1954, стр. 100—130.
Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). XVIII, 1953, стр. 193—229.
Селиванов В. И. Археологическая работа Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1935 г. II, 1937, стр. 221—227.
Селинов В. И. и Лагодовская Е. Ф. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. V, 1940, стр. 239—263.
Семенов С. А. Древнейшие каменные серпы. XXI, 1954, стр. 355—367.
Семенов С. А. Жатвенные кремневые ножи из поздненеолитического поселения Лука-Врублевецкая на Днестре. XI, 1949, стр. 151—154.
Семенов С. А. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари I. XVI, 1952, стр. 120—128.
Семенов С. А. Обработка дерева на древнем Алтае. (По материалам Пазырыкских курганов). XXVI, 1956, стр. 204—226.
Сергеев Г. П. Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы (Молдавия). XII, 1950 стр. 203—212.
Сергеев С. М. О резных костяных украшениях конской узды из «скифского» кургана на Алтае. VIII, 1946, стр. 289—292.
Сергеенко М. Е. Пахота в древней Италии. VII, 1941, стр. 220—230.

Сибилев Н. В. Эпипалеолит Изюмщины и его отношение к позднейшим культурам. V, 1940, стр. 275—277.
Синицын И. В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. VIII, 1946, стр. 73—95.
Синицын И. В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. X, 1948, стр. 143—160.
Синицын И. В. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. XI, 1949, стр. 195—224.
Синяев В. С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма. XIII, 1950, стр. 331—340.
Скалон В. Н. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства. XXV, 1956, стр. 87—105.
Скуднова В. М. Из неизданных материалов Ольвии VI—I вв. до н. э. XXIX-XXX, 1959, стр. 248—262.
Скуднова В. М. Скифские памятники из Нимфея. XXI, 1954, стр. 306—318.
Славин Л. М. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части верхнего города. VII. 1941, стр. 292—305.
Славин Л. М. Ольвия в VI—I вв. до н. э. XXVIII, 1958, стр. 276—297.
Смирнов А. П. Исследование городища Сувар. (Экспедиция МОГАИМК, 1936 г.). IV, 1937, стр. 330—332.
Смирнов А. П. Могильник Бигер-Шай. IV, 1937, стр. 239—249.
Смирнов В. И. Говядиновский могильник. IX, 1947, стр. 213—220.
Смирнов В. И. Костромской декоративный топорик. V, 1940, стр. 304—305.
Смирнов В. И. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области. IV, 1937, стр. 169—210.
Смирнов В. И. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе. VI, 1940, стр. 289—292.
Смирнов К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. XVII, 1953, стр. 133—148.
Смирнов К. Ф. о погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. XXVII, 1957, стр. 209—221.
Смирнов К. Ф. См. Кызласов Л. Р. С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы.
Смирнов К. Ф. См. Мунчаев Р. М. Памятники эпохи бронзы Дагестана.
Современные задачи советской археологии. IX, 1947, стр. 5—10.
Соколова З. П. См. Бадер О. Н. Стоянка Боровое озеро IV на Чусовой.
Сокольский Н. И. Валы в системе обороны европейского Боспора. XXVII, 1957, стр. 91—106.
Сокольский Н. И К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э. XXVIII, 1958, стр. 298—307.
Соловьев Л. Н. Археологические раскопки близ г. Очемчири в Абхазии. IV, 1937, стр. 323—324.
Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. XIV, 1950, стр. 265—286.
Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим данным VIII—XIV вв. н. э. XXV, 1956, стр. 138—170.
Соломоник Э. И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса. XXVIII, 1958, стр. 308—316.
Сорокин С. С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. XX, 1954, стр. 131—147.
Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения. XXVI, 1956, стр. 97—117.
Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки в долине р. Качи у г. Красноярска. X, 1948, стр. 75—84.
Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой пади. VIII, 1946, стр. 51—67.
Сосновский Г. П. Раскопки палеолитической стоянки в долине р. Катуни. V, 1940, стр. 297—298.
Спасский И. Г. Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые мордовки. XXI, 1954, стр. 189—238.
Список печатных трудов академика Сергея Александровича Жебелева. (Дополнение к списку трудов, изданному в 1926 г.). Составлен Е. Г. Кастанаян. VII, 1941 стр. 13—15.
Список трудов академика В. В. Латышева. XXVIII, 1958, стр. 36—51.
Список ученых трудов А. А. Спицына. X, 1948, стр. 12—20.
Спицын А. А. Поля погребальных урн. X, 1948, стр. 53—72.
Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. XIV, 1950, стр. 187—216.

Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. XV, 1951, стр. 219—246.
Станкевич Я. В. Неолитическая стоянка у «Гремячьего» ручья. V, 1940, стр. 230—238.
Станчев С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры. XXVII, 1957, стр. 107—132.
Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник. (Опыт историко-культурного анализа памятников). XXIII, 1955, стр. 16—37.
Стратанович Г. Г. Китайская чаша из урочища Большой Дурал. XV, 1951, стр. 302—307.
Стрелков А. С. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии. II, 1937, стр. 205—215.
Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. IX, 1947, стр. 283—302.
Сымонович Э. А. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры. XXVI, 1956, стр. 262—270.
Сымонович Э. А. Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. XXIX-XXX, 1959, стр. 84—107.
Сымонович Э. А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. XXIV, 1955, стр. 282—316.
Тавадзе Ф. Н. и Баркая В. Ф. Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии. XX, 1954, стр. 357—381.
Талицкий М. В. Керамика Протопоповского городища. X, 1948, стр. 227—234.
Тараканова С. А. Длинные и удлиненные курганы. XIX, 1954, стр. 77—110.
Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. VIII, 1946, стр. 249—260.
Телегин Д. Я. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца. XXIX-XXX, 1959, стр. 159—171.
Теплоухов А. Ф. О древнем шаманском изображении из бронзы, бытовавшем на Конде среди вогулов и остяков. IX, 1947, стр. 239—250.
Тереножкин А. И. Археологические разведки в Хорезме. VI, 1940, стр. 168—189.
Тереножкин А. И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. XXIV, 1954, стр. 7—28.
Тиханова М. А. Борочицкий клад. XXV, 1956, стр. 301—317.
Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г. XIX, 1954, стр. 239—262.
Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г. XVIII, 1953, стр. 301—325.
Трапш М. М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. XXIII, 1955, стр. 206—227.
Тревер К. В. К вопросу об античном храме в Гарни. XI, 1949, стр. 285—304.
Тревер К. В. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. XVI, 1952, стр. 282—286.
Тревер К. В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. (К истории народов Средней Азии). XXI, 1954, стр. 131—147.
Третьяков П. Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. IX, 1947, стр. 61—78.
Третьяков П. Н. Калужская экспедиция Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра 1936 г. IV, 1937, стр. 328—330.
Третьяков П. Н. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья. V, 1940, стр. 101—106.
Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. IV, 1937, стр. 33—51.
Третьяков П. Н. Экспедиция по изучению «арктического палеолита». II, 1937, стр. 227—228.
Троицкая Т. Н. Погребение у села Белоглинки. (К вопросу о кизил-кобинской культуре предгорной и степной части Крыма). XXVII, 1957, стр. 222—231.
Трусова С. А. Краткий обзор работ Крымской палеолитической экспедиции 1936 г. V, 1940, стр. 298—301.
Трусова С. А. Пленум комиссии по изучению ископаемого человека Советской секции INQUA. II, 1937, стр. 215—221.
Трусова С. А. Раскопки в пещере Аджи-коба в 1933 г. V, 1940, стр. 272—274.
Тюменев А. И. В. В. Латышев и история Херсонеса. XXVIII, 1958, стр. 15—32.
Удальцова З. В. Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии. XXVIII, 1958, стр. 317—332.
Федоров В. В. Находка поделки из рога лося в Ленинградской области. III, 1937, стр. 221—222.

Федоров В. В. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени. III, 1937, стр. 101—112.
Федоров В. В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки. II, 1937, стр. 61—70.
Формозов А. А. Мустьерская стоянка Кабази в Крыму. XXIX-XXX, 1959, стр. 143—158.
Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. XXI, 1954, стр. 38—51.
Формозов А. А. С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. (Изд. Академии наук Арм. ССР, Ереван, 1954). XXVII, 1957, стр. 307—309.
Фосс М. Е. Неолитические культуры севера Европейской части СССР. IX, 1947, стр. 29—46.
Фосс М. Е. Стоянка Кубенино. V, 1940, стр. 31—64.
Харко Л. П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской. VII, 1941, стр. 81—93.
Хенсель В., Гейштор А., Маевский К. Польские археологические исследования последних лет. XXIV, 1955, стр. 155—171.
Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954 гг.). XXVI, 1956, стр. 271—292.
Холостенко Н. В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры. XXIII, 1955, стр. 341—358.
Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея. XVI, 1952, стр. 232—281.
Цалкин В. И. Домашние и дикие животные из скифского Неаполя. (По материалам раскопок Тавро-Скифской экспедиции). XX, 1954, стр. 253—287.
Цветаева Г. А. Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. (Учпедгиз, М., 1952, 186 стр.). XX, 1954, стр. 410—416.
Чебоксаров Н. Н. А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, т. V, Материалы и исследования по археологии СССР, № 30, М., 1952. XX, 1954, стр. 391—398.
Чердынцев В. В. Определение абсолютного возраста палеолита. XXV, 1956, стр. 85—86.
Чернецов В. Н. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.). III, 1937, стр. 254—256.
Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. XV, 1951, стр. 140—161.
Черников С. С. Наскальные изображения верховьев Иртыша. IX, 1947, стр. 251—282.
Чернов Г. А. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. XV, 1951, стр. 308—324.
Чернов Г. А. Хэйбидя-пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре XXIII, 1955, стр. 291—320.
Чернягин Н. Н. Гребень из Псковского городища. X, 1948, стр. 305—308.
Чернягин Н. Н. Раскопки Псковского кремля. IV, 1937, стр. 327—328.
Чиняков А. Г. См. Брунов Н. И. и др. Крепостные сооружения древней Руси (МИА, № 31).
Членова Н. Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. XXIII, 1955, стр. 38—55.
Шелковников Б. А. Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями. XXIII, 1955, стр. 169—182.
Шелковников Б. А. Китайская керамика из раскопок средневековых городов и поселений Закавказья. XXI, 1954, стр. 368—378.
Шелов Д. Б. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом. XXVIII, 1958, стр. 333—336.
Шелов Д. Б. К истории керамического производства на Боспоре. XXI, 1954, стр. 119—130.
Шилов В. П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. XXIII, 1955, стр. 228—249.
Шилов В. П. О расселении меотских племен. XIV, 1950, стр. 102—123.
Шилов В. П. Синдские монеты. XV, 1951, стр. 204—215.
Шилов В. П. См. Кушнарева К. Х. Материалы и исследования по археологии СССР, № 23.
Шишкин В. А. Варахша. (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.). XXIII, 1955, стр. 101—130.
Шмидт А. В. Стоянка у станции Левшино. V, 1940, стр. 1—30.
Шмидт Р. В. К исследованию боспорских оборонительных валов. VII, 1941, стр. 268—279.

Шовкоплясс И. Г. См. Ефименко П. П. Археологические открытия на Украине за последние годы.
Шовкоплясс И. Г. См. Ефименко П. П. Итоги полевых археологических исследований на территории Украинской ССР в 1951 г.
Штефан Г. Археологические исследования на территории Румынской Народной Республики в 1954 году. XXIX-XXX, 1959, стр. 287—294.
Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции. III, 1937, стр. 252—254.
Щепинский А. А. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя. XXVII, 1957, стр. 178—192.
Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. XIX, 1954, стр. 269—282.
Эдинг Д. Н. Идолы Горбуновского торфяника. IV, 1937, стр. 133—146.
Эрнст Н. Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г. III, 1937, стр. 240—245.
Якобсон А. Л. Из истории армянской средневековой архитектуры. III. Татевский монастырь. IX, 1947, стр. 303—328.
Якобсон А. Л. Из истории армянского средневекового зодчества. V. Армянские монастыри XIII в. Хоракерт и Мшкаванк. XIV, 1950, стр. 245—262.
Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики. XXI, 1954, стр. 148—163.
Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика. VI, 1940, стр. 205—226.
Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. III. Средневековые бани Херсонеса. VIII, 1946, стр. 261—278.
Якобсон А. Л. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы. XXIX-XXX, 1959, стр. 108—113.
Якобсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. (Опыт хронологической классификации). XV, 1951, стр. 325—344.
Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках. X, 1948, стр. 255—270.
Янин В. Л. Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. (Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1954). XXV, 1956, стр. 357—365.
Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. XVIII, 1953, стр. 372—385.
Янин В. Л. Печати наместников новоторжских. XIX, 1954, стр. 283—292.
Янитс Л. И. Новые данные по неолиту Прибалтики. XIX, 1954, стр. 159—204.

II. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Систематический указатель содержит следующие разделы:

1. Общие статьи по вопросам советской археологии.
2. Палеолит и мезолит.
3. Неолит и бронзовый век.
4. Ранний железный век (до IV в. н. э.). (С подразделом «Античные памятники Причерноморья»).
5. Поздний железный век (с IV в. н. э.). (С подразделом «Славянские и древнерусские памятники»).
6. Эпиграфика.
7. Нумизматика и сфрагистика.
8. Антропологические данные.
9. Палеонтологические и палеоботанические данные.
10. Археологическая методика и технология.
11. Personalia.
12. Хроника, информации и обзоры археологических исследований.
13. Критические статьи и рецензии.
14. Библиография.
15. Археология зарубежных стран.
16. Разное.

В хронологических разделах имеются территориальные подразделения в следующих границах:

Север — Карельская АССР, Коми АССР, Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская и Псковская области РСФСР.
Прибалтика — Латвийская, Литовская и Эстонская ССР и Калининградская область РСФСР.
Белоруссия — Белорусская ССР.
Центральные области — Брянская, Великолукская, Воронежская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Курская, Московская,

Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Ярославская области РСФСР.

Среднее Поволжье — Горьковская и Кировская области РСФСР, Марийская, Мордовская, Татарская, Удмуртская, Чувашская АССР.

Нижнее Поволжье — Астраханская, Куйбышевская, Пензенская, Саратовская, Сталинградская, Ульяновская области РСФСР.

Урал — Башкирская АССР, Пермская, Свердловская, Челябинская, Оренбургская области РСФСР.

Левобережная Украина — районы Украинской ССР восточнее Днепра.

Правобережная Украина и Молдавия — районы Украинской ССР западнее Днепра и Молдавская ССР.

Крым — Крымская область УССР.

Северный Кавказ — Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская и Северо-Осетинская АССР, Краснодарский и Ставропольский края РСФСР, Ростовская область РСФСР.

Закавказье — Грузинская, Армянская и Азербайджанская ССР.

Средняя Азия — Туркменская, Узбекская, Таджикская и Киргизская ССР.

Казахстан — Казахская ССР.

Западная Сибирь — Кемеровская, Курганская, Новосибирская, Омская, Тобольская и Томская области РСФСР, Алтайский и Красноярский края РСФСР, Тувинская автономная область.

Восточная Сибирь — Иркутская и Читинская области РСФСР, Бурят-Монгольская и Якутская АССР.

Дальний Восток — Амурская и Сахалинская области РСФСР, Приморский и Хабаровский края РСФСР.

Статьи, содержание которых может относиться к нескольким разделам указателя, помещены во всех соответствующих разделах.

1. ОБЩИЕ СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Артамонов М. И. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология. XV, 1951, стр. 7—16.

Брюсов А. Я. К вопросу о передвижениях древних племен эпоху неолита и бронзы, XXVII, 1957, стр. 5—13.

Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе. XXVII, 1957, стр. 14—28.

Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник. (Заметки к постановке вопроса). XIX, 1954, стр. 41—76.

Ефименко П. П. и Шовкопляс И. Г. Археологические открытия на Украине за последние годы. XIX, 1954, стр. 5—40.

Задачи советских археологов в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам. XVII, 1953, стр. 9—22.

Задачи «Советской археологии». I, 1936, стр. 1—6.

Научные и организационные задачи советской археологии в свете решений XIX съезда КПСС. XVIII, 1953, стр. 5—12. Наши задачи в области археологических исследований в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории. II, 1937, стр. 1—15.

О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий. III, 1937, стр. V—X.

Смирнов К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. XVII, 1953, стр. 133—148. Современные задачи советской археологии. IX, 1947, стр. 5—10.

2. ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ

Общие статьи

Борисковский П. И. Вопросы периодизации палеолита. XXI, 1954, стр. 30—37.

Воеводский М. В. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе. V, 1940, стр. 144—150.

Гелах Т. Ф. Новые коллекции археологического отдела Музея ИАЭ АН СССР. I, 1936, стр. 286.

Громов В. И. Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г. II, 1937, стр. 189—194.

Ефименко П. П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. (О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа). XXVI, 1956, стр. 28—53.
Лунин Б. В. Н. И. Березин. Справочник по палеолиту СССР. III, 1937, стр. 271—273.
Окладников. А. П. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований. XXI, 1954, стр. 5—29.
Равдоникас В. И. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. III, 1937, стр. 3—32.
Рогачев А. Н. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита. (По материалам Тельманской стоянки в Костенках). XVII, 1953, стр. 149—160.
Семенов С. А. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари I. XVI, 1952, стр. 120—128.
Трусова С. А. Пленум комиссии по изучению ископаемого человека советской секции INQUA. II, 1937, стр. 215—221.
Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. XXI, 1954, стр. 38—51.

Север

Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на Севере СССР. V, 1940, стр. 107—143.
Равдоникас В. И. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. III, 1937, стр. 3—32.
Третьяков П. Н. Экспедиция по изучению «арктического палеолита». II, 1937, стр. 227—228.

Центральные области

Борисковский П. И. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины. XV, 1951, стр. 96—121.
Борисковский П. И. Раскопки Боршевской второй палеолитической стоянки в 1936 г. V, 1940, стр. 281—285.
Борисковский П. И. Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II в 1953 г. XXV, 1956, стр. 173—188.
Борисковский П. И. См. Воеводский М. В. Стоянка Елин Бор.
Виноградов К. Я. Исполинский олень у дер. Ясникольское. III, 1937, стр. 199—203.
Воеводский М. В. и Борисковский П. И. Стоянка Елин Бор. III, 1937, стр. 77—99.
Ефименко П. П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. (О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа). XXVI, 1956, стр. 28—53.
Ефименко П. П. Из материалов палеолитического поселения Костенки I. Землянка А. XI, 1949, стр. 113—126.
Крайнов Д. А. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. XXV, 1956, стр. 13—34.
Кригер Н. И. Геологические условия залегания ископаемых костей у дер. Ясникольское. III, 1937, стр. 204—205.
Поликарпович К. М. Новая верхнепалеолитическая стоянка в бассейне р. Десны (Дер. Юдиново, Погарский район Западной обл.). III, 1937, стр. 213—217.
Поликарпович К. М. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг. V, 1940, стр. 81—87.
Поликарпович К. М. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. V, 1940, стр. 285—290.
Рогачев А. Н. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита. (По материалам Тельманской стоянки в Костенках). XVII, 1953, стр. 149—160.
Рогачев А. Н. Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенок на Дону. XVI, 1952, стр. 100—119.
Рогачев А. Н. Предварительное сообщение о работах Костенковской экспедиции в 1936 г. V, 1940, стр. 278—281.
Третьяков П. Н. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья. V, 1940, стр. 101—106.

Белоруссия, Украина и Молдавия

Борисковский П. И. Древнепалеолитические местонахождения Среднего Поднестровья. XI, 1949, стр. 103—112.
Брюсов А. Я. Гонцовская стоянка. V, 1940, стр. 88—92.

Воеводский М. В. Находки раннего неолита в бассейне р. Десны. XII, 1950, стр. 217—230.
Пидопличко И. Г. Краткий обзор фауны палеолита УССР. V, 1940, стр. 151—158.
Пидопличко И. Г. Палеолитическая стоянка Чулатов I. V, 1940, стр. 65—80.
Поликарпович К. М. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг. V, 1940, стр. 81—87.
Поликарпович К. М. Первая находка мустьерской эпохи в БССР. III, 1937, стр. 197—199.
Рудинский М. Я. Пушкари. (Материалы к истории изучения палеолитических стоянок у с. Пушкари Новгород-Северского района на Черниговщине). IX, 1947, стр. 171—198.
Сергеев Г. П. Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы (Молдавия). XII, 1950, стр. 203—212.
Сибилев Н. В. Эпипалеолит Изюмщины и его отношение к позднейшим культурам. V, 1940, стр. 275—277.

Среднее Поволжье и Урал

Бибиков С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала. XII, 1950, стр. 66—104.
Паничкина М. З. Разведки палеолита на Средней Волге. XVIII, 1953, стр. 233—264.
Шмидт А. В. Стоянка у станции Левшино. V, 1940, стр. 1—30.

Крым

Бадер О. Н. Изучение эпипалеолита Крымской яйлы. V, 1940, стр. 93—100.
Бадер О. Н. Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции Московского института антропологии в 1936 г. V, 1940, стр. 301—302.
Бибиков С. Н. Грот Мурзак-коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. V, 1940, стр. 159—178.
Бибиков С. Н. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. I, 1936, стр. 195—212.
Гелах Т. Ф. Раскопки по палеолиту в Крыму (1935 г.). I, 1936, стр. 285.
Жиров Е. В. Костяки из грота Мурзак-коба. V, 1940, стр. 179—186.
Трусова С. А. Краткий обзор работ Крымской палеолитической экспедиции 1936 г. V, 1940, стр. 298—301.
Трусова С. А. Раскопки в пещере Аджи-коба в 1933 г. V, 1940, стр. 272—274.
Формозов А. А. Мустьерская стоянка Кабази в Крыму. XXIX-XXX, 1959, стр. 143—161.

Северный Кавказ

Горецкий Г. И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. XVI, 1952, стр. 302—319.

Закавказье

Байбуртян Е. А. Новые находки каменного века в Армении. III, 1937, стр. 206—208.
Громов В. И. Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г. II, 1937, стр. 189—194.
Замятнин С. Н. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия). (Первые следы наскальной палеолитической графики в Закавказье). III, 1937, стр. 57—76.
Паничкина М. З. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г. V, 1940, стр. 302—303.
Формозов А. А. С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. (Изд. Академии наук Арм. ССР, Ереван, 1954). XXVII, 1957, стр. 307—309.

Средняя Азия

Окладников А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. (Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш). VI, 1940, стр. 5—19.

Сибирь

Окладников А. П. Археологические исследования на Ангаре (1936 г.). IV, 1937, стр. 319—321.
Окладников А. П. Буреть — новая палеолитическая «стоянка» на Ангаре. V, 1940, стр. 290—292.
Окладников А. П. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии. XI, 1949, стр. 155—170.
Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки в долине р. Качи у г. Красноярска. X, 1948, стр. 75—84.
Сосновский Г. П. Раскопки палеолитической стоянки в долине р. Катуни. V, 1940, стр. 297—298.

3. НЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Общие статьи

Брюсов А. Я. Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. XXV, 1956, стр. 35—63.
Брюсов А. Я. Археологические культуры и этнические общности. XXVI, 1956, стр. 5—27.
Брюсов А. Я. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы. XXVII, 1957, стр. 5—13.
Брюсов А. Я. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. XVIII, 1953, стр. 13—48.
Брюсов А. Я. «Сетчатая» керамика. XIV, 1950, стр. 287—305.
Воеводский М. В. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР, I, 1936, стр. 51—78.
Замятнин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы. X, 1948, стр. 85—123.
Обсуждение книги А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» (Изд. Академии наук СССР, М., 1952). XIX, 1954, стр. 311—317.
Попова Т. Б. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. XXII, 1955, стр. 21—60.
Равдоникас В. И. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. III, 1937, стр. 3—32.
Семенов С. А. Древнейшие каменные серпы. XXI, 1954, стр. 355—367.
Федоров В. В. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени. III, 1937, стр. 101—112.

Север

Брюсов А. Я. «Сетчатая» керамика. XIV, 1950, стр. 287—305.
Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. XIV, 1950, стр. 139—169.
Гурина Н. Н. Каменные лабиринты Беломорья. X, 1948, стр. 125—142.
Гурина Н. Н. Керамика неолитического поселения у села Вознесенье на реке Свири. V, 1940, стр. 215—229.
Гурина Н. Н. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова. XII, 1950, стр. 105—127.
Гурина Н. Н Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты. XIII, 1950, стр. 292—310.
Земляков Б. Ф. Геологические условия неолитической стоянки у села Вознесенье на реке Свири. V, 1940, стр. 206—214.
Козырев Н. А. Новая неолитическая стоянка, обнаруженная в Ленинградской области. XVI, 1952, стр. 299—301.
Моора Х. А. М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 29, М., 1952. XX, 1954, стр. 386—390.
Равдоникас В. И. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. III, 1937, стр. 3—32.
Равдоникас В. И. Археологические исследования на реке Свири в 1934 г. V, 1940, стр. 187—205.
Равдоникас В. И. К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. I, 1936, стр. 9—50.

Равдоникас В. И. Неолитический могильник на Онежском озере. VI, 1940, стр. 46—62.
Равдоникас В. И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. IV, 1937, стр. 11—32.
Смирнов В. И. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области. IV, 1937, ст. 169—210.
Смирнов В. И. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечике. VI, 1940, стр. 289—292.
Третьяков П. Н. Экспедиция по изучению «арктического палеолита». II, 1937, стр. 227—228.
Федоров В. В. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени. III, 1937, стр. 101—112.
Федоров В. В. Находка поделки из рога лося в Ленинградской области. III, 1937, стр. 221—222.
Фосс М. Е. Неолитические культуры Севера Европейской части СССР. IX, 1947, стр. 29—46.
Фосс М. Е. Стоянка Кубенино. V, 1940, стр. 31—64.
Чернов Г. А. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. XV, 1951, стр. 308—324.

Прибалтика

Моора Х. А. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. XXI, 1954, стр. 95—118.
Янитс Л. И. Новые данные по неолиту Прибалтики. XIX, 1954, стр. 159—204.

Центральные области

Бадер О. Н. Лихачевский могильник. (К вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры). II, 1937, стр. 19—38; III, 1937, приложение (карта).
Бадер О. Н. Неолитические погребения на Верхней Волге. III, 1937, стр. 217—220.
Борисковский П. И. См. Воеводский М. В. Стоянка Елин Бор.
Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. X, 1948, стр. 291—301.
Валукинский Н. В. Разведки в Воронеже (1935 г.). IV, 1937, стр. 308—312.
Виноградов К. Я. Новые памятники фатьяновской культуры. IV, 1937, стр. 300—304.
Воеводский М. В. и Борисковский П. И. Стоянка Елин Бор. III, 1937, стр. 77—99.
Крижевская Л. Я. Неолитические стоянки окрестностей сел. Алексеевского Вышневолоцкого района. XII, 1950, стр. 231—246.
Мансуров А. А. Археологическая карта реки Прони. IV, 1937, стр. 211—238.
Смирнов В. И. Говядиновский могильник. IX, 1947, стр. 213—220.
Федоров В. В. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени. III, 1937, стр. 101—112.
Федоров В. В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки. III, 1937, стр. 61—70.

Среднее Поволжье

Бадер О. Н. Могильник в урочище Карабай близ дер. Балановo в Чувашии. VI, 1940, стр. 63—88.
Збруева А. В. Мало-Окуловские курганы. IX, 1947, стр. 199—212.

Нижнее Поволжье

Рыков П. С. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. I, 1936, стр. 115—157.
Р[ыков] П. [С.]. Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье. I, 1936, стр. 274.
Синицын И. В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. X, 1948, стр. 143—160.
Синицын И. В. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. XI, 1949, стр. 195—224.
Смирнов К. Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. XXVII, 1957, стр. 209—221.

Урал

Бадер О. Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере. XXI, 1954, стр. 241—258.
Бадер О. Н. Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье. XX, 1954, стр. 180—212.
Бадер О. Н. и Соколова З. П. Стоянка Боровое Озеро IV на Чусовой. XVIII, 1953, стр. 265—280.
Бибиков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. XIII, 1950, стр. 95—138.
Генинг В. Ф. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере. XXI, 1954, стр. 259—280.
Збруева А. В. К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье. III, 1937, стр. 33—54.
Подгаецкий Г. В. Краткий отчет о работах Орской экспедиции. IV, 1937, стр. 332—335.
Прокошев Н. А. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье. X, 1948, стр. 183—202.
Прокошев Н. А. Камская экспедиция 1935 г. I, 1936, стр. 255—269.
Сальников К. В. Абашевская культура на Южном Урале. XXI, 1954, стр. 52—94.
Сальников К. В. Андроновские поселения Зауралья. XX, 1954, стр. 213—252.
Сальников К. В. Исетские древние поселения. XXV, 1956, стр. 189—214.
Сальников К. В. Раскопки у села Ново-Бурино (1948 г.). XXIX-XXX, 1959, стр. 172—185.
Сальников К. В. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного. XIII, 1950, стр. 311—319.
Станкевич Я. В. Неолитическая стоянка у «Гремячьего» ручья. V, 1940, стр. 230—238.
Чебоксаров Н. Н. А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, т. V. Материалы и исследования по археологии СССР, № 30, М., 1952. XX, 1954, стр. 391—398.
Эдинг Д. Н. Идолы Горбуновского торфяника. IV,1937, стр. 133—146.

Правобережная Украина и Молдавия

Бибиков С. Н. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы. XV, 1951, стр. 122—139.
Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен Юга СССР. XI, 1949, стр. 127—150.
Гелах Т. Ф. Приобретение коллекций по трипольской культуре. I, 1936, стр. 287—288.
Гембарович М. Т. К вопросу о значении трипольских женских статуэток. XXV, 1956, стр. 106—123.
Захарук Ю. Н. О так называемой волынской группе культуры линейно-ленточной керамики. XXIX-XXX, 1959, стр. 114—118.
Кричевский Е. Ю. Трипольские площадки. (По раскопкам последних лет.). VI, 1940, стр. 20—45.
Пассек Т. С. Новые исследования в области «трипольской культуры» в УССР. III, 1937, стр. 223—227.
Свешников И. К. Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни. XX, 1954, стр. 100—130.
Селинов В. И. и Лагодовская Е. Ф. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. V, 1940, стр. 239—263.
Семенов С. А. Жатвенные кремневые ножи из поздненеолитического поселения Лука-Врублевецкая на Днестре. XI, 1949, стр. 151—154.
Тереножкин А. И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. XXIV, 1955, стр. 7—28.

Левобережная Украина

Локтюшев С. А. Мастерская крупных кварцитовых орудий на р. Деркул в Ворошиловградской области. V, 1940, стр. 293—297.
Локтюшев С. А. Редкое погребение и остатки стоянки в Донбассе. II, 1937, стр.195—198.

Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник. (Опыт историко-культурного анализа памятников). XXIII, 1955, стр. 16—37.
Телегин Д. Я. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца. XXIX-XXX, 1959, стр. 159—171.

Крым

Бибиков С. Н. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. I, 1936, стр. 195—212.
Крис Х. И. Разведки на поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая. XXIV, 1955, стр. 184—196.
Кругликова И. Т. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму. XXIV, 1955, стр. 74—92.
Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. IX, 1947, стр. 283—302.
Троицкая Т. Н. Погребение у села Белоглинки. (К вопросу о кизил-кобинской культуре предгорной и степной части Крыма). XXVII, 1957, стр. 222—231.
Щепинский А. А. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя. XXVII, 1957, стр. 178—192.

Северный Кавказ

Артамонов М. И. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. IV, 1937, стр. 93—132.
Артамонов М. И. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. XI, 1949, стр. 305—336.
Артамонов М. И. Третий Разменный курган у ст. Костромской. X, 1948, стр. 161—182.
Егоров Н. М. Боргустанский клад 1941 г. XV, 1951, стр. 292—295.
Захаров Н. А. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатарейное городище. II, 1937, стр. 229—230.
Захаров Н. А. Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа. III, 1937, стр. 227—228.
Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. (Новочеркасский клад 1939 г.). XVIII, 1953, стр. 49—110.
Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов». XII, 1950, стр. 157—200; XIII, 1950, стр. 351.
Крупнов Е. И. Северо-Кавказская археологическая экспедиция (Государственного исторического музея). I, 1936, ср. 280—281.
Кубланов М. М. К истории Азиатского Боспора. (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан). XXIX—XXX, 1959, стр. 203—226.
Кушнарева К. Х. и Шилов В. П. Материалы и исследования по археологии СССР Института истории материальной культуры, № 23, под ред. Е. И. Крупнова, М.—Л., 1951. XXI, 1954, стр. 403—414.
Лунин Б. В. К вопросу о действительном возрасте «подкумского человека» в свете археологических данных. IV, 1937, стр. 63—90.
Марковин В. И. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. XX, 1954, стр. 324—342.
Мунчаев Р. М. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. XXII, 1955, стр. 5—20.
Мунчаев Р. М. и Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы Дагестана. (Курганная группа у станции Манас). XXVI, 1956, стр. 167—203.

Закавказье

Алекперов А. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. IV, 1937, стр. 249—263.
Байбуртян Е. А. Новые находки каменного века в Армении. III, 1937, стр. 206—208.
Байбуртян Е. А. По поводу древней керамики из Шреш-Блура. III, 1937, стр. 209—213.
Гуммель Я. И. О планировке курганов эпохи бронзы в районе Ганджа-чая. I, 1936, стр. 213—214.
Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии. (К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры). XVIII, 1953, стр. 281—300.
Иессен А. А. Сухумская экспедиция ГАИМК. III, 1937, стр. 251—252.
Кушнарева К. Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. XXVII, 1957, стр. 137—177.
Кушнарева К. Х. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. XX, 1954, стр. 165—180.

Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. XII, 1950, стр. 247—286.
Мнацаканян А. О. Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан. XXIII, 1955, стр. 185—200.
Мунчаев Р. М. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. XXII, 1955, стр. 5—20.
Ниорадзе Г. К. Археологические находки в селе Квишари. XI, 1949, стр. 185—194.
Пиотровский Б. Б. Поселения медного века в Армении. XI, 1949, стр. 171—184.
Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. XXIII, 1955, стр. 5—15.
Соловьев Л. Н. Археологические раскопки близ г. Очемчири в Абхазии. IV, 1937, стр. 323—324.
Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. XIV, 1950, стр. 265—286.
Тавадзе Ф. Н. и Баркая В. Ф. Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии. XX, 1954, стр. 357—381.
Трапш М. М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. XXIII, 1955, стр. 206—227.

Средняя Азия и Казахстан

Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семречья и Тянь-Шаня. XI, 1949, стр. 337—384.
Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. XVI, 1952 стр. 129—162.
Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г. XIX, 1954, стр. 239—262.
Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. XV, 1951, стр. 140—161.

Западная Сибирь

Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. XII, 1950, стр. 128—156.
Киселев С. В. «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси. II, 1937, стр. 71—94.
Киселев С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. III, 1937, стр. 137—166.
Киселев С. В. Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакассии летом 1936 г. IV, 1937, стр. 324—326.
Киселев С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. I, 1936, стр. 282—284.
Комарова М. Н. Погребения Окунева улуса. (К вопросу о хронологическом разделении памятников андроновской культуры Минусинского края). IX, 1947, стр. 47—60.
Рюмин А. К. Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на р. Ангаре. XV, 1951, стр. 273—280.
Сальников К. В. Кипельское селище. XXVII, 1957, стр. 193—208.
Синяев В. С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма. XIII, 1950, стр. 331—340.
Членова Н. Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. XXIII, 1955, стр. 38—55.

Восточная Сибирь

Окладников А. П. Археологические исследования на Ангаре (1936 г.). IV, 1937, стр. 319—321.
Окладников А. П. Каменные рыбы. (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири). I, 1936, стр. 215—245.
Окладников А. П. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири. XIV, 1950, стр. 7—19.
Окладников А. П. Новые неолитические находки на Ангаре, в районе дер. Кежмы. XVI, 1952, стр. 320—326.
Окладников А. П. Оленный камень с реки Иволги. XIX, 1954, стр. 207—220.
Рыгдылон Э. Р. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке. XII, 1950, стр. 287—288.
Федоров В. В. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени. III, 1937, стр. 101—112.

Дальний Восток

Городцов В. А. Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне р. Амура. I, 1936, стр. 105—113.
Золотарев А. М. Ногликовская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин). I, 1936, стр. 273—274.
Иваньев Л. Н. Археологические находки в окрестностях Владивостока. XVI, 1952, стр. 289—298.
Окладников А. П. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре. I, 1936, стр. 275—277.
Окладников А. П. Приморье в I тысячелетии до нашей эры. (По материалам поселений с раковинными кучами). XXVI, 1956, стр. 54—96.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (ДО IV В. Н. Э.)

Общие статьи

Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота. XVIII, 1953, стр. 111—127.
Смирнов К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. XVII, 1953, стр. 133—148.

Север

Адрианов В. А. Раскопки у Сале-Харде в 1935 г., I, 1936, стр. 278.
Гурина Н. Н. Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты. XIII, 1950, стр. 292—310.
Чернов Г. А. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. XV, 1951, стр. 308—324.
Чернов Г. А. Хэйбидя-пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре. XXIII, 1955, стр. 291—320.

Прибалтика

Моора Х. А. Возникновение классового общества в Прибалтике. (По археологическим данным). XVII, 1953, стр. 105—132.
Моора Х. А. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. XXI, 1954, стр. 95—118.

Центральные области

Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. X, 1948, стр. 291—301.
Городцов В. А. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. IX, 1947, стр. 13—28.
Ефименко П. П. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. II, 1937, стр. 39—58.
Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910—1915 гг.). VII, 1946, стр. 9—50.
Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. XVIII, 1953, стр. 151—189.
Москаленко А. Н. А. Ф. Шоков. Скифы на Среднем Дону (Воронежское областное книгоиздательство, Воронеж, 1952). XIX, 1954, стр. 344—347.
Талицкий М. В. Керамика Протопоповского городища. X, 1948, стр. 227—234.
Третьяков А. Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. IX, 1947, стр. 61—78.

Среднее Поволжье

Збруева А. В. Ананьинский могильник. II, 1937, стр. 95—111.

Нижнее Поволжье

Р[ыков] П. [С.] Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье. I, 1936, стр. 274.
Рыков П. С. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. I, 1936, стр. 115—157.

Синицын И. В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. VII, 1946, стр. 73—95.
Синицын И. В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. X, 1948, стр. 143—160.
Смирнов К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. XVII, 1953, стр. 133—148.

Урал

Генинг В. Ф. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере. XXI, 1954, стр. 259—280.
Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном. XVI, 1952, стр. 206—231.
Подгаецкий Г. В. Краткий отчет о работах Орской экспедиции. IV, 1937, стр. 332—335.
Прокошев Н. А. Камская экспедиция 1935 г. I, 1936, стр. 255—269.
Сальников К. В. Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. IX, 1947, стр. 221—238.
Сальников К. В. Исетские древние поселения. XXV, 1956, стр. 189—214.
Чернецов В. Н. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.). III, 1937, стр. 254—256.

Правобережная Украина и Молдавия

Белецкий А. А. О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях. XXVIII, 1958, стр. 72—82.
Билимович З. А. Граффито на чернолаковом килике XXVIII, 1958, стр. 83—86.
Болтенко М. Ф. Канкит ольвийского декрета в честь Протогена. XXVIII, 1959, стр. 107—109.
Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э. XXIII, 1955, стр. 58—80.
Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в IV—I вв. до н. э. XXV, 1956, стр. 124—137.
Вощинина А. И. Статуэтка девочки из Ольвии. XXVIII, 1958, стр. 117—122.
Гайдукевич В. Ф. и Капошина С. И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. XV, 1951, стр. 162—187.
Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота. XVIII, 1953, стр. 111—127.
Капошина С. И. Погребение скифского типа в Ольвии. XIII, 1950, стр. 205—216.
Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. VII, 1941, стр. 161—173.
Карасев А. Н. К вопросу о водоснабжении Ольвии. VII, 1941, стр. 129—139.
Каргер М. К. К вопросу о древнейшей истории Киева. X, 1948, стр. 235—254
Карышковский П. О. Затерянная ольвийская надпись. XXVIII, 1958, стр. 151—161.
Книпович Т. Н. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. VII, 1941, стр. 140—151.
Книпович Т. Н. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. (По раскопкам 1937 г.). VI, 1940, стр. 92—106.
Книпович Т. Н. Раскопки некрополя на территории северо-восточной части Верхнего города в Ольвии в 1938 г. VI, 1940, стр. 302—303.
Книпович Т. Н. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг. XXVIII, 1958, стр. 162—177.
Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. (По данным погребального обряда). XIX, 1954, стр. 111—120.
Кухаренко Ю. В. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. XXII, 1955, стр. 125—152.
Леви Е. И. К вопросу об Ольвийской агоре. XXI, 1954, стр. 319—342.
Леви Е. И. К истории торговых сношений Ольвии в IV—III вв. до н. э. (По эпиграфическим памятникам агоры). XXVIII, 1957, стр. 000.
Леви Е. И. Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии. VII, 1941, стр. 308—317.
Максимова М. И. Фрагмент костяного перстня из Ольвии. XXVIII, 1958, стр. 248—255.
Манцевич А. П. О скифских поясах. VII, 1941, стр. 19—30.
Махно Е. В. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. XXIII, 1955, стр. 81—100.
Мелюкова А. И. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы. (Критический обзор). XXII, 1955, стр. 239—253.
Прушевская Е. О. Из ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля. VII, 1941, стр. 318—325.

Рабинович Б. [З.]. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. I, 1936, стр. 79—102.
Раевский К. А. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра — Днестра в I тысячелетии н. э. XXIII, 1955, стр. 250—276.
Рыдзевская Е. А. О названии острова Березань. IX, 1947, стр. 79—88.
Скуднова В. М. Из неизданных материалов Ольвии VI—I вв. до н. э. XXIX-XXX, 1959, стр. 248—262.
Славин Л. М. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части верхнего города. VII, 1941, стр. 292—305.
Славин Л. М. Ольвия в VI—I вв. до н. э. XXVIII, 1958, стр. 276—297.
Спицын А. А. Поля погребальных урн. X, 1948, стр. 53—72.
Сымонович Э. А. О единстве и различиях памятников черняховской культуры. XXIX-XXX, 1959, стр. 84—107.
Сымонович Э. А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. XXIV, 1955, стр. 282—316.
Тереножкин А. И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. XXIV, 1955, стр. 7—28.
Тиханова М. А. Борочицкий клад. XXV, 1956, стр. 301—317.

Левобережная Украина

Бондарь Н.Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э. XXIII, 1955, стр. 58—80.
Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота. XVIII, 1953, стр. 111—127.
Ильинская В. А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псёл. XXVII, 1957, стр. 232—249.
Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. (По данным погребального обряда). XIX, 1954, стр. 111—120.
Ляпушкин И. И. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. (По материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы). XI, 1949, стр. 385—395.
Ляпушкин И. И. Итоги полевых изысканий 1945 года в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. XV, 1951, стр. 17—43.
Ляпушкин И. И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. (По материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.). XIII, 1950, стр. 7—32.
Ляпушкин И. И. Поселения зольчатой культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. (По материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма). XII, 1950, стр. 41—65.
Манцевич А. П. Гребень и фиала из кургана Солоха. XIII, 1950, стр. 217—238.
Махно Е. В. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. XXIII, 1955, стр. 81—100.
Погребова Н. Н. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов. (По поводу статей А. П. Манцевич). XVII, 1953, стр. 285—291.
Рабинович Б. [З.]. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. I, 1936, стр. 79—102.
Смирнов. К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. XVII, 1953, стр. 133—148.
Спицын А. А. Поля погребальных урн. X, 1948, стр. 53—72.
Сымонович Э. А. О единстве и различиях памятников черняховской культуры. XXIX-XXX, 1959, стр. 84—107.
Сымонович Э. А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. XXIV, 1955, стр. 282—316.

Крым

Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. XXIV, 1955, стр. 257—281.
Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи. XIII, 1950, стр. 272—284.
Белова Л. Н. Неизданные монеты Херсонеса. VII, 1941, стр. 326—329.
Берзин Э. О. О линейных мерах Боспора. XXVI, 1956, стр. 227—235.
Бич О. И. Архивные данные по поводу статуй, найденных в Керчи в 1850 г. XXVIII, 1958, стр. 87—90.
Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея. XVII, 1953, стр. 163—182.

Блаватский В. Д. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. XXIX-XXX, 1959, стр. 42—57.
Блаватский В. Д. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э XXVIII, 1958, стр. 97—106.
Блаватский В. Д. О пантикапейской весовой системе. XXIII, 1955, стр. 201—205.
Блаватский В. Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями. XXIV, 1955, стр. 29—53.
Блаватский В. Д. О херсонесском термине ΣΑΣΤΗΡ. XIX, 1954, стр. 231—238.
Болтунова А. И. Фрагмент мраморной плиты, найденной на Змеином мысу. (Приложение к статье В. В. Веселова). XXIX-XXX, 1959, стр. 245—247.
Веселов В. В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова. XXIX-XXX, 1959, стр. 227—244.
Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат. XIII, 1950, стр. 173—204.
Гайдукевич В. Ф. и Капошина С. И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. XV, 1951, стр. 162—187.
Гайдукевич В. Ф. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. VI, 1940, стр. 298—301.
Гайдукевич В. Ф. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. XXVIII, 1958, стр. 123—135.
Гайдукевич В. Ф. Укрепления villa rustica на Темир-горе. VII, 1941, стр. 45—60.
Гилевич А. М. Новый клад монет из окрестностей Херсонеса. XXVIII, 1958, стр. 136—139.
Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота. XVIII, 1953, стр. 111—127.
Ернштедт Е. В. Статуэтка Диониса из Тиритаки. VII, 1941, стр. 174—188.
Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия. XIII, 1950, стр. 239—254.
Иванова А. П. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора. XV, 1951, стр. 188—203.
Иванова А. П. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. VII, 1941, стр. 107—120.
Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. VII, 1941, стр. 161—173.
Кастанаян Е. Г. Обряд тризны в боспорских курганах. XIV, 1950, стр. 124—138.
Кастанаян Е. Г. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных. XV, 1951 стр. 247—255.
Кивокурцев Н. П. Боспорская гипсовая статуэтка Эрота. VII, 1941, стр. 280—283.
Кобылина М. М. Мастерская коропласта в Пантикапее. XXVIII, 1958, стр. 178—192.
Колобова К. М. К вопросу о награждении пантикапейца золотым кольцом (IOSPE, II, № 5). XXVIII, 1958, стр. 193—197.
Крис Х. И. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая. XXIV, 1955, стр. 184—196.
Кропоткин В. В. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. Материалы и исследования по археологии СССР, № 34, М., 1953. XXV, 1956, стр. 345—348.
Кругликова И. Т. Новые данные об исторической географии крымского побережья Меотиды. XXVIII, 1958, стр. 219—233.
Кругликова И. Т. Позднеантичные поселения Боспора на побережье Азовского моря. XXV, 1956, стр. 236—260.
Кругликова И. Т. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму. XXIV, 1955, стр. 74—92.
Ланговая О. Э. Позднеримская амфора из Мирмекия. (Опыт реставрации). VII, 1941, стр. 289—291.
Леви Е. И. К вопросу о датировке Херсонесской присяги. IX, 1947, стр. 89—100.
Максимова М. И. «Археология и история Боспора». (Сборник статей. Крымиздат, 1952, стр. 252). XXI, 1954, стр. 397—402.
Максимова М. И. Надгробие из Херсонеса. XIX, 1954, стр. 221—230.
Манцевич А. П. О скифских поясах. VII, 1941, стр. 19—30.
Марти А. Ю. Детское погребение IV в. до н. э. из кургана близ Тиритаки. VI, 1940, стр. 120—129.
Марти В. Ю. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия. VII, 1941, стр. 94—106.
Марти Ю. Ю. Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ. VII, 1941, стр. 31—44.
Мацулевич Л. А. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. VII, 1941, стр. 61—80.

Мосберг Г. И. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма. VIII, 1946, стр. 113—119.
Наливкина М. А. Новая находка рельефа в Херсонесе. VI, 1940, стр. 307—308.
Наливкина М. А. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма. VI, 1940, стр. 107—119.
Наливкина М. А. Терракотовая головка из Мирмекия. VII, 1941, стр. 284—288.
Репников Н. И. О характере римской оккупации южного берега Крыма. VII, 1941, стр. 121—128.
Скуднова В. И. Скифские памятники из Нимфея. XXI, 1954, стр. 306—318.
Смирнов. К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. XVII, 1953, стр. 133—148.
Сокольский Н. И. Валы в системе обороны европейского Боспора. XXVII, 1957, стр. 91—106.
Сокольский Н. И. К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э. XXVIII, 1958, стр. 298—307.
Соломоник Э. И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса. XXVIII, 1958, стр. 308—316.
Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. IX, 1947, стр. 283—302.
Цалкин В. И. Домашние и дикие животные из скифского Неаполя. (По материалам раскопок Тавро-Скифской экспедиции). XX, 1954, стр. 253—287.
Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея. XVI, 1952, стр. 232—281.
Шелов Д. Б. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом. XXVIII, 1958, стр. 333—336.
Шелов Д. Б. К истории керамического производства на Боспоре. XXI, 1954, стр. 119—130.
Шмидт Р. В. К исследованию боспорских оборонительных валов. VII, 1941, стр. 268—279.
Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции. III, 1937, стр. 252—254.
Щепинский А. А. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя. XXVII, 1957, стр. 178—192.
Эрнст Н. Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г. III, 1937, стр. 240—245.

Северный Кавказ

Абаев В. И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартских сказаний. XXVIII, 1958, стр. 54—61.
Анфимов Н. В. К вопосу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. XI, 1949, стр. 241—260.
Анфимов Н. В. Новые данные к истории азиатского Боспора. (Семибратнее городище). VII, 1941, стр. 258—267.
Анфимов Н. В. Племена Прикубанья в сарматское время. XXVIII, 1958, стр. 62—71.
Артамонов М. И. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. XI, 1949, стр. 305—336.
Артамонов М. И. Третий разменный курган у ст. Костромской. X, 1948, стр. 161—182.
Артамонова-Полтавцева О. А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. XIV, 1950, стр. 20—101.
Блаватская Т. В. Горгиппийская манумиссия 67 г. н. э. XXVIII, 1957, стр. 91—96.
Болтунова А. И. Надпись под статуей из Горгиппии. XXVIII, 1958, стр. 110—116.
Городцов В. А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. I, 1936, ср. 171—186.
Ельницкий Л. А. Из истории эллинистических культов в Причерноморье. (Дионис-Сабазий). VIII, 1946, стр. 97—112.
Захаров Н. А. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатарейное городище. II, 1937, стр. 229—230.
Пессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. (Новочеркасский клад 1939 г.). XVIII, 1953, стр. 49—110.
Кастанаян Е. Г. Обряд тризны в боспорских курганах. XIV, 1950, стр. 124—138.
Круглов А. П. Археологические работы на реке Терек. III, 1937, стр. 245—252.
Крушкол Ю. С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея. XV, 1951, стр. 256—272.
Кубланов М. М. К истории азиатского Боспора. (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан). XXIX-XXX, 1959, стр. 203—226.
Кушнарева К. Х. и Шилов В. П. Материалы и исследования по археологии СССР Института истории материальной культуры, № 23, под ред. Е. И. Крупнова, М.—Л., 1951. XXI, 1954, стр. 403—414.

Максимова М. И. Ритон из Келермеса. XXV, 1956, стр. 215—235.
Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса. XXI, 1954, стр. 281—305.
Манцевич А. П. О скифских поясах. VII, 1941, стр. 19—30.
Мегрелидзе И. В. Археологические находки в Дидо. XV, 1951, стр. 281—291.
Передольская А. А. К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница. XXIV, 1955, стр. 54—73.
Передольская А. А. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница. XIII, 1950, стр. 255—271.
Покровский М. В. Грифон Лысой горы. IV, 1937, стр. 305—307.
Покровский М. В. и Анфимов Н. В. Карта древних поселений и могильников Прикубанья (с IV века до н. э. по III в. н. э.). IV, 1937, стр. 265—275.
Розанова Н. П. Эллинская надпись из раскопок Патрэя 1949 г. XXVIII, 1958, стр. 262—265.
Розанова Н. П. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова. VII, 1941, стр. 247—257.
Смирнов. К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. XVII, 1953, стр. 133—148.
Харко Л. П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской. VII, 1941, стр. 81—93.
Шелов Д. Б. К истории керамического производства на Боспоре. XXI, 1954, стр. 119—130.
Шилов В. П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. XXIII, 1955, стр. 228—249.
Шилов В. П. О расселении меотских племен. XIV, 1950, стр. 102—123.
Шилов В. П. Синдские монеты. XV, 1951, стр. 204—215.

Закавказье

Голенко К. В. Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н. э. XXVII, 1957, стр. 290—298.
Гуммель Я. И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. VI, 1940, стр. 293—297.
Иващенко М. М. Кувшинный могильник в Западной Грузии. XIII, 1950, стр. 320—330.
Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном. XVI, 1952, стр. 206—231.
Иессен А. А. Сухумская экспедиция ГАИМК, III. 1937, стр. 251—252.
Круглов А. П. Археологические работы на реке Терек. III, 1937, стр. 245—251.
Макалатия С. И. Археологические находки в селениях Даблагоми и Агаяни. V, 1940, стр. 264—271.
Макалатия С. И. Раскопки Дванского могильника. XI, 1949, стр. 225—240.
Мнацаканян А. О. Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан. XXIII, 1955, стр. 185—200.
Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. XXIII, 1955, стр. 5—15.
Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток. (Доклад на Конференции по скифо-сарматской археологии). XIX, 1954, стр. 141—158.
Пиотровский Б. Б. Урартская бронзовая статуэтка Гос. музея Армении. VI, 1940, стр. 89—91.
Соловьев. Л. Н. Археологические раскопки близ г. Очемчири в Абхазии. IV 1937, стр. 323—324.
Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. XIV, 1950, стр. 265—286.
Тавадзе Ф. Н. и Баркая В. Ф. Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии. XX, 1954, стр. 357—381.
Трапш М. М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. XXIII, 1955, стр. 206—227.
Тревер К. В. К вопросу об античном храме в Гарни. XI, 1949, стр. 285—304.

Античные памятники Причерноморья

Белецкий А. А. О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях. XXVIII, 1958, стр. 72—82.
Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. XXIV, 1955, стр. 257—281.
Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи. XIII, 1950, стр. 272—284.
Белова Л. П. Неизданные монеты Херсонеса. VII, 1941, стр. 326—329.
Берзин Э. О. О линейных мерах Боспора. XXVI, 1956, стр. 227—235.
Билимович З. А. Граффито на чернолаковом килике. XXVIII, 1958, стр. 83—86.

Бич О. И. Архивные данные по поводу статуй, найденных в Керчи в 1850 г. XXVIII, 1958, стр. 87—90.
Блаватская Т. В. Горгиппийская манумиссия 67 г. н. э. XXVIII, 1958, стр. 91—96.
Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея. XVII, 1953, стр. 163—182.
Блаватский В. Д. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. XXIX-XXX, 1959, стр. 42—57
Блаватский В. Д. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э. XXVIII, 1958, стр. 97—106.
Блаватский В. Д. О пантикапейской весовой системе. XXIII, 1955, стр. 201—205.
Блаватский В. Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями. XXIV, 1955, стр. 29—53.
Блаватский В. Д. О херсонесском термине ΣΑΣΤΗΡ. XIX, 1954, стр. 231—238.
Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. XX, 1954, стр. 31—56.
Болтенко М. Ф. Канкит ольвийского декрета в честь Протогена. XXVIII, 1958, стр. 107—109.
Болтунова А. И. Надпись под статуей из Горгиппии. XXVIII, 1958, стр. 110—116.
Болтунова А. И. Фрагмент мраморной плиты, найденной на Змеином мысу. (Приложение к статье В. В. Веселова). XXIX-XXX, 1959, стр. 245—247.
Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в IV—I вв. до н. э. XXV, 1956, стр. 124—137.
Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э. XXIII, 1955, стр. 58—80.
Веселов В. В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова. XXIX-XXX, 1959, стр. 227—244.
Вощинина А. И. Статуэтка девочки из Ольвии. XXVIII, 1958, стр. 117—122.
Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат. XIII, 1950, стр. 173—204.
Гайдукевич В. Ф. и Капошина С. И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. XV, 1951, стр. 162—187.
Гайдукевич В. Ф. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. VI, 1940, стр. 298—301.
Гайдукевич В. Ф. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. XXVIII, 1958, стр. 123—135.
Гайдукевич В. Ф. Укрепления villa rustica на Темир-горе. VII, 1941, стр. 45—60.
Ельницкий Л. А. Из истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис-Сабазий). VIII, 1946, стр. 97—112.
Ернштедт Е. В. Статуэтка Диониса из Тиритаки. VII, 1941, стр. 174—188.
Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье. VII, 1941, стр. 152—160.
Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия. XIII, 1950, стр. 239—254.
Иванова А. П. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора. XV, 1951, стр. 188—203.
Иванова. А. П. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. VII, 1941, стр. 107—120.
Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. VII, 1941, стр. 161—173.
Карасев А. Н. К вопросу о водоснабжении Ольвии. VII, 1941, стр. 129—139.
Карышковский П. О. Затерянная ольвийская надпись. XXVIII, 1958, стр. 151—161.
Кастанаян Е. Г. Обряд тризны в боспорских курганах. XIV, 1950, стр. 124—138.
Кивокурцев Н. П. Боспорская гипсовая статуэтка Эрота. VII, 1941, стр. 280—283.
Книпович Т. Н. Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху. XXVIII, 1958, стр. 5—6.
Книпович Т. Н. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. VII, 1941, стр. 140—151.
Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья к эпоху эллинизма. XI, 1949, стр. 271—284.
Книпович Т. Н. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. (По раскопкам 1937). VI, 1940, стр. 92—106.
Книпович Т. Н. Раскопки некрополя на территории северо-восточной части Верхнего города в Ольвии в 1938 г. VI, 1940, стр. 302—303.
Книпович Т. Н. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг. XXVIII, 1958, стр. 162—177.

Кобылина М. М. Мастерская коропласта в Пантикапее. XXVIII, 1958, стр. 178—192
Колобова К. М. К вопросу о награждении пантикапейца золотым кольцом (IOSPE, II, № 5). XXVIII, 1958, стр. 193—197.
Кругликова И. Т. Новые данные об исторической географии крымского побережья Меотиды. XXVIII, 1958, стр. 219—233.
Кругликова И. Т. Позднеантичные поселения Боспора на побережье Азовского моря. XXV, 1956, стр. 236—260.
Крушкол Ю. С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея. XV, 1951, стр. 256—272.
Лангова я О. Э. Позднеримская амфора из Мирмекия. (Опыт реставрации). VII, 1941, стр. 289—291.
Леви Е. И. К вопросу об Ольвийской агоре. XXI, 1954, стр. 319—342.
Леви Е. И. К вопросу о датировке Херсонесской присяги. IX, 1947, стр. 89—100.
Леви Е. И. К истории торговых сношений Ольвии в IV—III вв. до н. э. (По эпиграфическим памятникам агоры). XXVIII, 1958, стр. 234—247.
Леви Е. И. Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии. VII, 1941, стр. 308—317.
Максимова М. И. «Археология и история Боспора». (Сборник статей, Крымиздат, 1952, стр. 252). XXI, 1954, стр. 397—402.
Максимова М. И. Надгробие из Херсонеса. XIX, 1954, стр. 221—230.
Максимова М. И. Фрагмент костяного перстня из Ольвии. XXVIII, 1958, стр. 248—255.
Манцевич А. П. Гребень и фиала из кургана Солоха. XIII, 1950, стр. 217—238.
Марти А. Ю. Детское погребение IV в. до н. э. из кургана близ Тиритаки. VI, 1940, стр. 120—129.
Марти В. Ю. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия. VII, 1941, стр. 94—106.
Марти Ю. Ю. Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ. VII, 1941, стр. 31—44.
Мацулевич Л. А. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. VII, 1941, стр. 61—80.
Наливкина М. А. Новая находка рельефа в Херсонесе. VI, 1940, стр. 307—308.
Наливкина М. А. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма. VI, 1940, стр. 107—119.
Наливкина М. А. Терракотовая головка из Мирмекия. VII, 1941, стр. 284—288.
Новосадский Н. И. Об ученых трудах академика Василия Васильевича Латышева. XXVIII, 1958, стр. 3—4.
Передольская А. А. К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница. XXIV, 1955, стр. 54—73.
Передольская А. А. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница. XIII, 1950, стр. 255—271.
Прушевская Е. О. Из ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля. VII, 1941, стр. 318—325.
Ременников А. М. Античные и византийские авторы о войнах племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. XXVIII, 1958, стр. 266—275.
Репников Н. И. О характере римской оккупации южного берега Крыма. VII, 1941, стр. 121—128.
Розанова Н. П. Эллинская надпись из раскопок Патрэя 1949 г. XXVIII, 1958, стр. 262—265.
Розанова Н. П. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова. VII, 1941, стр. 247—257.
Скуднова В. М. Из неизданных материалов Ольвии VI—I вв. до н. э. XXIX-XXX, 1959, стр. 248—262.
Славин Л. М. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части Верхнего города. VII, 1941, стр. 292—305.
Славин Л. М. Ольвия в VI—I вв. до н. э. XXVIII, 1958, стр. 276—297.
Сокольский Н. И. Валы в системе обороны европейского Боспора. XXVII, 1957, стр. 91—106.
Сокольский Н. И. К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э. XXVIII, 1958, стр. 298—307.
Соломоник Э. И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса. XXVIII, 1958, стр. 308—316.
Трапш М. М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. XXIII, 1955, стр. 206—227.
Тюменев А. И. В. В. Латышев и история Херсонеса. XXVIII, 1958, стр. 15—32.
Харко Л. П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской. VII, 1941, стр. 81—93.

Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея. XVI, 1952, стр. 232—281.
Цветаева Г. А. Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху (Учпедгиз, М., 1952, стр. 186). XX, 1954, стр. 410—416.
Шелов Д. Б. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом. XXVIII, 1958, стр. 333—336.
Шелов Д. Б. К истории керамического производства на Боспоре. XXI, 1954, стр. 119—130.
Шилов В. П. О расселении меотских племен. XIV, 1950, стр. 102—123.
Шилов В. П. Синдские монеты. XV, 1951, стр. 204—215.
Шмидт Р. В. К исследованию боспорских оборонительных валов. VII, 1941, стр. 268—279.
Эрнст Н. Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г. III, 1937, стр. 240—245.

Средняя Азия

Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. XI, 1949, стр. 337—384.
Гайдукевич В. Ф. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. XVI, 1952, стр. 331—359.
Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. XIX, 1954, стр. 121—140.
Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня. (Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции). XXIX-XXX, 1958, стр. 119—139.
Сорокин С. С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. XX, 1954, стр. 131—147.
Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения. XXVI, 1956, стр. 97—117.
Тереножкин А. И. Археологические разведки в Хорезме. VI, 1940, стр. 168—189.
Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г. XIX, 1954, стр. 239—262.
Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР, 1950 г. XVIII, 1953, стр. 301—325.

Казахстан

Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана. XXI, 1954, стр. 379—394.

Западная Сибирь

Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов. XVI, 1952, стр. 163—205.
Гаврилова А. А. Раскопки Второго Катандинского могильника. XXVII, 1957, стр. 250—268.
Киселев С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. I, 1936, стр. 282—284.
Кызласов Л. Р. Сырский чаа-тас. XXIV, 1955, стр. 197—256.
Кызласов Л. Р. и Смирнов К. Ф. С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. (Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1952, стр. 258). XIX, 1954, стр. 328—335.
Руденко С. И. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок. XXVII, 1957, стр. 301—306.
Руденко С. И. Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. XI, 1949, стр. 261—270.
Рыгдылон Э. Р. Писаницы близ озера Шира. XXIX-XXX, 1959, стр. 186—195.
Семенов С. А. Обработка дерева на древнем Алтае. (По материалам Пазырыкских курганов). XXVI, 1956, стр. 204—226.
Сергеев С. М. О резных костяных украшениях конской узды из «скифского» кургана на Алтае. VIII, 1946, стр. 289—292.
Черников С. С. Наскальные изображения верховий Иртыша. IX, 1947, стр. 251—282.

Восточная Сибирь

Давыдова А. В. Иволгинское городище. XXV, 1956, стр. 261—300.
Кононов В. Н. Технологическая характеристика тканей из могил Ильмовой пади. VIII, 1946, стр. 69—72.
Окладников А. П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири. X, 1948, стр. 223—225.

Окладников А. П. Новая «скифская» находка на Верхней Лене. VIII, 1946, стр. 285—288.
Скалон В. Н. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства. XXV, 1956, стр. 87—105.
Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой пади. VIII, 1946, стр. 51—67.

5. ПОЗДНИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (с IV в. н. э.)

Общие статьи

Зяблин Л. П. О «татарских» курганах. XXII, 1955, стр. 83—96.
Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. XXIII, 1955, стр. 131—168.

Север

Арциховский А. В. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле. I, 1936, стр. 187—194.
Арциховский А. В. Раскопки 1951 г. в Новгороде. XVIII, 1953. стр. 342—371.
Арциховский А. В. и Рыбаков Б. А. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. III, 1937, стр. 179—193.
Вихров В. Е. и Колчин Б. А. Из истории торговли древнего Новгорода. XXIV, 1955, стр. 93—97.
Городцов В. А. Подчеремский клад. II, 1937, стр. 113—150.
Гроздилов Г. П. Новгородская археологическая экспедиция 1935 г. I, 1936, стр. 279—280.
Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. XIV, 1950, стр. 139—169.
Гуревич Ф. Д. Древнейшие бусы Старой Ладоги. XIV, 1950, стр. 170—186.
Жиров Е. В. Древние ижорские черепа. II, 1937, стр. 151—158.
Каргер М. К. Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода. IX, 1947, стр. 137—168.
Лазарев В. Н. Васильевские врата 1336 г. XVIII, 1953, стр. 386—442.
Лазарев В. Н. Новгородская живопись последней трети XIV в. и Феофан Грек. XXII, 1955, стр. 212—236.
Лихачев Д. С. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). (Издательство Академии наук СССР, М., 1953, стр. 68). XIX, 1954, стр. 318—327.
Лихачев Д. С. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. (Издательство Академии наук СССР, М., 1954, 91 стр.). XXVII, 1957, стр. 324—332.
Орлов С. Н. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги. XXI, 1954, стр. 343—354.
Орлов С. Н. Сопки волховского типа около Старой Ладоги. (Из материалов Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.) XXII, 1955, стр. 190—211.
Равдоникас В. И. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) XI, 1949, стр. 5—54.
Равдоникас В. И. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) Часть II. XII, 1950, стр. 7—40.
Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). XVIII, 1953, стр. 190—229.
Смирнов В. И. Костромской декоративный топорик. V, 1940, стр. 304—305.
Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. XIV, 1950, стр. 187—216.
Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. XV, 1951, стр. 219—246.
Тараканова С. А. Длинные и удлиненные курганы. XIX, 1954, стр. 77—110.
Чернов Г. А. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. XV, 1951, стр. 308—324.
Чернов Г. А. Хэйбидя-пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре. XXIII, 1955, стр. 291—320.
Чернягин Н. Н. Гребень из Псковского городища. X, 1948, стр. 305—308.
Чернягин Н. Н. Раскопки Псковского Кремля. IV, 1937, стр. 327—328.
Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. XVIII, 1953, стр. 372—385.

Прибалтика

Куликаускене Р. К. Погребения с конями у древних литовцев. XVII, 1953, стр. 211—222.
Моора Х. А. Возникновение классового общества в Прибалтике. (По археологическим данным). XVII, 1953, стр. 105—132.
Моора Х. А. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. XXI, 1954, стр. 95—118.

Белоруссия

Гуревич Ф. Д. Из истории раннего Гродно. XV, 1951, стр. 82—95.
Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. VIII, 1946, стр. 249—260.

Центральные области

Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. X, 1948, стр. 291—301.
Воронин Н. Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в. VI, 1940, стр. 309—316.
Воронин Н. Н. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г. VIII, 1946, стр. 145—174.
Воронин Н. Н. Хутынский столп 1535 г. (К проблеме шатровой архитектуры.) VIII, 1946 стр. 300—305.
Дмитриевская А. В. Палецкие курганы. IV, 1937, стр. 289—299.
Евтюхова Л. А. Барвихинское городище. III, 1937, стр. 113—125.
Ефименко П. П. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. II, 1937, стр. 39—58.
Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935). VIII, 1946, стр. 175—224.
Киселев С. В. Кузнецовские курганы. I, 1936, стр. 247—253.
Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. IX, 1947, стр. 121—136.
Мансуров А. А. Археологическая карта реки Прони. IV, 1937, стр. 211—238.
Мансуров А. А. Старорязанские и пронские гончарные клейма. VIII, 1946, стр. 293—298.
Милонов Н. П. Дмитровское городище. (Кремль города Дмитрова). IV, 1937, стр. 147—168.
Милонов Н. П. Тверская печать XV в. VIII, 1946, стр. 299.
Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. XVIII, 1953, стр. 151—189.
Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков. XXIX-XXX, 1959, стр. 263—286.
Смирнов В. И. Костромской декоративный топорик. V, 1940, стр. 304—305.
Тараканова С. А. Длинные и удлиненные курганы. XIX, 1954, стр. 77—110.
Третьяков П. Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. IX, 1947, стр. 61—78.
Третьяков П. Н. Калужская экспедиция Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра 1936 г. IV, 1937, стр. 328—330.
Янин В. Л. Печати наместников новоторжских. XIX, 1954, стр. 283—292.

Правобережная Украина и Молдавия

Блифельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Приднепровья IX—X вв. XX, 1954, стр. 148—162.
Каргер М. К. Киев и монгольское завоевание. XI, 1949, стр. 55—102.
Каргер М. К. К вопросу о древнейшей истории Киева. X, 1948, стр. 235—254.
Каргер М. К. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. XVI, 1952, стр. 77—99.
Каргер М. К. К истории киевского зодчества конца XI—начала XII вв. Церковь Спаса на Берестове. XVII, 1953, стр. 223—247.
Каргер М. К. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. XIII, 1950, стр. 33—62.
Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI века. XIII, 1950, стр. 63—94.
Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. XIV, 1950, стр. 217—244.

Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. XXII, 1955, стр. 61—82.
Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. XXV, 1956, стр. 318—342.
Корзухина Г. Ф. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. XV, 1951, стр. 64—81.
Кухаренко Ю. В. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. XXII, 1955, стр. 125—152.
Лесючевский В. И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. VIII, 1946, стр. 225—247.
Раевский К. А. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра—Днестра в I тысячелетии н. э. XXIII, 1955, стр. 250—276.
Раппопорт П. А. Холм. XX, 1954, стр. 313—323.
Сымонович Э. А. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры. XXVI, 1956, стр. 262—270.
Сымонович Э. А. О единстве и различиях памятников черняховской культуры. XXIX-XXX, 1959, стр. 84—107.
Сымонович Э. А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. XXIV, 1955, стр. 282—316.
Тиханова М. А. Борочицкий клад. XXV, 1956, стр. 301—317.
Холостенко Н. В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры. XXIII, 1955, стр. 341—358.
Шелковников Б. А. Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями. XXIII, 1955, стр. 169—182.

Левобережная Украина

Блифельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Приднепровья IX—X вв. XX, 1954, стр. 148—162.
Каргер М. К. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований. XV, 1951, стр. 44—63.
Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. XX, 1954, стр. 6—30.
Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. XXII, 1955, стр. 61—82.
Ляпушкин И. И. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. (По материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы). XI, 1949, стр. 385—395.
Ляпушкин И. И. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. XV, 1951, стр. 17—43.
Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа. XXIX-XXX, 1959, стр. 58—83.
Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. IX, 1947, стр. 121—136.
Ляпушкин И. И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. (По материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.) XIII, 1950, стр. 7—32.
Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. XVI, 1952, стр. 7—41.
Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. XXIII, 1955, стр. 131—168.
Сымонович Э. А. О единстве и различиях памятников черняховской культуры. XXIX-XXX, 1959, стр. 84—107.
Сымонович Э. А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. XXIV, 1955, стр. 282—316.
Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954 гг.). XXVI, 1956, стр. 271—292.

Славянские и древнерусские памятники

Арциховский А. В. В защиту летописей и курганов. (Ответ на статью П. Н. Третьякова «Расселение древнерусских племен по археологическим данным».) IV, 1937, стр. 53—61.
Арциховский А. В. Раскопки 1951 г. в Новгороде. XVIII, 1953, стр. 342—371.
Арциховский А. В. и Рыбаков Б. А. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. III, 1937, стр. 179—193.

Арциховский А. В. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле. I, 1936, стр. 187—194.
Блифельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Приднепровья IX—X вв. XX, 1954, стр. 148—162.
Брунов Н. И., Максимов П. Н. и Чиняков А. Г. Крепостные сооружения древней Руси. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. II. Материалы и исследования по археологии СССР, № 31, М., 1952. XX, 1954, стр. 399—409.
Вихров В. Е. и Колчин Б. А. Из истории торговли древнего Новгорода. XXIV, 1955, стр. 93—97.
Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник. (Заметки к постановке вопроса.) XIX, 1954, стр. 41—76.
Воронин Н. Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в. VI, 1940, стр. 309—316.
Воронин Н. Н. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г. VIII, 1946, стр. 145—174.
Воронин Н. Н. Хутынский столп 1535 г. (К проблеме шатровой архитектуры.) VIII. 1946, стр. 300—305.
Гроздилов Г. П. Новгородская археологическая экспедиция 1935 г. I, 1936, стр. 279—280.
Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. XIV, 1950, стр. 139—169.
Гуревич Ф. Д. Древнейшие бусы Старой Ладоги. XIV, 1950, стр. 170—186.
Гуревич Ф. Д. Из истории раннего Гродно. XV, 1951, стр. 82—95.
Дмитриевская А. В. Палецкие курганы. IV, 1937, стр. 289—299.
Каргер М. К. Киев и монгольское завоевание. XI, 1949, стр. 55—102.
Каргер М. К. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. XVI, 1952, стр. 77—99.
Каргер М. К. К истории киевского зодчества конца XI — начала XII вв. Церковь Спаса на Берестове. XVII, 1953, стр. 223—247.
Каргер М. К. Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода. IX, 1947, стр. 137—168.
Каргер М. К. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований. XV, 1951, стр. 44—63.
Каргер М. К. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. XIII, 1950, стр. 33—62.
Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. XX, 1954, стр. 6—30.
Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935). VIII, 1946, стр. 175—224.
Киселев С. В. Кузнецовские курганы. I, 1936, стр. 247—253.
Клейн Л. С. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. XXII, 1955, стр. 257—272.
Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI века. XIII, 1950, стр. 63—94.
Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. XIV, 1950, стр. 217—244.
Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. XXII, 1955, стр. 61—82.
Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. XXV, 1956, стр. 318—342.
Корзухина Г. Ф. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. XV, 1951, стр. 64—81.
Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. (По данным погребального обряда.) XIX, 1954, стр. 111—120.
Лазарев В. Н. Васильевские врата 1336 г. XVIII, 1953, стр. 386—442.
Лазарев В. Н. Новгородская живопись последней трети XIV в. и Феофан Грек. XXII, 1955, стр. 212—236.
Лесючевский В. И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. VIII, 1946, стр. 225—247.
Лихачев Д. С. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). (Издательство Академии наук СССР, М., 1953, стр. 68). XIX, 1954, стр. 318—327.
Лихачев Д. С. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. (Издательство Академии наук СССР. М., 1954, 91 стр.) XXVII, 1957, стр. 324—332.

Ляпушкин И. И. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. XV, 1951, стр. 17—43.
Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья. XVI, 1952, стр. 7—41.
Мансуров А. А. Археологическая карта реки Прони. IV, 1937, стр. 211—238.
Мансуров А. А. Старорязанские и пронские гончарные клейма. VIII, 1946, стр. 293—298.
Махно Е. В. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники с Среднем Поднепровье. XXIII, 1955, стр. 81—100.
Милонов Н. П. Дмитровское городище (Кремль города Дмитрова). IV, 1937, стр. 147—168.
Милонов Н. П. Тверская печать XV в. VIII, 1946, стр. 299.
Орлов С. Н. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги. XXI, 1954, стр. 343—354.
Орлов С. Н. Сопки волховского типа около Старой Ладоги. (Из материалов Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.) XXII, 1955, стр. 190—211.
Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков. XXIX-XXX, 1959, стр. 263—286.
Равдоникас В. И. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). XI, 1949, стр. 5—54.
Равдоникас В. И. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). Часть II. XII, 1950, стр. 7—40.
Раппопорт П. А. Холм. XX, 1954, стр. 313—323.
Рыбаков Б. А Древние русы. (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина.) XVII, 1953, стр. 23—104.
Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. VI, 1940, стр. 227—257 и 323.
Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. XVIII, 1953, стр. 128—150.
Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). XVIII, 1953, стр. 190—229.
Смирнов В. И. Костромской декоративный топорик. V, 1940, стр. 304—305.
Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим данным VIII—XIV вв. н. э. XXV, 1956, стр. 138—170.
Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. XIV, 1950, стр. 187—216.
Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. XV, 1951, стр. 219—246.
Тараканова С. А. Длинные и удлиненные курганы. XIX, 1954, стр. 77—110.
Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. VIII, 1946, стр. 249—260.
Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. IV, 1937, стр. 33—51.
Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954 гг.). XXVI, 1956, стр. 271—292.
Холостенко Н. В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры. XXIII, 1955, стр. 341—358.
Чернягин Н. Н. Раскопки Псковского Кремля. IV, 1937, стр. 327—328.
Шелковников Б. А. Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями. XXIII, 1955, стр. 169—182.
Янин В. Л. Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. (Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1954). XXV, 1956, стр. 357—365.
Янин В. Л. Печати наместников новоторжских. XIX, 1954, стр. 283—292.
Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. XVIII, 1953, стр 372—385.

Среднее Поволжье

Алихова А. Е. Куликовский могильник. X, 1948, стр. 271—290.
Горюнова Е. И. Археологические разведки на территории горного правобережья Волги в пределах Марийской АССР. IV, 1937, стр. 279—284.
Горюнова Е. И. Сретенская и Кугунурская курганные группы. IV, 1937, стр. 285—288.
Горюнова Е. И. Шойбулакский и Аксаркинский могильники. III, 1937, стр. 167—176.
Мерперт Н. Я. Вопросы происхождения булгар в книге А. П. Смирнова «Волжские булгары». XVII, 1953, стр. 274—284.
Мухамедьяров Ш. Ф. А. П. Смирнов. Волжские булгары. (Труды ГИМ, вып. XIX, М., 1951.) XVII, 1953, стр. 260—273.

Смирнов А. П. Исследование городища Сувар. (Экспедиция МОГАИМК, 1936 г.) IV, 1937, стр. 330—332.
Смирнов А. П. Могильник Бигер-Шай. IV, 1937, стр. 239—249.
Спасский И. Г. Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые мордовки. XXI, 1954, стр. 189—238.
Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках. X, 1948, стр. 255—270.

Нижнее Поволжье

Р[ыков] П.[С.]. Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье. I, 1936, стр. 274.
Рыков П. С. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. I, 1936, стр. 115—157.

Урал

Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака. XXII, 1955, стр. 153—176.
Бадер О. Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере. XXI, 1954, стр. 241—258.
Бортвин Н. Н. Инкрустированный топорик Чердынского музея. X, 1948, стр. 309.
Вощинина А. И. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н. э. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.) XVII, 1953, стр. 183—196.
Генинг В. Ф. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере. XXI, 1954, стр. 259—280.
Прокошев Н. А. Камская экспедиция 1935 г. (Предварительные заметки.) I, 1936, стр. 255—269.
Прокошев Н. А. Погребение на р. Чусовой. III, 1937, стр. 127—135.
Сальников К. В. Исетские древние поселения. XXV, 1956, стр. 189—214.
Теплоухов А. Ф. О древнем шаманском изображении из бронзы, бытовавшем на Конде среди вогулов и остяков. IX, 1947, стр. 239—250.
Чернецов В. Н. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.). III, 1937, стр. 254—256.

Крым

Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. XXIV, 1955, стр. 257—281.
Белов Г. Д. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса. VII, 1941, стр. 231—244.
Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке. VI, 1940, стр. 190—204.
Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма. (О локализации города Фуллы). XXVIII, 1958, стр. 198—218.
Кропоткин В. В. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. Материалы и исследования по археологии СССР, № 34, М., 1953. XXV, 1956, стр. 345—348.
Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. IX, 1947, стр. 283—302.
Эрнст Н. Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г. III, 1937, стр. 240—245.
Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики. XXI, 1954, стр. 148—163.
Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика. VI, 1940, стр. 205—226.
Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. III. Средневековые бани Херсонеса. VIII, 1946, стр. 261—278.
Якобсон А. Л. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы. XXIX-XXX, 1959, стр. 108—113.
Якобсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. (Опыт хронологической классификации.) XV, 1951, стр. 325—344.

Северный Кавказ

Абаев В. И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартских сказаний. XXVIII, 1958, стр. 54—61.
Артамонов М. И. Белая Вежа. XVI, 1952, стр. 42—76.
Артамонов М. И. Древний Дербент. VIII, 1946, стр. 121—144.

Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. XIX, 1954, стр. 263—268.
Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии. VI, 1940, стр. 130—167.
Крупнов Е. И. Северо-Кавказская археологическая экспедиция (Государственного исторического музея). I, 1936, стр. 280—281.
Кушнарева К. Х. и Шилов В. П. Материалы и исследования по археологии СССР Института истории материальной культуры, № 23, под ред. Е. И. Крупнова, М.—Л., 1951. XXI, 1954, стр. 403—414.
Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. XX, 1954, стр. 343—356.
Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. XXVI, 1956, стр. 236—261.
Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа. XXIII, 1955, стр. 321—340.
Покровский М. В. Пашковский могильник № 1. I, 1936, стр. 159—169.
Тревер К. В. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. XVI, 1952, стр. 282—286.
Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. XIX, 1954, стр. 269—282.
Якобсон А. А. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. (Опыт хронологической классификации). XV, 1951, стр. 325—344.

Закавказье

Аракелян Б. Н. Развитие ремесел и товарного производства в Армении в IX—XII вв. XXVI, 1956, стр. 118—152.
Джапаридзе В. В. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. XVII, 1953, стр. 197—210.
Круглов А. П. Археологические работы на реке Терек. III, 1937, стр. 245—252.
Ломтатидзе Г. А. Некоторые итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии. XXVII, 1957, стр. 269—289.
Макалатия С. И. Археологические находки в селениях Даблагоми и Агаяни. V, 1940, стр. 264—271.
Меликсет-Бек Л. М. К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Результаты работы археологической экспедиции Академии наук Арм. ССР, 1937—1950 гг. (Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1952, на арм. яз.) XXV, 1956, стр. 349—356.
Мусхелишвили Л. [В.]. Раскопки в Дманиси. VI, 1940, стр. 258—286.
Соловьев Л. Н. Археологические раскопки близ г. Очемчири в Абхазии. IV, 1937, стр. 323—324.
Трапш М. М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. XXIII, 1955, стр. 206—227.
Тревер К. В. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. XVI, 1953, стр. 282—286.
Тревер К. В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. (К истории народов Средней Азии.) XXI, 1954, стр. 131—147.
Шелковников Б. А. Китайская керамика из раскопок средневековых городов и поселений Закавказья. XXI, 1954, стр. 368—378.
Якобсон А. Л. Из истории армянской средневековой архитектуры. III. Татевский монастырь. IX, 1947, стр. 303—328.
Якобсон А. Л. Из истории армянского средневекового зодчества. I. Армянские монастыри XIII в. Хоракерт и Мшкаванк. XIV, 1950, стр. 245—262.

Средняя Азия

Бакланов Н. Б. Герих. (Геометрический орнамент Средней Азии и методы его построения.) IX, 1947, стр. 101—120.
Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пянджикенте 1951 г. XVIII, 1953, стр. 326—341.
Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. XI, 1949, стр. 337—384.
Кипарисова Н. П. Игрушки-водолеи из Пайкенда. X, 1948, стр. 310—316.
Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. XX, 1954, стр. 57—99.
Тереножкин А. И. Археологические разведки в Хорезме. VI, 1940, стр. 168—189.
Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г. XIX, 1954, стр. 239—262.

Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г. XVIII, 1953, стр. 301—325.
Тревер К. В. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. XVI, 1952, стр. 282—286.
Тревер К. В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. (К истории народов Средней Азии.) XXI, 1954, стр. 131—147.
Шишкин В. А. Варахша. (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.) XXIII, 1955, стр. 101—130.

Казахстан

Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана. XXI, 1954, стр. 379—394

Западная Сибирь

Киселев С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. I, 1936, стр. 282—284.
Кызласов Л. Р. Сырский чаа-тас. XXIV, 1955, стр. 197—256.
Левашева В. П. О городищах Сибирского юрта. XIII, 1950, стр. 341—350.
Черников С. С. Наскальные изображения верховий Иртыша. IX, 1947, стр. 251—282.

Восточная Сибирь

Береговая Н. А. Археологические находки на острове Четырёхстолбовом. (Медвежьи острова к северу от устья р. Колымы.) XX, 1954, стр. 288—312.
Грибановский Н. Н. Сведения о писаницах в Якутии. VIII, 1946, стр. 281—284.
Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. XIII, 1950, стр. 139—172.
Полесских М. Р. Завальские писаницы. XXIII, 1955, стр. 277—290.
Рыгдылон Э. Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области. XXII, 1955, стр. 177—189.

Дальний Восток

Иваньев Л. Н. Древности села Чугуевки в Приморском крае. XV, 1951, стр. 296—298.
Окладников А. П. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре. XV, 1951, стр 299—301.
Стратанович Г. Г. Китайская чаша из урочища Большой Дурал. XV, 1951, стр. 302—307.

6. ЭПИГРАФИКА

Анфимов Н. В. Новые данные к истории азиатского Боспора. (Семибратнее городище.) VII, 1941, стр. 258—267.
Артамонов М. И. Белая Вежа. XVI, 1952, стр. 42—76.
Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. XIX, 1954, стр. 263—268.
Арциховский А. В. Раскопки 1951 г. в Новгороде. XVIII, 1953, стр. 342—371.
Белецкий А. А. О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях. XXVIII, 1958, стр. 72—82.
Билимович З. А. Граффито на чернолаковом килике. XXVIII, 1958, стр. 83—86.
Блаватская Т. В. Горгиппийская манумиссия 67 г. н. э. XXVIII, 1958, стр. 91—96.
Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея. XVII, 1953, стр. 163—182.
Блаватский В. Д. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. XXIX-XXX, 1959, стр. 42—57.
Блаватский В. Д. О херсонесском термине ΣΑΣΤΗΡ. XIX, 1954, стр. 231—238.
Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. XX, 1954, стр. 31—56.
Болтенко М. Ф. Канкит ольвийского декрета в честь Протогена. XXVIII, 1958, стр. 107—110.

Болтунова А. И. Подпись под статуей из Горгиппии. XXVIII, 1958 стр. 110—117.
Болтунова А. И. Фрагмент мраморной плиты, найденной на Змеином мысу. (Приложение к статье В. В. Веселова.) XXIX-XXX, 1959, стр. 245—247.
Веселов В. В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова. XXIX-XXX, 1959, стр. 227—244.
Воронин Н. Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в. VI, 1940, стр. 309—316.
Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат. XIII, 1950. стр. 173—204.
Гайдукевич В. Ф. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. XXVIII, 1958, стр. 123—136.
Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия. XIII, 1950, стр. 239—254.
Иванова А. П. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. VII, 1941, стр. 107—120.
Казаманова Л. Н. К вопросу о «котлах» и «треножниках» в критских архаических надписях. XXVIII, 1958, стр. 146—151.
Карышковский П. О. Затерянная ольвийская надпись. XXVIII, 1958, стр. 151—161.
Книпович Т. Н. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг. XXVIII, 1958, стр. 162—178.
Колобова К. М. К вопросу о награждении пантикапейца золотым кольцом (IOSPE, II, № 5). XXVIII, 1958, стр. 193—198.
Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. XIV, 1950, стр. 217—244.
Корзухина Г. Ф. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. XV, 1954, стр. 64—81.
Кубланов М. М. К истории азиатского Боспора. (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан.) XXIX-XXX, 1959, стр. 203—226.
Лазарев В. Н. Васильевские врата 1336 г. XVIII, 1953, стр. 386—442.
Леви Е. И. К вопросу об Ольвийской агоре. XXI, 1954, стр. 319—342.
Леви Е. И. К вопросу о датировке Херсонесской присяги. IX, 1947, стр. 89—100.
Леви Е. И. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. (По эпиграфическим памятникам агоры.) XXVIII, 1958, стр. 234—248.
Лесючевский В. И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. VIII, 1946, стр. 225—247.
Лихачев Д. С. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. (Издательство Академии наук СССР, М., 1954, 91 стр.) XXVII, 1957, стр. 324—332.
Максимова М. И. Надгробие из Херсонеса. XIX, 1954, стр. 221—230.
Мансуров А. А. Старорязанские и пронские гончарные клейма. VIII, 1946, стр. 293—298.
Манцевич А. П. Гребень и фиала из кургана Солоха. XIII, 1950, стр. 217—238.
Марти Ю. Ю. Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ. VII, 1941, стр. 31—44.
Мацулевич Л. А. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. VII, 1941, стр. 61—80.
Маяк И. Л. О запрещении вакханалий в Риме. XXVIII, 1958, стр. 256—262.
Милонов Н. П. Тверская печать XV в. VIII, 1946, стр. 299.
Прушевская Е. О. Из ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля. VII, 1941, стр. 318—325.
Раппопорт П. А. Холм. XX, 1954, стр. 313—323.
Репников Н. И. О характере римской оккупации южного берега Крыма. VII, 1941, стр. 121—128.
Розанова Н. П. Эллинская надпись из Патрэя 1949 г. XXVIII, 1958, стр. 256—262.
Розанова Н. П. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова. VII, 1941, стр. 247—257.
Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. VI, 1940, стр. 227—257 и 323.
Рыдзевская Е. А. О названии острова Березань. IX, 1947. стр. 79—88.
Скуднова В. М. Из неизданных материалов Ольвии VI—I вв. до н. э. XXIX-XXX, 1959, стр. 248—262.
Славин Л. М. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части Верхнего города. VII, 1941, стр. 292—305.
Сокольский Н. И. К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э. XXVIII, 1958, стр. 298—308.
Соломоник Э. И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса. XXVIII, 1958, 308—317.
Стратанович Г. Г. Китайская чаша из урочища Большой Дурал. XV, 1951, стр. 302—307.

Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. IX, 1947, стр. 283—302.
Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. VIII, 1946, стр. 249—260.
Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г. XIX, 1954, стр. 239—262.
Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея. XVI, 1952, стр. 232—281.
Шелов Д. Б. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом. XXVIII, 1958, стр. 333—337.
Шелов Д. Б. К истории керамического производства на Боспоре. XXI, 1954, стр. 119—130.
Шилов В. П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. XXIII, 1955, стр. 228—249.
Шилов В. П. О расселении меотских племен. XIV, 1950, стр. 102—123.
Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. XIX, 1954, стр. 269—282.
Якобсон А. Л. Из истории армянского средневекового зодчества. V. Армянские монастыри XIII в. Хоракерт и Мшкаванк. XIV, 1950, стр. 245—262.
Якобсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. (Опыт хронологической классификации.) XV, 1951, стр. 325—344.

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи. XIII, 1950, стр. 272—284.
Белова Л. Н. Неизданные монеты Херсонеса. VII, 1941, стр. 326—329
Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат. XIII, 1950, стр. 173—204.
Гайдукевич В. Ф. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. XVI, 1952, стр. 331—359.
Гайдукевич В. Ф. Укрепления villa rustica на Темир-горе. VII, 1941, стр. 45—60.
Гилевич А. М. Новый клад монет из окрестностей Херсонеса. XXVIII, 1958, стр. 136—140.
Голенко К. В. Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н. э. XXVII, 1957, стр. 290—298.
Гуммель Я. И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. VI, 1940, стр. 293—297.
Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье. VII, 1941, стр. 152—160.
Зограф А. Н. Об афинской декадрахме Государственного Исторического музея. VI, 1940, стр. 304—306.
Иваньев Л. Н. Древности села Чугуевки в Приморском крае. XV, 1951, стр. 296—298.
Иващенко М. М. Кувшинный могильник в Западной Грузии. XIII, 1950, стр. 320—330.
Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном. XVI, 1952, стр. 206—231.
Каргер М. К. К вопросу о древнейшей истории Киева. X, 1948, стр. 235—254.
Коршенко С. В. Римский золотой медальон императора Лициния Старшего из собрания Центрального исторического музея УССР. X, 1948, стр. 317—320.
Крушкол Ю. С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея. XV, 1951, стр. 256—272.
Кубланов М. М. К истории азиатского Боспора. (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан.) XXIX-XXX, 1959, стр. 203—226.
Ломтатидзе Г. А. Некоторые итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии. XXVII, 1957, стр. 269—289.
Ляпушкин И. И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. (По материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.). XIII, 1950, стр. 7—32.
Макалатия С. И. Археологические находки в селениях Даблагоми и Агаяни. V, 1940, стр. 264—271.
Милонов Н. П. Тверская печать XV в. VIII, 1946, стр. 299.
Мусхелишвили Л. [В.]. Раскопки в Дманиси. VI, 1940, стр. 258—286.
Окладников А. П. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре. XV, 1951, стр. 299—301.
Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. VI, 1940, стр. 227—257 и 323.
Спасский И. Г. Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые мордовки. XXI, 1954, стр. 189—238.
Спицын А. А. Поля погребальных урн. X, 1948, стр. 53—72.
Тиханова М. А. Борочицкий клад. XXV, 1956, стр. 301—317.

Т р а п ш М. М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. XXIII, 1955, стр. 206—227.
Х у д я к М. М. Раскопки святилища Нимфея. XVI, 1952, стр. 232—281.
Ш и л о в В. П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. XXIII, 1955, стр. 228—249.
Ш и л о в В. П. Синдские монеты. XV, 1951, стр. 204—215.
Я к о б с о н А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. (Опыт хронологической классификации.) XV, 1951, стр. 325—344.
Я к у б о в с к и й А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках. X, 1948, стр. 255—270.
Я н и н В. Л. Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. (Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1954.) XXV, 1956, стр. 357—365.
Я н и н В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. XVIII, 1953, стр. 372—385
Я н и н В. Л. Печати наместников новоторжских. XIX, 1954, стр. 283—292.

8. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

А р т а м о н о в М. И. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. XI, 1949, стр. 305—336.
А р т а м о н о в М. И. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. IV, 1937, стр. 93—132.
Б а д е р О. Н. Могильник в урочище Карабай близ дер. Баланово в Чувашии. VI, 1940, стр. 63—88.
Б а д е р О. Н. Неолитические погребения на Верхней Волге. III, 1937, стр. 217—220.
Б и б и к о в С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. XIII, 1950 стр. 95—138.
Б о р и с к о в с к и й П. И. Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II в 1952 г. XXV, 1956, стр. 173—188.
Г и н з б у р г В. В. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана. XXI, 1954, стр. 379—394.
Д е б е ц Г. Ф. Палеоантропология Африки. (Библиографический обзор.) IV, 1937, стр. 335—340.
Ж и р о в Е. В. Древние ижорские черепа. II, 1937, стр. 151—158.
Ж и р о в Е. В. Костяки из грота Мурзак-коба. V, 1940, стр. 179—186.
Л у н и н Б. В. К вопросу о действительном возрасте «подкумского человека» в свете археологических данных. IV, 1937, стр. 63—90.
О к л а д н и к о в. А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. (Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш). VI, 1940, стр. 5—19.
П е т р о в Г. И. Завершение дискуссии о природе питекантропа. VI, 1940, стр. 316—323.

9. ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Б а д е р О. Н. Могильник в урочище Карабай близ дер. Баланово в Чувашии. VI, 1940, стр. 63—88.
Б а й б у р т я н Е. А. Новые находки каменного века в Армении. III, 1937, стр. 206—208.
Б и б и к о в. С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. XIII, 1950, стр. 95—138.
Б и б и к о в. С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала. XII, 1950, стр. 66—104.
Б о р и с к о в с к и й П. И. Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II и 1952 г. XXV, 1956, стр. 173—188.
В и н о г р а д о в К. Я. Исполинский олень у дер. Ясникольское. III, 1937, стр. 199—203.
В и т т В. О. Лошади Пазырыкских курганов. XVI, 1952, стр. 163—205.
Г о р е ц к и й Г. И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. XVI, 1952, стр. 302—319.
Г р я з н о в М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. XVI, 1952, стр. 129—162.
Д а в ы д о в а А. В. Иволгинское городище. XXV, 1956, стр. 261—300.
З а х а р о в Н. А. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатарейное городище. II, 1937, стр. 229—230.
З б р у е в а А. В. К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье. III, 1937, стр. 33—54.

Иваньев Л. Н. Археологические находки в окрестностях Владивостока. XVI, 1952, ст. 289—298.
Кригер Н. И. Геологические условия залегания ископаемых костей у дер. Ясникольское. III, 1937, стр. 204—205.
Окладников А. П. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии. XI, 1949, стр. 155—170.
Окладников А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. (Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш). VI, 1940, стр. 5—19.
Паничкина М. З. Разведки палеолита на Средней Волге. XVIII, 1953, стр. 233—264.
Пидопличко И. Г. Краткий обзор фауны палеолита УССР. V, 1940, стр. 151—158.
Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. XXIII, 1955, стр. 5—15.
Поликарпович К. М. Новая верхнепалеолитическая стоянка в бассейне р. Десны. (Дер. Юдиново, Погарский район Западной области.) III, 1937, стр. 213—217.
Прокошев Н. А. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье. X, 1948, стр. 183—202.
Равдоникас В. И. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). XI, 1949, стр. 5—54.
Рыгдылон Э. Р. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке. XII, 1950, стр. 287—288.
Сальников К. В. Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. IX, 1947, ср. 221—238.
Сергеев Г. П. Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы (Молдавия). XII, 1950, стр. 203—212.
Синицын И. В. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. XI, 1949, стр. 195—224.
Скалон В. Н. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства. XXV, 1956, стр. 87—105.
Третьяков П. Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. IX, 1947, стр. 61—78.
Цалкин В. И. Домашние и дикие животные из скифского Неаполя. (По материалам раскопок Тавро-Скифской экспедиции). XX. 1954, стр. 253—287.
Шилов В. П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. XXIII, 1955, стр. 228—249.
Янитс Л. И. Новые данные по неолиту Прибалтики. XIX, 1954, стр. 159—204.

10. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА И ТЕХНОЛОГИЯ

Воеводский М. В. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. I, 1936, стр. 51—78.
Грязнов М. П. Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам. VIII, 1946, стр. 306—318.
Гуммель Я. И. О планировке курганов эпохи бронзы в районе Ганджа-чая. I, 1936, стр. 213—214.
Кононов В. Н. Технологическая характеристика тканей из могил Ильмовой пади. VIII, 1946, стр. 69—72.
Ланговая О. Э. Позднеримская амфора из Мирмекия. (Опыт реставрации). VII, 1941, стр. 289—291.
Мансуров А. А. К материалам по изучению химического состава ископаемых металлических изделий. II, 1937, стр. 199—200.
Станкевич. Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. XIV, 1950, стр. 187—216.
Тавадзе Ф. Н. и Баркая В. Ф. Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии. XX, 1954, стр. 357—381.
Чердынцев В. В. Определение абсолютного возраста палеолита. XXV, 1956, стр. 64—86.
Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. XV, 1951, стр. 140—161.

11. PERSONALIA

М В. Воеводский.
Замятнин С. Н. Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского (1903—1948). XII, 1950, стр. 213—216.

В. А. Городцов.
Крупнов Е. И. О жизни и научной деятельности В. А. Городцова. XXV, 1956, стр. 5—12.
В. Е. Данилевич.
Козловская В. Я. Некролог. Памяти проф. В. Е. Данилевича. IV, 1937, стр. 313—315.
С. А. Жебелев.
Гайдукевич В. Ф. Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья. VII, 1941, стр. 7—12.
Список печатных трудов академика Сергея Александровича Жебелева. (Дополнение к списку трудов, изданному в 1926 г.) Составлен Е. Г. Кастанаян. VII, 1941, стр. 13—15.
В. В. Латышев.
От редакции. [О В. В. Латышеве]. XXVIII, 1958, стр. 3—5.
Книпович Т. Н. Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху. XXVIII, 1958, стр. 7—15.
Новосадский Н. И. Об ученых трудах академика Василия Васильевича Латышева. XXVIII, 1958, стр. 5—7.
Есипенко А. Л. В. В. Латышев в Одессе. XXVIII, 1958, стр. 33—36.
Тюменев А. И. В. В. Латышев и история Херсонеса. XXVIII, 1958, стр. 15—33.
Список трудов академика В. В. Латышева. XXVIII, 1958, стр. 36—52.
Н. Я. Марр.
Памяти Н. Я. Марра (1864—1934). IV, 1937, стр. 5—8.
Г. Ф. Осборн.
Петров Г. И. Некролог. Генри Фэрфильд Осборн. II, 1937, стр. 201—202.
М. Савиль.
Мачинский А. В. Некролог. Marshal H. Saville. III, 1937, стр. 229—233.
А. А. Спицын.
Александр Андреевич Спицын. X, 1948, стр. 7—8.
Жебелев С. А. Археолог-энтузиаст. (Памяти А. А. Спицына.) X, 1948, стр. 9—11.
Бич О. И. Архив А. А. Спицына. X, 1948, стр. 21—52.
Список ученых трудов А. А. Спицына. X, 1948, стр. 12—20.
И. В. Сталин.
От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР. XVII, 1953, стр. 3—6.
В. Н. Татищев.
Гурвич Д. М. В. Н. Татищев и русская археологическая наука. XXVI, 1956, стр. 153—164.
А. Ю. Якубовский.
Памяти А. Ю. Якубовского. XIX, 1954, стр. 293—307.

12. ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИИ И ОБЗОРЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Брюсов А. Я. От редакции. [О сессии ОИФ и объединенном пленуме ИИМК и ИЭ АН СССР, посвященных итогам раскопок 1953 г.] XXIV, 1955, стр. 5—6.
Гелах Т. Ф. Политпросветительная работа археологического отдела Музея ИАЭ. I, 1936, стр. 288.
Девель Т. М. Обозрение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР. XII, 1950, стр. 289—336.
Ефименко П. П. и Шовкоплясс И. Г Итоги полевых археологических исследований на территории Украинской ССР в 1951 г. XVII, 1953, стр. 309—319.
Итоги полевых археологических исследований 1951 г. (Сессия Отделения истории и философии и пленум Института истории материальной культуры АН СССР). XVII, 1953, стр. 295—308.
Кац А. Л. Дискуссия о проблемах эллинизма. XXII, 1955, стр. 116—122.
Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов». XVII, 1953, стр. 320—326.
Обсуждение книги А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху». (Издательство Академии наук СССР, М., 1952). XIX, 1954, стр. 311—317.
Паничкина М. З. Обзор археологических находок за 1934—1935 гг. в СССР по газетным сообщениям. II, 1937, стр. 230—241.
Паничкина М. З. Обзор археологических находок по газетным сообщениям в 1934—1935 гг. (Продолжение). III, 1937, стр. 257—270.
Паничкина М. З. Сессия археологической секции Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР. III, 1937, стр. 237—240.
Рабинович Б. [З]. Работа сектора доклассового общества Государственного Эрмитажа в 1935 г. II, 1937, стр. 241—243.

Селиванов В. И. Археологическая работа Государственной академии истории материальной культуры им Н. Я. Марра в 1935 г. II, 1937, стр. 221—227.
Стрелков А. С. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии. II, 1937, стр. 205—215.
Трусова С. А. Пленум комиссии по изучению ископаемого человека Советской секции INQUA. II, 1937, стр. 215—221.
Эрнст Н. Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г. III, 1937, стр. 240—245.

13. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

Амальрик А. С. и Монгайт А. Л. И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М. В. Талицким); Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, IV. Материалы и исследования по археологии СССР, № 27, М., 1952, стр. 226 + 5 таблиц и 1 карта. XIX, 1954, стр. 336—343.
Блаватский В. Д. Культура эллинизма. XXII, 1955, стр. 109—115.
Брунов Н. И., Максимов П. Н. и Чиняков А. Г. Крепостные сооружения древней Руси. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. II. Материалы и исследования по археологии СССР, № 31, М., 1952. XX, 1954, стр. 399—409.
Веловейский Ежи. Hans Jürgen Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. I. Hamburg, 1951. XXVII, 1957, стр. 310—323.
Воробьев М. В. и Итс Р. Ф. Работы китайских археологов. Обзор сборников «Тянье каогу баогао» (№ 1, 1936) и «Чжунго каогу сюэбао» (№ 2—4, 1947—1949, Шанхай). XXI, 1954, стр. 430—458.
Замятнин С. Н. Первая русская инструкция для раскопок. (Находка костей «волота» в 1679 г.). XIII, 1950, стр. 287—291).
Зельин К. К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма. XXII, 1955, стр. 99—108.
Иессен А. А. Д. Н. Лев. К истории горного дела. I, 1936, стр. 302—305.
Клейн Л. С. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. XXII, 1955, стр. 257—272.
Кропоткин В. В. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. Материалы и исследования по археологии СССР, № 34, М., 1953. XXV, 1956, стр. 345—348.
Кушнарева К. Х. и Шилов В. П. Материалы и исследования по археологии СССР Института истории материальной культуры, № 23 под ред. Е. И. Крупнова, М.—Л., 1951. XXI, 1954, стр. 403—414.
Кызласов Л. Р. и Смирнов К. Ф. С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. (Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1952, стр. 258.) XIX, 1954, стр. 328—335.
Лихачев Д. С. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). (Издательство Академии наук СССР, М., 1953, стр. 68). XIX, 1954, стр. 318—327.
Лихачев Д. С. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. (Издательство Академии наук СССР. М., 1954, 91 стр.). XXVII, 1957, стр. 324—332.
Лунин Б. В. Н. И. Березин. Справочник по палеолиту СССР. III, 1937, стр. 271—273.
Максимова М. И. «Археология и история Боспора». (Сборник статей, Крымиздат, 1952, 252 стр.). XXI, 1954, стр. 397—402.
Максимова М. И. М. М. Кобылина. Аттическая скульптура VII—V вв. до н. э. (Изд. МГУ, 1953.) XXIV, 1955, стр. 319—323.
Мандельштам А. М. О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане. XXI, 1954, стр. 415—429.
Мачинский А. В. Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки. I, 1936, стр. 291—302.
Меликсет-Бек Л. М. К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Результаты работы археологической экспедиции Академии наук Арм. ССР 1937—1950 гг. (Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1952, на арм. яз.). XXV, 1956, стр. 349—356.
Мелюкова А. И. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы. (Критический обзор). XXII, 1955, стр. 239—253.
Мерперт Н. Я. Вопросы происхождения булгар в книге А. П. Смирнова «Волжские булгары». XVII, 1953, стр. 274—284.
Моора Х. А. М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. № 29, М., 1952. XX, 1954 стр. 386—390.

Москаленко А. Н. А. Ф. Шоков. Скифы на Среднем Дону. (Воронежское областное книгоиздательство, Воронеж, 1952.) XIX, 1954, стр. 344—347.
Мухамедьяров. Ш. Ф. А. П. Смирнов. Волжские булгары. (Труды ГИМ, вып. XIX, М., 1951.) XVII, 1953, стр. 260—273.
Окладников. А. П. Новые сведения по археологии и истории Приамурья. (Записки Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения, т. 2, Благовещенск, 1953). XXII, 1955, стр. 254—256.
Петров Г. И. Завершение дискуссии о природе питекантропа. VI, 1940, стр. 316—323.
Погребова Н. Н. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов. (По поводу статей А. П. Манцевич). XVII, 1953, стр. 285—291.
Рикман Э. А. и Полевой Л. Л. К. Горедт. Славянская керамика Трансильвании. XXIV, 1955, стр. 324—332.
Руденко С. И. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок. XXVII, 1957, стр. 301—306.
Формозов А. А. С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. (Изд. Академии наук Арм. ССР, Ереван, 1954.) XXVII, 1957, стр. 307—309.
Цветаева Г. А. Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. (Учпедгиз, М., 1952, 186 стр.). XX, 1954, стр. 410—416.
Чебоксаров Н. Н. А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, т. V. Материалы и исследования по археологии СССР, № 30, М., 1952. XX, 1954, стр. 391—398.
Якобсон А. Л. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы. XXIX-XXX, 1959, стр. 108—113.
Янин В. Л. Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. (Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1954.) XXV, 1956, стр. 357—365.

14. БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеева Е. П. Документы по археологии, хранящиеся в фондах ЦГИАЛ. XV, 1951, стр. 345—349.
Винберг Н. А. Указатели (именной, географический и предметный) к сборникам «Советская археология», I—X. X, 1948, стр. 321—384.
Винберг Н. А. и Ечеистова В. Б. Советская археологическая литература за 1950 г. XVII, 1953, стр. 329—373.
Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1951 г. XIX, 1954, стр. 351—400.
Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1952 г. XXII, 1955, стр. 275—319.
Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1953 г. XXVII, 1957, стр. 335—381.
Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1954 г. XXIX-XXX, 1959, стр. 297—345.
Дашевская О. Д. Алфавитный и систематический указатели статей, помещенных в сборниках «Советская археология», I—XXIX-XXX. XXIX-XXX, 1959, стр. 346—403.
Дебец Г. Ф. Палеоантропология Африки. (Библиографический обзор.) IV, 1937, стр. 335—340.
Иваньев Л. Н. Литература по археологии советского Дальнего Востока. (Опыт библиографического указателя.) XVIII, 1953, стр. 445—477.
Издания Института археологии АН УССР. («Археологія», т. I, 1947; т. II, 1948; т. III, 1950; т. IV, 1950; т. V, 1951; Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, 1949; т. II, 1949.) XVII, 1953, стр. 251—259.
Перечень статей, помещенных в сборниках «Советская археология», XI—XIX. XX, 1954, стр. 418—423.
Перечень статьей помещенных в сборниках «Советская археология», XX—XXXI-XXX. XXIX-XXX, 1958, стр. 397—403.
Список печатных трудов академика Сергея Александровича Жебелева. (Дополнение к списку трудов, изданному в 1926 г.) Составлен Е. Г. Кастанаян. VII, 1941, стр. 13—15.
Список трудов академика В. В. Латышева. XXVIII, 1958, стр. 36—51.
Список ученых трудов А. А. Спицына. X, 1948, стр. 12—20.

15. АРХЕОЛОГИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Блаватский В. Д. Акарнанские бронзы Лисиппа. VII, 1941, стр. 189—198.
Борисковский П. И. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. I. XXVII, 1957, стр. 29—70.

Борисковский П. И. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. II. XXIX-XXX, 1959, стр. 5—41.
Веловейский Ежи. Hans Jürgen Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. I Hamburg, 1951. XXVII, 1957, стр. 310—323.
Воробьев М. В. и Итс Р. Ф. Работы китайских археологов. Обзор сборников «Тянье каогу баогао» (№ 1, 1936) и «Чжунго каогу сюэбао» (№ 2—4, 1947—1949, Шанхай). XXI, 1954, стр. 430—458.
Гримм П. Обзор раскопок, произведенных в Германской Демократической Республике за последние годы. XXIV, 1955, стр. 172—183.
Дебец Г. Ф. Палеоантропология Африки. (Библиографический обзор.) IV, 1937, стр. 335—340.
Зиберт Э. В. Археологические находки на Аляске. II, 1937, стр. 228—229.
Итс Р. Ф. Культуры Яншао и Лунань и их соотношение. (По материалам раскопок в Китае.) XXIV, 1955, стр. 98—118.
Каждан А. П. Византийские города в VII—XI вв. XXI, 1954, стр. 164—188.
Лурье И. М. Город Тель-Эль-Амарна. II, 1937, стр. 161—185.
Любин В. П. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества. XXVII, 1957, стр. 71—90.
Мавродинов Н. П. Раскопки и исследования в Болгарии за последние годы. XXIV, 1955, стр. 121—154.
Максимова М. И. Античные архитектурные сады Италии. VII, 1941, стр. 199—219.
Мандельштам А. М. О некоторых результатах работ Французской археологической миссии в Афганистане. XXI, 1954, стр. 415—429.
Мачинский А. В. Археологическая мексиканская коллекция. V, 1940, стр. 305.
Мачинский А. В. Две новых псевдопалеолитических находки в Америке. V, 1940, стр 305.
Мачинский А. В. Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки. I, 1936, стр. 291—302.
Мелюкова А. И. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы. (Критический обзор.) XXII, 1955, стр. 239—253.
Петров Г. И. Завершение дискуссии о природе питекантропа. VI, 1940, стр. 316—323.
Семенов С. А. Древнейшие каменные серпы. XXI, 1954, стр. 355—367.
Сергеенко М. Е. Пахота в древней Италии. VII, 1941, стр. 220—230.
Станчев С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры. XXVII, 1957, стр. 107—132.
Стрелков А. С. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии. II, 1937, стр. 205—215.
Хенсель В., Гейштор А., Маевский К. Польские археологические исследования последних лет. XXIV, 1955, стр. 155—171.
Штефан Г. Археологические исследования на территории Румынской Народной Республики в 1954 году. XXIX-XXX, 1959, стр. 287—294.

16. РАЗНОЕ

Доватур А. И. Аристотель, фрагмент 611, 24. (Поправка к тексту.) XXVIII, 1958, стр. 140—145.
Удальцова З. В. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания. XXVIII, 1958, стр. 317—332.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В СБОРНИКАХ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ», XX — XXIX-XXX

XX

Статьи и доклады

М. К. Каргер (Ленинград). Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг.
В. Д. Блаватский (Москва). Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья.
А. М. Мандельштам (Сталинабад). О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье.
И. К. Свешников (Львов). Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни.
С. С. Сорокин (Ленинград). Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы.
Д. И. Блифельд (Киев). К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднестровья IX—X вв.

Материалы и сообщения

К. Х. Кушнарева (Ленинград). Памятники медного века в Нагорном Карабахе.
О. Н. Бадер (Москва). Стоянка Бор II и прединаньинское время в Прикамье.
К. В. Сальников (Свердловск). Андроновские поселения Зауралья.
В. И. Цалкин (Москва). Домашние и дикие животные из скифского Неаполя. (По материалам раскопок Тавро-Скифской экспедиции.)
Н. А. Береговая (Ленинград). Археологические находки на о. Четырёхстолбовом (Медвежьи острова к северу от устья р. Колымы).
П. А. Раппопорт (Ленинград). Холм.
В. И. Марковин (Махачкала). Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР.
О. В. Милорадович (Москва). Кабардинские курганы XIV—XVI вв.
Ф. Н. Тавадзе и В. Ф. Баркая (Тбилиси). Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии.

Критические статьи и рецензии

Х. А. Моора (Тарту). М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 29, М., 1952.
Н. Н. Чебоксаров (Москва). А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья т. V. Материалы и исследования по археологии СССР, № 30, М., 1952.
Н. И. Брунов, П. Н. Максимов, А. Г. Чиняков (Москва). Крепостные сооружения древней Руси. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. II. Материалы и исследования по археологии СССР, № 31, М., 1952.
Г. А. Цветаева (Москва). Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952.

Список сокращений.

Перечень статей, помещенных в сборниках «Советская археология», XI—XIX.

XXI

Статьи

А. П. Окладников (Москва). Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований.
П. И. Борисковский (Ленинград). Вопросы периодизации палеолита.
А. А. Формозов (Москва). Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР.
К. В. Сальников (Свердловск). Абашевская культура на Южном Урале.
Х. А. Моора (Тарту). Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных.
Д. Б. Шелов (Москва). К истории керамического производства на Боспоре.
К. В. Тревер (Ленинград). Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. (К истории народов Средней Азии.)
А. Л. Якобсон (Ленинград). Византия в истории раннесредневековой Таврики.
А. П. Каждан (Москва). Византийские города в VII—XI вв.
П. Г. Спасский (Ленинград). Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые мордовки.

Материалы

О. П. Бадер (Москва). Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере.
В. Ф. Генинг (Казань). Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере.
М. И. Максимова (Ленинград). Серебряное зеркало из Келермеса.
В. М. Скуднова (Ленинград). Скифские памятники из Нимфея.
Е. И. Леви (Ленинград). К вопросу об Ольвийской агоре.
С. Н. Орлов (Новгород). Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги.
С. А. Семенов (Ленинград). Древнейшие каменные серпы.
Б. А. Шелковников (Ленинград). Китайская керамика из раскопок средневековых городов и поселений Закавказья.
В. В. Гинзбург (Ленинград). Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана

Рецензии и обзоры

Археология и история Боспора. Сборник статей. Крымиздат, 1952, 252 стр. М. И. Максимова.
Материалы и исследования по археологии СССР Института истории материальной культуры Академии наук СССР, № 23. К. Х. Кушнарева и В. П. Шилов.

XXII

Статьи

Р. М. Мунчаев (Махачкала). Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита.
Т. Б. Попова (Москва). Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры.
Г. Ф. Корзухина (Ленинград). К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.
Л. П. Яблонин (Москва). О «татарских» курганах.

Дискуссия о проблемах эллинизма

К. К. Зельин (Москва). Некоторые основные проблемы истории эллинизма.
В. Д. Блаватский (Москва). Культура эллинизма.
А. Л. Кац (Фрунзе). Дискуссия о проблемах эллинизма.

Материалы и публикации

Ю. В. Кухаренко (Москва). Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. (По материалам раскопок Днепрострoевской археологической экспедиции.)
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Могильник близ г. Стерлитамака.
Э. Р. Рыгдылон (Иркутск). Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области.

С. Н. Орлов (Новгород). Сопки волховского типа около Старой Ладоги. (Из материалов Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.)
В. Н. Лазарев (Москва). Новгородская живопись последней трети XIV в. и Феофан Грек.

Критика и библиография

А. И. Мелюкова (Москва). К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы. (Критический обзор).
А. П. Окладников (Ленинград). Новые сведения по археологии и истории Приамурья (Записки Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения, т. 2, Благовещенск, 1953).
Л. С. Клейн (Ленинград). Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР.

Приложения

Н. А. Винберг и Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1952 г.
Алфавитный указатель авторов.
Указатель археологических памятников.
Список сокращений.

XXIII

Статьи

Б. Б. Пиотровский (Ленинград). Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье.
А. Д. Столяр (Ленинград). Мариупольский могильник как исторический источник. (Опыт историко-культурного анализа памятника.)
Н. Л. Членова (Москва). О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири.
Н. Н. Бондарь (Киев). Торговые сношения Ольвии со Скифией VI—V вв. до н. э.
Е. В. Махно (Киев). Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье.
В. А. Шишкин (Ташкент). Варахша. (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.)
Н. Я. Мерперт (Москва). Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.
Б. А. Шелковников (Ленинград). Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями.

Материалы и публикации

А. О. Мнацаканян (Ереван). Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан.
В. Д. Блаватский (Москва). О пантикапейской весовой системе.
М. И. Трапш (Сухуми). Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг.
В. П. Шилов (Ленинград). Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам в 1952 г.
К. А. Раевский (Ленинград). Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра — Днестра в I тысячелетии н. э.
М. Р. Полесских (Пенза). Завальские писаницы.
Г. А. Чернов (Ленинград). Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре.
А. Л. Монгайт (Москва). Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа.
П. В. Холостенко (Киев). Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры.
Список сокращений.

XXIV

Статьи и доклады

От редакции
А. И. Тереножкин (Киев). К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время.
В. Д. Блаватский (Москва). О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями.
А. А. Передольская (Ленинград). К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница.
И. Т. Кругликова (Москва). Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму.
В. Е. Вихров и Б. А. Колчин (Москва). Из истории торговли древнего Новгорода.
Р. Ф. Итс (Ленинград). Культуры Яншао и Лушань и их соотношение.

Материалы и публикации

Н. Д. Мавродинов (Болгария). Раскопки и исследования в Болгарии в последние годы.
В. Хенсель, А. Гейштор, К. Маевский (Польша). Польские археологические исследования последних лет.
П. Гримм (ГДР). Обзор раскопок, произведенных в Германской Демократической Республике за последние годы.
Х. И. Крис (Москва). Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая.
Р. Л. Кызласов (Москва). Сырский чаа-тас.
Г. Д. Белов (Ленинград). Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг.
Э. А. Симонович (Москва). Памятники черняховской культуры степного Поднепровья.

Рецензии

М. И. Максимова (Ленинград). М. М. Кобылина. Аттическая скульптура VII—V вв. до н. э. М., 1953.
Э. А. Рикман и Л. Л. Полевой (Кишинев). К. Горедт. Славянская керамика Трансильвании.
Список сокращений.

XXV

Статьи

Е. И. Крупнов (Москва). О жизни и научной деятельности В. А. Городцова.
Д. А. Крайнов (Углич). Жилища Тимоновской палеолитической стоянки (по раскопкам В. А. Городцова).
А. Я. Брюсов (Москва). Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. (Производительные силы и производственные отношения в эпоху неолита.)
В. В. Чердынцев (Алма-Ата). Определение абсолютного возраста палеолита.
В. Н. Скалон (Иркутск). Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства.
М. Т. Гембарович (Львов). К вопросу о значении трипольских женских статуэток.
Н. Н. Бондарь (Киев). Торговые сношения Ольвии со Скифией в IV—I вв. до н. э.
Г. Ф. Соловьева (Москва). Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне).

Материалы

П. И. Борисковский (Ленинград). Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II в 1953 году.
К. В. Сальников (Свердловск). Исетские древние поселения. (По материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году.)
М. И. Максимова (Ленинград). Ритон из Келермеса.

И. Т. Кругликова (Москва). Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря.
А. В. Давыдова (Ленинград). Иволгинское городище. (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье).
М. А. Тиханова (Ленинград). Борочицкий клад.
Г. Ф. Корзухина (Ленинград). Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве.
Приложение.

Рецензии

В. В. Кропоткин (Москва). Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). МИА, № 34, 1953.
Л. М. Меликсет-Бек (Тбилиси). К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Результаты работ археологической экспедиции Академии наук Арм. ССР 1937—1950 гг. Изд. Академии наук Арм. ССР. Ереван, 1952.
В. Л. Янин (Москва). Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1954.
Список сокращений.

XXVI

Статьи

А. Я. Брюсов (Москва). Археологические культуры и этнические общности.
П. П. Ефименко (Ленинград). К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. (О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа).
А. П. Окладников (Ленинград). Приморье в I тысячелетии до нашей эры. (По материалам поселений с раковинными кучами).
С. С. Сорокин (Ленинград). Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения.
Б. Н. Аракелян (Ереван). Развитие ремёсел и товарного производства в Армении в IX—XIII веках.
Д. М. Гурвич (Ленинград). В. Н. Татищев и русская археологическая наука.

Материалы

Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов (Москва). Памятники эпохи бронзы в Дагестане. (Курганная группа у станции Манас).
С. А. Семенов (Ленинград). Обработка дерева на древнем Алтае. (По материалам Пазырыкских курганов).
А. Э. Берзин (Москва). О линейных мерах Боспора.
Т. М. Минаева (Ставрополь). Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии.
Э. А. Сымонович (Москва). Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры.
Н. В. Холостенко (Киев). Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954 гг.).
Список сокращений.

XXVII

Статьи

А. Я. Брюсов (Москва). К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы.
А. Я. Брюсов (Москва). О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе.
П. И. Борисковский (Ленинград). Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы.
В. П. Любин (Ленинград). Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества.
Н. И. Сокольский (Москва). Валы в системе обороны Европейского Боспора.
С. Р. Станчев (Болгария). Новый памятник ранней болгарской культуры.

Материалы и доклады

К. Х. Кушнарева (Ленинград). Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе.
А. А. Щепинский (Симферополь). Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя.

К. В. Сальников (Свердловск). Кипельское селище.
К. Ф. Смирнов (Москва). О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье.
Т. Н. Троицкая (Симферополь). Погребение у с. Белоглинки.
В. А. Ильинская (Киев). Памятники скифского времени в бассейне р. Псёл.
А. А. Гаврилова (Ленинград). Раскопки второго Катандинского могильника.
Г. А. Ломтатидзе (Тбилиси). Некоторые итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии.
К. В. Голенко (Москва). Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н. э.

Критические статьи и рецензии

С. И. Руденко (Ленинград). К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок.
А. А. Формозов (Москва). С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. Изд. Академии наук Арм. ССР. Ереван, 1954.
Ежи Веловейский (Польша). Hans Jürgen Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. I. Hamburg, 1951.
Д. Лихачев (Ленинград). А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. Изд. АН СССР. М., 1954, 91 стр.

Библиография

И. А. Винберг и Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1953 г.
Указатели археологических памятников и авторов, упоминаемых в археологической литературе за 1953 г. Список сокращений.

XXVIII

От редакции
Н. И. Новосадский (Москва). Об ученых трудах академика Василия Васильевича Латышева.
Т. Н. Книпович (Ленинград). Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху.
А. И. Тюменев (Ленинград). В. В. Латышев и история Херсонеса.
А. Л. Еспенко (Одесса). В. В. Латышев в Одессе.
И. А. Винберг (Ленинград). Список трудов академика В. В. Латышева.
И. А. Винберг (Ленинград). Материалы по биографии В. В. Латышева.
В. И. Абаев (Москва). Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний.
Н. В. Анфимов (Краснодар). Племена Прикубанья в сарматское время.
А. А. Белецкий (Киев). О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях.
З. А. Биллимович (Ленинград). Граффито на чернолаковом килике.
О. И. Бич (Ленинград). Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г.
Т. В. Блаватская (Москва). Горгиппийская манумиссия 67 г. н. э.
В. Д. Блаватский (Москва). Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э.
М. Ф. Болтенко (Одесса). Канкит ольвийского декрета в честь Протогена.
А. И. Болтунова (Москва). Надпись под статуей из Горгиппии.
А. И. Вощинина (Ленинград). Статуэтка девочки из Ольвии.
В. Ф. Гайдукевич (Ленинград). Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях.
А. М. Гилевич (Севастополь). Новый клад монет из окрестностей Херсонеса.
А. И. Доватур (Ленинград). Аристотель, фрагмент 611, 24. (Поправка к тексту).
Л. Н. Казаманова (Москва). К вопросу о «котлах» и «треножниках» в критских архаических надписях.
П. О. Карышковский (Одесса). Утерянная ольвийская надпись.
Т. Н. Книпович (Ленинград). Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг.
М. М. Кобылина (Москва). Мастерская коропласта в Пантикапее.
К. М. Колобова (Ленинград). К вопросу о награждении пантикапейца золотым кольцом.
В. В. Кропоткин (Москва). Из истории средневекового Крыма. (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы).
И. Т. Кругликова (Москва). Новые данные об исторической географии крымского побережья Азовского моря.

Е. И. Л е в и (Ленинград). К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. (По эпиграфическим памятникам агоры).
М. И. М а к с и м о в а (Ленинград). Фрагмент костяного перстня из Ольвии.
И. Л. М а я к (Москва). О запрещении вакханалий в Риме.
Н. П. Р о з а н о в а (Москва). Эллинская надпись из раскопок Патрэя 1949 г.
А. М. Р е м е н н и к о в (Казань). Античные и византийские авторы о войнах племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э.
Л. М. С л а в и н (Киев). Ольвия как город в VI—I вв. до н. э.
Н. И. С о к о л ь с к и й (Москва). К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э.
Э. И. С о л о м о н и к (Симферополь). Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса.
З. В. У д а л ь ц о в а (Москва). Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии.
Д Б. Ш е л о в (Москва). К истории связей эллинистического Боспора с Родосом.
Список сокращений.

XXIX-XXX

С т а т ь и

П. И. Б о р и с к о в с к и й (Ленинград). Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. II.
В. Д. Б л а в а т с к и й (Москва). О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э.
И. И. Л я п у ш к и н (Ленинград). К вопросу о памятниках волынцевского типа.
Э. А. С ы м о н о в и ч (Москва). Об единстве и различиях памятников черняховской культуры.
А. Л. Я к о б с о н (Ленинград). К вопросу о локализации средневекового города Фуллы.
Ю. Н. З а х а р у к (Львов). О так называемой волынской группе культуры линейно-ленточной керамики.
Г А. П у г а ч е н к о в а (Ташкент). Маргианская богиня. (Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции).

М а т е р и а л ы и п у б л и к а ц и и

А. А. Ф о р м о з о в (Москва). Мустьерская стоянка Кабази в Крыму. (Первый опыт изучения погребенных пещер в СССР).
Д. Я. Т е л е г и н (Киев). Неолитические памятники среднего течения Северного Донца.
К. В. С а л ь н и к о в (Свердловск). Раскопки у села Ново-Бурино (1948 год).
Э. Р. Р ы г д ы л о н (Иркутск). Писаницы близ озера Шира.
М. М. К у б л а н о в (Ленинград). К истории азиатского Боспора. (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан).
В. В. В е с е л о в (Керчь). Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова.
А. И. Б о л т у н о в а (Москва). Фрагмент мраморной плиты, найденной на Змеином мысу. (Приложение к статье В. В. Веселова).
В. М. С к у д н о в а (Ленинград). Из неизданных материалов Ольвии VI—I вв. до н. э.
М. Г. Р а б и н о в и ч (Москва). Крепость и город Тушков.
Г. Ш т е ф а н (Румынская Народная Республика). Археологические исследования на территории Румынской Народной Республики в 1954 году.

П р и л о ж е н и е

И. А. В и н б е р г и Т. Н. З а д н е п р о в с к а я (Ленинград). Советская археологическая литература за 1954 год.
И. А. В и н б е р г и Т Н. З а д н е п р о в с к а я. Указатели к советской археологической литературе за 1954 г.
О. Д. Д а ш е в с к а я (Москва). Алфавитный и систематический указатели статей, помещенных в сборниках «Советская археология», I—XXIX-XXX.
Перечень статей, помещенных в сборниках «Советская археология», XX—XXIX-XXX.
Список сокращений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АК — Археологическая комиссия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
Арх. СССР — Архитектура СССР
АС — Археологический съезд
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВАНКазССР — Вестник Академии наук Казахской ССР
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВАН УРСР — Вісник Академії наук УРСР
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВМУ — Вестник Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
ВС — Вокруг света
ВУАК — Всеукраинський археологичний комітет
ВФ — Вопросы философии
ВЭ — Вопросы экономики
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР
ДАНАзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ДАНТаджССР — Доклады Академии наук Таджикской ССР
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗС — Знание — сила
ЗУдмИИЯЛФ — Записки (Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и фольклора)
ЗХакасНИЯЛИ — Записки (Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории)
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАНАзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИАНАрмССР — Известия Академии наук Армянской ССР
ИАНКазССР — Известия Академии наук Казахской ССР
ИАНЛатвССР — Известия Академии наук Латвийской ССР
ИАНСССР — Известия Академии наук СССР
ИАНТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИАНУзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР
ИАНЭстонССР — Известия Академии наук Эстонской ССР
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИВоронПИ — Известия Воронежского педагогического института
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИКирФАНСССР — Известия Киргизского филиала Академии наук СССР
ИКомиФВГО — Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества
ИКрымОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР
ИМолдавФАНСССР — Известия Молдавского филиала Академии наук СССР
ИООНАНТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР
Ист Пр — Исторически преглед
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии

КСИА — Краткие сообщения Института археологии (Академия наук УССР)
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая
ЛГУ — Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МГПИ — Московский государственный педагогический институт
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МП — Московский пропагандист
НЗКиївУ — Наукові записки (Київський державний університет ім Т. Г. Шевченка)
НЗУжгДУ — Наукові записки (Ужгородський державний університет)
НМ — Новый мир
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИШ — Преподавание истории в школе
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РАО — Российское археологическое общество
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САНГрузССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
САрх — Советская архитектура
СВ — Советское востоковедение
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СИИИ — Сообщения Института истории искусств
СЭ — Советская этнография
ТАбхазИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы и истории
ТАНТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
ТЕИМ — Труды Естественно-исторического музея им. Зардаби
ТИГКирФАНСССР — Труды Института геологии (Киргизский филиал Академии наук СССР)
ТИИФАНАзССР — Труды Института истории и философии (Академия наук Азербайджанской ССР)
ТИркУ — Труды Иркутского университета
ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
ТИЯАНГрузССР — Труды Института языкознания Академии наук Грузинской ССР
ТКомиФАНСССР — Труды Коми филиала Академии наук СССР
ТКрымМИ — Труды (Крымский медицинский институт)
ТЛенТИ — Труды Ленинградского технологического института имени М. В. Ломоносова
ТМИУзССР — Труды Музея истории Узбекской ССР
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
ТЧеркесНИИ — Труды Черкесского научно-исследовательского института
УЗИС — Ученые записки Института славяноведения
УЗКабНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института при Совете министров Кабардинской АССР
УЗКазУ — Ученые записки Казанского университета
УЗЛГУ — Ученые записки (Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова).
УЗЛПИ — Ученые записки (Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена)
УЗМарИЯЛИ — Ученые записки (Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории)
УЗМГУ — Ученые записки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
УЗСаратГУ — Ученые записки (Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
УЗТомПИ — Ученые записки (Томский педагогический институт)
УЗТувИЯЛИ — Ученые записки (Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории)
ЭВ — Эпиграфика Востока
AA — Archäologischer Anzeiger
AM — Mittheilungen des Deutschen Archaelogischen Instituts, Athaenische Abtheilung
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
CAH — The Cambridge Ancient History
RE — Pauly-Wissowa-Kroll-Mittelhaus, Real Enciclopädie

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

П. И. Борисковский (Ленинград). Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. II 5

В. Д. Блаватский (Москва). О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. 42

И. И. Ляпушкин (Ленинград). К вопросу о памятниках волынцевского типа 58

Э. А. Сымонович (Москва). Об единстве и различиях памятников черняховской культуры 84

А. Л. Якобсон (Ленинград). К вопросу о локализации средневекового города Фуллы 108

Ю. Н. Захарук (Львов). О так называемой волынской группе культуры линейно-ленточной керамики 114

Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Маргианская богиня. (Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции) 119

Материалы и публикации

А. А. Формозов (Москва). Мустьерская стоянка Кабази в Крыму. (Первый опыт изучения погребенных пещер в СССР) 143

Д. Я. Телегин (Киев). Неолитические памятники среднего течения Северного Донца 159

К. В. Сальников (Свердловск). Раскопки у села Ново-Бурчно (1948 год) 172

Э. Р. Рыгдылон (Иркутск). Писаницы близ озера Шира 186

М. М. Кубланов (Ленинград). К истории азиатского Боспора. (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан) 203

В. В. Веселов (Керчь). Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова 227

А. И. Болтунова. Фрагмент мраморной плиты, найденной на Змеином мысу. (Приложение к статье В. В. Веселова) 245

В. М. Скуднова (Ленинград). Из неизданных материалов Ольвии VI—I вв. до н. э. 248

М. Г. Рабинович (Москва). Крепость и город Тушков 263

Г. Штефан (Румынская Народная Республика). Археологические исследования на территории Румынской Народной Республики в 1954 году 287

Приложение

Н. А. Винберг и Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1954 год 297

Н. А. Винберг и Т. Н. Заднепровская. Указатели к советской археологической литературе за 1954 г. 337

О. Д. Дашевская (Москва). Алфавитный и систематический указатели статей, помещенных в сборниках «Советская археология»; I—XXIX-XXX 346

Перечень статей, помещенных в сборниках «Советская археология», XX—XXIX-XXX 397

Список сокращений 404

Советская археология в. XIX-XXX

Утверждено к печати
Институтом истории
материальной культуры
Академии наук СССР

Редактор издательства *М. К. Трофимова*
Технический редактор *Т. А. Прусакова*

•

РИСО АН СССР № 129-84В. Сдано в набор 1/III 1958 г.
Подписано к печати 24/I 1959 г.
Формат бум. $70\times108^1/_{16}$. Печ. л. 25,5 = 34,93+1 вкл.
Уч.-изд. л. 36,1+0,1 вкл. Тираж 1600 экз. Т-00265.
Изд. № 2115. Тип. зак. № 1008.

Цена 21 руб. 75 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
60	24 св.	«поле погребений	«поля погребений
301	14 св.	Абасадзе Ц. К.	Абесадзе Ц. К.
332	16 сн.	глубин	глубины

«Советская Археология», XXIX— XXX